

Валерий
ЗОЛОТУХИН

ТАГАНСКИЙ ДНЕВНИК

Роман

Валерий Золотухин

ТАГАНСКИЙ ДНЕВНИК

Роман

Книга 2

Москва
ОЛМА-ПРЕСС
Авантитул
2002

ББК 85.334.3 (2)
3 813

Охраняется законом об авторском праве.
Воспроизведение данной книги целиком или любого его
фрагмента возможно только с письменного разрешения
Издательского Дома «Авантитул»

Золотухин В. С.
3 813 Таганский дневник. В 2-х кн. Кн. 2 — М.: ОЛМА-
ПРЕСС: Авантитул, 2002. — 447 с.
ISBN 5-224-03178-8
ISBN 5-224-03283-0 (Кн. 2)

В «Таганском дневнике» Валерия Золотухина отражено сорок лет жизни Театра на Таганке. Это уникальное и наиболее полное издание будет интересно самому широкому кругу читателей как роман о жизни, смерти, любви, славе, человеческих страстях, дружбе и предательстве, где действующие лица — известнейшие актеры, режиссеры, писатели и поэты — В. Высоцкий, Ю. Любимов, А. Эфрос, Л. Филатов, Н. Губенко, А. Демидова, Ю. Нагибин, Б. Полевой, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина и другие...

ББК 85.334.3 (2)

ISBN 5-224-03178-8
ISBN 5-224-03283-0 (Кн. 2)

© Золотухин Валерий, текст, 2002
© Краснопольский Валерий, составление,
2002
© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2002
© Издательский Дом «Авантитул», 2002

В границах нежности

Чтобы попасть в административную часть театра, нужно пройти за бархатом кулис, через новую сцену, пробраться в темноте, и сделать это сложно без опасения не споткнуться или не врезаться во что-нибудь лбом... И всякий раз, пробираясь через это закулирье, я жду, что меня окликнет из зала дорогой голос: «Валерочка, ты знаешь, я подумал...»

Нет, не окликнул. И не окликнет завтра. «Господа, прошу разъезд! У нас несчастье. Войдите в положение, господа! Разъезд, господа. Спектакль окончен». Это из булгаковского «Мольера»...

Он лежит рядом с Арбузовым и Трифоновым там, на Кунцевском кладбище. «Что же явилось причиной его смерти? Немилости короля? Черная Кабала?..» Обо всем этом необходимо думать. И очень хочется поругаться. Но при взгляде на деятельность смежных союзов, на выступления некоторых писателей — берет оторопь. Статьи, похожие на гнусные доносы... Не хочется.

Алла Демидова написала, с моей точки зрения, статью и умную, и слогом достойную. И я-то знаю, как она относилась к Эфросу! И вдруг нажила себе массу врагов — защитников Анатолия Васильевича. Не надо — Эфроса от нас защищать! Ни в вашей, ни в нашей защите он не нуждается, поскольку вся защита лежит в его творчестве.

Как возразить новому главному режиссеру, который заявляет, что театр болеет, что нужно вернуться к прежним ценностям? Что такое возврат к ценностям прошлого? Попытка повторить почерк другого мастера? Возможно ли? Нужно ли? Время мастера ушло вместе с мастером. В искусстве ценности творятся каждый раз заново...

И потом, что все это означает? Пришел Эфрос и зачеркнул прежние ценности? Снял любимые зрителем спектакли и насадил свою эстетику? Спектакли сняты были не по вине Эфроса, а вот «Дом на набережной» восстановлен исключительно по его инициативе. Эфрос на своих спектаклях не сидел, а восстановленный «Дом на набережной» весь смотрел с публикой из зала и сказал, что это выдающееся произведение. А многое на Таганке не принимал. Когда я по поручению труппы обратился к нему с

просьбой о восстановлении «Мастера и Маргариты», он ответил: «Пусть восстанавливают, если хотят, но доведи до сведения трупы, что спектакль мне — по искусству — не нравится». Да, Эфрос считал «Мастера и Маргариту» спектаклем поверхностным, художественно не принимал его. И тем не менее отдал распоряжение о его восстановлении. Он умел считаться с чужим мнением, не скрывая никогда, однако, своего. Но открыто высказывая нам свои суждения о спектаклях, он никуда не предавал их гласности ни в публичных выступлениях, ни в печати. Почему? Можно ответить так: по душевному благородству. Если не понятно, объясню иначе — он не хотел нанести хотя бы косвенный вред своим мнением другому человеку. Эфрос всегда уважал талант художника вне зависимости от личных отношений и личностных оценок. И предпочитал тысячу раз взвешивать и проверять, прежде чем оформить свое мнение на бумаге, сделать его документом.

Его собственный путь пролегал в другую сторону, к другому Театру. Эфросу органически, физически стала противна всякая шумиха, театральщина, показуха на сцене, так называемая «острота форм». Он через все это давно прошел и оставил позади. Ему стоило огромных усилий, и здоровья в том числе, чтобы удержать нас в «Мизантропе» от поисков внешних эффектов и приспособлений. Все внимание Анатолий Васильевич сосредоточил на актере, на виртуозности диалога, на фантастических амплитудах монолога. И — никаких ошарашиваний зрителя... Я говорил ему: «Скучно!» Он отвечал: «Я не знаю, что такое скучно. В зале всегда найдется три, пять, двадцать пять человек, которым это интересно. Вы развратили московскую публику. Да и Бронная, и другие театры много потрудились для этого. Публика стала ходить в театр, чтобы ее чем-то ошарашивали, возбуждали, дразнили. А если публика этого не получала, то уходила неудовлетворенная и брюзжала: Таганка стала не та и т.д. Таганка начинала: был „Добрый человек“... Слова „сочетание острейшей формы с острейшим содержанием“ имели смысл. Но довольно скоро Таганка поняла, что надо публике: чтоб было против начальства да позадиристей. А начальство — это власть, любая власть. И пошло — от политики к политиканству...»

Эти мысли Анатолий Васильевич высказывал в частных разговорах, никогда их не скрывал, но никто не слышал, чтобы он декларировал их, чтобы он адресовал их «общественному мнению» и искал у него поддержки. Грустно, что «общественному мнению» недоставало взаимной деликатности, взаимной корректности... Мне дорога история моего театра. Я не пытаюсь подвергнуть ревизии то, что было. Но было и счастье трех лет — работать с Эфросом. Я потерял своего человека, своего режиссера...

Больно, что все так зыбко, так несправедливо... Он не любил ввязываться в игру, в борьбу, «брать на горло». Он не любил доказывать. Если его не понимали, считал он, значит, так тому и быть. А иногда, быть может, надо ввязываться, надо доказывать? Не знаю...

Таким же он был в искусстве. Никогда ни с кем не заигрывал — ни с публикой, ни с критикой, ни с актерами. Он хотел вернуть театру несуетную тишину и углубленность. Мы ему говорили: «Все искусства хороши, кроме скучного». Как, в сущности, это пошло! А Эфрос считал, что скучно может быть только неразвитой душе. Тарковского скучно смотреть с точки зрения массового зрителя, кассы. А развитой душе не скучно — она работает. Хватит ориентироваться на кассу, мы в этом достаточно преуспели.

Один критик сказал о «Мизантропе», что, мол, да, это Мольер, но театр ничего своего пьесе не добавил. Я передал это мнение Эфросу. «Передайте критику, что он сделал комплимент. В отсутствии театра и есть театр — в хорошем смысле. Высокий, изначальный, который целиком ориентирован на актера». И он заставлял актеров искать смысл не в написанных словах роли, а между и дальше. Он говорил: «Главное — уловить смысл, а потом — темп и легкость. Вот, в сущности, весь мой метод». Да тут-то и заковыка! Под смыслом он разумел не интригу и не фабулу, не примитивную логику, а высшую точку психофизического состояния человека, растянутую в сложную кривую эмоциональных перепадов. Под смыслом у Эфроса глубокое емкое понятие. А потом — темп и легкость!

Он очень любил джаз, Эллингтона. Индивидуальное мастерство ценил чрезвычайно, но еще больше — тот ансамбль, то сочетание разных голосов в единой теме, которым в совершенстве владели виртуозы Эллингтона. И каждый раз, когда звучит джазовая «увертюра» к «Мизантропу», я будто слышу напутствие Эфроса играть, как музыканты, импровизируя легко, но в границах темы, в границах «нежности». Он много вкладывал в это слово, это важное для него слово — нежность...

Ориентация Эфроса на актера требовала актера-виртуоза. Ругаясь с ним, я приводел свой резон: «У вас нет такого артиста, который мог бы все. Можно, конечно, нафантазировать, чтобы было обаяние Жерара Филиппа, непосредственность Ролана Быкова, убийственный сарказм Ивана Бортника, изначальный трагизм Даля, сила Ульянова и... Но вы имеете, как говорят в Одессе, одно-го Золотухина. Как быть? Для кого мы играем? Для публики. Значит, предлагаю: нос Петра Ивановича подкрепите музыкой, глаза Ивана Петровича — светом, рост Фомы Лукича — пантомимой, да я и сам покувыркаюсь в характерности, почудю». Он мне возражал: «Ты, Валера, боишься, трусишь. Ты не доверяешь, ты добавляешь, шутишь, подспудно штукарствуешь. Ты человек, думающий серьезно, пишущий серьезно — а на сцене часто придуриваешься, прячешься. Так сложилась твоя театральная биография. В роли Пепла я на многое закрыл глаза. Пусть, думаю, раз ему так легче. В Пепле у тебя — отрывка не лучшей Таганки, в Пепле ты — оттуда. А в «Мизантропе» надо войти на сцену через другую дверь, отомкнуть образ другим методом. Поверь Мольеру, поверь себе — человеческому, а не сценическому. И будет легко». И наконец, на какой-то репетиции он сказал: «Роль села на тебя, как костюм на фигуру».

На афише к премьере 4 июля 1986 года он сделал мне надпись: «Валера, отношусь к тебе с нежностью, хотя ты, конечно, орешек. Играешь ты замечательно, чем-то веет старым в самом хорошем смысле этого слова. Старое для меня — это Добронравов, Хмелев, Москвин и проч. Эфрос».

Да, надпись Мастера чрезвычайно лестна и дорога мне. Но очень непроста была и дорога к ней. Дорога, с которой я хотел свернуть, сбежать, дезертировать. Изверившись в своем праве на Альцеста, в минуту отчаяния, я даже подал заявление об уходе.

Анатолий Васильевич застал меня в дверях театра. Я уходил с репетиции — навсегда. Меж двух стеклянных дверных половин мы простояли — он, не войдя в театр, я, не выйдя из него, — около часа. Когда через час мы вместе переступили порог театра — вовнутрь, — Эфрос сказал: «Я могу освободить тебя сегодня от репетиции, но знаю по себе — в таком состоянии необходимо выйти на сцену и начать работать...»

Нам было трудно. Он вел в непривычную сторону. Нужно было научиться психологически проникать друг в друга, понимать другого больше, чем себя... Легко работать, легко репетировать — с бездарностью. С бездарностью можно просто не считаться. С таким громадным талантом, с таким выдающимся режиссером, как Эфрос, работать было сложно. Он просил, чтобы логика была нежной, краски — чистыми, разговор — простодушным. В простодушии, в этой нежности возникает дополнительный, несюжетный, но очень важный смысл и даже самый важный смысл... Он действовал и методом показа, и методом объяснений, но была у него еще такая форма: домашняя репетиция. «Приходите, поговорим». Форма такой беседы, душевного разговора, казалось бы, не относящегося к делу, имела, как потом стало ясно, огромное значение в его методе. Шла настройка на волну, на раскрепощение, на нужную интонацию.

Л. Броневой, с которым они оказались в последнее время по разные стороны баррикад, говорил мне на съемках фильма «Чичерин»: «Как я вам завидую. Вашему театру. Помяните мое слово: через три года у вас будет интереснейший театр. Потому что он чувствует эпоху. Цвет времени. Не временную ситуацию, а Время».

На портрете Анатолия Васильевича я записал слова из статьи Франсуа Мориака об Альцесте в «Мизантропе» парижского театра: «Он жаждал обрести твердую почву в стране Нежности, которая по природе своей — царство зыбкости». Вот мне и кажется, что Эфрос всем своим творческим подвигом искал твердую почву в стране Нежности, которая — и он это знал! — есть царство зыбкости... Вот такая парадоксальная вещь.

«Господа, прошу разъезд! У нас несчастье... Господа, спектакль окончен...»

Божий дар и яичница

Муж застает любовника своей жены в своей квартире, в своем халате, со своей опасной бритвой в руках.

— Я не приветствую вас, — говорит он ему, — не бойтесь, с вами ничего не случится, но... я вас добрею.

Он бреет его долго, старательно: щеки, горло, голову... Потом мужа обвинят в садизме. Под бритвой — Народный артист известного театра Владимир Шелепов — вспоминает свою жизнь. Предлагаемая глава — часть большого криминально-театрального целого.

Уговаривать читателя не проводить параллели — бесполезно. К тому же автор рискованно делает это сам, грубо сшивая факт с вымыслом, соединяя несоединимое, как жир с водой.

На мысль опубликовать этот фрагмент в «Юности» натолкнуло меня случайно попавшееся на глаза давнее письмо Б. Полевого.

Дорогой Валерий!

Простите за то, что называю Вас так фамильярно, но, ей-богу, никто в «Юности» не смог сообщить мне Ваше отчество. Да оно, для людей наших профессий, в общем-то и не нужно. Бог с ним. Всего только устарелый византизм.

Перечитал в сигнале Вашу маленькую повесть. Когда читаешь в сигнале, то есть в журнале, все по-другому видится. Вот теперь могу Вам сказать, что очень неплохое сочинение Вы создали. И мило, и свежо, и своеобразно.

Мне бы очень не хотелось наносить какой-нибудь, хотя бы и самый малый, ущерб Юрию Петровичу Любимову, моему дорогому другу, и вообще славному Театру на Таганке. На такие антикультурные действия я вообще не способен. Но если без ущерба для основного производства, как это делают московские ударники, Вы сумеете написать еще что-то, обязательно покажите в «Юности». С интересом будем ждать.

Всего, всего хорошего и Вам и Вашему милому театру,

Ваш
Б. Полевой

15 июня 1973 г.

Мой Телемак,
Троянская война окончена.
Кто победил — не помню.

*Иосиф Бродский.
Одиссей Телемаку.*

Красавицу свою — а по дороге он ей прозвище придумал, оклик сочинил, «Ирбис» назвал (ирбис — снежный барс, самый красивый зверь на свете, говорит энциклопедия, а мы говорим: в чужую жену черт ложку меда кладет), — красавицу свою Народный завез к Алексахину и посадил под яблоню. Хозяину сказал: «Стереги, как руно, пуще глазу». Сам тем временем быстро сбегал на свой участок, отвез тесто порцию портвейну, деньги теще за страховку сдал — «ночевать не останусь, некогда, съемки ночные» — и к Алексахину в сад-огород под яблони, вишни и черноплодную рябину. Артем Алексахин жил с женой и двумя детьми в деревне, рядом с дачным участком Владимира Шелепова. Жил своим отдельным домом, своим огородом, своим садом. Торговал на рынке картошкой, овощами, ранней зеленью и даже мясом — кроликов держал. Образование имел интересно-химическое, высшее, ленинградское. Работал сперва на режимном заводе, под землей, на которой сверху стоял город Загорск с Лаврой. Поругался с заводским начальством — очень не любил коммунистов — ушел в совхоз. Знаменательные постановления «перестройки» и «гласности» дали ему надежду на самостоятельное решение вопросов жизнеобеспечения семьи, и он ушел и из совхоза, в котором был кочегаром в котельной по обогреву теплиц и скотного двора. По ночам изучал труды Маркса и Ленина. Сочинял злые статейки о существующем режиме. Пописывал и беллетристику. Печатался в многотиражке. Качал права везде и всюду — драл горло. Огромный его материал о рынке на селе и крестьянской морали Шелепов отнес когда-то сам в «Сельскую молодежь». Журнал напечатал очерк в нескольких номерах. Алексахин даже премию получил за эту публикацию. Потом приехало ЦТ и отгрохало с ним часовую с лишним передачу «Сельский час» или «Россия в лицах». Передачу показали, народ увидел. Наутро Артем проснулся знаменит, любим соседями и ненавидим начальством — не высовывайся. В оценках, суждениях своих был резок, часто несправедлив, однако всегда оригинален. Народный украдкой записывал за ним и выдавал за свое. Говорил Алексахин монологами, слушать не умел. Со временем, правда, Народный отметил про себя, что он этому свойству не спеша — скрипя научивается. Привозил артист соседу всегда мешок всяких писем к себе, корреспонденции, статей... Алексахин разбирал эти авгиевы конюшни, строчил любопытные заключения, ехидничал в ответах, философствовал, и этим они оба жили как бы в пользу, как бы интересно, интенсивно — не мешчански, не абы как, а душа у них, дескать, трудится...

— Слышал, слышал, — витийствовал Алексахин, поглядывая на гостью и перебирая в руках переписку Народного с артистом Федотовым, из возлюбленных первой жены Шелепова скакнув-

шим в ее законные мужья. — Пьют, сволочи, какаву и лупят по тебе из парабеллума. А ты наплой им в какаву. Не можешь? Нельзя-я-а, понимаю. Тогда живи как живешь, раскачивай свою доску... Охраняй не занятую еще Головотюком территорию театра. Ваш популярный друг или кто он вам, может быть, уже любимый, — обратился он к сидящей под яблоней залетной красавице, — тип опасный очень. Его искренность — срамной душевный стриптиз, не знающий границ, меры, чура не ведающий. Он — предатель. Это опасно. Путать божий дар и яичницу — его любимое занятие. Божий дар — это местечко в Чехословакии, где снимался фильм «Чонкин». Народный говорит, что его там кормили одной яичницей и он так возненавидел ее, что, прибывши домой, расколотил штук двадцать яиц на сковородку, поджарил, забрался на шестнадцатый этаж и бросил ее наземь вместе с дорогой посудой! Казнил яичницу, компенсатор несчастный. Но от мешанины в башке он тем не избавился. Берегитесь... Когда-нибудь вот так же он привезет мне ваши письма к нему или письма прежних ваших любовников, он выманит у вас, доверчивой, все секреты сокрушенных вами сердец и бросит мне на стол: разбирайся! Не пишите ему слишком откровенно. Он вставит вашу доверчивость в свои дневники, сочинения и опубликует. Он не пощадит вашего имени, дома, фамилии, семьи, детей, как не пощадил когда-то родного отца в первой своей повестушке. А просил-то редактор тогда всего только фразу убрать, где автор свирепостью своего отца любит, как тот раскулачивал люто, и смакует эту лютость его звериную. Одну фразу убрать, чтоб самому потом стыдно не было. Не убрал... нет... авторская фанаберия... да и фраза-то больно цветистая. Он и вашу возню с ним опубликует под видом толка художественного. А так как на вымысел-домысел он охоч весьма и горазд даже, то приплюсует вам такие путешествия в страну чудесных кошмаров, в таких вас позах представит, зарисует все так, что, прочитав типографский шрифт, вы проклянете миг, когда увидели его на сцене, и час, когда вы сидели под яблоней этой, потому что к тому времени «пройдет постыдной страсти жар». Пока не поздно, бегите от него... Покуда, я вижу, не влюблись, а только любопытствуете. Пока не влипли, не погрязли, пока он не запутал вас в сети своих знакомств, пока не ослепил, не оглушил именами своих жизненных попутчиков, пока не околдовал лукавством слов и поэзией своих ролей, не усыпил кулисной пылью и закулисной сладкожижей вонючей романтикой, — бегите от него или не верьте. Он раскачивает свою жизнь, как раскачивает доску в «Борисе Годунове», на которой лихо отплясывает Гришку-самозванца. Раскачивать свою жизнь кому запретишь? Но он раскачивает вместе с собой и попутчиков. И многие слетают с доски, не удерживаются, а он проносится мимо, не заботясь о них. Артисты — люди публичные, свободные во все века. Сексуальное любопытство у них в крови...

Ирбис вытянулась, напряглась изнутри, не пропускала слова, вздоха, жеста оратора в телогрейке. Чем больше Артем Николаевич порочил сексуальное любопытство кулисного братства, чем

ярче и вдохновеннее описывал он гнусность природы и мерзость привычек ее нового попутчика, тем жарче распалось любопытство ее собственное, соблазн и желание улететь с этим артистом на кулички к черту — от мужей, дочерей и вчерашних любовников.

Уторапливая события, скажем, она и делала это блистательно потом. Она летала к нему в Магадан, «где золото роют в горах», на шукшинские чтения в Алтай и на Кавказ — пить с ним минеральную воду из одного стаканчика. Она брела ради него по пояс в снегу к тигроловам и плыла к рыбакам, пила коньяк стаканами не пьянея и ела сырую рыбу. Она садилась в машину к лицам коварной национальности на чуть от изнасилования и убийства и мчалась через пустыню к трем колодцам. «Платить будешь натурой» — сказал один. «На! — сказала она и сдернула джинсы. — Только знай, у меня СПИД и сифилис вместе, смотри! — и показала язык. Отстал. Она ловила тайменей на блесну, и однажды у сонной, на берегу, восьмеркой опутав ее точеные, длинные ноги — разби-ра-ается! — грелась на солнышке камышовая гадюка. Не тронула. Она — Ирбис, снежный барс. Жила так, как хотел бы жить он, да не мог. Он любил себя, жалел и рассчитывал. Он был теплохладен. Не горяч и не холоден — усреднен. Он ревновал ее к прошлым и будущим. Ревновал ее к собственным «бюстикам» и «неделькам». Он привязать ее хотел к себе ребенком. Дескать, роди — и мы поженимся. Не родила. Хотя переехала из-за него в Москву из Калмыкии. Ее муж быстро осваивал крутой кумысный бизнес, купил ей (не без расчета) квартиру в столице, машину, ковры и мебель. Она прочно входила во вкус мамонова быта и замашек владельцев «тойот». Сделав четыре аборта, она не задержала семья Народного в чреве своем с той же легкостью, с какой подкладывала своих подруг мужу, оставляя их ради очередного — хоть час, да мой! — полета к артисту.

Но об этом после. Теперь же она, сначала в пол-уха, потом все больше и больше погружаясь, слушала историю, не во всем ей понятную, но интуитивно жданную давно. Не саму эту конкретную историю, а вообще все, что было связано с Таганкой, с этой театральной Меккой. Когда они с Олегом (любовником, без ума ее любившим и год назад утонувшим в Балтийском море) чудом прорвались на «Пять рассказов Бабеля» и мимо них в фойе, бочком протискиваясь, прошел Сеня Фарада в сине-клетчатой ковбойке, их потрясение от промелькнувшего Сени можно было сравнить только с потрясением от самого спектакля. Такое долго не забывается, на всю жизнь остается. А Высоцкий? Сейчас, куда ни войдешь, на каждых трех стенах из четырех висят его портреты, и Ирбис даже трудно представить, что когда-то этого не было. Услышала она его в раннем детстве с дядинога магнитофона. Но самое сильное потрясение от него случилось лет в пятнадцать, в гостях. Поставили маленькую — миньон — пластинку, где «Кони привередливые». Обождло, попросила домой, слушала до одури. Из нее, пятнадцатилетней, словно вынули душу. Потом Барышников своим

танцем сделал с ней то же самое, усугубляя тогдашнее ее состояние. Позднее у брата стали появляться записи Высоцкого. Как водится, они говорили цитатами из его песен, и она внутренне стояла перед этим артистом на коленях и простиралась ниц, зная, что смогла бы простить ему все. Повзрослев, стала то случайно, то намеренно что-то слушать о Таганке. Говорили, что Высоцкий играет Гамлета в кедах и джинсах, что на «Мастере» по залу бегают белые мыши, покрытые фосфором, а Маргарита летает голой над публикой. Это будоражило воображение, они обсуждали с Олегом немислимые детали, пытаясь сопоставить их с техническими возможностями своих родных провинциальных театров, городского и республиканского, — ничего не получалось. Таганка была театральной кометой, театральным Сатурном, куда они почти не стремились и попасть, так как предприятие с самого начала казалось обреченным. Любимов считался однозначно гением всех театральных времен и народов, о его фонарике, которым он подавал магические сигналы из конца зрительного зала, ходили самые невероятные слухи. Говорили, что на Любимова совершенно было даже покушение с целью завладеть этим фонариком, как источником театрального волшебства...

Но то, что Ирбис услышит сейчас от подоспевшего Шелепова, она будет сравнивать потом только с попыткой повернуть реки вспять, чтобы они, падлы сибирские, текли не с юга на север, как нормальные, а с севера на юг, к трем колодцам... Одним словом — ошеломление.

— «Всем! Всем! Всем! — начал между тем, отобрав листки у Алексахина, один из главных героев театрального Вавилона, удобно расположившись под яблоней. — Уважаемые коллеги и работники Театра на Таганке! Скоро исполнится 75 лет со дня рождения создателя и художественного руководителя театра Ю. П. Любимова. Отметим этот юбилей приличным исполнением его спектаклей и по возможности достойным поведением! Не принимайте участия ни в каких предприятиях и голосованиях по расколу театра, тем более — в отсутствие его руководителя. Не поддавайтесь на провокации отдельных нечестивцев, которые сулят вам золотые горы после раздела театра! А впрочем, если хотя бы разделить, пусть роятся, отпочковываются и улетают. Не покроем себя окончательным позором в глазах потомков. Вспомним на минуту, что дети скажут?! Председатель совета трудового коллектива, Народный артист России Владимир Шелепов. 26 сентября 1992 года».

Все это я написал даже как бы и в шутку, — пояснил малой аудитории Народный. — Все знали, что это цитата из «Десяти дней», и подписался я только одним своим именем. Все мои титулы и звания приписал потом для весомости и.о. директора, бывший вечный наш парторг. Цель моего обращения была проста — дожидаться приезда шефа, который в это время ставил в Финляндии «Подростка». Буквально через день или на завтра, что само по себе скоропалительно и подозрительно, Федотов вывешивает в трех самых людных местах театра следующее ко мне послание,

отпечатанное на машинке и приклеенное клеевой краской. Оно провисело месяц почти, его прочитали все, в том числе и гости приходящие, и гастролирующие труппы. Некоторые переписывали, многие фотографировали. Соскоблить эти страницы смогли только маляры, когда стали освежать стены. Я не мог предположить, что Федотов способен на такой поступок именно по отношению ко мне... женившись на моей бывшей жене... придя в мой бывший дом и называя везде и всюду в интервью и на кинотусовках моего сына своим сыном, не испрося на то моего согласия. Служба в одном учреждении определила характер наших отношений. Все деликатные вопросы, в том числе и общественно-бытовые, и споры художественные мы решали, обращаясь друг к другу в письменной форме, сугубо лично, и уж никак не вынося это на слух коллег. И вдруг — на тебе, на весь свет, на всю деревню. Коллеги прочитали. Одни пожимали плечами, удивлялись глупости, другие были довольны в душе и рады, что меня так «приложили» публично, да еще какие-то таинственные мои походы в райком обнаружались, это то, чего они не знали, «а оказывается, вон откуда звания, квартиры и прочие блага берутся, как они, оказывается, добываются: просто — через райком, через постучать на ближнего...» Однако все сошлись на том, что сына он припел зря. Этот «прокол» многое перечеркнул, вылезла подошлека. Один артист хотел сказать ему, но сказал мне: «Ну чем он (то есть я) виноват, что женился на ней раньше, чем ты (то есть он)?..»

Алексахин перебил Народного:

— Ты не комментируй сам-то, Степаныч, читай, а мы разберемся, а лучше дай, я почитаю, а то ты с выражением читаешь — в свою пользу.

— На, читай, я со стороны послушаю.

Артем Николаевич закурил «Дымок», уселся повольготней, бросив ногу на ногу, и стал читать, не косясь по сторонам:

«Председателю совета трудового коллектива, Народному артисту Российской Федерации Владимиру Шелепову от всего лишь русского артиста Алексея Федотова. Открытое письмо. Уважаемый Владимир Степанович! Зная Вашу любовь к эпистолярному, включая такой популярный в России литературный жанр, как жанр политического доноса, рискую обратиться к Вам в форме нелюбимого мною открытого письма.

Ввиду того, что я, в отличие от Вас, не ощущаю себя в России Яковом Свердловым, то и не могу предварить свое скромное послание пламенным призывом: „Всеми! Всеми! Всеми!“

Нет, не всем. А лично Вам, уважаемый Владимир Степанович. Объясните, пожалуйста, стране, откуда такая истерика?.. Кто убивает Мастера?.. Что у него отнимают?.. Его репутацию?.. Его имя?.. Кто стреляет по нему из пулемета?.. Из каких кустов?.. Кто эти низкие твари?.. Поименно, пожалуйста. Как только мы узнаем имена этих сволочей, вся творческая интеллигенция Москвы выйдет с дрекольем на Красную площадь!.. В том числе и я с матерью, с женой и сыном!.. Вы только покажите нам, где скрываются эти

суки... Кто обижает Великого?.. Кто отнимает у него славу?.. Кто макает его лицом в грязь?.. Жиды?.. Православные?.. Коммунисты?.. Вы только назовите!

Я имел счастье слушать Ваше выступление в Моссовете. Вы сказали: „Раздел театра — это гибель театра!“ Редкий по силе афоризм. Почти Лесков. Если вдуматься, можно сойти с ума. Честно говоря, только в эту минуту я понял, почему Валентин Распутин называет Вашу прозу „инструментальной“.

К сожалению, Вы никак не прокомментировали свой великий тезис, поэтому он выглядит так же бездоказательно, как лозунг „Слава КПСС“. Но, в конце концов, гений говорит, а мир ловит. Будем надеяться, что потомки расшифруют эту загадочную фразу.

В своем обращении к народу Вы пишете: „Не поддавайтесь на провокации отдельных нечестивцев...“ Ну, во-первых, нельзя сказать, что Вы — большой скромняга. С таким обращением мог бы выступить как минимум Александр Невский, и то накануне Чудского озера. А во-вторых, кто эти „нечестивцы“? Поди, те же евреи?.. Или все-таки литовцы?.. Или коммунисты, тайно возглавляемые Лигачевым?.. Не лукавьте, Владимир Степанович, назовите их по именам. Глядишь, и разговор пойдет более серьезный. И в-третьих. Поскольку вы клеймите „нечестивцев“, надо полагать, Вы считаете себя человеком чести... А можно поинтересоваться, кто Вам это сказал?.. Вы проводили опрос на территории России?.. Так и хочется спросить: „Вы это серьезно?“

Но если это серьезно, то и я скажу всерьез: я Вам завидую, Владимир Степанович! Завидую Вашей наглости. Вашей отваге. Вашей глупости, наконец. Вы раскованны, как кошка. Вам даже не страшно, что Вас наблюдают миллионы неглупых глаз.

Когда я был секретарем Союза кинематографистов бывшего СССР, меня все-таки выбирали. А Вы даже на малом пространстве Театра на Таганке выбрали себя сами. Вы теперь председатель Совета трудового коллектива, о чем трудовой коллектив даже не подозревает...

Вы заканчиваете свое последнее литературное произведение патетическим криком: „Что дети скажут?“ Ох, пораньше бы Вам задуматься на эту тему, Владимир Степанович!.. Лично я знаю, что скажут о Вас Ваши дети. Во всяком случае один из них, которого я воспитываю. Но пересказывать не буду. Спросите сами.

Не стану делать вид, что жду диалога. Я знаю, что Вам нечего мне ответить. Ну, разумеется, кроме мутной и однообразной демагогии: „Мастер... Учитель... Создатель...“

Да, разумеется, Мастер. Уж я-то понимаю это, как никто другой. Я оплатил громадным куском жизни свою любовь к Мастеру. В отличие от Вас, Владимир Степанович. Вы в это время принимали очередную присягу на предательство.

Вы предали не одного Мастера. Нескольких. И именно в ту пору, когда они нуждались в Вашей защите. Сегодня защищать Мастера легко. За это никто не отрубит Вам голову. Да и не от кого — никто не рискнет напасть.

Кто желает зла Юрию Петровичу Любимову?.. Галина Драбец?.. Данила Проворовский?.. Или Головогюк, наконец?..

Окститесь, Владимир Степанович!

Не станцуется у Вас этот сценарий. Не получится. Ну никак не выходит параллель ни с Мейерхольдом, ни с королем Лиром, ну никак... Не сорвется, не сложится.

С кем Вы воюете?.. Кого и от кого защищаете?.. Вы же верующий человек. Ну, спросят Вас на Страшном суде: „Где твой брат Авель?“ Что Вы ответите?.. „Я не сторож брату моему“?..

Скорее всего, так и ответите. Вы и на Страшный суд явитесь с удостоверением Народного артиста Российской Федерации. Как в былые времена в райком. Но Господу ведь все равно — Народный Вы или нет, артист или сантехник.

При том, что я Вам завидую, мне Вас еще и жаль. Жаль глубоко и всерьез. Я даже не знаю, что пронзительнее, — зависть или жалость?

С одной стороны, конечно, занятно прожить жизнь таким незамысловатым прохвостом, как Вы, а с другой стороны, — ввиду наличия Господа Бога — небезопасно. Светского способа спастись я не знаю. Может, помыться в бане и немножко подумать?.. А?.. С уважением (хоть Вы и не поверите), Ваш Алексей Федотов. P.S. Не советую Вам и Вашим единомышленникам срывать это письмо со стендов. Во-первых, это некрасиво и недемократично само по себе, а во-вторых, в этом случае я вынужден буду опубликовать его в прессе. Мне этого не хотелось бы. Будем вести интеллигентную и разумную полемику.. Или как?.. А впрочем, как скажете. Сентябрь, 1992. Москва».

...И — тишина. Тягость повисла в воздухе. Окаменение сковало всех. Колорадские жуки на грядках — и те, казалось, перестали жрать картошку.

...Федотова Ирбис полюбила после фильма «Эпатаж» и стала узнавать о нем, и интервью с ним читала навзрыд. На него было интересно смотреть в любой ипостаси, так как талантлив и умен. Интеллектуал и актер — редкое сочетание, хотя в то время она считала, что уж если актер, то непременно интеллигент, глубоко при этом заблуждаясь. А еще был КВН, в котором успешно дебютировала команда Элисты, Федотов сидел в жюри, хвалил, после подошел к ним в фойе, весь в тулупе, в мохнатой шапке и в унтах, чем поразил ее до глубины души. Она-то была уверена, что артист такого ранга и по нужде, извините, в смокинге... Сказка Федотова в собственном исполнении произвела убойное впечатление на Ирбис. Смесь уважения и восторга — вот что чувствовала к кинозвезде степная красавица. И когда они ехали сегодня с Шелеповым сюда, за город, и она спросила: «С кем теперь ваша бывшая жена и сын?» — удар для нее был ниже пояса: «С Федотовым». — «С тем... самым... с тем?!» — «С тем, с тем... Когда они, наконец, расписались, я перекрестился: слава Богу, пристроена хорошо». — «Ну и как?» — «О... О!.. Алексей Леонтьевич — достопочтенный человек!»

Тогда она еще не знала, что за этой фразой у Шелепова может

скрывать все, что угодно, не исключая и правды. Гипнотическое обаяние Федотова было многожды усилено в ее воображении этой фразой и, конечно, его браком с женой Шелепова. И когда Наталья — нынешняя соседка по номеру, к которой Народный наезжал иногда, перед тем как увлек ее самое в эту поездку ко святым мощам, кричала по утрам: «Хочу Шелепова», — Ирбис, смутно помнившая его по милицейскому сериалу, искренне не понимала ее. Как не будут понимать и ее многие потом, когда произойдет все, что произойдет, включая бритье и смерть его в сумасшедшем доме, где он гримировался собственными испражнениями.

— Ну, Степаныч... слушай, — очнулся бывший кочегар, — у меня яйца всмятку — извините, уважаемая... За такие шалости... вызывают на дуэль и убивают несколько раз... Он — что, в своем уме?.. Хотя в блистательности не откажешь.

— Говорят, под коньяком писал.

— Под чем бы ни писал, но наутро-то... и когда отдавал машинистке или... он что — сам печатал? А жена его куда смотрела, почему не уберегла? Она же с тобой столько... Хотя, скорей всего, собака зарыта в ней... да... да, конечно, в ней... И что же ты? Нет, я не могу, послушай! Он же с виду умный мужик. И сказочка его просто блеск, и за тебя, помню, печатно заступался, когда на тебя евреи набросились после твоего выступления в Сростках, где ты пикет Куликову полю уподобил! Что с вами со всеми творится?! Как ты это пережил?!

— Думал я долго — отвечать, не отвечать... Но понял — не отвечать нельзя, хотя бы ради детей. Ответ свой я вывешивать не стал. По просьбе сына. Отправил почтой. Но есть у меня подозрение, что в руках Федотов его не держал. Пересказать, быть может, ему и пересказали... Моя бывшая супруга была большая любительница читать чужие письма. Не думаю, чтобы во втором замужестве она изменила своим привычкам. Впрочем, какое это имеет значение. Читай дальше, я тороплюсь. Меня комдив на день рождения ждет.

Алексахин повертел листки ответные в руках и вдруг предложил даме под яблоней:

— Будьте любезны, прочитайте вы.

— Я?! Но какое я имею отношение?

— И хорошо, что никакого. Текст машинописный, разборчивый... Хочется услышать из уст нейтрального человека, без лишних подтекстов, без нажима... Мы с Шелеповым в одном круге заинтересованности... Так что сделайте одолжение.

Ирбис приняла листки, как эстафету, из рук Алексахина и стала читать:

— Посеешь поступок — пожнешь привычку. Посеешь привычку — пожнешь характер. Посеешь характер — пожнешь судьбу. Эпиграф. Алексей Леонтьевич! Месяц я ждал извинения от Вас, оно не последовало. Видимо, раскаяние чуждо Вашей природе или не хватает мужества. — Голос у нее при чтении оказался чистый, высокий. Дыхание длинное, глубокое, на весь объемный смысловый период слов, дикция великолепная. «Ей бы на радио или дик-

тором ЦТ», — почему-то подумал притихший артист. — Напомню Вам слова, сказанные Вами Галине Волгиной несколько лет назад: «Он — бездарь. Местечковый режиссер. Он поссорил актеров Театра на Таганке и лишил заработка мою жену. Единственно, чего я хочу, чего я жажду, — его смерти, его физической смерти. А как художник — он давно труп». — Ирбис остановилась, как будто ей захлопнули рот. Медленно подняла глаза как первым строкам, прочитала про себя еще раз, ныряя в содержание до дна. Продолжала тише и медленнее, боясь пропустить запятую: — Через несколько месяцев после этого разговора Эфроса действительно не стало. Боже меня упаси приписывать Вам смертный грех — трагически сошлось. Мы все в той или иной степени повинны в безвременной кончине Мастера. Но то, что Вы не весьма разборчивы в выборе слов и действий для достижения Вашей сиюминутной цели, — факт. Теперь Вы возглавили тьжбу с Любимовым. Завидная последовательность. Урок Эфроса не пошел Вам впрок. Вы даете оценку художественному потенциалу Любимова, в печати появляются рассуждения Ваши — «каким он был, каким он стал» и т. д. По рангу ли, Алексей Леонтьевич? «Я возмущена этой падалью!» — воскликнула старейшая актриса нашего театра, прочитав Ваше открытое письмо. «Словесные изгиляния... злые выпады... из меня Павлика Морозова сделать не удастся», — сказал мой сын, к мнению которого Вы апеллируете.

Свою оценку Вашему письму я не стану давать, она лежит за гранью словесных определений. Надеюсь, Вы улавливаете аллегорию? Зачем Вы впутываете моего сына в этот публичный, блудо-словесный турнир? Ведь мы с Вами держали уговор быть как можно более бережливыми друг к другу в этом деликатном пункте. И вдруг Вы таким безобразным способом нарушаете наши условия. Не навязывайте моим детям Вашего отношения ко мне. Они сами разберутся, кто есть кто. В моем коротком обращении «Все! Все! Все!» не содержится каких-либо личных, пофамильных выпадов. Зачем же Вы затеяли этот настенный «частный детектив»? Ни в одном интервью я не позволял себе обидных или оскорбительных слов в Ваш адрес, помня, что «ничего нет тайного, что бы не делалось явным».

Лучшим ответом на Ваше письмо было бы опубликование его во всех существующих средствах массовой информации. Вы сами хотели это осуществить. Чего постеснялись? Ждете, пока сделаю это я? Я снял 50 ксерокопий Вашего письма — «зеркала для героя», — но что это за тираж, согласитесь! Грешен, люблю, как Вы выразились, эпистолярию, но уважаю все-таки точность, документ, стенографию. Поэтому у меня к Вам просьба. Когда будете готовить письмо к печати, во-первых, не редактируйте, не исправляйте, дайте, как есть... Во-вторых, расшифруйте для меня, и в особенности для широкой публики, хотя бы два пункта.

1. О моем предательстве нескольких Мастеров: сказано Вами бегло, голословно, похоже на клевету. Хотелось бы подробнее: кого, где, когда и за сколько. А то помру и не узнаю имен своих

жертв. Я присягал на верность Эфросу. Я присягал на верность Головотюку после смерти Анатолия Васильевича, хотя категорически не согласен ни с Любимовым, ни, тем более, с Головотюком в оценке эфросовского периода Таганки, — заявлял об этом лично и публично. Под присягой я подразумевал честную работу, пользу делу, без выяснения отношений. Я не могу репетировать, держа камень за пазухой или шагая в пятой колонне. Я отказался работать с Эфросом «Полтора квадратных метра». Я верил в воскрешение «Живого». Может быть, «присягать» — крайне неудачное слово в применении к нашему бытию, громкое и красное?.. Присягают один раз, а дальше — смерть. Я не говорил таких слов в адрес Любимова, для меня (и мне казалось — для всех) это было само собой разумеющимся, не требующим доказательств, вытекающим из всей моей жизни на подмостках Таганки.

2. О походах моих в райком. Коли Вы так хорошо о них осведомлены, то Вам наверняка донесли и содержание моих там бесед. Поделитесь конкретным знанием с народом. Публике ведь это интересно (если интересно), а не просто брань и оскорбления вроде «глупый», «прохвост», «помойся в бане» и пр. Ну что это за аргументация, согласитесь! Неужели проблема общественная даст Вам разрешение на личные оскорбления и приписывание мне действий, которых я не совершал? Что-то тут не так.

Теперь о деле. Как-то в моем присутствии Вы громко похвалились, что Вы настолько состоятельный человек, что можете в любой момент купить дом в Англии или, если захотите, в любой другой стране. Помилуйте! Зачем Вам покупать дом в Англии? Зачем не купить в России, в Москве? Сделайте благое дело — купите какой-нибудь клуб или дворец для профессионалов Вашей группы и репетируйте! Тем самым Вы элегантно и красиво разрубите все узлы и споры. Или обратите Ваши средства на аренду помещения. Кстати, у того же Любимова. Я помню, Вы читали мне в Ташкенте блистательные куски из Вашей пьесы по Салтыкову-Щедрину. Я так хохотал, что пришла переполошенная горничная. Помните? Уверяю Вас, что при самой средней постановке это сегодня будет иметь успех. Бог наградил Вас замечательным талантом, так... репетируйте! Зачем Вы тратите силы и время на недостойную тяжбу с Любимовым по разделу имущества, которое принадлежит ему приоритетно, по праву, да, — СОЗДАТЕЛЯ. Не иронизируйте по поводу этого определения.

После того злосчастного, спровоцированного собрания, снятого на пленку и гуляющего по Москве, вошедшего теперь в историю и биографию каждого его участника, Вы плакали в кабинете Мастера. И все присутствующие, в том числе и Любимов, приняли эти слезы за слезы раскаяния. Оказывается, все обманулись.

Что касается поручения Президента, которому наверняка подали информацию о делах театра односторонне, то я ведь могу и не последовать совету Президента, потому что я, как говорит мой Кузькин, «на своем огороде пока еще хозяин». Мне не хотелось отвечать на Ваше письмо, оно недостойно ни Вашего дара, ни

Вашего имени. Но я лечу в Ашхабад и, как всегда, боюсь разбиться и боюсь тем самым оставить Вас без ответа. 4 октября 1992 года. P.S. Телефон Галины Волгиной я Вам могу напомнить.

Ирбис остановилась, затихла. Не то чтобы прочитанное сожгло ее или парализовало. Нет, конечно, хотя чудовищное налицо. Ее провинциальному тщеславию льстило в глубине, щекотало, что «звезды» перед ней оголяются, вводят ее в святая святых, в свою закулисную подноготину, куда простые смертные не допускаются, разве что по особому расположению светил. Правда, ей мало было понятно, из-за чего такие страсти, чего им не хватает, зачем они «не в кайф» живут, а выясняют, кто главней, и ее арканят туда же. Оба документа, эти замечательные послания одного «любящего» сердца другому, — как два выстрела в тумане. Ирбис почуяла опасность. Раскованная и рискованная, она тем не менее тяготела к определенности: вот — достигнутое, вот — ближайшая перспектива, вот — дальняя. Варианты возможны. Но схема должна быть, схема — одна. «Звезды» же вовлекают ее в какое-то иконоборчество, мешают фигуры на ее доске — и она боится не сообразить вовремя и не остаться хотя бы в относительно привычной гармонии.

— А кто такая Волгина? — оторвалась она от текста и глянула в Народные глаза своими прелестными, сволочными с поволокой...

Кто такая Волгина? Кто для него Волгина? Вопрос был не простой и для самого Шелепова, к тому же задан он был женщиной о женщине. Когда-то хотел написать роман о ее судьбе горемычной. Но всех не обскажешь сюжетов, да еще при его разбросанной натуре. Одно мог сказать наверняка — добрее и честнее не встречал человека, к тому же веселого.

— Галина — друг семьи и дома моего. Но она была знакома и с моей первой семьей, и с Федотовым общалась часто. В театр влюблена с молодых ногтей. В Таганку — особенно, по призванию сердца, радеющего за правду. Закончила журфак. Все мечтала о настоящей любви. Нашла ее только в третьем замужестве, с поэтом Владимиром Захаровым, моим тезкой. От всех трех мужей родила по ребенку. Но самым желанным был третий, от этой ее настоящей любви рожденный. В тот день, когда она произвела на свет долгожданного сына, случилась жуткая трагедия: убили ее мужа, только что ставшего счастливым отцом. Пошел он отмечать, как водится, рождение сына в ближайший ресторан, не ведая, что оставит Галину вдовой. Забрали его пьяные блюстители из ресторана в отделение, избили зверски, а потом, чтобы концы в воду, завезли в овраг на своей же территории и прикончили беднягу, раскроив череп монтировкой. Сгинул человек ни за что, даже сына своего единственного ни разу не увидел. А наутро убийцы сами повели следствие и объяснили вдове, когда она из роддома вышла: упал, дескать, ваш муж по пьяному делу и оттого скончался, несчастный случай с ним приключился. Жить она не хотела, да новорожденный спас — на отца своего походил очень. Галина подарила мне книжечку стихов Захарова, добрые стихи, чистые и

очень русские. Познакомился я с ней в журнале «Сельская молодежь», она там в литконсультации работала... В несчастный случай не поверила, провела самостоятельное расследование, за помощью обратилась к Ольге Чайковской из «Литературки», чьи статьи гремели тогда на весь Союз. Убийцы были найдены Галиной, названы поименно, да что толку! Развернулось кровавое следствие, свидетелей «убирали» одного за другим, она сама едва не погибла. Но оказалась бабой крепкой, не из пугливых, стала правозащитницей, заступалась за обиженных властью. За это и попросили ее из журнала. Такие люди всегда неудобны для дружного коллектива с абсолютным начальником во главе... У нее даже обыски были, в КГБ на допросы ее таскали... Пришлось ей работать дворником, чужих детей нянчить, вязать на продажу, комнату сдавать... Но не сломалась и не озлобилась, потому как оптимистка с колыбели. Теперь она внучку нянчит... Сколько лет Галине? Да года на три постарше меня... Надо не забыть пригласить ее на день рождения мой через три дня, когда расцветет жасмин.

Любопытство Ирбис относительно Волгиной было как будто удовлетворено, а возраст женщины окончательно успокоил ее. На своем калькуляторе внутреннем она давно подсчитала, что сама моложе Шелепова лет эдак на двадцать и при другом раскладе могла сгодиться в дочери ему.

Народный рассказал о Волгиной чистую правду, но не всю. Он не сказал, что Галина любила его и все же предпочла довольствоваться лишь дружеским общением. Она не раз говорила ему, что он стал для нее неожиданным подарком судьбы, скрасившим горечь вдовства. Чтобы не потерять его, она выбрала духовную близость, и жизнь подтвердила правильность ее выбора. Они то сближались, то отдалялись, но ни разу не теряли друг друга из виду. Она мчалась к нему по первому зову и умела быть нужной ему и его семье, не навязываясь, не создавая суеты и помех. И он вознаграждал ее за это правом быть на его концертах, на прогонах и премьерях Таганки, на творческих вечерах для элитной публики, но главное — он мог поверить ей любую тайну без опаски за последствия столь интимной доверительности. Иногда и деньгами помогал, когда ей было совсем худо. Он знал, что на нее можно положиться. Она знала, что у нее есть настоящий друг. Ее преданность и что-то еще в ней, неуловимое и невысказанное, но изначально просветленное, определяли его свойства Настоящего друга в их отношениях... Зачем молодой, влекущей Ирбис знать об этом? Да и не поймет, ее жизнь крутится на другой орбите. Но любопытство — у женщины в крови непреложно, как и у артистов.

— Что же это за собрание, — вопрошала между тем Ирбис, — вошедшее, как вы пишете, «в историю и биографию каждого участника»?

— Это группа недовольных Любимовым. Они организовались и затащили его на свое собрание почти силой, когда он проходил мимо зала, где они дислоцировались. Перед тем они гремели по микрофонам на весь театр, что хватит, дескать, сидеть Любимову

в своем кабинете, как Саддаму Хусейну в бункере, пора предстать перед народом и ответить... Сбивал их в стаю страх. И еще Головотюк, которого они вожаком обозначили. Он только что потерял министерское кресло и теперь рвал и метал, ища сатисфакции. Их толкал к нему, сильному и со связями, инстинкт самозащиты. Они боялись, что Любимов перейдет на контрактную систему, и многие из них останутся без работы. Большинство этой группы составляли те, кто в свое время был и против Эфроса. Это, как правило, не играющая ни при каком режиме часть труппы, а стало быть, всегда недовольная Главным. Артистам своим, то есть играющим репертуар и держащим, таким образом, банк, Любимов запретил на эти сборища являться и, по существу, остался один против этой расшатавшейся стаи. Они чуть не плевали в него, источая яд и пену, перечисляя его грехи перед ними и предательства. Договорились до того, что решили отнять у него художественное руководство театром — «пусть остается почетным худруком, а если пожелает, то пусть и ставит иногда чего-нибудь», — так они записали потом в своем протоколе. Дикость, бред и жуть невообразимая. А несчастного нашего и.о. директора экс-министр «по-ленински» «присяжной б...» назвал под аплодисменты единоверцев. Как выдержал это Любимов, трудно представить. Но он выдержал, выслушал и сказал, указывая на Головотюка: «Пока он здесь, ноги моей в этом театре не будет». — «Ухожу, ухожу...» — «Уходим, уходим...» — подхватил за лидером «залетный соловей» Федотов, как прозвал его шеф. Во время всей кутерьмы полупьяненький, с красной рожей, он подсвистывал своим, залетевший на собрание по срочному зыку вожака из другого театра...

— Про кого это «с красной рожей» — про Федотова?! Ну, нет, это уж слишком...

Зачем они вламываются в ее жизнь? И куда эта звезда падучая ее влечет, зачем в дорогу позвала и под яблоню здесь усадила? Конечно, это заманчиво и интересно, чем кончится. Еще интересней она будет рассказывать о том сестре. «Вот Марии бы я сама нашла комнату для свиданий и своими руками постель расстелила, а ты от такого мужа...» — говорила ей мать потом про сестру в связи со связью. Хотя нет, сестре не так остро рассказать хотелось, как спортсмену Левочке, чтоб сдох от ревности.

С Левочкой снюхались они... Стоп. «Снюхались» — сказано грязно и отвратительно. Заметим однако, что автор подчас и нередко подменяет героя собой и вольно-невольно мстит любимой своей за прошлые связи ее. Любовь снежная, чистая, светлая — только с ним. Все остальное, что без него, включая и будущее, — похоть, случка, бешенство, сделка через койку. Оставим такую «защиту» на совести автора, ведь ему, бедному, кажется, что подобным приемом он надежнее привязывает желанную к своему сапогу... Через когда-то, придерживая штаны в очереди за утренним уколом в Соловьевской клинике неврозов, Шелепов догадается, что жизнь свою она влекла за собой так вольно и жестоко потому, что кровь в ее висках стучала и зашкаливала далеко за 36 и 6. Но как

только проходила страсть, она безжалостно разрывала все пути, не обманывая себя и других. И что там ни талдычь, Шелепов под видом авторской дури или кто другой со своей колокольни о ее греках, спортсменах, китайцах и мальчишке утонувшем, пачкая и опошляя свину сущность ее, — женщина (а Ирбис с пелен ощущала себя таковою прежде всего), коли было чувство — а оно должно было быть!.. только по любви, слышите!!! — иначе — известно что... — эти чувства прошлые не даст в обиду никому, защищать везде и всюду станет. «...Неправда, что „у женщины прошлого нет, разлюбила — и стал ей чужой“», — это не про нее у Бунина. Если бы так, то в собственных глазах, в глазах круга своего, а теперь и расцветающей дочери, — все ее прошлое будет выглядеть расплескиванием, разбрызгиванием грязи из-под одежды, разворотом, разбивающим походя чужие жизни и разрушающим свою. Ирбис будет защищаться бешено и вспоминать мораль комсомольскую с восторгом, да!.. («Это у вас скотоложество, а у нас по-другому было!») и воспитание свое беловоротничковое, когда мальчики не то что плюнуть, грубого (какое там нецензурного!) слова при них с сестрой сказать не смели. Все это и было так, верно, да кому какое дело до того, потому что в глазах людей, как там ни философствуй, любая связь женщины с другим мужчиной, кроме мужа, есть прелюбодеяние и разврат, а сколько его и какого цвета, в каком месте и на чем — на сундуке ли с божьей помощью или в туалете поезда — это дело техники и фантазии передающего, не имеющего к факту содеянного никакого снисхождения. Смотри в уголовном кодексе: все, что свыше 300 рублей, — хищение в особо крупных размерах и карается все равно, как за танк золота. Всего лишь раз или сорок раз по разу — один черт. И все-таки, если кто посмеет интерпретировать события ее, Ирбис, сексуального счастья на свой теплохладный лад, — остается тому право пощечины, и ей за все — Божий суд. Она одна ответит перед Ним. Это только у Пастернака в романе все женщины такие милые, славные, так друг о друге душевно говорят, что готовы воспитывать детей от любовницы своего мужика, коль такое случится, ну страсть до чего все хорошие. Ну и слава Богу, на то они нам и пастернаки, великие то есть, и великие примеры высочайших, благородных чувств нам подавать способны... А у нас... Ладно!..

...С Левочкой сошлись они на бульваре Велимира Хлебникова (они же там шли!), когда прогуливали своих детишек в колясках, — молодой папаша и девочка-мать. Он был знаменитостью города, король корта, с теннисной лопаткой в полцены «жигулей». Не раз он мелькал своей всеядной улыбкой на местном телевизоре. Кстати, там же появлялась и она как ведущая партийно-комсомольских вакханалий. Интерес к спортсмену вспыхнул сразу, а о Левочке и говорить не приходится: слыл он жутким бабником в Элисте, чемпионом в этой гребле парного катания. «Промискуитетный тип», — говорила она про него. В компаниях комсомольская лидерша и спортивный герой были пара — «брызги шампанского».

И закрутилась эта веселая и бесшабашная связь в машинах и

гаражах, у друзей и подруг на дачах и квартирах, от которых у него всегда оказывались ключи. А у нее с собой всегда были — простыни. Лева напоминал ей лицом, манерами и остроловием Венечку Политковского, артиста того же таганского созвездия... И он не был обрезанным, это она помнила точно... интересно, а Венечка? Сегодня она спросит об этом у Шелепова?! Точно! И расскажет о том промискуитетному лицу в Элисте, которому президент подарил жеребенка, и он задохнется от ревности — не одной ей дрозжать от бесконечных связей его и сплетений.

Когда вспоминала о нем, у нее повышалась температура. Пять лет никто не мог оторвать ее от спортсмена. Неужели это сделает русопятый тип, соплививший два часа назад плечо гаишнику и блещущий что-то про любовь?..

Про Левочку муж не знал. Если бы узнал — побрил бы обоих опасной бритвой. Из писем и визитной карточки в гостиницу «Эллада» случайно узнал про грека Костахеса. Простил. Прощал он ей до странности многое. И когда увидел на животе жены чуть выше треугольника Венеры сильный засос — после очередного ее отсутствия, — она объяснила: это след от замка, неудачно снимала джинсы. Он сделал вид, что поверил. А что ему оставалось делать? А грек в письмах печатно по-русски (...он русский выучил только за то...) тем временем спрашивал: «Ты не помнишь, сколько дней стоял мой поцелуй у тебя на животе?» Раздвигая ноги перед эллином и эллину, она раздвигала границы отечества с мечтою укрыться с любимым в ином государстве, смещая границы морали в удобную для себя позицию. Неужели все клинья из сердца и тела будут выбиты клином этого «дровосека» с Алтая, в котором она угадывала между тем схожую со своей природу, стремление при любых кульбитах сохранить нормальные отношения в семье, удерживать в неведении мужа (жену) и близких, так спокойнее, комфортнее и поэтому слаще самой (самому). Когда-то мать учила ее считать непреложной истину: чтоб волки сыты и овцы целы, если уж грешить, то так, чтобы все были довольны. Прежде всего — ДОМ: первое, второе, третье и компот, хрустящие простыни и полная тайна вокруг амуров, чтоб чашер носа... Ну и для себя часок-другой...

Какую-то часть семейной дистанции она прошла, следуя этой овечьей геометрии, но скоро ложь опостылела ей, и природа ее распружинила: Но странное дело, дочерей своих наставлять она станет по тому же бабушкиному кодексу супружеского подполья. «Какие же мы в конечном итоге все большие эгоисты, если не сказать — свиньи! — писала она ему в начале их адюльтера. — Покой близких, их благоденствие НУЖНЫ НАМ, потому что когда плохо им, НАМ НЕУДОБНО, МЫ СТРАДАЕМ, мы не можем наслаждаться тогда на всю катушку, не комплексуя, без всяких мыслей-паразитов. Получается, эти две крайности человеческого поведения и мировосприятия — эгоизм и альтруизм — образуют своеобразную ленту Мебиуса, где они свободно и незаметно перетекают друг в друга, настолько незаметно, что невозможно определить, где же кончается *per ego* и начинается *per alten*».

Она размышляла об этом давно, с детства. Но на какой-то стадии мозги отключались и отказывались переваривать всю эту софистическую канитель... Вернемся, однако, к катакомбам театра, читатель...

— Для вас, уважаемая, это конечно, капуста в чужой организации, всем смешно, а вам невдомек, — с этими словами Алексин вынырнул из пристройки-сараяшки, держа в руках толстую зеленую папку с надписью крупными печатными: «Таганская Одиссея». — Твой ответ, Степаныч, оказался мне достойным. Хорошо, что сам лаяться вслед не стал и слова зернистые наковырял, а вместе с Волгиной — убийственные...

— Первые варианты письма были дерзкие, пистолетные, сын поправил.

— Я представляю, на что ты способен... а Федотов не расчел твоих возможностей. Лучшим выходом для него было бы, если бы ты исчез бесследно или чтоб ты в котел свалился с соляной кислотой, поскользнувшись на собственных соплих... Вот вы и докатились до разборок. Тетка-театралка, что отходила тебя розгами в письме после твоей речи на похоронах Эфроса, как же она права оказалась! Пророчица, просто ясновидица. Предрекла, что вы без хозяина начнете друг дружке животы выжирать. Хотите послушать? Давненько я ее не читал, как в воду глядела старуха пиковая. Вот, нашел: «Товарищ Шелепов! Когда я услышала Ваши лицемерные слова о прощении, произнесенные у гроба Эфроса... мне, откровенно говоря, стало очень противно и захотелось плюнуть вам в лицо. Ваш прославленный коллектив — подонки и убийцы. Вы убили интеллигентного человека. К вам надо было прислать режиссера с кнутом и палкой, типа Гончарова или Товстоногова. Повидимому, вы не понимаете человеческого обращения в силу низкого интеллекта. Испытания интеллигентности ваш коллектив явно не выдержал. Ну как, вам стало теперь легко дышать после убийства Эфроса? А как вы мыслите будущее вашего театра? После смерти Эфроса едва ли какой-нибудь уважающий себя режиссер бросится в ваши объятия, ведь никому не захочется жертвовать своей жизнью ради таких подонков, как ваш прославленный коллектив. Ставка на возвращение Любимова едва ли оправдается, ведь вы для него пройденный этап. Самоуправление вам ничего не даст, так как вы перегрызете друг другу горло. Все может кончиться для вас очень печально. Вас разгонят по другим театрам. Молите Бога, чтобы это было так. Это послужит вам только на пользу, заставит вас впредь шевелить мозгами. Ваш театр всегда был театром режиссера, а не актеров. Режиссер обладал неиссякаемой фантазией и часто прибегал к внешним эффектам, неотразимо действующим на публику. Вашим актерам не подвластны глубоко психологические вещи. Эфрос не мог даже собрать второй состав для „Пикника“. Вам не дано сыграть Теннесси Уильямса или Олби, а также Достоевского. Все ваши актеры, кроме Высоцкого, Славинной и Вас, не могут проникнуть во внутренний мир своих героев, ограничиваясь внешним рисунком образа. Как жаль, что такие

бездари погубили хорошего интеллигентного человека и талантливого режиссера. Но Бог вас за это покарает. Старый театрал. Москва», — и т. д., подробный адрес и телефон.

Каково? А следом я зачту другое, им, — перстом, черным от земли и бензина, указал высокопарно Алексахин на Народного, — в тот же самый день и час по иронии судьбы полученное. Любопытное совпадение. Готовы воспринять?

«Уважаемый Владимир Степанович! Я была на гражданской панихиде, пришла попрощаться с Анатолием Васильевичем. Меня восхитила Ваша жизненная позиция. К большому сожалению и к великому нашему стыду, далеко не каждый может дать правильную оценку событиям нашей поры, но, главное, не каждый может иметь мужество сознаться в содеянном и не побояться попросить прощения, зная, что будешь услышан большой аудиторией. Спасибо Вам огромное, Владимир Степанович! Вы мне стали очень дороги! Я счастлива, что слышала Ваше слово. Я горжусь Вами. Извините за письмо, не смогла сдержаться, до того мне немедленно хотелось написать Вам. До свидания. Крепко жму Вашу руку. Глубоко уважающая Вас», — и т. д. Что хорошо, так это то, что оба письма не анонимные и с адресами, — подытожил Алексахин.

— Имею основание предположить, что и писаны они были в единый час, — добавил Шелепов, — по горячим следам панихиды. Кстати, и прочитаны они были мной в той же последовательности. И впечатление, согласитесь, одно. А переставь их местами и закончи письмом с проклятиями — позиция обозначится другая. По Москве тогда упорно ходили слухи и утверждения, что Таганка сократила Эфросу жизни лет на десять, что и «мошकारа может до смерти заест или свести с ума». Но Таганка знала, что главной, первой виновницей была Бронная — ученики Эфроса, которые вышвырнули его из театра и замолчали, ушли в тень, и Таганка получила одна в ответе за судьбу Мастера. Но их актриса Тоша Голубева сказала убийственно просто: «Загнали его две прекрасные дамы, так что не берите в голову, не мучьтесь особенно покаяться, не бейте себя в грудь и не рвите волосы».

Еще одна известная фамилия возникла, и Ирбис подала голос:

— А вы не помните, что вы на панихиде сказали, почему такие разные реакции незнакомых людей на одни и те же слова?

— Я помню в общих чертах, что-то о покаянии.

— Зачем в общих чертах? Если вам интересно, уважаемая, — а это не может не быть интересно, где вы такое еще услышите, кроме как у Алексахина, — у меня есть его речь на магнитофоне. Мой приятель московский, помня свою оплошность на похоронах Высоцкого, где он в очереди давился и не снял ничего, и не записал ничего, на похороны Эфроса пришел с диктофоном. Я у него переписал. У меня магнитофон катушечный, старенький, мы на нем еще битлов слушали... Пойдемте в дом. Это быстро. — Гости двинулись за хозяином. Запись речи Народного не ахти, — суетился у «мага» Алексахин, — но разобрать можно. В будущем Андронников какой-нибудь все это соберет, прочистит и прокомментирует.

С магнитофона прохрипело тихое, прерывистое: «Хочется обратиться к Всевышнему, за что, за какие грехи Таганке такие потери...» Владимира Степановича охватило вдруг волнение, он вышел в сени отплакаться, речь свою он знал наизусть... «Дорогой Анатолий Васильевич! Простите нас. Чувство чудовищной несправедливости, личной виновности и виновности коллективной не покидает меня, и, кроме слов покаяния, мне трудно сейчас найти другие слова. Думаю, подобные чувства испытывают и мои коллеги, все работники театра, в том числе и те, кто вольно или невольно, словом или поступком небрежно коснулся большого сердца и профессиональной чести. Эфрос пришел на Таганку в горький для театра час, полный лжи, фальши... И до сих пор не проясненный. Эфрос в буквальном смысле спас театр, и в первую очередь — от гибели нравственной, потому что за гибелью нравственной тотчас бы последовала гибель творческая. Он спас театр своей работой. Он часто говорил нам: „Ребята! Я пришел к вам работать!“ И результаты этой работы незамедлительно сказались: через год с небольшим в Югославии на фестивале БИТЕФ мы взяли все призы за спектакли „Вишневый сад“ и „На дне“. О театральные заслугах Эфроса другие знают больше. Мы, которые успели с ним поработать за эти трудные годы, узнали его как выдающегося режиссера, но, кроме того, мы поняли и оценили его благородство человеческое, с каким он относился к тому, что было сделано театром до него, к любимовским спектаклям, с какой деликатностью относился он к нам, старым работникам театра. Мы будем играть ваши спектакли, мы будем помнить и любить вас таким, каким знали вас ваши самые близкие друзья и ученики. Прошайте, Мастер! Вечная память». Александрин остановил ленту. Из сеней послышалось:

— «Мой Телемак! Троянская война окончена.

— «Кто победил?» — отозвался на пароль-игру хозяин.

— «Не помню. Должно быть греки: столько мертвецов вне дома бросить могут только греки»...

— После смерти Эфроса, — продолжал Народный для Ирбис, — в газетах появилось сообщение, что Любимов отказался комментировать смерть своего преемника. Позже он скажет, что Эфрос совершил большую ошибку, придя на Таганку. «Место это замешано на крови, и нечего было туда соваться». Какую, чью кровь он считал за кровь, а чью за водицу? Вслед за ним про кровь любил говорить Федотов, уйдя в «Современник», что он-де тоже большой кровью оплатил верность Мастеру. Прости, Господи, сие кровопролитие!..

А поссорились Юрий Петрович с Анатолием Васильевичем из-за «Вишневого сада». Причина банальна — ревность. Повод еще смешней. Любимов: «Он не выполнил моих замечаний. Тогда зачем соглашаться с ним?» В чем эти замечания состояли, никто не знал. В сердцах Любимов резко выговаривал мне: «Ты русский актер! Как ты можешь отплясывать, топтаться на православных могилах под еврейский оркестр?! Ты в своем уме?!» — «Еврейский оркестр у Чехова написан». — «Да при чем тут Чехов?! У Чехова не написано — плясать на могилах». Я робко возражал: «Декорация

такая... Что же вы меня поджариваете... Скажите ему... Вы — главный режиссер, вас не устраивает мое исполнение — снимите меня с роли. Кого я должен слушать: вас или режиссера-постановщика?» — «Его, конечно, только его...» — «Ну так и скажите ему». — «А ты сам не понимаешь, что творишь?.. Я-то скажу...»

Эфрос замечаниями Любимова пренебрег, сказал, что «Любимов ничего не понимает в Чехове, пусть занимается своим Кузькиным». К тому же Любимов сам не раз заявлял прилюдно, что пьес Чехова не любит, рассказы — да, другое дело. А зачем вмешивался? — до сих пор не могу понять. На правах главного режиссера? Но Эфрос сам был из главных, хоть и неприкаянных... Соперничество... Характеры и темпераменты не одинаковые... Правы те, кто говорят: «Одному арбуз по душе, другому — попадьева дочка». И пошло-поехало. Ссору было не унять. Из дверей театра она попала в театральные салоны и вошла в двери начальников. Но и у Эфроса там были дружки, не только у Любимова... Двери театра на премьере толпа снесла. Успех превзошел предсказания. Ссора бывших друзей немало тому способствовала. Вольно же было Любимову пригласить такого Мастера в свою кузницу, подпустить к своему тиглю. Вот он и спаял колечко, отлил шедевр. Не нравится? А зачем звал? На что рассчитывал? И зачем потом свару затеял? Публичную. А запретить спектакль было уже не в его силах — успех у публики, трескотня у критики, раскол в труппе. Те, кому нравилась постановка, даже говорить про то вслух в стенах родного театра опасались: донесут главному, считай — опала, и ролей не видать долго. И результат: когда машина одного Мастера стояла у подъезда, другая разворачивалась и уезжала прочь. Если стоял «ситроен», народ знал: в театре хозяин, если «жигули» — внутри Эфрос. Они избегали встреч. Высокоский три раза сводил их в своей примерной: «Помиритесь, гении!» Нет, ни за что, никогда! Далеко зашло, далеко...

И вот Таганка празднует 60-летие своего создателя. Предстоят большие гастроли в Париже. Гастроли организуют и поддерживают коммунистические структуры... Париж, Париж. Мы к тебе еще вернемся с пьесами «На дне» и «Вишневый сад». А тогда — Любимов награждается орденом Трудового Красного Знамени. В театре шум, гвалт, праздник, толпа почитателей, знаменитые гости. Труппа сидит на полу, табором, подстелив под задницы афиши своих прославленных гениальных спектаклей. Бренчат гитары, работает «Дешевый ресторан». Это старые актрисы под домашнюю капустку и огурчики соленые из русского самовара именитым гостям водки по шкалику бесплатно, за здоровье атамана... Со своих — втридорога. Слалась бы, наоборот надо. Пьянство коллективное еще в чести. Силачивает. Говорят, в Нью-Йорке есть ресторан Барышников-Бродского, который так и называется «Русский самовар». Здорово! Потому что остроумно, лучше не придумаешь — простенько и со вкусом. Вот бы в Москве открыть забегаловку — «Сибирские пельмени», а по стенам портреты Распутина, Шукшина, Астафьева... Ну, и свой где-нибудь прилепить незаметно. Но это к слову...

Любимов разгорячен. Только что знаменитый поэт Вознесенс-

кий хлопнул об пол огромного глиняного петуха раскрашенного, сопроводив пожеланием: «Чтоб никогда в ваших спектаклях не было безвкусицы». На что намекал поэт? На живого петуха в «Гамлете», что ли? Или за ради хохмы? Андрей Андреевич для красного словца, для выпендрежа многого не пожалеет. А тут петуха базарного... А хорош петух был, хорош, и сколько глины ушло!.. Стали собирать петуховы дребезги. Труппа еще больше развеселилась, гости еще громче загалдели... И вдруг среди шума, гама и хмельной веселости стала образовываться незаконная тишина.. И образовалась. Та самая, звенящая и злоеца. Говорят, такая перед боем случается. Она случилась не сразу, а постепенно, с первым известием-шепотом: «В театре Эфрос... Эфрос... Эфрос». По лестничному маршу театра поднимался — Эфрос. С ним три телохранителя-ученика. Немая сцена, чтоб долго не говорить. В логово к своему врагу, сопернику-скандалисту, счастливчику-баловню и интригану — на пир победителей... Пир замер, обмер, затаялся в ожидании... Любимов непредсказуем. Но Эфрос умен. Он подошел близко-близко и сказал тихо-тихо... он знал, куда идет. Сказал коротко, кротко, точной режиссерской формулой: «Уважаемый Юрий Петрович! Дорогой Юра! Поздравляю тебя. Сегодня у тебя есть все: талант, успех, слава, театр. Одного у тебя нет — того, что ты так не любишь, но очень хочешь иметь... вишневого сада... Возьми. Я знаю, когда-нибудь тебе захочется поставить эту пьесу». И дарит ему первое издание «Вишневого сада». Бедный Юра «поплыл». В глазах закипели, как говорят поэты, непрошенные слезы. Многие видели его, даже члены семьи, в таком пребывании первый раз. Что же шевельнулось в тебе, бедный Юрик? Хотя слезы у мужиков он сам ненавидит: «Слезы — это сантимент, который надо задавить в себе сразу, как гаденыша в зародыше».

НЕ ПОМНЮ Я, ЧЕМ КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА. КТО ПОБЕДИЛ — НЕ ПОМНЮ!

Через десять лет после того, как Таганка в Югославии взяла «Гамлетом» Гран-при, Эфрос там же взял Гран-при «Вишневым садом» на Таганке. Таким образом, театр стал победителем БИТЕФА два раза. Вот вам и *inde igae**... Пойду покурю.

— Ты же не куришь, — хмыкнул Алексахин. — У вас один Федотов за всех дымит, как будто обязательство взял — вогнать в себя за всю Таганку никотина.

— Чаем напои, накорми гостью... Ехать надо.

— А сам фигуру бережешь или пост соблюдаешь петровский?.. Иди, иди... Накормлю.

Болезнь Федотова повернула стрелку памяти Шелепова на несколько оборотов назад. Даже не столько болезнь, сколько разговоры вокруг нее, и особенно недавняя фраза Федотова в интервью «Правде»: «Если господин Шелепов и мэр Москвы, с помощью которого он пытается вышвырнуть своих товарищей из театра, думают, что они — причина моей болезни, то много им чести...» Что

* Отсюда гнев (*лат.*).

он ко мне привязался, зачем не хочет отстать? И опять — «честь»... «много чести».

Эфрос был первым камнем, серьезной причиной их серьезно-го разговора, в котором стороннее, художественное затронуло глубоко личные, человеческие струны. Но были и другие времена в их жизни. «Держи руку постоянно на белом листе, набивай ребро ладони за столом, как японцы набивают его, чтоб дробить камни. Иначе ты так и останешься автором одной тонкой книжонки. И прав окажется твой любимый Эфрос, написавший тебе на своей книге «Графоману от графомана», — корил дружески за лень Шелепова Федотов.

Перебирая свою жизнь, Шелепов часто пользовался приемом третьего лица. Он — персонаж, поставленный в чужое кино, наблюдающий свою жизнь с чужого экрана. Так и в дневниках. Исписывая обязательную плановую страницу, он плавно или скачком переводил «Я» в «Он». И этому «Он» позволялось то, чего, с точки зрения «Я», немислимо было даже и подумать. Его «Я» пряталось за «Он», порой безответственно пренебрегая последствиями... И вот теперь в огороде... Словно видение...

...Белые одежды сцены... Белый холм с могильными белыми крестами. Цветет вишня. Идет «Вишневый сад»... «Откуда у Александина столько колорадских жуков? Такой радетельный хозяин...» Владимир Степанович поднял валявшуюся стеклянную банку, стал шарить по цветущим картофельным грядкам, собирать жуков... Жука забросили в Союз когда-то американцы. Это он помнил отчетливо из детства, где на тетрадах вместе с таблицей умножения был изображен огромный американский жук. Тогда шла война в Корее (кстати, кто победил?), и они ребяташками в санатории пели: «Мародеру Макаргуру на корейском берегу надо снять овечью шкуру и змеиную башку». «Ваш любимый цветок?» — «Ветка цветущей вишни», — из анкеты Высоцкого... Очарование цветущей вишни, белый холм — надгробие, тюлевый задник, мягко освещенный, со старинными фотографиями нашей семьи — мы маленькие, и наши предки еще живы... все это организовывается Эфросом в настроение, состояние глубоко нежное, мистическое, и в то же время материально осязаемое... Не передать словами... Это надо было видеть, и видеть прежде всего глазами Алы Сергеевны, Раневской нашей... Я сейчас заплачу... Жуки проклятые... Надо бы керосину плеснуть в них и сжечь... Так не исчезнут. За кулисами белыми готовится к выходу Шелепов. Он играет Петю Трофимова. Петя приехал сюда умирать, его приводит в экстаз запах книг, которые он здесь читал, изучал и оставил, из которых он цитировал местным барышням умные, впрочем, разные идеи, слова, лишь бы говорить-заговаривать — не заговор, но заговор, он — сумасшедший, городской сумасшедший. И тоже весь в белом. «Играйте вольно, — уже на последних репетициях говорил Эфрос, — дышите легко и свободно. Но обязательное условие: у каждого в роли должно быть два-три места, где с ним — истерика... Повод в тексте найдите сами... Места могут быть каждый раз разные...»

Шелепов подпрыгивает, разминается, учащает дыхание, направляет падающие старинные очки, нагоняет волнение встречи с Раневской. Актер в хорошей форме. Он в белоснежных носках, хотя как персонаж спит в бане. Сзади к нему подходит его бывшая супруга, кладет руку на плечо и говорит тихо, внятно, выговаривая каждое слово: «Послушай, Владимир... Я очень прошу тебя — не напоминай Василию о себе, не лезь к нему, не занимай его своим вниманием. Его воспитывает другой человек, другого уровня, другого калибра. Не обижайся, но... не надо. Хорошо? Договорились? Василий любит его, слушается, называет папой... не обижайся... покажи, что ты действительно добрый...»

Она еще что-то говорила, он плохо слышал, еще меньше понимал, будучи одним ухом на сцене, ловя реплику выхода, и вот он уже выбежал Петей к белоснежному облаку, двинувшемуся ему навстречу. Петю задерживают на подходе к облаку: «Любовь Андреевна! Я только поклонюсь вам и тотчас же уйду. Мне велено было ждать до утра, но у меня не хватило терпения». Вот это нетерпение — увидеть тотчас же свою хозяйку, тайную страсть свою (актрису, играющую Раневскую, он обожал без памяти, хотя ничего постельного между ними не было, ни даже намеска на что-либо подобное, но были внутренняя глубокая приязнь и восхищение статью, умом, манерами) — вот это нетерпение скорей увидеть и еще раз по глазам и улыбке, прикосновению удостовериться, что из всего театра она выделяет его одного, — ЭТО и было главное содержание его выхода. «Идите... Петя... очки... волосы... какой вы стали некрасивый, Петя... как постарели... идите спать...» — Петя чуть не плачет. Да нет, плачет. Машинально поддакивает: «Да, да, я человек другого калибра...» — мнет белую фуражку и бредет в белые кулисы... в свою баню... натягивает белые матерчатые сапоги... И тут с ним случается приступ хохота... «Что она сказала? Его воспитывает другой человек, не моего уровня, не моего порядка? Надо полагать, высшего, не мне чета? Может быть, может быть, но как она смеет такое говорить? Чтобы я оставил сына и забыл про него... Может быть, она хочет мою фамилию отобрать у него?!»

Он смеялся, хохотал, но в этом прослушивалась уже не норма: вот-вот и хохот оборвется рыданием... Но он справился.

Шелепов давно замечал со стороны Федотова этакое к себе отношение снисходительное, этакое — свысока, «жалекочи меньшого брата», хотя сам Федотов был значительно моложе и Шелепова, и своей нынешней супруги. Нет, он признавал за Владимиром и талант, и самородчество, душу народную, так сказать, «от сохи»... Но часто в разговорах, в эпистолах, характеризуя поступки и личность оппонента, влетал обязательные прилагательные, вроде примитивный, заурядный, прохиндей, а то просто — глупыш наш маленький, эмбрион недоучившийся, писатель, русского языка не знающий, на полстраницы письма десять ошибок делающий и т. д., — тем самым как бы подчеркивая свой собственный уровень: не достать рукой, хоть подпрыгивай.

В душе, в глубине, в тайниках и только ночью Шелепов при-

знавался горько себе, что он Федотову всегда, везде и во всем чуть-чуть проигрывал. Ему всегда не хватало чего-то, чтобы стать с ним вровень, достичь безоговорочно гамбургской планки, какую Федотов достигал всюду легко. В одной роли ему не хватало речевой техники, дикции, как у Федотова, — безупречной. Для другой он был низковат. Ну, что бы три-четыре сантиметра добавить, быть выше, как Федотов. Для третьей он был сутул, для четвертой не хватало изящества, для пятой — достоинства, чести и гордости, для шестой — блеска и острология, как у Федотова, что же тогда у него было? Чем он достигал в своих глазах равновесия? Голосом? Да, голос был, особенно в молодости. Голос, в котором в лучшие миги прозвучивалось все: и рост, и блеск, и ум — не заемный, не книжный — свой. И смирение? И душа? Говорили, что у него-де настоящая русская душа. Душа, какую снабдил его в дорогу вольный Алтай. И шире эта душа реки Оби, дескать, в разливе. Но душа, известно, потемки. А русская, к тому же, и загадочная. Ну, если загадочная — куда ни шло, можно согласиться, а если просто — помойка, а не потемки?

Одна немецкая газета писала о нем: «Он (Шелепов) называет себя крестьянским артистом. Но... когда он выходит на сцену — шарм, темперамент и компетентность ставят сразу все на свои места».

Особенно в этой цитате ему льстило слово «шарм». Эту статью он размножил, раздал, разослал друзьям и знакомым и обращался к ней часто в минуты отчаяния.

Нет, природа не обделила его, разве что костный туберкулез, перенесенный в детстве, из-за которого он не стал летать под куполом цирка гуттаперчевым мальчиком.

«Ты, видимо, объясняешь свою путаницу сложностью душевной конструкции, — писал ему в одном из последних посланий Федотов (последнее он приклеил на стенку). — Но сложность рисунка души не может уживаться с примитивной жестокостью и заурядным прохиндейством. Ты однажды сказал мне: у каждого своя нравственность. Это, конечно, глупость. Нравственность — одна. И научить ей невозможно. Это либо в человеке есть, либо нет. Какой же ты действительно, Владимир? Да и есть ли ты? Думаешь одно, говоришь другое, поступаешь вообще вне связи с тем, что думаешь и говоришь. Я — человек несовершенный. Но в одном меня упрекнуть нельзя — в несоответствии идей и поступка. Это и дает мне силы жить. Даже если мне однажды сломают шею, мне будет легче умирать. Тебе умирать, я думаю, будет труднее. Прощай, Владимир...»

А Владимир и по сю пору в огороде над письмом размышляет. «Нельзя упрекнуть в несоответствии идеи и поступка...» Ну нельзя, допустим. А дальше что? А если идея порочна, и я не согласен с ней... Тогда как? Или вы все равно будете приводить средства в соответствие с вашей целью: А быть может, лучше не подгонять поступки под какую бы то ни было идею, а сообразовывать их по мере возможности с простым — «чур! не сделай зла»? И все. Но

ведь опять скажут: что благо для одного, дурно для другого. Вот что я имел в виду, говоря о нравственности.

Одинаковость профессии, служба в одном заведении на фоне одной женщины, первой красавицы этого заведения, вольно или невольно ставили их в положение состязания друг с другом не только в популярности у масс, но и в уме, одежде, гонорарах, даже мужском достоинстве. И то, что у Шелепова было три сына законных, дочь в Америке и полтеатра любовниц, давало ему определенную фору в пространстве будущего. У него есть род, и продолжение следует. У Федотова с этим пунктом было сложнее. И он не заботился о том.

Когда узаконился наконец-то их брак, Шелепов был рад несказанно и перекрестился: какого удачного кормильца послал Бог в оставленную им семью. Единственно, чего он не хотел смертельно, — чтобы у них были дети. «Пусть у него будет все: деньги, здоровье, собрания сочинений и памятник на Тверской, пусть не будет рода от нее. От кого угодно, хоть от Элизабет Тейлор, только не от нее».

А поначалу отношения у них складывались добрые, внешне весьма приличные и интеллигентные. В одном письме Федотов писал: «Так сложилась наша судьба, что мы не можем быть врозь, что ты и я — мы все равно что-то однородное, если не сказать родное, хотя вроде бы очень не похожи в фактических проявлениях. Я поговорил с Инной, и мы решили, что будем вместе, может быть, даже в одном театре. Нельзя, нельзя расставаться, мир жесток, а мы слабые, нам нужно только вместе...»

Когда б не Паламед, мы жили вместе.
Но, может быть, и прав он: без меня
Ты от страстей Эдиповых избавлен,
И сны твои, мой Телемак, безгрешны.

Смерть Эфроса была не ко времени. Бросив Таганку в поддержку Любимова, уйдя в другой театр и оскорбив Эфроса на юбилее «Современника»... Неожиданная смерть Эфроса сильно ударила по позициям Федотова в глазах Шелепова, и он прекрасно понимал, какое трагическое смятение поселилось теперь в душе его недавнего «брата по музе, по судьбам».

«Троянская война окончена... кто победил...» Дикость. Неправильность.

Картофельные грядки у Алексахина были ухожены, как, впрочем, весь огромный огород — с капустой, парниками, морковкой и компостной ямой... «Жить бы вот так же где-то, — позабывал в душе Владимир Степанович своему другу, — не связываться ни с какими Федотовыми, не быть публичным человеком, да уж нельзя, обязывает профессия тусоваться, высовываться». Мысли его вернулись к «Вишневому саду», к давним гастролям в Париже. Они приехали с эфросовскими спектаклями буквально через неделю после похорон Мастера. В то время Любимов пятый год как был в эмиграции и ставил очередную оперу в Бонне. «Оперуполномо-

ченный», — как он про себя шутил. Труппа наивно полагала, что он встретит артистов в аэропорту, — что стоит приехать из Бонна в Париж, прокатиться на собственном «мерседесе»? Глупая и наивная мысль — предположить, что после «предательства», как считал Любимов, он поедет встречать «вонючий развалившийся театр». Он хотел, чтобы артисты разошлись кто куда в его поддержку и чтобы на месте бывшей Таганки тлело пепелище.

Такой вывод из действий и заявлений Любимова делали для себя многие. Шелепов был из активного их числа и не разделял хотения Мастера — легенда и пепелище.

На первой же пресс-конференции он заявил, что «труппа неоднозначно относится к возвращению Любимова» и что, по его мнению, «Любимов ведет себя по отношению к труппе нечестно и непорядочно», и так же — по отношению к памяти Эфроса. «Мы хотим Юрия Петровича получить обратно, а хочет ли он сам этого? Дело возвращения Любимова — в его собственных руках. Мы его тащим назад, пишем письма в политбюро, покойный Эфрос эти письма подписывал вместе с нами, а может быть, мы делаем тем самым преступление перед человеческим бытием Любимова, у которого семья, маленький ребенок, дом в Израиле и работа на Западе. Зачем мы его тащим назад? С Таганкой у него игра сыграна. Он хочет, чтоб осталась легенда от театра, а сам бы он вошел на скрижали как изгнанник с лицом мученика. Но ведь его не выгоняли из страны, он сам стал невозвращенцем, и его за то лишили гражданства. Это не Солженицын, которого арестовали, потом посадили в самолет и выбросили из страны. Любимов не нужен Западу так, как нужен России. Он нужен нам. И мы хотим, чтобы он скорее вернулся домой. А он выставляет то одно требование, то другое, как та старуха из сказки о золотой рыбке. Складывается впечатление, что он просто по каким-то причинам не хочет возвращаться. А мы его тянем, просим, вынуждаем и тем самым ставим в неловкое положение».

Подобных интервью было бесчисленное множество. И они не прошли мимо ушей и глаз Любимова... Но Шелепов набрался-таки храбрости и позвонил Любимову в Бонн, хотя боялся, что тот не станет с ним разговаривать и повесит трубку. Этот разговор ночной был долгим, и запомнил его Владимир Степанович на всю жизнь.

Любимов: Ты, Владимир, ведешь себя как флюгер. В твои годы... У тебя седина на голове.

Шелепов: У меня лысина...

Л.: Ну посмотри на свою лысину!..

Ш.: Я сказал на пресс-конференции, что думал, и хотел, чтобы вы знали, что я не лгу ни перед собой, ни перед вами, ни перед покойным Эфросом...

Л.: Не надо так говорить, Владимир, мы все лжем в той или иной степени. Вспомни слова Свидригайлова. Я зла на тебя не держу — всего тебе доброго и хорошего, семье твоей поклон. И запомни этот наш ночной разговор. Меня выгнали, как собаку,

с малым дитем и хотят, чтобы я приполз к ним на брюхе... Они провоцируют меня, и этот наш с тобой разговор записывают. Так вот, пусть слушают еще раз. Эта сволочь Демичев пока у власти... ордена раздаст... Скольких людей он выдворил из страны?.. Вам дали подачку — отправили в Париж. Почему вы не потребовали, чтоб поехал восстановленный нами «Дом на набережной»? Трифонов — один из самых читаемых на Западе русских писателей...

Ш.: Не мы выбирали спектакли... Не мы заказывали музыку...

Л.: Да бросьте вы! Сейчас вы поедете в Милан — и снова без единого нашего спектакля. Где ваша честь, где ваш стыд? Стреллер несколько телеграмм давал Андропову с приглашением театра в Италию. Пусть поднимут архивы, там все есть. Они объявили меня врагом народа. Обосрались — так пусть отмываются. Пусть сперва восстановят мое честное имя. Пусть вернут Сахарову трижды Героя. Ему памятник в Москве надо поставить. По их законам это полагается... При чем тут театр, когда разговор вышел на другой уровень. Когда речь идет о судьбе страны... В сердцах, конечно, можно и не то сказать. Можно поддать, отойти и снова поддать, но пора мыслить глубже, дальше, шире. Ты падал пьяный со стены, молол про Ленина черт те чего, а меня за то с работы выгоняли. Ты все получил, а что получил я?! Ты знаменит и богат (да, давно он дома не был!), если можешь позволить себе так долго говорить из Парижа по телефону.

Ш.: Я звоню по чужой кредитной карте.

Л.: А, ну тогда ладно, не обеднеют. Ты веришь в Бога. Читай Библию. Там все написано. Кому я должен верить — этим нашим партийным блинам, директору и парторгу? Они вами манипулируют, как котятками. Ладно. Будь здоров. Всего тебе хорошего...

За этот долгий разговор он много раз прощался, жалея деньги Владимира Степановича. По всему было видно, что к деньгам он относится серьезно, с большим уважением. Слава Богу, он не сказал в этот раз, что Советский Союз купил для Эфроса западную прессу (в том числе, выходит, и «Русскую мысль»). Кстати, о «пряниках». Поездки Эфрос не любил: «Когда начинаются разъезды, это конец. Люди живут от поездки до поездки. Но лишать людей радости, которой действительно не так много, было бы с моей стороны некультурно».

Вот что он думал по поводу заграничного «пряника», и со счастливой улыбкой вспоминал гастроли в Куйбышев, где фактически состоялась вторая премьера «Мизантропа» и появились замечательные рецензии не московского «розлива». А в Париже после спектакля «Вишневый сад» в мужскую гримерную вбежал взволнованный человек со слезами на глазах, как потом выяснилось — актер из Тель-Авива, покинувший давным-давно Россию: «Такой спектакль мог сделать только Моцарт... Это Моцарт, Моцарт». Один актер пошутил: «Передайте это Любимову. Вы увидите его в Израиле?» — «Конечно, увижу...» — «Вот и передайте ему свои впечатления в этих самых выражениях, дескать, Эфрос — это Моцарт, и не менее. Ему будет очень приятно». — «Обязательно передам, непре-

менно передам», — расшаркивался ничего не ведавший, не посвященный в наши интриги израильский пожилой актер.

...Когда Владимир Степанович вернулся с полбанкой американских жуков и спросил, где керосин, Алексахин разливал чай и приговаривал:

— Вот такие пироги, Лариса... Как вас по батюшке? Александровна... Ну, славно, славно. Что, артист, загрустил?... Да брось ты с этими жуками возиться, выпей чайку на дорожку... Не хочешь? Ну, а крепче нельзя... нам можно только по пять грамм... Сливочного масла я сейчас найду вам, уважаемая. Да... А буквально через год после панихиды по Эфросу ему, — Алексахин кивнул в сторону Народного, — достанется за рассказ, в фильме его генетического врага, как он посмел репетировать Гамлета. Генетический враг страшнее классового будет, потому что действия его непредсказуемы, как действия женщины во гневе, когда осквернено ее брачное ложе. Читали «Медею» когда-нибудь?..

— Да, я сдавала античку в университете.

— В античке много интересного... Так вот, Шелепов поделился с одним режиссером перед камерой, как он Гамлета репетировал по распоряжению Любимова... Это важно. Приказ Любимова был, не сам же он в Гамлеты полез в отсутствие Высоцкого-Гамлета, а не по приказу... Вот тоже, все шумят — Шекспир, Шекспир... Надо же, Высоцкий играл Гамлета! Ах, скажите, какая радость, какое достижение нашей культуры! А для меня то, что он Гамлета играл, и то, что он был муж Марины Влади, одинаково... — Да ведь надо горевать, что он тратил время и жизнь на шутов и принцев. Он один был целый шекспировский театр. Вместо этого лицедейства лучше бы лишнюю песню написал... Вы любите Высоцкого?

— Мой муж его обожает... собирает все записи, всю литературу о нем...

— Ну, тогда нам есть о чем поговорить... Это первач... по рюмочке... разведите вареньицем, правильно. Так вот, что касается самого Владимира Семеновича, то для меня во много раз важнее его социальная функция, о чем еще мало и мимоходом говорилось, — Алексахин наступил на свою клавишу. Забегая вперед, скажем, что этот странный человек, матерщинник, нигилист и выпивоха, через два года уверует в Бога, будет служить в церкви, петь на клиросе и читать проповеди.

— Ну, этот курс мы уже проходили, когда он дойдет до «Битлз», кликните меня, а я кроликов покормлю, машину приготовлю и жуков сожгу. — Народный подошел к Ирбис, поцеловал ее в затылок, закачался от запаха и возбуждения, и опять с ним чуть не случилось то, что в машине на 21-м километре, а потом в милиции...

Ему скорей хотелось уехать, но он понимал, что ее «готовят». Сотни раз он слышал сентенции этого бородатого мужика, от которого шел дух навоза и земли. Но он видел и то, что Ирбис это «приобщение» занимает, затягивает, а в замесе с такими именами и панихидами — и вовсе с потрохами... Паучью сеть вокруг нее плетет сосед вместо него, но для него же, в конце концов, старается.

Плетет искусно и запутывает. «Пусть плетет. Куда только везти ее сейчас? В гостиницу или домой, где благо нет никого? Разберемся потом, сначала надо уломать. А что именно сегодня ее уложить надо — хоть в машине, хоть в кустах, — сомненья в том никакого».

Стоя у клеток, он услышал ее смех, опять его тряхнуло электричеством. Он застонал от желания, глядя расширенными зрачками в красные глаза самца-производителя. «Говори, Артем, заговаривай...» И Артем говорил:

— Так уж сложилась история, что в России спокон веку художник выполнял функции «учителя жизни». Функция эта хоть и почетная, и важная, но для искусства, в общем мировом понимании его, крайне специфичная. Ведь далеко не везде в мире так. На Западе эту функцию выполняли те, кто, собственно, и должен ее выполнять, политические деятели, трибуны, просветители, реформаторы и тому подобные. Отсутствие альтернативной политической жизни в России вытеснило эту функцию в искусство...

— Какой-то элемент подобного рода, согласитесь, Артем Николаевич, был всегда в любом искусстве, — поддержала умный разговор Ирбис.

— Разумеется, но в России он был непропорционально велик.

— Да уж... В России поапостольствовать — мы любим.

— Точно. К добру ли, к беде ли, но так. Так что делал Высоцкий, кем он был для миллионов людей? Он просвещал, объяснял, оценивал, он был учителем жизни! Вся наша хитрая пропагандистская машина с ее записными «спасителями», получившими свои права по табели о рангах, ему и в подметки не годилась. А Высоцкому эти права были присвоены извне тем самым народом, в любви к которому клянется всяк, да взаимной любви которого не всякому получить удастся. Тяжела была ноша, взваленная на плечи Высоцкого, но нес он ее достойно, высветив перед всем обществом снизу доверху неестественность навязанных нам ценностей и неправомочность многих ролей социального толка. По его песням эпоху можно изучать и будут изучать. Так что сила его воздействия не только в голосе и в искусстве «на пределе».

Ирбис начала уставать от ликбеза. «Неужели и артист окажется таким же занудой?» Она смотрела теперь мимо лектора, вспоминала о Левочке-спортсмене, о его остроумии и промискуитетности — у нее поднялась температура. Заметив тоску нездешнюю на челе провинциалки, оратор поспешил перейти к близ гуляющему образу:

— Ваш друг представляется мне очень искренним человеком и искренним художником, и здесь-то таится для вас тот капкан, о котором я говорил вначале. Он раздевает себя подчас беспощадно и срамно. Это его увлечение, граничащее с эксгибиционизмом, вредносно. Он жениться вам предложит сразу, — Ирбис вновь обратилась в слух. — Вот тут-то вы и влипнете. Шучу. Влипнет, конечно, он... Так вот, это его качество — искренность безограничительная — и могло определить во многом его дружбу с Семенычем.

— Да... да... это верно... Вы правы... — Ирбис ждала продолжения о Шелепове.

И продолжение последовало:

— Я полагаю, что искренность не разделяется по диапазонам и громкости. В этом смысле роли Семеныча и Степаныча удивительно смыкаются в противовес многому, что на визге ли, на шепоте за искусство выдается. Искреннее искусство, искренность... Трудно это и опасно. Взять хотя бы Таганку. Все признаются «после его жизни» в любви к Высоцкому, все были ему друзья, ну просто очень хорошие друзья. Так много любви и такие милые отношения! Непонятно только, с чего это мучился человек, куда рвался, чем не устроен был в мире, в общении... И друзья-поэты — ну просто всегда понимали, только вот почему-то не принимали. Ну никто ни словом, ни делом не задел, не обидел... Да не бывает так!.. А тут Шелепов вдруг рассказал — очень честно, просто и искренне... Что было, то было. Да, хотел играть Гамлета. Выполнял приказ шефа. Плохо ли это, хорошо, но — правда. Обычная, житейская, ни к доносительству, ни к травле отношения не имеющая. А режиссер постарался найти такой ракурс для искренности Шелепова, что обозначился в ней вовсе противоположный смысл. И 250 миллионов телезрителей отвернулись от уважаемого артиста, как будто и впрямь совершил он Иудин грех, в наглуго заменив его Гамлета своим... Вот она, цена искренности. Послушайте, сейчас я вам такую «бумагу» из папки извлеку — страсть, вот она:

«Иуда! Ты предал друга, и мы решили, что будешь поставлен на ножи. За него — смерть. Бойся ходить один по вечерам. Но от ножа подохнешь, собака. И квартира твоя сгорит с тобой и твоими щенками. Группа «Месь». Иваново».

Ирбис ахнула:

— Господи, что это?

— Это цветочки. А вот это похоже на ягодки, хотя еще не ягодки, но мало ли фанатов, больных и кликуш, которые возьмутся исполнить приговор.

Алексахин извлек из этой же папки целлофановый спрессованный пакет величиной с хорошую рабочую ладонь:

— Узнаете?

— Что это? Эмбрион в плазме?

— Нет, это сперма в гондоне. Этот презерватив использованный он получил заказным письмом с соответствующим текстом: «Так будет с тобой, юдофоб, антисемит и враг Высоцкого. Сказано — не бывать тебе Гамлетом, оставайся лаптем, каким был в своем вшивом Алтае» и т. д. Я ночевал у него в тот день, по утра которого он расписался у почтаря за сей подарок... Кстати, автор презента — женщина.

Ирбис полыхала, горела, словно в кровь ей впрыснули большую дозу хлористого кальция. Подступал к горлу, душил, казалось, «передозняк». Ее вырвало, едва она успела к поганому ведру. Умылась, отдышалась, причесалась, глаза блестели, не то слезились.

— Зачем вы это собираете?

— А он не знает, что я это храню. Взял выбросить, но по дороге, не знаю, что дернуло, сунул в карман. Мою убогую фантазию

это подпитывает, кипятит желчь. Когда-нибудь наберется у меня приличная коллекция всякого такого, и я отправлю «экспонаты» в его музей на Алтай. Он меня своим Чертковым хочет сделать. А я не отказываюсь. Еще раз поймите, не мне судить, не мне оценивать, но фильм был показан для всех, а значит, и для меня. И мне, именно мне, вот так увиделось: их похожесть — в предельной искренности. Может, и не прав я. Повторяю, когда пришлось мне наблюдать, как Шелепов на доске в «Годунове» балансирует — Европа-Азия — опасался за него чисто по-человечески, прикидывая, что об пол может трахнуть. Но он балансирует и в жизни на такой же доске, стоит на своей жизни и раскачивает ее. Какой же русский не любит... раскачать свою жизнь, чтоб с петель слетела? Но зрители... Одним интересно, чтоб он шлепнулся (и в жизни тоже), другим — боязно за него, а третьих интересует только прочность материала, выдержит ли доска. Между тем ясности, понимания он никогда не добьется, хоть рви он рубаху до пупа... Обязательно как-нибудь рванет и пониже, чтоб пояснить свое отношение к законам Моисея... Но то, что Семеныч в анкете назвал его другом, этого ему никогда не простят. Это слишком высоко... Он уж одним этим вошел в историю. Допустим, он действительно «мучитель» Высоцкого был, но эту ерунду ему простят, а вот то, что он в истории стоит рядом с Высоцким как друг — это для многих невыносимо. Ему будет завидовать, а зависть скрывать в нападках на него под благим радением за Володечку. Теперь они театр делят, а вместе с ним и Высоцкого — за кого бы тот пошел...

За воротами завизжал стартер, заурчал заведенный автомобиль. В дверях появился Народный:

— Ехать надо, Лариса Александровна. Меня еще комдив ждет. Стол накрывает давно.

— Ну, на дорожку позволю анекдотец про вас, а может, предсказание, быть... Ваш министр бывший звонит из министерства культуры Федотову: «Срочно превратить театр в храм. Только побыстрее, перестройка не ждет. Ответственный — ты. Дело не затягивай, это приказ». — «Слушаюсь». Через 10 минут у министра звонок: «Это я, Федотов. Все готово». — «Что готово?» — «Храм. Разрушили театр — и храм готов. По примеру Герострата, того что сжег храм Артемиды, одно из семи чудес света. Твоим именем назвали храм: Тюк-Голова». Министр смеется: «Надо же, какая ты сволочь, Федот, напугал. Ну, а так, все благополучно?» — «Все, слава Богу, только ворон твой любимый падали объелся». — «Да где же нашел?» — «Да жеребец вороной пал, твой любимый». — «Как так?» — «А как театр горел, на нем воду возили, да загнали». — «Да отчего же пожар случился?» — «А как хоронили беднягу Эфроса со свечами, так и подождли невзначай...» Шелепов перебил сказочку:

— Ладно, Артем, пока.

— Ну, пока, пока. Возьми на дорожку винца да зелени. Угостишь гостью. И сам пожуешь. Привози еще дерьма мешок, разберемся потихоньку. Вообще-то я сам скоро буду в Москве, в «Юности», там у меня два рассказишка идут... Подожди-ка, подожди чу-

ток, у меня ведь о «битлах» материал в «Огоньке» прошел. Вот не успел нашей гостье почитать. Полистайте в дороге, уважаемая. «100 км от Москвы» называется.

Ирбис села в машину, журнал бросила на заднее сидение. Голова у нее раскалывалась: «Господи, неужели я уехала?» Машина тронулась.

Вскоре она уснула. И опять ей в сон, как наваждение, в сотый раз явилось поразившее ее когда-то в кино увиденное зрелище — лошади без седоков на скачках. Беспомощность и отчаяние, и тоска, и одиночество охватывали ее, когда она вспоминала этих несчастных животных, потерявших своих хозяев на дистанции состязания. Для иных, с кем она пыталась делиться своим страхом, это была не более как чушь. Для нее же, особенно когда воображение расстраивалось, как теперь, — жуть неодолимая... Лошади шли по тяжелому маршруту вперегонки, на время: по пахоте, через рвы, плетни, через жерди, воду и кручи. Седоки не удерживались: падали, сваливались, брякались наземь, а лошадь скакала дальше одна. Лошади, роняя хозяев, догоняли и перегоняли друг друга, не оставя состязания: барьер за барьером, препятствие за препятствием — без шпор, без понуканья... Кони падали тоже. Ломали ноги, шеи, хребты, но гон продолжали другие. Почему?! Зачем?! Для чего?! Какая дьявольская нелепая сила гнала их? Зашоренных... По привычности ли дрессуры, по заданности крови или по законам табуна вершился тот бег? И среди лошадей живет страсть прийти первой. И лошади заражены первачеством, и каждая норovit другой хвост показать. Бедные, бедные животные, чему вас люди научили? Почему до боли сердечной жаль не того, кто упал под коня, а того, кто без поводыря остался? Какой смехач издевается над ними, потирает ручки и толкает на состязание-истязание без седока, без смысла, без идеи — к ложной цели?.. Обезумевший без жоака табун прокопытил по усадьбе Алексахина. Усадьба вспыхнула от подков и горела зеленым пламенем. И сгорела дотла вместе с кроликами и колорадскими жуками. Осталась одна яблоня, цветущая ядовитыми купоросными цветами, на глазах разбухающими в плоды — зеленые канцелярские папки. На всех папках надписи: «Сукины дети»...

Въехали в Москву. За выставкой остановились у светофора со стрелкой: прямо-направо. Направо — к ней в отель, прямо — к нему на кухню, под окном которой через три дня взорвется цветом жасмин.

— Куда едем? — разбудил он попутчицу. — Направо или прямо?!

— Куда хотите, — не прозревая последствий, — выдохнула Ирбис.

— Значит, прямо. Значит, судьба!

1987

У актеров на Таганке
Есть особенность осанки
И особенность судьбы:
Доказать Руси, Европе,
Что театр наш — не холопий
И актеры — не рабы.
Первые некрепостные
Из актеров Совроссии,
Вы — Любимова птенцы.
Был театр такого рода,
Как внутри тюрьмы — свобода.
Вы — таганская порода,
Бунтари и сорванцы.
На дощатой плахе-сцене
Рвал Высоцкий грудью цепи
И лучился заводной,
Легкий, звонкий, без натуги
Золотов, нет — Золотухин,
Золотистый, золотой...

*Экспромт Е. Евтушенко
в зале театра
на 50-летие В. Золотухина
25 июня 1991 г.*

8 октября 1987

Четверг

По болезни Полицеймако* отменено «Дно». Будем играть «Мизантропа». Господи! Спаси и помилуй. Еду в театр брать характеристику для Америки. Чушь.

Расстроил меня Глаголин**, а Тамарка очень и очень обрадовала — ей статья понравилась, она даже прослезилась, и больше об этом, про статью, писать я не буду. Тамарка уже получила заграни-

* Полицеймако Мария — актриса Театра на Таганке.

** Глаголин Борис — режиссер и долгие годы секретарь партбюро театра.

паспорт, заплатила пошлину, ждет визы... и в Париж. А я отвез в Госкино подтверждение на характеристику.

Баслина* опасается за меня в театре — резкое неприятие позиции Губенко, смелое чересчур выступление и пр., «так ты можешь стать в театре изгоем».

17 октября 1987

Суббота

Ой как хочется, особенно прочитав карякинскую, просто шедевральную публицистику, записывать и нынешний художественный совет, и разговоры «бесовские» Филатова Леньки, которого сегодня срочно ввели в худсовет. Пойду-ка спать я... Лечиться надо мне. Но худсовет был смешной.

— Ты все норовишь насолить Леониду, — говорит мне Глаголин.

— Я ему уже насолил давно, но другим совершенно...

Фурсенко хотят отдать в мою пельменную; надо или заканчивать эту болтовню, или заняться всерьез. Кстати, Николай очень легко (или, чего хуже, равнодушно) принял мою статью. А я-то ожидал, всю ночь не спал сегодня, готовился к речам, ответам. Все вышло совсем не так и в результате — гаже, потому что для них всех это — не отвечать, делать вид, что ничего не случилось, не помнить, не выяснять отношений и пр. Скорее всем слиться и тем самым весь грех поделить на всех.

Филатову я сказал:

— Я пока не могу выходить с вами на сцену. Мне совесть, память перед А. В. не позволяет этого делать. Но все равно придется... шесть спектаклей... В спектаклях это как бы работа, а «Дилетанты» — это добровольное содружество хоббийных начал. Пусть пройдет 25 января, оно должно закончить этап консолидации и нашей «перестройки».

18 октября 1987

Воскресенье

Хотел съездить в церковь, хотел... хотел... но стал «молиться телу» (Солженицын).

Зачем я звонил вчера Крымовой по поводу статьи в «Комсомолке» с возмущением и обещанием, что немедленно буду действовать, и расшифрую имена, и смою пятно с театра, и пр. Теперь стих и не знаю, что делать, и совесть и душа болят. Эти объясняют просто — они теперь обвиняют во всем Любимова, обещал-де приехать, не приехал, обманул, а мы не сориентировались (главное тут «не сориентировались») и понаделали глупостей, готовя ему встречу подобными демаршами. И тут для них важнее, что сориентировались все, в том числе и те, кто остался. Демидова

* Баслина — актриса театра.

объясняет это так: «а куда бы мы могли уйти, какой бы театр взял нас?» Да, многие, конечно, не смогли бы устроиться никуда, поэтому вдвойне предательством было их бросать и думать только о себе, о своей пресловутой несовместимости с Эфросом. И уж никто их не понуждал на оскорбление и зарифмованную цензурщину... А обстоятельства... Обстоятельства не извиняют — человек волен в выборе.

19 октября 1987

Понедельник

Да, вот так... Сегодня ответственный «Мизантроп» по фестивалю театра «Дружбы». Публика — по пригласительным. От Москвы три спектакля — «Так победим», «Собачье сердце» и «Мизантроп». Надо сегодня так сыграть, чтоб премию или диплом дали... Яковлевой*.

Голоса нет. Губа верхняя поражена паршой какой-то, лихорадка у правого уса и т. д. Однако, господа заседатели, это не последний еще день Помпеи.

США откладываются, самое раннее — это 8 ноября, но поездка вообще под вопросом. Так, значит, еще раз я съездил в Америку.

Господи! Молю тебя, пусть как можно лучше пройдет сегодняшней спектакль во имя памяти Анатолия Васильевича Эфроса, царство ему небесное. Пусть Оля получит какую-нибудь премию за роль свою, пусть их души соединятся в этом спектакле. Мне не нужно ничего, клянусь в искренности своей детьми своими. И никакой тайной мысли.

Позвонил Иван**:

— Я тебя люблю! Играй, паскудина, в самых лучших традициях, играй! Играй! Играй!

Глаголин:

— Когда я вхожу в театр и вижу, что на одной сцене идет «Мизантроп», а на другой — «Зори», спектакли, поставленные совершенно противоположными, разными режиссерами, в разных манерах, меня охватывают безотчетная радость и гордость нашего существования.

20 октября 1987

Вторник

Спектакль, как говорит Хвостов***, прошел замечательно и в том драматическом ключе, которого всего больше добивался режиссер. Ну и слава Богу! Не спалось после такого напряжения, а сегодня «Дом» возник, у Смехова бюллетень. Когда у меня плохо, я звоню прежде всего партнеру, у него же поставлено по-другому: он сразу сообщает в дирекцию. «Я так живу» — называется.

* Яковлева Ольга — актриса театра.

** Иван Бортник.

*** Хвостов Борис — режиссер театра.

Ладно. Самое страшное, вчерашнее, — позади. Что за про-
фессия, не перестаю удивляться. Сначала страшно — потом хо-
рошо.

21 октября 1987

Среда, мой день

С каким-то благоговением и чувством теплым выслушивал я
вчера младшую опять же Кондакову, об издании в «Современнике»
моего избранного, листов на 20. Сделать заявку и придумать такое
же гениальное название, как «Печаль и смех моих крылечек».
Вспомнил, как мы это придумывали с Тamarой, тепло...

И подумал, пока сдам рукопись, то ведь допишу же я свою зло-
счастную главу под условным названием «Родословная», но теперь,
недавно, недели две назад, подумал: да хрена ли мне антимионию
разводить, а не вместить ли в эту главу всю мою жизнь. И осталь-
ные рассказы комдива вкrapить в ткань главы, как бы в гостях в
День Победы и пр. И будет у меня конкретное обязательство, и
честное слово — напишу.

С Наташей мы поговорили. Такое ощущение, что она успокои-
лась и не надо мне будет шибко суетиться разоблачать преступни-
ков без конца. Они наказаны.

— Филатов говорит, что они зря полезли с этим «Современни-
ком», что это история некрасивая и пр.

— Кому это он говорит?

— Людям...

А мне он говорит другое — что-де там особенного. Не сориен-
тировались. Это они не смоят никогда. Их спасти может публич-
ное покаяние, как Раскольников на площади, но ведь они этого не
сделают никогда. Потому что — трусы...

Господи, прости. Сколько можно нам за них отмываться! А с
них как с гуся вода...

Теперь я собираюсь на крестины Андрея Краснополяского.
У «Морозко» меня будет ждать кума с машиной. Вот ведь прах че-
ловек — больше всего в этом деле меня кума интересует, да еще с
машиной. Прости, Господи!

«Дом на набережной» вчера так расстроил, как будто с кем-то
в смяту постель пришлось ложиться. Штейнрайх* очень смеялся
точности моих выражений — «сдвинута мебель чуть-чуть, да?»

Кот Тимка наблюдает туман из окна.

В любом случае надо истребовать рукопись из Барнаула — и у
меня полный, готовый объем.

Андрюшку мы окрестили каким-то ускоренным методом, орал
он безумно, всего боится, особенно купели. Бабка-прислужница
сказала, что это его бес не пускал и т. д.

* Штейнрайх Лев — актер театра.

24 октября 1987

Суббота

— Шок, понимаете... Вот не было литературы, и вдруг появилась «Один день Ивана Денисовича». И здесь: не было театра — и вот театр! — Это Зиновий Гердт о спектакле Додина в Малом драматическом театре «Звезды на утреннем небосводе» по пьесе Галина. Спектакль великолепный! Я всячески старался, уговаривал себя, чтоб он мне не понравился, нет — победил театр, актерская самоотверженность, сверхотдача при природных талантах актрис. Четыре блистательных актрисы сразу, вместе, в одном наборе. Все это завидно. И сразу вопрос: могу ли я так, есть ли у нас в театре такой потенциал?

Как это я заставил себя вчера оторвать задницу от дивана и поехать в театр? Калягин с Глушенко, Смоктуновский, Гердт, Юрский, Демидова, Арбатов, Менглет. Почему грустно?! Почему тоскливо?! Почему-то мечтается, что в пельменной у меня будет отдельный кабинет, с пианино, с разными портретами, с фотографиями Чуйского тракта, Сростков, Иркутска и пр. Неужели я стану опять театралом и забуду про пельменную?

Я не против Израиля, пусть Ю. П. живет в этой обетованной земле. Но вот что странно. Он так любопытно срежиссировал свой побег, что все ему сочувствуют, все так или иначе на его стороне, до того все «патриоты». Поступил человек неординарно, и уже его поступок вызывает уважение, кроме как у меня. Мне это глубоко несимпатично.

27 октября 1987

Вторник

Тамара возражает устраивать кино съемку у нас в квартире.

— Вот когда про тебя будут снимать, еще можно подумать, а здесь еще и вранье — видеомагнитофона у нас нет, и что это за дешевые показы...

О Высоцком надо очень строго снимать, не вдаваясь в лирические воспоминания, сопли, слезы и пр. Покойник этого не любил. А Сатуновский хочет еще, чтоб сын Высоцкого, Никита, читал письма его, записи дневниковые о нем... Я против. Сколько вообще у коллег амбиций. Говорухин тянет, водит за нос, истинных причин своего отказа (произнести свои же слова, что написал) не объясняет, и в кадр не торопится. Туров после дня рождения вообще заявил:

— Я первый его открыл, мне все обязаны, а теперь — все друзья его (Высоцкого), кроме меня! — Мат-перемат. — Пусть приезжают в Минск, я им там устрою съемку!..

Каждый из них, я думаю, хочет сделать фильм о Высоцком сам и по-своему. Ради Бога! Каждый думает и уверен, что только он имеет монопольное право на Владимира Семеновича и пр. Конкуренция у гроба закончится не скоро.

Крикухин замотает меня, и в конце концов я откажусь от кооперативной идеи — так он рассчитывает. Райисполкомы обязывают — вот в чем дело! — заниматься нами, частниками, нэпманами. И они занимаются так, что всякая охота и энтузиазм пропадают.

«Пера я не сложу из-за бытовых пустяков...» О. Мандельштам.

Нобелевская премия присуждена Иосифу Бродскому. Надо составить для Сережи библиотеку современных писателей с автографами. Виктор Некрасов передал мне книжку — автографа нет и писателя уж нет, веселого, выпивающего человека.

Взять автограф у Бакланова Григория Яковлевича. «Сибиряки» мои — Сергеев, Буйлов и др. — отличились в «Книжном обозрении», Карлсона в тунейдцы записали, Чебурашку космополитом обозвали. Высоцкий, по Сергееву, оказывается, не состоялся ни как актер, ни как певец, ни как поэт, а из Пастернака не надо делать суперзвезду. Черт знает что... Вот гласность до чего моих земляков довела, всю глупость обнаружила, да это даже и не глупость, это что-то нечто за гранью обычной грамотности, а они похваляются романами... «вы, дескать, помните, в первой книге моего романа...», и все высказались в этом духе. Хороши, нечего сказать.

29 октября 1987

Четверг, вечер

И вот настал этот день — премьера «Матери». Хочется, чтоб все прошло удачно, чтоб голос звучал, и у партнеров тоже. И назавтра чтоб осталось что-то.

Коснулась ли меня перестройка? Нет, никаким образом, мне перестраиваться не в чем...

Париж, звонил Никита*. Марина** выпустила книгу — полно обо всем, стриптиз. И про пьянку, и про наркотики и пр. Он удивляется, почему она про ребенка от Иваненко*** не упомянула. Если уж следовать избранной ей логике, надо было идти до конца... «Нет, что ты, это совсем другое дело. Володя ребенка не признавал, делал вид, что его не существует и на словах это подтверждал... Раз нет и нет... чего ей-то, Марине, лезть в это дело? Мало ли кто от кого нарожал...»

Как должен чувствовать себя человек, про которого говорят и он слышит это — «побочный сын Шалапина», «прижитый от Сталина мальчик». Лучше, конечно, звучит «внебрачный сын Горького» — «внебрачный» лучше, чем «побочный». А ведь Иваненко может и написать, и ей помогут, и ничего в том сенсационного не будет. Наркотики? Подумаешь! Эдит Пиаф и пр. У Марины сын чуть было не увлекся. К чему я пишу это перед премьерой? Да так, чтоб отвлечься.

Звонил вчера Тамаре ее первый муж Дима Воробьев. Три дочери у него — Палаша, Маша, Анна.

* Трушин Никита — эмигрант, диссидент.

** Марина Влади.

*** Иваненко Татьяна — в то время актриса театра.

Господи, благослови. Прости и помилуй!

А «Мать» прошла хорошо. Но грустно мне необыкновенно. Никак не начну я писать, а надо бы снова по три страницы назначить.. Что меня отвлекло? Дневники мои, в них я погряз и застрял, чтение их меня затормозило — я и дневники не читаю, и роман не пишу.

1 ноября 1987

Воскресенье

Ничто не должно помешать в воскресенье пойти в церковь, разве что болезнь. Слава Богу, я не поддался лени и в храм заехал — просил Матерь Божью, чтоб она перед Сыном слово замолвила за меня и вернула мне его расположение. Раньше в писаниях моих был Бог, потом он меня покинул, и его место в душе заняли суета, бабы, пьянки и пр. Надо вымолить у Господа прощение и упросить, чтоб вернулся ко мне и не покидал меня.

Вышла в «Огоньке» моя книжечка «Земляки». Славная книжечка, и уже вчера я занимался приятным делом — надписывал и дарил, в основном участникам «Мизантропа». Землячка С. вчера крепко, видать, выпивши была, текст едва выговаривала, внешне, конечно, было мало заметно, но дух шел отменный. Жалко девку, дарование у нее есть, данные богатые. Что-то сломало ее. Вот и заужаем потом девок экстремистских, вроде Андрейченко Натальи, что рвет и мечет... Зачем так распускаться, так не следить за собой, за своей душой, за телом своим.

2 ноября 1987

Понедельник

«Уважаемый Леонид Анатольевич!» Третьего дня принес мне мальчик-пожарник книжку мою для автографа — «Печаль и смех моих крылечек». Где взял, спрашиваю. В валютном магазине на Кропоткинской, стоит 1 рубль 20 коп — в валюте около двух долларов. Я в магазин. «Книжки поступили полгода назад, торопитесь брать, осталось совсем немного». «Ну да, — говорю, — надо сперва валюту купить, а потом уж свою книжку». К чему я это? Нельзя ли повторить тираж? Сколько я ездил по стране — везде спрашивают: «где купить вашу книжку?» Тираж ведь был смехотворный, хотя заявок было, я знаю, очень и очень. Да и урезана книжка была в связи с именами Любимова и Высоцкого. Время расставило многих по странам и кладбищам. Мне жалко эту мою книжку, я хотел бы вернуться к ней. Помогите.

С уважением, В. Золотухин.

Вчера выступление в ДК МИСИ с поэтами, издававшимися в «Современнике». Какое убожество воинствующее! Приехал домой поздно. Подсунула Тамара журнал «Наш современник» со статьей

* Фролов Леонид — директор издательства «Современник».

Элизы Дубровиной. Господи! Надергано цитат и подведена черно-сотенная дремучая, бескультурная, но кроваво-топорная черта.

Де мидова: «Меня просили тебя уговорить... я тебя понимаю, тебе не хочется со Смеховым, с Филатовым выходить, но ведь надо когда-то соединиться... объединяться...»

Жатва комплиментов за книжку.

3 октября 1987

Вторник

Я хочу в Корею, чтоб отдохнуть и пописать там, о чем думаю. И это понятно — Гоголь в Риме «Мертвые души» писал. Вдали от дома — думается о нем и пишется. Я в Милане довольно много и симпатично в результате размышлял об А. В. Эфросе и обо всех нас.

7 ноября 1987

Суббота

Губенко истерически кричал, что я отлыниваю от решений вопросов театра, келейно пишу о театре, издаю книжки и т. д. и т. п.

Как жить в Корее и в самолете — выпивать или не выпивать? Как получится, говорит Витька Семенов*, но с собой коньячку надо взять, а как в номере случайно выйдет вечер...

14 ноября 1987

Суббота. Пхеньян

Поздно вчера вернулись из Джунжина. Ехали целый день в скверном поезде, пятнадцать часов. Там ночевали и выступали в консульстве, дарил книжки огоньковские. Много было вопросов ко мне, и я отвечал, как думал, про Любимова. Я преклоняюсь перед генералами, которые не предают своих маршалов — так вот, я не могу знать всех причин и потому не могу судить... Деньги, кажется, я все пропил, да и нечего тут покупать. Чем аукнется мне эта поездка — черт его знает, сильно хорошо выпили в баре до самолета и в самолете. Я купил чеплажку водки за три доллара из 11 мне причитающихся и тем гордился, что вот, мол, вам, крохоборы, смотрите, как надо жить и пр. Купец дурацкий.

21 ноября 1987

Суббота

«Энергичные люди» Шукшина, предлагают Аристарха. И уговаривают. Боже мой! А компания-то какая — Гафт, Невинный, Кочетков, Сатановский. Какое же мастерство мне надо будет проявить. А время... а сроки...

* Семенов Виктор — актер театра.

22 ноября 1987

Воскресенье

Приехал в час ночи, напился лекарств. Встал поздно, ловлю себя на том, что все время думаю о моей парижской жене. Как она там, моя королева. В Пхеньяне много было разговоров о Шацкой и Тамаре. Шацкая — красавица, а Тамара — королева и т. д. Арнис обижался, что я его прибалтом называю.

— Я — латыш.

— Ну да, ты — латыш. Но ведь и прибалт..

Шугаев — вот кто мне нужен для поступления в Союз. Надо выйти на него. Поговорить, выяснить обстановку и просто объяснить ему.

Написал Шугаеву, послал ему заказным и книжечку. Что ответит, интересно, и ответит ли?!

23 ноября 1987

Понедельник

Миленький мой! Ты велела не звонить, и я не звоню, не потому что это дорого, а потому что боюсь тебя не застать, и когда ты узнаешь, ты очень расстроишься. Я так уж по тебе соскучился, так хочется обнять тебя, я очень тебя люблю и хочу, чтоб все у нас благополучно закончилось, я имею в виду жизнь. Занимаюсь тем, что надписываю свои книжечки, вкладываю их в конверты, заклеиваю и отправляю. Сегодня был дома у Володи Захарова, режиссера, на репетиции «Энергичных людей». Среди слонов Кочетков, Сатуновский, Иванов и я, моська, даже жена у меня слониха — Люся Кудрявцева из Художественного театра доронинской половины. Кстати, был я сегодня у Натансона, и он мне понравился. Если Доронина утвердит мою кандидатуру, то я, наверное, буду сниматься у них.

24 ноября 1987

Вторник

Родненький! Видишь, как мы слышим друг друга! Ты не выдержала и позвонила. Я уже спал, у нас был уже второй час ночи, но я понял, что это звонок от тебя, что это звонит Париж. К Наташке пришли гости, тебе стало нестерпимо скучно и тоскливо, ты спустилась вниз и зашла в автомат. Скучно тебе там, скучно... Только с Никитой Трушиным тебе и хорошо, это самый лучший человек, с которым ты познакомилась в Париже. Он любит Олю Яковлеву, только о ней и говорит.

Я никогда никого не любил так, как тебя, моя Тамара, и никогда никого так не ждал, ни по кому не тосковал, как по тебе, моя несчастная жена, а может, счастливая? Не всякий муж жену в Париж провожает.

Теперь я повторил текст и молю Бога, чтоб послал нам всем

удачи в сегодняшнем спектакле — спектакль будут снимать для Союза театральных деятелей. Принято такое решение: снимать для вечности спектакли выдающихся режиссеров. Начали с «Мизантропа». Ну, дай-то Бог. Как-то не надо бы думать об этом, чтоб коленки не дрожали, голоса почти нет, но, может, это к лучшему — не будет обычных моих белых, крикливых, наглых нот. Прочитал новеллу Кайюа «Понтий Пилат» — забавный выверт, мучения Пилата. Эпилог. В эпилоге — Христос не был распят, христианство не состоялось как религия, и история рода человеческого пошла совсем иным путем. Совсем не тем, что пересказал Пилату друг провидец Мардук-иудей, что в видении своем и Рафаэля с Бодлером, и монголов, стоящих у стен Киева и Вены-Дунайской обозрел, и многое другое, но ничего этого не было, потому что Христос был помилован Пилатом и не распят.

3 декабря 1987

Четверг

Весь мир постыл. Не надо же все неурядицы переносить на Тамару. Однако почему она так мало занимается сыном и он растет очередным обалдуюем. Тот с меня тахту требует, в снятую комнату, на ту кровать он не уместается, видите ли. «Я люблю с комфортом!» Хоть справку наконец-то в ГАИ вчера взял. «Энергичных людей» потерял, Натансона потерял... Зато жену встретил по-человечески: читал дневник ей, как ждал я ее и плакал... Господи! Доведет же змей проклятый! А встретить бы да не напиться, а? Слабо?! Наглость — сестра гражданственности, особенно у женщин.

Я столько отправил заказных писем с «Земляками» и ни от кого звонка не получил.

4 декабря 1987

Пятница

Звонил несколько раз Полока. Когда обсуждали сценарий Сапожникова*, я был настроен на правду-матку. Как уж Полока подвел разговор, но я ему так же резко сказал, что Володя никакого отношения к написанию письма Брежневу не имел. Он мог наверняка принимать участие в разговорах, обсуждении плана и т. д., но к самому тексту он не прикасался, и я не могу ничего процитировать «от Высоцкого» из письма... Но он его подписывал и под каждым моим словом того времени он подписаться мог, не читая. Значит, это и его слова и, если вам нужно это для чего-то, то, конечно, цитируйте от имени В. Высоцкого.

Полока испрашивал у меня как бы разрешение, благословение на эту акцию. Факт, что Высоцкий обращается: «Дорогой Леонид Ильич! Мы гордимся результатами Вашего труда» и т. д., Полоке прежде всего нужен сейчас для престижа «Интервенции», для за-

* Сапожников Сергей — композитор, музыкальный критик.

щиты ее. Миллионы почитателей В. Высоцкого, безоговорочно верящие и любящие его, преданнейшие и благодарные ему за каждую его песню, поверят и цитате из письма и поймут — как В. Высоцкий относился к «Интервенции». Из Одессы слух пополз вонючий, что Высоцкий в результате был недоволен картиной или собой в картине. Второе возможно, и это я помню, но к картине в целом он относился хорошо. Вот такие пироги.

Бортника в черном свете Марина в книге выставила как одного из тех, кто способствовал вольно или невольно ускорению приближения кончины В. В. А Крымова записала его в убийцы Эфроса. Не много ли жертв у Ванечки? Или сам он жертва людских наветов?

5 декабря 1987

Суббота

Что может быть большим счастьем для настоящего художника? Прижизненная слава или память потомков? И того и другого Лемешеву не стать занимать. Слушайте голос Лемешева, и вы обретете очищение и покой, душевный восторг, желание и силу делать дела добрые. И благословение на дела и желания добрые.

Что же мне делать после всех этих рецензий алтайских? Бросить, что ли, совсем писать. Горшенин рассказ «Иван, поляк и карьера» назвал замечательным. «По-моему, вообще очень хороший, точный, прямо-таки в шукшинских традициях рассказ». Шукшинские традиции никому не дают покоя из живущих за Уральским хребтом. А я хочу писать не как Шукшин, а как Битов! Тогда что?!

6 декабря 1987 г.

Воскресенье

Какая-то не на шутку война разыгрывается вокруг Кузькина. Можаяев прет на Губенко, и главный аргумент — «Золотухин рвется, готов за полторы недели восстановить, а ты упираешься! Чего ты упираешься?» Теперь Губенко меня в угол загоняет и берет за глотку: «Восстановите до 1 января. Пожалуйста, меня все равно не будет до этого времени в театре. Ты гениально играл. Партитура у тебя вся в голове». Не видел, но покупает.

Какая партитура? Я же все время на сцене! Какая партитура у главного исполнителя, кроме своих забот, еще может быть! Я же не видел себя со стороны, последние репетиции были в 1976 г. А закрыл интригу Борька и хочет всех сшибить лбами. Возникла у Боровского идея пригласить Любимова на восстановление спектакля.

Это же не прилично ни тому ни другому. Какова наглость, да нет, каково бесстыдство, да нет, да это не укладывается в нормальные рамки... А какие панегирики пропел Филатов в коротенькой сопроводилровке к портрету Губенко!

«Лидер». Неужели эта лесть Николаю как-то может понравиться? Что ни слово, то стыд... А ведь «ТЖ» мне предлагала написать, и

опять я Ленке насолил. Все можно! Я — гений, ты — гений. Судя по некоторым высказываниям, артистам это пришлось не по душе. А уж что он Владимира припел в таком свете! Ну, Ленья! Ну, Ленья! Каково? Каковы порядки? Актер о главном режиссере, еще ничего не сделавшем... Боже мой! В какую дыру он его-то толкает, Николай? Ну что это такое? Помилуйте, это что — всерьез?

7 декабря 1987

Понедельник

Вечер. Чуть было не отправил грамотному читателю из Иркутска и опять редактору С. М. письма. Да одно письмо другое зачеркнуло. Больше всего во всей беседе В. Конкина* задело, как и многих других, что я Высоцкого великим поэтом назвал. А, пусть думают что хотят, все, начиная с Распутина. Высоцкий — великий поэт, и время уже сказало свое слово.

8 декабря 1987

Вторник

Губенко поставил вопрос ребром: поскольку «Мать» едет в Испанию, то едет тот состав, который восстанавливал спектакль, что означало — ни Бортник, ни Шаповалов в сборную не попадают. Ванька взвился. Ему тем более обидно, что только накануне мы, обсуждая эту проблему, как-то единодушно решили, что Коля не посмеет и заикнуться, а Коля посмел. Потом его Глаголин уломал, и он сказал: «Тогда пусть играют и в Москве».

10 декабря 1987

Четверг

Что мне делать с моим кооперативом? Да по такой жизни раз-ве можно что-нибудь сообразить?

Сегодня «Мизантроп», и придет Натансон. Как-то умудриться бы хорошо сыграть и понравиться ему на предмет Феди. Бог поможет мне. Главное — сыграть.

Кефир с сухариками — весь мой завтрак. Хочется похудеть, но энергию не терять. Удержаться бы сегодня от выпивания в машине, которое сулят мне продавщицы после спектакля, к дому подъехав. Удержаться бы и до Нового года сухим остаться.

Швейцер. Я ничего не записал о его вечере 5-го декабря в к/т «Родина». Были Смоктуновский, Юрский, Семина, Калягин, Трофимов и я. Я рассказывал о пробах на Моцарта и как меня встретил Иннокентий и сказал:

— Видел... отвратительно. Так нельзя... он гений. Как вы да я... Да-да, я — эпоха и я всегда говорю правду, а вы не обижайтесь... Все смеялись, и он тоже. Потом сказал:

* Конкин Владимир — киноактер.

— Вы замечательно говорили, Валерий.

Вообще вечера Швейцера проходят ужасно ordinarily, неизобретательно и скучно. Никто не может ему их сочинить, сфантазировать. Все нужно делать самому — две-три зажигательные идеи, и весь вечер засверкал бы. И я, и другой, и третий все должны делать свои сами — вечера, статьи, рекламу и пр.

Доронина. Как в жизни пересекаются неудобно пути. Натансон предложил роль. Роль не моя, но интересно тем более. Все зависит от Тани Дорониной. И вот на вчерашнее собрание приходит начальник из нашего профсоюза и приносит анонимную телегу, писанную на нее в ЦК, в Комитет партийного контроля, и подписанную... мной, Абдуловым и Багиняном. Никто из нас троих бумаги этой в глаза не видел. Письмо о возмутительной бесхозяйственности в нашем садоводческом кооперативе. Собираются деньги. Столбы на электричество завозили два года, три года они валялись. Сгнили, теперь их стали вкапывать и будто бы неправильно — провода ведут к источнику, который не может вырабатывать или передавать электроэнергию. И во всем этом, вплоть до «куда же деньги ушли?», обвиняется коммунист Доронина. И я должен коротко изложить свое мнение. Мне очень хотелось бы, чтоб на даче скорее было электричество, — это и свет, и телевизор, и тепло. Но еще больше мне хочется сыграть Федю... то есть не портить с Таней отношений. Когда-то она очень тепло отзывалась о моей прозе и чем черт не шутит — не придется ли мне проситься к ней на работу в ее МХАТ. Я написал все, что соответствует истине: «Письмо не читал, не писал, не подписывал. Сам факт подделки подписей — криминал». И подпись. И все-таки, если бы не Федя, я бы сделал добавление, что электричества, дорог и воды до безобразия долго нет. А уж кто там виноват? Психологический этюд перед «Мизантропом».

Сбылась моя мечта и надежда — я получил от В. Распутина замечательное письмо, писанное им, видимо, в хорошем расположении. Книжечку мою он перечитал в первый же вечер на даче. Мал золотник, да дорог. Сетует, что мне мало удастся писать. Вот, говорит, Евтушенко — тоже актер, а пишет, и много. И про мою пельменную он знает. Написал В. Распутину. Волина с жутким сожалением говорит, что Валентин включается в компанию Бондарева, Белова, что у него, чьи безупречные талант и совесть были примером чистоты и гармонии, стали все чаще звучать нотки антисемитизма, великодержавно-шовинистический настрой; откровенное неприятие нынешней молодежи, ее увлечений, ее музыки переходит всякие этические нормы, а ведь молодежь, хотите вы или не хотите, — наше завтра! Надо с ней работать, но не презирать и не отталкивать. Бондарев и Белов, который просто свихнулся на своем антисемитизме, тянут Распутина как знамя, и он, как ей кажется, подписал статью в «Правде» не читая... иначе он нашел бы какие-то иные слова и мысли о молодежи и пр.

16 декабря 1987

Среда, мой день

Позорные дни — с понедельника и по сей день. Похороны Серенко* окончились в кафе грязной руганью с Филатовым. Стыдно. Написал извинительную записку Леониду, теперь жду время, чтоб с «Юностью» в Загорск поехать.

Позвонил Филатову и легче стало.

25 декабря 1987

Пятница

Два подарка — два письма-отклика — Распутина и Шифферса. Шифферс: «Посему, еще раз, по „Землякам“ не только порхал, но прочел от и до, и считаю хорошей прозой, и советую так вот и писать дальше, хотя, конечно же, смерть любимых не будет уж слишком часто кормить нас, грешных, для творчества, а?»

26 декабря 1987

Суббота

Зависти были полные штаны у меня. Хотя за все, что говорили лауреаты, за все те пустые мысли и слова, медали бы у них надо было отобрать «взад». Янковский, в бабочке, в дымчатых очках, подпрыгивал и показывал кулак, как это делает Марадона, когда забивает гол. Показывал он знак победы своим, а нам — как бы хрен в нос. «Нам» — это присутствующим артистам Таганки. И опять я вспомнил Кузькина и Любимова.

Я видел весь материал «Нехорошей квартиры». И мне это пришлось по душе, трогательно. И судьба, мое прикосновение к Булгакову, и вполне скромное и вполне достойное дело — защита музея, созданного горожанами. Этот подъезд мне стал родным не только надписями, рисунками и тем, что здесь ходил когда-то гениальный интеллигент, но еще и потому, что меня согревали там самогоном и человеческим теплом, которого не хватает ни дома, ни в театре, ни в автомобиле. Все это я пишу торопясь на «Матери».

27 декабря 1987

Воскресенье

А книжка «Четыре четверти пути», по-моему, хорошая. Хорошая, что говорить. Будут лучше, но эта хорошая, в ней я его живого кое-где нахожу и слышу. У Говорухина, по-моему, хорошо.

И сам составленный из концертных разговоров текст Владимира совсем не плох, толково соединены разрозненные, разновременные куски.

* Серенко Анатолий — актер театра.

30 декабря 1987

Среда, мой день

Отправил в Дом инвалидов Хильме в Воронеж посылочку: чай «Бодрость», шпроты, стуженное молоко, печенье, тушенку и пр. мелочь вместе с журналами. Бедная моя землячка по санаторному детству.

«10 дней» идет. С Тamarой помирились и стали жить.

31 декабря 1987

Четверг

Заканчивается год. Год потерь. Начался он со смерти А. В. Эфроса. В июле умер отец. На сердце грусть и печаль светлая. Опять и снова хочется плакать: одиноко, хотя мои родные дома и стряпают.

В 1987 г. мы были с Тamarой в Париже... хотя и врозь. Был я в Италии, в Милане и Венеции. Напечатал «Похоронен в селе». И вышла книжечка в библиотечке «Огонька». После 20-летнего заключения вышла на свободу «Интервенция». Господи! Главное — живы, здоровы и в хорошей форме сейчас.

Скоро мы ее начнем портить.

1988

6 января 1988

Среда, мой день

Помирать скоро, а как-то неохота, потому что не сделано ничего. А что и сделано, только позорит и без того бездарную жизнь, ложную жизнь. Подражательную погоню за двумя дамами — славой и юбкой.

8 января 1988

Пятница

Нужно написать две странички, чтоб спасти полосу в «Советской культуре» о Высоцком. Что написать, из какого пальца высосать? О спектакле, которого пока нет, и что будет 25-го — неизвестно. Написать о Лужниках. Но это все не про Высоцкого, а про нас вокруг Высоцкого. Что, собственно, нужно написать, какое слово молвить, чтоб спасти себя и полосу. Может быть, Гармаш* мне поможет?

* Гармаш Татьяна — журналист.

12 января 1988

Вторник

Накануне до двух ночи сидел — писал заметку в «Советскую культуру» «Духовной жаждой томим...» — очень собой гордился, могу же заставить себя работать допоздна. Какая-то интересная пропозиция намечается. Собираюсь я в Америку. Вот позвонил мне Досталь, он все разузнал и радуется, будто сам едет — Лос-Анджелес, Чикаго, Сан-Франциско, Вашингтон и пр. Коммерческая поездка с песнями и плясками. Мы с Гурченко. Что мне, гитару брать, что ли? Да был бы я просто в голосе, а там разберемся. Ну что ж, Америка так Америка!

Завтра годовщина А. В. Эфроса. На художественном совете решили, что минуту молчания перед «Вишневым» объявит Дупак. Крымова просит, чтоб это сделал я. Дупак возмущен и обижен. «Я для Анатолия Васильевича и на Бронной, и здесь сделал гораздо больше, чем она. И пусть они кончают эти козни и интриги». Я считаю, что, конечно, директор это должен сделать. Пусть уж Наташа не обижается. Но звонить я ей по этому поводу не буду, тем более есть волевое слово Николая. Ни в коем случае, только директор.

13 января 1988

Среда. Театр

Вернулись с кладбища от А. Эфроса. Год пролетел. Играем в его память «Вишневый сад». Народу было мало.

15 января 1988

Пятница

Мерзкое Ванькино сообщение — Губенко прокалывают шины. Показал он Ивану конверт, где кармашки сделаны. Николай обозначен как «убийца Эфроса», а «остальные места можете распределить сами между своими подручными».

Идет репетиция «В. В.».

— Николай! В такой же серый, пасмурный день Эфрос мне показал подобное послание с иголками в замке машины и квартиры. Что ты обращаешь на это внимание?..

— А как не обращаться?!

— Не знаю.

23 января 1988

Суббота

Жизнь остановилась. Тотальное положение — вся страна, кажется, готовится денно и ночью к 25-му, к 50-летию Владимира. Господи, спаси и сохрани человеческое обличье наше. Вчера был хороший прогон. Я расчувствовался, пошел к Губенко в кабинет.

— Благодарю тебя...

— За что?

— Труппа не ошиблась в выборе главного.

Да, он молодец, и, конечно, лидер, и, конечно, главный. Он объединил нас, он не только восстановил сделанный Любимовым спектакль, он вычистил его, добавил великолепное свое — монумент — детей и пр. А главное — личный его пример работоспособности, а о таланте и говорить не приходится. Вот такие мысли накануне второго прогона.

Сегодня вышла моя статейка в «СК» «Духовной жаждою томим...» — в соседстве с замечательной статьей Кречетовой, и я этой публикацией во всех смыслах, — а их там, как мне кажется, много — доволен, хотя и сидит во мне «мохнатый, злобный жлоб».

27 января 1988

Среда, мой день

24-го чуть не сгорели в Лужниках. Венька признался, что оставил включенным фен в душевой парной. Слава Богу, что пришла и — удивительное дело! — нашла меня Дели-Адель, гречанка из Баку, в 47 комнате, где Венька учил Евтушенко, Рождественского и Вознесенского, как надо разговаривать с народом о Высоцком. Она фанатик В. В., принесла мне, «брату Высоцкого», целую сумку подарков — коньяк, пахлаву, гранаты, и все это понес я в нашу актерскую комнату, открыл, а войти не могу — черный дым в душевой, как в топке, бушует пламя. Я вбежал и открыл кран у еще не загоревшейся раковины. Думаю: залью хотя бы пол, но потом дошло, что вода спокойно уходит в сток. Прибежали пожарники, затушили быстро, но прокоптиться я успел изрядно. Пришел домой черный с лица. Тамарка: «Как ты устал, ты посмотри на себя — глаза ввалились», а когда я стал умываться, обнаружилось, что это всего-навсего сажа. Утром с головы тек деготь. А выступление прошло довольно сносно, хотя были моменты, что свистели Градскому, кричали «на мыло!», подсвистывали Вознесенскому. Вообще я обнаружил странную неприязнь к нему со стороны толпы. Это обнаружилось и на открытии мемориальной доски.

— Где вы были при жизни, Вознесенский, почему не помогли?

Андрей робко произнес:

— Я помог..

Но начальник сказал ему:

— Не уподобляйтесь.

Что же сказал я? Выступивший без бумажки, без подготовки, вместо заболевшей Демидовой. Она в Лужниках раза два запнулась в стихе и посчитала все наше выступление лажей. Хлопали ей мало и жидко; мы, надо сказать, подставили ее, не надо было ей начинать, и читала она стихи серьезные, не острые, как у меня, — «Черный человек». Так что же я сказал, когда упало покрывало с доски (очень здорово выполненной Рукавишниковым — треснутый колокол и орущий рот Высоцкого в профиль). Я связал праздник 50-летия с годом 1000-летия крещения Руси. Для каждого культурного человека это великий праздник, и если мы будем следовать примеру ду-

ховного подвига В. В., то к 2000-летию крещения Руси она действительно станет могучей и обильной. Это дерзкая мысль имела успех у народа. И Никита Любимов* показал мне большой палец и угостил просвиркой, когда мы после сидели с Адель в кафе. До открытия Иван, Адель и я поднялись к Нине Максимовне**. Я выпил кипятку — замерз шибко и перенервничал. На кладбище была такая тьма народу, что нашу жалкую процессию под руководством недалекого, но славного Дупака развели на части. Мы выходили с кладбища, а театр группами все еще пробивался к могиле.

24-го ездили с Сережей в театр за билетами и встретили Марину, которая подарила театру статую Володи скульптора Распопова. Так замечательно установился он во внутреннем дворике театра, как будто еще при жизни Володи, еще когда проектировали новый театр, будто уже тогда, почти двадцать лет назад, предусматривали место для посмертной фигуры В. В. Я объяснил Сереже, что Марина — это жена, вдова В. В.

— А которая она?

— Ну та, красивая, с которой я целовался. Она одна была из женщин, не помнишь?

— Нет, я в ноги смотрел. — Но дома, еще не успев раздеться, уже кричал матери на кухню, кого он видел в театре.

25-го перед спектаклем Коля сказал небольшую речь, и статую осветили. Тень на стене оказалась настолько живой, будто Владимир вышел на «Гамлета».

Перед началом нашего действия страстно политично, несколько долго ораторствовал Евтушенко. Он высказал общее возмущение театра и общественности тем, что афиша с фамилией Любимова не пошла в расклейку, запрещена неким Беликовым, по странному совпадению однофамильцем чеховского героя, но и в действиях подобным — «как бы чего не вышло». Говорил о том, что он, Евтушенко, во многом не согласен с тем, что наговорил Любимов за границей, но он художник, не политик, человек эмоциональный, горячий. Нельзя умалчивать его значение как создателя театра, который двадцать лет назад говорил о том, что теперь разрешено говорить всем. Из лучшего, гениального спектакля, «Кузькина», вышли потом все спектакли и фильмы, посвященные деревне. Этот спектакль необходимо восстановить и показать народу и пр.

Наше поэгическое действие бесконечно прерывалось аплодисментами. Аплодировали и артистам, и стихам. Я работал не лучшим образом, но хотя бы чисто. Слишком большое напряжение выпало на мою долю. Утром ведь я еще на рынок ездил, купил 50 штук гвоздик за 60 рублей, потом помчался в «Юность» и отдал Ирине в перепечатку рукопись.

После спектакля Николай преподнес всем участникам по самодельному буклету о спектакле, истории его создания и по плакату,

* Любимов Никита — старший сын Ю. П. Любимова.

** Нина Максимовна — мать В. Высоцкого.

пригласия всех участников в кафе на а-ля фуршет. Я передал коллективу слова Марины, что спектакль стал гораздо сильнее, что она очень благодарна артистам и театру.

28 января 1988

Четверг

История с Гамлетом, рассказанная мной в рязановском фильме, вызвала бурную реакцию у зрителей. Они склонны меня осуждать.

Вот записка: «Из работы Э. Рязанова о Высоцком узнала о Вашей работе над Гамлетом. Неужели 16 лет дружбы с таким человеком для Вас прошли бесследно? И сейчас Вы бы выполнили любую ценой?»

Ну, во-первых, я не сыграл Гамлета. Это был все-таки больше сговор с Любимовым, чтоб привязать Владимира к театру крепче, но это одна сторона, а другая...

А почему нет? Сейчас, когда я понимаю, что жизнь творческая по возрасту, силам и пр. подошла к той черте, когда такая роль уже ушла безвозвратно, я думаю: а почему мне было бы не попробовать ее сыграть? Почему я пощадил его самолюбие, а он мое — нет? Ведь уж если друг — так, пожалуйста, играй, я уже сыграл, играй ты, более того — я тебе помогу и расскажу все закоулки роли. Идеальная модель дружбы предполагает такие взаимоотношения... Тем более и главное, что идея исходила не от меня, и уж на кого он был обижен в первую очередь, так это на Любимова, что тот позволил назначить второго исполнителя и т. д.

6 февраля 1988

Суббота

Я получаю угрожающие письма, что я поставлен на ножи, что квартира моя сгорит вместе с моими щенками, что сдохну я от ножа и пр. За Высоцкого — смерть. Что наклепал Рязанов в этом эпосе и куда завела меня моя искренность и желание что-то рассказать неординарное о В. В.? Почему Смехов взял на себя такую миссию — выговорить своими устами, что Высоцкий до смерти не простил этого актера, осмелившегося репетировать сыгранную В. В. роль? Что это за бред? И что мне делать? И вот В. Яворивский из Киева пишет: «Много нюансов того времени вскрыла передача: смело смонтированы куски с Золотухиным, рассказ матери, цветы на кровати. На очень длинные кадры уже никто не жалел пленки» и т. д. Что за мысль в словах — «смело смонтированы куски с Золотухиным»? Что это значит?

Вчера звонил Глаголин — успокоить и поддержать, чтоб я не обращал внимания. Дупаку приходят письма на меня, а Глаголин говорит, что я был единственный искренний человек и говорил хорошо. Что это? И вправду стало страшно жить. Ведь дураков-то сколько, сунут финку в спину или трахнут по башке молотком... из-

за того, что я не сыграл вовремя Гамлета. А я-то как радовался, что вышел из всей этой юбилейной кампании, из всего кликушеского воя достойно-нормально. Я убежден, что по чести так оно и есть. Но какой-то туман напущен Рязановым сильно, и он пугает. И какая-то образовалась обида на весь мир. Какая-то вопиющая несправедливость.

Сегодня «Вишняк», но идти в театр неохота. Во-первых, чудится почему-то свист, гнилые яблоки, а во-вторых, провокация. Страх, неужели один страх? Невозможность ничего никому доказать.

Мрак в душе, сплошной мрак, в чем дело? Чем все это можно вышибить? От «Мизантропа» завтрашнего я отказался. «Дно» тоже не буду играть, в театре ждет меня много гнусной почты. Подвели-таки меня евреи.

Господи! Спаси и помилуй нас, грешных, до чего же люди так злы, грубы и отвратительны! Не уйти ли мне из театра? Все это еще под впечатлением мафии из «Спрута», совсем тошно.

Почему Тамара доводит Сережу до слез, а он ее — до истерики? Почему они не могут заниматься идилически, как бы мне этого хотелось? Ну вот, надо собираться на Голгофу, да чего уж я так дергаюсь? Звонила только что Швемер из Челябинска, тоже успокаивала и ругала Рязанова. Нет, дерьмо всколыхнулось сильно, и я еще хлебну, конечно...

7 февраля 1988

Воскресенье

Да, против таких плевков и обвинений устоять трудно. Из всего потока брани два письма, в которых содержится истинное понимание моего признания, а в общем получился — бисер перед свиньями, по-другому не скажешь. Конечно, Рязанов добавил своим монтажным локтем много для кликушествовавшей публики, ищущей конкретных виновников, затравивших гениального поэта, а тут совсем рядом и искать не надо, сам признается, что доставил обиду кумиру, ну, так ату его!.. Но не виноват я ни перед Богом, ни перед Володей, и уж тем более перед воинствующим войском защитников покойного барда. Где они были, эти защитники, при жизни... Теперь, когда издали, напечатали, поставили памятники, легко об этом вопить...

Уходить из театра — это бегство, хотя видеть мне многих не хочется, а уж Смехова... И надо все-таки делать зарядку и приниматься за «Годунова». Думаю, из потока этой клеветы, грязи, несправедливости, что принесет мне еще немало страданий и мук, надо найти чистый и достойный выход, не впадать в уныние и панику. Дьяченко* прав — это естественный расчет за правду. «Ты единственный, кому было чем поделиться наболевшим, и ты поделился, и получил за это».

* Дьяченко Борис — в то время актер Театра на Таганке.

«Русофилы, — говорит Алексеева*, — на твоей стороне. Но страсти вокруг тебя кипят...»

Нравственное уравнище публикой было решено в пользу В. С., а оно решения не имеет.

8 февраля 1988

Понедельник

Впрочем, я ведь знал, отправляясь на съемку к Рязанову, о чем я буду рассказывать, — о Гамлете. И я подозревал, какое негодование вызовет это мое откровение, другое дело — пришло ли время для таких откровений, не оставить ли их на посмертный час?

«Рязанов вас приложил... Человек не побоялся открытой правды, рассказал, как это было... но культуры общения нам не хватает, не хватает терпимости. Нравственный хаос...» Большинство увидели меня в непристойном свете, а уж кто там виноват — поздно разбираться.

Теперь надо решать с книжкой в «Современнике» и «Сов. писателе».

26-го в издательстве «Книга» состоялась премьера книги «Я, конечно, вернусь». Не приглашен. В авторах не значусь. Что это значит? Крымова не звонит, и мне понятно. 23-го вышла газета, где Любимов, Губенко и она... в одном контексте, рядом. И я желаю Губенко и иже с ним удачи... А в зал она не приглашена. К тому же 13-го, в годовщину, я не послушался ее совета, и перед «Вишневым» говорил Дупак. Все это дает ей основания думать, что мы опять окончательно в разных компаниях. Выбросить меня из книжки она вряд ли успела, тем более что материал мой впрямую связан еще и с Эфросом. Могло ее раздражать и то, что в рязановском сериале я опять повторил историю с Гамлетом и как бы продал информацию в два издания. Хотя я ведь не знаю, как она восприняла мой откровение и растерянность и провокаторство Рязанова. Так что вывод один — замолчать, готовиться к «Годунову» и писать «Родословную», пока действительно на ножи меня не поставили.

Пропала из дома книга Марины Влади. Грешу на Ваньку, больше некому. Нет, это не так. Кажется, мы сейчас с Тамаркой разобрались: она привезла две книжки Влади. Одну отдали Каневскому, другую — Ольге М. Что мы ищем, чего не теряли? Господи, прости и помилуй.

9 февраля 1988

Вторник

Страсти в театре кипят вовсю. «Создается комитет в защиту Золотухина», — шутит Ванька. Смирнов собирается выступать на партийном собрании и требовать от Карабасов (?) объяснений, за что так избил (пока еще морально) Золотухина и театр. Кто дал

* Алексеева Адель — литератор

право Володарскому заявлять, что Володю в театре не любили и пр. А «группа мести» из Иванова шлет угрозы мне. Господи! Спаси и помилуй нас, грешных.

Ездил с Иванов в издательство «Книга». Подержали в руках сборник «Я, конечно, вернусь» с нашими воспоминаниями, заказали по 25 экземпляров. Уникальное подарочное малоформатное издание не произвело на меня впечатления.

Губенко час по телефону говорил с Любимовым, с Катей и даже с Петей. Николай свободно владеет английским и был в Вашингтоне в центре внимания, так что министр Захаров быстро стал не у дел, не нужен и был лишен короны. Вот тебе и Колька! Молодец. Завтра в 11 собрание. Любимов высказал горячее желание приехать осмотреться, и Катя говорила с Николаем, и даже Петя, и тоже на английском. «Нехорошая квартира» существует, казалось — всех пересажали, все перерезались, переженились. Подъехал — окна, весь этаж в темноте, дом весь в лесах, но подъезд открыт и «музей» существует с этими картинками. И слава Богу...

20 февраля 1988

Суббота

Ну, начнем еще одну новую жизнь. Вчера был очень хороший «В. Высоцкий». Болотова* сказала, что я работал как бог... как будто лег на амбразуру и за того парня... «Я виновата перед тобой». Я понял чем — она недооценила мои актерские ресурсы. А накануне было много интересного в театре. Коллективный запой, срыв спектаклей, снижение в категории Антипова и Бортника, а я прошел по лезвию ножа. Впрочем, чем хвастаюсь. Развесил тексты Гришки по стенам и ушел в запой. Хороший, почти эфросовский разговор с Губенко. Так разговаривают, когда поверяют душу друг другу.. Он говорил, что ему трудно, и зачем все это ему нужно. Он знает о болезни моей жены, а Жанна у него с таким же диагнозом лежала у Блохина и чем кончится — неизвестно, а я предаю ее, моего любимого человека, ради чего? Она сутками ждет меня... «Я сейчас два года мог бы быть рядом с ней, два года до нового фильма, я бросил любимую работу, для меня театр — дело совсем неизвестное, новое с этого кресла...» Я говорил о своей верности ему, так же как я был верен Любимову, Эфросу, что жизнь моя здесь, в этом доме, в этих стенах, прошла, и я им желаю добра и благополучия. Расстались мы умиленные разговором, а на следующий день грандиозный скандал его с Бортником, который напился во время репетиции. Я говорил Николаю о шапке Мономаха: уж коли взял — решай и с нами жестче... Потом Николай выделил свою машину, написал записку Ивану, с просьбой не подводить очень ответственный спектакль, и я утром привез Бортника в театр, и он хорошо работал. А мой милый Назаров при-

* Болотова Жанна — киноактриса, жена Н. Губенко.

слал трогательный литературоведческий разбор моих рассказов в «Земляках», на 12 страницах бисерным почерком. Я с нетерпением ждал, когда он наконец доберется до комдива. «Зато уж „Комдив“... Уж не знаю, каким манером упрятана его пружина, и прет меня по рассказу по большому неразмежеванному полю к той, последней березе. Рассказ всем хорош, до слез хорош, и слеза не от „трогательности“, а от правды. И еще он тем хорош, что ты пишешь не о себе, не от себя, а про другого человека — это важный шаг в писательстве; мне кажется, ты оторвался от самого себя и как славно полетел, как сильно! Дай-то Бог».

Вот так сказанул Назаров!

22 февраля 1988

Понедельник

Начинаются репетиции «Годунова». Благослови нас, Господи! Идет репетиция, и я пишу письмо матери. Приглашаю родню на открытие пельменной, куда обещали прибыть Распутин и Астафьев, а также телевидение и даже западная пресса.

23 февраля 1988

Вторник

Трогательно поступил вчера Николай.

— Валерий, у тебя сегодня очень ответственный спектакль, иди отдыхай.

И я пошел домой писать письма, звонить и пр. Сколько же у меня времени уходит на эти ответы трудящимся. Но сократить крпуг, обрезать эту страсть...

Бортник живет в прелести обольщения своей персоной. Откуда такая бесстыдность и трусость? Извинится — и снова наглость, смелость якобы после первого стакана. Куда он уйдет и что он может выкинуть? Николай боялся, что он может не явиться 19-го на спектакль.

Потом вспомнил про пельменную. Куда я влезаю! И что там Галя нарабатывает? Нет человека умного и грамотного, мыслящего инженера.

С утра прочитал статью О. Кучкиной «Кто сохранит спектакль» и закипел теперь уже из-за несправедливого и лживого упрека в адрес Н. Губенко. Да, он не принимает безоговорочно спектакли Эфроса, но он ведь не снял ни одного из репертуара. Она призывает сохранять спектакли одного мастера, а ему ближе идея сохранения спектаклей другого мастера?! Он ведь из гнезда Любимова, чему тут удивляться и что преступного здесь. Повторяю, он ведь не трогает спектаклей мастера Эфроса, и я готов в бой. Но теперь уже на защиту Губенко.

Нет, не надо отвечать ни Рязанову, ни Кучкиной. А если отвечать — работой. Какие, интересно, рецензии на «В. Высоцкого» появятся?

Мне надо замолчать. Ответ мой Фомину сегодня из этой серии будет последним. Форма, физическая и душевная, должна стать ответом на всю хулу и несправедливые упреки. Быть может, Гришка Отрепьев станет последней ролью моей на театре. Завтра я должен подписать договор на аренду помещения и начинаю заниматься вплотную пельменной. И хватит сомнений.

28 февраля 1988

Воскресенье

Как мне не хватает Эфроса. Боже мой! Я стараюсь заглушить в себе грустные мысли, я стараюсь подчинить себя общему настроению. Я хочу слиться с коллективом и встать вровень со всеми, чтоб было как когда-то. Но разве возможно это? Что за жизнь прожил мой отец, что за жизнь проживу я? Хоть бы мальчишкам своим чего-нибудь привить, оставить доброе, нормальное, человеческое. Вот я приеду в Испанию, вот я встречу с моим учителем Анхелем. Что он скажет обо мне, что он думает о жизни здесь и там? Быть может, он что-то написал.

10 марта 1988

Объяснительная

Дорогой Николай Лукьянович! Прежде чем читать мою объяснительную, хорошенько изучите эти «документы», которые я получаю ежедневно пачками (а телефонным звонкам нет числа), и Вы поверите, что душа у меня не на месте — я боюсь за своих «щенят», боюсь за свой дом, боюсь за то, как бы мне не плеснули соляной кислотой в глаза, как обещают это сделать некоторые «группы мести» из Иванова и Ленинграда. И все это спровоцировано моим генетическим врагом, Р., и некоторыми моими коллегами. Но честь свою я как-нибудь отстою и сам. Оболгали в который раз, а теперь уже и телевизионно (270 миллионов) Театр на Таганке. И театр молчит. Более того, я с ужасом нахожу фамилии моих коллег во главе с Р., защищающих Э. В., злополучную пьесу которого отвергли Ю. Любимов и худсовет как пасквиль и корзину с грязным бельем. И он, конечно, не забыл этого нам, а мы забыли! Генетический враг опаснее масового, потому что его действия непредсказуемы. Я впервые в жизни сталкиваюсь с клеветой — с клеветой продуманной, рассчитанной, где пущены в ход имена Любимова, Эфроса, а теперь уже и Высоцкого. А уж используя это имя, можно обосрать и весь Театр на Таганке.

Так вот, дорогой Николай Лукьянович, душа моя не на месте. А что делает русский человек, когда его душа не на месте? Напивается, потом болеет... потом чувство вины и, как ни странно, ДОЛГА ведет его на место преступления (в театр), он кается и т. д. Но душа при этом на место не возвращается долго. Что делать? Не знаю. К тому же у жены не очень ладно с ее здоровьем.

Поэтому накажите меня: не пускайте в Испанию, мне будет спокойнее. А там, глядишь, и на все четыре стороны меня отпустите восвояси, выпустив «Годунова». Годунова я хочу сыграть — дело чести и памяти. Все.

С уважением, В. Золотухин.

PS. Не надо показывать эту объяснительную моим коллегам, кроме, разумеется, Н. Губенко и Б. Глаголина, выносите решение сами.

11 марта 1988

Пятница

Свою неготовность к репетиции вчера подменял я излишним усердием и нарушил голос. Извинился перед коллегами: «Простите меня, ребята, простите, люди добрые...» — и меня простили. И репетицией в конечном итоге остался я доволен. Прочитал Дупак объяснительную. Он чуть не прослезился, вспоминая, как его семья осаждал цыганский табор: чем только не грозили, и это были страшные дни, и ружье на него наставляли, и пр. ужасы. Расстались мы отечески обнявшись, и он спрятал мое «творение» ночное в сейф.

Теперь иду снова к Николаю на репетицию, пообещал ему, что буду знать все. И действительно учил вчера текстуру весь вечер, не знаю, улеглась ли.

9-го на репетиции заплакал на сцене, подбежали Николай с Валерой. «Ну, что случилось? Ну, видишь, как ты слаб». Это верный, хотя, может быть, и случайный диагноз.

А какой-то шибко хороший человек из Донецка замечательную статью написал и так он меня славно защитил от всех евреев, и очень здорово про юбилей — по всем прошелся элегантно и мудро своего ума.

«Эпопею с покупкой столовой надо бы записать. Чуть было нам не всучили учреждение с крысами, с самовозгоранием, закрытое санэпидемстанцией и пр.

Расстроился репетицией — так готовился и нравилось, так импровизировал, но не нравится это Губенко. Он хочет, чтоб мы повторили то, что у него в «телевизоре». Так это ведь было-то 7 лет назад, уж нет такого голоса, пропилил, прокурил, прожил. И это обескураживало — нет, это не то.

Издательство «Современник». Познакомился с худ. редактором Алишер. Книжку будет оформлять Ульянова Елена Михайловна. Кроме того что она дочь Ульянова, так она еще замужем за сыном Маркова. Фролов и гл. редактор подписали свои бумаги. Тираж поставили 100 000. С настроением я вышел хорошим.

Шапку Мономаха надо нахлобучить сразу, а не вертеться с ней перед зеркалом. Хочется сказать это Губенко. Этот образ очень понравился Сапожникову. «Хорошо сказано, образно, уже записано, поди». Нет, но сейчас запишу.

12 марта 1988

Суббота

Гармаш позвонила. Группа молодых из «ТЖ» собираются ответить статье Смехова, где он превозносит Любимова и об Эфросе говорит как о режиссере второго сорта. Что, собственно, и возбудило мой и без того воспаленный портвейном язык кричать Болотовой, что я его зарезу. Он манипулирует фактами, подтасовывает их под свою версию правдами и неправдами. Над этим надо посмеяться, только смех может разрушить эту высокопарную муть. Или коллективное письмо СТД.

13 марта 1988

Воскресенье

Пять минут он (Губенко) разговаривал с Венькой об Окуджаве, а я стоял рядом и думал: взглянет или нет. Не взглянул. Он просек, что я иронизирую над ним.

14 марта 1988

Понедельник. Испания. Мадрид

Я сказал Алле: «У вас с Николаем мозоли от роли, а у меня их нет. Я всякий раз с какой-то огромной радостью, азартом произношу этот гениальный текст и от него заряжаюсь». Ну, не получилось. Но это не надолго меня огорчает, в другом монологе в другом повороте пушкинского скачка я достигну и свое вдохновение.

На крови двух выдающихся современников Венька строит храм своего общественного значения.

Я сейчас встречаюсь с Анхелем — какой будет эта встреча? «У нас сегодня борщ. Хорошо, да? У Люды вечером работа, у меня класс... Ну посмотрим».

Волнуюсь ужасно, книжки подписал, пластинки — Володину и свою сказку приготовил — что еще?! Только бы никто не привязался, вроде Ивана, а тут у Щеблыкина* какое-то к нему дело о постановке явилось. Так что Дупак, Боровский... Всех, наверное, Анхель будет встречать, вожжаться и пр. Ну, что будет, то и будет.

16 марта 1988

Среда, мой день

Маслов Алексей попросил политического убежища. Зашел ночью с девушкой, чего-то собрал, сказал Щеблыкину: «Жди, я скоро вернусь» — и шагнул в полицейский участок. В 8 утра газета уже сообщила о свершившемся, указав при этом на причастность его парижских друзей. Анхель рассказывал, как и почему Андрей Тарковский ненавидел Кончаловского, как две недели жил у Анхеля и

* Щеблыкин Владимир — актер театра.

они спали на одной тахте, как по первому звонку Андрея приезжала Терехова — «она очень хорошая», Рита... она успокаивала его. Как Андрей приехал к нему окровавленный — жена Лариса ударила его канделябром по голове... Говорили о том, сколь много в «Рублеве» христианского невежества и православной путаницы, незнания, неграмотности.

Теперь я смотрю корриду — сколько же они быков убивают, куда мясо девают?

А что с Масловым? Действительно, где он? Из комиссариата он ушел, не оставив никакого документа. Звонила его мать — он не собирался оставаться, взял одни трусы, не взял смены, сказал: «через неделю вернусь». У него большие почки, отец полковник и два брата — близнецы. Закомплексованный, он перенес сложную трепанацию черепа, отчего волосы перестали расти совсем.

Сегодня день рождения Шацкой — 48 лет.

17 марта 1988

А число мое...

Прилетает Любимов. Его «прибег» как-то клином вышиб «отбег» Маслова.

Теперь жду Люду, чтоб бежать по магазинам. Так я и не посмотрю Испанию, просижу опять в номере за дневником, перебирая наши даты. Почему-то подумал: а не повлияет ли Маслов на мое переиздание? То, что он театру сильно навредил, это ясно, долго пускать не будут, а мы уж губы раскатали — Лондон, Греция, Канада...

Думал — напишу в Мадриде повесть. В общем, и пишу ее. Все беспокоятся за Славику, как она поведет себя, увидев Любимова. Женщина она у нас психованная — кинется со сцены на грудь и всю малину испортит. Как поведут себя журналисты, в конце концов, как мы себя поведем, и главное — шеф и Катя. День сегодня ответственный, но число 17 — число мое, и да сохранит меня Иисус Христос от зависти, злости и лукавого.

20 марта 1988

Воскресенье

Вчера были беседа Любимова с труппой и репетиция. Кажется, отошел шеф — разговорился со мной и Кузькина вспоминал. Спектакль прошел хорошо, шеф выходил в конце на сцену, вызывал Губенко, Боровского, Буцко*. После спектакля — семейный снимок. Любопытно, как отнесется советская действительность к факту присутствия Любимова и такой любви к нему со стороны труппы.

С Анхелем неважно как-то все получается, у него ориентация на начальников наших, у жены — на подруг, и я остался в одино-

* Буцко Ю М — композитор, автор музыки к спектаклям «Мать», «Гамлет»

честве. Потом, конечно, Смехов включился, и мне горько, что Анхель не знает моей беды и наших отношений. Он тоже попал под обаяние прошлой Таганки и всех помирить хочет. А так не выйдет, ведь будет Москва и будут разговоры.

21 марта 1988

Понедельник

Так и не удалось с Любимовым поговорить, но у него и не было желания со мной беседовать о жизни. Он, да и я, понимаем сложность и не шибкую приятность такого разговора — вот она и вылилась в последней реплике.

А до того он говорил:

— Для того чтобы режиссеру на Западе выжить, нужно ставить как минимум 5 спектаклей в год... Надо много работать, здесь я научился работать по-другому... поэтому я выжил... Правда, и на Таганке «Мастер» сделан за 45 репетиций. Но была подготовлена вся техника — ходил занавес, отлажена была кран-балка... Театр в мире в плачевном состоянии. В Америке, например, театра нет и нужды в нем нет. Они могут взять любой шедевр, записанный на видео, и прокрутить у себя дома...

Все время хотелось спросить: «А зачем вы тут «выживаете», а не живете дома, где есть и театр, и нужда в нем, да и с голоду не помрете. Ну, не будет «мерседеса», хотя почему!»

«Советский режиссер хочет вернуться в СССР» — с таким подзаголовком вышли газеты, и как — этому я свидетель — окрысилась Катерина: схватила газету, стала выговаривать Юрию:

— Они всегда были б...!

— Ну что ты хочешь от прессы... во всем мире она такая, лишь бы платили.

Шеф мне на программке написал: «Валерий. Побойся Бога!»

Боже мой! Какая безгрешность! Он думает, раз поселился в Иерусалиме, значит, с Богом по корешам. Ни тени сожаления, ни намек на раскаяние или чувство вины... Опять кругом прав, остальные все дерьмо. Откуда-то выдумал чудовищную историю, как выкидывали чиновники «Дубинушку». Кому он это говорит, кому лапшу вешает, мудрости в нем не прибавилось, хотя часто говорит о возрасте и библейские мотивы вплетает в речь.

Шеф вышибает, на мой взгляд, землю из-под ног у Николая, говоря: «Я вообще не представляю, как можно играть такую роль и одновременно режиссировать, — это невозможно». Понимаю — к тому, чтобы Николай сделал все возможное для его 10-дневного приезда в мае на выпуск «Бориса».

26 марта 1988

Суббота

Глаголин:

— По-моему, Филатов и Смехов перебирают...

Губенко:

— А Золотухин недобирает...

Без перехода, так просто... оппозиция на оппозицию, «ты сам дурак». Какое-то нехорошее чувство закрадывается у меня к Николаю, а так как это флюидно, значит, и у него ко мне. Что за причина породила это? Ну не пьянство же толедское — спектакль-то был сыгран, а по части Ивана даже лучше как будто, Любимов говорил.

Может быть, самое потрясающее впечатление от Любимова — это когда он лег на пол между креслами в театре на Машкин плащ и стал ей показывать упражнения от радикулита — ноги тянет, задирает ножницами вверх в стороны, бедрами вращает, животом крутит — великолепная форма. За ради показухи это ведь не сделаешь, не хватит ни сил, ни возможностей. Легок, спортивен, весел в 70 лет, что и хотел доказать. И доказал.

27 марта 1988

Воскресенье

Репетиция с Трофимовым, келья.

Губенко:

— Валера! Я люблю тебя, я не мыслю театр без тебя! Без тебя Таганки нет, но я и тебя без театра не представляю! Скажи, что мне делать с твоим недугом? Какие меры пресечения применить к тебе, к Ивану? Хотя я вас не смешиваю в одну кучу. Всем известно, что случилось в Испании. Мы с Дупаком в отчете должны это указать... Не знаю, доложила ли Нат. Вас. министру, она сегодня должна была докладывать ему...

Обнимался Коля, целовался и действительно растрогал меня своими воспоминаниями, а может, сыграл так.

29 марта 1988

Вторник

Любимов: «Дублер всегда сидит в зале и ни разу не выходит на сцену. И часто он бывает сильнее, но контракт — вещь жесткая». Я попросил жену прочитать 46 страниц из дневников, посвященных Высоцкому, с тем условием, чтобы на полях она оставила свои пометки, свое отношение к нравственно-этической возможности их опубликования. Она написала: «Мне все нравится».

Амелькина по телефону прочитала мне только что вышедшее в «Известиях» интервью с Любимовым в Мадриде. Потрясающе!! Это хороший, добрый знак! Он теперь, конечно, приедет к выпуску «Годунова». Надо быть в форме. Надо накопить энергию, голос и силу! Неужели еще будет праздник на моей улице?

30 марта 1988

Среда, мой день

Я даже не догадывался и не подозревал за собой то обстоятельство душевное, какое случилось со мной, когда я узнал и услышал об интервью Ю. П., напечатанном в вечерних «Известиях», — я счастлив и полон восторга и каких-то надежд. С чем они связаны? С Борисом Годуновым ли, с Кузькиным. Первые слова Любимова, которые в Мадриде были: «Здравствуй, Федор». Если правда то, что он репетировал встречу с каждым персонально, то фразу эту он для меня заготовил в Тель-Авиве. Рассказ про Капицу-Кузькина во время репетиции сцен тоже не случаен. От счастья случившегося хочется плакать. Хорошо, что мои спят, тихо в квартире, только китайский будильник, привезенный из Хельсинки, тикает, да шешуршит холодильник. И что из того, что меня не примут сегодня в писатели? Мы сыграли «Годунова» под началом Любимова. НО!! Теперь надо ждать реакцию на интервью самого Любимова, в особенности на редакторские комментарии. Вернее, даже не Любимова, а Катьки — это раз, и потом, конечно, Максимова и К. Они поднимут сейчас страшный антилюбимовский вой за фразу, что он не ставил никогда политических условий, не имел политических целей, а только творческие. А Максимов только и имел в виду политическую дискредитацию советского строя и власти большевиков.

Как бы там ни было, опять поднимется шумиха — да какая! — вокруг имени нашего игрока, Юрия Петровича Любимова. Уважаю!!

Катерина (рассказывал Варпаховский* Боровскому) в Америке при свидетелях сказала: «Юрий Петрович! Вы умрете, а мы с Петей останемся». В том смысле, что подумайте о нас, оставьте нам средства к существованию. Ее, наверное, тоже можно понять. В СССР она ни жить, ни работать не может.

31 марта 1988

Четверг

Всерьез задумал я писателей подготовить к моему вопросу. Сейчас поеду к агенту № 1, Алексеевой Адели, со списком, выпишу из справочника телефоны и адреса и всем разошлю книжки и записки. Адели оставлю «О Высоцком» из дневников.

Гаврилов Эдик, режиссер, позвонил вчера, предложил сценарий. Я уж совсем позабыл и думать о кино — и вот предложение. Совсем было пельменной собрался заняться. Кстати, волшебнице-землячке Валентине Григорьевне, что замечательной выпечкой меня потчевала в дивизии, надо бы дозвониться и взять ее в пельменную.

Это же ведь какой-то сон — только что позвонила Инна Алек-

* Варпаховский Андрей — художник

сандровна из Московской писательской и сообщила, что я вчера прошел бюро и она меня поздравляет. А я с утра и вчера стратегический план составляю! Господи, благодарю Тебя, Ты услышал молитву мою, я вчера стал писателем! Членом!

Скарятин говорит, что взяла за жабры Романовского и Черниченко, «которые вас зарубили», сказала: «Что вы наделали?» — И они покаялись, главное, сказали, что были не правы.

Сейчас я буду играть «Мизантропа». Господи! Пошли мне легкости, скорости и спокойствия. В «Московских новостях» Венькина хроника. Таганка в Мадриде и наша тройная с Анхелем фотография — Венька в центре обнимает нас. Он нагло повязывает кровью, он беспардонно шьется ко мне в компанию, получается — я с ним заодно. Что же делать? Как отмежеваться? Он Любимовым как надежным щитом прикрывается, всякая его личная увертка списывается на его якобы борьбу за любимовское дело.

«Законопослушный» — хорошее слово, точно определяющее суть моего поведения.

Сереза предложил мне вырубку: дал какую-то картонку с красным кружляшком, велел загадать желание, разорвать пополам и кинуть обе половинки разом через левое плечо. И я загадал. Раньше я на женщин заказывал желание, теперь — на утро завтрашнего дня: встать должен — и три страницы в повесть. Я ведь теперь писатель, а настоящий писатель работает по 10 часов в сутки.

«Двойная нравственность». Защищая Любимова, который в его и ни в чьей защите не нуждается, он тем самым как бы обретает для себя право судить другого. «Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех...» Как нам не хватает в жизни мужества почаще вспоминать для себя эти строки, для спасения своей души — исчезла из нашего бытия скромность, и вот уж мы действительно превратились в разбушевавшуюся чернь и заняли места-посты, нам не принадлежащие, захватили журнальные страницы и овладели общественным мнением, заставили о себе разговаривать. На популярности имени Любимова строим узковедомственную концепцию собственного популизма.

4 апреля 1988

Понедельник. Внуково

В статье надо обязательно про пельменную написать, с какого только боку эту тему зацепить и как ее увязать, но обязательно... «Таганка должна стать кладбищем». Ну, не из-за трех же невыпущенных спектаклей уехал Любимов!!! В интервью он неосторожно сообщил, что не готовился к отъезду, взяв только самое необходимое. Сейчас идет сбор информации. Но «голоса» сообщили, что Любимов возвращается в Союз. Они провоцируют его на ответ. Как поведут себя Максимов и К? Надо бы Никите написать, позвонить. Вот я ему на этом интервью в «Известиях» и накатаю. Посадка.

4 апреля 1988

Ялта, г-ца «Ялта», № 381

По радио и в газетах все чаще говорят о частном секторе на примере Китая. Может быть, в самом деле, выпрямим искривления, хотя бы поколение зачнем новое, с новым мышлением, ориентированным на обогащение, а не на бедность. 2-го была хорошая репетиция «Годунова». Нас с Алкой шибко Губенко хвалил и все вокруг. Я был счастлив и доволен собой, хотя огромное количество спектаклей постоянно держит связки в поврежденном состоянии, но ничего.

Я задумал марафон трезвости — до выпуска «Годунова». Сегодня 15 дней, как я не беру спиртного в рот. Выдержу ли?

Зиму эту я не видел — просмотрел, пролетал... сначала в Корею... в Мадрид... в Ялту... в Эстонию с Тamarой. Очень в этом смысле юбилей В. В. все перекрыл. Много дней в темноту унес он и нервов. Будет долго вспоминаться истерия юбилейная в январе 1988 г.

Портрет Эфроса я вынул и поставил перед собой. Оказался он у меня в «дипломате» нежданно-негаданно, однако, как мне кажется, — это знак.

Филатов — Волиной:

— Он бездарь, местечковый режиссер. Единственно, что я хочу, — скорейшей его смерти физической. Он поссорил нас, лбами столкнул актеров Таганки и лишил заработка мою жену.

Я переспросил Волину: может быть, он лишил Шацкую работы? «Нет, я хорошо помню, он сказал «заработка»». Ну что это? Откуда и почему такая ненависть?! Желание смерти!! Господи! Да слышишь ли Ты меня!! Неужели Ты не направишь мое перо, мою хилую, тощую мысль к действию, к какому-то справедливому началу?! Ведь через месяц с небольшим после этого разговора Анатолия Васильевича действительно не стало!!

10 апреля 1988

Воскресенье. Пасха!

Предполагаемый разговор с Дьяченко.

Дорогой Боря! Ваши взаимоотношения с Аллой дошли до физической ненависти, до несовместимости. И тут у тебя — тупик. Защитить мне тебя очень трудно, потому что, по общему мнению, ты играешь плохо, хотя весьма стараешься. Драматизм и подчас трагедия нашей профессии заключаются в том, что словами свой «образ» не защитишь. Аллу не исправишь, и уж коль она кривится (а она — великая), психологически разберись, она же не в пионерском кружке самодеятельности, она чуть ли не каждый год в Париж ездит. А Эфроса нет, и судьба спектакля в ее руках. Новый главный далеко не поклонник спектакля, по всей видимости, он и тебя не «отметил» в своих кадрах. Так, например, Певцова* он от-

* Певцов Дмитрий — актер театра

метил и Яцко*... Что делать? Алла предлагает кандидатуру Беляева, и, если он согласится (а по-моему, он может это сделать), — он убьет тебя. Или два состава. Что делать? Взывать к этике, к человеческим качествам, но ведь она думает прежде всего о спектакле, она надеялась, думала, что ты разыграешься, «наберешь» и т. д. Этого не произошло, к сожалению, по ее словам. Я не могу с нею не согласиться — вот в каком я положении.

14 апреля 1988

Четверг

Любимов, говорят, заявил, что ни по каким частным приглашениям он не поедет, что он не мальчик. Пока не будет официального приглашения, что едет работать, восстанавливать свой запрещенный спектакль, пока там Демичев у руля... Быть может, все это и не так, но уж очень похожа версия на его характер и всегдашние заявления. Оформление может утонуть, погрязнуть в среднем звене. Горбачев, по словам Губенко, дал указание Захарову этот вопрос решить, а министр лег в больницу и поручил это Грибанову, тому, что флаги нам и знамена за перевыполнение плана всегда присуждал при Эфросе, поздравлял с победами на БИТЭФе и в Париже, в установленном порядке на Таганке после отъезда Любимова. Кто будет нам помогать?! Сроки у Любимова зависят от контрактов его, если не 8-го, то, считай, никогда. Западная пресса поднимет вой — Любимова не пустили на родину!!! Это удар по авторитету Горбачева и перестройке, по демократизации и гласности. А чиновники могут затянуть, и виноватого не сыщешь. Что делать? Обратиться к Ульянову? Но интересно, как он настроен, и более того — он может на словах посочувствовать, пообещать, но внутренне ведь он обижен на Любимова, что тот просто впутывает его в свои дела. Тут еще генеральные обязательства перед покойным Эфросом, и он, конечно, помнит.

15 апреля 1988

Пятница

Любимов. Жукова говорила с ним, интересовался про меня, «как этот оболтус пьет...» Так про всех — про Феликса, про Ваньку... Ходил в посольство, поставил все печати и т. д. Он абсолютно уверен, что его выпустят. Оказывается, после него Рейган должен появиться в СССР. Думаю, испугаются функционеры западного воя. Затаимся — будем ждать.

19 апреля 1988

Неверные версии весьма опасны, потому что невероятно живучи и, как правило, отвечают низменным качествам обществен-

* Яцко Александр — актер театра.

ного темперамента. Так общественный темперамент долго и активно изыскивал виновника ранней гибели Высоцкого и этого виновника с великой помощью Э. Рязанова обнаружил в лице Театра на Таганке и Золотухина, который смел претендовать на роль Гамлета, хотя бы и по приказу начальства. Что любопытно, после почти четырехлетнего перерыва, когда я уже давно расстался с мыслью сыграть Гамлета на сцене Театра на Таганке, в Польше, на гастролях в городе Вроцлаве, куда В. В. прилететь не смог по причине великого нездоровья (в это время он лежал в парижском госпитале), Любимов вызвал меня и спросил:

— Знаешь ты текст Гамлета?

— Ну и что? — ответил я вопросом на вопрос.

— Давай попробуем: ночью порепетируем, а завтра вечером сыграешь.

— Это самоубийство, Ю. П., даже если я расскажу весь текст. Мы же не в Рязани (почему-то я привел именно этот резон), где я на худой конец, если не Гамлет, то хоть «хозяин тайги». А здесь Высоцкого ждут.

Мне не хотелось бы каждую из версий в отдельности брать и перетолковывать из той же самой осторожности, что моя версия кому-то покажется более правдивой, чем версия Смехова. Я вообще хочу в этом смысле предостеречь нынешних летописцев от поспешных выводов, осуждающих актов и протоколов, даже если эту версию распространяет и поддерживает всяческими правдами и неправдами главный герой, и виновник в надежде превратить ее со временем в легенду. Летописец или присяжный писарь? Это две большие разницы, как говорят в Одессе. Чтоб в стремлении прослыть летописцем мы не оказались в роли присяжного писаря того или иного деятеля, так как добру и злу внимать равнодушно мы не научены, не то воспитание. Мы всегда более корысть личную блюдем, даже пища как бы и кровью. Оттого мы с такой легкостью моральные традиции человечества обзываем «ветхозаветными пословицами» — да будет еще раз нехристям известно, что ни в Ветхом, ни в Новом завете пословиц нет, а есть заповеди, которые даже Заратустра повергнуть не смог.

В Испании, когда труппа предстала перед своим императором с потрепанными знаменами, но, как старая гвардия, готовая к любому сражению, самому безрассудному (да простят меня мои коллеги), я вспомнил слова Смоктуновского о том, что Эфрос спас честь Таганки. И если есть по определению Смоктуновского школа Таганки, так она в ее монолитности в трудные моменты, но отнюдь не в хамстве и попирании чужих авторитетов. Парадокс — так осуждаемый С. поступок Эфроса, что он принял руководство театром, сохранил для Любимова (для советского театра) его труппу. Одних он удержал властью гл. режиссера (а почему, собственно, нет?), других завоевал работой. Честь и хвала ему за это! Так нет, мы в угоду одному создаем неприглядную, порочащую версию поступков другого. Зачем? Одним из активнейших противников идеи, что после Любимова Таганка должна была бы превра-

титься в кладбище, был Эфрос, как художник, забывающий о своих личных амбициях, если дело касалось спасения культурных ценностей. Так давайте же и мы свои личные обиды оставим при себе и не станем выдавать их за всенародную скорбь, за серебро всенародной слезы. Редколлегия «Театра» — это кружковое сознание, команда со своим цветом масок, со своим списком хвалимых и хулимых имен, по определению С. С. Аверинцева. Иначе как понять — Смелянский предпринимал робкие попытки ревизовать творческое наследие Эфроса, но тут подвернулся Смехов, елейными ссылками на прошлые спектакли Эфроса прячущий свою ненависть. Как понять — подписчики журнала еще не получили, а им уже разжевывается смысл подвига Смехова. Ну как же не кружок! Кружок ведь не один же Смелянский, там Шуб и Швыдкой, а за всеми — Салынский, какие все звонкие фамилии.

20 апреля 1988

Среда, мой день

Посвящен он был кладбищу. «Березка» на том же самом месте. Я как-то был приятно удивлен, что, оказывается, написал правду в эпизоде с валютным магазином. Все давно позабылось. Полтора часа ходили по кладбищу, нашли камень Булгакова, что, по преданию, с могилы Гоголя — «учителя» по той же линии. Напротив цель нашего посещения — к Шаляпину и Папанову. У Папанова прослезился я, Тамара попросила цветочек возложить, чем-то пикантно запал мне в душу этот человек, так мне его жалко стало, так он был мне симпатичен и люб. Царство ему небесное.

23 апреля 1988

Суббота

«Борис Годунов» — вчера дошли до конца вчерне. Теперь будем гнать сначала и «делать роли».

24 апреля 1988

Воскресенье

Вечером я был на потрясающем действе: 14-15-летние дети играли Сталина, Берию, Тухачевского, рассказывали о зверствах сталинского времени и лагерей. Это дети, это в школе. Боже мой, есть надежда, что страна выживет. Окуджава — такое впечатление, что мы в белоэмигрантском клубе.

А сегодня опять репетиция «Высоцкого» — театр растерял свои гражданские позиции, театр не помогает Горбачеву. Если победят иные силы, для многих из нас найдется место в лагерях. «Духовность, духовность!» — кричит и взывает Николай. Он в ужасе от «Доброго». Нервничает, ожидая Любимова. «Я не Юрий Петрович! Если так будет продолжаться, — самоустранение первых исполни-

телей, болезнь ног-рук, срывание голосов — я напишу записку, что ушел туда, откуда пришел... Если вам не дорого то направление, что завоевано этим театром, который значением своим перекрыл Станиславского, Мейерхольда, если вы этого не понимаете, не видите со стороны...»

27 апреля 1988

Среда, мой день

Прогон «Годунова». Голос порвал и ногу потянул. В сцене у фонтана задохнулся, но физически вытянул я и эту роль. Не ослаблять тренировок. Даже на день-два развязывать нельзя ни в коем случае и не поддаваться уговорам Ваньки и голоса хандры. Любимов мне снился сегодня, а вчера — Тамаре. Может быть, оттого, что я много вчера говорил о театре, Любимове и Эфросе. Снилось мне его встреча в СССР, где-то уже в театре... Ликование, крики «ура!». Я подбежал.

— Здравствуйте, Юрий Петрович.

Улыбка вмиг сошла с его лица, и холодно-угрюмо он ответил: — Здравствуйте! — Именно «те», а не «уй».

Я сильно расстроился и подумал во сне: «А я вас брошу к е... матери, и с «Годуновым» зачем мне калечиться?»

В институте рефлексотерапии тоже помнят Любимова, главврач говорит, что он льняную простыню унес. Так, может, нечаянно? Нечаянно можно хлопчатобумажную прихватить, а лен... Это человек разбирается. Тогда дефицит с постельным бельем был. А он ушел от Целиковской. Как вы думаете, снабдила она его постельным бельем перед его уходом к молодой жене?

Шацкая просит порепетировать с ней «Фонтан». «Зачем, Нинка, тебе это надо?»

А Ванька вчера с Астафьевым виделся. К Полоке его не впустили. «Они поняли, что я поддатенький. Они правы, в общем-то, хотя могли просто сказать: «не приезжай». Астафьев меня, оказывается, знает, видел «Родню». Я напоминаю ему его деда. В общем, было замечательно. Жаль, что я был zelo борзой. Сегодня мы увидимся с ним в 19 часов в Белом зале Дома кино, так что вот такие дела».

Родители В. В. затеяли борьбу против перевода и издания книги М. Влади. Нина Максимовна замордовала Петю*. «Вы (театр) равнодушную позицию заняли, не помогаете нам». Наивные люди старой формации. Информация об алкоголизме, о наркомании и о том, что они не такие-сякие, а сякие-такие, пролилась на многие страницы. И тем, что они будут раздувать этот пожар, они только хуже сделают своей репутации как прижизненной, так и посмертной. А переводит книгу дочь Севы Абдулова. Ну, конечно, Марина наблюдает, авторизует. Выплыла еще одна жена Володи Высоцкого — первая, законная, Изольда. Какой Владимир был мужик в

* Леонов Петр — завлит театра.

этом смысле нетрепливый, я о ней ничего никогда от него не слышал, просто никакой информации...

1 мая 1988

Воскресенье

Сегодня «Мизантроп». Днем мы втроем были на Кунцевском кладбище у Эфроса, свежие цветочки поставили в банки. Как-то разглядел я наконец, где он успокоился. С Трифоновым* они глядят друг на друга, через могилу — Арбузов. Господи! Царствие небесное вам, милый Ан. Вас! Я постараюсь сегодня играть, я всегда стараюсь, однако для Альцеста требуется особая система трагического настроения. А я нервничаю. Сегодня еще по телевизору эта муть субботинская. Говорю «муть», а сам думаю: вдруг Тамара скажет «ничего!» — и я буду счастлив.

2 мая 1988

Понедельник

Ночью Матрене Ф. сделали операцию и удалили грибообразный аппендицит. Температура стала падать. Господи! Спаси и помилуй нашу матушку. Надо же, в каком возрасте он достиг ее.

Так мне не хотелось звонить Полоке! Каждый разговор стал в тягость — все считаем, кто кому больше должен. Но Полока был деловит, спокоен, сообщил то же самое — он пишет сценарий, на три четверти готово, отдает на машинку. Он не может никуда выходить, ни с кем общаться, а завтра — «раз у тебя свободная первая половина, сходи к Тараненко (и в мою бытность было так, то есть все граждане фильмы про себя пробивали сами) и держите меня в курсе».

Мы опять ездили на кладбище, теперь уже в Переделкино к Пастернаку, зашли к Чуковскому. Почему-то я раньше не обратил на это внимание, а нынче «заело»: много места, мощное укрепление, фамильный участок и сделано со вкусом и большой лавкой. И шуды идут, идут...

Сильно, до кровоподтеков на левой половинке, избил вчера Сережку, потом говорил «прости, сынок!», и плакали оба и все втроем. Оттого, что не по нотам играет, не смотрит в ноты совершенно. А мальчишка музыкальный. В общем, нервная жизнь.

* «Стряпуха» Софронова и «Гамлет» Шекспира.

После вчерашнего кино не хотелось утром просыпаться и вставать, включать телефон и ждать сочувствующих звонков доброжелателей: «Что ж это вы, друг Высоцкого, в таком дерьме снимаетесь? До чего же вы дожили и так опустились». И я подумал: Володя начинал в кино с Пчелки у Софронова, а кончил Дон Гуаном у Пушкина, а я? «По келиям скитаюсь...» Читая «Живаго», я по-

* Трифонов Юрий — писатель, автор романа «Дом на набережной», по которому поставлен спектакль в Театре на Таганке.

нял, светом озарилось сознание, что Губенко не сможет быть главным. «Я бросил любимую работу (любимое дело), кино, — часто повторяет он. — Кино — промысел куда более благодарный». Если в нем еще подфартило.

3 мая 1988

Вторник

В театре выходной день и завтра тоже.

В о л и н а:

— Ой, Валера! Спасибо тебе огромное за фильм... так здорово... Удивительный фильм... И ты там такой прекрасный... Такой роли у тебя не было, такого характера. Какие-то черточки были в разных ролях... Твардовский... на Новодевичьем, там, где Коненков, рядом с Коненковым. Для меня в жизни Твардовский так много... Ведь я по нему диплом защищала, у меня есть его книжка с автографом. У него были падения, но это были падения другого порядка... как человек и поэт он шел в гору... Возьми меня с собой на кладбище. Мне обязательно надо к нему попасть, я обязана ему многим...

Сегодня хорошая репетиция «Годунова» — голос у меня звучал. Вчера целый день превосходное радостное настроение, оттого что Жукова сообщила: Любимову дали визу. Поехать в военкомат я с тобой не могу, у меня новое задание — дозвониться до Ю. П. А сегодня как снег на голову — визу задержали по техническим причинам, а Коля уже телеграмму послал. Но, кажется, все обошлось. Завтра последний разговор с Ю. П., и Николай будет инструктировать коллектив, как вести себя и т. д.

«Утром он встал другим человеком». Как часто я слышу и читаю эту фразу. Вот и у Пастернака прочитал. А я-то думаю, почему каждый день я скорее хочу лечь спать. Да потому, что так скорее придет утро, то самое утро, когда я проснусь другим человеком. Как я хочу проснуться однажды другим человеком. Нет, не молодым и резвым... А просто не ленивым. Вчера, уж разобравшись ко сну, сидел минут 10 на кровати, решая — слабо мне сейчас сесть за стол и мелким почерком гениального человека на трех страницах изложить историю, как я посылку сдавал и как внес нравственный раздор между двумя клиентками-старушками. Одна пропускала меня без очереди и позвала на этот подвиг другую, а та — ни в какую.

— Вы нам так много добра делаете, хоть что-то для вас сделать.

Пахло молодым тополем из окна. Вдруг та, что уступила мне свою очередь, стала помогать другой, уж совсем неприспособленной старушке, заворачивать и клеивать посылку. В ответ:

— Дай Бог, чтобы вам всегда помогали, как это приятно, что тебе помогают, сама бы я ни за что не справилась, кто это придумал — самообслуживание...

Затем моя благодетельница увидела, что какой-то мужчина сдает посылку вне очереди.

— А почему вы без очереди?.. Ведь никого народа, можно было бы и подождать.

Мужчина стал показывать удостоверение участника войны.

— У моей хозяйки давление нулевое, я бы подождал.

Теперь другая старушка стала поправлять свою нравственность:

— Сдавайте спокойно, не волнуйтесь...

— Я бы постоял, да у меня жена больная ждет...

— Ничего не случится с вашей женой за три минуты.

— Не обращайтесь внимания, спокойно оформляйте.

А всему виной я. Так когда же я утром встану другим человеком?

7 мая 1988

Суббота

Отче наш! Иже еси на небеси! Боюсь и писать что-нибудь. В эти часы решается вопрос визы. Самый страшный сон — Любимов приходит в наше консульство за паспортом, а ему говорят:

— Вам отказано во въезде на Родину!

Что с ним будет!!! Какое чудовищное измывательство, ведь у него на руках билет и телеграмма Губенко (чихнул кто-то — придет наш дорогой странник), с заверением, что виза получена и все в порядке. Сообщите рейс, встречаем и пр. Через два часа последней первой, разрешающей, в Штутгарт ушла телеграмма другая: «Задержать исполнение».

Репетиции вчера практически не было — Николай сидел на телефоне, с которым творилось что-то неопишное. Телефонистки с междугородки заявили в конце концов: не звоните, такого телефона не существует. Дозвонились до Израиля, Катя не договорила фразы — связь была кем-то прервана. А она сказала: «Я не могу отпустить Юру одного...» Наконец соединили с Любимовым. Коля повторил ему все самые обнадеживающие слова. Любимов просит вызвать Катю. Они в Испании договорились о приезде его одного. Оформление Кати по частному приглашению займет еще два месяца. Под разрешением Любимова стоят две подписи членов Политбюро, не хватает третьей — Горбачева. Боже мой, какая идет борьба, игра и черт его знает что еще... Боюсь звонить в театр, все равно туда надо ехать — смотреть «Федру». Симонова Евгения Рубеновича встретил. Приехал с дамой на просмотр несостоявшейся «Федры». «А я вас тут видел в „Мизантропе“. Очень вы мне понравились... Это было талантливо. Вообще правильный спектакль. И, представьте себе, захожу в букинистический — лежит „Мизантроп“ 1912 года издания, я покупаю его за 10 рублей и вдруг обнаруживаю, что это не 1912, а 1812 год, с вложенной программкой, где Альцест — Шепкин. Это первый Мольер в России, перевод не помню чей. Я в комиссионку — сколько это стоит? Две тысячи!!!»

Странное дело — я поправляюсь на глазах, настроение от этого еще гаже. Что такое — не могу ни читать, ни писать, ни думать... Свалим все на ожидаемый момент Любимова-«Годунова».

9 мая 1988

Понедельник

«Мизантроп» — шефский. Почему?!

Любимов в Москве! Мы встретили его в Шереметьево. Белого коня достать не удалось, но швейцарское радио было, да и наш Ракита заснял на видео. Но на зеркале у меня портрет Анатолия Васильевича, и надо этот шефский спектакль для воинов сыграть хорошо. Господи! Благослови нас на удачу и чтоб голос не сорвать, сбереги меня, Господи, для «Годунова»! И моим партнерам пошли удач и здоровья.

— У тебя месячник здоровья?!

— Да, Юрий Петрович.

— Можно работать?!

— Да, Юрий Петрович!

Встреча была суматошная. Ю. П. кричал:

— Не разбейте водку в желтой сумке!..

10 мая 1988

Вторник

Объявил семье, что я сегодня встал другим человеком, поэтому им надо быть начеку и не удивляться моим неформальным поступкам.

Солженицын встретил Ю. П. словами: «А вы знаете, какой сегодня день? Ровно 12 лет назад после нашей с вами встречи меня забрали в Лефортово».

Ю. П. ночевал у него, и хозяин был весьма приветлив и любезен. Он знает все... Он знает, где и как я себя вел в какой ситуации и пр. А разговор о Солженицыне начался с телеграммы, которую А. И. прислал Любимову на 70-летие. Там было сказано, что «это Бог вас надоумил выбрать для жительства Иерусалим. Именно ни Париж, ни США, а Иерусалим». Ну, он человек глубоко верующий... хотя по другим сведениям закоренелый или, как говорят, убежденный антисемит, исходя из христианской идеи и пр.

18 мая 1988

Среда, мой день

По этим нервным коротким записям я потом соображу, как говаривал Эфрос, свою нынешнюю жизнь. Прихожу с репетиций от общения с гением Любимова совершенно опустошенный и как бы несчастный. Но с затаенной внутри бомбой медленного разрушения. Когда-то мне это важно было и я часто повторял себе: «Только бы не озлиться, иначе потеряешь талант и самоуважение». К этому я возвращаюсь и сейчас. Вчера у меня день был сравнительно легкий, но сегодня судьба рассчитается со мной... как-то. «Береги, Валерий, голос», — говорит мне внутренний мой голос. А все остальное — от папы с мамой и от Бога.

В очередной раз заполнил я анкету на звание. И опять хотел залупиться, дескать, сколько можно, это унизительно в конце концов. Ну и что и кому я этим докажу?! Себе?! Ах, себе! А себе я звание хочу добавить. Вот и пиши свою автобиографию в сотый раз и не вы... И напишу, а вдруг простят мне мадридское пьянство и звание прибавят, а это уже большая надежда на два метра и холодильник с гвоздями. Одна забота, чтоб в будущем выделили землю на Кунцевском кладбище. Ни на Ваганьково, ни на тем более Новодевичье не рассчитываю.

Я не пишу ничего о Любимове, потому что все это будет неправда — на репетиции идет сплошная оперетта, показуха, игра в усталого гения и стрекот камер. А что я ждал? Ну конечно, если бы он меня хвалил и подбадривал, мое автономное настроение было бы удовлетворено и был бы я на вершине блаженства... Но этого нет, и оттого я нервничаю и вину хочу на публику перенести. Но объективно, отбросив личные амбиции, нет достоинства, строгости. Начиная от его выкрика на «В. Высоцком»: «Он не мочился — это точно!» Все окрашено этими его вздрюченностью и эпатажем. Сам он это оправдывает так: я человек озорной, старый и к тому же впал в детство, мне простительно.

Привязался к моему тембру — «Лемешев и Козловский сразу. Садись на свой горловой регистр». А так как он меня много ругает публично, можно предположить, что он говорит в окружении Смехова и Филатова. И молва по Москве пущена, я так думаю, такого смысла, что Золотухин без присмотра в дерьмо превратился. Вот с какими мыслями я собирался на репетицию и в прогон вечером пойти. Спаси меня, Господи!

Я долго ждал его, и настроение у меня гнусное. Неужто он добился своего и лишил меня таланта на этот день. Я ловлю себя, что я боюсь, что я не получу удовольствия даже от произносимого текста. Царица небесная, помоги, спаси и помилуй, благослови меня! Господи! Пощади!

19 мая 1988

Четверг

Я говорил, что, кроме вреда, ничего эти репетиции мне не дают, а такого счастья, что случилось вчера на прогоне и после, я не испытывал давно. Я перешагнул через себя и взял какой-то важный барьер. Я выполнил почти все, что просил меня Любимов (удалось), и теперь говорят: Золотухин первым номером, Любимов очень доволен им.

Да он мне и сам говорил:

— Ну, ты чувствовал сам, как зал сразу реагирует на конкретность?

Сабинин* говорил о сложнейшем фантастическом рисунке партитуры, «и, что самое поразительное, ты это выигрываешь с легкостью невообразимой». Все дело в том, что все были свидете-

* Сабинин Александр — актер театра.

лями этих мучительных, унижительных укулов, и казалось, что психологически и морально мне просто не подняться. И вот результат. «Кордебалет не ожидал, хор рукоплескал и был восхищен. Ты один из всех, кто выполнил его замечания». Ночью я слушал соловья и встретил ежа на дороге. Соловей выщелкивал и высвистывал, казалось, в мою честь, и сегодня рано утром помчался я провожать шефа.

— Здравствуй, Валерий!

Мы поцеловались на прощание, и он мне сказал:

— Ну, восстанавливайся... в смысле Кузькина.

Демидова ужасающие, невысказанные вещи поведала мне. Пьяная Кузнецова подошла к ней перед началом сцены «у фонтана» и сказала: «Ты бездарь, ты интриганка, ты пользуешься связями» и т. д. и т. п.

— А я и так-то самоежеством заражена и тут думаю: может быть, она права... А Славина — мне это рассказали девочки из ее окружения — задумала уничтожить меня физически. Достала книгу черной магии и в спектакле Уильямса по действию вливает мне воду в ухо. Так однажды, говорят, она влила мне воду, которой омывали труп.

Это что же такое, Господи! Это трудно представить себе в бреду и чаду, в современном-то мире, в современном-то театре! Ой, батюшки-светы!!! Мне так стало жаль ее, что захотелось укутать, как младенца, и заштитить на своей груди в прямом смысле.

В сцене она надела на себя столько нарядов из кожи, лис, тюля, юбок, ремней, блях, что я потерял ее задницу, запутался, где сиська, где меховая шапка. Краска Любимова — высморкать две ноздри и вытереть пальцы о майку — выстрелила аплодисментами. Я доказал ему, что не разучился ни работать, ни играть. В каждом публичном разговоре он говорил: доказывай себе и другим необходимость восстановления «Кузькина». В «Кузькине» есть темы вечные и, кроме того, там ряд блистательных актерских работ, что бывает не так часто. Зачем же ими разбрасываться? Значит, театральная задача на будущий сезон передо мной поставлена, а приехать работать он собирается (объявил на публике) в середине января и на длительный срок. И, конечно, все его пребывание было сплошной белой конь... Публикация в «Московских новостях» — потрясающий провидческий документ. Слава Богу!! Мяжкой тебе посадки в благословенном Иерусалиме, дорогой наш шеф. Написал письмо Горбачеву — вот над этим-то документом и работали Филатов с Губенко 16-го числа, когда Леонид закрывался у Петьки, а Губенко, по рассказам Веньки, читал его под столом... прячась.

На Рогожской под сплошными портретами Филатова сфотографированы Губенко, Болотова, Филатов, Шацкая, Смехов, жена, девица из университета и корреспондент. Это был обед в моей бывшей квартире. «Я радуюсь, великородный витязь, что кровь его с отечеством мирится». Хочется пить и валять дурака. Вот, а еще говорят — смирай себя молитвой и постом. Постом у меня не выходит, ни поповым, ни столовым, а молюсь регулярно и завсегда... конечно, формально часто... но в Бога верую как умею.

20 мая 1988

Пятница

В «Литературной России» наконец-то первая рецензия Н. Кондаковой на спектакль «В. Высоцкий», по-моему, очень хорошая. Как-то коллеги отнесутся к статье и к тому, что она меня процитировала? Да хрен с ними, как бы ни отнеслись. Хочется написать Любимову письмо, сказать «спасибо» и объяснить ему, чтоб он не слушал, что ему плетут про меня. А то, что ему плетут и не так все преподносят и толкуют, в этом нет сомнения.

Теперь... что писать, что читать? В голове каша. Ждал Любимова. Теперь буду ждать премьеры «Годунова» и рецензий. Вот, однако, где разделяется мнения, вот где пища для словесных баталий, и тут уж при нынешней-то гласности и публикациях черно-белых мнений, под видом взгляда на спектакль, сводиться будут личные счёты.

Мне не дает покоя сюжет: мандарины под подушкой. Он должен быть обязательно связан с отцом и Толькой Лаптевым.

Губенко не весел сегодня на репетиции с утра. Какую-то вступительную эпитафию странную произнес:

— Благодарю всех за помощь... и даже материальную, один бы я не знаю, как справился бы... все вели себя нормально. Ну, за редким исключением.

Я опять попал в это исключение. 12-го за мной приезжали Глаголин и Ефимович*, а 14-го Дупак и Ефимович. Я сделал любопытное психологическое наблюдение, которое хочу осмыслить и сделать для себя какие-то важные выводы. Как все были покорны и безропотны в отношении всего, что говорилось Ю. П. и делалось им (странно, а чего он другого мог ожидать и сам меня просил: это надо вытерпеть, весь этот павлиний период протерпеть, у меня много раз возникало желание уйти со сцены и не возвращаться никогда). Я даже не понял, в общем-то, что он хочет сказать, куда речь клонит. Может быть, для него был неожидан мой приезд в аэропорт, может, больно пронзило его административное функционирование при Любимове и распушенность Бортника. Он приедет в январе, выпустит «Живаго», сделает еще один новый спектакль. План расписан им на 5 лет — контракты. Вроде того — «а чего же я мучаться буду с вами, ради чего, собственно, терпеть от вас?»

22 мая 1988

Воскресенье

Почему-то решил написать Губенко, отправил письмо, а через некоторое время пожалел — не поймут ли меня так, что я подлизываюсь.

«Дорогой Николай!

Мне показалось вчера из твоих слов перед репетицией, что

* Ефимович Александр — главный администратор театра.

тебя одолевает червь сомнения, разочарования, подозрительности или еще что-то из нашей театральной бодяги происшедшего. Говорю клятвенно: все это тебе удалось сделать за какие-то полгода благодаря твоему огромному таланту и человеческому статусу („В. Высоцкий“, „Годунов“ и, конечно, приезд Ю. Любимова), все это выше человеческих сил. В обычном смысле это подвиг, как нравственный, так и художественный. Он позволяет тебе еще долго смотреть на мир, на нас и на себя с высоко поднятой головой. Прости меня за пьянство, это мое горе, но к делу и к тебе это отношения не имеет.

Поклон Жанне. Обнимаю. *В. Золотухин*.

«Правду, исчезнувшую из русской жизни, возвращать — наше дело». А. Блок

23 мая 1988

Понедельник

Опять тревожно на душе, а все ведь объясняется просто: я боюсь спектакля, боюсь сыграть его не по той схеме, что удалось мне 18-го. Надо научиться обманывать свое вдохновение, не так затрачиваться, думать о другом... молиться — единственное спасение...

Я закончил первый «тайм» без ощущения стыда. Однако «келья» прошла без вдохновения, а после «корчмы» — аплодисменты.

Демидова:

— Зорская сказала, что ты играешь гениально.

Это-то и страшно. Теперь бы закрепить хоть бы процентов на 50 то, что делал на прогоне. Господи! Пошли нам несуетности внутренней, коллеги мои дорогие!! Давайте жить мирно, пошли вам Бог мира и душевной благодати! Помогите и вы мне!! Говорят, сцена «у фонтана» прошла лучше! Может такое быть — не может такого быть!!

Куда лучше-то!!

Алексеева потрясена, как Генрихом в грузинском спектакле.

— И Губенко тебя хорошо оттеняет своей мудростью. Я не курю, а тут вышла и закурила. Это Шекспир. Много льешь на себя воды, это грубит. А от сцены «у фонтана» я ждала большего.

24 мая 1988

Вторник

И еще вчерашний спектакль показал, что при разумном образе жизни я с физической справлюсь: уравновешу дыхание, распределюсь и пр. И, может быть, научусь играть его без напряжения — играючи, что называется.

Только что позвонила Муза Б.:

— Звезда первой величины... Вы интересней всех... Вы лучше всех... Я не все поняла... костюмы... На самом деле вы несравненно лучше всех. Зал оживлялся, когда появлялись вы. Нам говорили, но

мы думали — подумаешь... Там и Губенко, и... но мы убедились, что это так — несравненно выше всех. И Оля вам просила передать. Очень интересный спектакль, говорит, хотя я не все поняла (скорее, не все приняла; это Найденова-то «не поняла!»).

Алексеева:

— Нерв спектакля ты, но и Губенко тебя хорошо оттеняет...

— Еще снилось, что я целовал руку Любимову, провожая... Вчера смотрели «Федру». В самом деле, к Цветаевой это не имеет отношения и меня больше всего беспокоили пластические цитаты Демидовой из «Федры» в «Фонтан» или наоборот. Как-то мне неловко было. А в общем, зрелище красивое, для души холодное, но кому-то ведь это будет очень нравиться. Бенефис Демидовой. Алла рассказала, как одна актриса перед выходом в «Годунове» сказала ей, что она бездарь, голый король, фуфло и чуть ли не под зад ногой, а тут еще бенефис — «меня просто на мелкие кусочки разорвут». Славина умеет, как начальница, войти в зал последняя и первая встать и выйти.

— Вдохновенная ложь, — сказала она про «Федру».

Губенко пожал мне руку и поблагодарил:

— Это между нами.

Тамара меня спросила потом, за что он меня так нервно благодарил. Но я не раскололся. А благодарил он меня за письмо.

Аксенов написал статью о предательстве Любимовым дела эмиграции, что он пошел на поклонение к советской власти и пр.

— А этот... злопамятный, не подписал мне на звание, надо же... — Бортник про Кольку.

Прожив в такое страшное время жизнь, рядом с такими личностями, как Капица, сами мы не укрупнились и личностями ни в искусстве узком своем, ни в человеческом плане не стали. Почему? На что ушло наше (мое) время? На репетиции. А теперь оно уходит на репетиции репетиций. Вечный экзамен на артиста.

Что, интересно, в этой аксеновской статье написано? Не касается ли там он фамилий и действий Н. Губенко как главного провокатора любимовского приезда, раз. И второе, ведь наверняка Николай и К° убедили Любимова написать письмо Горбачеву, которое он сам разослал членам Политбюро и руководителям страны, письмо наверняка с благодарностью за разрешение въезда и размышлениями о судьбах эмиграции. Много, много любопытно. Николай нервничает, мало что говорит, но что-то нервничает. Какие-то он «пилюли» глотает.

26 мая 1988

Четверг

Ну вот, кажется, я к Петрозаводску готов. Освободил сегодня день от театра и все сделал, купил билет, заехал к Катерине. Ее не было, мать она сегодня хоронит. Повозил Тамару по рынкам, магазинам, в общем — готов. Голос звучит. Гитара настроена. Странный спектакль вчера был, впервые не хлопали Ивану, и он не-

сколько обескуражен был, обижен на публику и сказал в результате, что спектакль прошел неважно. Я возразил ему. Вышли — колесо спущено. Подошла Демидова. «А мне вчера два прорезали, ножевые дыры». — «Это вам, Алла Сергеевна, за „Федру“, худсовет, бенефис и пр.». Демидова говорит, она не верила, что Эфросу из мести резали шины. По словам Розова, теперь она убедилась в этом сама. Ах, Алла Сергеевна, то ли еще может разгулявшаяся чернь?!

Анекдот. КГБ пишет письмо в комитет по ценам: «Просим снизить цену на водку, а то народ протрезвел и спрашивает: „А где царь?“»

27 мая 1988

Пятница

«Арктика» подтвердила свое название — ну, холодно же... и укрываться нечем. Стою в Ленинграде, ем творог, и думаю, как я люблю Тамарку, и не представляю, как я мог бы жить без нее.

Собрание, оказывается, бурно закончилось. Дьяченко, белый от волнения, стал призывать жить в мире. Хвостов поднял вопрос о статье Смехова, Филатов пошел на защиту. Николай сказал, что спектакли Эфроса ему не нравятся, но они идут и это не значит, что свое мнение он превратит в решение снять их. В результате он опять сказал, что уйдет, если не изменятся отношения внутри и к делу... «Это ваш театр» и пр. Замечательно, что я не был на всей этой говорильне и ругани. Славиной напомнили, что это Эфрос выхлопотал ей «народную».

28 мая 1988

Суббота, г-ца «Карелия», № 514

Благодать какая-то в моей душе. Во всем, конечно, виноват «Годунов». Теперь я, как скупой рыцарь, трясусь над всякой бумажкой, где упоминаются Любимов и Театр на Таганке. Особенно умиляет меня фотография Любимова в «Вечерке». Весьма подробная информация для знающего человека. На переднем плане, например, стол для «президента», красной икры на черный хлеб намазано в палец толщиной, фрукты, соки и пр. Любимова трудно даже разглядеть и узнать — в позе нестеровского пустынного, калики перехожего... На пианино маски Васильева, Золотухина, Филатова. Что он держит в левой руке? Над ним портрет первого режиссера театра Плотникова, Ю. П. в неистовом каком-то порыве... Эфрос остался за кадром, не уместился в эту композицию, а жаль.

Рошинская фраза понравилась мне своей внутренней информацией, выходящей шире и глубже по смыслу, чем на глаз: «Я видел, с какой радостью и самоотдачей работали на сцене актеры, оставшиеся единомышленниками Ю. П., несмотря на шестилетие мучительной разлуки».

«Мишку Шифмана» читал, что в контексте израильского гражданства Любимова обретает дополнительный смысл. Сегодня попробую в пушкинский этюд «Молитву» вставить и какие-то слова найти по случаю великого праздника 1000-летия принятия христианства на Руси. Надо бы православный храм посетить и приобрести иконку. Мой «Спаситель» остался в бушлате Самозванца. Хотя меня как Гришку предают анафеме, однако «Спаситель» всегда у сердца. А до храма дошел я. Хотя у четырех жителей разных возрастов спрашивал, какая дорога ведет к храму, вразумительно объяснить никто не мог. Только четвертая — молодая девушка. А на подходе к церкви остановила старушка блаженная. Стала мне про Христа рассказывать, какие добрые, чудесные дела он сотворял. Ведь как-то люди видят друг друга. Сегодня родительская суббота, а завтра Троица, и пойду я в церковь к 10 часам, на службу..

Денис на вопрос Фурмана*, дома ли Леонид Алексеевич**, сказал: «Папы нет дома»!!! Хотя Рудольф представился ему как друг Валерия Сергеевича. Рудольфа это задело. Задело ли меня? Да, конечно.

29 мая 1988

Воскресенье

Троица, а я в храм не пошел. Рейган в Москве, сейчас кортеж приближается к Кремлю. Как чувствует себя наш Миша? Вчера «Время» передало информацию о Любимове. Сегодня телевидение и радио занято Рейганом.

Прочитал второй номер «Нового мира» с «Живаго». Что-то я чего-то не понимаю: или слишком грамотный стал, или наоборот. Вкуса я не улавливаю в этой литературе — головой понимаю, как замечательны метафоры, описания снега, пара, леса и пр. Но чтоб убивать человека за этот роман? Никак в толк не возьму. Но... надо дочитать.

8 июня 1988

Среда, мой день

Еще один раз начинаю жизнь новую. Господи, прости и сохрани... и благослови на жизнь новую! Что делать? Надо жить.

9 июня 1988

Четверг

Эти затянущиеся роды — «Годунов». Страшно до чертиков — результат запоя и семейных забот. Вчерашний «Фонтан» с Аллой вселил надежду, что к премьере наберу форму.

Пропустил службу в храме Крестовоздвиженском. Все не так.

* Фурман Рудольф — ленинградский актер, продюсер.

** Филатов.

11 июня 1988

Суббота

Таганские премьеры в «Вечерке», обзорная статейка — хроника, так сказать, нашей жизни. Замечательный предпремьерный материал.

Готовы ли вы к премьере, Валерий Сергеевич? Я по натуре трус, и ни о чем ни говорить, ни прогнозировать не хочу. Слишком счастливые мгновения пережил я 18-го, чтоб сейчас быть спокойным. Я много авансов получил... Что я завтра вспомню из наставлений Мастера? Куда поведут меня память и талант мой? И просто прояснится ли он завтра? Спросил у Сережи:

- Сынок, как я буду завтра играть?
- Ты будешь играть, как репетицию «На дне».
- Это хорошо или плохо?
- Это хорошо...
- Очень хорошо или хорошо?
- Нет, хорошо, но не очень, потому что я ничего не понял.

Вот и пойми, как я завтра буду играть. На все положить драму России. Николай прав — о Боже! Кто будет нами править? А вообще надо про все забыть и помнить — кто ты! И зачем тебя мать на свет родила, был ли в моей жизни более ответственный день? Были дни, но они были защищены спиной Любимова, на которого и списывалось все. Завтра будет ясно: выиграем ли это сражение мы без него. Хотя ведь написано, что «вся театральная Москва присутствовала на репетиции».

12 июня 1988

Воскресенье

Ничего, ничего, ничего... помирились, куда нам деться-то, куда деваться-то, милые люди. Что-то будет сегодня. Как мною поставлено на этот день, какой долгий путь к нему лежал и не хочется лажануться. Нет, хочется быть, не скрою, первым артистом в этом спектакле. Меня так все приучили к этой мысли. Так не окажу я страха, но...

Господи! Смири мою гордыню и дай легкости, скорости и радости существования. Больше ни о чем я не прошу. Первую свечку поставил я о здравии Любимова, потом — за упокой душ Пушкина и Эфроса. Вернулся и поставил о здравии Матрены, Тамары, Сережи, Дениса. Про отца забыл. Возвращаться поздно было. Молился я и за моих партнеров — дай им Бог удачи всем сегодня, всем, всем, всем, — от вельмож до нищего слепца. Посели в сердце моем благодать, Господи, и прощение всем, и меня чтобы простили все. Прости меня, Господи, сохрани и помилуй.

13 июня 1988

Понедельник

Если в Москве все, как у них, то мой лайнер Ил-86 с Тамарой и Сережей на борту должен быть в разбеге... Ну, Господи, благослови мои души родные. Ночь после премьеры я не спал ни капельки, все пел от восторга. «Ох, да растворите вы мне темную темницу...» Я счастлив опять, в этот раз Тамаре очень я понравился, все дело понравилось, а я больше всех, всех моложе, всех легче и талантливее. Что мне еще нужно для счастья? А играл я не лучшим образом, хотя первой польской сценой доволен был в «Фонтане», но от нехватки сил кураж не пошел... Но, в общем... нормально. Теперь я так волноваться не буду. Это же черт знает что — даже заплакал дома от волнения за спектакль. Принимали, по-моему, здорово, хотя публика была холодная, надменная, грамотная и пр. Самая трудная публика. Теперь будем ждать, что газеты и журналы про нас наболтают. После нашей сцены с Демидовой — овация громоподобная должна быть, а эти суки молчат. Тамара обиделась. Очень ей спектакль понравился, так горячо и долго она его вспоминала, что я заснуть не мог, а ехать надо было за рулем во Внуково. Ну, ничего. Теперь надо наладить холостяцкий мой быт — режим, чтобы из формы не выйти, а вернее войти в нее как можно надежнее. Надо звонить Буцко и отказываться. Из-за голосонестояния. И Ю. П. меня понял: «Я верю вам. На спектакле были люди, которым я верю. Вы им понравились в актерской работе, и Губенко... О спектакле спорят, а это уже хорошо, значит, будет успех.»

Не зря я дозванивался до Гармаш — совершенно очевидно опеределилась платформа противостоящей стороны:

«С Любимовым ничего не произошло, каким был, таким остался, с чем уехал, с тем и вернулся, иначе он не восстановил бы по старому спектакль 6-летней давности. Но у него было 7-8 репетиций. Кому это важно? Он ничего не предложил. Найден сильный ход — песни Покровского, но они расшифровывают смысл дополнительно, выручают артистов и тем обнажают их слабости. Любимов задал ход прекрасно. Но потом прием топчется на месте, скачет и не развивается... доска — прекрасная деталь... иллюстрация и главное — нет Бориса, есть сытый, толстый Губенко. На сцене два артиста — ты и Демидова. В сцене „у фонтана“ много шутовства. В решении нет глубины, прочтения...»

Вчерашний день — приговор!!!

Эфрос про «Серсо» сказал — «позавчерашний день». Правильно. И итальянская газета сказала про Васильева то же самое. Но разве в этом дело? Более того, в некоторых местах явно ощущается, что Любимов в растерянности и не знает, что делать дальше. Вот так судят про нас в другом стане. Я предчувствую жаркие схватки на полях театральных сражений. Есть где разгуляться — спектакль дает повод для различных толкований и столкновений. А и хорошо. Сегодня Глаголин спрашивал меня о некоторых персонажах «Кузькина» — кажется, идет распределение и готовится приказ.

16 июня 1988

Четверг

Лучший спектакль сезона — «Годунов»!!! Вот такие итоги критиками подведены. И это все называется — пришел, увидел, победил Любимов. Боже мой. Это же какое счастье нам, ему, Таганке и какой прилив желчи это вызовет у ефремовых и пр. Недаром они замыслили письма против его приезда.

17 июня 1988

Пятница

Потом репетиция — ни шатко ни валко. Встретил Болотову: «Ты дивно играл прошлый спектакль, дай я тебя поцелую... У тебя бывают разные варианты... в этот раз был тот, что мне по душе больше всего».

Ездил за батарейками — чудеса. В такой державе, в столичном магазине нет плоских батареек. Что же это такое?! А два часа назад севернее Джезказгана приземлился космический аппарат с космонавтами!! Уму непостижимо, а магазин электротоваров просто закрыт по техническим причинам, у них там залило все, затопило, сказали мне милиционеры. Два дня небольшого дождя, и канализация вышла из строя, или не была она в этом «строю».

О Русь! Храни себя, храни!

Как-то незаметно дожил до того, что сына в армию провожаю. Нинка заплакала и убежала в гримерную со словами: «Ну вот, я так и знала...» До меня дошло, что она, оказывается, не безразлична к судьбе сына, что она его, оказывается, любит, болеет за него, страдает, что она, оказывается, мать, как всякая другая, как моя мать мне — так она мать моему Денису... Это открытие для меня было, как маленькая молния, озарение, я увидел Нинку по-другому... Я увидел, что ей уже 48 лет. Бог мой!!! Ей, конечно, слава Богу, с Ленькой повезло, и теперь она только переживает за сына. Это мне было по сердцу, это мне было приятно. Надо же, Нинка, оказывается, мать, у нее есть сердце, и она вовсе не снежная королева.

Сереза ведет дневник; а будет ли мне писать письма с «фронта» Денис Валерьевич?

19 июня 1988

Воскресенье

День вчера был посвящен Троице-Сергиевой лавре. Помолился я святым мощам преподобного Сергия Радонежского, героя русского, духовника Димитрия Донского. С его благословения пошли войска русские на поле Куликово. Испил и воды святой в часовенке, и постоял перед палаткой-усыпальницей семейства Годуновых. Первоначально захоронены были они под папертью Успенского собора. Почему под папертью? Спрятаны были, что ли?

Долго бродил я по ризнице, лицевым шитьем наслаждался, восхищаясь синодиком Ивана Грозного в пуд весом.

Иконостас рублевской школы.

Смехова вчера я видел. Ах, Веня, Веня. Как же можно с такой болтовней представлять перед зрителями Театра на Таганке. Можно, конечно, читать свои вирши, но не больше двух-трех, ведь люди деньги платят. Человек набирается наглости держать свою персону два часа перед народом. Это хорошо, что я посмотрел, это определило мое решение — не выползать в подобном жанре...

12 июля 1988

Вторник

Ну, слава Богу, закончился этот страшный и, может быть, благословенный сезон.

На спектакле ЧП — посох попал в зрительницу, выбил стекло в очках, рассек щеку. Кажется, замяли... Николай не показывает, что огорчен, шутит, смеется, это маска его. Накануне он приезжал ко мне, видел мое состояние, говорил Жанне:

— Он не сыграет...

19 июля 1988

Вторник

Проводили вчера Анхеля с семьей в Мадрид. Обедали у Шацкой, туда и позвонила Ирбис и спросила:

— А почему — Ирбис?

— По кочану.

— Не груби... почему — Ирбис?

— Иди посмотри в энциклопедии.

— Иду. — И повесила трубку.

Неужели обиделась?
Потемнели у баньки стены,
Покосились у дома крылечки...
Вот еще для рассказа тема,
Вот еще одна Богу свечка.
Где хрустальные реки синие
Васильковыми бредят искрами,
Имена такие красивые,
Даже если Исток, то Быстрый

От рецензий на «Годунова» неприятный, досадный осадок — тенденция прослеживается четко в отношении группы Любимова, и потому, зная мою конфронтацию, хвалить они меня не будут. Впрочем, радуйся тому, что грязи не льют. Уж он им дал материала, пищи и слов с лихвой на репетициях. И хочется Гаевскому* сказать: «Эх, Дима, Дима...» А впрочем, пошли они все... «Жалко

* Гаевский Дмитрий — театральный критик.

только волю да буланого коня». Напишу сейчас письмо Л. А. и перемену печаль на радость.

20 июля 1988

Среда, мой день

Не надо отклоняться от первоначального замысла. Ирбис влетела в жизнь, в сюжет, она поможет мне, моя м-м-милая; как я скучаю, как тоскую, как люблю ее. И — от всего тошнит. И все-таки «Родословная», а все остальное — притоки. Надо ложиться спать, утро вечера мудренее.

Зачем я оставляю открытым дневник? А вообще-то невозможно, нельзя с женой жить и писать, невозможность остаться одному, возможность быть всегда подсмотренным и прочитанным угнетает, бесит, не дает покоя.

23 июля 1988

Суббота, дача, утро

Что-то должно случиться, и справедливость должна восторжествовать. Смехов и Филатов (Славина больна) должны быть наказаны, они должны понести ответственность за свои слова и поступки. Я читаю дневник и вновь и вновь поражаюсь Эфросу. Сколько там было чистого, правого дела! Чем она мне отолется? Чем бы она ни отлилась. Я благодарю Бога, что это случилось. Хоть пить бросил, хоть стало перед кем-то стыдно. Теперь, что бы ни делал, озираюсь на Уфу. Господи! Пошли ей здоровья и спокойствия душевного. И все-таки, когда я прихожу на пруд, я ловлю на себе любопытные взгляды-вопросы. Почему он здесь, в разгар съёмочной страды, его что, больше уже не снимают, он что, вышел в тираж? Ведь ни одного киноартиста на дачах, кроме Золотухина. Он что, надоел, не нужен никому... так, мне кажется, обо мне думают люди. И признаться, мне неловко делается, потому что все это похоже на очень большую правду... Главное — участвовать! А я — не участвую, вот в чем драма. Но я пишу, пишу и я действительно напишу...

25 июля 1988

Понедельник

День памяти В. С. Высоцкого. Зайти поклониться на кладбище и к Нине Максимовне.

На почте ждала меня радость. И как это я вдруг учуял? Раз что-то кольнуло и кто-то сказал: «Иди! Иди на почту, пока не закрылась. Сегодня воскресенье и твоя почта работает, а завтра у них выходной».

Я пошел. И вот тебе раз. Много звонков я вчера сделал, но никто мне не сказал про «Солдатушек», кроме матери Матрены Федо-

сесны. Ну и Полока, которому, как он говорит, звонили интеллигентные люди и говорили, что программа удачно составлена...

Боль по Эфросу не утихает. И чем больше успехи любимовского дела, и мой в том числе, тем острее чувство несправедливой кончины, внезапной и безвременной Анат. В. И здесь никакие слова не помогут, он не ответит спектаклем, чем, собственно, единственно и может быть защищен от ударов судьбы и критики режиссер.

6 августа 1988

Суббота

Яковлева Саша в восторге от дневников. «Так живешь, живешь и не знаешь... ты совсем открылся для меня по-другому. Зауважала... И о Высоцком я много поняла... Люська-то, Люська хороша... Я думала, знаешь, как и многие, что Марина — это шмотки, бабки, заграница, а она вона что... (А что?) Она (Люська) не поняла, кто с ней рядом, что за мужик, как с ним надо обращаться».

Бедная Саша совсем ни... не поняла.

«Возлегли локтем на Кавказ» — это Ломоносов, а «оттолкнувшись ногой от Урала» — это Высоцкий. Ну и что? Ломоносов точно не читал Высоцкого, но и что Высоцкий знал Ломоносова — вовсе не факт. А если факт — опровергаемый.

Розенбаум ведет атаку на авторитет Высоцкого. Поливает Окуджаву. «Вся молодежь моя... 24 000 — аншлаг» и пр.

Он доиграется. Найдется какой-нибудь очередной Рязанов и развернет любовь и гнев толпы в сторону Саши: ишь ты, на Высоцкого посягнул, тоже мне, возомнил себя Сальери очередным. Рязанов ведь надсмехался над всеми, меня он так в жертву толпе бросил, а поиздевался-то он над мнением народа. Ах, друг Высоцкого, я покажу, какой он друг, и толпа легковерная закричала в кромешной злобе: «ату-у Золотухина!» О Розенбауме я слышу такое не первый раз. Зачем ему это? Или такой он дурак, или ему лавры Куняева покоя не дают.

Не дает покоя решение, мечта, идея — плюнуть в лицо или дать публично пощечину... В этом ничего нет хорошего, что я сиднем сижу в номере и не шатаюсь, к примеру, по Парижскому кварталу или там по Рыбацкому бастиону — я всем говорю, что я это все видел сто и больше раз, а сам ни черта не видал и видеть не имею желания. Отчего я не имею желания видеть в Будапеште Парижский квартал? Оттого, что я видел Париж?! В Париже я был, этого не отнимешь, но видел ли я Париж?! Нет, я просто ленивый и не любознательный. Мне больше доставляет удовольствия и радости прочесть страницу тыняновского романа или записать какую-нибудь приблудную мыслишку.

У Чивилихина: «Горе от ума» не было напечатано и не увидело сцены при жизни автора, но было «опубликовано» 40 000 рукописных экземпляров.

«Напечатано» и «опубликовано» — тут вон как повернуто заме-

чательно. Не синонимы, оказывается, эти слова. Действительно, как я не догадался раньше, — у Высоцкого не напечатано, но опубликовано в миллионах км магнитной пленки. Значит, и переписано на бумагу. Значит, осталось в веках, пока существует наверху интерес к нашим векам. Наверху, что у Бога. Пока существует интерес к Высоцкому, есть надежда, что будут помнить и о тех нас, кто в его свет попал так или иначе. Как бы мне хотелось поближе с Распутиным побыть. И вот уже мечтаю, как я лечу в Иркутск, нахожу его. Поселяюсь где-нибудь рядом и наблюдаю, говорю и дышу его воздухом. Так, глядишь, за чужой счет и проберемся в бессмертие. Взял с собой на изучение в Волгоград «Державина» В. Ходасевича.

Японцы, глядя на нашу жизнь: «Мы думали, что вы отстали от нас на 10 лет, а вы, оказывается, отстали навсегда».

24 августа 1988

Среда, мой день

Теперь я, кажется, дошел. Ситуация взаимоотношений между Любимовым и Губенко-«Годуновым» была в 1982 г. резко другая. Тогда Любимов никак не мог его повернуть на человека, роль в смысле. Он его не устраивал во многом как исполнитель. А в этот его приезд я дивился, что он его так стал щадить, весь запал выпуская на меня...

Самолет. Я принял димедрол, но слышен запах пищи — на то был и расчет. Благодаря Ю. В. Яковлеву мы летим втроем, со Штоколовым. Яковлев замерз. Не простудиться бы на свежем воздухе в самолете. Поболтали с Ю. В. — до чего он приятный человек и собеседник. Хотел написать письмо, но не собрался с мыслями, да и темно было. Остался час, Яковлев читает сценарий.

26 августа 1988

Пятница

Нет, это черт знает что! Деньги мы уже получили, и не маленькие... Но не станем обольщаться, надо эти 34 штуки отпахать качественно, но голос сохранить.

В прекрасной компании я оказался — Штоколов, Яковлев. Боже мой! Моя скромная персона теряется среди мастерства и любви народной к этим двум. В Волгограде, может, и пожалеет меня редактор, но центральная печать может ударить по мне с удовольствием: сторонники Любимова — за Эфроса, поклонники Эфроса — за триумф и белого коня Любимова. Но самому надо сидеть тихо-тихо и не принимать никаких решений. Не писать в газеты и не читать их.

— Будет непростительно, Юрий Васильевич, если мы не искупаемся в гейзерах, не сфотографируемся, не поднимемся к вулканам. Неужели мы только и будем говорить об икре, лососях и пр. Мы погибнем в этом меркантильном окружении!

Ну вот и второй день прошел, опять я набираю Москву, и опять она не ответила. Вплоть до того, что загадал: кто из них первой позвонит, с той и буду жить.

27 августа 1988

Суббота

Однако надо думать о прозе и помнить, что Распутину «очень жаль», что он видит ее редко.

28 августа 1988

Воскресенье

Елизово. Второй день по пять концертов. Вчера выдержал. Да поможет нам Бог! Ни писать, ни читать в закулисье невозможно. Все разговоры про икру и баб.

Алексей Мокроусов — замечательный 22-летний корреспондент. Долго мы с ним говорили, спросил, почему я вожу с собой Петрова-Водкина. Правду я ему не сказал. Дал дневниковые записи о Высоцком, это произвело на него ошеломляющее впечатление.

Ездили на Паратунку — термальные источники, три бассейна.

2 сентября 1988

Пятница

В книжном магазине стоит огромный кирпич — «Дневники» Н. Д. Мордвинова. Перелистал, посмотрел. Кому это интересно? Кто его помнит? Кто знает? Зачем он это писал?! Для души, для работы, душа у него трудилась, это правда. Но вот стоит этот исповедальный «кирпич», и я думаю... И мой «кирпич» когда-нибудь вот так встанет на какой-нибудь полке, в далекой, заброшенной Богом дыре. И снова всплывает зацепка: в моем «кирпиче» нет-нет да и промелькнет имя Высоцкого, и уж ради этого «кирпич» мой какой-нибудь чужак купит для своей библиотеки. Будет искать дорогие имена.

8 сентября 1988

Четверг

Через час мы должны оказаться в Новосибирске. В моей Сибири уже будет вечер.

9 сентября 1988

Пятница. Новосибирск

Губенко — интервью... «А вот что касается нравственной атмосферы в театре, то она была действительно из ряда вон заболо-

чена. Экология отношений была запятнана всеми болями, обидами, страстями, которые коллектив переживал последние пять-шесть лет. Сейчас, мне кажется, в этом смысле положение улучшается, и это единственное, на мой взгляд, что оправдывает мое присутствие здесь. Ведь дело в том, вы меня поймите правильно, что я влюблен в свою профессию кинематографиста, я знаю все ее слагаемые, я хочу заниматься этим. Мне не раз Любимов предлагал поставить что-нибудь самому, но у меня к этому не лежала душа... Так складывается наш следующий сезон, что пока реально возможным для этого нет».

Комментарии, как говорится, излишни. Главного режиссера у нас по-прежнему нет.

Пресс-конференция в Новосибирске. Стыд-позор на всю Европу, и виноваты мы. Глупее и завиральнее редко бывает. Они спросили: «Почему вы не привезли „Бориса Годунова“», а мы ответили: «А у вас нет горячей воды, мы приехали работать, а не отдыхать, создайте нам условия» и т.д. Но ведь у них в квартирах тоже нет горячей воды, чего мы на них-то нападаем. В ответах (Эфрос — Любимов — «Скрипка мастера») столько лжи, что опять тоска и виселица. Да, мы виноваты, мы плохие, что не сняли Высоцкого в «Пугачеве», в «Гамлете», в «Преступлении». Но теперь мы приобрели хорошую высококачественную технику и снимем наших живых актеров, оставим для потомков. Ну, бред! На х... потомкам мы?!

— Валерий! В прошлый приезд вы убедительно говорили, что вы и Высоцкий друзья. Как же случилось, что вы своему другу не уступили в его просьбе. Я имею в виду «Гамлета». Это как-то не вяжется со словом «дружба».

Господи Боже ты мой! И здесь меня настиг этот вопрос. Лучше бы его задать Любимову, который за два месяца до смерти В. В. заставлял меня в Польше играть «Гамлета». А потом я уступил просьбе Высоцкого и Гамлета не играл. Теперь жалею. Не знал, что такие страсти вспыхнут вокруг такого простого и для театра обычного дела, как второй состав. Он существует даже в космонавтике. Дублеры он называется. К сожалению моему и по своей слабости характера я дублером Высоцкого не стал, о чем, повторяю, сейчас жалею, потому что уж лучше грешным быть, чем грешным слыть.

Ф и л а т о в:

— Дай я отвечу... — И он что-то потом запальное в мою защиту говорил, но сбился на Пугачеву, на скандал в гостинице и смял свое выступление.

А потом мне пришла записка: «Валерий, не обращайтесь внимание на упреки в Ваш адрес по поводу „Гамлета“. Нас не волнуют внутритеатральные и личные отношения актеров. Мы Вас любим за Ваш талант. Не расстраивайтесь».

По выступлению с «Банькой» — зритель трудный, настороженный. Однако скандеж, аплодисмент плотный. Ленька читал свою сказку превосходно, но вот записка: «Вы почему считаете, что в Сибири не читают журнал „Юность“ и не смотрят телевизор? Зачем повторяться? Неужели больше нечего сказать?»

«Тов. Смехов! Удивлены.. Не ожидали, что с таким театром произойдет такая примитивная встреча. Как мы ждали, волновались от предстоящей встречи с Вами. Простите, но сегодня Вы проявили неуважение к нам, зрителям. К таким встречам надо готовиться.. Могли бы заменить встречу спектаклем, но, видимо, не захотели. Настроение испорчено. Потерявшие к Вам веру зрители».

11 сентября 1988

Воскресенье

Вчера вечер провел у них — Филатовых-Шацких. Ленька читал свои стихи, а потом рассказывал, цитируя, пьесу по М. Салтыкову-Щедрину. Показывал убийственно смешно. Я хохотал так, что повзонила горничная — нарушаю покой жильцов. Я люблю их — и Леньку, и Нинку. Мне с ними хорошо, хотя я абсолютно не согласен с Ленькой все по тем же злосчастным пунктам: Эфрос, Любимов и пр.

12 сентября 1988

Понедельник

Радость еще отчего главная — современная драматургия не подвела. Фраза Любимова запомнилась мне с великой радости первопрочтения совершенно правильно и с тем смыслом, который я хотел услышать, узнать. Вот она: «А что же мне делать, если мне кажется, что Золотухин играет лучше, чем Губенко? Я смею считать себя лучшим специалистом в режиссуре и в работе с актерами, чем вы». У Сережи умер попугай, которого он нашел на улице. Я им говорил: повесть объявление и отдайте. Не послушались. Сережа из-за него чуть кота не прибил, но кот совершенно ни при чем был. И вот умерла птичка.

Вчера Петр Леонов занес альманах «Современная драматургия». Говорили о гастролях, «Годунове», Любимове, а Петя смотрел на портрет Эфроса, стоящий на моем столе вместе с иллюстрацией Петрова-Водкина и Денискиными фотографиями. Энтузиазм моей защиты Эфроса относится еще и к тому, что всегда хочется встать на защиту слабого. Почему-то так казалось мне всегда. Любимов не нуждался и не нуждается в этом, а Эфрос нуждался. Может быть, я тут ошибся. До меня только что дошло, что передо мной — Обь, что это та дорога, та вода, которая от моего дома течет, от Быстрого Истока, и по ней я могу на Родину уплыть. Это та вода, которая вчера еще омывала Быстроистокскую пристань, те берега, на которых мы родились, выросли и влюбились. Это странное такое чувство и состояние очень конкретное, материальное.

С матерью никогда так долго и хорошо при встрече не разговаривали. Она одна и я один, и от трубки ее не отнять, не оторвать.

По городу идет шум: приезд прославленной «Таганки» — позорище. Что-то часто поминают Филатова с его телесказками, байками и невразумительными ответами. Что говорят про меня?

Иваненко:

— Две трети трупы разочаровались в Губенко. То, что к нему подходит «фашист», — это все знали. Но чтобы так расходились слова с делом! Он отшвырнул от себя верящих в него людей...

На что они рассчитывали, бедолаги!! Ведь ясно как Божий день — кто бы ни пришел, они играть уже не будут никогда!! Они думали, что Коля — спасение от Эфроса? Господи! До чего же наивные, если не сказать «дурные» люди.

15 сентября 1988

Четверг

Сегодня должен прилететь из Германии в Москву Губенко, а 17-го будет здесь. Не радует меня перспектива его приезда, однако он будет здесь один, вне окружения Филатова и Смехова, и я надеюсь о многом поговорить с ним, во всяком случае, прочистить его мозги в отношении моих воззрений и нравственных позиций в театре.

Быть может, дам ему дневники. Быть может. Меня обидело его отсутствие на моих концертах. Он обещал быть на 21 час и не пришел. Провожал Филатова. Они думают, что Филатов — звезда «Таганки». Он — звезда, но в другом созвездии. Но визит этого «немца» неприятен мне — уж очень он деловой и держится вдалеке. Да Бог с ним, что мне до него. Вон какая беда! Драган. Мифический серб, очевидно, в Союзе и должен появиться в Москве. И Ирбис рвется к нему на свидание. Впервые всерьез я глянул на свое отражение в зеркале и понял, что серб, над которым я смеялся, — это, может быть, неодолимый, серьезный молот. Ах ты батюшки мои! Это же точный мой прогноз. И заметался Валерий Сергеевич, пойманный в ловушку ревности. Поневоле вспомнишь Тамару и посочувствуешь, и пожалеешь. Ах ты мать твою перемать! То-то писем нет, у нее не хватает сердечных ресурсов на двоих.

17 сентября 1988

Суббота. Число мое. Новосибирск

Клуб Высоцкого открывает сегодня улицу его имени, просят, чтоб я вернул 4 шурупа.

Очень хорошая была последняя встреча в «Прогрессе».

В дождь завернул шурупы на доме, с которого начнется улица им. В. Высоцкого. Читал стихи, потом хорошо говорил Дупак. Почему-то не было Веньки, хотя он в городе. И закончились мои гастролы в Новосибирске. Отыграл нормально. Первую половину проиграл, вторую где-то выиграл, но и вправду «последний бой — он трудный самый».

4 октября 1988

Вторник

Расул Гамзатов: «Присвоение Вам высокого заслуженного звания является поводом выразить Вам свою благодарность за радость, которую Вы доставляете всем своим высоким искусством. Ваш Расул Гамзатов».

Утром думал: неужели Распутин и сибиряки не поздравят? Неужели не знают? Из Алтайского отдела культуры Ломакин прислал телеграмму и ждет на шукшинских чтениях. Что же это такое? Звонков 15 из разных кооперативов — выступить, выступить, выехать и пр. Сколько же этих концертных кооперативов развелось?

Как сохранить «Мизантропа» с Яковлевой? Спектакль нельзя отдавать на сторону, этого ни с нравственной, ни с производственной стороны театру делать нельзя и не нужно. Но во многом Оля права, я на это почему-то смотрю более трезво и реально. Спектакли надо играть и тем доказывать верность мастеру и живучесть его искусства. Это и сам Эфрос говорил, это его слова, его факты и аргументы против ухода Шаповалова, Смехова и др. Кто явится арбитром в этой ситуации? А если гл. режиссеру не нравятся спектакли Эфроса? Просто не нравятся и все, по искусству не нравятся. И что ему делать с этим, коль он главный художественный арбитр и судья над продукцией, идущей на сцене? Мы его об этом просили и голосовали за него единогласно. А теперь, видите ли, Иваненко заявляет, что 2/3 труппы разочаровались в нем. Повода для разочарования Николай пока еще не дал. Этим поводом может послужить только его собственная продукция. Но в производство ее он вас вряд ли пригласит.

5 октября 1988

Среда, мой день

К Харченко иду сегодня в 16.30. А с утра к Дупаку. Какое единодушное неприятие моей подруги, как они ее называют, — Демидовой. Конечно, своими заявлениями, что ей не с кем играть, она расшевелила дерьмо и тут надо было ей быть осторожнее, но ведь и ее довели. Одна Славина, за ней Кузнецова чего стоят... Другую бы на месте Демидовой давно кондрат хватил или бы сбежала она куда глаза глядят, а она еще вкалывает и плюет на эти укусы. Но и сама жажнула из гаубицы. Ох, бабы, бабы...

Базар-вокзал у Жуковой. На мою затею смотрит смеясь, несерьезно. Просит открыть театральную школу, а не пельменную, не понимает...

Тоска от себя, от путаной своей ситуации. Культура неделима. И тот, кто хочет отделить меня или от меня Любимова или Эфроса, поделить на ваших и наших, делает глупость и ошибется, жестоко просчитается.

Крымова о Любимове после моего монолога о неделимости культуры:

— Мне ведь это непонятно. Казалось, что бы сделал другой человек? После двух-трех часов, как прилетел, позвонил мне. Ну мало ли что он там про Ан. Вас. наговорил, написал, но ведь нас долгие годы связывали узы взаимной выручки, взаимного внимания. Он знает, как я к нему относилась, как писала о театре, как меня выгоняли из журнала «Театр». Есть смерть, которая все расставляет и расставит и есть прожитая жизнь. Что его так переменило?

Она ждала звонка от Любимова, который ее обвиняет в смерти А. В., потому что уверен — она средактировала идею прихода Эфроса на Таганку. Это он мне сам сказал, как обычно, проходя верхнее старое фойе... И потом он наверняка опасался со стороны Наташи выпада: а не пошлет ли она его куда подальше или еще чего хуже?! Да мало ли!! Нет, звонить он не думал, вот если бы она захотела, она могла появиться в ВТО, случайная встреча могла кинуть их друг другу в объятия — горе мирит людей. Или плюнула бы в лицо — и тогда это на весь мир и на всю жизнь.

Любимов приезжает с Катей и Петей. Не хочет жить в гостинице, хочет жить в квартире. Вчера об этом Дупак говорил Жуковой.

— Таганка? От Таганки подальше. Таганка — место двусмысленное.

— Что это значит?

Л ю б и м о в :

— Это место кровавое...

«От Таганки подальше»... Хорошо. А зачем вы туда пошли и Эфроса пригласили, — сразу начинаю защищаться. Нет, все не просто. Сразу поднимаются со дна души вся боль и муть.

К р ы м о в а :

— Что это за художник, который панически боится режиссерского столика? Который ни разу за все время не сел за режиссерский столик?

Губенко она не любит. Я начинаю его потихоньку защищать. Он стоит того, за полгода, неправда... Он много раз сидел и сидит за режиссерским столиком. Да, он, кажется, многого не знал про Эфроса, его сбили его «мюраты». Но, кажется, он по-человечески начинает что-то соображать, умнеть. Крымова тут же иронизирует:

— Ну, если Губенко поумнел... ну, если он умнеет...

8 октября 1988

Суббота. Борт самолета

Беспокоит левая сторона горла. Мы отправляемся в Грецию через Болгарию.

Д е м и д о в а :

— На тебя такую бочку Любимову накатили. Катя в тебя молнии метала. Не знаю, удалось ли мне ее в чем-то убедить...

11 октября 1988

Вторник

Как хороша была бы заграница, когда б не надо было думать, на что потратить драхмы! И не просто потратить, а с большим толком. Кошмарные заботы. Но об этом я уже писал и в Югославии, и в Париже, и в Варшаве, и в Милане, и в Мадриде. Теперь — Афины. Осознаю ли я то место на глобусе, где нахожусь, откуда пошла, где зародилась вся культура европейская? Эллада...

Мне нравится Николай. Определенно нравится, хотя мы до сих пор, кажется, ощупываем, ревнуя, друг друга. Он легок, весел, умен и в разговоре серьезном, и в трепе за столом. И это поднимает мое настроение, хотя сам я ужасно грустный.

«Театр — история одного поколения» — мысль, принадлежащая Товстоногову и очень верная.

— Валерий, — говорит Николай, — сколько мы еще просущество-
ствуем?

— Год!

— Что так мало? Впрочем, надо еще и год прожить...

За «Кузькина» страшно. Страшно, как сложатся наши взаимоотношения с Любимовым. Вести от Демидовой не радуют меня и в душе червя поселяют. Не дай Бог появятся раздражительность и озлобление. Но победим мы это, как и всегда, смирением.

Нет, дорогой мой Коля, он хочет и настаивает, чтобы я играл в «Бесах». Уж кого он мне даст, это неважно, но поработать с ним необходимо душе и телу. Он — учитель, как ни крути-верти. Голос у него был хороший.

Губенко вчера был в посольстве.

— Лишил Ю. П. гражданства наш всеми уважаемый К. Черненко. А у Ю. П. сын. Он хочет обеспечить ему безбедное существование. Для того чтобы Ю. П. вернулся, ему нужно вернуть гражданство. А вернув себе гражданство и работая в стране, которую он не покидал, сможет ли он получить за свой труд столько, чтобы обеспечить сыну и жене в будущем безбедное существование — вот так теперь стоит вопрос.

Коля не свои же постулаты выкладывает. Безбедное существование сына!

Юрий Петрович меня любит. Я смотрю на фотографии, где он мне показывает, как играть, а я вижу через эту фотографическую эмульсию, что он любит меня. Он взял себе в жены работу. Он жестокий человек, но это его качество проявляется прежде всего в его отношении к себе самому и, уж естественно, оно не может не распространяться на других. Если человек жесток по отношению к собственной жизни и судьбе, как от него ждать снисхождения к другому!!! Он в жутком чемоданном режиме, если он не будет работать, он погибнет от тоски. Да простим ему его поиски и оставленных им близких его и друзей. «А он, мятежный, просит бури...»

А музыка у греков аж прямо душу вынимает, какая-то вся наша, православная, русская. Пение мелодичное, что называется душещипательное, женское, как Россия.

А он ставит «Мастера и Маргариту» в театре у Бергмана. Как, интересно, примет его эта прославленная труппа, капризная и звездная. Она ведь, должно быть, воспитана на других принципах, на других ценностях, в другом психофизическом режиме. Оставляет ли Любимов после себя какие-либо записи, наблюдения, размышления? Как хочется заглянуть в его душу. Но он ее скрывает тщательно, он не забывается в игре и не приоткрывает маску.

— Ты очень грустный, мрачный, угрюмый даже! Что случилось? — Губенко за завтраком.

«Дорогой Юрий Петрович!

Целый день хожу со слезами на глазах, и руки мои дрожат от волнения и счастья! Я счастлив, услышав от Вас, что надо работать и репетировать в „Бесах“. Это значит — подан мне знак, что я не лишен Вашей милости, Вашего расположения ко мне как к профессионалу, принадлежащему Вашей команде. Так было всегда. Лучшее, что я сыграл, сделано с Вами, и я отдаю себе в этом полный и трезвый отчет.

Люди наговорили Вам про меня дурное. Не собираюсь ни оправивать их, ни оправдываться. Время и история Театра на Таганке рассудит нас. Одно скажу: нельзя, недопустимо, прикрываясь Вашим именем, топтать другого. В этом я стоял и стою до конца, и эти разногласия не между Вами и мной, а между мной и некоторыми из моих коллег.

Их обвинения в моей беспринципности мне смешны. Любимов и Эфрос не те два стула, когда можно сидеть на одном, на другом или между. Это два явления одной культуры, которая, как известно, неделима. И ни Смежову, ни Золотухину, ни генсеку Горбачеву не дано их судить и рассуждать в праздности и озлоблении, кто из них какое место занимает (не по чину, матушка), тем более желать во имя преданности одному физической смерти другому. Да-да, было, не удивляйтесь. Говорю Вам об этом первому. И если я согрешал против Вас словом, то в пылу полемики и раздражения, в силу обстоятельств. Простите меня. Позволю напомнить в связи с этим слова Иисуса, сына Сирахова, ст. 14: „Распроси друга своего, может быть, не говорил он того, а если сказал, пусть не повторяет того“.

Ст. 16: „Не всякому слову верь“.

Ст. 17: „Иной погрешит словом, но не от души, и кто не погрешил языком своим“.

Особенно важно последнее — кто не погрешил словом? Я считаю себя Вашим учеником, я пришел к Вам из театра им. Моссовета, где проработал всего один сезон. И 20 лет работы с Вами — это и есть мои профессиональные университеты. И, что бы ни случилось, кровная эта связь измениться уже не может, это — данность. Я молюсь за Вас и семью Вашу. Кланяюсь Катерине, привет Петру

Юрьевичу. Парень большой, уже и величать пора. Храни Вас Господь!

С уважением и любовью, В. Золотухин.

17 октября 1988

Понедельник. Мы покидаем Афины

Счастье заключается в том, чтобы кого-то осчастливить. На холме Акрополя я видел себя с Ирбис и Тамарой. Я понимаю Альцеста: «Чтоб я гордиться мог, как любовь моя вас дарит благами зёмного бытия». Я плачу. Да, я не общественный человек, я эгоист, одиночка норный. Я подозреваю, что верность очень близка к гордости. Ведь Эфрос, в сущности, был очень гордым человеком, он знал секрет, он им владел, этим секретом, он хотел открыть, отомкнуть Таганку. И он бы ее отомкнул, он бы развернул любовь к себе, но слишком сильна была привязанность, мистическая привязанность и вера труппы в отца, в хозяина, в Любимова.

Николай — человек действительно нежный и заботливый. В туалет ко мне пришел с анальгином, искал лекарства для моего живота. Сам же сказал: «Хватану виски!» Почему-то хочется ему удачи пожелать.

22 октября 1988

Суббота

Написал письмо Пащенко, лягнул и Распутина невзначай. Ну, в самом деле, как в темной бане собрались они мракобесничать в Иркутске, перед миллионной страной глупости говорить.

Увидел вчера у Николая шрам аппендицитный и вспомнил, как мы с Шацкой приходили к нему в больницу, что рядом с театром. Помнит ли об этом Николай? И как он относился к нам, любопытно! Поговорить с ним сердечно, без задней мысли не удастся. Хочу передать Жанне строчки — любопытно, что скажет Жанна, какое мнение обо мне возникнет у нее. Хотя, с другой стороны, к чему?

26 октября 1988

Среда, мой день

А в Москве дела гнусные — на волне былой славы Дмитрий Певцов, Мальчиш-Плохиш. Конечно, это все дело рук К и Х. Многим не по шерсти, что Любимов на коне и «Годунов» признан лучшим спектаклем сезона. В «Советской культуре» укусы появились. Теперь нападают прямо на Губенко, что он не ставит спектакли, а восстанавливает, а Филатова и Смехова встречают аплодисментами после истории в «Современнике». Не тебе судить, соплик, и мешать все в одну кучу. Сами разберемся. И про пьянство осветил сполна, и про саботаж главным исполнителем спектакля «На дне». Это Дима Ванечке припомнил речь его на паспортном контроле по прилету из Испании.

7 ноября 1988

Понедельник

Замечательный ответ Кости Щербакова Певцову в «МН». Просто и убедительно. Что бы я делал на месте Певцова? Кто его успокаивает?

8 ноября 1988

Вторник

Вчера на «Годунове» был Вайда. Зайдя в кабинет Губенко, я застал их за беседой о предполагаемом сотрудничестве, чтобы Вайда сделал постановку. Губенко сетовал на труппу, опасаясь, что окончательно распадётся. Вайда о Европе: «В Европе работать в театре негде, можно наколоться на дилетантов, на самодеятельность». Оговаривали название.

«Терпи, нетерпеливое сердце!»

Разговоры с Хвостовым о Певцове, Смехове и Яковлевой, и все неприятные. Хвостов убежденно мне заявляет, что у Певцова вся правда и все возмущены! Истины в этом театре не добьешься. Надо замолчать, замолчать и писать.

13 ноября 1988

Воскресенье

650 000 — таков объявленный тираж книги Марины Влади с правом переиздания. Это, значит, все издательства (Воронеж и пр.), как «Мастера и Маргариту», переиздадут эту книгу, наводнят ею страну, и наконец-то удовлетворится обывательское любопытство. Без единой купюры.

16 ноября 1988

Среда, мой день

Прочитал «Роман летел к развязке» — Ивинская о Пастернаке. Судьба, жизнь, любовь. Жалко, ужасно обидно, что она не родила ему. Проклятое время, выкидыш... Боже, Боже мой! Все огромное, талантливое, кажется, в чем-то и с твоим романом жизни перекликается, и ищешь, тщетно, может быть, аналогии. Ах Боже, Боже мой! Полдня говорю «люблю» одной, полдня — другой. Вру напропалую, спасает Кузькин. Принесли билет и командировку в Норильск.

18 ноября 1988

Пятница

В «Юности» публикация о работе над спектаклем «В. Высоцкий». Какое-то неприятное ощущение, как от не очень чистой игры. И вот беда — тогда позволительно и Певцову говорить.

«Когда меня изгнали из СССР...» — вот эта самая противная для меня фраза в любимовском построении оправдательного слова. Он пытается внушить, и многим он мозги запудрил, что его, якобы, выдворили, выслали из России. Как ему хочется, чтоб было, как у Солженицына! Зачем? Меня тошнит от его интервью — «все не так, ребята...» И очень много слов говорится о высокой художественности спектакля «Живой». Ах ты, беда какая! Какие же векселя оплачивать скоро придется! Как мне противны эта шумиха, показуха. Неужели без них нельзя обойтись?!

Ведь куда правильнее и честнее было бы даже такое: «Стало невыносимо жить, работать, я покинул СССР под первым предлогом, лишь бы не видеть, не слышать, не участвовать». Ведь так оно и есть... чем глупостями добиваться лишения гражданства.

Валерий! Чего ты себя распяляешь?! Оставь ты этого старика в покое, пусть он играет как умеет. Важно что? Чтоб приехал, чтоб был здоров, чтоб был в форме и выпустил хороший спектакль. Время всех рассудит и все разложит по полкам.

Томление и грусть. Все собрались вокруг моего стола. Тамара читает письма Набокова, в который раз перечитывает «Дар». Я завижую. Сережа болтает, вычитал, как делать деготь.

21 ноября 1988

Понедельник. Аэропорт Норильска

Встретили меня там отменно — Дом Высоцкого в Норильске.

27 ноября 1988

Воскресенье

К/т «Высота». Кооператив «Кит».

Записка: «Какое отношение вы имеете к кооперативу «Кит»? Мы заплатили по 2 руб. 50 коп. Вам от этого что-нибудь перепадет?»

Перепадет обязательно. Особенно за рассказ о Ельцине, как он хотел помочь перестройке — завалить страну мясом, взяв 34 млн долларов у США.

В «Советской культуре» подбор писем в защиту Любимова и «Годунова».

Вести себя раскованно с дураком рискованно — это мой случай с Рязановым. Одни мыслят, другие цитируют.

Шевелев Илья Нисонович, профессор из Алма-Аты, прислал мне свою книжку «Афоризмы». Есть и мне косвенный совет:

«Развод в 30 лет — неприятная реальность, в 40 лет — неблагоприятный поступок, в 50 лет — подлость, в 60 лет — глупость». Где-то мои намерения к подлости склоняются. Сейчас попалась мне на глаза фотография Крицкой Ларисы — роман четвертого и пятого курса ГИТИСа, прерванный внезапной женитьбой на Шацкой. Чего жалко, так это того, что у нас с Шацкой не было романа. Роман обязательно должен быть. Быть может, он-то и есть то, что

составляет основу, сердцевину, суть любовного дела, интриги. Так все быстро вспыхнуло, потом свадьба и хорошая жизнь 4 года, а потом... романы мои бесконечные довели Нинку до ручки и до Филатова. После фотографии Крицкой наткнулся я на письма Жени Сабельниковой и узнал по строчке поэтическую душу Жени. Замечательный был роман. Но роман, не закончившийся женитьбой.

«Московская правда» — «Троянский конь у ворот Таганки». Нина Велихова с дерьмом Певцова смешала. Бедный мальчик! Чем больше в его адрес серьезных слов, тем выше он в собственных глазах — расшевелит-де улей. Вот и так ведь багаж популярности наживается. Сочувствующих у него и тайных, и явных много — по разным причинам и поводам, я думаю. А уж вне стен театра и по-давно. Думаю, если бы не грядущий приезд Любимова и не будущее распределение в «Бесах» и у Губенко, число открытых голосов против нынешнего худ. руководства было бы куда больше. И никому тут ничего не докажешь, все аргументы не принимаются заранее — с момента назначения в главные Губенко нет самостоятельной работы. И что мне делать — архив свой хранить вне дома?! Лет 13 назад передо мной вставала та же проблема. И я хотел дневники свои сестре Тоне отвезти. Кому теперь?

Ей известны все мои тайны, которыми жива моя душа, еще не совсем лишённая мало-мальски поэтического воображения — Ирбис, красный конь, ладьевидная радость. Почему я разрешаю над этим смеяться? Ну, конечно, она оскорблена ужасно. И я подлец, очевидно. Да не очевидно, а подлец. Но что мне делать, если я влюбился.

Остановил меня вчера гаишник.

— Ваше удостоверение, Валерий Сергеевич... Ах, Валерка ты, Валерка...

— А что я сделал?

— Сейчас я тебе, Валерка, объясню, что ты сделал. Ты, Валерка, не с той полосы выехал. И когда ты, Валерка, перестанешь нарушать, а? С той полосы вправо поворачивать надо. А? Как же так, Валерка, когда же ты правила выучишь!! Что там у вас в театре интересенького идет? «Солдат и Маргаритка» идет? «Мастер и Маргаритка» и «Иван Грозный»... А, «Борис Годунов»! Я двадцать лет вас останавливаю всех, и Любимова останавливал, и вашего хрипатога наркомана, не люблю я его... не любил. Значит, ничего интересного у вас нет, а чего к вам тогда народ прет? От нечего делать?! Ах, Валерка ты, Валерка... Ну спой мне, Валерка, «Мороз, мороз» и езжай, да больше не нарушай, береги себя.

29 ноября 1988

Вторник

Сегодня после спектакля пресс-конференция. До чего же я не люблю это занятие!

3 декабря 1988

Суббота. Самолет

Марк Захаров. На вечере 23-го я спрашивал, получил ли он мое письмо.

— Нет, точно нет, у меня это как-то зафиксировалось бы.

— Письмо на вашу статью о Тихонове.

Так вот, Захаров открывал театральный фестиваль, говорил со сцены этого прославленного и многострадального театра. В словах могу быть не точен, но смысл следующий. Говорил, какая новая энергетика заложена в «Годунове». Любимова назвал не только великим режиссером, но и выдающимся общественным деятелем. Это было новое в характеристике Любимова. Марк умный и хитрый. Характеристика художника как общественного деятеля имеет две стороны. Любимов, особенно последнее время, именуется себя только художником и от политического театра отрешивается. А Марк как бы напоминает: «Да нет, дорогой товарищ, популярность ваша лежит как раз в области возбудителя общественного спокойствия, именно как политического интригана». С другой стороны, Любимову должен весьма импонировать статус человека-борца, «сахаровость» бунтаря против партийного, коммунистического удушья. Все переплелось как в ленте Мебиуса.

А самолет летит. На пресс-конференции запустил я в массы мысль: «Почему от Губенко ждут какого-то театрального манифеста, от его первого спектакля? Все выдающиеся режиссеры начинали с неудачи. Ну и что, Тарковский — «Гамлет», Панфилов — «Гамлет»? Не нужно ставить «Гамлета». Все ждут: вот поставит спектакль Губенко — вот тут-то мы его и потеряем. Он художественный руководитель, он вообще может не ставить спектакли. Ульянов ведь не ставит, он сам поставил такое условие, хотя мне говорили, что это труппа так поставила вопрос о худруке. Короче, я дал Губенко разрешение на провал и вообще отпускную от постановки. Это Николай четко оценил, заметил, во всяком случае. Велихова в своем письме говорит о беспрецедентной смелости и справедливости суждений Любимова о положении в стране и обществе периодов культа и застоя. Да разве это не может не взволновать самолюбие остальных театральных деятелей! Ведь он оказывается ОДИН и САМЫЙ-САМЫЙ. Как же, как же, а мы что, получали премии и награды, звания и ордена? Мы что, ничего не делали, не были смелыми? И ответ Смелкова про то же самое. Все смешалось, все перепуталось и с этим ударом по Эфросу. Театр дошел до такой жизни, что билеты на новые спектакли, поставленные уже не Любимовым, продавались в кассах метрополитена в нагрузку к другим, более интересующим зрителя. Да, я это слышал сам и был ранен. Но сам Эфрос на кассу театра смотрел иначе, вот в чем вопрос. И тут правых или виноватых нет. И в моей статье «В границах нежности» об этом сказано. Но факты вещь упрямая. Однако с этим ударом по мертвому Эфросу душа моя ни справиться, ни согласиться не может. Или не хочет? А-а-а, самого себя, кажется, изловил.

12 декабря 1988

Понедельник. Стокгольм

Встреча с Ю. П. Любимовым прошла спокойно, деловито. Шеф мало останапливал и был совершенно другой, чем в Мадриде и особенно в Москве. Предвещает ли это хороший спектакль?

13 декабря 1988

Утро вторника

Николай что-то задумал. Такое впечатление, что он закусывает удила, с трупой у него начинается внутренний конфликт в присутствии Любимова. Каким будет Любимов сегодня?! Вчера он был добреньким Дедом Морозом.

14 декабря 1988

Среда, ах ты батюшки, мой день!

Писать, писать, все писать. А дело-то вот в чем. Английская опера «Ковент-Гарден» дала Любимову полную отставку. Его версия — как всегда. «Они надоели мне, я устал от них». Неделю назад он получил телекс о том, что его увольняют. 11 декабря вышли газеты на всех языках цивилизованного мира. Для западного деятеля это означало бы полное банкротство, крах профессиональный, безработица. К тому же позорная. Все это сообщила мне переводчица, которая работает с ним уже три года. Вы опять на первой полосе скандала, Ю. П. Контракт у него был на три постановки. Одну он сделал довольно успешно, а за вторую выплатили они ему гонорар, но от услуг его отказались. Он уволен, и формулировки для западного мира скандальные. Надеялся он на поддержку директора, но тот его не поддержал. Мы думали, что шведы, пока он здесь, не будут печатать эту информацию, но это не в правилах западной прессы.

В русскоязычной израильской газете накануне отъезда я прочитал беседу двух журналистов, Семена Чертка и N. Там вообще заронено одно поганое семя не только для Любимова, но для всей 20-летней «таганской» жизни. Разговор начинается с обмена мнениями о «Добром», которого он поставил — перенес на другую сцену, в другую страну, в страну с иной судьбой и другим народом, воспитанным совсем на других, свободных культуре, слове и пр. И, допустим, слова Брехта, обращенные в зал: «Если городом правят несправедливо — город должен восстать!» — в стране фашизма-сталинизма-большевизма звучали как призыв к восстанию, и публика понимала, о чем идет речь, и эмоционально взрывалась. Те же слова, с поколениями габимских* артистов, звучат просто... Театр подтекста, искусство подтекста, иллюзий — и рядом открытое искусство вечное — Солженицын, Максимов, Владимов, Шостако-

* «Габима» — израильский театр, созданный в свое время Е. Б. Вахтанговым.

вич, Ростропович. И когда наступила гласность, искусство подтекста потеряло смысл, а вечное осталось... Наше искусство, чем мы гордимся и чем были сильны, называется таким образом временным и не получает пропуск в вечность.

А спектакль вчерашний прошел хорошо. От шефа я услышал то, чего и хотел: говорят, я был в ударе, хотя «Фонтан» я уронил. Играл невнятно для себя, хотя шел упорно к серьезу и в этом, кажется, достиг определенного успеха. Хотя что-то случилось с дыханием, я все никак не мог вздохнуть нормально, желудок поднялся к горлу. «Время мастера ушло вместе с мастером» — фраза, вставленная Крымовой, имеет под собой определенную правоту. Шефу нужен успех, не скандал, а успех. «Евгений Онегин» — это был страшный провал. Русская опера — и на тебе.

15 декабря 1988

Четверг

Что-то произошло со мной вчера — впервые за 25 лет работы я разозлился на своих партнеров и попер против своей актерской, профессиональной совести нервно болтать текст, выстреливать, выпуливать. В результате говорят, что я спас вчерашний спектакль. На все это мне наплевать, но Демидова, конечно, фрукт. Она кладет партнеров под себя разными методами, демагогией, какой-то актерской болтовней, выходя на свои сольные куски, абсолютно не слушая, не слыша партнера. И вот написал я ей сегодня с утра письмо. Отдам ли? Но, кажется, надо.

«Дорогая Алла Сергеевна!

Происходит весьма странная ситуация, мне уже неудобно и перед коллегами. Одна история с хвостом лисьим чего стоит! Любимов делает замечания Вам (это еще с тех времен) — Вы относите их ко мне. О своих недостатках я знаю больше, чем кто-либо, но... Любимов просит меня помочь Вам: «Заставь ты ее заговорить по-человечески, сдери ты ее со странных ее интонаций, как это делал мой учитель Щукин со своими партнерами» («Клянись вам Богом и детьми!» — «Нет, Шуйский, не клянись!»). На это я ему, естественно, говорю, что мне, дай Бог, со своими заботами справиться, зная, как болезненно реагируют артисты на поучения своих коллег. Вы же ко мне постоянно с претензиями: то это не так, то то по-другому. Твердите мне постоянно о ритме, в котором я, как мне кажется, тоже что-то соображаю. Но, как видно, под этим термином мы разное разумеем. Вы понуждаете меня (зачем?) идти супротив моей природы актерской (и человеческой, кстати), которая лежит в стихии игры сегодняшней (а думать надо было вчера), и я начинаю соображать: угодил ли я демидовскому ритму. Я не пребываю в эйфории от своего исполнения, но предпочитаю не говорить об этом. И потом, делать поучения партнерам можно, конечно, но достойнее все же обращать внимание прежде всего на самого себя и „ложиться“, в хорошем смысле, под партнера, а не

наоборот. Тогда выигрыш будет обоюдный. Если мы разрушим наши человеческие взаимоотношения, нам будет тошно выходить на сцену, и тогда пиши все пропало. Я люблю Вас, поэтому пишу, а не выясняю отношения на сцене.

И не выливайте ледяную воду на мою потную башку, пожалуйста — у меня впереди огромная дистанция.

С приветом, В. Золотухин.

Теперь мы разрешим важный вопрос: отдавать ли ей это письмо, поможет ли оно или разрушит оставшееся — играть она по-другому не может, не умеет, значит, опять залупится в защиту-нападение. И тогда проиграю я и оба. После Финляндии отдам.

Так, теперь вышли первые рецензии — «триумф», «сенсационный театр», «самое выдающееся событие минувшего театрального года». А Любимов не пришел на вчерашний спектакль. Думаю, что не отпустили Катя с Петей, он их тоже не видел два месяца. Здесь ничто не мешает ему часами с Петей по-русски общаться. Но наши решили — стыдно ему стало после вчерашней репетиции. «Маргаритки» — клише. А я думаю, и какая здесь, в сущности, кроется мысль: сколько в результате минувшего года сделал Николай для воскрешения имени Юрия Любимова как в Москве (главное), так и за рубежом (Мадрид, Афины, Стокгольм). И ведь это еще только начало. Когда время топит Любимова (не без его собственной помощи), Николай один, как Атлант, на плечах своих мощных держит этот гибнущий «Титаник» под псевдонимом «Таганка». В буквальном смысле для воскрешения и очищения имени, чем, собственно, и разозлил многих.

Вместо симпозиума я написал письмо Демидовой. Вместе с письмом Бондаренко, народного артиста из Ялты, где он пишет:

«С Демидовой я не знаком лично, но, посмотрев ее на сцене, мне стало все абсолютно ясно. С Высоцким я подружился в Ялте и очень хорошо знаю от него лично, что ему устраивала Демидова. Но это на ее совести. Я в это не вмешиваюсь. Характер у Высоцкого тоже... можно желать лучшего».

Вместе с вышеуказанным письмом это уже серьезное обвинение. Ну да Бог ей судья.

Несмотря на мою взнервленность и серчание на партнеров (Николай шумел в антракте на артистов, на всех без исключения: «Обтуристились!»), голос у меня звучал не хуже, чем в первом спектакле. Если сегодня не поврежу (может быть, уже вчера это случилось; скажется это только, когда пойду в «келью» сегодня вечером), то, может быть, Стокгольм я проскачу, а это уже победа. Четыре спектакля подряд — это скажу вам... Как Николай выдерживает?

Во какие слова! Это что же такое получается, что действительно «вины отцов не должно вспоминать!» Тогда вся эта идея с мемориалом жертвам террора — выдумка законников?! С ума сойти!! Нет, я думаю, не стоит Демидовой это письмо показывать, это вроде как я над ней становлюсь, я ее вроде как унижить хочу, смирить...

А не лучше ли самому вспомнить о смирении и помолиться Богу за нее и за себя. Кого теперь исправишь в таком возрасте и при том, что она находится в конфликте со всеми.

А завтра, если что... Завтра закрытие, и наверняка будут Любимов, пресса и пр. И снова захочется отдохнуть. Но где вот сейчас девушки гуляют, смотрят Стокгольм? А я «от отроческих лет по келиям скитаюсь», по номерам и, запершись, пишу!..

Шацкая — странно! — не была ни на премьере, ни на репетиции «Мастера». Вообще не появляется на глаза. Я понимаю — друзья, путешествия, магазины. Но ведь есть и человечьи проявления. Странно, странно, и хоть я видел ее во сне и был счастлив за нее, что у них с Ленкой будет ребенок, я радуюсь, что разошелся с ней. Счастлив ли я с Тamarой? Был, конечно. Сейчас какой-то странный период. И не Ирбис, да простит она меня, виной тому. Я сам. А кто же еще? Все я! Это уже Годунов...

16 декабря 1988

Пятница

Я не отдал письмо, и вовремя пришедшая мысль о смирении спасла меня — мы с Аллой как ни в чем не бывало. Попросил я не лить на меня воду — она справилась о моем здоровье, нет ли у меня температуры, и все покатилося путем, и нет у меня к ней уже никакой обиды. Второй акт целиком смотрела вся семья Любимова. Игралось мне, как кажется, более-менее удачно, хотя не хватало голосовых мощностей. После спектакля шеф был в хорошем, деловом настроении, сделал пару предложений: мне — надеть парик, Алле — по существу сцены. Катя в очень хорошем расположении, ласкова и разговорчива со мной. Петя очень плохо или совсем не говорит по-русски, Николай общался с ним по-английски. Шеф доволен, что Катя добра и вежлива со всеми. Николай спросил, когда завтра забрать чемоданы у них, чтоб отправить с багажом театра, а потом со смехом:

— А когда будем переезжать из Иерусалима?

Катя:

— Ну, вы очень спешите!

В общем, взаимоотношения, как мне кажется, с семьей улажены. Катерина чувствует, что СССР ей не миновать, аренда дома в Иерусалиме закончилась 15 декабря (1000 долларов в месяц), им надо до Москвы где-то прокантоваться, ему еще лететь в Лондон закрывать свои дела — и в Москву, в Москву... Но Петя в Союз не хочет, не говоря о Кате.

18 декабря 1988

Воскресенье. Хельсинки

Провожая, дали нам шведы по бутерброду, бутылке пива и пластинку с песнями Высоцкого в их исполнении.

Вечер. Прилетел в 17.00 Любимов и, бросив чемоданы, понес-

ся в театр. Записывали с 18.30 до 24.00 световую партитуру. Теперь видно, что у него гора с плеч свалилась. Рецензенты хвалят Мастера, а «артисты до уровня его требований не дотягивают».

20 декабря 1988

Вторник. После завтрака

Борис Глаголин:

— На Петровича я не могу смотреть. Каждое слово вызывает во мне злость, раздражение. Вчера включил лампу, дирижирует вами, потом увидел, что его не снимают, — сник и лампу выключил. Все играет, играет... И то, что он писал в КГБ, — для меня это сейчас абсолютно ясно. Если бы было что-то, меня, по моему положению парторга, вызвали бы и спросили. Меня за 20 лет никто ни разу ни о чем не спросил. Значит, они все знали от него самого, и ему было многое позволено, и все это была игра.

Вчера на пресс-конференции вопрос о «Ковент-Гардене» был ключевым, как рассказывают. До того шло обычное интервью, а как дошло дело до «Ковент-Гардена» — зажглись все лампы, заурчали все теле- и кинокамеры, защелкали все фотоаппараты. Про шведских артистов в «Мастере»: «Я не жалею, как доктор на своих пациентов».

Куда он едет? А куда ему теперь ехать? Ему надо скорее цепляться за Москву. Ну, поедет он в Венгрию показывать Петю родне, восстановит и там что-нибудь, вроде очередного «Мастера» или «Обмена». Коротенький контракт, быть может, и возьмет.

Губенко:

— Начал читать то, что ты дал мне, с огромным интересом, но вчитываться не стал. Надо думать, и некогда...

А раз начал — значит, прочитает. Этот материал притягивает.

Переписка Маяковского с Брик заставит меня, кажется, полюбить Маяковского и прочитать его. Он нежнейший мужчина, Вся его животное-звериная символика весьма по мне. И у меня ведь есть мой Ирбис.

Долго перелистывал я книжку у «русского» прилавка. Набокова нет. Много Высоцкого.

Приходил Николай, справлялся о моем горле. Так я его напугал, что он всю ночь повторял текст Самозванца, представляя в роли Бориса Шопена. Ничего, как-нибудь с Божьей, и только с Божьей, помощью доиграем мы эту игру.

21 декабря 1988

Среда, мой день

Шеф много суетится, энергично проводит все «пятиминутки», как будто хочет показать, что ему вовсе не 70 с лишним лет, и совсем не похож на того, каким мы увидели его в Швеции. Он соскучился по собственным замечаниям, когда он может говорить без переводчика, показывать.

Демидова:

— Я не могу зависеть от твоих импровизаций!

А позавчера — так плохо еще никогда не играли, и тут-то ее шеф и похвалил. Ужасно фальшивая дама. Говорит, распространяется, пишет книжки о партнерстве Высоцкого, а Бондаренко свидетельствует, как она его доводила в том же «Гамлете». В этом деле надо быть осторожными. Мы не знаем, что и как Володя говорил про нас другим, и тут мы можем напелсти сеть из паутины. Потому что «монах трудолюбивый», он же время, сплетет и расплетет все до полочкам, и мы можем оказаться голыми королями. Володино суждение или частный разговор нельзя принимать как абсолютно, единственно верный взгляд...

Мне как-то обидно, жалко, что Жанна не приходит в театр на наши рауты, встречи... Или она болеет, или вправду они поссорились. Ее совершенно не видно, не слышно. В принципе, это замечательно, что жена главного не мозолит глаза и уши. Но, с другой стороны, не комплекс ли это?!

Ю. П.:

— Играл ты прекрасно. Только не ори! Когда ты завопил «Тень Грозного!..» — я аж испугался.

— Это была проверка.

— Какая проверка?

— Проверка организма. Выдержит или не выдержит. Выдержал.

— Ну, сегодня выдержал. В общем, дело не в этом. Не пей так много. Ты уж немолодой мужик...

Это он мне на прощание, после того как израильские посол и послуха вознесли меня до небес Иерусалима. Я успел ввернуть, что мы мечтали побывать с гастролями в Израиле. Любимов: «Мы об этом много говорили и, кажется, договорились». Целовались мы и с Катей, похоже, она была счастлива.

Играли сегодня блестяще. С букетом цветов, раздетая Катя побежала посла провожать до улицы. Для нее посол Израиля важнее нашего посла в сорок раз. Пошли они все в дыру! Дело в том, что я сегодня счастлив, ведь сегодня последний, 7-й спектакль этой дикой дистанции. И я закончил его блестяще. Благодарю Тебя, Господи!

Тепло и грустно, по-моему, чуть дело до слез не дошло, попрощался с нами шеф.

— Жду с вами встречи в Москве. Много накопилось злобы, обстоятельства сложились у нас трагически. Во многом зависело не от нас с вами. Но эти два спектакля, «В. Высоцкий» и «Борис Годунов», произвели, на мой взгляд, очень важную для нас с вами работу... Они как-то объединили и дали надежду, что, может быть, еще что-то можно успеть сделать. С Рождеством, с наступающим Новым годом! Здоровья всем...

Г у б е н к о:

— Ну что, Валерий, мы можем друг друга поздравить, выдержали... Есть еще ресурсы в организме.

— Есть, Коля. Я третьего дня испугался не на шутку, но Бог спас меня.

Любимов (в прощальном слове):

— В свободные минуты, хотя у меня их почти не бывает... как говорил у нас Гамлет, я размышлял, что со мной и с нами произошло...

Все-таки размышлял, думал. Его отношение ко мне резко переменялось, во многом, конечно, благодаря смиренному, примиренческому моему письму, опущенному в почтовый ящик в Курске, а написанному в Афинах. Это Бог меня надоумил. Вообще в Афинах думалось благодарно.

22 декабря 1988

Четверг

Власова Г. Н.:

— Ты играл вчера ге-ни-аль-но! Это был лучший твой спектакль из всех. Любимов сказал мне: «Прекрасно играл». Ну вот, а мы не сговаривались. Это потому, что я кое-что понимаю. Про Аллу я не могу этого сказать. Для имени Любимова мы тоже кое-что сделали.

А у меня два спектакля подряд в душе и сердце звучала фраза Ионеску: «Быть в ладу со своим ремеслом». Так вот вчера я особенно был в ладу со своим ремеслом.

Маяковский носил письма Лили Брик в «оттопыренном боку», я вожу письма Ирбис с собой в водонепроницаемом, пуленепробиваемом пакете.

Мы едем вместе с Дупаком в одном вагоне, в одном купе. Это замечательно. Будет возможность и пописать, и почитать. И с Николаем поговорить. Теперь успокоиться и начать думать о московских делах. Отправил письма любимым.

Хорошо сострил Смирнов: «Мы ездим, а он (Любимов) скитается».

23 декабря 1988

Пятница. Утро в Суоми

Любимов хотел купить в Швеции «мерседес», а Коля должен был бы его перегнать, если Жанна разрешит.

25 декабря 1988

Вторник

Все и во всем привыкли обвинять, подозревать Дупака. Тележка с чемоданами привезла к другому вагону чужой чемодан — и в этом усмотрели вину Дупака. А он все оправдывается, все взывает:

— А тот (Любимов) мне два пальца подает, не может простить, видите ли, что я работал с Эфросом, ну надо же... Лучше бы мне не возвращаться с Бронной...

В театре в эти дни тоже звонко. Кулевская (дублерша Яковлевой) в больнице, Яковлева из театра ушла и не придет, «Мизантроп» заменен «Тартюфом», Кузнецова с Погорельцевым отказались играть, а Дупак все-таки спектакль назначил — в результате срыв спектакля. Не допустить к вечернему представлению — неправильное, горячее, поспешное указание. Пришлось увещевать и Галину, и Николая: «Это противоправное дело, пусть играют, а завтра разберемся». И это решение было правильное, хотя я и приехал в театр и подстраховал.

На Евгению Семеновну, жену Семена Владимировича Высоцкого, упала сосулька и убила.

Жена Марка Розовского погибла в автомобильной катастрофе.

21-летний сын Маши Лемешевой (девочка в розовом в ГИТИСе) упал с балкона и разбился насмерть.

Последние две смерти пересказала мне Наташа Тарнапольская, которой, к счастью, мы купили билеты в Париж на 1-е января. Всем этим занимался вчера, в день нашего приезда из Хельсинки.

Звонил Певцов — я не согласился играть 27-го Пепла. От него в «Живом» надо избавляться. Не надо, чтоб они с Любимовым встречались. Любимов читал всю прессу, и может разразиться, вспыхнуть такой скандал, что мои коллеги разорвут Диму в клочья. Сегодняшний срыв спектакля — удар по театру, сильный удар по Дупаку. Зря он связался с этими идиотами, которых, впрочем, и обвинить не вправе. У Погорельцева больна бабушка, Кузнецова в стрессе... и не в себе от злости, зависти и пьянства. Уход Яковлевой, скандал в «Московской правде» с «Троянским конем», неуправляемость ситуацией — все в вину Дупаку поставят. Да еще он накричал на Галину Н. А та: «Я вам не девочка, чтоб так со мной разговаривать!» — И бросила трубку.

А мне все хуже и хуже.

26 декабря 1988

Понедельник

Последняя трудовая неделя старого года начинается.

Страшная трагедия в Армении произошла. Такого землетрясения не было еще. Зарубежные страны помогают, вся страна отчисляет рубли пострадавшему народу. Мародерство, грабежи, убийства.

Алексеева:

— Показывают Филатова два часа, а Золотухина нет ни в жизни, ни на экране. Нет, я раньше к нему хорошо относилась, а тут... Он разоблачается, раскрывается полностью. Этот рационализм, напор, самоуверенность даже там, где он не прав. Таких сейчас много. А таких, как Золотухин мой, человек тонкой души... Они редки и всегда были в большой цене. Мы смотрели, несколько человек, и у всех сложилось такое мнение, такое впечатление.

Она, конечно, балзам мне в душу влила, хотя я и смотрел передачу несколько мгновений, но в позитуре, якобы распевадно-

ти и свободе, дохнула на меня с экрана невыносимая для меня манера, неприемлемая форма существования, выявления, проявления. Черт его знает, может и не прав, но, ей-богу, зависти нет ни капельки. И не хотел бы я таким быть. Смирение — вот чего нет и в помине, надо положить замок на уста свои. Что-то в этом есть ужасающе неприятное, наглое.

27 декабря 1988

Вторник

Большая, интересная, ужасно драматическая передача о Шиффере. Я многое знал, но жил своей деловой и внешне счастливо-благополучной жизнью. Не углублялся, не вникал, функционировал на поверхности, добивался невольно званий, известности, печатал какие-то повестушки, рассказы. Жил значительной жизнью — пил вино, любил женщин, гулял, пел всякую ерунду и не совсем ерунду. А где-то в кресле сидел удивительный, гениальный человек и мыслил, и жил куда «живее», чем мы, барахтающиеся в этой тине, которая нам нравится. Мы эту тину часто принимали за нирвану. Вот такая чепуха и глупость.

Шифферс и Шнитке. Они очень похожи и лицами, и энергией излучения, и оба добрые, несмотря на жестко произносимые, оформленные в слова мысли свои, суждения. Нет, они не озлобились, они не проклинают время потопное, не смирились. Нет, они ему противостояли своим активным в себе житием. Аввакумовское мужество. Это люди не суетливые, «смертию смерть поправшие»...

Вчера — репетиция, разочарования и нахождение в коллегах (и, очевидно, в себе) признаков очередных и неотвратимых симптомов разложения, какой-то старческой капризности, брезгливости. И весьма малого достоинства при кажущейся защищенности и отстаивании своей крепости-мнения.

«Дети одного райка — Михалков, Филатов, Райкин-младший».

Губенко:

— Прочитал твои записи. Очень интересно, потрясающе. Сколько раз себе говорил: записывай каждый вечер. Но ведь ты рискнешь это опубликовать. Оставил Жанне, но страшно... Ужас какую жизнь прожили, жуть.

Я так понимаю, что это только часть, связанная с Володей.

28 декабря 1988

Среда, мой день

Губенко:

— Я мечтаю о том, когда я смогу с тобой выпить...

Это делает мне честь, пьяным он меня видел, значит, я не произвожу скучного или скотского впечатления в этаким виде. Я всем говорю комплименты и добрые слова.

Уходит год. Турник был сделан Макаровым для поддержания формы, снятия лишнего жира. Это была мера для подготовки фор-

мы к приезду Любимова, к Самозванцу. Можно сказать, что я выиграл это сражение. Когда я умру, я попрошу написать на камне такую эпитафию: «Он жил в ладу со своим ремеслом».

Как бы я хотел встретить Новый год, как Гоголь! Сажу я трезвый за письменным столом и пишу в «зеленую тетрадь», хорошо бы художественное сочинение. И у меня получается! Но тут по радио-теле кто-то из вождей начинает говорить про уходящий год и меня зовут к столу.

— Выпей, Валерий Сергеевич, за уходящий год, за год «Годунова» и Ирбис, за то, что остались живы, за то, что здоровы дети наши! — И я выпиваю рюмку и, пока не брякнуло двенадцать, бегу дописывать неоконченную фразу, и дописываю ее удачно.

Но тут бьют куранты и меня опять от письменного стола зовут к обеденному и говорят:

— Выпей, Валерий Сергеевич, за год приходящий, змеинный год, твой год гада, чтоб был он для нас не хуже прошедшего! — И я выпиваю и молю Бога, чтоб все было хорошо и чтоб простил Он мне мои прегрешения и пролил милость свою на семью мою.

Выпил бы я еще один бокал и всю ночь бы писал. И тогда можно было бы рассчитывать, что в 1989 г. я что-нибудь напишу-таки и закончу. Вот как я мечтаю встретить Новый год.

Как говорил И. Карамазов: «Если вздумаю в пропасть прыгать, то прыгну обязательно вверх тормашками, по-русски». Это мне советуют по поводу пельменной действовать с размахом.

29 декабря 1988

Четверг

День вчерашний был занят ожиданием аккумулятора и подготовкой к вечернему прослушиванию. Оно состоялось и, мне кажется, было полезным. Проходило оно в кабинете Любимова — помогали мне бюсты-шаржи Мейерхольда и Станиславского и моя кукла, Водонос. Три с лишним часа я кувырчался с большим для себя удовольствием: читал Рубцова, Пушкина.

— Если бы, — говорю, — не вы, стал бы я так выворачиваться перед этими старушками.

— Стал бы, может быть, хотя и не с такими энтузиазмом и вдохновением и не в таком объеме. Но ведь ты честный мастер, ты все делаешь на полную катушку. Кто-то написал за твоей спиной на стене: «Берегите Любимова, потому что он, слава Богу, сам себя не бережет». Так вот и вы, В. С., себя не экономите.

При выходе из кабинета девочки-секретарши встретили меня возгласами. «Нам сейчас позвонили и сказали, что по ТВ, по литературному видеоканалу, была большая передача о «Годунове», и какой-то немецкий театральный критик сказал, что лучше всех в «Годунове» играл Золотухин. Вы представляете — на всю страну!» Девочки «болеют» за разных артистов, они спорят, ругаются, интригуют.

31 декабря 1988

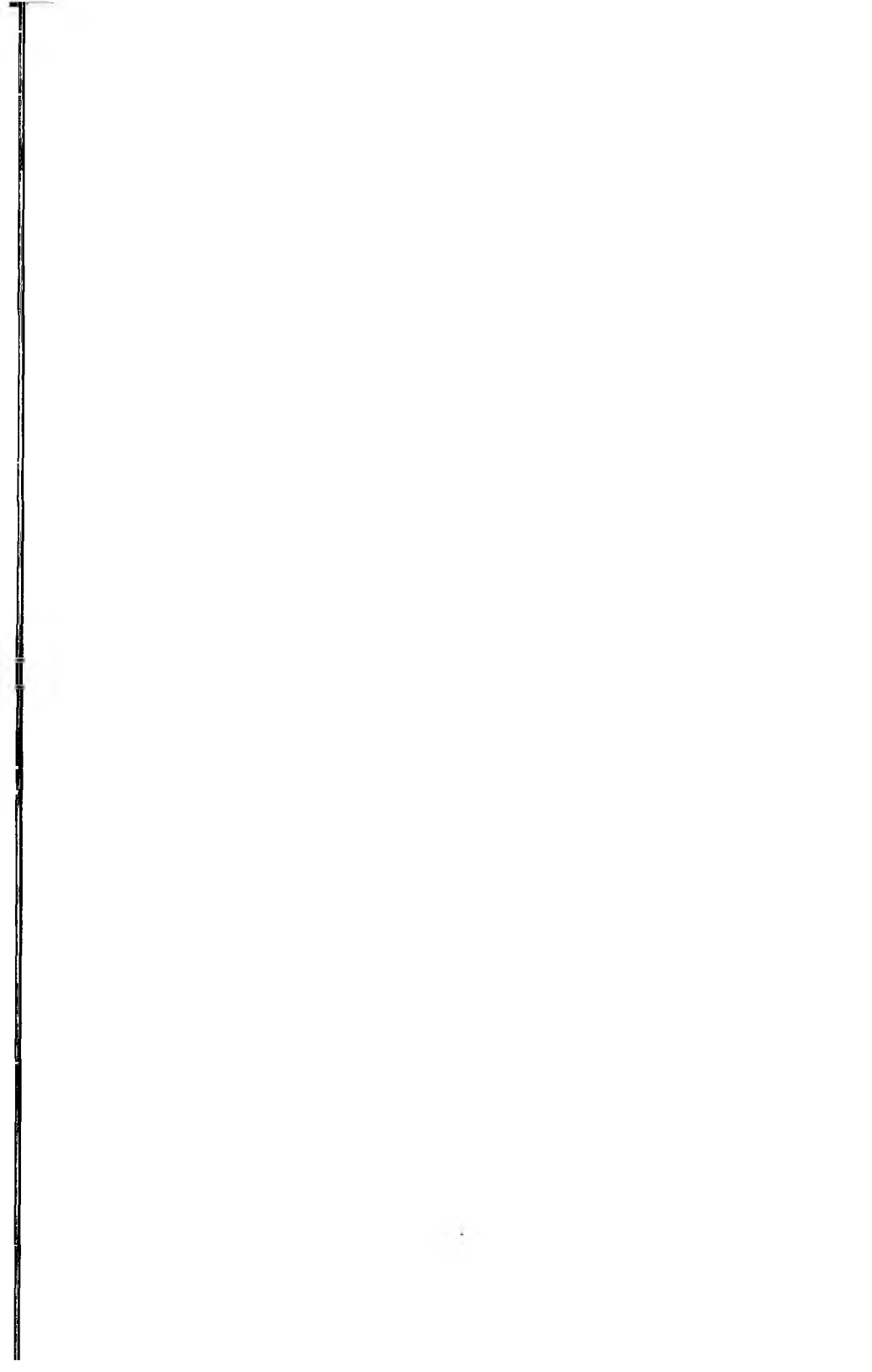
Суббота, 20.36

Интересно, год Змеи 1989, минус 12 — значит, 1977 год был тоже моим годом? Что же было в нем? Заглянем в дневники.

Это был год «Дребезгов», год скандалов с Шацкой, год выхода книги в «Молодой гвардии», год встречи с Распутиным, год сидения моего на даче в Корае, в Междуреченске, год выхода спектакля «Мастер», год гастролей театра в Париже, год разгара романа моего с Тamarой и, кажется, разгоравшегося романа Шацкой с Филатовым. При всей кажущейся неустроенности года много выпито, мало написано в дневники, что потом я отмечу в другом дневнике. При всем том год был продуктивный, нельзя жаловаться ни на «дракона», ни на «крысу», ни на «свинью». Сделано в нем, вернее, реализовано в нем то, что было задумано раньше. Мы выпили по три рюмки водки, закусили салатами, я вернулся к дневникам. И 1977 год был годом «Анны Снегиной», записи песен и текста, где я каждой строчкой звал Тamarу.

Часть 4

Возвращение «Живого»

1989

12 января 1989

Четверг

По дороге в К-45 с большой пользой поработал над текстом «Живого». Даже настроение поднялось, так и хочется услышать от Любимова: «Ну что ж, Валерий, время пошло тебе на пользу».

На обратной долгой дороге думал о Шукшине, Высоцком, о себе. Шукшин попал в друзья Высоцкого. Для меня это странно. За 16 лет работы и общения я никогда не видел их рядом. Не слышал о том, что они встречались. Вгиковские общения, безусловно, быть могли. Но, зная, как тогда относились его старшие друзья к Высоцкому, вряд ли стоило в дальнейшем именовать их друзьями. В 1969 г. вышел «Хозяин тайги». До того был «Лакей». В «Хозяине» снимался парень с Алтая, и Шукшин не мог не слышать об этом. Допускаю, что он недоуваживал тогдашнего Можаяева, а они, в свою очередь, Васькины рассказы недооценивали. Допускаю, что, если он и видел «Хозяина», он ему был активно противен. Да, но там его друг Высоцкий, который, в свою очередь, друг Золотухина, а Золотухин из Быстрого Истока, той самой пристани, того самого причала, который Макарыч никак не мог миновать. В то время это был, может быть, единственный путь до Барнаула или еще куда... Он был дешевле и доступнее железной дороги. Другого транспорта, кроме гужевого и полупорок, нет... Обо мне писали много, особенно после «Бумбараша». На премьере в Доме кино, по словам Заболоцкого, был и Шукшин и отозвался о моем полупьяном заявлении: «Алтайский дурачок».

В 1973 г. выходит «На Исток-речушку» — этого он мог не читать. Одно ясно, когда мы столкнулись в дверях примерной и сидели по разным углам и гримировались, кто-то должен был к кому-то подойти первым, и, ясное дело, это должен был сделать я. Но почему? Да потому, что он ведь тоже знал, что я знаю его как земляка, писателя и актера. Я обижался, что он не приглашает меня в свои фильмы. И в театре у нас он не был, а Гамлета играл его друг Высоцкий. Он, говорят, был только на «Деревянных конях», в то время он что-то стал писать для театра. Я не могу поверить, что он был в восторге от Лебедева. А был ли он на «Гамлете»? Не слышал. Во всем этом видится мне какая-то чепуха. Весьма до-

пускаю, что ему (Шукшину) были какие-то мои проявления в обществе малоприятны и даже более. И все равно это ни о чем серьезном не говорит.

Володя к концу жизни компанию себе сочинил из друзей: Шукшин, Тарковский, Тодоровский...

17 января 1989

Вторник. А число мое. У Астафьева в Овсянке

Надо все записывать по горячим следам, но даже у меня это не получается. Я видел, как подъехал Астафьев, как без шапки, с седой головой, поднялся он на крыльцо гостиницы. Я засуетился, стал быстро обуваться не на ту ногу, потом подумал, что он зайдет в номер, — не стал до поры убирать со стола тетрадь и перо. Дескать, пусть увидит, что артист успевает писать-графоманить — звонок снизу, и я понял, что мне надо лететь по всей форме к простому, но не всем доступному писателю.

Как ходил он по Овсянке, ключи от дома забыл. Хвастался или просто рассказывал.

— Зачем ты елки сажаешь, они окна загораживают?

— Пока загородят, я помру.

— Зачем березы сажаешь, на них не растет ничего.

— Вырастет, книжка вырастет.

Подошла соседка в плюшевой, вытертой жакетке.

— В. П., я к вам обращаюсь. Заступитесь за меня — разгородили огород, колодец делают. Колодец бросили — вода тухлая оказалась, а огород не загородили, собаки всю смородину помяли. Я несколько раз обращалась, я ведь одна, как мне справиться. А он говорит: «Возьми брус, да закрой». Я лопату еле поднимаю. Закройте, раз разобрали.

— Ладно, ладно, скажу.

Зашли на почту, заплатили за телеграмму. В библиотеку. Ну, тут, видно, гордость его, уголок «Астафьев — детям». Хороший, теплый уголок, выставлены книжки, крупно написан краткий биографический экскурс.

Проезжая вдоль Енисея, он обронил:

— Вон там маму нашли.

Мать у него утонула, оказывается, а я не знал. Сестра разбилась со скалы, туристку все из себя выделывала, мать не отпускала, спрятала снаряжение, как чувствовала, так она в форточку выскользнула, и вот на вторые сутки нашли с перебитым позвоночником, в больнице умерла.

К двум теткам заехал. У любимой Августы я прослезился: старухе 81 год, слепая, на ощупь моет пол... Идет к Вите, а сама на развешанное белье натывается, отводит его от лица руками, глаза не видят и не мигают.

— Ты все бегом, Витя, все бегом. Помру, а ты не узнаешь... Но я пожогу умирать.

— Погоди, погоди, я тут тебе с лекарствами денегат положил.

А то, поди, налог уж подошло платить. Заплати налог, а то скажут: померла, а налог не заплатила, схитрила. Вот эти большие таблетки, — дает ей пощупать, — от сердца, эти, поменьше, — от давления... Ну, поехал я...

— Когда заедешь?

— Дня через четыре.

— О, а что так долго, давно не был...

— В Москву летал.

— Да слыхала, слыхала, все летаешь, ругаешься...

— Нет, теперь стал хвалить всех. Маяковский-засранец и Ленин — все, оказывается, хорошие были.

Весь этот разговор, все наше присутствие в доме любимой тетки сопровождалось музыкой Бетховена и брехней кобеля, который порезал себе морду о консервную банку — обе щеки в крови.

18 января 1989

Среда, мой день. Самолет

В «Правде» письмо против «Огонька» в защиту Бондарева, подписанное Астафьевым, Алексеевым, Беловым, Распутиным, Викуловым, Проскуриным, Бондарчуком. Открытое письмо Бондареву в «Огоньке» я не читал. Там же они защищают от «Огонька» и Рязанский форум русских писателей — это там было?!

Белов. Его поведение и высказывания, его озлобленность... За какое милосердие он ратует? Балашов в фильме «Русский узел» в косоворотке малиновой. «Дети, вырастете — не ходите работать на этот завод, он портит нашу природу-мать. Девочки, вырастете — не ходите работать на эту фабрику, она испортит вас» — ведь тоже какая-то бесовщина на другой лад. Хотя трогательно, патриархально, но... квасноогарочно сально. Русское закончилось в 17-м году и началось советское — это прекрасно-точно.

— Мы посмотрели театр Золотухина, большое вам спасибо! — Так говорила дама из отдела культуры.

Поверим ей. «Черного» читал с тростью и в белом кашне. Кто в одной программе совместит авторское, личностное, исполнительское, чтецкое, вокальное? Никто. Я не знаю себе равных в этом деле. Я себя испытал и на физическую, и на художественную прочность.

22 января 1989

Воскресенье — отдай Богу

Начнем с того, что отдадим его А. Д. Сахарову.

Сахаров. Когда мы приехали с Тамарой в Дом Кино (9.45), там была огромная толпа народа, выстроившаяся в очередь к двери. Было несколько видеокamer, фотокоров. Люди бывалые просили не давить, не давать повода провокаторам, не устраивать анархии и беспорядка. К половине десятого белый зал, говорят, был полон. Инициаторы собирали на листочках дополнительные подписи с

полной записью паспортных данных. Я тоже записался, тем самым, быть может впервые, проголосовал честно и впервые сознательно выполнил свой так называемый гражданский долг.

25 января 1989

Среда, мой день и день рождения В. Высоцкого

Поезд из Ленинграда. Концерт вчера прошел замечательно. Я пел «Реквием» Шнитке с Анисимовым. Лебедев Е. А. потрясающе пел. Ведьму изображал. Голубкина!!! С Любимовым встретились на кладбище у В. Высоцкого. Потом поехали с Иваном к Нине Максимовне, потом в «Прогресс» за книжками Марины. Подловили ее и обеспечили свои книжки автографами. Спектакль, а-ля фуршет — валюсь с ног.

26 января 1989

Четверг

Господи! Спаси и помилуй мя, грешного... Вчера не было Семена, как все называют отца В. В. Переживает, не может без тети Жени. Чуть было не случилась и вопиющая бестактность. На сцену стали вызывать Нину Максимовну, что само по себе замечательно трогательно, но тут же кто-то крикнул: «Марину! Марину!» Запомнил какого-то бородатого, черного человека, стоящего над ней и клином рук показывая, вбивая ей в темя — дескать, вот она... Марина перепугалась этого действия и поспешила из зала.

Стефанович предложил поехать в Америку с концертами — 300 долларов за концерт, за 10 — 3000 долларов. Губенко весь спектакль думал и ругался. Впереди же Греция, а 21 день в Америке — это же месяц. Что они делают? Они платят артистам по тысяче за концерт и выдергивают их из работы.

Влади вторую книжку издает, книжку рассказов сестры Милицы, и тоже хочет потом издать ее здесь. 50 или 100 тысяч она дает на музей Высоцкого. Прекрасно.

29 января 1989

Воскресенье

Был в церкви. Поставил свечки, помолился о здравии мамы (читая вчера верстку, я плакал о ней), Тамары, Можаяева и Любимова. Отца помянул. Всем я обязан матери своей, Матрене Федосеевне.

В верстке ошибки... так расстроился вчера. В «современниковской» книжке «Дребезги» расклейка без трех важных страниц текста. Это уже непростительно автору. Как же я тогда вычитывал верстку?! Пьяный был, что ли? Заметила эту несуразность Тамара. Она вычитывала верстку, сверяя с «алтайской книжкой». Что теперь делать — не знаю. Репетиции «Кузькина» пока сильно не огорчают, шеф выговаривается. Завтра начнет 2-й акт, и вот там меня

ждет нервная работа. Писать не могу — перед глазами на столе верстка, расстройство. Тамара говорит: не сокрушайся, все к лучшему; добавил про Высоцкого, вовремя обнаружил «пропажу» текста. Надо все делать тщательнее.

Сегодня вечер Н. Богословского. Господи! Не дай шибко обос...

6 февраля 1989

Любимов сказал: «Молодец, сегодня лучше играл». Похвалил и Аллу. Не хочется идти в Дом Кино 8-го на встречу с Любимовым. Филатов поторопился сказать мне, что по этому поводу ему звонил Губенко. Мне он не звонил. Швыдкой вертит эту рулетку, и он не хочет, чтобы я был рядом с Любимовым — они ведь все будут снимать и наверняка спросят об Эфросе, и будет, может быть, скандалчик, а мою позицию они знают и знают, как я могу ответить и за Эфроса, и за себя.

11 февраля 1989

Суббота

Губенко сегодня после прогона:

— Гениальный спектакль! Я практически видел сегодня впервые, у тебя прекрасная, потрясающая работа.

А я дрожу и такие пустые и тревожные дни переживаю. Нет, они заполнены работой на сцене. Все-таки я продвигаюсь в роли, это я чувствую, но за общее состояние переживаю.

Параллельно где-то Сапожников пишет фонограммы музыкальных пьес, которые должны будут войти в фильм «Полчаса с В. Золотухиным», ругается с режиссерами, с музыкальным редактором.

12 февраля 1989

Воскресенье

За Любимовым я не записываю, не был я на худсовете, где решали вопросы репертуара. Господи! А то он без вас не знает, что ставить, к чему он больше готов и что быстрее. «Вот Филатов со Смеховым решат, что ставить, а мы сыграем» — так я шучу. Не был я и в Доме Кино, не шибко был нужен. И правильно сделал, что не пошел — деньги зарабатывал на ул. Санникова, 40. Писарчуков за Любимовым навалом, и мое перо лишнее, да я и не могу ничего писать, когда готовлюсь к сражению. Отмечу: Любимов вспомнил свой приезд десятидневный и как бы оправдывался, один на один, разумеется, почему он так измывался надо мной одним, и как я вытерпел, выдержал этот публичный позор и издевательство, глумление. И как он благодарен, что я ему простил это и «отомстил» работой. «Да что там говорить, я знаю — когда ты трезвый, ты работаешь как лошадь». Я поставил во здравие его сегодня свечку, дай ему Бог здоровья и сил. Что теперь делать? Обиды мешают дело делать, а если мы не будем дело делать, кто его за нас с

ним сделает. Так что, «Нина Шкатова, зови иностранца и давайте работать» — так я публично веду себя. И в шутке есть оправдание моего поведения. Хочется взять гитару и попеть, а — сильное несмыкание и боль в горле. Вот так!! Надо плакать, плакать, плакать. Чтоб хорошо играть, надо быть страшно несчастным человеком. Тогда рассказ о корове засветится радостью непредсказуемой, счастьем явного приобретения, видением реальнейшим.

Дайте мне добежать эту дистанцию. Ведь тут в самом деле судьба моя решается — станет ли 23 февраля «для русской кисти первым днем»? Ведь мне перед покойным Володией стыдно будет, какие он слова говорил о Кузькине моем, как он хотел мне удачи, как он шел меня пьяненький целовать, через всю сцену и упал на обратном пути. Боже мой!

Можаяев сказал, что я стал играть гораздо лучше, чем прежде. Если ему верить, это уже победа. «Да не хвали ты его!» — прервал Любимов. Хвалить артиста — это его прерогатива.

Надо съездить в издательство «Детская литература», где рисуют картинки к моей книге. Сегодня с утра я тщательно вымылся. Надел чистое белье и поехал в церковь, поставил свечки, помолился, поплакал. В общем, как-то день я Богу отдал.

И решили мы с Сааковым* «купить» Любимова за 100 рублей в конверте. Не сочтет ли он это за провокацию? Как бы нам тут дров не наломать! Что-то меня это сейчас вдруг начало беспокоить. Господи, спаси и помилуй! Завтра начинается последняя рабочая, предпремьерная неделя, за которую, собственно, и должен родиться спектакль, в нее надо уложиться, но не шибко стараться.

Сижу, жду Любимова — предупредить о конверте. Господи! Спаси и помилуй меня грешного! Помоги нам завтра Любимова снять на начало, и меня с ним. Моя идея, мой текст, моя режиссура, авось, что-то сляпаем неординарное с Сааковым. Одной репетиции Кузькина они наснимали 40 минут, а надо выбрать из этого минут восемь. Гадко на душе и беспокойно. Но что я комплексую? Любимов говорит: «Ты хорошо играешь» — и гладит по головке в буквальном смысле! Что же я боюсь-то всего?! Надо о Александра почитать, в церковь сходить, у Бога милости выпросить.

100 р. Любимов взял, положил в задний карман, все говорил: «Может быть, лучше где-нибудь расписаться?» — «Нет, вы иностранец, мы не имеем права» — играем в какую-то... Но идея заплатить — счастливая идея. Боже, спаси и сохрани нас! Ни Саакова, ни Сапожникова дома нет — знать, заняты молодцы фонограммами. Ну, дай Бог.

Любимов с необыкновенной легкостью выполнил все просьбы режиссера, но в реплике не удержался и ввернул по-своему:

— Все халтуришь? Выгнали меня — ты пел... Приехал — снова поешь...

— Ю. П., повернитесь на камеру!

— Ну что вы, как я могу встать спиной к такому артисту!

* Сааков Евгений — режиссер театра.

16 февраля 1989

Четверг

Доволен ли я вчерашней съемкой фильма-концерта? Первой половиной — да, то есть интервью и танго Остапа (мое закадровое пение). В спешке снимали Северянина, как-то неловко чувствовал себя с жестами, с движением. Не возникло какого-то оригинального образа, решения — так, первое попавшееся. Жалко. Так нельзя, надо заранее продумывать весь номер.

Переполох, ЧП на съемке — украли кинокамеру. На секунду ассистент отвернулся, и камеру умыкнули. Перекрыли все входы и выходы, вызвали милицию с собакой. Полчаса жуткой паники, а у меня и позора: в театре появился вор... Пришли за мной — что делать? И тут разрешилось: пошутил гл. режиссер Губенко, прихватил ее с собой в кабинет — «не отдам, пока не принесете счет за электроэнергию». По-своему он прав. Но к вечеру навалилась тоска — спасу нет! Голова разболелась. Уныние и страх. А чего я боюсь?! Ну даже в том качестве, которое присутствует в «Живом», — уже хвалят. А боюсь я стать счастливым и довольным. Боюсь стать спокойным и благополучным. А не будет страдания, боли — не будет и роли.

Утром вчера на проходной Любимова встретил.

— Что делаешь?

— Халтурю. — И диалог продолжается.

Весь день они заседали с Губенко и Боровским. Уходили из театра вечером, разъезжались тоже вместе.

Г у б е н к о:

— Думали, как тебя раскрепостить. Как отменить крепостное право.

Л ю б и м о в:

— Я тоже стал жить по твоему методу. Когда 8 часов репетиций, утром и вечером, а между ними два часа перерыва, я быстро пешком, машину не беру, иду в гостиницу в сауну, плаваю... Ни в коем случае не ложусь — и снова на репетицию.

Это он меня настраивает на то, чтобы я от него легкой жизни, послаблений не ждал.

— Ты хочешь, чтоб я его от «Пушкина» освободил?! Я понимаю, что ты выше, но все-таки нет, не дождешься! — резко возражал он Можаяеву. — А глотка у него луженая, когда надо...

Они вчера, очевидно, еще и роли распределяли. Интересно, куда я попал, в «Скупого» или в «Моцарта»? Моцарта он не даст, разве что вторым составом. Да мне все равно на сегодня. Ну, Господи, дай мне силы додержаться до 23-го!

17 февраля 1989

Пятница

Вот кончится «Кузькин» — поживу на даче, буду писать роман. Я этот жанр не люблю — большой рассказ или маленькая повесть,

а когда все сложится вместе, то и получится дом моей жизни. Надо одеваться на «Кузькина».

18 февраля 1989

Суббота

Что мне сказать себе в утешение? Не печалься, Валерий! Держи свое ремесло, не суетись, моли Бога, чтоб послал удачу партнерам и тебе! Через 25 лет мир погибнет, и, если нам суждено дожить до того дня, проживем остаток с молитвой и верой.

19 февраля 1989

Воскресенье

Я только вернулся с «Годунова», завез домой Виталия с Леной Дроздовой, как звонит Губенко. Выразил свое восхищение моим трудом и в то же время соболезнование, сочувствие:

— Так работать нельзя, тебе надо отдохнуть, помрешь — и мы все будем виноваты.

У него ужасно сложное положение. Он все время подвигает Любимова на возвращение гражданства — тогда пусть берет театр и выполняет все свои прожекты: отделиться от государства, создать кооператив, сплотить «наполеоновскую гвардию», выгнать Дупака, «гвардейцам» платить по 1000 рублей, а половину труппы выгнать, снять «Мизантропа», «На дне», «Маленький оркестрик».

— Мы только что договорились, что это последнее восстановление «Живого», а «Преступление» пусть восстанавливается факультативно. Смотрю — вывешено объявление, что собираются участники «Преступления». Я сказал: «Ни в коем случае, только новая работа, «Маленькие трагедии» или «Театральный роман». Ты-то сам как? Он тебя хочет занять, надо вывешивать распределение.

Я сказал:

— В распределение я хотел бы попасть, а играть не буду.

Но сегодня утром я перезвонил Николаю и сказал, что это глупость моя димедрольная (я вчера за столом заговариваться стал) и в распределение меня включать не надо. У Кольки ситуация самая неприятная.

— Шеф не хочет терять границу, театр он брать тоже не хочет, но хочет оставаться фактическим руководителем. Я сказал ему: «Так не будет, пока я главный режиссер, и вернут ли вам театр в этой ситуации?!» И тут я почувствовал, как вся кровь бросилась ему в лицо. Он готов был сорваться на скандал со мной, но сдержался.

Кольку в этой ситуации надо поддержать всячески. Если он не хитрит, то молодец.

— Ну, давай, типяра! — так «благословил» меня Любимов на прогон.

Приехали из Дома Кино, где смотрели всей семьей «Тарзана», две серии. Замечательный, благородный фильм. Теперь надо придумать, как день закончить. А с утра были в церкви, опять же всей семьей.

В Доме Кино подошла ко мне Ольга, бывшая Трифонова.

— Не удивляйтесь, если к вам подойдет, обратятся с просьбой написать воспоминания о Юр. Вал. Трифонове. Это наш сын Валентин.

20 февраля 1989

Понедельник

— Говорят, ты вечерний хорошо играл? — сказал мне вместо «здравствуй!» Любимов.

Господи! Я ставлю свечки о здравии его. Господи! Не лишай меня ремесла моего!

Л ю б и м о в:

— Валерий утомлен, неважно с голосом, но он стал играть глубже, мудрее...

Я рассказывал, как встретил генерального директора племенного конного завода, который был у нас сельскохозяйственным консультантом по «Живому». Вообще день плохой, тяжелый, неприятный. Рамзес сорвался с тросов, узел развязался. Если бы это случилось, когда его подняли в небо, он убили бы и действительно ангелом стал. Бедняга!

21 февраля 1989

Вторник

Прогон прошел на удивление удачно. Вчера сильно хрипел и очень поник, а сегодня с утра укололся. Любимов шепнул, когда по залу проходил: «Хорошо ведешь, не снижать».

Небо и земля по сравнению со вчерашним прогоном.

22 февраля 1989

Среда, мой день

Надо посвятить его литературным проблемам. Съездить в издательство, поклониться корректорам, дать им билеты на «Высоцкого», чтоб наконец-то вычитали они мою верстку. Потом в издательство «Детской литературы», поклониться и дать им билеты на «Живого», чтоб поскорее иллюстрации сделали. Судя по всему, книжка запаздывает к шукшинским чтениям. Да, в общем, это не так существенно, но хотелось бы. Главное — внести все исправления и дополнения.

Завтра день, из-за которого, быть может, и родила меня Матрена Федосеевна. Отстою завтра в церкви всю службу и с Богом.

27 февраля 1989

Понедельник

Я дал согласие репетировать Дон Гуана. С моей стороны было бы верхом неприличия отказываться от работы с Любимовым,

когда он того просит. Я слишком многим обязан ему всей судьбой моей, так что ж теперь... На афише «Кузькина» он написал мне: «Дорогой Валерий! Пусть все быльем зарастет! Твой Любимов». Так вот, пусть все зарастет, а мы сработаем с Божьей помощью еще один образ. Жалко, что будут опять проводить параллели с В. Высоцким. Но сегодня надо отыграть «Живого».

28 февраля 1989

Вторник

Во вчерашних «Известиях» довольно приличная рецензия «Сказ о правдолюбце Кузькине». Вся история многострадального спектакля. Это, конечно, пока еще не рецензия, это пока информатика о спектакле, режиссере, театре, общая, обзорная, хвалебная. Я опять назван Теркиным и Иванушкой-дурачком, других определений для меня рецензенты не находят. Ну да Бог с ними! Тут для меня важен сам факт того, что легенда себя оправдала, что «Живой» по-прежнему современен и как факт театрального выстрела, и как факт политического, проблемного действия. Все остальные частности прилагательны. Гаранин-средний говорит, что это еще интереснее, чем было 20 лет назад. Будем в это верить.

Мне продлили бюллетень до 3 марта. Мы сидим за столом. Семь лучших артистов, надо полагать: Шацкая, Бортник, Демидова, Филатов, Антипов, Сайко, Золотухин.

Последний год перестройки! Мужайтесь, ребята! «Память» с царскими знаменами шла на могилу Брусилова. Говорят они уже разбились на «пятерки». «Долой тель-авидение! Дашь русское телевидение!»

— Оставайтесь, Ю. П.! Поможем, чем можем, похороним на Новодевичьем!

Какая разведка у евреев! Как они распространили фотографию Насера на унитазах! Как они шуруют золото, бумаги, летят в Америку, туда-сюда! Тебе ни один еврей впрямую ни на один вопрос не ответит. Это поразительно!

В издательстве вчера говорят о «Годунове», что спектакль — глумление над русским народом. Почему? А вдруг это так? Такое мнение распространено, особенно среди русских писателей. Что это?!

Любимов. Что же в нем за бес сидит? Сидит, репетирует, и энергия из него хлещет, а меня спрашивает: «Чего съежился, заболел?» — «Нет!!»

2 марта 1989

Четверг

Л ю б и м о в :

— Думал я, думал, ребята, целый день выходной... «Театральный роман» надо дописывать. Я решил запустить «Самоубийцу». Столько ролей потрясающих! Есть нравственный долг, который...

Думаю, что это вернее — параллельно... Буду многостаночником. Я направлю работу на Гришку Файмана, на одного валить все не надо. (Значит, Подсекальников — Шопен? А кто еще?) С «Трагедиями» надо делать чистую разводку.

3 марта 1989

Пятница. Утро, возможно, туманное

Я попросил у Любимова разрешение одеться в синюю кофту и голубую рубашку, и он мило согласился. Я поцеловал телефон.

И был лучший, как сказал Любимов, «самый живой спектакль из всех „Живых“».

5 марта 1989

Воскресенье, отдали Богу

Ваганьковское. Были у Миронова. Молодая пара:

— Смотри, смотри, вон Золотухин!

— Да ты что, он же еще живой!!

— Да вон он на тебя смотрит..

— Да я тебе говорю, что он живой еще!

С утра были в церкви. Я опять ставил свечи Любимову, Можаяву, Тамаре, маме, сыновьям и за упокой отца и Юры Богатырева.

Сумасшедший из Павлова Посада приволок две картины в подарок женщинам, Марине Влади и моей любимой. Картинки довольно симпатичные.

Лю б и м о в:

— Мы готовим проект, как нам отделиться от государства, быть самостоятельным местом, приказом.

А н т и п о в:

— Как церковь!

Приехал Губенко. Его прогнали, чтоб не мешал работать, потому что идет прогон.

И, может быть, рожден-то я мамой моей для дня 23 февраля, дня премьеры «Живого».

Дети Высоцкого хотят подать на Влади в суд за клевету. Не пил он, бедный, не кололся, безгрешен был и чист как агнец. Наивные! Никита-то ладно, артист... Но Аркадий казался мне парнем самостоятельным и умным.

9 марта 1989

Четверг

Звонил Астафьеву — 20-го обещал быть в Москве и прийти на спектакль. Книжки библиотека получила. В. П. выразил удовлетворение — многие обещают, а не присылают.

После 8-го марта все собрались. Этот день я отмечу в блокноте. Благодарю всех. Долго мы слушали Ю. П. о западном театре.

15 марта 1989

Среда

Ну и что? Вывел я вчера Р. из зала? Поставил я условие, что играть не буду? Да нет, конечно. А после? Его жена меня целовала, а он, мой генетический враг, обнимал меня, говорил, что это и 20 лет назад был бы лучший спектакль. А шел с опаской... Но это тот единственный случай, когда «не возвращаются к бывлым возлюбленным» — не оказалось истиной. И я улыбался и благодарил, и по... мне были все прошлые страдания. А ведь я мечтал в лицо ему плюнуть за то, что он из меня сделал, как говорят в народе, «самого опасного друга Высоцкого».

16 марта 1989

Четверг

День рождения Шацкой, цветы купить ей, что ли? Что ей написать о «Живом»? «Не Шацкой — Беатрис».

Я вырос в одной комнате с теленком, поросенком и курами под печкой русской. Что меня пугает Алексухин запахом грядущего свиного комплекса, затеянного Комковым? Были бы свиньи...

Буряков. Гнусная статья, полная вранья. «Роль Самозванца репетировал Высоцкий, рисунок на него. Играет Золотухин... да, талантливо, но рисунок на другого артиста». Вот б...!

Ю. П.:

— Человеку 72-й год. Интересно мне так работать?! Нет, мне стыдно пускать молодежь, которая хочет посмотреть, как я работаю, а я не могу... Английские артисты самые работоспособные. Давайте считать, что мы играли Шекспира. Театр Шекспира условный, он писал: «лес, река». Пушкин опирался на Шекспира. Этих критиков вообще не надо пускать в театр.

— А кто же нас хвалить станет?

— А тебе надо, чтобы тебя хвалили? Жди, когда я тебя похвалю.

— От вас дождешься!

— Я знал, что ты так ответишь, для этого и сказал. Неправда, пару раз я тебя похвалил.

— А я в дневнике размножал.

18 марта 1989

Суббота

Вчерашний разговор с Демидовой.

— Валера, сядь на минутку. Ты знаешь, мне сейчас Петрович (Любимов) врзал за Марину, что я слишком вульгарная, и он прав. Но ты понимаешь... ты подыгрываешь... и мне...

— Алла, я слышу эти разговоры от тебя с 1982 г.! В грехе, совершенном вдвоем, каждый отвечает сам за себя.

— Ну, тогда извини.

— Да нет, ну что это...

«Мне врзал Любимов, но виноват ты!» Думаю, что она обиде-

лась. Наверное, она думает, что я, оглушенный успехом «Живого», уже ничего и никого не слышу. В связи с вышеизложенным придется все-таки ей стокольмское письмо отдать. А вздрючен был я рассуждениями Бурякова. Во-первых, идиотизм, но потрясает и оскорбляет вывод, «И Золотухин хороший актер. Сильный актер. Но Золотухин — актер, а Высоцкий — явление». Что это за проституция, при чем тут Высоцкий и зачем это сопоставление? Сейчас начнется репетиция «МТ», и надо как-то в Дон Гуана заполнить. Вместе с Демидовой.

Телеграмму в «Неделю» я все-таки послал. Быть может, не совсем красивую, но...

«Уважаемая редакция!

Пока кто-то напишет, а Вы опубликуете ответ на полемическую статью В. Бурякова „Живой“, мне бы хотелось, чтобы В. Буряков через Вашу газету извинился передо мной. В. Высоцкий не только никогда не репетировал и не создавал рисунка роли Самозванца, но и не мечтал о том. В „Борисе Годунове“ Высоцкий хотел играть Бориса и играл бы его, но смерть помешала. В. Высоцкий умер в 1980 г., а спектакль репетировался в 1981-1982 гг. Зачем или для чего подобная фальсификация, „за ради жареного“? Честно говоря, я устал от того, что кто-то постоянно пытается меня столкнуть с В. Высоцким лбами».

— Ю. П.! Опять скажут, что тень Высоцкого мне покоя не дает, что я его роли копирую, а вы еще из швейцеровского фильма музыку берете. Я предложил вставить голос Высоцкого из «Дон Гуана».

— Идея хорошая!

— Но мне нужен второй исполнитель. Вспомнили абзац Бурякова.

— Но он явление в поэзии, а ты — в прозе.

— Зачем, Ю. П., вы вступаете в эту пошлую игру?

— Прости.

Оказывается, оправдан Павлик Морозов — не отменена статья о недоносительстве.

Все эти Проскурины, Алексеевы подводят базу, что Платонов — явление случайное, ничего не приносящее обществу. А Набоков вреден — обнажает уровень... Сразу становится понятно, кто есть кто.

Все в речах Любимова неслучайно. Он настаивает на своей точке. И отсчитывает эти точки с юности, под микрофон переосмысливает публично свои поступки, свою биографию, человеческую и художественную. «Сверхзадача — убедить себя. Нет другого хода. Искусство трудно — критика легка. Попробуй взять характерность».

26 марта 1989

Воскресенье

Были на выставке Шемякина — это какой-то гигант невероятной силы, но мне недоступный.

А вечером я посмотрел «Интервенцию» и тоже порадовался. Нет, что-то в жизни сделано, кроме детей.

27 марта 1989

Понедельник

Репетиция. «За сладострастие!!»

Первый раз слышу такой тост. А по мне, это замечательный тост, если не ханжить и не усложнять человеческую природу.

28 марта 1989

Вторник Утро, дома

Ответ на телеграмму я из «Недели» получил гениальный. Еще более запутывающий вопрос, который в юриспруденции выеденного яйца не стоит. Вместо того чтобы обратиться за разъяснением к хозяину, к постановщику спектакля, он обратился за поддержкой к Володарскому и Туровской. Но я телеграмму давал, собственно, из-за последней фразы, и она напечатана и прочитана. А вся абракадабра Бурякова развеется временем. И умным ответом. Кто-то должен защитить «Таганку».

Спектакль «Годунов» прошел мощно. У Беляева пошла носом кровь. Вызвали скорую. Спектакль он доиграл.

Глаголин:

— Вы доиграетесь. Нельзя играть по 30 спектаклей в месяц.

Умер Лиэпа — инфаркт. К вопросу о нагрузках. А Полока говорит: «Борис меня огорчил. Пустота, ничто за этим не стоит. Нарушена логика жанра, ну и получилось ни то ни се».

Объяснился с Демидовой. Извинился — был-де раздражен, не в своей тарелке. «Нет, вы правы, каждый действительно должен отвечать за себя. Я не знала об этой статье...»

В «Московской правде» на День театра фотография из «Живого» с подписью: «Сцена из премьерного спектакля МХАТа на Тверской». Звонил редактору Любимов: «Ну ладно, я иностранец, но Доронина вам этого может не простить». Обещали извиниться.

Я вспоминаю то время, 21 год назад. В театр я приходил рано, за час до появления всех артистов. Березка с домиками уже стояли. Реквизит разложен по местам. Рабочие подготовили сцену к прогону спектакля. Она была пуста. Одинокая фигура маячила меж берез. Это был Любимов. Он держал в руках мой реквизит, ковыль-траву, и бросал ее в то место, где она должна была точно втыкаться и замирать в безмолвном освещении. При этом Любимов крестился на поднятую на березе золотистую колоколенку. Он был один. Он был коммунист. Он молил Бога, чтоб новый министр пропустил в жизнь «Живого», дважды запрещенного прежним министром, которая говорила, что «с этого началось в Чехословакии (события в Чехословакии совпали с репетициями нашего спектакля), и вас за этот спектакль судить всех надо». Но новый министр, Демичев, оказался еще бдительнее первого и отпел наш спектакль чужими руками и устами (в буквальном смысле!) и постановлением, которое предписывало спектакль закрыть, декорации списать, чтобы возврата к этому спектаклю не было никогда. Этот день не

стал буквально «русской кисти первым днем», и я вспомнил покойную бедную бабу в Вишняковском храме.

Л ю б и м о в:

— Так вот, спектакль репетируется. Теперь я тебе могу точно сказать, как надо играть. И, пожалуйста, сыграй так. А то ты играешь ни два ни полтора. А это хуже всего.

— Стих требует воздуха, строфы — широты...

Сон. Камин. Половина — идет снег, а половина горит. Снег идет и не тает. В камине дует, сугроб, и полыхает пламя. Театр замечателен тем, что в нем все можно, только надо придумать форму.

Ш а ц к а я о Дупаке:

— Я одна против него голосовала.

З о л о т у х и н:

— Он тебе одной дал две квартиры.

Вся репетиция прошла под знаком чтения моих дневников. Хохоту, хохоту! Надо ставить «Театральный роман», — заключил и не один раз повторил Любимов.

30 марта 1989

Четверг

Г у б е н к о:

— Я поздравляю вас, Юрий Петрович! Моссовет продлил вам квартиру до 1989 г.

Л ю б и м о в:

— Бабушка в католической вере, а мама по Старому завету жила. Когда я прочитал и углубился в «Доктора Живаго», то понял, что я — христианин. И всем, даже жизнью, обязан христианству.

— Валерий! Тебе дополнительная нагрузка. Надо привлечь Ваньку, Леонида, людей, владеющих пером, по мотивам «Записок покойного», а у нас авторы — замечательные покойники: Булгаков, Трифонов, Абрамов.

— Олег Ефремов избегает меня, потому что писал: он не понимает, почему вокруг «Таганки» столько шума и восторгов.

Вот характер: ему Ев. Симонов плакался, интимные вещи рассказывал про жизнь свою и театра Вахтангова, а Любимов «по всему свету».

31 марта 1989

Пятница

Л ю б и м о в:

— Такое впечатление иногда, что наш народ махнул на себя рукой.

1 апреля 1989

Суббота, утро, кухня, мои спят

Л ю б и м о в:

— Тебе, Валерий, надо витамины принимать, ты так много ра-

ботаешь. Вот там, у них, есть такие чесночные ампулы — с утра две проглотил, они всю кровь очищают. Обязательно принимай витамин С. Мне с вами приятнее репетировать, чем там, но тяжелее в пять раз.

Матери моей Матрене Федосеевне через неделю 80 лет исполнится.

4 апреля 1989

Вторник

Перед репетицией мини-собрание в комнате отдыха. Губенко заявил, что из-за саботажа трех ведущих артистов, Бортника, Золотухина и Демидовой, он вынужден оставить театр. Любимов: «Вишневый сад» — средний спектакль без концепции, разрушающий эстетику данного театра, вредный. Разделил Бортника и Золотухина. «Он ведет репертуар и работает как лошадь».

Демидова попросила Н. Н. объяснить слово «саботаж». Ряд обвинений в адрес Демидовой, но это по-другому называется — саботаж есть саботаж. В общем — тоска. И опять мой старый вопрос: зачем кокетничать с шапкой Мономаха? Ему хочется смыться из этого дерьма, но смыться так, чтобы оставить это причинами вескими, свалить все на обстоятельства. Это подло. 8-го собрание общее, скандальное, очевидно, Губенко будет ультимативное заявление делать.

У меня вообще какие-то резкие подозрения по сегодняшнему заявлению Николая. Такое у меня впечатление, что он снова решил с театром завязать. К тому же Филатов ему в том союзник. Мне кажется, во-первых, они не верят в шефа и в возрождение чего бы то ни было. Потенциала они не видят ни в Любимове (все его опыты за границей, судя по видео, не сулят ничего хорошего), ни в труппе.

Я не понимаю, куда клонит Коля? Выходит, Любимов берет театр, становится его руководителем — значит, ему возвращают гражданство!! А Коля умывает руки и хочет сделать это как можно скорее?! Ленка хочет ставить кино. Они, мне кажется, расстанутся с театром после «Маленьких трагедий». А Любимов заражен идеей «Театрального романа» на судьбе «Таганки».

5 апреля 1989

Среда, мой день

Продолжение размышлений, ночное бдение. Поиск конфликта такого, чтобы оставить груз виновности на партнере, в данном случае на театре — труппа, директор и пр. И тут годится все, как равно и подогреть все, — и то, что Любимов не находит места для самостоятельной работы Губенко, и пьянство Бортника—Золотухина. Но ведь, я думаю, и Любимову самое время взбрыкнуть и смыться. И еще надо снимать Жанну, писать сценарий, делать кино. А выяснять, кто в театре главный, тянуть глупые обвинения

на Демидову, высасывать из пальца конфликт с ней... Ну, не нравится вам «Федра», Бог с ней! Ведь пригласили ее на флорентийский фестиваль — отпустите с миром.

6 апреля 1989

Четверг

Я прочитал протокол заседания худсовета с партбюро и месткомом, по поводу хозяйственной деятельности Дупака. Чего Коля Губенко добивается — не могу понять! По-моему, этот документ — шедевр мракобесия, узкомыслия, узкокобия артистов. Злобное нежелание понять, хотя бы сделать попытку вникнуть в заботы и труды другого, уж не говоря о полном неуважении, наплевательском отношении к личности директора, да просто к человеческому организму. Они запретили ему строить, например, культурно-театральный центр на Таганке, гостиницу, концертный зал в церкви (в рабочем порядке можно было отказаться от концертного зала, но хотя бы привести благовидный предлог, если уж вы говорите: «Дупак кощунствует»). Как будто он это делает для своей семьи! Дупак реорганизует площадь или за счет доходов театра, или за счет заработков артистов. Этот документ надо опубликовать — это верх ханжества, негосударственного взгляда на вещи. В конце концов, у каждого человека есть хобби. Губенко кино любит снимать, а Дупак — строить. Ну и что?

Губенко хочет стать директором при Любимове. Такую версию Ракита Ивану выдал. А Ракита, имеющий дело с подслушивающей и снимающей аппаратурой, может ошибиться не намного.

7 апреля 1989

Пятница

Любимов репетирует «Доброго». Замечательно.

13 апреля 1989

Четверг

Собирается уходить Дупак — откровенная травля.

А с утра опять разговоры о том, кто разваливает театр. Актеры?

— Это риторический вопрос, и ответ на него вы знаете сами.

— Он один на весь мир такой, Шнитке. Что о нем говорить!

— Представьте: на Красной площади стоит стол, а вокруг бродят Сталин, Ленин... Вся кремлевская стена зашевелилась, воскресли и разломали.

14 апреля 1989

Пятница

Любимов хочет устроить скандал с «Вечеркой». Нарушена хронология — Эфрос принял театр в марте, а Любимов лишен граж-

данства в июле—августе. «Я соберу иностранных журналистов и устрою скандал».

17 апреля 1989

Понедельник

Возникла идея назначить на Скупого и Сальери Гафта, но потом Ваньку все-таки включили в игру. Губенко отказывается в этой игре участвовать. А что делать?

Моя крестьянская безропотность.

Странно, но моя семейная канитель дает мне силы репетировать, дает эмоциональную палитру. Что это? В самом деле — безбоязненная профессия, дьявольская. Господи, спаси и помилуй! Дай легкости, дай скорости!

19 апреля 1989

Среда, мой день

Сегодня «Живой» — помоги нам Бог! А вчера Панин на стакан словил и 200 руб. на гараж выманил.

Очень тяжелые времена, физические нагрузки велики. Бортник снова не пришел. Любимов предлагает подать ему заявление самому. Дупак заявил, что он уходит — в таких условиях, с таким к нему отношением он мириться не может. Я считаю эту акцию против старого директора вопиющей безнравственностью.

21 апреля 1989

Пятница

Кто-то меня сглазил. «Не я», — говорит Любимов. А сам, узнав, что Ленка ложится в больницу, показывая на меня, сказал с восторгом: «Но он ведь не ложится?!» А теперь у меня правая связка по краю кровоточит. Нельзя по телефону даже говорить. Короче — не играю сегодня «Годунова» и отменен «Живой» 23-го. Пойдет в день юбилея «В. Высоцкий». Это даже лучше. «И я там каким-то краем задет», — сказал Любимов.

По случаю грядущего юбилея театра всем алкоголикам объявлена амнистия!! Но по поводу Греции какие-то у Ивана подозрения существуют. Какая же это тогда будет амнистия?

27 апреля 1989

Пятница. Сцена

Что мне взять в Грецию? Какую поклажу? «Гитлер, Лысенко, Иосиф — вся эта помесь и есть Сальери».

— Как вас потрясло, что сделали с Эфросом, — так меня потрясло, что вы не явились на юбилей, хотя бы на час! — первое, что мне сказал Ю. П.

И тут до меня дошел весь смысл их священного гнева. Как со

мною разговаривал Филатов! Бог мой! По какому праву? А теперь ясно — всех возмутила моя анкета, и я подкрепил это неяской. Анкета моя — вызов. Я знал, что напишут и какие ответы готовят мои коллеги, и не ошибся. Как будто под копирку. Ванька говорит — твои наиболее независимые ответы. А славословий хватает.

Л ю б и м о в :

— Вы человек пишущий, умный. Вы со мной очень лихо разговаривали из Парижа, так разговаривали, что ого-го!..

«Умный» про меня — это впервые за 25 лет, это новое.

— Коля отпихивает. Воротит морду и никого не слушает. Я так разочаровалась в нем. Доработать до пенсии, а подработать я найду где. Пусть работает с кем хочет. — И это говорит кто! Боготворившая его Вера Гладких, старая, добрая театральная крыса-реквизитор.

После ланча шеф совершенно в другом настроении. Наверное, убрали Дупака. Какие-то приняты решения, устраивающие обоих.

30 апреля 1989

Светлое воскресенье

Христово Воскресение!

Мы летим в Афины. Самолет выходит на взлетную полосу.

Г у б е н к о :

— Ты что, всю жизнь будешь посредником Бортника? Два дня ни Любимов, ни я не можем ему дозвониться. Сам он почему-то позвонить не может, то есть я знаю почему. Это ведь твоя инициатива, а не его.

Приедем с гастролей — будем разбираться с ним, чего сейчас говорить. А мне надо настроиться писать, писать, писать...

Аллергия на коллектив. Дупака выпирают жестоко и беспощадно. И я подумал, хотя гоню эту мысль: а не подать ли вслед за Бортником заявление об уходе и мне? Игра сыграна, сыграл Кузькина, состриг купоны, теперь бежим... Но об этом говорят совсем люди разные: и Гладких-реквизитор, и Глаголин-советчик.

На бедную, мертвую голову Эфроса каких только не льется домыслов и клеветы! И в каком это контексте все преподносится! «Вступил в сговор с Гришиным». Да если б он вступил в сговор с Гришиным, то он в первую голову пролил бы кровь на Бронной и взял реванш над Дуровым и Коганом, а не удалился бы, оплеванный и дерьмом обляпанный, с Олей-пассией.

А Колины заслуги, как организатора, велики. «Благодаря ему я здесь», — сказал мне Любимов, когда я вдруг вспомнил и спросил: «А почему мы не играли 23-го „В. Высоцкого“?» — «Это Н. Н. решил. Хотите — спросите у него. Он руководитель. Я не смел настаивать — благодаря ему я здесь».

Глаголин слышал такую фразу от Любимова: «Он (то есть я) сорвал нам 25-летие, он саботировал, не играл спектакль, напился и не явился вообще».

А Колины заслуги велики. Он улучшил «В. Высоцкого», он собрал «Годунова» и выдрессировал круг. Если бы не он, то есть не его энергия, потраченная на приезд Любимова, не видать бы мне «Живого» как своих ушей.

А на вопрос вчера в Ярославле — почему я не ушел из театра вместе с Филатовым, Шаповаловым и Смеховым — надо было ответить так: «Они не верили в возвращение Любимова, а я верил и ждал». Кстати, Ванька тоже в возвращение не верил, и в письме к Горбачеву его подписи нет.

Поэтому я говорю себе: «Не лезь в бутылку, старик, не лезь в бутылку! Бери ноги в руки и дуй до горы — учи и шлепай Дон Гуана, это и будет твой ответ лорду Керзону. Твое дело играть и сгнать лишний жир».

А вдруг они сейчас прилетят с Ванькой? Может такое быть!! А почему нет? Я почему-то верю в сокрушительность Губенко. По билету Дуака привезет он Бортника. Хотел поделиться с Борисом этой мыслью — нет его, поехал встречать начальство.

2 мая 1989

Я не был приглашен вчера на прием к Милене Меркури, министру, — это вообще нонсенс. А уж секретаря парторганизации Глаголина вообще игнорируют.

— Ты, Боря, помог расправиться с Дуаком, теперь они расправятся с тобой. Со мной, пока я в форме, у них расправиться руки коротки, да я и не боюсь их. Примут в СП, я подам заявление о переводе меня на разовые.

Жалко, что я впутался в игру с «МТ», за это надо отвечать, то есть надо сыграть хорошо, и это долг чести, перед Любимовым прежде всего, несмотря на всю скотскость положения. Но актер за главную роль и отца родного продаст, «ради красного словца не пожалеешь и отца». Ради красного словца Любимов перевирает всю свою биографию.

Шеф наблюдал за мной, как я реагирую, а я — за ним. Кажется, мы остались довольны друг другом. Над Фарадой он смеялся до слез, снял очки и долго вытирал глаза платком. Сегодня пресс-конференция.

Это поразительно, как Коля любит командовать и распоряжаться. Ефимович пьет чай, а Коля полицейским тоном:

— Господа артисты, автобус подан и ждет вас!

В автобусе:

— Завтра автобус на пресс-конференцию. От отеля «Король» в 11.45, от отеля «Есперия» пешочком...

Зачем ему этим заниматься?! На кой ляд ему это администрирование?! У него же штат послушников. Везде сам! Сам за все! Сейчас на пресс-конференции попробую двойную запись, пером и на пленку. Что верней окажется? Ясно — перо.

Какая поразительная связь. «Огонек» опубликовал рассказ Замятина. Публикация из запасников Богуславской. Богуславской с

Вознесенским вместе 1000 лет. В романе «Мы» много Вознесенского. Андрюша поет о Пастернаке, а ворует у Замятина.

Милена Меркури говорит про нас. Любимову на ухо переводят.
Л ю б и м о в:

— За чрезвычайное гостеприимство теперь нам надо расплачиваться своими очень старыми спектаклями. Так случилось, что я не участвовал в переговорах, я бы изменил репертуар... Н. Н. очень много сделал для того, чтобы я был здесь на премьере «Годунова» и «Высоцкого».

Г у б е н к о:

— Два года жизни потратил на возвращение Любимову гражданства и уверен, что так оно и будет.

Л ю б и м о в, уходя, Машке, явно для меня:

— Да почему я должен изгаляться перед вами?! Я восемь человек не могу собрать на репетицию. То одного нет, то другого. Да что это вообще, о чем вы думаете, что вы себе позволяете... по отношению ко мне?! Я это почувствовал еще на «Живом»... К вам это не относится, нет, Маша. В этих вопросах я очень жесткий, очень жесткий. Нет-нет...

Я невольно оказываюсь в роли подслушивающего их личный разговор, но она говорит тихо. Потом он видит меня и повышает звук, чтобы я слышал все отчетливо.

3 мая 1989

Среда, мой день

До начала четвертого сидел Любимов у Додиной. Весело выпивал, весело ел. Говорили все много — худсовет какой-то. Значит, было и в самом деле не по гипотенузе, а по двум катетам.

Вместе с репетицией Любимов успевает все объяснить, доказать.

— Мы с Николаем Николаевичем были против этих гастролой. Поэтому я заявил: если поедет Дупак, моей ноги в Греции не будет. То же самое я скажу господину Критасу, что есть авторское право и репертуар надо согласовывать с автором, то есть со мной. Но господин Критас, как тень отца Гамлета, от меня прячется. Я это наследство принял от Дупака и расхлебываю его. В театре есть экстремистские группы, которые были бы рады избавиться от меня. Им было бы спокойней жить и заниматься «кувейтами» и своими делами.

— Я считаю такие беседы перед премьерой полезными. Потому что они возникают спонтанно. Вы знаете, с какими лозунгами солдаты расправлялись с демонстрантами? «Это вам за вашего Сталина!» — и саперной лопаткой по голове ребенку. «Это тебе, сука, за твоего Сталина!» — и сапогом в живот старухе. Во!! Кто их научил и чем опоили этих молодых головорезов?

Вот под эти мелодии еврейских кварталов мы и репетируем премьеру.

Мне хочется скорее закончить эту счастливую и противоречи-

вую тетрадь. Тетрадь, в которой записаны репетиционно-премьерные дни «Живого». Так и назовем эту тетрадь — «Живой».

Начал я ее 15 декабря 1988 г. в Стокгольме. 4 месяца она писалась, да разве писалась? То гастроли, то пьянки. Но была завязка крепкая, и даже на премьере «Живого» я не выпил, а сел за руль и уехал с Тamarой домой. И это было правильно. Но потом начались срывы за срывами, и закончилось все омерзительным апрельским грехопадением. Теперь надо набраться сил и подвиг «Маленьких трагедий» осуществить, Или погибнуть.

Я не ожидал такого успеха «Живого», он меня оглушил и ослепил. И я потерял ориентацию. Но все же устоял на ногах, хотя с радикулитом. И не пишется. Да разве может писаться, когда душа и голова вместе с сердцем фанфарами забита была?! И до сих пор. «Только ради вас приехал».

Надо сходить послушать, чего он опять остановился и о чем морализирует. Ну, чего злиться-то теперь, ну приехали, ну деваться-то некуда. Так давайте хоть радость друг другу устроим.

Почему шеф злится и поносит Критаса заодно с Дупаком? Я так полагаю, что в планах Критаса семья Любимова не была предусмотрена. Все переговоры шли через Госконцерт, а как могут граждане Израиля поехать за счет СССР?! Только за счет принесенных в жертву граждан СССР, которые после «10 дней» будут отправлены домой. Гостиничные и суточные расходы, им причитающиеся, пойдут на оплату Любимова и семьи. Никакого гонорария Критас Любимову, разумеется, дарить не собирается, тем паче что он (Любимов) обидел Дупака, к которому, как я понимаю, Критас питает уважение. Вот и нет у нас ни автобусов, ни культурной программы. И сколько бы ни говорил шеф об авторском праве — в контракте это не записано. Все дело рук Коли Губ.

4 мая 1989

Четверг. Утро

Любимов, в антракте:

— В общем, молодцы, подтянулись. Каждый спектакль нужно так играть, а не только за границей. Накладки со светом я должен завтра устранить и спектакль дотянуть. Гастроли не организованы, рекламы нет... Идет пасхальная неделя. Многие еще не вернулись в город. Поэтому мало народу.

Он плясал с нами на улице, подпевал. Видит Бог, я люблю его, что делать?! И как жалко, что я ему доставил такое огорчение на 25-летие. Прости меня, дорогой Ю. П. Прости меня, Господи! Избавь меня от злополучной страсти!

12 января в Красноярске я записал: «Так и хочется услышать от Любимова: ну что ж, Валерий, время пошло тебе на пользу». И я эту фразу, подобную и еще лестнее, услышал от него; он мной гордился, а я оскорбил его и своим отсутствием, и анкетой, которая выплонулась из-за постоянной внутренней полемики с моими коллегами. И, если не лукавить, от некоторых жестоких определений в

адрес Эфроса и периода его руководства театром. Это несправедливо вопиюще. Потом расправа над старым директором — к чему?! Но тут не лезь, в этих делах Любимов человек жесткий, немолчаливый. Характер унять и подчинить его обстоятельствам он не может, не хочет, не будет — даже сделает все наоборот.

Любимов требует, чтоб советник по культуре немедленно связался с Критасом и чтоб Критас нашел срочную возможность встретиться с господином Любимовым. Или с представителем фирмы. Похоже, нас все послали и глядят со стороны, чем все это кончится. Министр не знал, какой репертуар мы привезли. А ей плевать, у них другие порядки. За все платит Критас, он и заказывает музыку. А наши-то вид делают, что не понимают.

Тамара говорит: «Твоя лучшая роль — Мизантроп». Читая про Т., я вспомнил... у меня защемило сердце, я ахнул от реальности — неужели я больше никогда не сыграю сцену с Селименной-Яковлевой? Какое блаженство, какое счастье я испытывал в удачные дни! И этого уже не будет! Не будет никогда! И этой нежности уж более не суждено вновь произрасти во мне? Неужели я никогда более не выскочу на авансцену и кому-то конкретно не скажу: «Я знаю, что любовь не терпит принуждения, непредсказуемо ее возникновение. Насильно, как ни тщишь, увы, не будешь мил...» Ох, какая жалость! И не увижу глаз моей удивительной партнерши?!

За «улицу» Любимов похлопал меня по спине и сказал «спасибо». Мы наладим взаимоотношения работой. Тренирую стук на «10 днях» и под него текстуру укладываю. Сейчас придет Никита со стимулятором — лекарь поневоле.

Господи! Как мне хочется сыграть «Мизантропа» с Олей Яковлевой! Господи, сделай что-нибудь!!

Не потому, что спектакль старый, не хочет возить «10 дней» Любимов. А потому, что он был за красных, а теперь за белых. «Били буржуев на разных фронтах!» — пою я, а он мне в ухо «Зря били!»

6 мая 1989

Суббота, после завтрака

Г у б е н к о:

— Заканчиваю гастроли и ухожу из театра в свое любимое кино.

Л ю б и м о в:

— «Театральный роман» будет не о каком-то МХАТе, а о нас с вами.

Он часто говорит о «ТР». Ему хочется поскорее отделаться от «МТ».

7 мая 1989

Воскресенье

С галерки вчера крикнули министру: «Что же вы принимаете такой театр в курятнике?» Милена не ответила, сказала: «Давайте лучше поприветствуем гениального Любимова». И тут же в антракт

те состоялся маленький митинг. Венька все это опишет в «Московских новостях». Он день и ночь строчит отчеты. Губенко, по-моему, и взял его как собственного корреспондента.

Опять Любимов про Критаса и Штреллера:

— А как Штреллер нас вперед ногами вынес со спектаклями Эфроса?

И тут я все-таки впилил:

— Он не один десяток вперед ногами вынес. Он такое молол..

— При чем тут «молол», он — великий мастер.

— Я говорю не о его делах, я говорю о его словах.

— Да разве можно артиста судить по словам! Артиста можно судить только по его делу, по тому результату, что мы видим на сцене. Мало ли что артисты говорят!

Собственно, ради этого откровения я и намекнул на то, что Штреллер много молол, и не исключено, что и про вас, уважаемый мэтр. Я думаю, Любимов понял, что молоть надо осторожно.

8 мая 1989

Понедельник

Я не знаю, что за тип Любимов, но это великий человек, это великий характер. Нет, он так просто не отдаст свой театр, свое прошлое, настоящее. Он как проклятый, прикованный Прометей, по 7 часов не вставая из-за пульта, репетировал, и действительно репетировал, внося новые и новые коррективы. Это уму непостижимо! Сколько сил, терпения, а значит любви. Любви! Без нее у него бы ничего не получилось, он бы выдохся и сдох. А он все пять спектаклей выходил с нами на улицу, плясал, пел. Он тащил своим примером нас не хуже, чем своей волей, фантазией и режиссерской нагайкой. И труппа встала вчера перед ним, аплодируя, и я с таким чистым и благодарным сердцем, как никогда, любовался им и рукоплескал. Пантомимистка преподнесла ему букет гвоздик.

Он сказал:

— Мне это очень дорого от коллег получить. От зрителей мы привыкли, а от своих получить — это..

18 мая 1989

Четверг

Накануне Любимов угощал меня икрой и сыром с барского стола, спросил: «Сколько ты дней не пьешь? Только честно! Три? Ну вот, на тебя приятно смотреть».

Горбачев с Филатовым в Китае, вот куда прыгнул Леняка!

24 мая 1989

Среда, мой день

Я ждал, хотел записывать, а он (Любимов) даже не намекнул на радость возвращения ему гражданства СССР. Значит, не в радость ему этот акт половой. Формулировка — «по просьбе». И все молчат.

25 мая 1989

Четверг

Губенко советовался, спрашивал: можно ли соглашаться на два-три спектакля в день. Дополнительный гонорар получаем и на троих делим. Согласился, семь бед — один ответ.

Губенко говорил о неготовности «МТ», о том, что не надо топиться выпускать. Он будет говорить с Любимовым...

Лю б и м о в:

— Свины рождаются без глаз, коровы — без ног. Какие же дети могут получиться?! У женщин берут подписку, чтоб они не рожали. У родственников их не прописывают, и они возвращаются в свои зараженные места.

Вчера похоронили Товстоногова. Ушел на 76-м году замечательный мастер. Царство ему небесное! И о нас, «Таганке», успел доброе слово сказать. Господи! Как не хочется падать с «Маленькими трагедиями», но, кажется, это придется сделать.

«День шестого никогда» — пришли гранки. По первому прочтению немного расстроился, какое-то неудобное, некомфортное ощущение, но сейчас успокоился. Нормально. Эта корявость имеет свой смысл. Пусть будет так. А вообще-то можно с этого света уходить. Лучшего я ничего не сыграю, да и не хочу. Сына бы еще одного родить и внуков дожидаться. И все дела мои земные на этом закончить можно. Что может помочь мне в Дон Гуане? Трезвое понимание, что это простая ординарная, ежедневная работа, что это не подвиг Самозванца, что это не кузькинская вершина. Это рядовая, черная работа, которую надо выполнять честно, в меру отпущенного для этого мероприятия таланта. И готовиться к провалу и нехорошим рецензиям — смешают они с дерьмом меня. А те, кто обрушился на меня за Гамлета, восторжествуют. «И он смел претендовать на роль принца Датского!» К этому надо спокойно подготовить свою голову, сердце, душу, ум. Я делаю это ради Любимова, я ему многим обязан, и я разделю с ним успех и неудачу, и свою и его. Я, наверно, выпью сегодня с Фоминым. Хочется проститься с учителем славно. Димка отвезет. Или такси заказать? Но выпить надо. Фомина я люблю и обязан ему многим. Поводырь!

Любимов резко начал утро. По мнению Демидовой, Катя узнала и недовольна решением президиума о гражданстве. Мне же его настроение показалось результатом беседы с ним Николая о неготовности и преждевременности премьеры.

5 июня 1989

Понедельник

Чуть не забыл, что Денису завтра 20 лет. Это уже серьезно. После первого акта шеф сказал: «Лучше, намного лучше». Потом был банкет, и Любимов с Катей были мрачны. Петька сказал, что у них дома итальянская еда — она вкуснее. После этого все трое покинули банкетный зал. Утешал я себя все эти «премьерные» дни тем,

что выпивал и играл Дон Гуана. Если я выпивши его играю, то трезвый тем более...

8 июня 1989

Четверг

Что меня ждет в Москве, в театре? Надо с Любимовым контакт наладить. Я знал, на что шел.

Губенко успокаивает меня:

— Хорошо, Валерий, в самом деле хорошо! Наглей, наглей все делай — и будет еще лучше.

Уж куда наглей: Золотухин — Дон Гуан!

13 июня 1989

Вторник

В театре идет бурный худсовет — обсуждают уход Губенко. Выскочил совершенно потерянный, панически расстроенный Ефимович: «Он уходит! Что это такое? Сделайте что-нибудь!» Нет уж, теперь делайте вы. Надо было для этого выкручивать руки Дупаку! А Коля уходит вовремя... для себя. Биографию себе он сделал — великий гражданин, положил два года на возвращение гражданства Любимову. Теперь давай, дядя Юра, запрягайся по 24 часа в сутки и вытаскивай свое детище. А то тебе за границу хочется, а то тебе заграничной пищи не хватает и условий жизни... Так, дорогой мой, все здесь к твоим услугам, и над тобой не только Демичева, а и Дупака нет.

11-го были в Барановичах. Отказались работать на этом дурацком стадионе — холод, ветер. Мы вернулись бы калеками. Вместо того мы сидели у меня в номере, пили коньяк и давали Веньке урок морали и нравственности. Но с Веньки как с того гуся вода, и больше ничего. Хоть согрелись коньяком и какой-то славной бастурмой или ветчиной. Обратно ехали все вместе, в одном купе. Я на верхней полке.

Это ничего, что я кручу своей жизнью так, что непонятно, чем я в ней пребываю и как гляжусь со стороны. Бог со мной. Со мной ли? Хотя с другой интонацией записано это... «иронически подан Золотухиным Дон Гуан» — вот и все, что я заслужил от критика за свою игру. Но еще не вечер. Еще не сыграл я свою игру. Завтра попробую. Спектакль оценивается по первым откликам как явление художественное. Это главное. Я ведь и шел в него, зная, что не сорву славы дополнительной, а исключительно за ради Любимова. Помог ли я ему? Не знаю, но как умею, так и играю, по-другому будет завтра. Господи, сподобь! И партнеров моих.

Вечер. Смотрели «Последний император». Гулял. Звонил. Волнуюсь перед завтрашним днем. А чего волнуюсь? Вперед и с песней понаглей, да повеселей, да позадиристей-похулиганестей. Подумаешь, не Боги горшки... И дуй до горы. Говорю то, во что сам не верю.

15 июня 1989

Четверг

Нас обокрали. «Маленькие трагедии» продолжались дома. Но настроение гадкое из-за спектакля, роли и пр.

Приехали домой — квартира на цепочке. Позвонили, покричали: «Мама!» Я понял, что это кража. Побежал за дом к окну кабинета-спальни — окно настезь. Пошел в милицию напротив. Много приехало милиции, старшина залез в окно, впустил в квартиру — видео на полу, в шубный шкаф не лазили. Собака довела до Профсоюзной. Мы выложили грабителям все на блюдечке, оставив фрамугу в кабинете открытой — свежий воздух нужен. Взяли магнитофон, кассеты, деньги, где обычно они у нас лежат, золото-серебро, магнитофон «Тошиба», адаптеры. Не так жалко, как мерзко и противно на душе. Мы их, очевидно, спугнули. Ничего, конечно, у нас не застраховано — Тамаре все некогда домом заниматься. Хорошо, я днями отнес 2000 в кассу. А на душе осадок от Гуана, от разговора с Тамарой, Таней Гармаш. «Ваня понравился, Лена очень понравилась, очень понравилась ваша сцена с Лаурой, очень». После первого акта меня хвалила Галина: «Лихо работаешь!»

22 июня 1989

Четверг. Цюрих

И над постелью висит Ирбис. Ну надо же, а?! Судьба. Леопард? Господи, спаси и сохрани!

23 июня 1989

Пятница, отель «Флорида», № 409

18-го я отменил премьеру «МТ» — шел «Борис» без меня, я гулял. День рождения встретил в самолете, между Любимовым и Губенко. Год сумасшедшей жизни и в театре, и в личной ситуации, и в стране. Грядет мой апокалипсис. «Годунов» — самый трудный спектакль для меня. Как-то незаметно мне исполнилось 48 лет. Как-то так незаметно, что обидно, черт возьми.

Накануне отъезда звонил мне из санатория Дупак. До того жалко мне мужика и нас, пешек в этой ситуации.

Привычки. Дурные они или хорошие, мне жаль с ними расставаться. Я люблю женщин, люблю остроту обладания, свидания, риска, предостережения страха, стеснения и пр. Я люблю пить портвейн и растворимый кофе. Люблю дерзить начальству и люблю смирение. И болтаюсь между тем, кто я есть, в кого играю и кем хочу казаться.

Ирбис — это снежный барс. Над кроватью висит леопард или гепард. Но это, в общем, неважно — из той же породы.

Маслов! Ну... смешно! Появился сбежавший в Мадриде Леша Маслов! Прилетел или приехал посмотреть спектакль. Похвально. Ностальгия? Или показать нам: мол, ребята, я в полном порядке.

Костя высказал забавную версию; сын полковника КГБ просто заброшен таким образом внедряться в Европу. Талантливый актер, выучит языки и лет через 5 выйдет на связь.

24 июня 1989

Суббота, утро. Цюрих

— Вы хорошо играли, — сказал Любимов на поклонах. Прием был ошеломительный. Зал огромный, битком набитый. Это бред какой-то, а не жизнь. Хороший бред. Принесли книжки, в том числе Алешковского и Оруэлла. А читать мне некогда, мне надо проехать весь путь от гостиницы «Заря» до Загорска, потом обратно и проснуться 19 июня 1988 г. Я плачу, потому что покупаю то, что у меня украли 14 июня, в день премьеры «МТ».

На пресс-конференции Любимов ни словом не заикнулся о своей труппе, которая, как бы там ни было, служит ему раболепно. Другого слова не скажешь. Разве при другом была бы такая безропотность со стороны всего театра во время расправы над Дупаком. Это что же такое... В том числе и с моей стороны. Только в спорах с ними я защищаю Дупака, а практически... Сказал ли я открыто на худсовете, что заявление Дупака об уходе вызвано возмутительным к нему отношением со стороны руководства и приближенных к нему?

Ну вот и кончен бал. «Хорошо играл», — сказал мне Любимов и хлопнул по плечу. Вот ради этих слов и подобных живешь, и смысл твоего подвига — в них. Говорят, будто бы сегодня спектакль прошел лучше, хотя голос мой слабо звучал, не было вчерашнего металла. «Das ist fontan» — эта шутка мне удалась, и шефу понравилось. Наши выпивают прощальный стакан вина. Я попросил воды, налили из-под крана. Но здесь такая роскошная, вкусная холодная вода из-под крана, что... хорошо. Ванька весь спектакль торчал в театре — вот манера, ждать халявного стакана. Нет, я не хочу с ним ездить, назойливая муха. А сегодня, говорят, он опять в 4 утра поднял весь отель, матерился и орал в номере. Что же это за наказание! И потом выясняет, почему одним сходит с рук, а другим...

25 июня 1989

Воскресенье — отдай Богу

Губенко записал Ванькину матерщину в автобусе на пленку. Это документ зверский, в любой момент можно дать любому послушать (Жанне), и для Ивана это может скверно кончиться. Ванька говорит, что он и меня записал, но я в самолете объяснялся ему в любви (а ты меня любишь, Коля?) и говорил, что ему нужно уходить. Обсуждал и Любимова, впрочем, все это...

Господи, дай нам мягкой посадки в Москве! Первый раз из-за границы не везу никаких подарков. Мысли радостные путаются с тревожными, неопределенными. Болтаюсь я по жизни и изменить

себя не могу. Все думаю теперь о большой удаче, что предрекла мне Полицеймако как компенсацию за ограбление. И подумал; а может быть, это моя повесть «21-й километр»? Если так — я согласен. Надо думать, отрешиться от всего и писать, писать, пока острота чувств не исчезла. Я сильно звенел, проходя через магнитный контроль на таможне Девушкам нашим я объяснил это явление так: «Это завсегда я звеню... потому что я больной, больной, больной, яйца медны, х... стальной». Это объяснение пришлось им вполне по душе, было видно по их довольным красивым, молодым, «малышевским» лицам.

Я был поражен и сражен первым Алкиным спектаклем — злая, крепкая, крикливая, резкая. Но я не мог видеть этого со стороны и не знал, хорошо ли это. Вчера она играла обычно, и я услышал реплику Любимова: «По направлению это вернее» — ему эта энергетика по душе пришлось. Теперь она читает «Русскую мысль» от листа до листа.

26 июня 1989

Понедельник

Кстати, в аэропорту дали мне газету «Московский комсомолец», где сообщалось о краже в квартире Золотухина. «У таких людей нельзя воровать дважды», «он любим народом» и просьба к ворам: все мне вернуть. Трогательно. Теперь отбою нет от сочувствующих звонков.

27 июня 1989

Вторник. Поезд

Я боюсь за безнадзорный почтовый ящик сегодня. Наделать он может непоправимое. Хотя вчера состоялась резкая беседа: «Не читай письма, не адресованные тебе, не слушай чужие телефонные разговоры, не читай чужие дневники, и беда минует тебя. «Ты с Шацкой разошелся, потому что она много знала о тебе». Очень может быть. Ах, так? Ну, ловите в другом месте. Это, конечно, не оправдание моих преступных действий против семьи, но и семья, как сказал Заратустра или Магомет, первый враг человека.

18 июля 1989

Воскресенье

Что же это такое? Не едет Распутин, не едет Астафьев, Белова не отпускают с сессии. А все из-за Егора Исаева, который возглавляет всю шайку. Бондарчук опять с семьей. Коля Бурляев — автор «Современника». Это мне на хвосте сорока Ащеулов принес с утра. Ищу Крутова, чтоб вручить наше корявое, безграмотное письмо. Звоню в Электросталь.

Как мне было страшно сегодня ночью — оказывается, я не хочу умирать, оказывается, я не хочу стареть. Во как!

Симпатии привлек давно
Артист театра и кино.
Талантлив, звание имеет
И ведь еще писать умеет.

Ал. Иванов

Быть может, я сделал какое-то полезное дело сегодня? Я отдал наше письмо Коротичу, и он обещал поставить его в номер.

18 июля 1989

Вторник

Всю ночь под впечатлением прочитанного интервью с Дыховичным о Высоцком — высокоумно, остроумно, самостоятельно, просто великолепно. Я узнал Володю, живого, нормального, со слабостями и «сильностями». Глаз у Ивана потрясающий и изъяснение точное, легкое, образное. Молодчина! Куда нам (особенно Веньке) со словесными выкрутасами, к образу В. В. отношения не имеющими, ничего не говорящими.

Арабская пословица у Шаламова: «Не спрашивай — и тебе не будут лгать».

19 июля 1989

Среда, мой день

В некоторых церквях служили панихиду по убиенному царю и семье его. В Соловках, на выставке истории его... Ленин во главе. Нет, вынесут россияне этого дядю из мавзолея — грядет новая гражданская.

Получил пакет из Электростали, книжка должна получиться весьма достойная, иллюстрации смотрятся великолепно. Самое большое уродство психики — тщеславие. Я думаю, как мне построить применительно к Шукшину свои выступления. Какой костюм взять? Хочется сказать так: здорово, земляки! Потому что мы все сегодня в этот час на этой земле — земляки, земляками нас сделал В.М.Ш., его великое искусство, его Сростки, его Катунь, его земля от Владивостока до Кавказа, от южных гор до северных морей. Писатель рождается каждый раз, когда страницу его книги открывают новые глаза.

От энергии правды и непримиримости В.М.Ш. загорелось много сердец. Его биокольцо продолжает снабжать положительной энергией тех, кого оно выбирает. Его душа, его разум сейчас наблюдают за нами, и прав Распутин, говоря, что постоянно есть чувство вины перед ним, что мы что-то не сделали важное, хотя обещали и порывы были.

8 августа 1989

Вторник, заканчивается

Держу в руках свою книжку и не знаю — радоваться или нет. Издана потрясающе, но что за тексты, как они придутся. Читаю

один раз — отвращение, читаю второй — нравится. Один и тот же текст по-разному.

16 августа 1989

Среда, мой день

Вчера занимался дневниками, комментариями, что подготовила Буденная. Но даже в таком виде их нельзя печатать, тогда уж действительно выбьют окна и изобьют или чего хуже сделают. Тогда и впрямь «в глушь, в Саратов» или Уфу прятаться.

С а й к о:

— Куравлев просил не забыть и поцеловать тебя за выступление на шукшинских чтениях. Несколько раз просил не забыть и обязательно тебя расцеловать.

«Вез я девушку трактором почтовым...» Остановил гаишник, узнал. Потом сам заводил мне машину, у которой капот не открывается и клемма у аккумулятора отходит. Давил на капот, кое-как вскрыл — я опаздывал неммыслимо.

Г у б е н к о:

— Извини, скажу не очень остроумно. Но мне наконец-то удалось разбить семью Бортник—Золотухин. Скажу, что сделал это сознательно...

Коля не знает, что тот и другой в завязке.

20 августа 1989

Воскресенье. Эдинбург

Зам. директора Театра на Таганке

Ефимовичу А. М.

Главному режиссеру театра

Губенко Н. Н.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Убедительная просьба предоставить мне отпуск за свой счет с 15 октября по 30 октября нынешнего года для поездки в Австралию по линии патриотического общества «Родина» для проведения творческих встреч с нашими соотечественниками за рубежом.

В. Золотухин

Пулял немножко. Никакой это не злак, это просто высокая, сухая трава, а горы дикие специально оставлены в центре города. Скалы, газоны, чайки, асфальт идеальный, левосторонние машины, порядок, традиции — культура — обидно за Россию, Обидно за Родину свою многострадальную. Неужели сами виноваты или на все воля Божья? Как ведешь себя по отношению к Богу, так и он относится к тебе.

Губенко пока положительно отнесся к моему заявлению по поводу Австралии. До 15 октября Любимов доделает «Пир», раза два сыграем, Николай в октябре уезжает на месяц в Штаты — значит... а-а, так вот он еще зачем Шопена потащил. Он хочет все-таки

вести его в октябре. Шопен под присмотром (а куда ты денешься?) Любимова и сыграет Годунова. «Высоцкого» не будет. У меня один «Живой». Два раза сыграю в октябре — и хорошо. Так что страна Австралия может спокойно у меня получиться.

Губенко:

— Я знаю, ты общался с Дупаком...

— Нет, он мне звонил, но мы не встречались с ним.

Мне только что сообщили, что сегодня Дупак вышел на работу. За время своей так называемой болезни счетчик его автомобиля накрутил не одну тысячу километров, он объездил сотни инстанций и пр. Он официально назначен директором культурного центра на Таганке и при этом еще хочет сохранить за собой театр. Я знаю, он собирал рабочих, чтоб они выступили в защиту его и просили не уходить с поста директора.

Лежал и вдруг подумал: может быть, и не зря я живу на этом свете. Дерево посадить?! Я сад посадил, свою антоновку грызу, свою вишню, облепиху, смородину, малину ем. Детей родил. Хотел бы дочку еще, Олю. Ну, что ж... Хорошо ли, что отец нас от разных матерей нарожал? Кто из нас счастлив-то?

Из театра ушел Дьяченко. Это значит, что 2-го сентября «Вишневый» идет последний раз. Так оно и будет. Заноза Любимова вырвется обстоятельствами. На этом можно считать эпоху Эфроса на Таганке канувшей в Лету.

Вчера к концу утомительной репетиции из Лестера прилетел Любимов. Я успел ему шепнуть про Австралию. «Ну, посмотрим». Сегодня премьера. Господи, пошли легкости, пошли скорости и коллегам, и мне! Любимов улыбочиво-вежливо, с наклоном головы и корпуса, поздоровался за ручку со мной, целоваться я не привык ни с кем. Это тут же компенсировали Жучка и Антипов. Надо сохранить на двух первых спектаклях голос. А там уж как Бог пошлет.

Любимов:

— Дорогие господа артисты! Мы находимся с вами в одной из самых театральных стран. Здесь про это дело знают все. Денег на искусство госпожа Тэтчер не дает, все держится на меценатстве. Этот фестиваль еле-еле держится за счет города, за счет людей, заинтересованных в том, чтобы в городе проходило ежегодно такое культурное мероприятие. Они видели все и удивить мы их можем только ансамблем и настоящей отдачей, настоящим общением, оценками обстоятельств. Так что, как говорится по-русски, давайте не ударим в грязь лицом.

Он в Лестере ставит спектакль «Гамлет» памяти Вл. Высоцкого. Программа спектакля с «похоронным» портретом Владимира. Все на продажу? Нет, здесь это выглядит по-другому. Это раздвигаются границы славы нашего поэта и актера. Если вдуматься, это замечательно. Немножко «на продажу» есть, конечно, но совсем немножко.

Впереди спектакль. Я не делал сегодня большую зарядку, чтоб не устать, но — удивительное дело! — который день чувствую себя

утомленным. Четыре спектакля подряд! И за те же суточные, что у всех остальных моих коллег.

Мерещится мне, мечтается мне моя жизнь на даче. Примут меня, авось, наконец-то в союз писателей, в театре буду играть только три спектакля (а «Чума»?). Буду доделывать внутренности своей загорской берлоги, топить печь и писать рассказы. Так хочется пожить. Потом подует зима, повалит снег, я надену валенки, возьму лопату и буду откапывать и топтать дорожки. Заведу собаку и кошку. Это что-то уже из Мамина-Сибиряка началось. Какое-то Зимовье. А как же ездить зимой в театр? Да никак. Уйти, на хрен; совсем. Зажиреть окончательно и спиться.

Надо срочно развязаться с этим романом! Они мне не могут простить, что он назвал меня в анкете своим лучшим другом. Не ему, а именно мне они не могут простить. Так уж человек устроен. В частности, Сева Абдулов, да и Ванька тот же. Уж не говоря о Володарском, который ему землю подарил под дом.

Принял предложение Николая съездить завтра на природу, на ферму какого-то шотландца с квартетом им. Шостаковича.

27 августа 1989

Воскресенье

С утра бурное обсуждение израильской проблемы — ехать или не ехать. Кашу заварил Любимов. Но евреи после возвращения ему гражданства СССР отношение и к нему, и к Таганке, кажется, переменили. Теперь они принимают Малый, Ленком и пр., а нас с января перебрасывают на май-июнь, на фестиваль. Неделя пребывания, два названия («Мастер» и..?), 5-6 спектаклей. Условия, как во всем мире, — 25 долларов суточных и все. В Израиле Петьке жить и Катьке жить пока. Конечно, Любимову будет неприятно, что Таганка в Израиль не едет, но мы (худсовет) решили отказаться от таких гастролей, мотивируя несопадением производственных планов театра с временными и финансовыми условиями данного фестиваля.

«Габима» ушел в сторону. А Любимов, оказывается, никогда и не был худруком «Габимы», он был там рядовым режиссером. «Добрый» (раскритикованный) и «Закат». Была у него разумная мечта — Таганка в Израиль, «Габима» на Таганке. Но времена и ситуация резко переменились. И теперь ему худо. Он нигде не нужен, получается. В СТД от Таганки в глазах рябит, если у нас страны мелькают, как спицы в колесах. Что о нас думает секретариат СТД, он ведь в эти гастроли достаточно рублей и валюты вложил. А впереди ФРГ и пр. Говоря сейчас по телефону с Любимовым, Губенко сказал, что гастроли прошли блестяще. Ну что ж, пойду прощаться с Эдинбургом, которого, как и Стокгольм, я, в сущности, не видел.

Я прогулял 4 часа и, в общем, с Эдинбургом познакомился. Поразили волынщики в парке, у подножия замка. Теперь Эдинбург я буду вспоминать по этим клетчатым юбкам, по этому пицанию волынок, и Эдинбург уж не будет мешаться у меня с Цюрихом.

Доел полбанки свинины с картошкой, которую поставил утром

варить, да забыл про нее в связи с еврейским вопросом. Кстати, Жучка снова было начала:

— А что делал Дупак десять дней в Израиле?

— Да при чем уж теперь Дупак...

— Нет, я хочу раскрутить это с начала!

— Дупак там был до того, как Любимов принял советское гражданство.

И эта моя реплика, кажется, просветлила всем мозги. А то опять хотели на Дупака всех собак спустить. Как ему помочь, черт возьми! Нельзя же стоять в стороне. И есть предчувствие, что в связи с новыми гражданскими обстоятельствами Любимов не захочет осложнять себе жизнь внутренними проблемами, скажем, борьбой насмерть с Дупаком. Зачем? Или же как раз наоборот. Без конфликтов он себе жизни не представляет и хоть тут, да будет воевать. И это ему дает повод перед собой и Катей искать прикрытия, работу на стороне. «Странствующий гений», как его называют в рецензиях. «Знаменитый театр знаменитого Любимова». А аплодисменты мы «вымаливали», по выражению Демидовой.

29 августа 1989

Вторник, аэропорт «Хитроу»

Вьяснил у Губенко вопрос о Дупаке.

— Нет, Валерий, я с ним работать не буду. И Петрович не будет, он это на последнем собрании заявил однозначно.

— Перемирия быть не может, и для тебя это вопрос решенный?

— Да!

— Ну, все ясно.

Да, теперь все ясно и мне. Дупаку надо уходить и нечего теперь уж мутить и без того мутное болото. Вставать на защиту Дупака?! Каким образом и во имя чего? Ну не хочет эта жена спать с этим мужем, ну что тут поделаешь! Насильно мил не будешь. Профсоюз не поможет в вопросе эрекции и осеменения. Что делать? Красиво уйти. Не уходить же им. Та же ситуация, что была с Коганом.

Дупак жаждет разговора, всех обзванивает, я от него бегаю. Но надо и сказать ведь что-то. И разговор состоялся. Взял у профессора спирта для Куприяныча. Сбор трупы. Речь Губенко. Приказ управления о назначении Дупака генеральным директором центра с освобождением от обязанностей директора Театра на Таганке.

23 сентября 1989

Суббота

Разговор в ресторане гостиницы «Волгоград».

— Почему вы так не любите Высоцкого?

— Откуда у вас такие сведения?

— Для волгоградцев это очевидно.

Я повернулся и ушел.

24 сентября 1989

Воскресенье

Надо подать заявление и уйти из театра от Бортника. Или написать ему какое-то письмо коллективное и повесить на стенку. Разговор с Ванькой может быть только мужской, а я на него не способен. И это соседство квартирное с ним, куда от него деться?!

25 сентября 1989

Понедельник

6-7 декабря в киноцентре предполагается провести мои творческие вечера. Для этого делают с меня шарж, должны сфотографировать для афиши, для рекламы. А я должен подумать над программой.

Сестра Лены Соколовой, Ирина, после «Живого»:

— Вы гениальный актер! Вам не в этой стране жить надо!

Вот так!! А я русский актер, я только здесь и «гениальный». А жена говорит, что я средний актер. Как после этого ее не бросить?

Израильяне в восхищении от «Живого», и от Кузькина в частности. А финны взяли «Высоцкого» и «Дом на набережной».

Глаголин:

— Валера! Я ужаснулся на худсовете, как вы с Губенко ненавидите друг друга! Какие вы разные и непримиримые, хотя внешне все вась-вась, все нормально. Но противостояние страшное.

Кто такой Юрий Карабчиевский?! Потрясающая повесть о Маяковском!! И о всех нас.

26 сентября 1989

Вторник

Около двух часов стоял в очереди — рубахи стирать. Через полтора часа голос приемщицы на весь мир: «Золотухин последний, за Золотухиным не занимать!» А пропустил меня интеллигентный человек, которого последним обозначили, отобрав у него белье. И каждый, кто приходил, потом спрашивал: «Кто с рубашками последний?» Толпа хором: «Золотухин последний!» На это я про себя думаю: «Дотерплю, ибо в Писании сказано: кто был первым, станет последним, а последний станет первым. Сегодня у нас Золотухин последний? Пусть будет так».

Филатов загремел в больницу. Пневмония. Что ж это делается?! Шацкая говорит — недели две, пока всего не обследуют. Он лежит в отдельной палате, где есть вторая койка, и Шацкая договорилась, что она там будет жить. Вот это любовь! Если это действительно две недели, то как же «Пир»? Без Ленки его выпускать не будут. А потом я улечу в Австралию, а без меня, я надеюсь, тоже выпускать не станут. Как же быть? Пусть выпускают «Преступление». Эту

идею надо Николаю подсунуть, посеять. Сам Николай сегодня улетел в Копенгаген. И будет 1-го! 28-го «Годунов» пойдет с Шаповаловым и со мной. Дай Бог Шопену.. Когда-то я с народом ходил к нему. Шопен, сыграй Годунова! Час пробил! Сегодня отменили «На дне», отменил его Николай еще вчера, думаю, не без подачи Бортника. Филатова увезли ночью. Разваливаются организмы вместе с театром.

29 сентября 1989

Пятница. Липецк, гостиница «Липецк»

В «Современнике» мне Карелин, Джавадян, а потом и Фролов (вошел) предложили добавить в книжку несколько листов и через год издать с исправлениями ошибок, с теми же иллюстрациями, но другим объемом и, может быть, под другим названием.

И я пообещал начальникам добавить 8 печатных листов, имея в виду дневники, «Зыбкина» и «Театральный роман». Обещал сдать к 15 октября. Просил никого не наказывать. «Да, вы сами во многом виноваты. Но замечание мы вынесем, выговор не будем объявлять, а замечанием обойдется».

2 октября 1989

Понедельник

Утром съемки «Бориса» для Би-би-си. Дали в конверте по 30 фунтов английских. Это что-то замечательно новое.

11 октября 1989

Среда, мой день

Вы думали, я провалюсь в этой роли, а я опять сыграл — так мне Любимов помогает на репетиции обрести уверенность и воздух для полета.

19 октября 1989

Четверг. Сидней

Просто так — Сидней, Австралия. Ощущения, что я на другом континенте, нет — капстрана, как Швейцария, как Англия, как даже Греция. За неделю было событий до черта. 12-го премьеры и слова Любимова: «Молодец.. Ты, положи руку, спас положение...» Вот так. А сын его Никита шепнул заговорщически: «Ты всех переиграл». В общем, я праздновал победу. Пил шампанское, заехали за коньяком. Потом к нам с Иваном и Ракитой.

На стр. 157 книги Марины Влади есть и моя фамилия в числе тех, кто не завидовал В. Высоцкому. Но вообще странный слог, непривычный — я понимаю, почему она может вызывать такие неадекватные реакции читателей.

20 октября 1989

Пятница. Сидней

Клуб Хакла. Идет репетиция — свет, радио. На этот концерт все евреи основную ставку делают.

Но и репетиция ничего не обнаружила. Как пойдет и что мне делать?

21 октября 1989

Суббота. Сидней. Русский клуб

Что можно сказать за вчерашних евреев? Они принимали нас потрясающе, хохотали, все понимали, и есть надежда, что они в какой-то мере спасают наше положение. Я вспоминаю Тамару, которая говорит, что в жизни ей помогли только евреи. Работал я вчера около часу, и мои партнеры были благодарны мне. Генерал Завеса Аркадий сказал, что я забил всех. Ну, дай-то Бог! Концертмейстер Мэри так наложила в штаны, что вместо Каретникова играла мне похоронный Шопена. Ну раз, думаю, ошиблась — нет, во всех четырех вступлениях она упорно играла свою музыку, глядя в правильно записанные ноты. А радист отключал мне микрофон, думаю, сознательно, потому что я поволок шнур, прикрепленный липучкой, и прокомментировал: «Капиталистический, выдержит!» Генеральный консул сидел в первом ряду, но к нам не зашел, послал секретаря, который как-то меня проигнорировал, а может быть, я его. Как бы там ни было, рожа была жеребьячья и успех огромный и радостный. Иное дело — белогвардейцы. Русский клуб, люди, родившиеся вне СССР, проблем наших не знающие, монархисты. Как-то будет с ними и что делать им. Бог с ними... Некому отчет давать. Лишь бы голос звучал, а он вчера зазвучал только на гавайском вечере, где я пел «Ой, мороз», «В тот вечер я не...» и, что больше всего поразило, «Во субботу». Казарма гудела до 5 утра. Я в рот не беру спиртного и выгляжу героем после аэрофлотовской пьянки, которая была обусловлена успехом «Пира» и словами Любимова о Дон Гуане. Вот я и праздновал победу, хотя еще рано, рано... Надо развить и закрепить, а как это сделать — текст не взял с собой.

Конечно, Рудольф — гений импровизации и приспособляемости к среде. Мне только кажется, консулу и советникам не совсем понравилось, что он всю эту бежавшую публику все время называл «родные», «дорогие», «близкие наши». Это смешно.

Богина — как всегда.

24 октября 1989

Вторник

Разговор у Ирины о коммерческом киноискусстве — Тарковский был зануда, делал занудные фильмы, в которых гениально выразил свое занудство. Зашел разговор о Таганке, Любимове. Возник

ла тема молодой жены, и тут ее глаза заблестели. Она долго говорила о маразме Феллини, который женился на девочке или девушке, на 35 лет моложе, она йог. Своими токами, посылами она как бы навевала ему прошедшие сны, и он стал лепить такой маразм! Молодость — всегда другие скорости, другая энергия, другие цели. Микитченко пытался привести резон Чаплина: и он три фильма последних снял, которых никто не видел, полный провал, фиаско...

Я думаю, Любимов — такой же случай. Почему, думаю, она с таким упорством и такой отработанной, накатанной аргументацией так нервно-болезненно и яростно отвергает благотворность для художника соседства молоденькой жены. Сомов открыл мне глаза — он с ней на кухне кофе готовил и посуду очищал от цыплят обглоданных.

«Ночь в Византии». Это что такое? Я не читал этого романа. Но то, что эта проблема стоит и в «зеленой тетради», совершенно очевидно.

26 октября 1989

Четверг. Мельбурн

Живем в гетто. Уже не в казарме, а в гетто. Рудольф в одной постели с Беном. Доехали с горем пополам, хотя горя, если разобраться, особенного не было. Ну, сломали Венке колесо, ну, литр бензина остался, но ведь заправились. Бен влил мне в кофе женьшеневого состава, с ноготок, и я запел про черного ворона, и славно. Все равно хорошо. Ну где ты еще увидишь гуляющих по тракту попугаев, на манер наших воробьев выклевывающих корм из лошадиных говен? Ну где? Нигде, кроме как в Австралии. Много и с добром вспоминали с Рудольфом театр им. Моссовета и людей.

Так что накапливаются положительные эмоции. А поля? Чернильно-фиолетовые квадраты! Краски нашего цветного телевизора! Это что?! Нигде не видел.

Концерт. В зале 60 человек. И даже то, что не приехала Ротару, нас не спасло. Но принимают хорошо, зал весьма приличный. Пошли по новому графику, с антрактом. Я закончил первое отделение под «браво!».

13 ноября 1989

Понедельник

В театре страшные события грядут.

- 1) Губенко, очевидно, — министр культуры.
- 2) Любимов ищет скандала с труппой.

20 ноября 1989

Понедельник, вечер

Как хочется, чтоб скорее минуло это 22-ое. В «Московском комсомольце» мерзопакостная статья про нашего министра — все

припомнили, «в чем был и не был виноват». Сегодня отвез приглашительные на ужин в «Славянский базар». Встречался с композитором, помял машину — задел меня немного грузовик. Взял декабрьский репертуар.

25 ноября 1989

Суббота

В понедельник 27-го ноября меня будут в члены СП принимать. Но что-то волнуется Дурова, подкрепиться бы надо, а кем...

Сегодня приезжает Любимов, что-то будет на нашем горизонте. Как-то они с министром уживутся. Говорят, нас вчера в программе «Время» казали, министр на гитаре играл, а мы подпевали.

26 ноября 1989

Итак, Любимов прилетел, будет к спектаклю. Надо не огорчить его своей игрой. Но придирааться он будет все равно. К этому надо быть готовым.

1 декабря 1989

Пятница

Неприемка моя в СП, быть может, — результат смычки с «Московскими новостями». Умер Натан Эйдельман. Любимов рассказывает: когда покидали зал Бондарев, Астафьев, Распутин, Белов, все смеялись. Один Эйдельман был мрачен и сказал: «Так же вначале смеялись над фашистами. Вы смеетесь, а мне не смешно. Это моя смерть...» Последние его слова, и вот результат.

Любимов, как всегда, все перепутал. Вышли из зала «апрелевцы», а перечисленные им товарищи к московской партийной организации никакого отношения не имеют, а потому присутствовать на сем сборище не могли.

2 декабря 1989

Суббота

«Ничего, мы что-нибудь придумаем...» — эти слова Скарятиной Кондакова расшифровала так: очевидно, она хочет написать апелляцию от бюро в секретариат. Ничего не понимаю, но опять какая-то надежда. От Надежды.

21 декабря 1989

Четверг

Ужасающе тяжелый день. Эта показуха Любимова, бесконечные заявления — «я был изгнан», «я живу в Иерусалиме», «у меня израильский паспорт, советский мне не нужен...» И как не хочется

с ним ссориться, и как не хочется работать. Может быть, это сегодняшнее настроение?

23 декабря 1989

Суббота

Вчера Любимов, в шубе голубой, в запарке и суете уехал. До Рождества, и даже до конца февраля. Сунул мне букетик гвоздик.

— В новой работе будешь участвовать?

— Обязательно.

— Ну, ты понял, как строится композиция?

То, что Любимов пытался с Михаилом Карловичем Левитиным объяснить труппе о контрактной системе некой «Ассоциации», я записал на магнитофон, хотя делаю это зря, трачу пленку, а расшифровывать ее некому. Надо вернуться к дневниковым записям, это хоть и не так подробно, но верно.

И еще вчера звали меня Шацкие-Филатовы в бар на коньяк за показ удачной сцены «у фонтана». Любимов произнес такие слова: «Играть... работать... выручить... даже в таком виде она лучше (имеется в виду Сидоренко)...»

Нинка праздновала победу, и я искренне рад за нее. Она переступила, преодолела страх... это ей нужно было сделать для себя. А я, глупец, накануне отговаривал ее под влиянием своего настроения...

26 декабря 1989

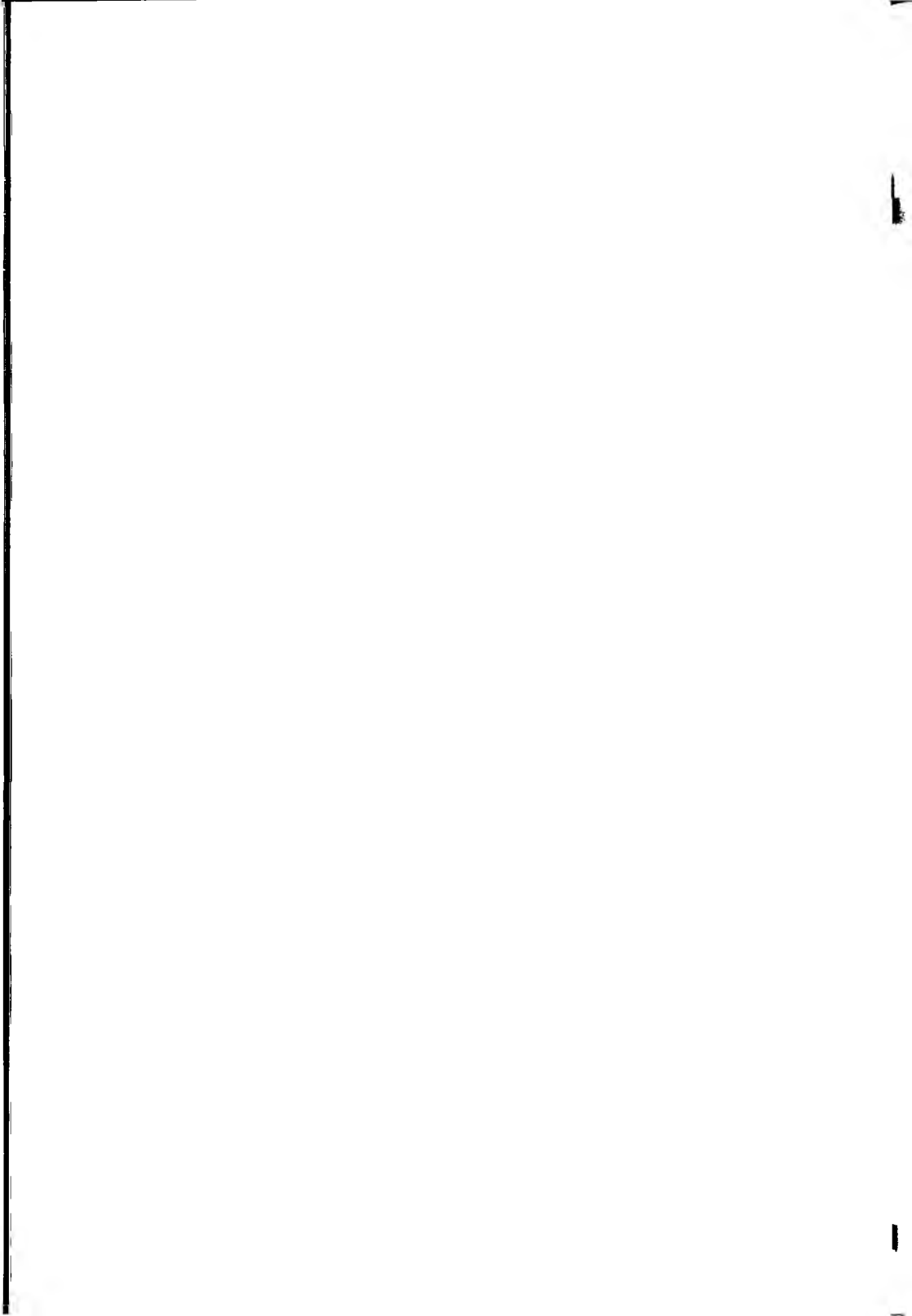
Вторник

Потом Дом Актера, благотворительный фонд. Читал стишки, два петуха пустил, но объяснил актерской братии, что вот, дескать, с министром культуры играл «Годунова», видимо, перестарался и охрип. Что же будет, когда мы с членами Политбюро начнем играть? А в Румынии казнили Чаушеску и жену его Елену...

Я живу будущей книгой, будущими «Дребезгами». Шампанское не тронуто. Надо найти письмо Гоголя. — Я совершу.

Часть 5

Мой Любимов

1990

25 января 1990

Четверг

Вчера какое-то странное мероприятие у нас было в театре «Таганские среды».

Вел Вознесенский. Я какие-то слова произнес. В его защиту. Он целовал меня. Были мы с Сережей. А Сережа у Шацкой был, кассеты брал и... «Она меня так хорошо накормила... первое, второе...»

27 января 1990

Суббота

А Досталою спектакль понравился. «Вас Любимов погрузил в какую-то атмосферу... И стол, и костюмы, и решение персонажей... Нет, это все очень хорошо... И ты прекрасен, и ваш тандем с Аллой... Это уже больше, чем простое партнерство... Рядом с таким Сальери такой хилый Моцарт... Он человечески мелок — без судьбы и характера... Он вашу компанию портит, и Сайко... Ну, что это...» Говорил долго и хорошо.

28 января 1990

Воскресенье — отдай Богу

В театре полный развал. Я такого не помню даже в самые худшие времена. Впрочем, когда они были — «худшие»? Когда уехал Любимов? Театр бурлил, да, но, кажется, было и сплочение какое-то и духовная крепость. Уходили артисты. Ну так что ж... И вот расплата за всю безнравственность наших руководителей. Начиная с разговоров о кризисе театра во времена Эфроса, со снятия Дупака. И пришли мы к разбитому, неуправляемому корыту. Смирнов в горячке, пьет и срывает спектакли. Хитрый и коварный Бортник придумал себе опять не то большие зубы, не то ангину. И летят спектакли один за другим. Корнилова улетела в Америку, никого не спрося и не поставив в известность. Золотухин отказывается играть «Годунова» лишний раз, ему наставили спектаклей через день. А ему вводить Щербакова за Смирнова. Это большая потеря для спектакля «Живой», но отменять нельзя,

и неизвестно, когда появится Смирнов. И выйдет ли Ванька на «Живого», если он Пимена играть отказывается, ссылаясь на болезнь.

29 января 1990

Понедельник

Можаяев, которого я встретил 25-го в день Высоцкого:

— Валерий, привет! Ну, я этим сволочам дам... Главному я уже выдал. Они ведь из-за меня тебя в союз не приняли, из-за моей статьи... Помнишь, я тебе говорил, где я всем сестрам по серьгам... Это против меня интриги. Но ты не расстраивайся, ты будешь в союзе, ты пиши... И имей в виду, что я ни единым словом не солгал, не польстил в рекомендации. Я это написал не потому, что ты мой герой, мой летающий белокрылый лебедь или мой друг. Нет, это действительно так, книжка хорошая у тебя.

Энто мне очень по душе пришлось — ни единым словом не солгал, не польстил.

Что происходит в стране? Воюет Кавказ. Отделяется Литва. «Память» громит «Апрель», «Память» открыто объявляет, что 5 мая будут погромы. «Сионисты и породненные с ними люди — вон из России!» Вот это формулировочки. Даже Гитлер был мягче с «породненными с ними людьми». «Лигачев — последний оплот борьбы с сионизмом».

Шекочихин и Мурашов делают депутатский запрос министру МВД Бакатину: призвать к ответу за агитацию национальной розни, войны и пр.

О чем думает сейчас Горбачев? По всей социалистической Европе идет распуск компартий... Хоннекер в марте предстанет перед судом за измену родине. Живков и семья под арестом. Чаушеску расстрелян. Трещат наши обкомы. Их выгоняют в полном составе бюро. О чем думает Горбачев? Что он скажет в свое оправдание на пленуме, когда высшей партэлите повысили зарплату на 40%? О чем он думает? «Когда наши идеи идут по миру!..» — воскликнул Каганович и не поправился. А может быть, изречение вещее принадлежит Хрущеву? Это скорее похоже на его стиль.

30 января 1990

Вторник

Какая зеленая жуть одолела меня с утра, когда я глядел из четырех окон моей трехкомнатной камеры на мировое пространство! Неужели этот полет сорвется у меня? Этого я не перенесу. А снег валит и валит. Но лучше уж не улететь, чем не прилететь вовремя. Положись, Валерик, на судьбу... и на Бога. Он-то ведает, что творит.

Распутин открытку с Парфеноном прислал. Так написано мелко, Тамарка в лупу расшифровать не могла. Однако ж, как смог...

«Вот так, дорогой Валерий Сергеевич! У нас Парфенон поболел... Все вроде то же, а попрigoжей, потому что только что от его стен, только полтора месяца прошло. И забыл бы — да твоя открытка напомнила, что родительскую во многих смыслах для нас страну посещал и с древней цивилизацией знакомился. За цивилизацию «спасибо» не скажу, заросла, а за православие поклонился. С наступающим Новым годом, Валерий! Будем надеяться, что проведем его в добром здравии, несмотря на предчувствия, предсказания и хреновое настроение. Слушал твое слово у Шукшина — очень и очень хорошо! Тамаре и Сереже кланяюсь. Тебя обнимаю.
В. Распутин».

2 февраля 1990

Пятница

Сегодня у мемориальной доски Мейерхольду будет возложено цветов — пятьдесят лет со дня гибели. Поминать будем всех деятелей культуры, загубленных Сталиным.

Са по ж н и к о в: «Ты, писатель, объясни мне как психолог: отчего все малярши неземной красоты существа? Именно малярши... Боттичелли... Ну, почему?»

3 февраля 1990

Суббота

Дал телеграмму в «Советскую культуру»:

«В этом году исполняется десять лет со дня кончины Владимира Высоцкого. Предлагаю переименовать ныне существующую ул. Шверника в улицу В. Высоцкого. В доме № 11, к. 4 по этой улице с 1963 по 1975 год жил Владимир Высоцкий. Теперь там живут его внуки, Наташа и Володя.

Напомню, что на похоронах В. Высоцкого в 1980 году представителем Управления культуры Моссовета было официально заявлено, что в ближайшее время одна из улиц в Москве будет названа именем В. Высоцкого. До сих пор этого не случилось.

Нар. артист РСФСР Валерий Золотухин».

4 февраля 1990

Воскресенье

Лисконог* возник. «Встречи для вас» — московская программа. И уже трушу. Меня по телефону зрители будут спрашивать о политике, о «Памяти», о евреях, о национальных отношениях, о Высоцком. Я так косноязычен, смогу ли я сохранить достоинство? Как я буду изъясняться, лишенный матерного слова, мыча и пр.

* Лисконог — в прошлом актер театра.

8 февраля 1990

Четверг

Демидова. Стоим в окне. В финале. Граббе-Басманов ведет сцену.

— Что это с ним случилось? Он стал быстрее играть.

— Да, действительно. Я тоже заметил сразу и подумал, что это ты ему сказала.

— Что ты! Боже упаси! Я в этом театре только с тобой могу разговаривать, тебе могу сделать замечание. И Володе в свое время могла что-то сказать.

Это прозвучало комплиментом царским. Хотя она прекрасно знает, что врет. Сколько она на «Вишневом» в свое время всем, как говорится, дерьма накидала. Целые драмы получались из этих поучений.

26 февраля 1990

Понедельник

Митинг, которым нас так пугали большевики (нагнали войск в столицу из страха, что народ пойдет на Кремль), прошел без скандала. Но на этом дело и закончилось.

Нашему министру досталось, говорят, на митинге за палки в колеса Народному движению — его выступление по ТВ. Ну что ж, Коля вступил с ними в игру. Теперь мы вспомним, за что они (Любимов, Смехов и др.) упрекали Эфроса. И где та граница, за которой начинается эта игра?

28 февраля 1990

Среда, мой день, Курск

Я продаю свое прошлое — дневники, воспоминания о детстве. Все продаю — себя, родителей, друзей, любовниц, жен, детей. Все, что можно продать, я, кажется, уже продал, больше продавать мне нечего, потому что новых поступлений душа моя не имела от моей «деятельной» жизни. Вот и сейчас, когда решается судьба отечества, моего голоса в этой борьбе не слышно. Я жду, что то, о чем мечтаю в душе и сердце, сделают за меня другие. Я даже не знаю, кто мои депутаты в районе, куда они меня зовут, за что ратуют, я равнодушно, не глядя, бросаю бюллетень в урну с привычным: «Ничего все равно не будет, а если будет, то хуже». Привычка, ставшая натурой большинства, «терпимость равнодушна». И потихоньку пытаюсь устроить свои маленькие личные дела, заработать, хотя и не знаю для чего, потом пропить максимум, чтоб расчеловечиться окончательно и «на груди ее престальной счастливым быть» с сильным запахом кретинозности.

«Верстка прошла, все хорошо, я заказала для вас пятнадцать номеров, постараюсь еще пять раздобыть через заведующую ре-

дакцией», — это мне вчера сообщила Железнова. И эта фраза меня грела вчера целый день, греет и сейчас. Хорошо бы этой публикацией вызвать некоторый скандалчик, который стал бы своеобразной прелюдией, репетицией к большому скандалу после опубликования дневников.

Эрдман. Вчера на репетиции я как-то вывернулся за счет ба-сен, дав понять и Смехову, и партнерам, что я готовился и думал. На самом деле, я только всего и сделал, что прочитал какие-то машинописные интермедии, и басни мне показались спасительным вариантом — что-то культурное из этого выловить можно. Любимов, по словам Веньки, увидит, что можно слести из этого кружева. Он, как никто, умеет быть автором-сочинителем спектакля, быть в материале вольным, свободным — «чего захочет моя левая нога...» Ставить пьесу вчистую ему неинтересно, он в этом не силен и это понимает. Но пьеса старая, хотя и гениальная, как говорят... Черт его знает. Николай Эрдман — «Самоубийца». Идея... А я не самоубийца своего таланта?! «Безвременье вливало водку в нас». Нет, в меня вливало водку не безвременье. Хотя... закрыгие «Интервенции», закрыгие «Кузькина» — что это, как не повод напиться. Ах, батюшки светы... А бабы?! Но зато у меня есть Денис и Сережа!!

1 марта 1990

Курск, «Октябрьская», 0.20

Репетиция. Мы уехали, мы приехали, и Любимов мягко, деликатно:

— Пришла записка с вопросом: «Как вы расцениваете выступление Н. Губенко?» — «Как не лучшее». А что мне было делать? Дальше я пошутил — лучше бы он играл Ленина... Но, может быть, это лишнее.

2 марта 1990

Пятница

Итак, если я правильно понял Карелина и ситуацию с бумагой, книга должна выйти в 3-ем квартале, то есть срочно, по нашим понятиям. А для того, чтобы она набрала тираж, нужно убойно ее продать, сделать убойную аннотацию в несколько строк. Я это должен сочинить в кратчайший срок до отъезда в Суоми.

То, что я решил опубликовать, обычно завещают публиковать после смерти либо уничтожают при жизни. Но я игрок. И хочу выпить эту чашу при жизни. Хочу быть героем. Я решился на этот поступок, хотя кто-то назовет его богомерзким. Но посеешь поступок — пожнешь привычку, посеешь привычку — пожнешь характер, посеешь характер — пожнешь судьбу. Я хочу знать свою судьбу, будучи физически живым.

3 марта 1990

Суббота. Кухня

Кажется, я не зря встал в половине шестого. Какую-то «убойность» я сочинил. Прочитав подобную аннотацию, я тут же встал бы в очередь за книжкой «Дребезги».

Зачем я про Губенко ляпнул, что он не должен был бы выступать, а то хотел он или не хотел, но помешал кому-то прийти на митинг, выйти на улицу... А впрочем, все... Пусть знает. Габец* высказала альтернативную точку зрения, и хорошо.

5 марта 1990

Понедельник. Поезд

При выходе из вагона Любимов не поприветствовал меня, и Губенко не поздоровался. Сделал вид, что не заметил. А я думаю, ну да и хрен с вами, вот выйдут «Дребезги»... Ну и что будет, когда они выйдут? Ничего не произойдет. Нет, что-то должно произойти... что-то будет.

Губенко. О Шостаковиче, Соломоне, Волкове... родственники и т. д. Внедряться в подробности (книги). У таких людей так много толкователей их биографий, поступков, что надо дать отстояться времени, которое ответит, чем они были на самом деле.

Разделение труда между «Таганкой» и зарубежьем.

Л ю б и м о в:

— Из всех контрактов мне удалось девять месяцев провести на «Таганке». Но есть контракты, которые давно подписаны, и я не могу подвести компании и свою семью, ввиду неустоек, если я не выполню контракт. Сын говорит на пяти языках, поменял четырнадцать школ, хочет быть артистом.

Вопрос министру. Приезжают, уезжают. Третяк уехал... Как остановить поток самых талантливых художников?

— Останавливать не надо и остановить невозможно. Закон должен поторопиться. Вопрос эмиграции как некий раздражитель должен быть снят.

Л ю б и м о в:

— Видите ли, театр не должен бегать за сенсациями, он должен создавать произведения искусства. А над произведениями искусства время не властно.

Г у б е н к о:

— Я был бы против прямолинейного деления на друзей и врагов. У Л. пикантная ситуация — на месте министра сидит его артист, а он по инерции пытается режиссировать. Потом вспоминаем, что мы не на сцене... Гавел** был у нас в министерстве. Никулин пригласил в цирк, а я наблюдаю этот цирк каждый день. Ежедневный спектакль — Верховный совет...

* Габец Елена — актриса театра.

** Вацлав Гавел — в то время президент Чехословакии.

— Что означает Высоцкий сегодня для театра?

Любимов:

— Мы пытаемся ответить это нашим спектаклем.

Губенко:

— Запрещать будет история — это было хорошо, это было плохо.

Любимов:

— Еврейский вопрос — сознательное нагнетание напряженности, страха, а с другой стороны, очень печально, что какая-то часть людей сознательно способствует этому нагнетанию.

— Перед демонстрантами вы выступали. Вы не считаете, что это был промах?

— Не считаю. Журналист задал вопрос, я ответил, а дальше их дело — помещать этот мат или нет.

Губенко:

— Оказалось, что противостояние, противоборство власти и художников чуть ли не единственное условие процветания искусства. «Что бы сделать, чтобы закрыли спектакль?» — и приходит к выводу, что надо делать «Годунова», «Высоцкого». Моя беда — уровень информации о том, что делается в глубинке. А вдруг там где-то сидит молодой Любимов!

К актерам: изменился ли Любимов за это время?

— Стал еще лучше, чем был, — Славина ответила. — Как Христос возвращается...

Губенко:

— Театр не может быть без диктатуры, без хозяина.

Смехов:

— Когда отца не было пять лет — мы догнали по возрасту... Запад сохранил спортивную форму, а мы постарели, питание не то...

Постигница. Министр веселый, в своей манере, несколько нагло-ватато-обаятельный. И здесь ему речь в «промах» поставили, что там мое мнение для него. Это, пожалуй, самый пикантный вопрос был. Да еще, изменился ли Любимов. Что я такой тупой, ни на один вопрос ответа не знаю, а завтра у меня личная пресс-конференция и интервью.

Вот. У Красильниковой лишнего кипятильника нет.

6 марта 1990

Вторник

Репетиция долгая, но легкая. И шеф, и министр в очень неплохом настроении. Я опоздал на репетицию из-за интервью, но все обошлось. И интервью я успел дать, и сфотографироваться, и книжку свою переводчице подарить, чтобы она предисловие Можаяева перевела девушке-журналистке.

7 марта 1990

Среда, мой день. Суоми

Зарядка, молитва. Душ, завтрак. Сейчас около 10 финского. За завтраком узнаешь всякие новости — говорят, Губенко летит на пленум и последний спектакль играть не будет, текст его будут разбрасывать. Текст — не беда, кто споем так... Надо было бы мне раньше подумать, что-то я бы смог выучить на гитаре. Теперь поздно.

Май 1982. Мы были первый раз в Хельсинки, Турку, Тампере. Тогда-то и была прогулка Любимова с Катей по перрону таможни, тогда-то я и пел «Нас на бабу променял». Тогда-то я и привез из Хельсинки синие куртки мне и Тамаре.

Любимов летит отсюда в Японию. Там его англичане играют «Гамлета». Сколько он там пробудет?! Собственно, интересуется-то меня всего лишь один день — 17-е. Когда я не смогу быть на «Самоубийце».

9 марта 1990

Пятница, шел дождь, теперь снег

Катя родилась в 1982 году, Влада не стало в 1984. Он ушел в мир иной в возрасте 53 лет. Высоцкий в ее судьбе — «два раза он мне помог...» Дальше она не стала развивать, вообще на интимные подробности, на которые я рассчитывал, ее не шибко-то выведешь. Но кое-что я знал и от самого Володи. С какой стати он повел ее к югославскому режиссеру? С какой-то стати повел. У него вообще была такая миссия прелюбопытная — желание выдать своих любовниц за иностранцев. Сколько я их знаю (далеко не всех) — у них в мозгах была им эта идея посеяна, гвоздь этот был вбит, что бабы красивые должны жить красиво и из этой нищеты бежать к богатым мужикам. То, что они по мановению его мизинца ложились или летели к нему, было не обсуждаемо и само собой разумеющееся. Хотя, как рассказывал мне Иван, с той же Таней С. был случай другой. Как-то, снова расположившись к ней или от скуки ради, он ее позвал, а она не пошла, сказав: «Извини, Володя, но у меня есть мальчик, которого я сейчас люблю». И Володя восхитился и рассказывал об этом весьма уважительно. Так вот. Он ее привел и порекомендовал Владу (абсолютно допускаю) как актрису, в этом тоже была одна из его характерных черт — он помогал устроиться профессионально. Иваненко в этом смысле всем ему обязана.

И второй случай по моим наблюдениям и вычислениям из ее исповеди... Это когда она попала в аварию и ее, изломанную и покореженную, привезли в больницу. Она попросила достать свою записную книжку и продиктовала телефоны «Мосфильма» и Театра на Таганке, администраторской. По стечению обстоятельств там оказался Володя, он поднял трубку... по стечению в этой больнице оказался его друг — хирург. В общем, была отдельная палата, в дальнейшем уставленная цветами югославского режиссера. На

операцию был вызван лучший косметолог. По стечению... два дня назад вернувшийся из Лондона, он же и достал конский волос для шитья по лицу и пр. И опять добрый жест Высоцкого.

Перспектива у нее была самая надежная, она была его актрисой (Влада), она стала матерью его ребенка. Он заваливал ее подарками — от машины до колготок. Когда его жена приезжала по делам в Москву и останавливалась в том же «Белграде», Влад, помогая ей по делам, возя ее по магазинам, оставался жить у Т. Так что... будущее ей светило так или иначе. По полгода она жила у него в Югославии, они снимали квартиру, по полгода она жила у него в отеле в Москве, и КГБ махнул рукой. Потом он и у них, у ее родителей жил.

— Он был для меня и отец, и друг, и любовник, и сын, и муж.. Мне не доставляло труда приносить ему утром в постель чай, подавать ему в постель обед, он с детства страдал туберкулезом коленного сустава, прихрамывал. И мне все это было в радость. И, конечно, он меня воспитал. Я много взяла от него. А для родного коллектива я — б., проститутка. Но мне плевать на это.

Вот история Тани С., которая хотела, могла, но не вышла замуж.

Лейб-медик Карпинский: «Понимаете, если отрезать палец солдату и Александру Блоку — обоим больно. Только Блоку, ручаюсь всем, в пятьсот раз больнее». Ключ к разгадке тайны поэта-Высоцкого, разница между нами — солдатами и им — поэтом.

Какая потрясающая книга! Я научусь к семидесяти годам так писать. Леонид Каннегиссер, убийца Урицкого, был поэтом. А эта «таблица умножения» адская.

10 марта 1990

Суббота

Прекрасно. Уже в середине я понял, что все идет хорошо. Я играл в удовольствие. Кажется, первый раз за многие годы присутствие Любимова в зале не зажимало меня, а придавало сил, азарта и удовольствия. Он давно не видел меня в этой роли. Доволен я и партнерами.

Любимов благодарил, отмечал атмосферу:

— Дай Бог, чтоб вы вечером не уронили. — Мне одному сказал, что в двух местах кульминационных я перебрал:

— Благодарю, что ты это все восстановил. Это надо играть. Он ничуть не устарел, спектакль. Слушали они хорошо и принимали, пожалуй, лучше, чем «Высоцкого». Для них «Высоцкий» — это все-таки ревью. А это театр, драматургия Трифонова, они читают, знают и любят. Так что публика подготовлена к спектаклю. Не зря мы поработали. Но в Москве мы еще раз вернемся к нему и какие-то вещи углубим.

Вот оно, актерское счастье!! Сыграл удачно — и счастлив. Гастроли мои закончились. И закончился с большим для меня самого знаком плюс. Не зря я вызвался репетировать, я подготовил площадку, сконструировал ее для себя, подогнал.. и выплюнул

спектакль чистенько, ни одной мало-мальской затычки, накладки и пр. Пошли Господь удачи моим коллегам и в вечернем представлении!

Трифонов: «Я — Глебов!!» Любимов рассказывает, и за эти сутки раз десять он повторил, как начальники довели Ю. В. Трифонову, и он в покаянном порыве выплеснул в морду этим зажавшимся, не желающим ничего понять идиотам-чиновникам:

— Да это я — Глебов. Вы хорошие все, а я вот — Глебов!

Шеф забыл, как на первой же репетиции-читке я говорил: «Я Глебов, Ю. П., но и вы Глебов». Шеф возмущился, стал защищаться, помню это отлично.

Я не знаю, что скажет Любимов, но В. играет... вообще непонятно, что он играет, о чем думает. Такая поверхностная болтовня вне обстоятельств, вне характера, бойкая говорильня. И я успокоился. Это плохо, но ни в одном месте у меня не шевельнулось подобие зависти или желания заимствования, чему-то бы поучиться. Мне кажется, он просто не может играть это... впрочем, извините меня, господа присяжные заседатели. На то есть у нас босс!

11 марта 1990

Воскресенье

Как у меня ноябрь 1989-го гвоздем засел... Почему-то вспомнил, чего добивалась Иваненко, какую цель преследовала, уверяя истерически меня, что у нее много Володиных стихов, ей посвященных! Где они, эти стихи?! Если они существуют, почему до сих пор не опубликованы? Если врала — зачем? Надо натравить Леона на нее, и пусть ссылается на меня.

А вообще не надо столько значения придавать своим литературным трудам. Ну, не пишется, что ж теперь делать?!

12 марта 1990

Понедельник, Хельсинки

Ф. рассказывал Т., что, когда В. развелась и стала свободна, и он был свободен... где-то в Одессе они встретились, и ничего не произошло в постели. Не получилось — так перегорело.

А в общем-то, важно ведь выбрать точно форму, жанр... и, может быть, никакого психологического анализа и не нужно. Никаких мотивировок поступков героев авторских не писать? Ведь то, что после сообщения факта сюжета возникает столько вопросов — почему, например, любовник так легко отдал мужу бритву — может быть, в этом и есть пресловутая форма? И пусть читатель мучается, и пусть с женами и друзьями бьется над разгадкой происшедшего и над будущей судьбой героев. Может быть, ничего не расшифровывать? Думайте, как и что хотите. «Бритва» занимает мое воображение, а сюжет «21-го км» на сто тринадцатой застрял. Ничего, ничего...

13 марта 1990

Вторник. Вечер

Мы приехали А ехали «трезво» со Штейнрайхом Л. А., который, только я вошел в купе, поздравил меня с большой победой в «Доме». Разговор Г. Н. и Ю. П.:

— Юрий Петрович! Смехов требует играть вечером.

— А Золотухин?

— Золотухин хочет играть дневной спектакль. Потому что хочет, чтоб вы с ним порепетировали.

— Ты смотри. Кто-то еще хочет со мной репетировать!

Этот разговор Л. Штейнрайх слышал сам.

20 апреля 1990

Пятница

Любимов уехал во «Взгляд». Сколько же в нем энергии и откуда он добывает ее?!

22 апреля 1990

Воскресенье — отдай Богу

Любимов просит играть и «Годунова», и «Дом». Приехал Владимир Максимов.

Любимов говорит, что может месяца на три закрыть театр и начать все сначала. «Есть такое право и возможность, я советовался с юристами».

В журнале «Театр» он назван великим. «Великий» — это уже очевидно... Некий Силин подводит итоги. А Губенко — низкий поклон, что он вернул нам великого и передал ему трупку в полном рабочем состоянии.

Полгодика назад эта статейка появилась бы — выглядело бы все почти достоверно. Теперь это выглядит жополизанием. На всякий случай министерскую задницу лизнуть не помешает... и бедного Певцова еще раз приложить.

Говорят, во «Взгляде» Любимов выглядел безобразно. Люди телевизор по ночам смотрят. Объявили и о моем фильме. Ну, вот и другое мнение. Мартюков: «Блестяще всех размазал... так отвечал...» Вот и слушай людей.

26 апреля 1990

Четверг

Мне часто вспоминаются разные мгновения моего фильма. Для людей знающих и любящих «Таганку», — это просто бальзам, ведь там узнаваемы и сняты почти все переулки и закоулки этого огромного, уникального здания. По настроению это напоминает чуть ли не прощание с театром. Во всяком случае, очевидно, явно видно любовь авторов к этим самым стенам, к духу, в них

проживающему, к теням, что бродят по пустому театру, партеру, сценам, когда пустеет зал и гардеробная разобрана.

28 апреля 1990

Суббота

Ну вот, одно постановление принято — в Таллин я не еду, к тому же они сами думают, что мероприятие передвинется — не успевают снять фильм о Северянине, но по радио я услышал сегодня, что эстонские депутаты приостановили свою работу в Верховном совете. Литва просто вышла. Эти — на полдороге. И ехать в Таллин русского поэта прославлять москалям опасно, так говорит мне один из моих «черепковых» депутатов. По-моему, я эту депутатскую метафору у Р. Гамзатова слямзил...

29 апреля 1990

Воскресенье

Позвонил Любимов:

— Надо играть, Валерий.

— Да. — Я сижу и жду, что скажет Любимов. — Ну, давайте рискнем.

— Рискни, милый. Тебя привезут, отвезут... неудобно... Николай играет, я надеюсь, что хуже не будет.

— Хорошо, Юрий Петрович.

— Ну, я очень тронут, обнимаю.

Вот и весь разговор — я тронут, он тронут. А что будет со мной?

Неля вчера страшные вещи сообщила о Ю. П., вести из дома Капицы С. П.

Любимов: «Я просчитался, идиот...» — заключение его по поводу своего возвращения.

«Годунов» прошел хорошо, правда, чуть сердце не лопнуло у меня и даже мерещился конец Андрюши Миронова. Нинка — молодец, это же сказал ей и Любимов, которого мы вызвали на поклон. Он был счастлив. Играл министр, и играл замечательно. И это был праздник. От слабости у меня дрожали все члены и голоса своего я не узнавал и плохо слышал.

Перед спектаклем на распевку пришел Д. Покровский*, и это тоже всех подтянуло. Бог меня спас, и я правильно сделал, что согласился играть.

Перед выездом в театр, под впечатлением «роднящего» письма Федорева и оттого, что сам Вассе Ф. написал, стал я разбирать портфель со старыми бумагами и обнаружил свои некоторые письма аж за 1958 год и письма Шацкой к моим родителям. И понял я, как не все было плохо и даже наоборот. Нинка очень трогательная из этих писем мне предстала, она вспоминает нашу каморку, где мы с

* Покровский Дмитрий — руководитель фольклорного ансамбля.

ней спали под шубой на веранде, Ивана и Веру, баньку черно-белую... На душе у меня тепло стало и нежность воспоминаний, захотелось мне еще больше Нинке удачи, тем более что накануне сумасшедшая, больная Неля нашептывала мне по телефону: «Как ты, такой талантливый, такая умница, мог связать свою жизнь с Шацкой, она же тебе жизнь загубила!» Дура! Я любил ее. Мы были счастливы. А то, что потом произошло, так во многом я в этом виноват... Но не жалею ни о том, что прожито было с Шацкой, ни о том, что разошлись мы с ней — меркантилизм и алчность претили мне невыносимо. Да и выпивать я стал, и гулять, и романы заводить.

«Мой отец — враг народа». В первой моей повестушке есть немудреные слова, горделивые, хвастливые слова о моем отце. «Врасплох он и кулаков застигал. Мать рассказывала: иные в обморок падали, когда входил он. Так сказать, от одного взгляда его кулачье опрокидывалось, а ему и двадцати не было тогда». Проходясь по рукописи, один из редакторов, В. И. Воронов, сказал мне: «Уберите это... Когда-нибудь вам будет стыдно за эти слова, вы будете пытаться уничтожить, вычеркнуть их, но будет поздно». И вот теперь мне стыдно... Нет — больно. Мне отца моего жалко, жизнь ему, душу ему и миллионам ларионьчей проклятая революция изгадила, породила семья дьявольское... И мы — плод! И получилась вещь страшная: не он врагов народа разоблачал, а именно сам врагом этого народа становился и установился. Вот трагедия. И гордиться ли мне таким отцом?! И что он сам думал в потемках души своей, когда читал эти строки? Ах ты, батюшки-светы!

2 мая 1990

Среда, мой день

Сегодня идет «Бумбараш». Я стою у рынка. Холодно. Хотя двигатель работает на усиленных оборотах. «Бумбараш». Когда это было? Какого числа?! Сейчас приеду и взгляну в дневники. Это был Междуреченск. Зима. Очевидно, как всегда, зимние театральные отгулы. Еще был жив Иван Федосеевич и мы, кажется, всей золотухинской родней пришли к нему в гости. И надо же — «Кинопанорама» по ТВ и я в кадре с чудесным, мудрым, интеллигентнейшим, тончайшего ума человеком Каплером (у меня сохранились снимки Копылова).

Каплер читал письмо, в котором какой-то замечательный мужик просил его, ведущего, рассказать об артисте. Фамилию артиста он не помнит, но этот артист пел песню «Ой, мороз, мороз» в фильме «Хозяин тайги». А потом шел кусок из «Бумбараша», с маршем 4-ой роты, и отец плакал. Самые дорогие воспоминания об отце, когда я видел на его глазах слезы. Я тогда понимал, чувствовал, что есть человеческая душа и сердце у моего неприступного, не пускающего в свои тайны отца. Когда он плакал, я видел в нем человека. Я видел в нем родителя. Какую-то тяжесть он носил в сердце своем. Он раскулачивал? Да, но он с такой любовью и такими добрыми словами, такими весьма и весьма уважительными

речами говорил о своем хозяине, кулаке Новикове или Щербатове... или это были разные лица? Разные хозяева. Что у него было на сердце? Что он вспоминал, о чем жалел, была ли кровь на его руках (ее не могло не быть по тем временам), были ли загубленные семьи крестьянские, к которым он имел непосредственное прикосновенное, рукоприкладное отношение. Мать была из семьи зажиточной. Всю жизнь он ее подкулачницей в сердцах называл. Но братку маткиного, Ивана Федосевича, он уважал.

3 мая 1990

Четверг

Ну, развернулись события... Харченко усоветовал мне лечь на недельку, и вот я сижу в палате без номера, но с телефоном.

Звонил Любимов. «На меня тут все набросились... я виноват, что заставил тебя играть».

Для своего друга попросил у них курс американских антибиотиков... у него, кроме пьянства, что-то с легкими.

6 мая 1990

Воскресенье — отдай Богу

В 1973 году, публикуя «На Исток-речушку», я, читавший Солженицына, игравший и защищающий «Кузькина», знал, что такое явилось в образе коллективизации, что за морда Медузы для моего народа. И все-таки я оставил эту фразу, не задумываясь почти, — я знал, что должно отцу понравиться, он еще верил в свое правое дело, он это время своей молодости, разгула силы и крови единственно счастливым и достойным воспоминания, быть может, в своей жизни считал. И я эти две фразы оставил, теперь их не уберешь, а они позорные оказались в биографии моего отца, а теперь — моей и моей фамилии, и тут надо серьезно разобраться. Потом и такая увертка-мысль была, что были в этом деле перегибы, да, многие пострадали безвинно, но сама идея была правильная и богачей надо было уничтожить — вот эта муть хлеще самогонной и опиумной. Классовая борьба — слова и понятия простые, как Ленин. И влезла в неграмотные, темные, непутевые головы дедов и отцов наших. Не столько дедов, конечно, сколько именно молодых тогда отцов наших — дай только руками помахать, власть употребить, почувствовать. А с ними и матерей. Ведь Мотыку Сергей заметил и увел у Якова, а нет... не зря ведь ему сказали: «Беги!» Кто знает, Золотухин, быть может, уже прицеливался на этого мастера масло-сыр-завода?! Отца я вывел героем... Но ведь именно «На Исток-речушку» вызвало бешенство отца: «На моей крови деньги зарабатывашь!»

Ведь он что-то почувствовал, но на что именно он возгневался и опрокинулся, мне сейчас даже трудно представить. Тогда я думал, на тот эпизод, где он мать бичом зацепил... Намек на то, что он часто избивал ее до полусмерти, и на неотправленное письмо... Стоп, стоп... это же в «Дребезгах»... там еще нет этого. Может быть, как раз он уже понимал, что само по себе раскулачивание было громадной

ошибкой и он не в герои вышел, а в преступники, во враги народа истинные, какими оказались на деле большевики. Начав потом сам хозяйствовать колхозным председателем, он ведь вспоминал свой батрацкий опыт и учился именно у тех, кого ссылал в Соловки и уничтожал как класс. Ведь он развелся срочно с Мотькой (уж Вовка был) и уехал от нее опять в Камышинку... Весь дневник прочитал сейчас и не нашел, значит — не записал. Я путаю, я забываю, что-то расскажу Тамаре из своей семейной, родительской хроники и думаю, что надо это в дневник записать, и забываю.

Так о дяде Кононе. Его взяли по линии НКВД (дядя Конон по отцу Федосею или по матери?), по линии классовости. Сергей Илларионович перепугался и с моей матерью срочно развелся, как с подкулачницей. Секретарь Галета ее успокаивал: «Мотя, не убивайся, пройдет эта волна, эта кампания, и Сергея мы тебе вернем. У вас дите, любовь. Это временная мера». Как же отец жил? Галета их воспитывал. Молодежь. И, очевидно, подчиняясь ветру времени, действовал в соответствии с его генеральным направлением, но что-то и знал про себя, и видел дальше. Сделаю последнюю попытку и спрошу в письме у Матрены Федосеевны. Написал, спросил. Что ответит, интересно, и как?

«ЖИЗНЬ ЕСТЬ ТОЖЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ САМОГО ТВОРЦА».

Сегодня «Борис», и снова играет Шацкая. Я помню прошлый страшный спектакль. Страшный, потому что я чуть не задохнулся, но выкарабкался-таки с честью и Нинку спас. Не подкачать бы сегодня. Господи! Тебя прошу и умоляю: дай сил и таланту от 19 до 22 часов московского времени.

P S. «Борис» прошел отлично легко. У Шацкой это третий спектакль и, кажется, лучший.

22 мая 1990

Вторник, ресторан «Русь»

С Любимовым был разговор мирный. Поблагодарил за «Чуму». На мою жалобу, что три подряд «Живого»: «Ну, это, милый, заграница. Там по-другому не работают. Оливье восемь раз подряд Отелло играл и, бывало, по два в день». Вот и весь сказ.

4 июня 1990

Понедельник

Господи! Спаси и сохрани! Мы в Иерусалиме. Но Тамары со мной нет. Вещи ее со мной, а где жена моя?! Что это со мной сделали, кто такую шутку отшутил? И как сегодня играть?

Благодарю тебя, Господи! Кажется, я вышел с честью в песне «Пророков нет». Любимов на сцене букет сунул: «Хорошо спел, неси Владимиру». И аплодисменты были густые, и Демидова похвалили. Теперь я оглушил банку лососа и жду Тамару, надеясь на чудо, на везение, на нее саму... Этот адовый спектакль прошел, и можно было бы расслабиться.

— А почему вас не поят шампанским?
— Мы будем их поить, когда приедет Николай Николаевич. —
Надо же, открытым текстом. Безобразники. Ну, вот... известия хоро-
шие. Тамара в Будапеште. И завтра надо ее встречать. Слава Богу.
А теперь — спать.

5 июня 1990

Вторник. Иерусалим

Что делать? Ехать в театр или ко Гробу Господню? Хочется дож-
даться Тамарку! Ну, тут так все организовано, что ни она, ни я мо-
жем не попасть. Туристы наши едут сейчас, так что поеду с ними.

Еда невкусная, хотя обильная, ничего не хочется, читать нече-
го. Плохо я подготовился к «досугу». Надо поменять настрой. Ког-
да не взяла Тамару, хотел было я отказаться играть, а заработал
букет от шефа. Конечно, все это не дело. Но амбиции оставим в
стороне, хотя обидели ее жестоко, обманули. Сегодня я развесил
ее вещички, дождусь мою жену, любимую, несчастную, но хоро-
шую. Господи, спаси и сохрани семью нашу! Дай мне сил прове-
сти гастроль эти на высоте, Петровича не подвести. Ему тут жить,
и Петьке жить!

Этот день я буду долго вспоминать. Из автобуса туристическо-
го пришлось мне выйти, там не хватало мест туристам, а обижать
— они заплатили по 3 600 рублей своих. Короче, с ходоками от-
правились пешком мы в Старый город, в Старый Иерусалим и по-
бывали во всех местах святых, а на Голгофе я помолился коленоп-
реклоненно и освятил крестик. Поклонились мы и Гробу Господ-
ню. Поклонились мы и Гробу Божьей Матери. Были мы и в саду
Гефсиманском, и видели дерево, под которым беседовал Иисус с
учениками своими. Заходили внутрь дворца, где камень, где Пилат
беседовал с Иисусом. Иерусалим белым солнцем пылал и красоты
был полон вечной. И все это успели благодаря тому, что встрети-
ли Веньку с Галькой, а Веньку возил на машине 20 лет живущий
здесь русский еврей. Венька ему сказал, что у меня ноги больны.
В машине оказалось два места, и мы с Аллой, актрисой «Ленкома»,
подругой Селютиной, очутились в машине. Венька под мои боль-
ные ноги уговорил товарища... надо же, забыл имя... только что
расстались... отвезти нас к Мертвому морю... и мы омыли свои
бренные тела в этом одном из чудес мира, где вода так насыщена
солью, что держит тело твое на поверхности и выгалькивает тебя.
Надо, чтоб вода не попала в глаза и нос. Алла с Галькой купались
без лифчиков, в трусиках интимных, и никого это не смущало,
хотя и смущать было некого. Час назад, как проезд к купальне был
закрыт и нас любезно пропустил парень, что следит за тем, чтоб
никто не отплывал от берега дальше положенного, ибо, если уне-
сет кого, возвратиться тому самому не достанет сил. Омылись мы
пресной водой, много фотографировались, конечно, утомились,
но Аркадий кормил, поил, рассказывал. И теперь повез показывать
вечерний Иерусалим, а я вернулся в отель ждать Тамару. Господи!

Чтоб они долетели нормально, славно, без приключений, и чтоб трезвая приехала жена моя.

И день такой подарил мне Венька — ну, такой способ жить. Галина — идея личной свободы, независимости... Она много ездит и от этого практически знает английский и французский. Огромное количество друзей, знакомых, набивание на новые связи, приглашения. Для меня такой способ существования немислим. Да и привыкнуть к нему вряд ли теперь возможно из-за некоммуникабельности Тамары и наших пагубных привычек.

Вероучения здесь живут рядом совершенно, и сомнений нет, что Христос был и воскрес из мертвых. Нам, воспитанным в антихристе, представить это было невозможно. Сколько же нам еще жить в таком невежестве, в такой трагедии?!

Устал, утомился, морда красная от солнца и ветра, но ужасно доволен днем. Теперь бы только «Живого» сыграть сносно. Да почему сносно?! Надо играть хорошо. В ту меру таланта, что послал тебе Бог.

7 июня 1990

Четверг

Марк забрал нас с утра с Тамарой, и мы побывали в храме Креста. На этом месте росло дерево, из которого был сделан крест для Христа. Здесь же могила Шота Руставели, который пришел сюда паломником, здесь написал «Витязя» и по завещанию был похоронен на Святой земле.

Два раунда я выиграл бесспорно. Второй даже с наибольшим преимуществом. Теперь последний, третий и решающий. Вспоминал Тоню на спектакле, как она на полу сидела, ее слова про мое пьянство и про великость... Господи! Не гордыней обуян, нет. Но куда денешься от того, что Плаголин передает, как хвалит меня Петрович за песню «Я из дела ушел». «Такое впечатление, что он действительно собирается уходить из этого дела». Это он уж от себя добавил. Петрович хвалил за песню, что я пел за Губенко?! Мы и без министра можем играть Высоцкого. Но что-то сорвалось, почему-то дополнительный спектакль не случился. Кто-то в СССР не дал добро, не ответил на телекс. Ничего не понимаю. «Ты же человек одаренный, ты не можешь не видеть, что вы разучились конкретно действовать... корабль полон дыр, и только один старый дурак пытается заткнуть дыру то там, то тут». Любимов говорит, что нужно сделать к вечернему спектаклю; подходит женщина, я вижу — в руках у нее моя книжка. Она обращается к Любимову: «Простите, я не могу видеть Золотухина, чтоб он расписался на своей книге?» Любимов: «Пожалуйста. Вот Золотухин». И я опять счастлив. К тому же она добавила: «Вы думаете, здесь нет ваших книг?»

Пишу в гримерной. Передо мной фотография моих родителей. У Тамары сегодня удачный день. Она побывала с Марком во всех святых местах. И даже у Стены плача, где пока я не был. Господи! Она сегодня счастлива. И я счастлив за нее. Благодарю тебя, Гос-

поди! Дай мне сил сделать третий спектакль «Живого». Может быть, я зря не взял коньяк? Но я бы его употреблял, а потом боялся бы за текст. Нет, прости меня, Господи. Не коньяк меня спасет. Бог поможет мне и терзаемая со всех сторон Россия. «А нужна больна мне родина, родная сторона...»

Аплодисменты... Кажется, финал. Аплодисменты густые, скандируют. Хорошо, но не завидно. Это все на успех фестиваля. А значит, и на наш успех. Дай им Бог... «и не забудь про меня». И все-таки меньше, чем нам. Какая все-таки дрянь тщеславие — самое большое уродство психики.

Ну, с Богом!

19 июня 1990

Вторник

Ну и жизнь мне устроил Андрей Смирнов своей статьей в «Литературке», назвав мое выступление на шукшинских чтениях «омерзительным зрелищем». Еще он ударил по Толе Заболоцкому. Тут же посыпались отклики читателей — один прислал использованный презерватив со словами: «Я твою жопу драл». Другая, еврейка, письмо (я его зря выбросил): «Мы уедем и наши дети будут жить хорошо, а вот как вы жить будете...» Документ — статья и письмо какой-то дамы, — что вывесил Любимов в театре на общее обозрение, превзошел всю подлость, что можно было ждать. Там я и антисемит, и черносотенец, и ярый хулиган. Рассказал мне об этом Бортник вчера, который защищал меня перед Любимовым: «Это было не так, поверьте мне, Ю. П., и как же можно было это вывешивать, не поговорив с Валерием, не объяснившись с ним».

Всю ночь я думал, как мне теперь жить, никому ничего не докажешь, не докричишься. Выгасил открытку поздравительную Распутина: «Слушал твое слово у Шукшина — очень и очень хорошо». И успокоился несколько. Почему я должен обращать внимание на «интеллигентный» плевок Смирнова и не верить спокойным словам мною любимого писателя и человека. Я наблюдаю его часто по телевидению, и он мне все больше и больше приходится по сердцу.

Да, что будет при встрече с Любимовым? Какой диалог произойдет? Ванька провел с ним серьезную подготовительную работу. Любимов знает, что этот разговор Иван мне передаст, и готовится защищаться, его метод — нападение.

20 июня 1990

Среда, мой день

Завтра сбор трупы. Я сказал Глаголину: «Если он мне сделает вытык, я приду в театр с заявлением об уходе». Все советуют мне не обращать внимания, но я пока не могу окончательно успокоиться. И вот всю ночь напролет я нынче вел беседу то с Любимовым, то со Смирновым и пришел к выводу, что, если Смирнов так разъярился, значит мои слова достигли цели. Этим я себя успокоил. Но это, так сказать, словесный покой. А дальше...

Приходил ко мне вчера Андрей Крылов. Предупреждение в результате наших общих усилий получилось точным, эмоциональным и убедительным. Долго я ему разъяснял нынешнее мое «анти-семитскочерносотенское» положение, создавшееся по вине А. Смирнова, и что появление «Дневников» вызовет дополнительную ярость и блевотину моих оппонентов. Он как-то мягко отклонял мои страхи и простой аргумент привел: к тому времени, как выйдет книжка, эта история забудется. «Кто-то дал тебе по морде, а ты узнаешь об этом только через полгода». Это сказал В. Аксенов. Так к этой истории я больше не возвращаюсь.

21 июня 1990

Четверг

Габец сдержала свое слово и задала шефу свой вопрос: с чьей подачи был вывешен этот документ. Шеф в истерике кричал, глаза у него бегали, как у волка, загнанного в угол. Это его состояние я знаю, когда он огрызается и щелкает зубами, но ответить вразумительно и внятно ничего не может.

23 июня 1990

Суббота

Вот так живешь, живешь, работаешь с человеком и не подозреваешь, какой он дурак. Машка вчера: «Надо же собраться, поговорить, обсудить. Мы же тебя знаем много лет. Как нам-то быть? Ты же работал с Эфросом!» Это меня ввергло в совершеннейшее отчаяние, смехоту и истерику от глупости и наивности. Аргумент — раз я работал с Эфросом, значит, я не могу быть против евреев. А если бы не работал, то у меня нет доказательств, что я не анти-семит. Ну, хорошо... И вообще, почему я по чьему-то газетному доносу должен доказывать, что я не верблюд?

Ну и денек мне выпал. Боря Дьяченко любопытно разложил мою жизнь. «Ты получил два удара — от Рязанова и Смирнова. Это — знак. Значит, что-то не так. Ты личность, художник. От тебя ждут, а ты молчишь. Ты должен сделать какой-то шаг, взять все на себя...» Два удара от евреев.

Мне кажется, мои друзья или люди (не враги) меня не за того принимают.

— Как я счастлива, что знакома с тобой..

А я мечусь от Агафонова к телефону и обратно.

— Я пришел к тебе, потому что ты любишь его, а он любил тебя, — так Боря сформулировал причину поводов разговора о Высоцком. Он что-то хочет сделать, сказать новое слово... — К Богу не приходят с гитарой и перед Богом там оправдываться поздно. Это все — гордыня. Он трагическая фигура, потому что он не пришел к Богу. Он побежден дьяволом. Но миллионы оплакивали и молились за него, поэтому есть надежда, что он все-таки взят очень высоко.

24 июня 1990

Воскресенье

И Бог послал новый день. Молитва, зарядка. Вспомнил Альцеста, Эфроса... достал портреты и нарвелся всласть! Господи! Пошли душе Анатолия Васильевича мир и успокоение. Скажи ему, что я помню его и прошу прощения, что мало защищал его от нападений и принижений... от несправедливостей. Но «все выйдет наружу...»

25 июня 1990

Понедельник, день тяжелый

«Борис» у меня был вчера отменный. И голос меня не подвел. С Любимовым объяснения до сих пор не состоялось, а я и рад — руки у меня развязаны, есть свободное время.

Шел по «Мосфильму» и с грустью наблюдал за своим сердцем — нет, не заколотилось, как прежде, при виде одной набережной, ведущей от Киевского вокзала к фабрике славы. Нет, не произошло обычного тщеславного прилива — скука. Кто-то куда-то бежит, спешит, надеется на что-то. У меня же все отгорело, отболело — равнодушие. Взволновал только запах скошенной травы, пахнуло моим детством, моим земляничным увалом и березовыми гарями. Что-то шевельнется вдруг, когда повстречается и не заметит, конечно, или перейдет дорогу какой-нибудь старый знакомый из постановщиков или осветителей. Только отметишь про себя, как постарел. Еще сильнее кольнет, когда увидишь костюмершу, к которой приставал, которую целовал и которой задира л юбку, но тут уж свернешь резко к сторону, чтоб не встретиться взглядом, потому что идет сморщенная, согнутая старуха... да она бы и не узнала тебя — слепая. С такими мыслями и не весьма тонкими наблюдениями продвигался я медленно по территории студии к новому тон-ателье.

26 июня 1990

Вторник. 15.40 московского

Потрясающий документ создал Слава Говорухин. Призывает открыто с экрана к суду над КПСС, по аналогии с судом в Нюрнберге. Мы ездили вчера в театр с Сапожниковым и Горкиной.

28 июня 1990

Четверг

Звонил Любимов:

— Нельзя так не уважать старика.

Поговорили насчет такта.

— Я велел снять газету.

Эту фразу он повторил несколько раз.

— Отвечать на каждую провокацию — жизни не хватит...

Я думал, что вопрос решен сначала моей болезнью, теперь болезнью жены, к которой я мотаюсь в больницу.

Звонок меня, надо сказать, тронул. Через минут десять я схватился звонить ему, дескать, если можно, приступлю с понедельника, но он ушел уже на репетицию.

Может быть, и хорошо — первый порыв благороден, бойся его... есть время обдумать и взвесить все холодно. Не будем суетиться. Поехать в театр, объясниться с Любимовым и с понедельника или вторника приступить к репетициям. Это неизбежно и это правильно, это по-моему, и старика, «с которым вы проработали столько лет», надо уважить. И на горло собственной песни наступить. Не такие были времена, и то мирились. «Обиды мешают дело делать». Смирение — лучший помощник в моих душевных делах.

Был в театре. Побастовал маленько. Во время допроса Иешуа Пилатом на сцену вышел Любимов и сообщил, что у чухонцев 13% на культуру тратили, а у нас — 1%; что можно сделать на 1%? Один процент, да к тому же неконвертируемый.

15 июля 1990

Воскресенье

Почему заболел министр?! Не от забастовки ли?

19 июля 1990

Четверг

А что происходит с Эрдманом?

Любимов все время вспоминает первую репетицию, собранную, глубокую, строгую. Пока только сегодня что-то забарахталось под сердцем у меня на этой чертовой лестнице. Говоря эрдмановский текст о матери, я смотрел на свою молодую маму с отцом... Фотографию, как икону, взял с собой наверх, на рабочее репетиционное место. Я — тоже самоубийца... я убил талант свой, пропил, проспал, прое... — самоубийца. Но... «сохраните веру в себя при самых плачевных обстоятельствах — при этом всегда будьте в хорошем настроении». Самое большое уродство психики — тщеславие.

20 июля 1990

Пятница

Есть загробная жизнь или нет?

21 июля 1990

Суббота

Не надо завидовать, не надо переживать, что кому-то повезло (Ванька снимается в Евпатории у Худякова в главной роли, с ним

там Татьяна), что кто-то пишет и издается (у Леньки вышла замечательная книжка стихов и прозы), что кто-то живет в хороших, отремонтированных квартирах, а тебе не хочется этим заниматься, потому что тебе почему-то кажется, что тебе тут не жить (такое у меня было в последние три года жизни с Шацкой; кстати, заметил я — она похудела, молодец, и как она вчера хвасталась мне Ленькиной книжкой!), что у кого-то девятнадцатилетняя жена (Ромашин приехал с собакой и девятнадцатилетней женой на съемку к морю). Вообще это тебе не свойственно было, но теперь и понятно почему — тебе везло, тебе везде светила удача, теперь повезло другому. Уповай на «21-й километр».

22 июля 1990

Воскресенье

Перед Галей (Теллой) я реабилитировался с лихвой. Оказывается, я ее крестный отец, она почти умирала и вдруг увидела передачу «Театр одного актера», где я читал главу про дядьку Ивана обезноженного: «Степь да степь кругом...» — и она стала жить. Ее мать часто спрашивает про меня, как, дескать, поживает там твой крестный отец.

24 июля 1990

Вторник

Был министр, и, судя по всему, не понравилось ему.. Интермедии наши хороши сами по себе, но не доделаны (клоуны), то есть наша четверка недосвязана.

7 августа 1990

Вторник

Наша премьера не встречена шибким энтузиазмом, и статья Смелянского тому подтверждение. Хуже всего, что осуждаются интермедии, «режиссерская драматургия». И смысл всего, что Николай Эрдман — самоубийца, как бы критиком вне понимания остался, хотя тут может крыться и сознательное — «а слона-то мы и не заметили, надо чистую пьесу ставить». Тут давила и внутренняя полемика с Ефремовым и МХАТами. Впрочем, мне кажется, что я не напрасно ввязался в это дело. Я выполнил свой долг перед шефом до конца. Я играл в сочиненном костюме и, в довершение, в белых носках.

В главке ходят упорные слухи, что Любимов не вернется. За чем, скажите, тогда ему создание этой ассоциации и прочие затеи? Нет, он вернется, деваться ему некуда, ему скучно без российских сплетен и скандалов.

21 августа 1990

Вторник «Кавказ». Утро

Почему, в конце концов, я не могу гордиться тем, что меня родила русская мать?! Что я русский по рождению и по паспорту?! Мы были с «Таганкой» в Израиле, они мои частушки воспринимали с восторгом. Я видел, как они гордятся своим происхождением, с каким упоением, с каким трудолюбием они заботятся о своей родине, с каким военным бесстрашием они готовы защищать свой Израиль. Часто мне приходится работать с цыганскими ансамблями. Как они гордятся, что они цыгане. И без конца и края поют давно известные свои песни и пляски. Ни один концерт грузинских артистов не обходится без «лезгинки». Как только начинается «Камаринская» или «Калинка», наши дети переключают телевизор на другую программу, а если концерт по заявкам радиослушателей составлен из русских мелодий — это проявление крайнего великодержавного шовинизма, национализма и антисемитизма.

И то и другое мне противно. В нашем классе на Алтае учились евреи, немцы сосланные, молдаване высланные, калмыки, украинцы, русские, и никто из нас не был ущемлен, выделен и не заслуживал какого-то высшего внимания, кроме меня и дочери секретаря райкома — мы были начальниковы дети и по детскому недоумению втайне знали, кто мы такие. Но это уже как бы классовое разделение, о котором мне стыдно вспоминать, потому что в новогоднюю ночь мы с братом находили под подушкой мандарины и колбасу и не имели права носить это в школу. А то, что евреи плохие люди, никто мне на Алтае не говорил. Я об этом узнал только в Москве от людей грамотных и цивилизованных, но, честное слово, я им не поверил и не верю сейчас. Отдельные евреи, как и отдельные русские, разумеется, нехорошие, но то — отдельные, как и отдельные немцы, но народ... причем тут весь народ? Неужели я должен оправдываться в этом и отчитываться перед господином Смирновым, что я не верблюд?

Есть люди, у которых аллергия на слово «русский», «русское», «русский дух». Так что теперь мне делать?

8 сентября 1990

Суббота. Ухта, гостиница «Тиман»

Министром культуры РСФСР избран Юра Соломин. Это хорошо.

9 сентября 1990

Воскресенье — отдай Богу

Вчера директор Дворца культуры и техники комплиментарил: как, в каком напряжении я держу зал на протяжении всей встречи... не в пример Калягину, который показался не с лучшей стороны, скучно, утомительно.

16 сентября 1990

Воскресенье

Закончу эти гастроли и начну новую жизнь.

17 сентября 1990

Понедельник

Мы закончили первую «серию» по спектаклю «В. Высоцкий». Голос у меня звучал на «Баньке» идеально. «Ты идеально, по-моему, управляешься с фонограммой», — сказал мне вчера Ю. Медведев. Шеф после спектакля: «Валерий, не слушай никого. Это очень сильно действует. В спектакле этот прием возникает один раз. И становится понятно, что это — одна компания. Ведь он специально писал на компанию, на свою компанию». Хотя перед спектаклем Коля не преминул напомнить ему его же фразу, сказанную накануне: «Есть люди с хорошим вкусом, а есть люди с дурным вкусом. Так вот, это — дурной вкус». Шеф растерялся: «Ладно, пусть дурной, но будет так». — «Это ваше право, это ваш спектакль, но я остаюсь при своем мнении». Такие, как мне кажется, лишние перепалки. Но кто ему еще чего возразит, скажет?! Какой омерзительный монолог был произнесен им на второй репетиции «В. Высоцкого»: «Ваша система, ваши вшивые деньги, ваше советское воспитание» и пр. Как было стыдно за него, как хотелось встать и уйти, как хотелось крикнуть: «Да замолчите же вы, остановитесь в своем хамстве и холуйстве, да знаем мы не хуже вас про свое отечество!»

Ф и л а т о в:

— Я, пожалуй, застрелюсь.

Ж у к о в а:

— А я повешусь.

Л ю б и м о в:

— Вы свой фильм сняли?

Ф и л а т о в:

— Да, снял.

Л ю б и м о в:

— Тогда можете стреляться.

Ф и л а т о в:

— Спасибо за разрешение.

Теперь все сваливают на Ефимовича. И что суточные маленькие, и что мы жить будем в казармах по 4 человека в комнате, и что — о ужас! — дети в «Живом» будут немцы. Такой контракт заключил Ефимович будто бы.

Почему нет Жановой? Она бы сейчас занималась с детьми. Она бы их подготовила... Но зато у нас Вилькин, Валя — референт, Левитин с женой, Майбурд, два помощника режиссера, Шкатова и Наташа Альшевская... Куда мы смотрим и что это за контрактная система, позволяющая везти столько нахлебников?!

* Жанова Татьяна — музыкальный руководитель театра.

Мумиё выпито, надо идти на завтрак. Возьмет ли меня мумиё? За завтраком одни и те же разговоры — суточные, ассоциация, бригадные подряды и пр. Все клянут шефа, говорят с ненавистью. А я вспоминаю Эфроса и думаю, как несправедливо поступила с ним судьба, и с нами тоже. Выслушивать от Любимова всю эту поносную гнусь — да, дело малоприятное. По телевизору показывали грандиозную демонстрацию против программы Рыжкова, опять в поддержку Ельцина.

Два МХАТа, как туалеты, мужской и женский. Раскололся Ермоловский театр. Понятно только КГБ — в центре Дзержинский, вокруг все ездят. Я предложил взять памятник Дзержинскому и перенести во внутреннюю тюрьму перед кабинетом Крючкова. И в театре происходит сложные человеческие изменения. Как вырастить новое поколение, чтоб сохранились какие-то традиции? Мир живо отреагировал на появление нового Гитлера в лице Хусейна. Рецидив отражается на культуре. Извините, я нарушил традицию Чехова: краткость — сестра таланта.

Любимов: «Я менялся сам, я искал. От Брехта к Достоевскому. не только художественные формы, но и философские воззрения. Бердяев, Флоренский, и театр менял репертуар (все смешал в кучу). Отсюда пошли... ряд стихов Пастернака на библейские темы. Почему я восстановил «Живого»? Были дискуссии, почему не ставлю новые, а восстанавливаю закрытые. Я эту дискуссию выиграл. „В. Высоцкий“, „Живой“ — это прежде всего хорошие художественные произведения, Булгаков, Солженицын. С покойным Эрдманом я имел честь быть знакомым... был знаком с Пастернаком. Система страшная ломала этих замечательных художников — пример тому Шостакович. Восстанавливая „Преступление“, я опирался на людей, которые хотят со мной работать, и впредь буду делать так. Сейчас эти несчастные, обездоленные люди видят спасение в быстром укреплении себя и семьи своей в материальном отношении, сохранить свое благополучие. Для искусства — момент самый неблагоприятный. Эти работы дали людям возможность посмотреть мир. В Японию с „Борисом“ и с „Преступлением“. Японцы — серьезный народ. Русские актеры не очень выносливы, система разучила их работать, как лорда Оливье. Лорд босой, холодно в зале, а он играет, бюллетени не берет, не простужается, и восемь спектаклей в неделю... За девять месяцев мне нужно было сплотить команду, способную конкурировать на международном рынке с другими труппами. Понять ситуацию в стране, понять на себе, а не из газет... Венера Милосская стоит и обслуживает все режимы — социализм, реализм, фашизм, и всех устраивает. Правда, какой-нибудь очередной Гитлер, вроде Хусейна, может приделать руки ей».

После репетиции Николай негодует — 4 дня, столько администрации, не могли договориться и взять в Восточном Берлине русских детей. Хрен знает чем занимаемся три часа.

Любимов: «Чего ты лаешься, как сапожник, в чужой стране?»

Репетиция утомила и развеселила в конце концов. После — прием в консульстве, где он и со мной говорил на общие темы, но однако ж выпил и был лиричен.

Любимов: «Из этой страны (России) актеры всегда стремились уехать (?!). Помните, даже Пушкина не выпускали».

В «гефсиманском саду» консульского дворика, прогуливаясь и беседуя с каждым в отдельности, Любимов сказал: «А у меня маленький сын, и я должен думать о нем. Извини, но я его люблю больше, чем этот развалившийся организм (театр или Россию он имел в виду?), да-да, он мне дороже. Ведь я девять месяцев работал как проклятый, на износ. Я поставил рекорд, который должен быть внесен в эту идиотскую книгу Гиннеса. За такую зарплату нигде не работают — мне персонально выделено 600 рублей, в пересчете — 60 долларов в месяц, надо мной смеется мир».

18 сентября 1990

Вторник

Глаголин: «То, что ты орешь из-под этой материи — потрясающе. Губенко — м..., такое впечатление, что он хочет отделить тебя от Высоцкого. Вообще вся эта компания Филатов — Смехов во главе с Губенко... Они хотят оторвать тебя от Высоцкого».

Все время першит в горле. Улетел Филатов, передал с ним письма и записку Тамаре, чтоб позвонила. Губенко вдруг сам вспомнил о моей просьбе: «А Тамара может это сделать?» — «Нет». — «Там такое правило есть, надо выкупить в течение трех дней». — «А-а, заплатит-то она может». — «Только заплатить... Тебе какую — „шестерку“, „девятку“?» — «„Шестерку“, мне на ней дрова возить. У „девятки“ низкая посадка». Вот такой разговор возник вдруг в примерной.

Надо бы Леньке сказать было.

А я буду в Москве 20-го, позвоню Тамаре. Так, теперь надо, чтоб она еще трезвая была. Но я что-то вообще не верю в этот сказочный вариант. Пришел Дедушка Мороз Николай Губенко и выгнал из-под годуновского халата машинку Валере.

Не казни себя, Валерик, не самоедствуй. Это же вполне естественно, что ты заботаешься о своей физической форме, форме артиста. Тебя таким мама родила. И то, что тебя точат угрызения, что ты до сих пор палец о палец не ударил, чтобы съехать с первого этажа (решетку и под охрану поставил), значит, где-то чем-то все-таки ударил, поменял бы квартиру — глядишь, и жизнь поменялась бы. Нет, даже на это тебя не хватает. На что еще?! С машиной, что дымит, — разберусь. С напечатанным — разберусь. Ну, не послал Бог. Ох, ну так, знать, судьба такая. Что ты унываешь? Кому ты завидуешь? Любимову? Упаси Боже! Губенко? Да никогда в жизни! Филатову? Отчасти, потому что умеет себя мобилизовать, сделать, написать, убедить, снять. А так-то что? У них своя жизнь, у тебя своя. Да... Замечательной откровенности был день прилета. Очутились в номере у Нинки с Ленькой. Рассказал я Леньке, сколько гадости в дневниках записано, и про него лично, потом пришел Бортник и ему сказал, и что собираюсь это опубликовать, и что не убивайте вы меня, Христа ради, коллеги мои гениальные, которыми люблюсь я — крест святой! — когда вы в форме играете вдвоем Моцарта и Сальери... И, по-моему, даже плакал я от востор-

га. Много говорили о Дениске, и много плохого. Это печально. Ленька ужасно злой на него.

В театре после репетиции шеф с чудной интонацией пожалел, сказал неожиданно: «Знаете что, идите домой, в гостиницу, автобус будет только в два часа». И мы пошли, Демидова показала нам направление, все время говорила про разрушенную церковь: «Как, вы не видели разрушенную церковь?» А зрелище это действительно потрясающее... Разбитая, со срезанным верхним ярусом... и рядом уникальная, высоченная, изящная коробка из стекла и металла без всяких выступов и пристроек, и наверху — золоченый, сверкающий крест.

Так вот, мы спрашивали себя, что случилось с шефом? Или Борис ему нашептал, что надо отпустить братву по магазинам? Он как бы извинялся за свое хамство в адрес русского, невыносливо-го артиста. Да, это дорогого стоит.

Нас жалко всех, но мне жалко и Николая. Лежал он сегодня на диване перед репетицией и говорил: «Что же с ним произошло? Какая это стала невыносимая развалина!» — «Любимов?» — «Да я, при чем тут Любимов... а ведь, бывало, до двух часов ночи... и потом... а потом свежий, как ни в чем...»

Господи! Помоги нам в «Годунове»! Не дай мне сорвать голос и партнерам помощи. Особенно Николаю. От его удачной игры зависит его настроение человеческое. А от настроения человеческого — его помощь министра в адрес театральных наших внутренних дел.

19 сентября 1990

Среда, мой день

Ну, что же... после первого акта прибежал шеф и очень радостно сказал, что спектакль идет хорошо. Поблагодарил он и за второй акт. Игралось мне храбро, сильно. С большим удовольствием, прости меня, Господи и Алла Сергеевна, я все-таки играю с Шацкой. Впрочем, это и понятно. Пичкаю себя всякими лекарствами, чтоб восстановить или профилактировать состояние связок. Пью пилюли, надеюсь, что «усну». На «Годунове» был неполный зал, то есть партер 100%, а галерка пуста. Но принимали грандиозно. Был и посол... только какой, ФРГ или ГДР? Хотя как бы уже это и порушено, слава Богу, и теперь с 3-го октября, в день нашего отлета, это будет Германия объединенная.

Ужинал вчера у Шацкой, пьют они джин-тоник, Нинка — шампанское... сколько же она с собою привезла, шампанское-то советское. А уж пятый день идет нашего пребывания на этой земле.

Глотнул мумиё, жду, когда пройдет полчаса, чтобы пойти на завтрак.

Интересно, сколько мне заплатит Любимов за мой труд в Берлине, если я, конечно, окажусь одним из «выносливых русских артистов»?

Это вообще смешно, но характерно при двоевластии и при дваавторитетности в таком заведении, как театр. Никто открыто не держит сторону ни Любимова, ни Губенко в вопросах, касаю-

щихся творчества. Но многие отдельно подходят и шепчут мне, что «твой второй голос вчера в «Баньке» — здорово».

Но это против Коли, и говорят мне об этом тет-а-тет. Не влезает... А что бы сказать: «Коля! Ну это же хорошо!» или «А я с Николаем Николаевичем согласен(на), мне это тоже не нравится».

А может и правильно: наше дело подчиняться тому, кто в данном случае руководит театром, да потом ведь он все-таки действительно автор спектакля и его право «воротить, что хотить».

Но вот... вернулись от шефа. Разговор был хороший, заключил его совершенно чудесным, деловым образом Левитин. В результате Майбурда не будет, и правом подписи первого лица обладать будет Глаголин. Слава Богу, что эта «голубка, застигнутая ураганом», по выражению Г. Н. Власовой, — Вилькин наконец-то исчерпал кредит доверия Любимова, да и трупы. Все остается на своих местах, театр пока еще государственный и надо продержаться эти три месяца. Тут, оказывается, возникают еще гастроли в Чехословакию, пока Гавел президент. Любимов обещал поставить его пьесу. Закручено без нашего ведома.

А шеф ждет Николая. Он хочет уйти от Бугаева, из-под опеки Москультуры. А Николай не может этот вопрос решить без Попова, а Попов три месяца не может (или не желает) встретиться с министром культуры. Театр нужен Любимову как гастрольный по заграницам, чтоб с ним под эту марку заключали там контракты. Да Бог ему, действительно, судья. Со всем тем, что сделал для России, организовав такой театр с таким репертуаром, и подчас сумасбродным поведением, отдающим хамством и к труппе, и к России. Несмотря на все это, ему семьдесят два года, 30 сентября будет уже семьдесят три, про это тоже надо не забыть, мы отметим этот день уже в Мюнхене. Несмотря на все его заявления против Эфроса (оправдывает или смягчает, что он не предвидел такой развязки, неожиданной смерти Анатолия Васильевича), он вправе выбирать себе образ жизни на сегодняшний день.

Я начал с того, что Любимов ждет для разговора Николая, а Коле этот разговор на хрен не нужен: он изначально не признает эту авантюру с ассоциацией, с мифическим «конвентом» и пр. Разговор вел Венька, но, зная настроение масс, формулировал он правильно, хотя нет-нет да фимиаму шефу подпускал.

Что-то только передало телевидение о Рыжкове — подал в отставку? Упаси Боже, если застрелился! Скорее всего, первое. Но к этому шло. Будет новое правительство! Какое место в новом кабинете займет Губенко? Он послезавтра летит в Москву. Хоть бы успел мне машину продать по ценам нынешним. Вот ведь о чем думаю я перед ответственной спектаклем, который принесет очередную пачку долларов Любимову. «И потом поймите: ни моя жена, ни Петя не хотят жить в Союзе». Это мы давно поняли! Почему вы и остались. Ларчик ваш мы открыли давно, не надо только думать, что вам удалось запудрить мозги всем.

На предложение «подписи первого лица» Николай сказал Глаголину, что в Бутырке места хватит. Человеку, не компетентному

в финансовых дисциплинах, они такое подсунут... а он будет отвечать.

20 сентября 1990

Четверг

У Тамары день рождения, ей сорок три года! Милая моя Тамара Владимировна! Я счастлив, что встретил тебя, поверь мне... У нас было много золотых и замечательных, счастливых дней, свидетельство тому — наш добряк Сережа. Я поздравляю тебя! Я сбегал к Николаю, благо его еще не отвезли в аэропорт, и попросил его дозвониться до тебя. Хорошая моя, все время вертится на языке «не пей!», но я скажу: «будь здорова и счастлива!» Министр живет в таком же номере, как и я, он достаточно неуютен. Вчерашним спектаклем — он у меня все еще сидит в душе и печенках — я действительно горд. Но я был бы еще более горд, если бы это случилось, скажем, в Барнауле, или Иркутске, или Красноярске. Россия не знает, что такое «Таганка». Я был в форме, хотя голосок трескался и глухо иногда отвечал, но я лихо прыгал через кресла, кувыркался и наломался от пуза, в смысле физическом! Так что к вечеру тело ныло и болело во всех местах, будто сквозь строй прогнали.

22 сентября 1990

Суббота. «Гамбург», № 706

«Хорошо играл... хорошо играл финал», — сказал на поклонах шеф. Спасибо тебе, шеф. И жалко мне тебя. Но ты любишь сына, это судьбы подарок тебе, к «закату солнца»... Только не ври, что гастроли в США или Японии нужны только нам. Мне, например, они на... не нужны, они в первую очередь нужны тебе. Ты же от ассоциации огромные купоны стрижешь за свои старые работы. И на здоровье! Ты заслужил это, а так как ты в некотором смысле (денег) стал западным работником...

Ельцин попал в автомобильную катастрофу, увезен в больницу. Что же это творится? Четвертое нападение. Хоть бы все обошлось. Спаси его и помилуй, Господи! Опять не принята экономическая программа, теперь не собрали кворум. Нельзя голосовать, ...твою мать. Скорей бы домой. Что с Тamarой, с Сережей? Тревожные дни все еще идут.

«Хорошо играл... легко, хорошо», — сказали шеф и Глаголин. На сцене, на поклонах, мы спели шефу «С нашим атаманом не приходится тужить». Шеф был тронут. Просил меня организовать небольшую группу для ресторана. «Попойте, кормят все-таки». Спектакль принимали по реакциям... хохот, аплодисменты... русская публика, что ли... все довольны. Голос у меня звучал почему-то лучше, чем вчера, а это у меня шестой спектакль, с возрастающими нагрузками. Нет, шеф. И русский артист бывает выносливым, все зависит от квалификации, а не оттого, что один крестьянин, другой лорд.

30 сентября 1990

Воскресенье

Любимов: «Что ты с собой делаешь? Ты себя не жалеешь, но детей своих пожалей, ведь у тебя же дети!»

Я твоих и плачу. Николай мне выговор сделал — не мог дозвониться до Тамары, взял мой паспорт, что-то оформил. «К Чернецову сразу по приезду». Господи! Вот беда-то. Ничего я не купил. Опять как в Иерусалиме. Любимов в благодущии, по-моему, эта ассоциация только ему нужна, и он просто грабит. Ладно, пойду пошатаюсь. Господи, уповаю на тебя!

3 октября 1990

Среда, мой день. Борт

Зиновьев* про «Годунова» резко выразился: «Это не русский спектакль, это не Пушкин», — и убежал. Почти слово в слово он повторил Астафьева. Только последний добавил, что это еще и «Оптимистическая трагедия». Демидова, передавая привет от Войновича, сказала, что «им очень понравился спектакль».

8 октября 1990

Понедельник

Сбор прошел тихо и незаметно. И.о. директора — Глаголин, и.о. художественного руководителя — Вилькин. Бортнику за поведение на гастролях Любимов объявил выговор, а в остальном... театр отдан СТД, итальянцам, американцам. Надо садиться за стол и писать «21-й км».

В Мюнхене Николай сказал: «А почему тебе не взять театр на время его отсутствия? Художественным руководителем?» Нет, я не создан для блаженства... или как раз для него-то я и создан, а для работы... Нет!

Жизнь свою надо как-то перестроить. В связи с продажей театра и отсутствием Любимова «Таганка» для москвичей просто перестанет существовать, не говоря о России... Дрянь дело. Может быть, какую-нибудь запустить пулю на конференции... Не давать театр... кому? В частные руки? Глупо. Любимову? Еще глупее — как бы там ни шло, ни ехало, театр-то его... его имени и рук. Что делать? Надо купить обои и за это время оклеить дачу. И написать «21-й км». Вступить в Союз писателей. Дупак предлагает снова вернуться к вопросу о пельменной, он подыскал здание...

29 октября 1990

Понедельник Вечер

Неделя жизни ушла на празднование успеха в «ЛГ» — ответ Смирнову. Правда, Еремин М.П. говорит, что это нам так не прой-

* Зиновьев Александр — писатель.

дет. Все отмечают великое достоинство и оригинальность письма. Много по этому поводу было выпито и много было боли.

30 октября 1990

Вторник, поезд № 66 Москва — Тольятти

Ежи заканчивает ремонт куртки Высоцкого, которой лет 15-16.

31 октября 1990

Среда, мой день. Гостиница «Волга»

Раннее утро, дописал письмо фломастером. Испрашиваю реакцию евреев на мою статью. Бортники в восторге. «Очищающая ярость, — сказал Сергей Петрович, — таким злобным я тебя не видел. Спасибо». Понравилось и деду в поезде.

Лавлинский, бедный Лавлинский! У него дочь, Надя, которую я видел в Переделкине после больницы, попала под поезд. Явное самоубийство, две попытки у нее были перед этим. А я не позвонил ему в пьяном угаре, просто боялся. Господи, прими душу ее с покаянием! Мне еще жальчее сделалось его. Этого одиноко сидящего гриба в холодном номере, пьющего без конца чай с карамельками.

Полока звонил: «Мне шестьдесят лет исполнилось, надо подводить какие-то итоги». В последнее время у нас сложились странные отношения. Мне бы не хотелось какие-то евангельские слова говорить. Я его прервал, пообещал позвонить завтра и приехать к нему. Конечно, не позвонил и не приехал. Праздновал появление ответа в «ЛГ», а телефон отключил, потому что, якобы, был в Петрозаводске.

Когда появится потребность в театре у народа, он возникнет... и не от здания это зависит. Здание всегда найдется, а потом, если нужно, построится. Профессиональные, старые театры закрываются, труппы распускаются как нерентабельные, но, если в Ногинске или Владимире на премьере четырнадцать человек, а на сцене больше... Кому это нужно — содержать труппу, штат, платить зарплату, получать от города дотацию... Директора вынуждены бегать по соседним колхозам, навязывать спектакли и выбивать из председателей по 150-200 рублей. А при нынешней ситуации... Короче, что-то делать необходимо, а что делать — я не знаю, и ты не знаешь. Поднять общую культуру в народе, тогда и о театре говорить можно. А сваливать на головы — ну сколько можно... а если и сваливать, то по крайней мере не на эти головы. Накормить надо народ, тогда он, может быть, и о театре будет думать.

В. Лихоносов: «Не из дому, а с дороги люблю я посылать письма. Заткнувшись где-нибудь в гостинице, в одиночестве, которое нас кровно роднит с миром, напишу я несколько слов...»

1 ноября 1990

Четверг. Ту-154

Я читаю письма Астафьева и Распутина и дневники свои. Надо обязательно Матрене Ф. позвонить. И выслать ей ксерокс ответа Смирнову.

13 ноября 1990

Вторник

«Жизнь уходит в землю». Или еще нет? Огромное количество писем. Есть и похлеще Извекова — от евреев. Еремин прав: это еще не точка, они так просто не остановятся.

16 ноября 1990

Пятница

О, письма — яд, письма еврейские!! Ничего я им не сумел доказать. И все цепляются к частушке. Что делать? Плюнуть и замолчать. Но я предвижу крупную ссору с Любимовым. Вплоть до того, что мы разождемся, и инициатива будет исходить от него.

17 ноября 1990

Суббота

Вчера Филатов пришел с необычным предложением. Он дает интервью в «Правду» и в связи с моим ответом Смирнову хочет меня поддержать. «Как только материал будет у меня на подписи, мы с тобой сядем и посмотрим, что можно добавить или о чем иначе сказать...»

19 ноября 1990

Понедельник, тон-ателье

Рисовал меня вчера Виктор, и хороший рисунок получился, но глаза на изображении... Хотелось плакать. Это я? Неужели это я?! Когда я стал таким? За сорок девять лет.

20 ноября 1990

Вторник

Совсем поздно репетиция с Табаковым. Он так под себя, органично, по-табаковски подхихикивает. Меня с моего надменного придуманного тона сбил. Ну, ничего. Режиссер как бы остался доволен, сказал: «Можно снимать». Текст уложился, но надо мять характер. И обязательно похудеть.

Какая тоска от этого фильма, от моего лица и от выговора. Что-то я совсем разучился играть и говорить. А может, оттого, что не получилось в другом? Не получилось компенсации за усредненную карьеру?

«Лит. газетой» я напомнил о себе многим. Письма пишут разные, противоположные. Если масса среагировала, почему молчит интеллигенция?! Звонков было мало, но не могло быть это не прочитано!!

22 ноября 1990

Четверг

Я помню, в бытность мою на Рогожском валу, я сидел за столом в Денискиной комнате и писал дневник, ожидая оклика тещи Матрены Кузьминичны к завтраку.

А Петренко 30-го рвется играть. В зале фотокорреспонденты, ну, блин! Еле текст выговаривает, да не выговаривает, а поет, и надо ж. какая самоуверенность.

Анекдот рассказывает. Ролан к своему слесарю в театре подходит, дает ему два гривенника и говорит: «Сделай из них одну монету, чтоб с обеих сторон орел был». Тот: «А зачем?» Ролан: «Да вчера со своей Ноной „Маленькую Веру“ смотрели, теперь монету бросать будем, кто сверху будет». Слесарь: «Ну и что, какая разница, или тебе так больше нравится?» Ролан: «Нет, просто жить охота».

24 ноября 1990

Суббота

Шацкая. Отсутствует. В больнице. Кто-то предполагает — на сохранении, беременна... Первый импульс — замечательно, только ой ли? Второй — тогда Филатов козырным мужем будет... не хотелось бы. Вот паскудная природа. Ну чего там?! Это бы какое счастье великое — Нинка в пятьдесят вдруг родила бы, а завидно... и лучше не надо... Но Нинка очередную подтяжку сделала и будто бы все хорошо. И все мои опасения ревности напрасны.

Приходила Вероника из Стокгольма, одарила яичным ликером, а я ей книжку подарил.

В «Советской культуре» анонс: Петренко — новый Годунов, реклама. Что-то переменится и в театре. Боже мой! Еще текст не выучен, а уж авансы, вексяля. А Николай позвонил: 30-го репетиция и вечером он будет играть... Первый исполнитель. А у Глаголина недовольство. Он обещал 30-го Петренко дать сыграть, и тот сорок билетов купил. Война Любимова с Губенко на фоне спектакля?! Да это не нашего ума дело, в конце концов. Человек, сделавший для театра много добра, в том числе и для Любимова, первый исполнитель... да Бог с вами (с Глаголиным), ребята, и с профессиональной, и с нравственной точки стопроцентное право на стороне Николая. Почему такая спешка? Пусть с ним (Петренко) порепетирует сам постановщик, такие роли не делаются в две недели. А Николай абсолютно вправе считать себя хозяином спектакля наравне с Любимовым. И если бы не воля его и желание, вряд ли вообще спектакль увидел свет. А теперь у него оспаривают это

право?! Неправильно. Нет, Борис, ты зарываешься. Во, блин, ...еще. Если труппа почувствует, что Борис на стороне Петренко, ему несдобровать. Петренко пришел и ушел, а нам работать и жить. И нельзя быть такими проститутками. Надо Глаголина уберечь от ложных выпадов и неверных шагов. Почему же так поступили с Шопеном? Можно ведь сказать, что Губенко и Шопену не давал играть за границей. Но ведь Губенко, вопреки воле и желанию Любимова, ввел Шопена в спектакль, и уже дело Шопена, как распорядиться собой в роли, на какой палец сработать. Любимову не по нутру — «не умеешь читать стихи», «ни разу толком не поработал». Хотя в отсутствие Николая в Берлине он вынужден был с Виталием проходить свет и мизансцены. При самолюбии Шопена это не так просто... Но играть ему не дали. Шопен залупился, и его понять можно, но он дурак, он спровоцировал отношения и на «Самоубийцу».

Такого обсеронса не помню я давно... Отменен при публике спектакль «В. Высоцкий». Не сработала электрика, и конструкция не сдвинулась с места. О неисправности было известно вчера, но никто не шевельнул пальцем. Оказалось, где-то оборван провод — до чего мы дожили! Потом долго пережевывали с Губенко, что делать с шефом. Как призвать его? Николай узнал о том, что репетировал Петренко три дня назад. Шеф не счел возможным с ним поговорить, предупредить, и получилось — мы все в г... Надо искать другого худ. руководителя!! Это как? При живом создателе?! Безвыходность. А оттуда, из-за бугра, репрессивные распоряжения: увольняй Трошунина, увольняй его мать, увольняй Галицкого. Снова увольняй, увольняй... До каких пределов это будет распространяться?!

«Когда надо защитить Аллу Банк, ты мне пишешь письма», — была брошена мне фраза в лицо. Это к тому, почему я не позволил и не предупредил его, что репетирует Петренко... тоже чудак... Мрак докучный...

29 ноября 1990

Четверг

Ждем Табакова у дома его. У него еще дел на десять минут. Табачков не выразил восторгов. В свободную минуту спал или в кресле, как Фамусов, или на диване, как Обломов. А я в тревоге. Единственная надежда, что они наснимали не монтажно и что-то можно будет переснять.

30 ноября 1990

Пятница

В 12 репетиция с Губенко и спектакль. Гитара моя готова и ждет меня.

9 декабря 1990

Воскресенье

Филатов звонил вчера, читал полуподвал из своего интервью в «Курантах», по-моему, очень хорошо... Он меня защитил и вообще вскрыл, что называется, проблему вширь и вглубь...

12 декабря 1990

Среда, мой день

«Это ведь такое впечатление — последний его спектакль. На «Таганке» он, по-моему, уже ничего не поставит», — Смехов о «Самоубийце» и Любимове.

Из машины украли кофр с костюмом, дареной рубашкой (не пошла впрок), дареными туфлями, конвертными, служили они мне прекрасно с гастролей в Сочи, где познакомился со Штоколовым. В ботинках — белые носки. С легкой руки некоторых товарищей на сцену выхожу я только в белых носках, вспоминаю товарищей и смеюсь. Машину открыли, но, слава Богу, ничего не сломали, кроме замка.

В «Литературке»: «В частности, кинорежиссер Ростоцкий негодовал на „матерное“ искусство молодых. А на другой день показали его собственный фильм, похожий на коврик с лебедями. Я ждала фильм о Федоре Кузькине с волнением — ведь с этим именем навеки теперь связана история Театра на Таганке. А увидела лубок про деда Щукаря в молодости. Борис Можяев такого не писал».

Свершилось! Я купил автомобиль. Не упустил момент. Спасибо тебе, друг Владимир Иванович! Мотался со мной на Красную Пресню, где тюрьма. На платформе, под снегом, кладбище новых машин. Володя, мастер-продавец, кричит, никого не боясь и не стесняясь: «Я обслуживаю только народных депутатов, блатных и дипломатов! Вы блатной? Тогда ко мне!»

Невозможно неприятный разговор с Ленькой о напечатании дневников, но он прав. И опять встает вопрос: дневники — это дело посмертное. Надо дать ему почитать — будь что будет! Скажет: «Боже тебя сохрани, не рой себе могилу» — буду опять думать и отказываться. А что с книгой тогда делать?

13 декабря 1990

Четверг

Вот пример Витя Мухин пишет просто, сердечно и по-русски. Из строчки видно, что человек чистый и божеский, без нашего лукавства и придуривания. За Ленькой тоже надо записывать. Мне сегодня режиссер сказал, что слышал обзор газет, Филатов защитил Золотухина.

- Мне понравилось.
- А кто читал-то, Филатов?
- Да нет, читал диктор.

14 декабря 1990

Пятница

Филатов говорил о том, что оттуда, где «душой с вами, телом в Индии», Любимов шлет черные списки с приказами об увольнении актеров и работников театра. «Нам нельзя отдавать ни одного человека». Любимов только и ждет нашей петиции — значит, они ничего не понимают, они — дети совдепии, с ними работать нельзя. Вовсю поносит он Горбачева, который говорит Губенко: «Коля, значит, мы сделали ошибку?» — «Выходит, так», — отвечает Коля, введенный в президентский совет. «Перекликуха». Подарил мне Филатов книжку с автографом. Когда-то я дал ему рукопись «Дребезгов», а он ее где-то на лавочке оставил, потерял. Потом я ему подарил подаренный Высоцкому кортик, и он, по требованию Володи, вернул мне его назад, и вот уж который год (а точнее, одиннадцать лет) живет с моей женою Нинкой.

15 декабря 1990

Суббота

Полет-летание — прошлой ночью видел я замечательный сон... Я летал. Я летал над рядами зрителей. Сверху были сплетения виноградных лоз, листьев, гирлянды искусственных цветов. Я пролетал над головами, просил не задевать меня, не трогать руками — щекотно, тогда я непременно должен буду снизиться и упасть на землю... Больше всего меня поражало, что никто не удивляется, что я летаю, что умею летать, ведь я единственный, уникальный, ведь я — чудо, но никому до меня не было никакого дела. Все были равнодушны к моим возможностям.

Тамара говорит, что это потрясающий сон... что все у меня настолько полетно, совершенно, что я непременно должен сотворить что-то гармоничное.

18 декабря 1990

Вторник

«Леня!

Больше всего из всей истории с рукописью меня огорчили твои слова: «Я подозревал, как ты ко мне относишься». Клянись тебе, ты не знаешь, как я к тебе отношусь! Мне бы не хотелось, чтобы ты даже подозревал меня в хамелеонстве, а не то что был уверен.

Во-первых, к тебе попал не тот вариант. Того письма и в помине нет в готовившемся к публикации варианте. А записал я его в дневник из побуждений реваншистских, что-де не я один дерьмо хлебаю, ведь это всегда успокаивает. И вообще вся идея дневниковых извлечений возникла на почве нашей театральной драмы, Венькиных обсираний меня в печати и по ТВ.

Я залез в дневники в поисках утраченного времени и наткнул-

ся на противоположные свидетельства его поведения и слов. Клубочек стал разматываться и превратился в сто шестьдесят страниц выбранного текста. Совсем страшные места я опустил, щадя людей и себя, конечно.

К тебе относился я всегда и отношусь с обожанием и восхищением, подчас тщательно скрывая это. И не только из-за Дениса (мы об этом много говорили с тобой), и тем более не потому, что ты ввязался из-за меня в эту свару по еврейскому вопросу и сам теперь хлебаешь дерьмо. Отношение мое к тебе не вчера сложилось и задолго до прихода А. В. Эфроса. Оно не исключает моей к тебе зависти, и профессиональной, и, что более страшно и обидно, человеческой. Так же как оно не исключает и моего категорического несогласия с тобой по некоторым эпизодам нашей жизни-судьбы, не личной, тут, к счастью. Бог миловал, все пристойно. Быть может (и наверняка), мысль о публикации грела меня еще и потому, что ничего художественного давно не получается, а тут как бы компенсация (компенсаторность).

К тому же люди не нашего круга, не задействованные в повествовании, считают, что это лучшее, что мной написано вообще в прозе. «Самое большое уродство психики — тщеславие». Это сказано верно, и я от этого уродства не избавлен. Слова говорятся разные, особенно в разгоряченном состоянии. И по моему адресу я слышал от тебя оскорбительные резкости, иногда справедливые, иногда обидные. Ты и сам на свой взрывной характер часто сеговал, но отходил и пр. Но я не делал из этого далеко идущих заключений. Умоляю тебя — не делай и ты! Скажу тебе больше: большего авторитета, чем ты, в подобных делах у меня нет.

С приветом, *В. Золотухин*».

20 декабря 1990

Четверг

Смирнов собрал себе президентскую команду — Демидова, Филатов, Золотухин, Фарада. Сегодня мы с ним у трех торговых начальников были. Профком начинает действовать... и побеждать. Еще и затем, чтобы иногда сказать Любимову: «Нет-нет, этот номер, дорогой товарищ, у вас не пройдет».

21 декабря 1990

Пятница

Швейцер. Был вчера дома у него. Симпатичный разговор про счастливого либерала с трагической судьбой «Борисового пятна». Как бы умудриться сняться у него? Если он меня возьмет, я не поеду в Португалию и Италию с «Борисом».

Шацкая, возвращая дневники, единственное замечание сделала, улыбаясь: «Убери или зачеркни слово «выкозюливаться», кажется, на тринадцатой странице. Это слово не мое и я не люблю его». Она, Нинка, оказалась щадящим цензором, не то что ее муж.

24 декабря 1990

Понедельник

Япония отпала, кажется, ее не устраивает ни цена, которую мы заломили за спектакль, ни сроки...

Шаламов Варлам Тихонович бывал на «Таганке». «Добрый человек», «Павшие», «Жизнь Галилея» — значит, он меня видел... Какие люди посещали наш театр — Сахаров, Солженицын!

26 декабря 1990

Среда, мой день

Но главное событие и самое важное по сути дела — разговор с Суравегиной по поводу дневников. Какая из нее умная, толковая, подсознательная энергия прет... Нет, недаром она астролог. Потом я позвонил ей из театра второй раз. Она мне лихо расшифровала наши характеры с Владимиром:

«То, что не сказано впрямую, то, что я прочитала между строк... Позиция твоя человеческая вырисовывается... Володя сам собой был только в стихах. В стихах он писал, как должен жить, но жил он совсем по-другому. Конфликт с самим собой. Изначальная дисгармония. Существование его по сути, по существу было ложным — внутренняя дисгармония. Гармонии он достигал только в стихах, в творчестве. Он однороден... Ты — двуедин, ты — двойной... у тебя гармония с собой, может быть, она достигается тобой... тебе не спится. Между вами огромная разница. Он тяготился друзьями, всеми без исключения... чем больше тяготился, тем яростнее доказывал, что без них не может жить... Он тяготился, но без них действительно не мог. Тем, с кем он хотел поддерживать отношения, с кем не хотел ссориться, он говорил хорошие слова, самые хорошие, говорил совершенно искренне, потому что хотел видеть то, что он говорил, в этом человеке. А тому, с кем он хотел поссориться или порвать, он говорил то, что думает. И это тоже была искренность... Ты не сумеешь найти такие слова, чтоб как бы и не обидеть, и в то же время человеку дать понять, что ты думаешь о нем на самом деле... Он — прямолинеен, тут он настоящий, полный Водолей. Он вообще со всей жизнью и со всеми ее инстанциями, людьми, организациями, был снисходителен. Снисходил. Он не боялся КГБ, ему было наплевать на КГБ. Он хотел славы, денег, баб, успеха, шума. Он хотел от жизни дивидендов полных, неотступных, стопроцентных. Он их получил. Какую цену он заплатил — это другой вопрос. Я — астролог, но я еще и одна из тех редких женщин, которые были с ним знакомы, но не спали с ним... С тобой же... В тебе — двое... И когда одна твоя суть достигает перенапряжения, другая заливаает, уравнивает... Но все это я прочитала между строк».

Иосиф Бродский, «Мрамор». Вилькин дал читать. Филатов: «Не пригласил меня на свое кино. Жаль».

27 декабря 1990

Четверг

Филатов шибко врезал мне: «Мы с тобой как-то не разговаривали.. Я все думаю об этих твоих дневниках или мемуарах, как их назвать.. На решение твое это не повлияет, но все это такая неправда, ложь. Ты прикрываешься и рисуешь себя с чужих слов... свидетелей нет... дерьмо это, а не литература... детский лепет... дерьмо». И что-то еще очень точное он сформулировал, но наш разговор прервали. Быть может, это Нинка нажала рычаг или шнур выдернулся, не знаю. Когда отдавал пленки, Нинка сказала, что он с большого похмелья, спит, чтоб я не тревожил. Где-то на свадьбе гулял Леонид. Но настроение мне на Новый год он испакостил. Но любопытно: чем он больше меня поносил — «кроме дикого, нечеловеческого тщеславия, там нет ничего», — тем мне становилось злее-веселее и созревала уверенность: «а вот и напечатая на погибель себе гражданскую, а то и физическую...»

31 декабря 1990

Любимов давит формой. В такой форме любой бездарный артист может существовать, что они, собственно, и делают.

1991

12 января 1991

Суббота

Та ба ко в: «Я в детстве не понимал, откуда у носорога складки».

Губенко на «Таганку» звонит:

— Срочно ваш театр решили переделать в какую-нибудь церковь, или костел, или мечеть, в общем, во что-то такое на ваш выбор, только побыстрее. Золотухин ответственный, дело не затягивать. Это приказ.

Прошло десять минут, у Губенко телефон звонит:

— Коля, это Валера, все готово!

— Что готово?

— Ну, храм готов, театр переделали в храм.

— В какой храм?

— В храм Герострата!

14 января 1991

Понедельник, аэроплан, 1-й класс

Мы летим в Прагу.

Что нас ждет? Война с Литвой? Все опять против нас: Европа, Америка. Горбатый не ведает, что творит.

А в «Советской России» статья против Любимова «Между двух

стульев». Повод — его очередное интервью «свободным голосам». Не читал. Со слов Лавлинского понял, что, к сожалению, она на руку Любимову — его опять подвергают гонению за его инакомыслие. Губенко статьей, вернее поведением Любимова, возмущен. «Может, мне не ехать?» — был его вопрос.

Часто показывают сейчас на заседании Верховного Совета Губенко, поседевшего, постаревшего, озабоченного, отягощенного государственными проблемами. Думал ли он в эти часы о нас, о неприятной для него встрече с Любимовым, который опять кругом прав:

1) Успех его последней постановки в Мюнхене.

2) Статья Краснова.

3) Ввод войск в Литву — ничего не изменилось, и «я не вижу смысла возвращаться в обманутую страну».

Он опять на белом политическом коне.

Просмотрел еще раз рукопись и ничего не нашел, чтоб это не печатать. А Леня перебьется.

15 января 1991

Вторник

Сейчас ночь и не до анекдотов. Ельцин в Прибалтике объявлен предателем русского народа... Сволочи, как они его подставляют под народный гнев.

Собрание коллектива было в дискотеке, на втором этаже. Любимов начал с вопроса: готов ли коллектив подписаться под заявлением двух театров, осуждающим агрессию в Литве. «Тут надо поименно. А то человек промолчит, а потом скажет, что не понял, о чем речь. Вот Валерий Сергеевич, он сидит первый, пусть он и начнет». Валерий-то начал с подначки Желдина... но никто толком и не продолжил. Но документ принят, теперь надо будет ждать реакцию члена президентского совета, который может развернуться и улететь к ...матери. Я все записал на магнитофон. Любимов вставил:

— Ты известный летописец. Но твой друг скурвился — есть такое слово «скурвился» — и потерял талант. А вы так любите евреев, что соглашаетесь иногда с ними работать. Мы с Боровским читали, чуть не прослезились.

— Только это вы и запомнили, не разглядев иронию...

Документ у меня для расшифровки есть. Я эту пленку буду хранить как зеницу ока. Там много признаний, проколов. Оказывается, «крупный финансовый специалист» Левитин — жулик и проходимец. На мой вопрос: «Вы будете ставить „Подростка“?» — он начал плести опять о положении, об отношении европейского сообщества. «Нужны длительные заграничные гастроли. Но для этого необходимо найти деньги».

Весь вечер театр обсуждает, перемывает, перемалывает. Труба полная, и гастроли под угрозой срыва. Но мое поведение, начиная от организации мизансцены и кончая конкретными вопросами по делу, было воспринято коллегами с большим знаком плюс. Не-

сколько промахнулся Иван. Он сидел далеко, в сумраке прикрытый колонной, и, не сориентировавшись в серьезности шефа, крикнул:

— Предлагаю заняться искусством!

— Желательно на трезвую голову, иначе вы можете погибнуть от пощечин своих коллег, а не от танков, а это бывает иногда гораздо больнее.

«Не ему меня критиковать!» Я думаю, этой фразы Николай ему не простит, не спустит.

«Пострадать не от танков, а от пощечин своих товарищей» — это значительней, даже оскорбительней. Вот дословный текст.

Прилетел ли Николай? Где Глаголин?

17 января 1991

Четверг, не мое число

Американцы бомбят Багдад по точкам предполагаемого нахождения Хусейна. Горят несколько нефтепромыслов.

Сейчас мы соберемся у Николая в № 1618 для решения наших проблем. Завтрак обильный, не удалось мне сократить свой аппетит.

Собрание — Любимов, Губенко, Демидова, Золотухин, Боровский, Жукова, Глаголин. Началось с агрессивной, пугающей, запугивающей, обвиняющей интонации шефа: что вы, дескать, мне собираетесь предъявить, какие условия продиктовать. Хотелось уйти.

Вспомнил всем опять все грехи, про свои умолчал. Бортник на коленях ползет целовать мне руку, я ему говорю: «Уйди, пока этой рукой ты не получил по роже».

Поругались хорошо, чуть не прослезились от объяснения в любви, вспомнили молодость. Слава Богу, часа через полтора заговорили по-человечески и шеф растеплился. Будто бы Катя перевела, что он в списке «десяти», который объявила «Память», как отступник, продавшийся евреям. Ни о чем, конечно, не договорились. Боря начал: «В таком тоне и ракурсе с Любимовым нельзя разговаривать!» Не слышал начала разговора. У него такие резкие качания от верноподданничества к отступничеству — погладь его, он лизнет тебе жопу и про все забудет.

А в Персидском полыхает война. В Ригу вошли танки Горбачева, Польша и Чехословакия думают, как помочь Литве. Спектакль вчера начался с минуты молчания по убитым в Литве. В общем, полный п..., надо бы в это время быть дома...

У Беляева нет голоса, а такой крепкий парень. То же было с ним в Берлине.

Наши уехали на экскурсию, мы говорили и матерились в № 1619. По спектаклю Ю. П. делал замечания Демидовой и мне, чтоб не бился самоцелью в тень Грозного. Смотрел на меня мягко, иронично. Николай горячо говорил о предательстве Любимова в створе с Петренко... Но Любимов усвоил мой вчерашний ответ о Гамлете — ни один артист не имеет права на монополию в роли.

И сегодня начал он эту тему, но его «заговорили». Но я понял, куда он повел — спасти может только крепкий дублер.

Любимов о «Гамлете»:

1) «Мы начали с тобой серьезно работать».

2) «Я считал это единственной возможностью повлиять на Владимира».

Особое мнение: Высоцкий — великий поэт, и этим он особенно дорог русской культуре. Он хороший артист, но не в этом его сила. В поэзии и в личности, конечно, которая приковывала к себе внимание. Хоть вот роль Свидригайлова, с моей точки зрения, он играл блистательно.

22 января 1991

Вторник

Любимов утверждает, что «Память» включила его в первую десятку смертников. Так перевела ему Катерина. Во-первых, она ему могла наврать, чтоб не возвращался, не вздумал ездить в Москву, припугнула... Но утка пущена, она полетит далеко. Во-вторых, он мог наврать, сославшись на Катерину (не станешь же ее проверять, дескать, где это вы слышали и почему на иврите или венгерском?), чтоб найти для нас вескую причину для неприезда.

Как мало мне осталось жить?! Почему-то я положил себе десять лет. Что надо успеть сделать за эти десять лет? Во-первых, надо помнить замечательные слова Тamarы: «Как хорошо, что я ничего не делаю!» Потом я попросил у Господа еще десять лет. Любимов Петьку в шестьдесят два года родил. «А моя любимая со щек маков цвет стирает сальной тряпкой».

Начал Любимов встречу с труппой с упреков, привычных Ваньке, скучной, всем надоевшей нотации, а ему (Ваньке) и больно, и смешно, и мать (шеф) грозит ему в окно. «Театральная ситуация вам известна. Она неприятна тем, что Бортник так себя ведет. Хотя он был предупрежден, что сядет в самолет, а прилетит и сыграет Трофимов. Так, Иван, нельзя третировать, доводить, оскорблять людей — мириться с этим я больше не буду. Он дает слово и как хозяин слова берет его обратно, ведет себя так, что... Были эти разговоры и с Володей, все знают, что он полгода не работал в театре, потому что это уже было сверх всего... Но он все-таки понял и полтора года работал... Но он был болен. Это и врачи говорили, к сожалению, это наследственное».

И мы за собой замечаем, во что превратились за семьдесят лет. То, о чем писал я до собрания, — главный, быть может, пункт, к нему он подбирался долго, но Борис был готов, взял слово и произнес-то два предложения, что билет Ю. П. заказан на 4-ое, но нужно заказать с открытой датой. Подумать на месте недельку, ситуация сложная, приезжать вам опасно. Как тут все загалдели!

Демидова:

— Безнадежно, но не опасно.

Любимов закричал:

— Ельцина трижды физически старались убрать! У меня есть

сведения, что составлены списки, кто в десятке, кто в первой сотне, кто в тысяче. Меня тут же на аэродроме могут послать в другое место за мои выступления на митингах, за мои речи!

Вот и разгадка, вернее причина, веская для неприезда, причина, ясно, для дураков. А все Петькой прикрывается.

— Если бы у меня не было маленького ребенка, которого надо поставить на ноги... Я соберу информацию, я человек не бояливый. Мой сын меня спрашивает: «Папа, зачем ты меня сюда привез? Я тут жить не могу». Он четырнадцать школ посещал, мотался за мною. Характер сильный, не знаю в кого. (Ждал, что мы поддакнем: «Да знаем, знаем в кого!» А мы действительно знаем — в мать только.) А увидел 25-летие театра — до сих пор не может прийти в себя. Взбесившееся, пьяное стадо.

М а ш а:

— Можно придумать форму, как вас охранять.

— Я все равно узнаю, по чьей инициативе министр собрал вас. Он говорит «инициатива театра». Вот он придет, и я узнаю, что так ему загорелось, что у него — изжога, несварение желудка... Да, мы с министром не понимаем друг друга. Вы бы его спросили, раз вы такие смелые: «Коля, а зачем ты пошел в министры? Помочь партии, которую надо судить за преступления?» Ну, пусть помогает.

К вопросу о спасении семей и детей он нет-нет да возвращался. Но в открытую агитировать за эмиграцию из страны не рискнул, хотя и сказал, что и шведы, и норвежцы создают лагеря для беженцев из Прибалтики. Сначала, значит, надо убежать в Литву, как Гришка, а уж оттуда рвануть дальше.

— Надо понимать, в какой трагической минуте истории находится государство.

— Если вы не приедете, то кто, что, где и как будет ставить? Если вы настроились не приезжать, то скажите, как нам быть, что репетировать?

Ни на один вопрос он ответа не дал.

— Я ведь собрал вас не для того, чтоб вы осудили вхождение войск в Прибалтику.

Хотя, говоря, чтоб мы высказали свою позицию, он добивался именно этого, но вот была на всякий случай сказана и такая фраза.

Пока я писал и сном не позабылся, Горбачев какую-то речь по телевидению долбанул об отмене денег, пятидесяти- и сторублевых купюр.

Л ю б и м о в: «Поверьте, мне в этой жизни уже ничего не нужно, кроме чести театра. Только с этой стороны я уязвим».

23 января 1991

Среда, мой день

Тема Ефимовича:

— Чтобы знали: три месяца меня не было, я не получаю денег за это и никогда их не возьму. Я не работал три месяца и мне не полагается, чтоб не было никаких разговоров. Мне эти деньги и не нужны. Не за шестьсот же рублей я работал девять месяцев.

Моя девятимесячная работа принесла мне пока что одно только горе. Никакой радости, никакого желания работать, никакого желания вытащить театр, снова его сколотить. В театре есть свои периоды... он может иссякать, но единственно, что мне кажется, что он еще не настолько мертв, он еще может как-то существовать.

Репетиция идет нервно, но обормоты прощены.

«Вы мои нервы меньше бережете, чем нервы этих негодяев».

«Я человек суеверный».

«Лучше бы вы были верующий». — Но это тихо.

В том и беда, что суеверный. Как ни странно, неверующий Эфрос был более божеским человеком.

В конфликте Любимова с Губенко Борис излишне подогревает, нашептывает шефу негатив о Николае. Политика политикой, но объективно для Театра на Таганке Николай сделал дело огромное и не надо упрекать его глупостью газетной, что он не поставил спектакля своего. Вся его деятельность в театре, увенчанная советским паспортом Любимова и назначением его снова художественным руководителем театра, — самый лучший спектакль Николая, который только можно себе представить в этот срок его правления. А Боря подсеивает зря, он понимает отношение к нему Губенко, Филатова, Смехова. Они его за ноль держат. Борис не может от комплексов освободиться и отвечает глупо. Но, мне кажется, при благоприятной ситуации, при терпимости к нему отношений он весьма полезен может быть.

Я чувствую, что эти записи, и магнитофонные, и дневниковые, — одни из последних, относящиеся к истории Театра на Таганке. Она заканчивается вместе с входом танков в Вильнюс и Ригу. Она заканчивается по всем статьям. Я зря соврал шефу, что в отличие от министра мне «Самоубийца» нравится. Сорвалось с языка, надо было как-то потрафить ему, чтобы потом сказать жесткость. Так вот, я давно так много не писал о театре. Все пространство бумаги занял быт, роман и всякая ерунда.

24 января 1991

Четверг. Братислава

По телеканалам всякие угрозы и проклятия в адрес Горбачева. Буш: экономические санкции, если Горбачев не уйдет из Прибалтики, а Хусейн — из Кувейта. В какую страну мы вернемся?!

Глаголин тащит Петренко как доказательство: вот вы все, дескать, были против, шипели, а он может и будет. Да кто спорит! Это еще один кол в спину министра. И репетициями в Брно Глаголин принародно получил от шефа указания ввести Петренко на Бориса в Москве, и дать ему сыграть, и собрать прессу.

26 января 1991

Суббота

Ну, что ж.. Пришли ко мне вчера Николай с Шопеном, с водкой. Все те же повторили разговоры и жалобы. Посоветовал я Ни-

колаю ничего не говорить резко, конкретного шефу, не брать на себя, не уговаривать — в любом случае он будет рассматривать его как лицо должностное, принадлежащее к партократии. Николай сказал, что он ищет малейшего повода, чтоб выскользнуть из этого хомута — министерства.

— Я пока не могу Горбачева предать, который сделал все, чтоб вернуть Любимова, а вот теперь... «Я единственный из визитеров, который приехал и работал, вкалывал, не промелкнул таким фейерверком, а работал девять месяцев как проклятый». Я стоял рядом и понял, кого он имеет в виду — Войновича, Лимонова и др. Многие ведь приезжали и уехали. Но они и не получали паспортов и гражданства, не становились опять художественными руководителями — Ростропович с Галиной, в первую очередь он имеет в виду этих блестящих визитеров.

Короче, после третьей, солидной дозы Николай принимает решение срочно собраться по случаю дня рождения Володи у него в апартаментах.

— Свистать всех наверх, кто с чем может: есть водка — с водкой, с бутербродом, с банкой консервов, с куском хлеба, с пивом, водой, яблоком, голые, мытые, невымытые, спит — разбудить, пьяный — растолкать, но чтоб все были!

Кто мог, кто был на месте — все явились. И это было хорошо. Выпили за Володю. И опять разговоры, споры, уговоры Любимова.

— Театр мертв, особенно по утрам. Вечером еще что-то копошится в нем, какая-то видимость жизни, энергия искусства, легенды, тень...

Хорошо говорила Демидова, умница она все-таки и многому жизнь ее научила. И попривыкла она, но свое отточила и сохранила. Она говорила: «Зачем мы уговариваем, тащим? Есть данности, которые мы не можем не учитывать. Александра Николаевна Гончарова, старая дева, в пятьдесят лет родила... полюбила... вышла замуж... сорок лет прожила в тишине, забвении. Это данность. Катя, Петя, возраст — все это данность, судьба... А мы хотим навязать ему свою судьбу, так как нам видится, хочется...» Спокойно, очень хорошо, ясно так она говорила, что, казалось, и возразить нельзя, только согласиться и принять. Нет, у Маши нашлись опять какие-то контраргументы, опять она эмоционально стала прожектировать. «Маша, ты сначала думай, потом говори».

Глаголин:

— Я хочу выпить за Таню и ее дочь! — (За дочь Т. Иваненко от Высоцкого.)

Губенко:

— Хоть бы показала дочь. Почему она не в студии?

Таня:

— Потому что она умная.

Любимов:

— Да, здорово она умыла актерских детей.

Ну, а я, когда созрел для тоста (опять он меня коlobком назвал, и теперь я понял: я от дедушки ушел, я от бабушки ушел... везде про-

катился, нигде не застрял, хитрый такой, ласковый. Но это лучше, чем я думал — потолстел, покрутел... А это о себе мнение я знаю давно. К нему же относится: ласковый теленок двух маток (сосет), сказал, что Володя родился под знаком Водолея. Алла добавила, что Россия вступает в Водолея. Что весь практически февраль пройдет под этим знаком, давайте проживем его в мире, в добром отношении друг к другу, быть может, зародится что-то здоровое и в государстве, и в нас, сыграем на уровне все февральские спектакли и встретимся в Штутгарте добрыми, здоровыми и с новыми идеями... Не загадывая вдаль, как говорил Теркин, доживем до Штутгарта. Пусть Володин Водолей поможет нам. Что-то в этом роде.

Пьяная Додина комментировала каждое слово любого. «Он учился на нашем курсе, никому в голову не могло прийти: Высоцкий — Гамлет! Надо быть Любимовым, чтобы такое выдумать: Володя — Гамлет, да что вы...»

Сайко вякнула:

— А «На дне»?

Любимов всполошился:

— Да я разве запрещаю, играйте, если нравится, если к вам пойдет народ. Я никогда не запрещал чужие спектакли, мои снимали... — И пошел.

Как его это задевает. Тут он прокальвается весь, до дна. Бедная Наташка-то в связи со спектаклем «Высоцкий» подвякнула, что нельзя играть один раз, 25-го числа.

Не было Ивана, Жуковой... Около двадцати трех Николай командовал: «Прошу покинуть мой номер!» Но действие удалось, при всем хаосе мнений, крике, пьяной неразберихе... Удивительно, если бы Николай на полчаса опоздал со сбором — все были бы уже в умат и не собрать бы никого. В полном составе только рабочие явились, но тоже на крепком взводе.

Гладких:

— Я от начала до конца вела все «Гамлеты». Он выступает, отдает мне сигарету: «Вера, я бы все отдал, только чтобы не играть, сил нет, Вера». И все-таки играл... Он меня любил, денег всегда давал, и Коля давал, и этот... как его... Как же я любила Володо!

27 января 1991

Воскресенье. Унитаз (в ванной тепло и светло)

Приснился мне Любимов — с лицом северного корейца, в зеленой гимнастерке, увешанной медалями и орденами, ярко-сочно-зеленой, желтизной отдающей.

Вспомнилось на днях, как мы с Вовкой болото косили, как метали стог и как потом его раскидывали и сушили. Это был тот год, кажется, когда мы приезжали с Нинкой. Тогда же и дрова заготавлили. Володька старался еще и потому, что Ольга жила у деда с бабкой, держали корову. Тогда я и вышиб одной битой целую фигуру. Перед тем Нинка загадала: «Загадываю, зайчик, если одним ударом вышибешь, будешь великим артистом». Ну я и вышиб.

И что? Стал я великим артистом? Кем-то стал, до «народного» дошел, чего-то сыграл приличное, но что такое — великий артист?! Кто у нас великий?!

29 января 1991

Вторник

— Да знаю я, Галина Николаевна, ну чего хвалить — это все видят... Если он только не успокоится, пройдет медные трубы... Владимир прошел медные трубы, он понял под конец жизни. А Николай Николаевич, которому ты так прощаешь все, не прошел испытание властью.

Настроение срочно поднять. Чем? Молитвой — научи меня, молитва, надеяться, верить, терпеть, любить и прощать. Так вот, простим Любимову и вспомним: кто из нас не согрешил словом! В сердцах, в гневе, в помутнении. Уверяет он себя, что прав, и Бог ему судья.

Господи, пошли легкости, пошли скорости!

Мы закрывали сегодня наше турне по Чехословакии. Помогите выстоять мне и партнерам моим. Чтоб хоть трезвые были и добрые.

9 февраля 1991

Театр

Пока я не заставлю себя насильно открыть дневник — я живой труп. Когда я пишу — я живу.

10 февраля 1991

Воскресенье — отдай Богу

Сегодня «Годунов», выдвинутый, оказывается, на Государственную премию (Любимов, Губенко, Золотухин).

14 февраля 1991

Четверг

Два чумовых дня в Ленинграде. Теперь «Чума». Завтра кинопроба у Швейцера с Денисом.

17 февраля 1991

Воскресенье. Мое число!!

О чем бишь я? Да, расстроился предстоящим сегодня просмотром комиссией по госпремиям «Бориса Годунова». Почему не «Живого»?! А так я могу и пролететь в связи с интерпретацией «Бориса» как «Оптимистической трагедии». Да и вообще. Я убежден, что во всех этих организациях наверняка огромное количество завидующих Любимову и обозленных на Губенко людей, думающих, что это все политизированное, раздутое фуфло.

К театру нашему на Таганке в самую пору применить активную эвтаназию, то есть смертельный укол безнадежно больному организму, чтоб не мучился и других не мучил. То есть резкая сверху реконструкция. У нас же даже не пассивная эвтаназия, потому что система жизнеобеспечения как-то поддерживается: то гастролями, то выдвиганием на госпремию, то какими-то прожектами. И это вообще-то должен Любимов решать. Человек рождается, никого не спрашивает и его не спрашивают. А когда приходит время уходить, много проблем возникает. Самоубийство — страшный грех, да и сам человек хранит надежду и на выздоровление, и на обретение жизни вечной. И начинается всяческое бальзамирование, всякие приемы использует человек и психологические, и терапевтические, и жениться на молодых особях пыгается (от лежания с молодой молодым не станешь, но видимость поимеешь).

25 февраля 1991

Понедельник. Театр

После «Высоцкого» публика не реагирует на пародии, она не знает манеры Рождественского, Вознесенского. Брежнева еще узнает. Боже! Как пролетело время, а мы все старьем потешаемся.

«Актерские работы Губенко и Золотухина достойны государственного поощрения», — так передало радио, а я вчера публично Горбачева лягал за то, что он нашего Кольку с пути праведного сбил. Теперь, боюсь, не дадут, не проголосуют. В пристяжке где-то и «Живой» был, но идет на обсуждение и голосование один «Годунов». А хорошо бы лауреатом стать, к 50-летию, глядишь, и подарок.

26 февраля 1991

Вторник

Сюжет с государственным вознаграждением покоя не дает... Я хочу быть похожим на Олега Янковского в момент вручения ему госпремии — смокинг, бабочка. Я хочу оказаться опять в этом зале Кремля, только теперь с Астафьевым. Тогда получал Распутин за «Пожар». Я хочу, чтоб этот день в моей жизни состоялся. Я уже вижу его отчетливо. И еще я помню, как искренне приветствовал и ликовал за «своих» Абдулов. Будут ли ликовать Бортник или Шаповалов? Только ради этого стоило бы организовать моей фортуне или бесу этот день. Тем еще «приятнее», что Астафьев назвал наше действо «Оптимистической трагедией».

Маслов вчера рассказывал про одного замечательного рок-музыканта, поэта, который поехал на Алтай, увидел горный Алтай, обалдел и остался... пасти лошадей. И до сих пор пасет где-то в истоках Бии. Быть может, ему заказать песню про Алтай?

Назаров грустную мысль сформулировал в начальном слове: мы сделали с Валерой первый фильм, сейчас будем делать еще один, и для меня он может быть последним. Потому так серьезно настроен В. А. на этот фильм. У Петренко — репортаж, перечень, журналистика, у нас — сюжет.

«Моя корысть в этом простая: потратить остатки своей жизни на возрождение храма».

6 марта 1991

Среда, мой день. Германия

Сейчас мы увидимся с шефом. Пронеси эту чашу мимо, Господи!

7 марта 1991

Четверг

Среда вчерашняя твоей оказалась. И хоть ты глотал пиво, но кривая тебя вывезла, и шеф нормальные слова говорил. Он долго меня мурьжил словами «вообще», о театре, жизни и политике. «Развалины Карфагена.. Но в музей тоже ходят». Так он охарактеризовал вчерашнее зрелище. «С Колькой мы разошлись окончательно. Мне даже с Демичевым...» — И тут что-то нас прервало. Вспоминал триумф «Доброго» много лет назад, еще был жив Владимир.

На экране нормальные, живые люди. Буша я увидел сегодня раз пятнадцать, он что-то опять в конгрессе отмочил, и хлопали ему, и он выглядел победителем. Шеф тоже счастлив, что Хусейн разбит и наступил относительный мир. Он выиграл какое-то пари у какого-то генерала.

8 марта 1991

Пятница

Около десяти часов утра местного времени. Господа, никто из вас не чистил зубы бальзамом для ног, который положила мне Тамара Владимировна? Я три дня не мог понять, что это за паста, почему с языка не сходит желтый налет и почему я никак не могу его содрать зубной щеткой. Хорошо, что жена не положила мне обувную ваксу.

9 марта 1991

Суббота

И сегодня на репетиции — нет-нет, да и стычка или стычечка. Губенко сказал Глаголину, что тот неправильно себя ведет, что надо резче и определеннее вмешиваться в ситуацию, что он, может быть, один спектакль сыграет в Испании, но больше он в этом участвовать не хочет...

10 марта 1991

Воскресенье

Губенко, по-моему, играл здорово, мощно, горько. Всю свою судьбину министерскую выговаривал в тексте, подтексте. Трагедия

начинает прорываться. Вот как человеческая твоя судьба просматривается в роли.

Колька с ума сошел. Он дает указания министру Латвии, министра Грузии учит. За границей у него рейтинг нулевой. Вот что значит один раз выступить по телевидению и подписать письмо... Меня на Западе спрашивают, что случилось с вашим министром... повлияйте... скажите ему. А что я ему могу сказать?!

«Политический онанист» — так Губенко охарактеризовал своего учителя перед выходом на «Годунова».

Семьдесят процентов было эмигрантов в зале, им было интересно лично Любимова повидать и услышать. Ну и пусть городит себе. Слава Богу, он про Горбачева и Литву не вспомнил. Хотя газета немецкая про наш гражданский отклик поведать штутгартцам успела. Но, может быть, оттого, что в Союзе его заявление не было принято всерьез, то есть никакой реакции не последовало и в печати нигде это не засветилось, это, наверное, Любимова огорчило. Рассказы у него путаются. То он говорит, начал с того, что вошел в кабинет к Андропову, а закончил тем, что разговор был по телефону, от его большого друга, гениального ученого Капицы, по вертушке: «Вы, Юра, разговаривайте тут с ними (и показал на портреты Политбюро), а я пойду в лабораторию».

Алла такую картину голодающей Москвы нарисовала, что мне жутко стало. Оказывается, бродят стаи одичавших, выброшенных, голодных собак и кошек, и вереницы голодных стариков с кошелками. Очень хочется ей Электру сыграть. У нее смысл жизни появился, она опять живет надеждой.

Я хочу заложить храм в Быстром Истоке.

По пути из Твери, в машине, окрыленные разговорами с полиграфистами, стали мы считать доходы-прибыли, и получилась в результате такая дилемма-формула, что при гонораре где-то порядка 75 000, тридцать из них составит налог, то бишь в казну государства. Теперь еще проще — как красиво пристроить налог? Краснопольский предложил детдом на Алтае. Еще было много предложений, вариантов, и вдруг осенила меня мысль: церкви, а точнее... Я ведь путь свой, кроме крылечек, школьных вечеров, начал на сцене ДК, который приспособили из деревянной и довольно симпатичной церкви. Теперь надо исправить дело рук отцов — снова ДК превратить в храм... не размашистый, не масштабный, но каменный. А клубу иное место сыскать. Идея эта ошеломила мое воображение, я тут же связался с Башуновым, он в вопросах религии разбирается, сразу вопрос ребром: а есть ли там община и зарегистрирована ли она. Короче, у него есть сведения, что там и десяти человек хватит. И что в тех местах был какой-то священник, не то бийский, не то барнаульский, и что воспринята моя идея боговдохновенно.

— Вы за Горбачева? Да или нет?

— Нет.

— За Ельцина?

— Да.

Ну, так и не получу я госпремию, я ее уж и ждать перестал, я забыл про нее.

«Уважаемый Владимир!

Я обращаюсь к Вам, а через Вашу замечательную газету ко всем читателям с вопросом, на который знаю ответ. Нужен ли большому селу Быстрому Истоку храм Божий? Нужен. И объяснить почему — нужды нет. На месте того Дома культуры, где начинал я свой актерский путь, стояла деревянная церковь. Потом отцы наши, по своей одурманенности революцией и атеизмом, разрушили ее и переделали. Эта часть истории мне мало известна, да, собственно, суть и не в ней. Я хочу обратиться к жителям Быстрого Истока и к жителям сел прилежащих поддержать мою идею и начать строительство нового храма. А начать строительство с регистрации общины и сбора средств, на что и хочу сделать мой первый вклад в размере 30 000 рублей».

В. Золотухин

13 марта 1991

Среда, мой день

И с утра не везет. Сидим в Шереметьеве-1, Могилев не принимает.

К большому для меня сожалению, посмотрел прекрасный фильм Филатова «Сукины дети». «Это надо смотреть», — сообщил мне Назаров.

18 марта 1991

Понедельник. Мадрид

Первым делом проверил розетку — русско-советский артист. Хотя не знаю, вчера я голосовал против Союза, может быть, Бог даст, я уже и не советский.

Слышал в вестибюле голос шефа, но на глаза ему не показался

19 марта 1991

Вторник. Отель

Зацепил за завтраком шеф. Не успел я смяться. Снова о том, что надо поговорить, снова о Кольке: «Он со мной разговаривает только через газету. Так он боится, потому что знает, что разговор этот будет для него крайне тяжелым». Николай же считает, что Любимов за его спиной говорит гадости, а в лицо сказать боится. Между прочим, Любимов такую фразу мне сказал: «Хоть ты и артист, они тебе твоего заявления в Штутгарте не простят». — «Какого заявления?» — «По поводу Ельцина и Горбачева. Где можно, они постараются тебя прищучить». Перевирает всю историю с бароном, я все-таки попытался ему разъяснить, как было на самом деле, что барон не мог перевести — не упразднено слово «товарищи», его употребил Пушкин в сегодняшнем спектакле. Барон не

нашел адекватного немецкого слова-обращения и был отстранен рукой министра. Жест хамский, но справедливый.

Шеф хочет читать «Подростка» здесь. Ну, допустим. Говорит, что уговорит Стуруа на постановку. Но он не верит в нашу дисциплину и организованность.

Л ю б и м о в:

— Мы будем с ним говорить. А в какой компании он собирается говорить со мной? В компании с Пуго, Язовым. И как ему не стыдно разговаривать со мной через орган, посредством органа ЦК?!

Губенко много сделал для театра, как и Эфрос. И я с Губенко и Любимовым в оценке роли Эфроса в судьбе театра не согласен. Для своей собственной судьбы, быть может, Эфрос принял роковое решение, вот тут ему Бог судья.

20 марта 1991

Среда, мой день

И день «Бориса». В Мадриде первый «Борис» и, говорят, с участием министра тоже состоится в среду.

Нет, я не вижу себя затворником, на монашеский подвиг я не гожусь — сильно испорчен... но жизнь смиренную, богоугодную я бы хотел начать, если на то будет святая воля Его.

Л ю б и м о в:

— Приедет министр, вы сразу по-другому будете себя вести, потому что он министр для вас.

— Юрий Петрович...

— Да-да, надо снять вас скрытой камерой, чтоб вы посмотрели на свои лица, когда он появляется. Как гаркнет на всех...

— Да он кричал, когда и не был министром.

Это акция случайная. Я ничего не имею против нашего министра. Он в тяжелом положении, как и вся наша культура, как и все мы.

Мечтаю я и братьев, родных и двоюродных, привлечь, увлечь этим делом. Благо старший, Иван Сергеевич, в самом Быстром Истоке живет. Он хотя и коммунист, но в благом деле участие несомненно примет, потому что уважает веру других.

21 марта 1991

Четверг. Мадрид, отель, № 327

А почему я не должен хорошие слова о себе записывать, а только замечания шефа.

Любимов. Я понимаю, с каким нетерпением (в последнее время) шеф ждет встречи с нами, со своим театром. Как ему хочется поговорить, как ему хочется многое успеть нам сказать, ведь в наше отсутствие, вернее, в его неприсутствие, ему же некому слова сказать, в особенности о театральных делах, о делах актерских. У него это копится, копится... и вот мы приезжаем, и он разряжается на нас... на всех и на каждом.

Противоречия в труппе. А для меня эти поездки благословение. Я привык к ним, в отеле — я дома.

2 марта 1991

Пятница

На что Николай рассчитывал, стоя в подъезде ЦК, вытаскивая Любимова гостем в СССР?! Он же и в мыслях не мог держать министерский мандат. Сузим проблему — сыграть Годунова! «Высоцкий» уже был восстановлен. Сыграть и уйти опять в кино, в надежде, что мастер опять примет театр. Каких Николай себе добивался венков?! Общественное мнение было на его стороне. Он добился. Он сделал невозможное. А в общем-то, если опять все сузить, в чем заковыка? Да в том, что «Чума» и «Самоубийца» не получились, не дали желанного успеха, взрыва. Старые, да, восстановленные. А дальше-то король оказался голый и только потому, что все время спешил на Запад. А тут и новая политическая игра затеялась. И опять прав Николай, что «сейчас не время говорить обо всем». И Любимов боится, что могут сказать, когда будет время говорить.

Во-первых, во-вторых и в-третьих, никто его из страны не выгонял. А нынешний конфликт с министром культуры, членом КПСС, членом ЦК КПСС... Да он ему только на руку. Если бы его не было, он бы его выдумал, впрочем, ведь он его и выдумал. Ну кто тебе не дает сейчас работать?! «Легче было с Демичевым...» Так это понятно, об этом по-умному-то молчать надо. Ведь в этих оговорках и обнаруживается все. Демичев закрывал продукцию — спектакли, значит, душил художника. Кто сейчас тебя душил? Губенко? Да Бог с вами! Работайте, ставьте спектакли или руководите театром, постановками. Вы же не являетесь на работу! И для этого отыскиваете разные причины. И при чем тут членство Николая в КПСС или его министерский портфель? Для другого режиссера — это находка, это фарт, это карта тузовая: ученик-министр, да к тому же играющий. Но нет. «А он, мятежный, просит бури...»

Скорее бы дали госпремию, да и хрен бы с ними.

Да, никому мы тут не нужны. Но Любимов утро начал с поноса министра — интервью очередное. «Он начал со мной через газеты разговаривать, что ж, пожалуйста». Что он там нагородит в Мадриде?!

«До дна протравленных политикой времен». Это и к нам относится, вместе со всем достигнутым Любимов обкорнал нас и повернул в обездуховленность, заразил чумой общественных разговоров, интересов, мещанской конкретикой, суперреалистикой. «Неисследимо...»

Что за эти восемь лет сделано, чего мы достигли? Умер отец. Умерла Тоня. Начались перестройка и гласность. Господи! До чего же скучно жить на этом свете!

«Кроме дикого, нечеловеческого тщеславия, там нет ничего» —

Филатов о дневниках. А я присматриваю себе взаправду нож и баллончик со слезоточивым газом. Наверняка будут на меня покушения или мордобитие. И я собираюсь обороняться. Глупый! Или сбежать в Быстрый Исток на год?! Боюсь за семью, за окна, за дачу. Куда-то прет фантазия от страха. А неприятности-то могут быть только от коллег, да нет, не утешай себя, Валерий, готовься. Раз уж решился — плюнь. А убьют — погром начнется тут же.

Неужели вся жизнь не удалась? Нет, не верю. Только бы получить от государства премию, то есть, получается, от Горбачева, что ли, против которого я?!

Я согласен с А. Морозовым — всегда такого рода документы, как дневник, зашифрованы. Даже для самого автора. Это происходит бессознательно, подчас ты сам себе невольный цензор, и как раз не там, где надо.

28 марта 1991

Четверг

Говорят, у нас в Союзе какой-то важный политический день. Ельцин будто бы вышел на финишную прямую против Горбачева. На Красной площади грузовики, танки наготове. Прольется ли кровь, все гадают.

Второй день Анхель говорит мне, какой великий актер Губенко, как он чувствует трагедию народа и свою ответственность... Он один, он выбивается из всех сил. И почему так решен Отрепьев? Кто такой Отрепьев сейчас?! Анхель долго, правильно и нудно рассуждал. В рассуждениях он смыкается с моими русскими — «это не русский спектакль, кроме русских песен русского нет ничего». А я подумал, что, если он прав, мне не дадут государственное вознаграждение.

С Анхелем и Любимовым сфотографироваться надо.

Анхель:

— Любимов не верит в Бога, хоть и много говорит о нем. «Бог не здесь (показал пальцем на кончик языка), но здесь (показал на лоб)». Думал, скажет «в сердце». Он в каждой клеточке. И в этом смысле в России заложено все. От России зависит идеология мира. А Любимову Россия не нужна. Он не думает о судьбе русского народа, русской души. Россия ему нужна как реклама... для звездочки, для языка — это проституция. Он смеется, издевается над русской Россией.

Заплесневелый хлеб я обрезал и кусочки московские подсушил на настольной лампе, положив на абажур пепельницу, а в нее — хлеб. Замечательно подсох он, и я съел его с тремя помидорами. К быту артиста. Хорошо бы теперь поспать...

Что творится в Москве — понять невозможно. Огромная толпа, много милиции, и конной в том числе, менты машут дубинками. Открылся съезд Верховного Совета. Господи, спаси мою Родину!

30 марта 1991

Суббота. Самолет

Евтушенко в накопителе пишет на походном компьютере, и сразу это набирается в «Огоньке».

— Если ты пишешь о театре, пусть театр купит тебе компьютер.

— Компьютер убьет меня.

— Театр убьет тебя раньше.

— Да, недолго осталось, недельки две—три.

Прощай, Мадрид. Не скоро мы теперь твоих ворот достигнем!! Но кто-то произнес вчера словосочетание: фестиваль — Мексика — «Живой».

6 апреля 1991

Суббота, отель «Zurigue», № 214

«Прощай, Таганка» Нины Агишевой... это что такое?! Оправдание Любимова: «Спасибо и простите». И о «Борисе»: «Чего стоит одна его гениальная находка — образ толпы!» Похоже, это ответ на интервью Губенко, его болтовню по «Свободе» и т. д.

Статья, как бы подводная итоги году отсутствия шефа в театре и стране.

А у меня одна мысль — это акция доброжелателей перед тусовкой за госпремию.

7 апреля 1991

Воскресенье Христово, светлое

«Дана нам красота невиданная и богатство неслыханное. Это — Россия. И глупые дети все растравили. Это — русские». В. В. Розанов, «Мимолетное».

10 апреля 1991

Среда, мой день

Тамара: «А мне Шопен больше нравится. Ну, он и актер лучше, чем Коля. У Коли, может быть, все это четче, но он выхолощен. Шопен живет, ну, как бы... Коля на машинке печатает, а Шопен от руки пишет. Коля механичнее». Здорово сказала, я тут же поделился с Виталием, и он захохотал.

Перед этим она сетовала, что я сугулось очень, фигура какая-то овальная, голова на груди, «ты следи за своей походкой». Может быть, от этого вида моей негероической фигуры Любимов и дал мне напольные, ползающие мизансцены — к земле ближе... И тут я в своей стихии, как дождевой червь, — тут пластика моя животная выручает меня, вывозит, скрывая недостатки и выпячивая возможности.

11 апреля 1991

Четверг

А мысли какие в голову приходят: в день 50-летия, 21 июня 1991 г., покинуть Театр на Таганке и профессию вообще. Отчасти и из-за испорченной жизни с коллегами, которые, конечно, не простят мне «Дневников». И мечтается: поселиться в Быстром Истоке, книги свои развозить по деревням, общину церковную создать и открыть счет в банке. Начать обжиг кирпича. Но ведь голос мне все равно понадобится. В 1992 году будет отмечаться 600-летие Сергия Радонежского. Хорошо бы в этот день заложить храм в Быстром Истоке в его память — «Сергиев храм». Эта счастливая мысль мне пришла в голову вчера в автобусе. Об этом тоже в письме к Башунову упомянуть надо.

15 апреля 1991

Понедельник. Ту-154

Про Говорухина: «за рамками всякого приличия», «прополоскав белье своих коллег». Что-то похожее, да похлеще, напишут про меня.

Мы дома и слава Богу! У Швейцера — пересъемка последнего эпизода (к/ф «Как живете, караси?»).

19 апреля 1991

Пятница

Первая ласточка, и самая приятная, долгожданная, доказательная, опасная.

Люся Абрамова звонила Тане Вашкиной. Я взял у Таньки Люсин автограф-документ. «Таня! Ты не читала Валерины дневники?! Меня отпаивали. (Я похолодел.) Это жестоко, но правда. Многим в театре она будет поперек горла. Но ни Алла, ни Веня не смогли сказать это так точно и сурово по жизни. А за кусочек о „Галилее“, где вводился Хмельницкий, я бы ему в ноги поклонилась. Увидишь его, расцелуй. Прочитав это, я плакала и как бы вновь пережила этот отрезок жизни».

У Леонарда тоже пока только два хороших отзыва.

Разговаривал я сегодня с председателем исполкома в Быстром Истоке Тищенко Валентином Кузьмичом. Юридический запрос о регистрации общины они послали, ждут ответа из Барнаула, от благочинного о. Николая. Идея в народе и у Совета встречена одобрительно, собирался он мне звонить. Говорил я с Иваном Сергеевичем. Сообщил председателю и о праздновании 600-летия Сергия Радонежского, и о перспективе закладки храма на 1992 год.

20 апреля 1991

Суббота

Угнали машину.

Хотел схватить в церковь, кой веки собрался, жену обманул, сказал, что на заправку — подошел к месту, где вчера оставил машину, и не верю глазам своим — нету. Место пусто. По совету Панина перегнал я ее вчера на другую стоянку, рядом. Из багажника вынул ему водку. Три осталось. Жалко пленку, гвозди и водку. Не на чем ездить на «иголки». Как везти на дачу тещу?

24 апреля 1991

Среда, мой день

В Тольятти школа-лицей Сергия Радонежского просит помочь. «Город и власти заняты только штамповкой машин». Конкретно, 3-го июля в ЦДЛ вечер-заседание... по возвращению Загорску нынешнему исторического имени Сергиев Посад. И опять пересекается судьба моя с Сергием — я играл Загорского, убитого большевика, правда, там он был Горский. Я объявил, скорее предупредил, старосту прихода Арину Григорьевну, что храму хочу дать имя Сергия Радонежского.

Передавая ксерокс «Литературного обозрения», Таня сказала: «Самому смелому и мужественному человеку».

Посмотрим, чем аукнется эта смелость. На спектакле завтра будет много именитых гостей. Тяжелыников!! Маслов говорит — он очень высоко.

Кто у меня забирает энергию?! Где я подзаряжаюсь? Кто на меня действует положительным зарядом?!

1 мая 1991

Среда, мой день

С утра был в Богоявленском соборе, поклонился мощам Серафима Саровского, купил за двадцать пять рублей «Житие Сергия Радонежского» с нестеровской картинкой на обложке. Думаю еще купить и отослать в быстроистокскую библиотеку.

Начал осваивать компьютер. Счет, письмо. Голодаю. Выпил кофе по возвращении Тamarки, съел орешки. До утра бы дотянуть. Сейчас начну читать «Житие». Короткую брошюрку о С. Саровском прочитал. Днем спал — это у Серафима есть в советах каждому иноку.

А б р а м о в а: «Неужели, думала я, никто не скажет правды... Все, что о нем написано за все это время, все вместе сложить, не стоит страницы твоих дневников. Какая ты умница, что вел дневники... Я не могу без слез читать это... я иду по тем дням...»

13 мая 1991

Понедельник Рано, кухня

А 4-й номер «Литературного обозрения» все спрашивают, все ждуг, говорит киоскерша.

14 мая 1991

Вторник

И выход я нашел самый простой — справить 50-летие в театре (где же еще?), в моем театре, и сыграть «Доброго», именно «Доброго», с которого, собственно, и начался театр — мой театр.

Актерский рейтинг: Смехов на 6-ом месте по популярности (?!), Филатов вообще не назван (?!). Это что-то любопытное. Я своим глазам не поверил, я десять раз глазами просмотрел список — Филатова нет. Что же это такое?! Я очень обижен за Филатова, как-никак, это моя семья. Как Венька вообще пролез в этот список, не говоря уж про 6-ое место?! Загадка.

20 мая 1991

Понедельник

Нашел я другой грустный автограф Ю. П. Любимова:

«Валерию. Артисту, писателю, а иногда и человеку! Ю. Любимов. 82 год. P.S. Шучу».

На титульном листе пьес по Ю. Трифонову.

25 мая 1991

Суббота

Вчера звонил Ивану, час с лишним бестолкового разговора, крика, увещевания. Нет, он убежден, что ни в чем не виноват. «Да я никогда в жизни не приду на это собрание, что я — идиот? Чтоб мне каждый плевал в лицо?!»

Осадок неприятный. Звонил ему Губенко. Сказал фразу: «Я без тебя играть не буду». Молодец, Коля, зарабатывает очки. Противу коллектива, один противу всего села.

27 мая 1991

Понедельник

На «Высоцком» сказал Николаю:

— Мне хочется что-то сделать для тебя, чтобы ты не обращал внимания на всякие статьи.

— Я и не обращаю. Что ты? Я давно адаптировался, еще здесь.

Он имел в виду свою деятельность на посту худрука «Таганки».

28 мая 1991

Вторник

Ну вот. Ленька опять меня «расстроил»: у него уже готов второй сценарий, а ты первый фильм не видел. Когда он успеваешь?! Я бы после такой удачи год бы праздновал, ни х... не делал бы, все мемуары писал, как я делал и что думал, какой у меня стул был и какие женщины. А он строгий... и все по делу.

29 мая 1991

Среда, мой день

Экзаменовал Серёжу, что он знает о своем отце. Мало знает. А поедет в Германию, вдруг у него все будут спрашивать обо мне, а он и не знает. Наивный и тщеславный у него отец. Я ему рассказал, кто такой Самозванец и кем он назвался... про театр и про кино. И что отец знаменит тем, что работал и жил рядом с Высоцким, и в анкете В. В. обозначен как его друг.

31 мая 1991

Пятница

Спектакль «Высоцкий» шел вчера без Губенко первый раз на советской земле. И спектакль прошел хорошо.

6 июня 1991

Четверг

«Проснись! В твоих руках, избиратель, судьба моя». — И стучится к спящему мужику баба-Россия, напоминающая американскую статую Свободы. Поможет ли наша тусовка Ельцину?! Вряд ли. Уж если он наберет всем набранным авторитетом, то сделает это сам, своей персоной. Но политическая волна — дело затягивающее, видимость прогрессивной деятельности.

Митинг на площади мне удался, голос звучал, книги Ельцина подписывал.

7 июня 1991

Пятница

Тусуемся с Камчатковым. Хоть бы с первого тура Ельцин победил... Неужели затянется эта бодряга?

8 июня 1991

Суббота, Киров, гостиница «Вятка»

Три дня я деру горло за Ельцина. Надо же! Есть ли в этом смысл?!

11 июня 1991

Вторник, Одесса, «Красная»

Неужели Ельцин не победит? Пугает заявление Жириновского: «Ельцин никогда не будет президентом». Действительно, он похож на помесь Хлестакова с Геббельсом.

Помоги, Господь, Борису Николаевичу! Но на все святая воля Твоя.

12 июня 1991

Среда, мой день

Жизни надо придать дополнительную скорость, ускорение. Зависит оно от меня и Ельцина.

19 июня 1991

Среда, мой день

«Уважаемый Егор Владимирович! Убедительно просим опубликовать нашу телеграмму. Отношение к Н. Н. Губенко, высказанное артистом нашего театра В. Смеховым в публикации „Господа начальники“, является его и только его личным мнением. Наше отношение к данной акции Смехова следующее: мелочно и мерзко».

Демидова не хочет подписывать — не читала. Славина: «Я — артистка, а это — политика».

22 июня 1991

Суббота. Театр

Телеграмма от Бориса Ельцина.

А я поздравление Ельцина — правительственное послание — гладю вышиваю на трехцветный российский флаг. А также Губенко.

24 июня 1991

Понедельник

Любимов разговаривал вчера из Иерусалима с Борисом. Хочет, чтобы я через своих людей поговорил с Ельциным и тот бы сделал шефу вызов.

13 июля 1991

Суббота

Надо не оставить дело с храмом!!

16 июля 1991

Вторник

Такой замечательный, льстивый, «шампанский» разговор с Евтушенко. Кажется, он уговорил меня играть д'Артаньяна. Обольстил.

Но и в разговоре, в монологе, он дьявольски хорош, талантлив. Он и Пушкина вспомнил, и все сплел. Надо взять у Глаголина сценарий. «Мушкетеры» дадут мне форму.

17 июля 1991

Среда, мой день, мое число

Главное — храм. Надо выполнить эту задачу, надо организовать поездку сыновей на Алтай, к дядьке Ивану, к месту будущего храма. Эту мысль надо думать и ее провести в жизнь.

Ведь сделал я для чего-то афишу «Миром поднимется храм». Быть может, это тема будущего фильма Дениса Валерьевича?! И д'Артаньяна сыграть надо.

«Сухуми, Гульрипш, Набережная, 27. Евтушенко Е. А.

Дорогой Евгений Ал.! Счастлив Вашему звонку нашему соглашению Глаголин рвется срочно заключить договор на пьесу-постановку репетиции сентябрь месяц привлечением Подколзина и студии Приветом Валерий д'Артаньян».

19 июля 1991

Пятница

Читаю «Мушкетеров». Что-то есть про нас, конечно, но пока — баловство, хулиганство, задор, вино, молодость. Про свою девочку-жену написал старый поэт.

20 июля 1991

Суббота

Звонил Вовка. Вовка — это брат мой, которому 9 августа исполнится 52 года. Мы должны быть в Быстром Истоке.

21 июля 1991

Воскресенье

И никакого бенефиса вчера по ТВ не было. Не было и объяснения, почему не было. Во порядку! Объявили и не показали.

Кому-то («Бумбараш за Ельцина») я так поперек горла, что меня просто изъяли с потрохами из этой передачи.

24 июля 1991

Среда, мой день

Вчера звонила Люся Абрамова: «Ты меня совсем забросил». Они подготовили выставку Володину, новую — зовут посмотреть. Пообещал к одиннадцати сегодня приехать.

25 июля 1991

Четверг, день памяти В. В.

Ездили на кладбище — Виктор, Галина, Миша — и на обратном пути зашли к Нине М. Целовались и фотографировались. Люся там замечательно действует. Аркадий опять родил, кажется, внучку.

19 августа 1991

Понедельник

Вот и я дожил до окаянных дней. В Москве танки. Власть у военной хунты. Горбачев в Форосе заперт на даче. Ельцин призывает ко всеобщей, бессрочной забастовке, квалифицируя комитет как уголовников. Пока только хочется плакать. Черт меня дернул утром машину сдать, будь она неладна. Я думаю, не только двигатель — машину я не получу или получу осколки. Ельцина они арестуют, а вместе с ним и Бумбараша. Господи, спаси и сохрани!

20 августа 1991

Вторник

Как вести себя, что делать, куда смотреть в эти «окаянные дни»? Звонит Братислава, просит три—пять предложений-заявлений в прямой эфир. Уехать на дачу? Смыться из Москвы на это время? А как же — «Бумбараш за Ельцина»? Или это только на словах, а когда могут взять за ж..., так — нет, ребята, я не прав?! Извините, погорячился! Или идти до конца?! Нет, сначала получить машину, а потом уж заявлять. Быть может, съездить в Шостку, надоел уж этот ленинградский Бойко, заработать лишнюю тысячу для рынка?! Что делать? Всю ночь глаза были на грани слез, а сегодня у Сережи 12-летие!! Тамара веселая, и это тоже раздражает.

Братислава не отвечает, конечно. Ну их на х..., все эти заявления в эфир. Затаиться и лечь на дно, спрятать тело жирное в утесах или... Проиграв на выборах, коммунисты хотят взять реванш пулями, это их излюбленный прием в течение семидесяти страшных лет. Партократия в агонии направляет стволы орудий на свой народ, на выбранного всенародно президента России, на свободную печать, гласность и с таким трудом давшиеся демократические завоевания. Кемеровская область не признала законным ГКЧП — Тулеев вылетел в Москву для консультации с правительством России. В который раз наши парни, обманутые своими верховными начальниками, направляют свои автоматы на свободу и права человека.

Закрыты «Московские новости», закрыт «Московский комсомолец»...

Позвонил Лавлинскому. Жена: «Как у вас дела... при новом... по моему, прекрасно». Вот и весь разговор. Такие, казалось бы, хорошие люди, а как глубоко в тотальном режиме, ...твою мать. Все наперекосяк. Моя мать и то дальше видит.

Вчера утром отправил я письмо О. Пащенко в Красноярск с просьбой напечатать в его газете листовку с адресом и счетом храма. Я уверен почему-то — Олег напечатает.

Я дал интервью братиславскому телевидению, я должен был это сделать, иначе я презирал бы себя... тело жирное в утесах прятать я не стал... и будь, что будет. Васину понравилось, что я связал это с чехословацкими событиями — сегодня, оказывается, годовщина, 20-ое августа... Сказал я резко, по написанному черновику... Но точно. Что они могут со мной сделать? Убить?! Жизнь прожита, и прожита честно. Я не строил баррикады, я не лез на рожон, но я сказал, как считаю, как думаю, хотя друг Лавлинский думает иначе.

Неужели Таманская и Кантемировская дивизии перешли на сторону Ельцина?! И Рязанский полк спешит на помощь?! Если это так, я боюсь заранее радоваться. Но это уже было бы достаточно, чтоб говорить с мятежниками, мягко говоря, спокойно.

Будто бы Горбачев в Кремле и от него требуют признания полномочий ГКЧП. Будто бы Янаев отдал приказ об аресте Ельцина, а Ельцин отдал приказ об аресте Янаева! Народ злорадствует — арестовали друг друга! Сегодня в ночь могут начаться аресты демократов. Этот вопрос ставился, но пока мятежники воздерживаются от этого шага. Милиция будто бы на стороне Ельцина, но... охраняет порядок. Дай-то Бог... Господи! Пощади нашу землю, не дай развязаться войне гражданской! Лагеря пусты и ждут новоселов.

Прочитал в метро: готовится штурм Белого дома. Язов и Крючков не отрицают этого. Призывают взрослых мужчин прибыть к дому на набережной. Не рекомендуется женщинам и подросткам. Введен комендантский час. Заболел премьер Павлов. «Эхо Москвы», по непроверенным данным: Язов подал в отставку, крысы бегут с корабля. Думаю, это уловка, чтоб посеять в военных сомнение. Янаев отменяет приказы Ельцина. Господи! Пронеси и сохрани, не дай свершиться штурму. Господи, спаси и сохрани Бориса Николаевича! Господи! Спаси и сохрани нашу Россию от новой трагедии!

Закрывая «Комсомольская правда» призывает молодых солдат не проливать кровь. Господи! Где Денис?

Звонит бабушка и мать Кости. Все напуганы комендантским часом. Против кого эти приказы? Господи! И все не верится своим ушам... закрыты все свободные газеты, радио, телекомпании. Неужели народ проглотит эту пилюлю, это издевательство над собой? Это же до чего нас надо растоптать, чтоб мы безропотно подчинились безумным указам?! Таманцы, кантемировцы, Россия смотрит на вас с надеждой! Господи, спаси и помилуй мою Родину! Да что же, Господи, это за испытания, за что?!

21 августа 1991

Среда, мой день. Даже смешно

Ночь прошла в тревоге. Да и сейчас слышались голоса из динамиков, рев моторов. В довершение неспанья — приступ у Тамары.

Хорош народ, если он допустит, что два президента, им избранные, окажутся у стенки. Вчера заседал кабинет министров. Как ведет себя Николай? Горбачев ведь был ему чуть ли не другом.

Поездка моя в Америку, разумеется, полетела. И гнать книжку, таким образом, необходимости нет. Вчера хунта объявила: в связи с нехваткой валюты, частные поездки временно отменяются. Они отменяются и по другим причинам, более существенным. По-моему, они все-таки самоубийцы, висельники... На что они рассчитывают?! Неужели они пойдут на то, чтобы воевать с народом?

Что сегодня с объявленным внеочередным съездом?! Его не будет — ясно. Но как все это выставится?! В постановлениях Янаева не упоминается Хасбулатов.

Это мой день!! Господи! Что же мы все пережили за эти два дня — страшная сказка со счастливым концом.

Первое предчувствие чего-то хорошего — мы увидели огромную колонну танков, уходящих из Москвы... Заговорщики бежали к Горбачеву просить прощения, в колени падать, просить помилования.

Ельцин — герой, это то правительство, которое достойно своего народа, и народ себя показал... под дождем двое суток, среди них был мой сын. Он явился домой в восемь часов утра.

Коммунистическая зараза еще раз потерпела смертельный (кажется) крах.

Попов и Хасбулатов, поддержанные аплодисментами сессии: закрыть газеты «Правда», «Известия», «Труд».

Господи! Благодарю тебя, Господи! Ельцин защищает Горбачева!! Россия моя одержала потрясающую нравственную, демократическую победу!

22 августа 1991

Четверг

Стыдно, что не был я на баррикадах. Мне помешал дождь. Я не столько боялся погибнуть от случайной пули омоновцев, как боялся простудиться. Но в разгар страха и разгула хунты я дал интервью чехословацкому телевидению. Потом, правда, то ругал себя, то гордился собой, но факт — поступок в моей жизни плюсовой. Хотя Соколов говорил: «Зря, зря, Валерий Сергеевич, сейчас надо остерегаться делать какие-либо заявления, давать интервью».

23 августа 1991

Пятница

Все переживаю со стыдом свое отсутствие на баррикадах в ночь с 20-го на 21-ое. Несколько раз я выходил из дома, спускался в переход, читал листовки, развешанные чьей-то дерзкой рукой, и в общем знал, что делается и что надо делать... И не поехал... дождь, лень, страх.. без меня обойдутся. Мальчишки-рокеры, хулиганы оказались смелее, полезнее, честнее в сущности.

«Ты вел себя прилично?» — спросил меня Филатов. И тут же быстренько перечислил свои заслуги — листовки, подписи. «Ну, это на три года», — подсчитал он себе срок. Во, блин, какая выясняловка началась — кто баррикаднее был. Трудная, «нечеткая» позиция — положение Н. Губенко. Подал в отставку... Число 20-е — одно, а 21-е — это совсем другое.

Люди! Побойтесь Бога! Не вините так скоро друг друга.

В друзьях у Коли Павлов, оказывается, состоял. И что-то про день рождения Леонид говорил, как его поразила Жанна: «...В КГБ золотые люди сидят» (или есть) — буквальные ее слова. «Интересно, как мы будем смотреть друг на друга через год?» Что она имела в виду?

Устроили друзья переворотчики проверочку на вшивость всем нам. Во молодцы!

Памятник Дзержинскому с приговором «палач!» уже скинут. На памятник Свердлову — цареубийца! — накинута петля на шею, и вокруг толпа. Загремит с пьедестала к утру, не иначе. Переворот, он же революция. Два с половиной дня переворота дали в мозгах народа больше переворота, чем все шесть лет перестройки. Переворот в мозгах, призыв к действию.

5 сентября 1991

Четверг

Глаголин разговаривал с Любимовым.

«Пусть приходит», — сказал он Боровскому о Губенко, а мне категорически: «Ноги моей не будет в театре, если он будет художественным руководителем». Наша позиция с тобой должна быть такая сохранить того и другого для пользы театра.

Любимов боится, что труппа попросит Николая возглавить театр. Но в Москву сам не собирается.

6 сентября 1991

Пятница

Нет, я не позавидовал Филатову и его «Сукиным детям». Этого я боялся больше всего. Это плоско, во многих местах пошло. До странности поверхностная лента. Может быть, околотеатральной публике это будет интересно. Они будут искать совпадений, аналогий, будут пытаться расшифровать тексты, персонажи.

Губенко Н. Какая-то вчера обнадеживающая информация проскочила по ТВ. И есть надежда, что он останется министром. Был бы замечательно общий выигрыш. В некотором смысле на нашей улице был бы праздник. И мое напоминание наполеоновских слов — «в два часа я проиграл сражение, а в четыре я его уже выиграл» — оказалось бы пророческим. Он сказал мне: «Я люблю тебя». Я ему сказал: «Я тебя люблю, а все решения ты примешь сам». «Московский комсомолец» не напечатал мое блиц-интервью. Это плохо, но не смертельно. Жалко, конечно, что в истори-

ческую ночь я стоял у окна и прислушивался: нет ли выстрелов, не идут ли танки. Лучше бы я был там.

16 сентября 1991

Понедельник

А сегодня решает коллектив; ехать или не ехать в Югославию — там взрывы уже в Белграде. Но дело даже не в бомбах. Приз уже намечен Р. Виктюку, а Любимову они не купили билет — нет валюты у них, и другой город нам не обеспечили, и вообще не очень нас там хотят... Но стреляют. И вот Любимов Борису дает совет: всех опросить лично. Лично я ехать не хочу.

«У каждого Есенина свой Мариенгоф отыщется». Это Филатов про меня, про мои дневники. У меня не повернулся язык сказать ему то, что я в самом деле думаю о его фильме... и я сказал: «Конечно, хорошо». Все ложь. Ну, Бог с ним.

20 сентября 1991

Пятница. Рынок — день Тамары

Тамаре сорок четыре года. Какая она у меня, в сущности, молодец. Как ей хочется попасть в Америку. Но увы и ах... На рынке прошлый раз мы повстречали Аркадия Высоцкого: «Я — весь кинематографист. Тут снимают, там снимают. Спасибо за отзыв о стихах». Это он или читал, или мать Люся ему показала дневниковый отзыв мой. Я был рад видеть этого талантливого обормота, отца троих детей. Последний у него еще грудной, и это еще не последний, я думаю.

22 сентября 1991

Воскресенье. Ту-154, 1-ый класс

Куда мы летим? Бомбоубежища в Белграде могут укрыть не более 1/10 населения, в случае бомбежки со стороны Хорватии. Такой конец «Таганки» — под бомбами — хороший финал для затянувшейся истории нашей. Трупна обос..., но только Шацкая испугалась, да Жукова, кстати, где она?

Сегодня мы шефа увидим. Разговор будет, по-моему, о пугче и о личном мужестве. Везу ему письмо Турбина. Я еще и потому еду, что это — прощание с ним. Мы увидимся в последний раз. Дал прочитать Демидовой письмо Турбина о «Ревизоре». Не Губенко городничий и никакой не Шаповалов, потому что это скучно, а только Петренко, потому что в нем есть черт, здесь должны быть черты или черти... не знаю... В данном случае, конечно, черты. Губенко не согласится, и потом в нем нет черта.

Вчера проезжал мимо музея Ленина — толпа, транспарант «Ленин жив, Ленин будет жить». Не приведи, Господи! Прах его опасаются брать администрации всех крупных кладбищ. Это же какая

охрана понадобится, чтоб его беспрестанно не выкапывали, не растоптали, чтоб не развеяли, подобно Самозванцу.

Лю б и м о в:

— Я узнал, что он стал министром, когда он уже стал министром. Я рядом не хочу с ним стоять. Я очень терпеливый человек, но всякому терпению может наступить конец.

— За этот спектакль «Преступление» я получал самые высокие премии в Англии и в Америке.

— Восстановив «В. Высоцкого» без меня, вы испортили спектакль. Бюсты — пошлятина, пионеры — трижды пошлятина, и еще выслушивать истерику: «Как вы посмели снять моих пионеров?!» Я проходил на этот спектакль через два кордона, войск и КГБ.

Он очень убедителен. Все могут поверить, что он истину говорит.

— Это мой последний с вами эксперимент. Мальчик мой жить не может в Советском Союзе.

— Вы даже возраст мой не учитываете. Сколько вы сорвали репетиций и спектаклей...

23 сентября 1991

Понедельник. Ночь. Югославия.

Белград, отель «Славия», № 234

После четырехчасовой беседы с шефом. Зачем я сказал ему это выспреннее «обязательно»?

Любимов при встрече, пожимая руки:

— Вы были на баррикадах?!

И я выпалил:

— Обязательно!!

— Ну, я не сомневался!

Слава Богу, это было, кажется, один на один. Никто не слышал моего вранья. Сутки не выходит из головы — как ему сказать, что я не был на баррикадах, я хотел, я послал старшего сына и остался с младшим. Хотел в утреннем письме ему об этом написать — и тоже нехватило кишки. И что, если какой-нибудь Феликс в отместку уличит: «На каких баррикадах ты был? Что ты врешь?! Ты же дома сидел!» Скорее бы улетал Любимов и забыл бы это мое «обязательно».

24 сентября 1991

Вторник, отель «Славия»

Любимову я все-таки нашел возможность сказать, что в ту ночь роковую на баррикадах я не был, «чтоб вы не думали обо мне лучше, чем есть я на самом деле». И зауважал я себя немножко, и стало мне легче гораздо жить и смотреть партнерам в глаза.

В сущности, у меня есть только один человек, которому я верю на все сто, даже если она и говорит вещи мне бальные, колкие, неприятные — это моя жена Тамара.

Любимов, прощаясь, за спиной переводчицы: «Напиши свое распределение ролей. Мне интересно будет сопоставить. Я люблю думать, а почему, а что за этим? Напиши мне письмо о „Подростке“. 28-го Борис будет у меня, передай с Борисом». Вот эта фраза и останется у меня в ушах и в душе надолго, до скончания. «Напиши мне письмо»...

Как он звал меня сегодня с собой на лихорадочное прощание — как бы еще успеть сказать: «этот круглый стол... для поддержки штанов». Как ему одиноко — «напиши мне письмо»...

«У меня есть магнитофон, когда не спится, я включаю его и записываю свои мысли и предстоящие репетиции... Моя семья живет в Иерусалиме... Я гражданин трех государств — Израиля, бывшего Союза и Германии». Он почетный гражданин Германии за вклад, внесенный в культуру этой страны. Сам спросил у меня «эти бумажки». Не забыл. «Я раздам хорошим людям. Несколько — барону, он их даст, будь уверен, кому надо... княгине Васильчиковой... ну, конечно, тем, кто говорит по-русски». И вот то, что он не забыл про «бумажки» со счетом на храм, ну разве это не о многом говорит? И опять я люблю его.

Любимов — вчера, после разговора, письма на крыльце: «Ты все пишешь, блин, а мне что оставишь?» А показалось мне, что спросил он: «А что по мне оставишь, что обо мне расскажешь, донесешь до потомков? О чем ты пишешь?» Недаром его жжет, мучит современным смыслом эта фраза, этот тайный двигатель Гришкин — о чем пишет эта старая бл...

Еще о Любимове. «Когда случился этот путч, я был в Иерусалиме. Если бы я был в Москве, я бы, конечно, был в Белом доме, в этом нет никакого сомнения, это все могут подтвердить».

25 сентября 1991

Среда, мой день. Самолет

Итоги нашего турне краткосрочного — кажется, неплохая рецензия на «Годунова». Но шеф и на прессу произвел удручающее впечатление. Переводчица, что бутылку сливовицы мне в пакете принесла в аэропорт: «А никто давно не объединяет Любимова и „Таганку“, „Таганка“ сама по себе, Любимов отдельно». Для меня такое известие стало новостью.

9 октября 1991

Среда, мой день

Дети, водка, любовница, похмелье — не полный перечень занятий, на которые ушла моя жизнь.

Смотрел я вчера, слушал своих коллег, как они обсуждают Губенко в свете нравственной призмы — «достиг я высшей власти...» — и завидовал им, как красивы и умны они, как ловко говорить насобачились...

И всю ночь я завидовал им, а встал с решительным внутренним

протестом — нет, так нельзя, что это за судилище заглазное, это все напомнило мне детский базар мой, вернее, базар из детства, как обсуждают мужики кобылу, что цыган продает, или корову, что вынужден продать колхозник. Не знаю, почему такая параллель. Ну, что это говорит Демидова: «Для меня Губенко не изменился. Его лучшая роль — „Карьера Артура Уи“... Его тронная речь против интеллигенции...»

Кстати, чья тронная речь? Кажется, в пьесе есть подобное. Ладно, не суди, да не будешь... Да нет — будешь, будешь... не будешь — будешь и будешь — будешь... Филатов все вилял — и нашим и вашим, и обидеть не хотел, и другом называл, и оправдывал «прямодушием»... Уж лучше прямая Демидова. Всю передачу спас Соломин. Он отвечал за себя и потому был прав.

Выстрелом в упор убит на концерте Тальков. Мне звонок: «Так с каждым может случиться». Это что? Угроза? Предупреждение. У этой мафии, конечно, есть пистолет и такие деньги, такие покупки! Какое-то омерзительное чувство от зависти до ненависти и страха от бессилия. Чего я тяну эту ляжку? Этак они мне действительно выроют ямку. Второй голос: «Кому ты нужен, дерьмо! Я крутой мафиози, а ты кто?» И пуля в сердце. Но что-то нечисто там. Что-то «известного» убийцу долго не могут задержать.

Может быть, от голода-то и вправду на Алтай придется убежать?! Выкупить дом отцовский, что-то про 30 000 говорил Тищенко.

Я не уверен, выйдет ли на сцену Губенко вместе, скажем, с Демидовой, а Смехов — со мной.

И вообще, по-моему, интрига зашла в тупик и конец всем этим «солидаризироваться». Крах отношений и человеческих, и профессиональных.

13 октября 1991

Воскресенье

Снова возникли разговоры с Кондаковой о вступлении во вновь создаваемый союз, альтернативный бондаревскому, так что, если номер пройдет, то и формально с Распутиным мы будем по разные стороны баррикад.

14 октября 1991

Понедельник

Забрал папку с прошениями принять меня в СП СССР — ровно десять лет прошло. Теперь составил папку с прошениями принять меня в «Союз российских писателей».

Противно жить в стране, где возможны (по духу и озлобленности) репортажи Невзорова. Такое впечатление, что ему изменяет жена или, того хуже, любовница.

Тальков, говорят, состоял в «Памяти», и «Память» эта сотрет с лица Азису и К°.

15 октября 1991

Вторник

Не знаю, не знаю... что меня ждет еще впереди! Успокоился было, но вчера по нужде цитаты заглянул в № 8 «Литературного обозрения», в конец повести, и ужаснулся своим оценкам игры В. Высоцкого. Как-то это не по совести мне показалось. Хотя я убежден, многие согласятся со мной, только не скажут. А я вот такой честно-искренний, не мог не сказать. Господи, спаси и сохрани! Единственная надежда на время — полвагона в метро читает наконец-то массово доступную Агату Кристи. До Золотухина ли им? Но коллеги и высокоцковеды мне отомстят, конечно. И снова очко задрожало. Тут мне помогли, конечно, со своими «доносами-интервью» Филатов, Демидова, да и Гердт.

Я ведь дал интервью (войдет ли только это), что пришел я к ним из СП СССР, где в приемной комиссии забрал свои документы — заявление, рекомендации и пр. Девятнадцать лет тянулась моя приемка, а теперь такое время, бывшие друзья оказались по разные стороны баррикад, по разным союзам разметало их, а другие свои союзы создают, альтернативные, так надо ли обнаруживать свою принадлежность к тому или другому союзу. Смотрим мы на мир одинаково, а уставы пытаемся написать разные.

И это было бы правильно, но вдруг союз сулит дополнительные тщеславные услуги... да и вообще — доиграть, себя не исправляя и даже не пытаясь.

17 октября 1991

Четверг

«Дорогой Николай. Я, конечно, смешон в своих телеграммах — собранье сочинений, — но не могу не высказать своего глубочайшего презрения к действиям моих знаменитых коллег-путчистов во главе с главным. Господи! Что случилось, что случилось, что случилось... А казалось, еще вчера... Дорогие мои, хорошие... Обнимаю тебя, твой Валерий».

Филатов напомнил мне Янаева на пресс-конференции — мы с Николаем друзья, мой друг Горбачев.

В книжном магазине на Профсоюзной, где я собираюсь встать за прилавок, первым автором-продавцом был... кто бы мог подумать, а мне в нечаянную радость узнать такое... был Василий Макарович Шукшин. Мой земляк и сосед по Алтаю. А продавал он свой роман. Рассказывает зам. директора Клавдия Михайловна Тихонова:

— Завезли нам его книги, шестьсот экземпляров по разнарядке... Это было в самый год его смерти... он себя плохо чувствовал после воспаления легких, кажется... Ну вот... и книга у нас... так... не шла... Мы послали к Шукшину своего человека с просьбой приехать. Он с удовольствием согласился. Давал автографы, и мы... фук, фук — и хорошо продали. У каждой из нас есть его книга с

надписью «на память». Жаль, не было фотографа... Ах, как жаль... Помню, я спросила: «Василий Макарович, а у вас, наверное, большая библиотека?» — «Нет, — говорит, — что вы... квартиру только что получили». Мы девочкам его детские книжки подобрали... ну так, для памяти. Тогда с книгами-то плохо было.

Ну вот, и опять встреча с моим земляком, теперь уже не теплоходом, а продавцом собственного романа. В отличие от него, у меня свой фотограф есть, и живу я не вчетвером в двухкомнатной, а втроем (теперь с большим котенком) в трехкомнатной.

Телеграмму Н. Губенко я все-таки послал... И гора с плеч.

18 октября 1991

Пятница

В жизни моей случилось другое, сначала «21-й км», теперь храм. И все это моя жизнь, мои «Дребезги», за название которых я Шацкой шубу обещал... и сделал. Так что — зачем?! Член всех союзов, как хотел Богословский!! Глупо. Ну... до тридцати пяти еще можно баловаться, а дальше. Не люблю, внутренняя шерсть дыбом против Лимонова. Но когда он цитирует Евтушенко: «Ельцин лезет на танк или всходит...» Ну, понос же!!

19 октября 1991

Суббота

«Родному моему Валерию Сергеевичу — все-все ты про меня знаешь, про Володю все знаешь лучше всех — с любовью, благодарностью, с восхищением. Люся. 18.10.91».

Вот автограф Абрамовой на ее книге «Факт его биографии», переданной мне вчера перед «Живым». Что вам еще нужно, друзья-злопыхатели?

20 октября 1991

Воскресенье, г. Новгород.

Гостиница «Волхов», № 215

По телевизору 50-летие Андрея Миронова. Хороший он был артист. Оторваться нельзя — так замечательно, что хочется выключить от зависти. Конечно, блистательный артист, и компания, его поздравляющая, — тому подтверждение. Но ничего. Мой Кузькин стоит свеч, а Самозванец... Нет-нет... ничего.

25 октября 1991

Пятница

Музей Высоцкого. Закрытые чтения. Докладывал Перевозчиков. Рад был увидеть Аркадия, Люсю... Севка Абдулов до странности был мил со мной и вежлив.

26 октября 1991

Суббота

Если бы у меня была фотография с моей первой женой Шацкой, поместил бы в книгу и ее. Наверное, это бы огорчило и взнервило бы Тамару, но она и виду бы не подала.

14 ноября 1991

Четверг

Михалкова Никиту надо пригласить на презентацию, отвезти ему книгу, попросить прочитать дневники и выступить в любом качестве.

17 ноября 1991

Воскресенье

Губенко, влетев в театр, поцеловал меня: «Спасибо за все!»

18 ноября 1991

Понедельник

Будем пытаться до Нового года мозоль восстанавливать писательскую.

Вчера все общались друг с другом без зазрения совести. Мы с Венькой, Колька со всеми. Да, в общем, это и хорошо. И Алка делала вид, что «все в семье нормально». Только Филатова не было, но да ведь болен человек.

20 ноября 1991

Среда, мой день

Я сижу в театре, в театре пустом и темном, но таким полным мной, моею жизнью, слезами радости и отчаяния. Здесь промелькнула моя жизнь, чуть ниже сцена, где я «чудил» Альцестом, где прошли мгновения драгоценных репетиций с Анатолием Васильевичем Эфросом.

Замутили мне душу опять этой премией, государственным поощрением... Так хочется получить поощрение, компенсировать украденную машину, я бы эту премию и бабахнул бы в Быстрый на храм Покрова. А что?! Запросто. Опять реклама?! Да черт с вами, говорите, что хотите... А храм по весне подниматься начнет, что бы вы ни говорили. И реклама тут не последнюю роль сыграет. Пусть все знают, что есть на Алтае такой поселок, Быстрый Исток, и в нем строится храм. А для чего это Золотухину нужно, за ради тщеславия или веры, кому какое дело?

В «Литературке» Астафьев оправдывается перед Распутиным и Беловым.

22 ноября 1991

Пятница

И все-таки я решил сделать праздник моей книги в Театре на Таганке. Я беру все опять в свои руки.

5 декабря 1991

Четверг

Мои выступления в Самаре прошли довольно прилично. Потрясающе говорил Алеша Солоницын о моей книге, особенно о дневниках. Он выказал такое понимание и на огромной аудитории в филармонии так разобрал и преподнес публике, как будто подслушал мой голос, да я бы и не написал лучшую ему шпаргалку. Как он сказал, какие определения словесные подобрал — в десятку!!

Господи! О чем я пишу, когда у меня дачу обокрали, а завтра я должен ехать и работать на Иудинский храм. Приедут ли за мной?

6 декабря 1991

Пятница. Дом, кабинет

Может быть, приедет теща и изменит на какое-то время ситуацию и климат в квартире 131, но что Она или Он (шеф, он же Юрий Петрович, он же Любимов), что они могут изменить в моей жизни? Как сказал Конкин: «Артисты советские (наши) все тупые». На редкость редкая наблюдательность, на редкость острый ум.

Из Быстрого Истока хорошие вести. Теперь каждое воскресенье приезжает священник из Бийска, проводятся службы, обряды, продаются книги, крестики. А в понедельник собранные деньги кладутся на счет общины.

8 декабря 1991

Воскресенье

Нет, Любимов, кажется, факта «Аргументов» не знает, мил и весел. Поздравил меня с 50-летием: «Мне рассказали, как это было». Глаголин передал мне, что Евтушенко, сидевший у Любимова до трех ночи, очень меня хвалил: «Умен, талантлив, бескорыстен...» Ну ладно. Сыграть бы спектакль.

«Я все двадцать пять лет борюсь со своеволием артистов».

10 декабря 1991

Вторник

Лю б и м о в: «Владимир... Он был хороший актер, но есть актеры лучше. Я назначил его на роль Гамлета, потому что он — личность».

14 декабря 1991

Суббота

Сегодня Н. Губенко собирает театр, хотя и под видом репетиции «Годунова». В 13.00 заседание местного комитета.

«Я приехал за «Таганкой», — заявил Любимов. И сегодня будет этот сюжет по ЦТВ — «Центр», новая программа. Что наговорил шеф, уезжая опять надолго из страны?! О Ельцине и Попове он говорил на репетициях положительно.

Труппа взбаламучена, в отчаянии, ругани и слезах. Боятся приватизации театра Любимовым. Заставили Ирку показать контракт его с Поповым. По-моему, это его очередная хреновина, чтобы стать королем Лиром, выгнанным из дома родными детьми. Он требует реорганизации театра, хочет быть полновластным хозяином; а то, что 3/4 артистов пополнят армию безработных — «театр не богадельня, рыночные условия, я в советскую игру не играю». Я предложил делегировать инициативную группу к Попову. Губенко поддержал идею. Он свяжется с Поповым, выяснит и разъяснит. Но, куда ни кинь, Любимов прав — как хозяин и создатель. Он хочет попробовать еще раз создать нечто новое, в новых условиях, а труппа консервативна, и каждый о себе думает, но... плохо. Раньше надо было думать. Жестокое это дело и необходимое. В 1992 году по Москве будут бродить до десяти тысяч безработных артистов. Часть нашего коллектива пополнит эту цифру, эту несчастную братию.

15 декабря 1991

Воскресенье

«Независимая газета», интервью с Любимовым. Я привык к его вранью, но чтобы назвать «Вишневым сад» замечательным спектаклем, до такого он еще не опускался. Конфликт-то, оказывается, из-за трех дней репетиций, из-за Чехова и Можжева!! Силы небесные!! Что ж это делается?! Что же он творит?! А быть может, это опечатка?! Хотя вряд ли. Он перемонтирует свою биографию, исправляет, запутывает на худой конец. Он что, не знает, что существуют стенограммы обсуждений не только «Годунова», но и «Вишневого»... Варвар! Эту газету надо иметь. В театре вывешен Устав, по которому мы относимся к Управлению культуры, и вообще там много того, что поперек горла Любимову. Если он узнает, по чьему разрешению вывешен этот устав, — башку оторвет. Да, конфликт неизбежен. Разрыв. Он плюнет и обгадит всех... Но с Эфросом он врет и изворачивается...

21 декабря 1991

Суббота

Что за кашу заварили статисты театра на Таганке?! Что за заявление Филатова? «Золотухин никому не нужен, Бортник тем бо-

лее». Любимова хотят убрать, Глаголину выразить недоверие. И поставить Губенко!! Что же это за игры за спиной у шефа? Перепугались артисты реформ.

22 декабря 1991

Воскресенье. Ту-154

«Высоцкий» прошел без Губенко. Я кой-как справился с волнением и спел, кажется, прилично. Но что за публика стала? Мертвая, ни одного аплодисмента — ни на Ваньку, ни на Шопена, и даже не был принят «Дом». Хотя в конце прием был приличный.

В театре страсти, кажется, поутихли. Идет слух, что Губенко — министр культуры РСФСР. Это уж совсем чудно. Ему надо уходить вместе с бывшим СССР, но он хочет эту комедию доиграть до конца.

Какие-то знакомые мысли-мечты появились у меня (раз «Золотухин вообще никому не нужен») десятилетней давности, когда опять же мы лишались Любимова, и я тогда хотел податься вон из театра вообще и стать писателем. Быть может, опять вернуться к идее «вольных хлебов»? Поездить с «Дребезгами». Пописать, прийти в вокальную форму и попеть под аккордеон...

29 декабря 1991

Воскресенье

Звонила вчера Габец, «Таганская Прудникова», общественный темперамент ей окончательно зас... мозги. «Ты сделал выбор?» Прозоровский, Габец ходят по приемным, разясняют начальству истинное положение вещей в Театре на Таганке, истинный план-смысл любимовского долларизма, стяжательства, а теперь и захват здания. «Сговор должностных лиц» и пр.

30 декабря 1991

Понедельник. Як-42

Данелия. Я пробовался у него на «Афоню». Спросил, видел ли он наши спектакли.

— Нет, и не пойду.

— ?

— Я боюсь, а вдруг мне это понравится.

1992

8 января 1992

Среда, мой день

Лю б и м о в:

— Чаще всего игра русских артистов идет в минус. Видимо, от пустоты... Обвинять наших людей не надо, но и сваливать на об-

стоятельства нельзя. Идет гибель империи, и это отразится на всем мире. Мы работаем неумело, мало и довольно скверно. Там работают гораздо энергичнее. Неважно, какое общество, акционерное, кооперативное, — лучше работают частные. Страна должна пройти через безработицу. Дисциплина там идеальная.

— Дело не во мне, дело в изменении обстоятельств, вы другие, молодые люди другие. Да, я составил свой контракт, это немислимое дело. Кто дал право рыться в моих документах и осуждать мои дела? Этой стране пора уважать закон, поэтому в Цюрихе международный суд... Если за двадцать пять лет работы я не заслужил доверия, то и не надо.

— А что вам сделали бунтовщики? Пришел Давыдов... «коллектив требует»... Чего требует, какой коллектив?..

— Там очень жестко идет за художником репутация. Володя, побывавший... понял, что в Марселе играть он должен, хоть он умрет. Иначе вся Франция узнает, что он пьянствовал и сорвал спектакль. А жена у него французенка. А врачи сказали, что они не отвечают за его здоровье.

— Духа в этой стране нет, а есть одна вонь. Вы художники и должны мыслить образами. Украина... Флот им нужен. Да берите весь, его содержать — разоришься. Там партийные функционеры перекасились, но мозги-то у них те же!!

— Почему в Израиль едут евреи? Потому что они евреи! Приобретайте маму-еврейку.

Другая точка отсчета. Хозяин есть в доме. Мне легче идти логикой крестьянской. Хозяин не возьмет меня на следующий сезон работ в батраки. Я должен искать другого хозяина, а не поднимать на него вилы.

9 января 1992

Четверг

Это оскорбительная акция, рассчитанная на то, что Любимов оскорбится, хлопнет дверью и никогда больше в страну порога не перешагнет.

Они хотят убить Любимова, начали они с патриотической, душещипательной заповки.

СКАНДАЛ

9 января 1992

(Из магнитофонных записей В. Золотухина и Т. Сидоренко)

В перерыве между репетициями «Электрик» Ю. П. Любимов пригласил, и пришли: В. Золотухин, Б. Глаголин, Г. Власова, З. Славина, Т. Сидоренко, И. Бортник, А. Сабинин, А. Васильев, А. Граббе, Д. Щербаков, И. Ковалева, Н. Сайко, С. Фарада, Ф. Антипов, М. Польцеймако, Ю. Беляев, Ю. Смирнов, А. Демидова, Л. Селютина, О. Казанчеев, Д. Боровский, Н. Шкатова, Н. Любимов, А. Цуркан и др.

Любимов. Я не хочу цитировать «Ревизора»: «Я пригласил вас, господа, чтоб сообщить вам пренеприятное известие — к нам едет тот-то». К нам никто не едет.

В театре произошло недоразумение. Люди заварили тут интригу, некрасивую, глупую и, в общем, подлую. Потому что чужие документы брать неприлично.

Город Москва и мэр города решили новую систему избрать: заключать контракт с руководителем театра. И этот контракт я составил при помощи хороших западных адвокатов, ввиду того, что мы еще только встаем на путь демократии и не готовы к ней. А готовы только устроить не рынок даже — рынок мы еще не умеем делать, как вы видите кругом, — пока ряд людей решили устроить базар в театре. Театр — не то учреждение, где можно устраивать базар. Поэтому я занят, как всегда в трудные минуты этого театра, работой — я приезжаю, репетирую, и делаю все возможное, чтобы что-то тут сохранялось в какой-то мере.

В чем заключалась интрига? Она глупая, пошлая, поэтому на нее не стоит тратить ни энергии, ни времени, но, к сожалению, я вынужден отрывать время — все равно сейчас бы был перерыв. И вы знаете меня много лет, десятилетия даже. Я репетировал даже в дни, когда у меня были и личные мои трагедии, и в дни рождения свои, и когда умирали мои близкие — я все равно работал. И сейчас я так продолжаю.

Почему я вас побеспокоил, чтоб вы пришли? Значит, вот этот контракт мой с Поповым, мэром города; ряд людей, воспользовавшись тем, что Попов якобы уходит, решили, что самый удобный момент взять почему-то чужой документ, то есть мой. А документ был в сейфе. Он напечатан, для того чтоб быть отвезенным к Попову, для того чтоб Попов его подписал. Никакой документ я ни от кого не скрывал, и зачем его скрывать, когда все равно на него будет мэр ставить печать. Это официальный документ. Значит, один некрасивый поступок — взять этот документ и начать его обсуждать, чужой контракт, что просто неприлично и, в общем-то, подсудно. Если б только я занимался склоками, я просто мог начать судебное дело, взбудоражив неустойчивых людей, — назовем мягко — устроили вот эту скверную истерику, кликушество. Обычное поведение — вывесили какое-то странное объявление, не предупредив меня. Причем эти люди ждали, не появлялись целую неделю, когда я тут работал, хотя я был в театре примерно с полдесятого до двенадцати ночи — они не нашли время прийти ко мне, ни один из них.

В этом контракте были пункты, которые я не собирался ни от кого скрывать, потому что это предложено городом, а не мной. Значит, пункты там такие, которые возмутили коллектив, как выражаются советские люди. Я человек не советский. Я эти слова не понимаю: ни «в принципе», ни «коллектив». Какой тут коллектив! Никакого коллектива никогда не бывает, и его нету. Это выдуманные социалистические бредни, которые привели к развалу всей страны. Может быть содружество людей, может быть артель, бы-

вае солидарность цеховая. Здесь ее давно нет. Значит, их возмутил тот пункт, что город заключает со мной контракт. Все мои недоразумения с городом выясняет международный суд в Цюрихе. Почему это мною вписано — потому что время столь спокойное, чем и воспользовались эти негодные люди, они, видно, так рассчитали: я уеду, Попов уходит в отставку, поэтому тут и удобно все это проделать. И эта новая Доронина и сформулировала все. И еще вторая подлость — составлен и послан Попову документ, что вот такие-то и такие-то придут к Попову с Николаем Николаевичем и все ему объяснят, что никто тут мне не доверяет. И Попов, конечно, задержал подписание контракта. На что они и рассчитывали. Они рассчитывали, что я не приеду, а там они задержат, и все это безобразие, которое тут происходит, будет долго продолжаться. Ну, я им и приготовил сюрприз на Рождество Христово — приехал, чем их, конечно, и огорчил чрезвычайно. Приехал я и занялся опять работой.

Еще что их возмутило — пункт о приватизации. Да, я должен был внести этот пункт, потому что приватизация все равно будет. И нужно было внести в мой контракт с городом, который опять-таки вас никого не касается, что в случае, если будет приватизация театра, я имею приоритетное право, а я его имею, потому что я создавал этот театр и я выносил все тяжести, когда старый театр перестраивал на этот театр. И пока я жив, никто его не перестроит в третий театр. И пусть это знают все господа и дамы. И что бы вы ни голосовали, и что бы вы ни кричали, все равно будет так, как скажу я. Это я могу встать и уйти, пожелав вам здоровья, счастья и успехов, когда отчаюсь до конца и скажу: «Да, я ничего не могу сделать с ним, я бессилен. Пусть придут новые люди, пусть они делают». Вот, в общем-то, и все. Теперь я готов выслушать вопросы. Потому что все время ко мне приходят и говорят, что в театре происходит что-то непонятное. Вот теперь я и хочу от вас услышать, что вам непонятно. Когда я репетировал, на каждой репетиции я всем вот это примерно и говорил. Я просто не ожидал, что люди дойдут до того, что возьмут чужой документ и начнут с ним такие манипуляции. Мало того, в какое положение они поставили меня перед мэром города: я, лжец, к нему пришел и ничего не сказал о том, что, оказывается-то, со мной-то этот театр не хочет работать. А я ему не сказал. Вот и ситуация произошла. Ведь я даже не знал ничего — мне звонит помощник Попова и говорит: «Юрий Петрович, что у вас происходит в театре, зачем вы пригласили прессу в три часа?» Я, как идиот, говорю: «Какую прессу?» — «Да у вас же собрание в три часа!» Кто дал им право вывешивать это объявление? Что это такое творится вообще? Что, вы восприняли все, что творится вокруг, как призыв к анархии и бунту? Или вы присоединяетесь к тем мерзавцам, которые требуют суда над Поповым за то, что он устроил Рождество на Красной площади, что он, видите ли, потревожил останки этих бандитов, фашистов, которые лежат у несчастной Кремлевской стены, реликвии России, где похоронены эти подонки все, мерзавцы, которые разрушили государство? Вы решили тут проде-

дать это в этих стенах? Вы прежде меня убейте, а потом творите тут свое безобразие. Вон церковь напротив — кто ее начал восстанавливать? Мы. Потому что я не мог видеть, входя в театр, что пики в небо торчат — мне казалось это кощунством и безобразием. Потом я ходил смотрел, как фрески святых изрубили зубилом варвары, мерзавцы-коммунисты. Они мерзавцы, и, когда я от вас уехал, я сказал публично, при большом скоплении народа: пока эти фашисты правят, моей ноги здесь не будет. Рухнула эта проклятая партия — я приехал, чтоб разбираться тут в делах.

Золотухин. Вопрос! Ну, собрание состоится. Ясно. Они собираются.

Любимов. Пускай собирается кто хочет — там могут уборщицы собраться, кафе может собраться, тоже обсуждать: много они наворовали, мало они наворовали, кого они отравили, кого собираются травить, — это дело хозяйское.

Золотухин. Но вот нам, которые стоят по другую сторону баррикад, следует присутствовать?

Любимов. Да никаких тут баррикад нет, это опять мы как совки.

Золотухин. Ну, Юрий Петрович, если они пригласили, и пресса придет, и телевидение будет снимать, и кто-то будет выступать, и оставить это без ответа — сейчас сяду в машину и уеду.

Глаголин. Как это будет снимать телевидение? Никто не пустит в театр телевидение.

Любимов. В театре стоит охрана, недавно жулика поймали. Столько воруют, что пришлось поставить охрану, и поймали жулика. Но по добрым душевным качествам жулика отпустили.

Золотухин. Ну, другая камера снимет, что одну камеру не пустили. Они все равно заварят эту историю.

Любимов. Журналистам нужна сенсация. Ну вот вы все, взрослые люди, сидите тут — ну что, вы хотите, чтобы мы все пошли в эту склоку, что ли? А зачем? Ну пусть они орут там на здоровье, сколько хотят. Все же увидят, кто тут и кто там — все ясно.

Золотухин. Мне тоже хочется увидеть, кто там.

Любимов. А почему тебя это интересует? Ты же все знаешь, кто там. Все вы знаете, кто там. Хотите идти? Что вы думаете, я буду вас сейчас агитировать: идите, выступайте — то есть делать то, что они? Ни в коем случае не буду. Зачем же мне делать то, что они делают.

Ковалева. Но там же ведь будут приниматься какие-то решения большинством голосов.

Любимов. Да Господь с вами, какое большинство?! Большинство этого кафе?

Шкатова. Кто придет, тот и будет голосовать.

Любимов. А насчет чего они голосовать-то будут?

Золотухин. Насчет устава театра.

Васильев. Насчет этого общества. Там слово «коллектив» заменено другим словом, я его не помню, типа «общество», «товарищество», «сотоварищество» — Таганка со своим уставом.

Любимов. Ну вот они со своим уставом пусть и уйдут отсюда. Можем им знамя шить — там Марк еще работает? С каким знаменем они уйдут, с красным? Там все люди какие-то странные, пришлые. Кому любопытно, пусть идут туда. Но зачем идти к сумасшедшим? Это кликуши, они будут кричать: «Нас выгоняют!» Никто никого не выгоняет никуда. Кто выгоняет? Кроме того, вы получили посылки на пятьдесят тысяч марок, что является трехгодичной дотацией театра. Ясно вам? Теперь вы это все съели, можно еще собрать, прислать. Значит, кого я ограбил, кого я выбросил за 27 лет на улицу? Когда я театр этот старый реорганизовывал, то все наше стремление сводилось к тому, чтобы устроить людей на работу. Да, наступило время, когда театр должен быть реорганизован, потому что он в рыночных условиях так работать не может.

Поэтому зачем я туда пойду? Все это вывесили без моего разрешения, а я туда явлюсь... что — отстаивать свои права? Какие? Чего мне отстаивать? Дорогие мои, одумайтесь! В 74 года я буду дискутировать с Габец или с Прозоровским, который, по несчастью, кончил институт как артист? Он был неплохим рабочим сцены, и большая ошибка, что он стал заниматься другой профессией. Он был гораздо лучшим рабочим, чем артистом. Когда я приехал в Мадрид, я так и сказал ему: «Ты отойди и посмотри, как Желдин играет». И тут я не жестоко поступил, а просто хотел молодому человеку показать, что вот пожилой артист хорошо играет этот эпизод. И вот в ответ на это произошло восстание? Ну, это я привожу как образ, потому что я позволяю себе, когда я чувствую, что мне не нравится, говорить всем, невзирая ни на кого. Меня звания эти ваши не интересуют, они мне не нужны, я их не брал. Это вы хлопотали о них сами. Когда вы хлопочете, вы делаете это индивидуально, а когда вы хотите делать пакости, вы собираетесь в коллектив. Мне это совершенно непонятно. Я не так воспитан отцом и дедом своим. И перевоспитываться я не желаю в 74 года. Кому любопытно, идите смотрите на это безобразие, а я и не пойду туда, и не подумаю. Зачем?

Глаголин. Они попросят вас прийти.

Любимов. Попросят — я пойду и скажу то, что вам говорил. А как только они начнут истерические вещи всякие, я вызову врачей. А если они будут хулиганить, я вызову полицию. Вызову несколько машин скорой помощи, кликушам сделают уколы и увезут в больницу. Вот и все.

Любимов. Ты сделаешь из них мучеников совести.

Любимов. Нет, они войдут в партию Жуликовского и будут призывать Попова к суду. Вот и все. Еще кто хочет что-то спросить?

Сабинин. У меня вопрос. Вы сказали, что когда не будет партии в этой стране, тогда вы вернетесь?

Любимов. Я вернулся, как только эта партия была официально запрещена, но опять позволяют им вести агитацию. Хотя оппозиция должна быть в стране, тогда хоть какая-то жизнь начнется.

Сабинин. Поскольку я профессиональный педагог, я сейчас занимаюсь воспитанием у молодых артистов монтажного мышления — очень современная вещь для нашего государства. Так вот, когда человек имеет это в кармане, рвет это и кидает в корзину, либо кладет в сейф, либо теряет, выбрасывает и так далее, он перестает быть тем, кем он был раньше. Вы понимаете меня?

Любимов. Ну, видите ли, если он сжег и бросил, то он должен благородно уйти из этого учреждения. И все.

Сабинин. Но это не учреждение. Это некая принадлежность к некой партии, это некий фантом. Он был потом организован в структуры государственные, он сросся с ними, но он вросся и сюда.

Любимов. Нет, этот театр именно в государство не вросся, он всегда был в оппозиции к государству.

Сабинин. Я не про театр, я про коммунистов сейчас говорю.

Любимов. Коммунисты росли. Так они правят сейчас.

Сабинин. Все. Вы ответили на мой вопрос.

Любимов. Ну неужели вы думаете, Кравчук перестал быть коммунистом? Он был все время на идеологии, сейчас его народ несчастный выбрал в президенты. Но он по-прежнему коммунист, поэтому он флот хотел взять, создает сейчас армию в 500 тысяч и хочет охранять свои границы. А вы думаете, тут таких нет? Ну, вот Бугаев — он был при Гришине холуем, сейчас он управляет нами в городе.

Сабинин. А в театре, руководимом вами, есть такие?

Любимов. Полно. В театре даже много жуликов, которые воруют вещи. Что вы удивляетесь? Во всем мире воруют. Но здесь чересчур много воруют.

Золотухин. Но ведь и Ельцин был партократ?

Васильев. А Гамсахурдиа был диссидент. Так что все сложно. Это страна такая. Это вам не Швейцария, не Цюрих.

Сабинин. Вот когда смотришь хронику, на эти города выгоревшие, развалившиеся, а сделано это руками диссидента бывшего, который у себя в бункере пытал людей электротокком...

Любимов. Саша, ну и что вы мне этим хотите сказать?

Сабинин. Как все монтажно в этом мире. Меня, кроме профессии, за тот остаток жизни, который мне суждено прожить, вообще ничего не интересует. Очень интересный феномен, который интересен во всем мире.

Бортник. Саша предлагает пытать людей электротокком.

Сабинин. Нет, сынок, я не предлагаю. Мир тебе, сынок!

Любимов. Ну, хорошо, что еще умеем улыбаться, значит, еще можно надеяться.

Васильев. Я предлагаю понять, что там, в этом зале, будут сидеть три часа четыре—пять Гамсахурдиа, остальные все очень напуганные, зачумленные...

Любимов. И ты хочешь встать и просвещать?

Васильев. Нет, нет, нет! Я хочу, чтоб из этой комнаты та злоба, которая пойдет сегодня из зала, чтоб из этой комнаты такая же злоба не шла. Мы должны быть мудрее, спокойнее.

Любимов. Ну скажите, дорогие, зачем я вас сюда позвал? Чтоб призывать к злобе, что ли? Давайте темперамент беречь для сцены.

Граббе. Судя по тому, что написано в этом объявлении, речь идет о том, чтоб коллектив стал собственником нового театра, соучредителем. Чтобы потом не мог никто отобрать. Вот как я понимаю.

Любимов. Да это все глупости! К ним даже из этого злосчастного Управления пришел человек и начал им объяснять: «Что вы делаете? Если вы отберете у Любимова директорство, вам немедленно пришлют из Управления директора и он начнет с вами расправляться. Ведь как только вы разделите это, вам пришлют директора!»

Граббе. Они тут же дополнили, что принять устав нужно, чтоб не лишиться здания как такового.

Любимов. Да перестаньте, ну кто вас лишает здания вашего! Это же все дикая ерунда! Алеша, ты меня просто удивляешь, как дите какое-то. Кто может отобрать? Для этого должен быть минимум указ президента. Кто вас придет выгонять — ОМОН, что ли?

Граббе. Вы же сами говорите; «в России нет закона» — ваши слова?

Любимов. Ну да.

Васильев. Как сейчас из магазинов выгоняют: пришел армянин, скупил магазин и всех выгнал. Я говорю в принципе.

Любимов. Не надо ничего говорить в принципе.

Глаголин. В 92-м году не будет приватизации театра.

Любимов. Ну, объявлено президентом, что в 92-м году никакой приватизации театров не будет. Ну так о чем же вы говорите? Значит, сами вы знаете и тут же начинаете говорить: «придет армянин...»

Граббе. А в 93-м?

Васильев. Подожди. Никто не знает, что через два месяца будет.

Ковалева. Такой вот еще вопрос, который сильно беспокоит всех по поводу привлечения иностранных актеров, что, мол, тут не останется русскоязычного населения.

Любимов. Например, появился иностранный артист, который будет заниматься хореографией в «Электре».

Золотухин. А почему этого нельзя делать? Это же делалось всю жизнь.

Ковалева. Но речь идет о том, что здесь никого вообще не останется.

Любимов. А кто будет играть репертуар, который идет?

Н. Любимов. Иностранные.

(Кто-то смеется.)

Глаголин. А как им платить, между прочим?

Васильев. Они мечтают здесь все играть.

Любимов. Этот несчастный иностранный артист жил у меня на квартире...

Глаголин. И получил полностью за свой билет...

Ковалева. Ну, понимаете, Юрий Петрович, там ведь люди, которые сегодня соберутся... Многие просто напуганы, запуганы...

Любимов. Ай, бедные...

Ковалева. Ну придите к ним и скажите то, что говорите здесь, — половина успокоится.

Любимов. А чего мне туда идти, меня туда не звали. Милая, ну зачем мне приходиться, когда без моего ведома там чего-то вывешивают...

Ковалева. Но они очень хотят вас видеть.

Любимов. Если б они хотели бы, они не вывешивали бы. Не приглашали бы прессу. Там все прекрасно организовано, со знанием дела, посланы бумаги точные во все учреждения. Там работают большие специалисты. Так что это все прикидывание, это все кликушество. Сейчас все всё понимают, качают, как выражается советская лексика, права и кричат: «Мы не позволим, мы не разрешим!» Поэтому «придите к ним и скажите» — это опять абстракция. Кому я скажу — Габец?

Ковалева. Нет, другим.

Любимов. А кто другие? Вот они пусть ко мне и придут. Они кабинет мой знают, в котором никогда не закрывается дверь и в который всегда может прийти человек. Мы и сейчас с трудом спокойно разговариваем, и то все время выплески, а что там будет? Там же будет такой базар, такой крик, и я буду на старости лет это слушать — зачем? Я спокойно объясняю людям, которые со мной работают. Кто со мной будет работать, я тому и объясняю. А с рядом людей я не буду работать. Неужели я буду работать с теми, кто занимается такими вещами? Конечно, нет. Я бы себя не уважал. Я могу из милосердия поговорить с любим, и помочь, и дать деньги...

Сабинин. Театр уже не первый раз переживает такие вот потрясения. Но вы же работаете с людьми, которые при А. В. Эфросе, царство ему небесное, были за то, чтоб быстрее снимать ваши спектакли: «давайте делать быстрее новые», создавать репертуар, не хотели играть, но вы же с ними работаете, потому что, вероятно, вы считаете, что на профессиональном уровне у вас может быть с ними контакт.

Любимов. Саша, не в этом дело. Во-первых, я стараюсь все-таки Библию читать и стараюсь в себе не культивировать такие чувства, как месть, злопамятство, сведение счетов. Меня этим не удивишь в моем возрасте, меня трудно этим удивить. Поэтому я и не занимался выяснением никогда: кто как себя вел при покойном Эфросе.

Сабинин. И очень правильно делаете.

Любимов. Ну вот, спасибо. И сейчас я этим не занимаюсь, и сейчас я никому мстить не собираюсь. Но просто я не хочу встречаться с людьми, которые мне крайне неприятны — зачем мне с ними работать, когда я могу с ними не работать? А советский коллектив считает, что я обязан работать, я обязан их обеспечивать, потому что «мы-ы-ы!» — и начинается вся эта бодряга. А я в этой

бодяге не хочу участвовать — могу я себе позволить эту роскошь? Извини, могу. Я не хочу протягивать руку свою некоторым людям. И я и не протягивал ее. Даже при том режиме страшном я убирал руку, а мог тут же получить и наручники, убрав руку.

Фарада. Кто не занят в репетиции, можно идти?
Любимов. Да, спасибо, благодарю вас.

СОБРАНИЕ НА СТАРОЙ СЦЕНЕ ТЕАТРА
На сцене декорации к спектаклю «Живой»

Боровский. Надо сделать так, чтобы был Любимов.

(Голоса: «*Всем пойти к нему в кабинет... Мы ходили к нему!*»)
И вам кажется, что можно что-то принимать в его отсутствие?

(Голоса: «*Да!*»)

Одну минуточку. Давайте разберемся. То, что вы хотите жить и то, что вы хотите быть защищены, я это прекрасно понимаю. Но вы немного забываете, что это театр — артисты и режиссер. Каждого артиста, и меня в том числе, приглашал в театр Любимов. Вы согласны с этим?

(Голоса: «*Да. Безусловно.*»)

Идя в театр, артист рассчитывает на свою творческую жизнь, судьбу и так далее. А главное, играть побольше, интереснее и т. д. Я сейчас не говорю о социальном. В любом театре может наступить момент, когда режиссер, беря три, четыре или десять лет назад актера молодого, перспективного, через десять лет может ему сказать, что «у меня так складывается, или ты не вырос, или ты мне уже не нравишься» — актер не может насильно заставлять. Так? Или я чего-то не понимаю. Я сейчас говорю о модели любого театра.

(Голоса: «*Не надо нам говорить громкие слова. Он не захочет разговаривать с труппой!*»)

Габец. Вы сейчас этих людей, вне зависимости от их профессии, лишаете совсем другого права, не тех законов театра, по которым они живут и будут продолжать жить, — вы их лишаете общественного права создать объединение, которое будет заботиться и решать их проблемы вне зависимости от творческих интересов Юрия Петровича.

Боровский. Одну минуточку. Вы же артисты, поймите.

(Голоса: «*Не талько!*»)

Нет, прежде всего артисты.

(Голоса: «*Мы еще люди!*»)

Габец. Вы даже еще не знаете, в чем смысл этого общественного объединения, и вы уже возражаете.

Боровский. Я знаю, потому что этот смысл, эта юридическая форма была создана, когда разъединялся Ермоловский театр.

Габец. Нет!

Боровский. Да! И там, защищая свои социальные интересы, прибегли к некой модели, поскольку она, считается, как бы их защищает. Но я не об этом сейчас говорю, мне кажется чудным в этом театре, где никогда не было никаких групп, насколько я понимаю...

(Голоса: «*А мы и не хотим никаких групп!*»)

Ну и слава Богу. Одно дело, как ведут себя люди, как ведет себя Любимов, как ведет себя каждый из артистов, — это может нравиться или не нравиться. Но я вам скажу другое. Может, я не артист, у меня мозги другие. Я довольно долго в театре работал, и два раза мне не нравилось, как поступал Любимов. И я уходил из театра. Потому что я сужу только по одному: меня берет человек на работу, я иду к нему работать, и если тебе не нравится поступок этого человека, ты не можешь прибегать ни к какому суду, ни к чему.

(Голоса: «Мы его очень любим и что получается — что мы ему не нужны... Дайте Боровскому сказать!..»)

Мне кажется это невозможным, что Любимов находится в театре, а вы принимаете какой-то устав без него.

Филатов. Нет таких усилий, которых мы не предприняли бы, чтоб он был здесь. Ну, понятно, что пожилой человек, понятно, что гений. Все ясно. И его принадлежит ему. На это никто не может посягать, а если бы посягнул, оказался бы в дураках.

(Крики из зала: «А мы ему не нужны!..»)

Не нужны. И он имеет на это право. Давайте с этим закончим. То, что «он меня не любит, он мне ролей не дает», — и не даст. И может, уже по отношению ко многим, и правильно сделает. Поэтому особенно этого писка истерического, что «мы ему не нужны, так обидно, не нужны» — ну, свою обиду детям расскажи, в семье, «как обидно, он мне не дает ролей». И не даст. И по отношению ко многим совершенно справедливо, потому что за это время, которое он вам подарил, многие из вас могли бы, топоча ножонками и стуча ручонками, сделать себе хоть какую-то судьбу. Но вы отнеслись к своей жизни паразитически: «мы — Таганка, два притопа, три прихлопа, концертные бригады»... Кто такие? Банда анонимов. Кто из вас кто? Простите за грубость, но я говорю настоящее, это правда так. Как ни обидно, но это надо в себя пустить, иначе мы вообще перестанем все понимать.

Второе. Золотая легенда под названием «Театр на Таганке» кончена. Это отчетливо понимает и декларирует Юрий Петрович Любимов. Отлично понимаем и мы. Для Театра на Таганке при его высоте и славе сегодняшнее такое полупостное существование в респектабельном зале один к одному, и еще там кое-где свободные местечки — это уже позор. Это смерть. Завтра будет смерть физическая, потому что понятно, что тут уже ничего не поделаешь. Поэтому надо обязательно проститься в уме, чтоб чуть-чуть быть похожим на свободного человека, выбраться из-под обломков этой фегишистской легенды под названием «Театр на Таганке» и понять, что театра этого нет. Что есть данность. А теперь поговорим о ней. Я для себя внутри психологически разделяю: был Театр на Таганке, сейчас нечто уже другое — почему? Потому что Юрий Петрович меня во многих поступках, иногда просто аморальных, не устраивает, как и многих из вас. Я лично о себе говорю, я не судия и не безгрешен, как это называется — и многие из вас в разных ситуациях мне просто иногда непонятны. Но я иногда делаю допуск, почему я никогда не ссорился и почему вернулся в этот

театр в надежде на то, что кто-то был напуган — в той ситуации я думал, что театр должен был вести себя иначе с Анатолием Васильевичем. Может быть, мягче, без такой большевистской запальчивости, но должен был вести себя иначе. Многие из вас в этом смысле нечисты. Теперь возникает ситуация. Вот мы поделили: вот Театр на Таганке прошлых времен и замечательная легенда и нелегенда — легенда осталась, а было замечательное прошлое. Сегодняшнее никак не совпадает. Юрий Петрович Любимов, замечательный тогда, отважный человек, научивший нас говорить то, что мы говорим в его отсутствии и в его присутствии — пусть он придет, я ему повторю, и гораздо, может быть, более жестко, уж я имею право это говорить, мне за него чуть не сломали башку во времена Анатолия Васильевича.

Боровский. Это было в отсутствие Любимова!

Филатов. Позволь, эта песня, Давид, мы с тобой говорили тоже отдельно, она мне не кажется столь убедительной. Не могу я его за грудки взять. Какое отсутствие-присутствие — театр заплатил деньги, Попов просил, умолял — пошли люди на коленях. Что ты еще хочешь от людей? Прийти к нему туда, на дом? Может, ему еще Горбачева привести? Ну надо же понимать свои возможности. Надо понимать, что ты всего лишь человек, ну не бери ты на себя функции Господа Бога. Это в Кремль проще войти, чем к нему. С кем угодно из московской или российской власти проще встретиться. Ну объяснись ты хотя бы, успокой людей, скажи — я подписываю договор с этим, с этим, с этим. Это будет история, похожая на историю с Олегом Николаевичем — он взял своих и увел. Мило, красиво, это его дело. Но он не выгонял никого из коробки. Но он не дает ни одной минуты, он даже не желает объясняться — а выгонит он кого-нибудь или нет. Об этом же сейчас идет речь. А есть ли у него намерение посягать на... или нет. Широкое толкование есть в любом пункте, понимаете. (Про Боровского.) Вот он пошел к Юрию Петровичу.. И самое поразительное для меня, что никто из людей, защищающих Юрия Петровича, не присутствует. Ну кто-нибудь из ребят, которые такие счастливчики и намерены подписать этот договор — сколько он будет длиться, что он из себя представляет — я боюсь, что ничего, кроме стыда, он им не принесет, потому что это 15-20 каинов просто еще раз — у них уже печать во лбу у многих. А здесь, в этой ситуации, в безумной стране, запуганной, голодной, еще и это вы берете на себя..

(Голоса: «Это безбожно!»)

Да уж не будем тут говорить о Боге, но просто хоть нормально, чтоб жена с тобой ложилась периодически, хоть об этом подумай, если она нормальный человек, она уже с тобой не ляжет после этого. Я думаю так, потому что никто не думает о таких простых вещах.

И здесь нужно с той легендой попрощаться. Существовал один Любимов, теперь он другой. Я в этом заморском господине фазанистом не узнаю того человека, который меня научил даже вот возможность сегодня говорить. Поэтому я прощаюсь, я спокойно

опускаю занавес над тем периодом, достаточно благородно, ничего не пытаясь оскорбить. Что случилось — не знаю. Это на сегодняшний день предмет для изучения психиатров, а уже не предмет для исследования искусства или чего-нибудь еще. Не знаю. Буду даже, наоборот, рад, если это будет так, потому что тогда будет ясно: ну, заболел человек, это печально, горько. Но это опять личное дело Юрия Петровича. Страшнее другое: никто не сумел добиться от него ответа на вопрос, что будет с людьми. Он говорит: «Это не мое дело», но это не ответ на вопрос. Если все остаются на своих зарплатах — тогда другое дело, доживают хотя бы до пенсии. Потому что, конечно, Давид прав — без Любимова что такое этот театр, что это за остатки из ведущих артистов театра. Ведь им нужен главный режиссер, и они должны попробовать выжить, но для этого они обязаны делать шедевры, иначе сожрут их спустя сезон, и сюда войдут другие, более талантливые люди, что тоже будет справедливо. Времена такие. Об этом подумать надо, но для этого нужно расшифровать — что же все-таки имеет в виду Юрий Петрович. Он ни на один вопрос не отвечает. Говорит, что это его частное дело. Возможно, это частное дело, если вы заключаете договор всего лишь, хотя я не могу понять, какая корысть за этим стоят.

Повысить кому-то зарплату до 5 тысяч? Двадцати людям, ну, допустим, это легко переживаемая вещь. Не было этих денег, и не надо, Бог с ними. Вот что это такое? Потому что можно бесконечно говорить: ну как мы без Юрия Петровича будем разговаривать, когда его нет. Ну вот нам бы хотелось задать ему вопросы. Возможно, вопросы эти всех бы успокоили. Хотя контракт наводит меня на мысль, что когда человек об этом не думает, он не выносит контракт. От этого паника ведь. Отчего возникла в первые дни глобальная идея поменять вообще художественного руководителя — от ужаса. И он естественен. Людям хочется немножко еще пожить, немножко позаниматься искусством, немножко поиграть. И пусть не всем удается при новом, другом. И нельзя обольщаться и потом говорить: мы же голосовали — не будет так, все равно будет довольно жестокая ситуация, но хоть ситуация, при которой можно себя уважать — мы попробовали. Стряхнем с себя обломки и пыль с ушей, и поймем, что того периода нет, и его никогда не будет. Я только одной мысли не понимаю. Бесконечно понимая, что этот театр умер, Юрий Петрович именно в это время затевает реорганизацию. У Булгакова сказано: «какие странные похороны». Это что такое: с одной стороны вроде бы смерть, а с другой стороны перспектива? Чего? Будут артисты играть лучше или он будет чаще бывать в стране? Или спектакли — гарантировано, что это будут шедевры, или их будет больше? Кто мешал ему до сих пор заниматься искусством? Как мешали эти люди, он с ними и так не работал. Зачем теперь обозначать тех, «кого я люблю» — ну, ты и так их обозначил уже. Я думаю, что из этой шпаны никто не пришел — я что-то их не вижу, любимовцев. Вот что такое страх, вот какая омерзительная вещь.

Я вам скажу дальше немножко лирического от себя, буквально

три-четыре слова. Я в этом театре, честно говоря, держусь из последних сил ввиду аморализма у энной части труппы и ее художественного руководителя. Я человек, который им воспитан, я не могу в этом месте находиться. Я считаю, что этот дом безнадежен. Но если что-то получится, я буду рад. Я говорю о себе, потому что тут никого это очень не волнует, но я обязан сказать. Атмосфера в этом доме проклятая. Он проклят, проклят. Проклят. И сегодня такого обилия трусов, наверное, нет ни в одном театре страны. И то, что этот театр исповедовал самое нравственное и до сих пор эти слова произносятся, а живут здесь гнилушки — уже и возраст такой — это вообще зрелище невозможное.

Отдельные голоса возражают. Я не поименно, ребята, поймите меня правильно, я никого не хочу обидеть, я просто говорю о том, что ситуация, вы же сами видите, вы же сами, наверное, от этого киснете. Сегодня другие трусы, позавчера были другие. Ну это же так. Я же как бы не обвиняю и не сужу, я же и сам не могу понять: вот что на сегодняшний день делать, что делать?!

(Голоса: «Ну, помогите нам! Скажите, что делать!»)

Я не Ленин, я не знаю. Сообразите сами. Вы и сейчас хотите быть паразитами: «помоги нам!» Вам собрали документы, вы соучредились, решайте сами. Возможно — поделить коробку, как предложил нам этот шпаненок, гапончик маленький, который из толпы словечки все время говорит.

С а б и н и н. Существует патовая, на мой взгляд, на сегодня ситуация, которую надо вывести из этой мертвой петли. И это главная проблема. Вот сейчас то, что стоит здесь на сцене, то, что вы сказали: своей творческой деятельностью будем влиять на общественную жизнь и так далее — это все понятно. Вот все это создано руками художника, это, как в Японии: яко суко сима мур — национальное достояние. И это то, что дается свыше Богом один раз во много лет каким-то еще неизвестным нам всем образом в одном человеке, как Раневская говорила, как прыщ может выскочить на любом теле. Какое это тело, какой это человек, мы знаем, каждый на себе испытал. Но... и мы никуда от этой проблемы не уйдем — все, чем мы пытаемся влиять, воздействовать, на чем мы пытаемся строить правовую основу нашего дальнейшего существования, то есть вот этот кусок хлеба, который мы хотим есть законным порядком, он создан все-таки руками этого человека. Весь репертуар. Сделать в Москве сейчас новый спектакль, даже будь то Стуруа, Фоменко — кто угодно — Питер Брук — в этом страшнейшем хаосе, в котором мы живем, почти невысказано. Поэтому мы так или иначе будем крутиться и вертеться на основе созданного руками этого человека вот этого национального достояния, будем крутиться все равно на этом и кормиться этим. Он сейчас здесь. Проблема остается. Давайте не будем совать голову под крыло. Вот до тех пор, пока мы не найдем возможность с этим очень сложным человеком диалога...

(Голоса: «Он не хочет!»)

Он не хочет. Конечно, он не хочет. Но, ребятки мои дорогие, это же главная проблема, все равно. Он ведь здесь.

Шацкая. Да что же, нам ждать, когда он умрет?!

Сабинин. Да как угодно! Ну вот хотите, я сейчас встану, на коленях поползу туда, давайте все поползем.

(Голоса: «Давайте! Выползай, давай!»)

Ну, как угодно. Но нельзя этого делать. Вот и все. Ну, Ниночка, я тебе сам могу сейчас сказать: ведь я же не езжу и суточные не получаю, и у меня нету интереса моего личного. И меня никуда не заряжают, и меня не взяли ни в одну новую работу, наверно, я очень плохой артист, может, стал плохим артистом. И меня уже оттерли от студии почти полностью, хотя я продолжаю в ней работать и буду работать, пока я жив. Все равно существует эта данность, от которой мы не уйдем.

Комаровская. Мы ее не снимаем, эту данность.

Сабинин. Вы не сняли ее, она остается.

Прозоровский. Ребята, не вступайте в прямые диалоги, все равно вы друг друга не слышите. Дело в том, что опять возникает навязанная вам волей или неволей другая проблема. Сегодня речь идет об уставе общественного объединения. Задача этого объединения чисто страховочная — очень хорошо сегодня сказал мой друг Саша Давыдов.

Давыдов. Я могу повторить. Мы сейчас все бродим по дорогам к рынку. По страшным дорогам к рынку, этих дорог никто до конца не знает. В любой стране каждый человек, каждая организация страхует себя на случай полета, вылета, обвала, болезни — всего, чего угодно. И это именно страховая акция, когда люди вот в этой непонятной сейчас жизни страхуют себя от того, что завтра могут прийти — прецеденты тому были; моя подруга, утром прочитав газеты, поняла, что дом в Трехпрудном переулке продан советско-американской фирме. Они организовались, им что-то там дали и так далее. Это не более чем страховочная ситуация, когда люди страхуют себя на свой завтрашний день, мы будем юридическим лицом, которое может стать соучредителем, а не просто кто-то где-то. Ведь мы же знаем, что у нас большая страна беспредела. И вот чтоб как-то себя оградить, по-моему, ничего страшного в этом нет. Никто не посягает ни на спектакли, ни на имя. Но мы не можем выступать в суде, мы не можем даже в Цюрих поехать, если что. А так эта организация соберет деньги, пошлет в Цюрих двух представителей, если что.

(Голоса: «Давайте голосовать!»)

Хмельницкий. Мне только что Любимов сказал, что никого не думает увольнять.

Габец. Прекрасно! Мы счастливы, если Юрий Петрович нас любит. Жалко только, что он не выявляется человеком, который поддерживает наши же инициативы. Ребята, я предлагаю понять ясно: те, кто хочет подстраховать себя, те, кто хочет ощущать себя как юридические лица, те, кто хочет на случай приватизации театра претендовать на кусок этого корабля, пая, те, кто видит чуть дальше завтрашнего дня и понимает, что в период рынка нужно себя таким образом застраховать, мы просим, если нет вопросов

и если вы согласны с целями и задачами этого общественного объединения, принять устав и проголосовать. Следующим нашим шагом будут выборы и прочее. Но вот я вижу, что поднялся Николай Николаевич, и пришло время нам его послушать.

Губенко. Я хочу только сказать Юрию Петровичу, который всех нас сейчас слушает, это бесспорно, это напоминает Маркеса, когда известный диктатор имел свой канал и хотел слышать по этому каналу только то, что ему хотелось.

(Все смеются.)

Дорогой Юрий Петрович! Я вас люблю. Я никогда не позволял в ваше отсутствие говорить о вас хорошо или плохо. В отличие от вас, что вы непременно делали всякий раз, когда меня не было на общем собрании коллектива. Дорогой Юрий Петрович. Сейчас происходит несчастье. Если будет принят этот устав без вас, это будет очередной взрыв несчастья, на котором вы непременно что-то заработаете, в том числе пару-тройку контрактов. Я предлагаю сейчас подождать Юрия Петровича десять минут, мы покурим. Пусть придет сюда и поговорит с нами. И мы должны уточнить с вами один вопрос: будет ли Юрий Петрович работать дальше с тем коллективом Театра на Таганке, которым он был во времена легенды, откуда он намерен руководить этим коллективом: из Цюриха или из Москвы. И тогда уже принимать устав.

(Аплодисменты. Перерыв.)

Любимов. Я слушаю вас. По какому поводу вы собрались?

Прозоровский. Мы собрались сегодня по поводу устава общественного объединения «Таганка».

Филатов. Давайте к вопросам.

Любимов. Я сказал, что я удивлен, что без моего разрешения было собрано собрание. Я не знал, выходил поздно вечером из театра и увидел это объявление. На что я сказал: кто вам разрешил это сделать. Остальные ваши все рассуждения... во-первых, никакое собрание сейчас неправомочно. И оно юридической силы иметь не будет. За это я вам отвечаю. Что бы вы тут не приняли. И не потому, что я такой грубый, жестокий — говорите обо мне что угодно. Если я за почти что тридцать лет не сумел вас убедить, что я честный, то мне не о чем говорить. Поэтому я и не хотел приходить сюда. Потому что когда без моего ведома творятся эти безобразия, которые вы делаете, то меня это...

(Голоса: «Какие безобразия?»)

Кто творил, тот знает. Это все хорошо организовано и продумано. Никто этот театр никому не отдает никуда. Второе. Мой контракт — это мое дело. И его брать тайно и комментировать — это называется подлог и похищение чужих документов. Я у вас не ворую и не беру ваши контракты, или ваши халтуры, или ваши договора, или ваши бригады. Когда мне приходят письма, то я их разбираю и вынужден отвечать, что «это не гастроль театра, это бригада». Даже в Америку пробрались, и вы эту историю знаете, когда мне говорили: «Что же вот Таганка приехала и вот так представила себя? А теперь мы не будем вам гастроль большие делать, уже

Таганка была». И тоже я не знал. Потом меня долго убеждали. Но это до утра можно говорить, а у нас в пять часов репетиция.

И самое важное, что в это время, которое происходит в стране — вы смотрите телевизор и видите, как президент в окружении дам истерических говорит: «Ну растерзайте меня, делайте со мной, что хотите». Президент России! Когда мэр города говорит: «Ах, Кравчук взял флот и создает армию, но мы ведь понимаем, для чего он это делает». И я ведь понимаю, для чего это все сделано.

Филатов. Для чего?

Любимов. Кому надо, я отвечу, Леня. И вам отвечу. И вы меня не судите, дорогой мой. Вот в кабинете я с вами поговорю сегодня.

Шацкая. А почему не здесь, Юрий Петрович?

Любимов. А не хочу. И вы меня не заставляйте. И вы меня, Нина, не перебивайте. Вот когда я прекращу говорить, вы встанете и скажете свои аргументы. И поэтому я и не хотел сюда идти, потому что ни в какие пререкания я с вами вступать не собираюсь. Ответить я вам могу. Принесите мне вопросы, и я приду и на них делово отвечу. Вот и все. И поэтому я и отвечаю: я делаю все, чтоб спектакли не срывались и шли. Но такой разболтанности, которая есть... вместо того, чтоб играть спектакли, все время обсуждать, кого выгонят, кого нет... Никто здесь выгонять никого не собирается. И это вы сами отлично понимаете.

(Голоса: «Это неправда, Юрий Петрович! Нам нужны гарантии какие-то, это только слова!»)

Вам Советская власть много гарантий давала? Вы жили все годы при Советской власти.

(Голоса: «И вы жили!»)

Шацкая. Сейчас другая жизнь у нас, другие законы у нас совершенно.

Любимов. Ах, тогда вам легко жилось.

Габец. Мы ведь вместе с вами жили эту жизнь.

Любимов. Ну, вы жили со мной очень мало.

Иваненко. Юрий Петрович, нам есть нечего.

Любимов. А я вам для этого собирал посылки. Ну, я понимаю, вы их съели. Ну, я вам еще соберу.

(Голоса: «Нам жить надо! Работать!»)

Прозоровский. Юрий Петрович, можно сказать?

Любимов. Пожалуйста, вы же собрали. Я не собирал.

Прозоровский. К вопросу о вопросах. Вопросы существуют, исходя из вашей статьи, которая вышла на следующий день после вашего отъезда в декабре и в которой мы получили несколько ответов на непоставленные вопросы. Второй источник вопроса был ваш контракт, где вы называетесь директором театра, и поэтому у нас и возникло ощущение, что это не совсем личный контракт, а все-таки он касается жизни коллектива, чьим директором вы называетесь в этом контракте. Только поэтому. Никто не собирался посягать на вашу личную переписку с Поповым.

Любимов. Почему же вы разбирали чужой контракт — это же некрасиво?

Прозоровский. Он просто касается жизни театра — здесь нет никакого заговора. Хоть вас в этом убеждают постоянно. Все это возникло спонтанно.

Любимов. Как? Спонтанно взяли и спонтанно изучали?

Габец. Спонтанно попросили.

Токарев. Я знаю, что вы очень это не любите, но есть такой документ. Постановление РСФСР от 1 декабря 1991 года «О перечне сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну». Вот этот документ. Ваш контракт не составляет коммерческой тайны.

Любимов. А чего вы этим высказали? Причем здесь коммерческая тайна? Он мой! Дело не в том. Тут вопрос по-другому рассматривается, что нельзя лазить в чужой карман.

Прозоровский. Два месяца назад мы вас очень ждали и надеялись, что вы приедете и как-то с нами встретитесь.

Любимов. Я был здесь целую неделю.

Прозоровский. Я просил вас встретиться с нами, однако вы не смогли, не нашли времени.

Любимов. Это неправда.

Филатов. Это к вашему вчерашнему разговору об этике, я прошу прощения. Первое, что вы хотели узнать — это как попал документ. Да валялся. Кто-то случайно обжегся. И тут же пошло. Я приехал из Кисловодска, у меня было тридцать звонков. А мне respectable было бы занять позицию другую, Юрий Петрович.

Любимов. Да-да, но вы болеете за народ.

Филатов. Да. Мне с вами ругаться ни к чему и противопоставлять себя неинтересно. Потому что вы гений, вы мировая величина. Зачем? Я занимаюсь другими делами.

Любимов. Я знаю, что уничижение паче гордости.

Филатов. Не-не-не, в пределах Садового кольца меня узнают. Ну не будем.

Любимов. Так вы ж затеяли, а не я. Вы забежали, затеяли и убежите — прекрасная позиция.

Филатов. Юрий Петрович, я повторяю: у меня корысти вот ни на столько нет. И вы меня в этом обвинить не можете. Мне из-за вас чуть башку не сломали — в то время как вы давали интервью в свободных странах, — все госинституты страны. Это я вам в счет не вписываю, это мое личное дело, как я себя веду в той или иной ситуации. Но я говорю к вопросу, к моему тезису о том, что у меня корысти нет. Мне и здесь сейчас находиться корысти нет. Я не самый большой поклонник того, чтобы вы приходили, не приходили. Я вообще считаю, что все это ерунда, между нами говоря. Я и ребятам сказал жесткие слова по поводу того, что это трупша развалившаяся, по-другому, по-человечески. Но и вы, извините, который научили меня так разговаривать, как я позволяю себе, вы меня научили смотреть прямо в глаза, а не прятать глаза. Вы меня научили, а теперь я вас не узнаю. Не узнаю.

(Аплодисменты.)

Габец. Простите, Юрий Петрович. Я 15 лет работаю в театре

и достаточно много работаю в спектаклях, которые вы поставили. И ценю свою работу в этом театре, очень горжусь тем, что я работаю в этом театре. И поэтому я говорю сейчас. Дорогой Юрий Петрович, то, что сегодня мы собрались, и то, что вы называете юридически неправомочным, это ваше непонимание того, что мы живем в другой стране.

(Любимов смеется.)

Того, что эти люди, которые сидят сейчас в зале, могут иметь собственное, отличное от чьего-либо мнение, что они могут захотеть собраться на общественных началах и подумать о том, как они будут защищать свои социальные права. Ничего страшного в этом нет. Ведь это происходит не до того, а после того, как единогласно на собрании ваши полномочия художественного руководителя были подтверждены. Этот коллектив, принимая устав театра, единогласно проголосовал за единоначалие и за ваши права художественного руководителя. Этот коллектив сделал все возможное, чтобы вы могли приезжать сюда тогда, когда вам это удобно, и делать то, что вам хочется и с кем хочется, по вашему выбору — привозить сюда других актеров из других стран — пожалуйста. Но этот вопрос, который сегодня решается, он очень прост. Обычные люди, которые много лет проработали в этом театре — все по-разному, кто больше, кто меньше. Все они обеспокоены тем, что происходит в нашей стране, и тем, что может произойти и с нами, хотят организовать в общественное объединение без каких-либо далеких идей, кроме одной — мы хотим попытаться стать юридическими лицами, чтобы мочь защищать свои права. И тут никаких полномочий чьих-либо, кроме самого желания тех людей, которые тут собрались, не нужно — так записано в российских законах, которые, может быть, вы не читали, может быть, вам о них не рассказали. Но вот здесь сидит консультант советника президента Ельцина. Это Игорь Владимирович Сафоев. Юрий Петрович, познакомьтесь, пожалуйста, с ним.

Лю б и м о в (Сафоеву). Добрый вечер!

Га б е ц. Может быть, у вас будут вопросы по законодательству, по поводу наших или ваших прав. Не надо нас обвинять в том, чего мы не совершали. Перестаньте с нами общаться по телефону, на другом конце которого Борис Алексеевич Глаголин или несколько избранных товарищей. Признайте за нами право быть людьми, которые 27 лет кто меньше, кто больше здесь работают.

Лю б и м о в. Что я дезинформирован — это мне всегда говорил Виктор Васильевич Гришин и его помощник Бугаев.

Губе н к о. Вы позволите мне на правах ведущего актера, вашего любимого актера, сказать несколько слов.

87-й год. Ребята просят меня взять театр, сознавая, что я ничто по сравнению с вами как режиссер, тем более театральный. Я беру этот театр, бьюсь головой о Политбюро, в котором сидят Лигачев, Громыко — шесть человек из старого Политбюро. Единственный человек, который перевесил чашу в пользу вашего возвращения, был Михаил Сергеевич Горбачев. Это так. Далее. Никто вас не тянул за руку приезжать сюда 8-го числа в качестве моего гостя, ког-

да полтора года я бился головой о Политбюро и наконец-то получил это высочайшее по тем временам соизволение. Вы растоптали те десять дней нашего счастья, которое мы все испытывали и вместе с нами вся театральная общественность. После этого я беру театр, восстанавливаю все ваши спектакли, исключительно, с огромным уважением относясь к вашему замыслу. Мы вводим в спектакль «Владимир Высоцкий» вас лично, ваш голос, расширяем тему вашего отсутствия, мы делаем все, чтобы воздействовать на общественное сознание, чтобы вы вернулись.

Испания. Разговор с вами, слезы счастья от возможности, что вы можете вернуться, встреча с труппой — это все были акции величайшей преданности коллектива вам. Вы пошли на это. Вы сами при мне в 45-минутной беседе с Лукьяновым подписали документ, где первыми словами было конкретно: «буду искренне признателен, если Верховный Совет рассмотрит вопрос о возвращении мне гражданства».

Лю б и м о в. Это не совсем точно.

Губенко. Я вам покажу этот документ.

Лю б и м о в. Покажите. Потому что моя ошибка, что я не взял у господина Лукьянова этот документ. Потому что вы меня вынудили ехать к нему, я не хотел к нему ехать.

Губенко. Никто, повторяю, Юрий Петрович, вас не принуждал...

Лю б и м о в. Неправда!

Губенко. ...Ни к приезду ко мне в качестве личного гостя, ни к приезду к Лукьянову, ни к возвращению вам гражданства.

Лю б и м о в. Я думаю, наши пререкания не надо слушать никому. Потому что это неправда. Я могу вспомнить другое, но это я вам скажу наедине.

Губенко. Дайте мне договорить!

Лю б и м о в. Пожалуйста, договаривайте.

Губенко. После этого полтора года было потрачено на то, чтоб восстановить «Маяковского», «Высоцкого», «Годунова», ввести вторые составы в «Зори здесь тихие...», вы начинаете всячески растаптывать меня в прессе. Вы трактуете все мое двухгодичное битье головой о кремлевскую стену и обо все, что называлось «советская власть», только тем, что Губенко захотел стать министром и для этого он это сделал. Допускаю. Но хочу еще вам сказать, что рядом с вашей фамилией стояли еще 173 эмигранта, которых я не пробил, я смог пробить только вас и Ростроповича. И вы инкриминируете мне, что я это сделал для того, чтобы стать министром. Поэтому я утверждаю, что вы — лжец. Вы прокляли все лучшее, что было в этом коллективе, вы растоптали и предали этот коллектив...

Г л а г о л и н. Вы не имеете право так говорить!

(Все кричат. Вы запачкали себя и не имеете право так говорить ему.)

Ф и л а т о в. Есть свободные люди, которые говорят то, что они думают. Вот встань и скажи, а не таявкой из толпы, как шавка.

Губенко. Поэтому единственный вопрос, который я хотел

бы вам сейчас задать: в какой степени вы намерены дальше руководить из эмиграции, как Владимир Ильич Ленин — РСДРП, этим театром. Полтора года вас не было. Вы руководили только по телефону через Бориса Алексеевича. Эта пристыжная бл..., которая подлизывается...

(Смех, аплодисменты.)

Абсолютный предатель, который мыслит только во благо самого себя. Вы хотите работать в Советском Союзе... в СНГ, или не хотите? Если вы не хотите — так и скажите. Или вы будете руководить театром из Цюриха. Мы и на это согласны. Вы великий гений. Мы вас любим, но прошлого, а нынешнего мы вас ненавидим — я лично ненавижу, потому что, повторяю, — вы лжец.

(Аплодисменты. Крики.)

Лю б и м о в. Еще будут какие оскорбления?

Ф и л а т о в. Ну, про оскорбления не вам говорить. Вы нас вмазали в говно так, что...

С а б и н и н. Товарищи дорогие, прекратите. Не надо на таком градусе, на градусе коммуналки вести разговор. Вам потом всем будет стыдно, противно. Не надо так разговаривать. Я призываю вас, пожалуйста, не надо так. Мы, к сожалению, по-другому не умеем, но надо, друзья, постараться. Постараться надо. Не надо так разговаривать.

Прозоровский. Каждый имеет право... И, кстати, неплохо было бы сохранить свое достоинство, как сказано в первом же спектакле этого театра.

Губенко. В израильском журнале «Калейдоскоп» одним из условий вашего возвращения в театр вы назвали упразднение советской власти. Она упразднена. Вы возвращаетесь?

Лю б и м о в. Я не подсудимый, а вы не прокуроры и не мои обвинители. И поэтому после слов, что я лжец...

Губенко. Это мое личное мнение.

Лю б и м о в. Вот с этим личным мнением и оставайтесь. Когда вы обретете человеческий облик, переспав ночь, завтра я с вами поговорю, изучив эти вопросы. Вы оговорились, господин министр бывший, никакого СССР нет. И сколько ни хотят вернуть некоторые люди, отдавая Попова под суд, что он устроил глумление над останками коммунистов на Красной площади, можете собираться под их знамена и примыкать к жулиновским, жуликовским и к бывшим всем партаппаратчикам. Я вас не перебивал, когда вы меня оскорбляли. И как в плохом балагане хлопали, кричали и так далее. Это не спектакль. Берегите себя там. А здесь ваши выкрики для меня никакого значения не имеют.

Ф и л а т о в. Очень жаль.

Лю б и м о в. И, главное, интонация очень хорошая актерская, готовая, Леня. Не живая.

(Голоса: «„Сукины дети“, вторая серия!»)

Вы перепутали условия, что рынок вводится президентом, а вы устроили в театре даже не рынок, а базар самого низкого пошиба, вульгарный и скверный. А что касается ваших этих вопросов, я отвечу на них.

Когда я реорганизовывал этот театр, то я ни одного человека... о своих горестях я не буду говорить, но такие люди, которые тут работали, они были в еще более страшном положении, чем вы — они шли на улицу, потому что был приказ о реорганизации театра. И, несмотря на это, был уникальный случай за всю историю страны — не было ни одного сюда. Потому что каждый был пристроен. Так возник этот театр. И он возникал не на крови, а на доброте.

Лукьянова. На смертях он возникал. Две смерти было. Простите, я присутствовала при этом. Умер Полинский и умер Вейцлер. А мы только что похоронили Ронинсона. Первая ласточка.

Любимов. Вы опять со мной пререкаетесь. Уже я виноват, оказавшись, в двух смертях в 64-м году. Тогда встанет Галина Николаевна, которой ближе эта смерть, чем вам всем...

Лукьянова. Она забыла об этом, простите, пожалуйста.

Любимов. Ах, и она плохая! А вы хорошая? А жена, потерявшая мужа, плохая. Вот вы до чего уже дошли.

Ульянова. Юрий Петрович, мы ведь хотим с вами работать! Ну что же вы не слышите нас!

Любимов. Вот, к сожалению, я все слышу.

Ульянова. Всех взволновало только одно — ваш этот вот рескрипт. И потому, что мы сейчас действительно находимся в таком положении.

Любимов. В каком?

Ульянова. Когда человек раньше оставался без работы, ему было легче, потому что семьдесят рублей были немножко другие, чем сейчас 420. Это первое. Второе. Мы еще можем работать, мы полны сил. Вы говорите, что мы разнужданы — это естественно, Юрий Петрович, потому что этот театр создавался на вашей воле, на вашей энергии и когда вы тут стояли, и когда вы были там, хотя бы мы знали, что вы там. Да. Но ведь когда вас нет, естественно, идут потери, помимо того, что они и временно идут. Но мы хотим с вами быть, Юрий Петрович. А юридическая сторона дела — когда вы говорите: мой контракт, это вас не касается — это актерский контракт. Поверьте. Я не понимаю в юриспруденции, но я понимаю только одно, что это маленькая защита от произвола — не вашего, нет — государственного.

Любимов. А вот когда иронизируют, что там написан Цюрих, то написан он только потому, что уйдет Попов, придет какой-нибудь скверный человек и начнет безобразничать. Тогда город со мной не сможет обращаться скверно — не Бугаев будет, который меня унижал при Гришине и к которому я должен ходить сейчас в Управление, к холую Гришина — вот что вы не понимаете — а тогда город знал, если он подписывал со мной контракт, то город будет со мной судиться в Цюрихе. Вы даже это не поняли, что это сделано для вас же! А не для меня.

(Голоса: «Вы бы нам это раньше объяснили!»)

Да потому что нужно быть приличными людьми и не воровать чужие документы.

(Голоса: «Не в этом дело!» «В этом!»)

Кооперативный дом. Новая семья, новое жилье, 1980

С женой Тamarой, 1980

С женой Тamarой и сыном Сережей, 1980

Репетиция «Бориса Годунова». Отрепьев-Самозванец —
В. Золотухин, 1982

«Человек с аккордеоном», с Е. Евстигнеевым, 1984

С поэтессой Н. Кондаковой, 1984

Спектакль «На дне». Васька Пепел — В. Золотухин,
постановка А. Эфроса, 1984

С.Л. Филатовым, 1988

Сергея Золотухин, 1988

С.А. Вознесенским, 1988

50-летие В. Высоцкого. Лужники. А. Градский, В. Золотухин, В. Смехов, Н. Высоцкий, Ю. Медведев, 1988

Н. Губенко, Ж. Болотова, Б. Хмельницкий, В. Смехов, Л. Филатов, В. Золотухин. Н. Губенко назначен главным режиссером театра на Таганке, 1988

«Живой», Авдотья — З. Славина, постановка 1989

«Живой», Дед Филат — Р. Джабраилов, постановка 1989

Спектакль «Владимир Высоцкий», с И. Бортником, 1989

«Пир во время чумы». Донна Анна — А. Демидова, Дон Гуан — В. Золотухин, 1989

Вверху: второй справа В. Золотухин, А. Митта, А. Гутьерес, Л. Филатов; внизу: В. Цветов, К. Курихара, Н. Шацкая, 1989

С Ю. Любимовым на Таганке перед премьерой «Живаго», 1993

«Павел I». Постановка Л. Хейфеца, 1994

«Моцарт и Сальери», с И. Линдт, 1999

М. Горбачев на спектакле «Шарашка», 2000

Автограф Ю. Любимова
2001

Портрет и оригинал, 2000

С М. Шемякиным в концертном зале «Россия» на концерте
«20 лет без Высоцкого», 2000

Спектакль «Цена» по А. Миллеру, репетиция. Виктор —
В. Золотухин, Уолтер — О. Басилашвили, 2000

Интервью с Ф. Медведевым, 2001

На репетиции спектакля
«Милый лжец» с И. Линдт,
2000

«Театральный роман». Иван
Васильевич — В. Золотухин,
2001

В. Краснопольский — составитель, В. Золотухин — автор,
Ф. Медведев — критик, 2001

«Утром пишу, днем издаю, вечером продаю», 2001

60-летие В. Золотухина. На сцене театра на Таганке, 2001

60-летие В. Золотухина. В кабинете Ю. Любимова, 2001

Ульянова. Юрий Петрович, родненький, ну дослушайте.

Любимов. Я вас тридцать лет слушаю. И зачем вам слушать лжеца! И вы еще хлопали! Человек, который назвал меня лжецом, живя у моей матери полгода. Да я не желаю вообще видеть его в этом помещении. Вот я уйду и выбирайте. И пока он не уйдет отсюда, меня здесь не будет. Все!

(Любимов уходит. Губенко тоже встает.)

Филатов. Всё. Все обсуждающие ушли. Гуляйте!

Прозоровский (Токареву). Юра, останови, пожалуйста, актеров, потому что мы все-таки должны попытаться принять устав хотя бы за основу, потому что нам все равно здесь жить. Итак, я прошу, Лена, посчитать с этой стороны людей. Саша, с этой стороны людей посчитай. Завтра, если Юрий Петрович захочет, он назначит собрание по поводу вопросов.

Габец. Стоит вопрос об образовании общественной организации «Театр на Таганке». Кто за то, чтобы создать общественную организацию «Театр на Таганке»... Будьте добры, войдите, пожалуйста в зал...

(Голоса: «Давайте завтра!»)

Прозоровский. Завтра это закончится таким же скандалом.

Габец. Прошу голосовать. Кто «за»?

(Считают. Голос: «Сорок пять на балконе!»)

Прозоровский. 135 голосов «за». Прошу фиксировать, потому что это очень важно. 144. Кто «против»?

Габец. Среди присутствующих таковых не нашлось.

Прозоровский. Итак, 144. Этого вполне достаточно. В принципе нам вообще не нужен был бы кворум. Потому что те люди, которые хотят участвовать в этой организации, те и будут участвовать.

Губенко. Я хотел сказать только два слова. Я понимаю, что то, что здесь произошло, это большое несчастье. Но я повторяю, что в отношении меня Юрий Петрович был не кем иным, как лжецом. Если он ставит вопрос так, что пока этот человек будет в этом театре, он вообще не будет с вами разговаривать, я этот театр покидаю. Всего хорошего.

(Обищий хор голосов: «Нет! Нет! Не ставьте нас в такое идиотское положение! Это же нечестно!»)

Вы меня, наверное, неправильно поняли. Юрий Петрович через три дня уедет на очередных полтора года.

(Все смеются, хлопают.)

Прозоровский. Спасибо. Собрание закрыто.

Начинается репетиция «Живого».

10 января 1992

Пятница

То, чему я был вчера свидетель, будет еще «воспето» много раз и многими, но при таком всеобщем позоре части озверевшей массы театра... нет, это не так писать надо. Как жаль, что Любимов нам

как бы не рекомендовал присутствовать на этом сборище пятой колонны, женского батальона, возглавляемого Губенко и Филатовым, этими Дорониными в штанах.

К 17-ти часам пошел я на репетицию по вводу Щербакова вместо заболевшего Желдина. Подходя к старому залу, я услышал речь Губенко, перечислявшего даты... встречи слезные с Любимовым его и трупны. «Вы растоптали эти десять дней вашего пребывания, вы наплевали всем в души!» И в конце речи: «Вы — лжец (окации) и ваша пристяжная бл... Глаголин (окации)...»

Любимов начал что-то говорить, потом завелся и резко закончил (текст помню неточно): «Пока этот бывший министр не уйдет, меня здесь не будет». — И разъяренный старый лев, седой и необыкновенно красивый, быстрыми шагами направился к выходу.

Все это я помню плохо, у меня были спазмы, я ничего не мог понять, представить себе это было невозможно. Почему-то сверлила мысль: сейчас его хватит какой-нибудь удар, сейчас они добьют его. Господи! До чего мы дожили.

«Что видели все мы, что было предо мной...» Позже минутами или даже получасом я заметил в кабинете у шефа: «Зачем же вы нас не взяли с собой? Вы остались один против этой озверевшей стаи. Раз так, так уж надо было стенка на стенку». Боже мой...

Колька почему-то напоминал мне Басманова. Но мне ли, мне ли, любимцу государя... Эта взбесившаяся чернь... Эти пенсионерки-пьяницы артистки... Потом я их наблюдал за кулисами пьяными — Янаев во время путча...

Оказывается, они привели Любимова, что называется, под рученьки, в наручниках, насильно, окружив плотным жандармским кольцом, они действовали, как хорошей выучки кагебисты. Они использовали физическую силу. Конечно, в зале была пресса, и все речи Губенко и Филатова (старая крыса-вахтерша: «Хорошо выступал Филатов!» Жаль, я не застал) будут опубликованы.

11 января 1992

Суббота. Ночь. Самолет на Алтай

Два подкаблучника решили приступом взять театр. Какая концентрация злобы обдала жаром ненависти и жаждой расправы с шефом меня вчера, когда я вышел тихонько на сцену, где стояли березки мои, и скворечники, и домишки на них. Почему-то в таком же одиночестве я наблюдал шефа, когда он кидал ковыль, стоя один в пустом пространстве сцены, и крестился, и таким же увиделся он мне вчера, стоящий, как Тарас Бульба против озверевших ляхов. «Стая почуяла вожака». Это его слова про Губенко.

Шеф: «Да если даже они не подпишут контракт, что изменится?»

Это мне здорово понравилось.

Да! Ведь я сегодня говорил с помощником Попова, клялся своими детьми, что необходимо подписать контракт с Любимовым во имя российской культуры... Что-то я говорил эмоционально и

весьма по делу. Николай Иванович обещал довести наш разговор до Гаврилы. Через несколько часов мне позвонил Фарада и сказал, что он тоже хочет поговорить с помощником, просил телефон. Но я ведь говорил от «пристяжной бл...»!

Что поразительно!! Те же люди травили Эфроса, до смешного те же были им недовольны!! Начиная с Филатова, который желал физической смерти Эфроса в буквальном смысле, в буквальном... Господи! Прости меня грешного за эти воспоминания. Теперь они хотят убить Любимова.

Аэроплан выпустил шасси, колеса.

12 января 1992

Воскресенье

В Барнауле встретили меня, и в буран непроходимый понеслись мы к Бийску, опоздали в театр на полчаса, но кое-какой народишко остался, ждал. Нарядил я сцену Сергеем Радонежским, и послал он мне и голосу, и доброты. Читал главы из книги, из «Жития»... Текст потрясающий, надобно выучить наизусть его. Задавала вопросы: «Где вы были 20-го августа», «Что значат слова Любимова «я увезу „Таганку“ за границу» и пр.

По дороге из аэропорта в Барнаул в машине давал интервью и долго жаловался на равнодушие Родины к моей книге — книго-торг никак не может врубиться, что гонорар от книги идет на храм в Быстром Истоке.

13 января 1992

Понедельник. Утро

Через два часа — в Быстрый Исток.

Мне нравится, как я живу здесь и работаю. Вчера две встречи с архимандритом Ермагеном. Подарил ему книжку, человек напористый, и даже, показалось, с некоторой наглостью, пытал меня, с какой программой выступаю я, какие монологи у меня в программе, напомнил мне, что обещал я 30 000 на храм... Вторая встреча, когда он показывал свой храм, была значительно человечнее, мягче, добрее. И что искупало мое сердце в слезах умиления и радости — на дверях храма, на самом видном месте, была приклеена моя афишка-обращение со счетом быстроистокского храма. Человеком действия показал себя Ермаген в моих глазах. Двадцать три года он уже здесь, а закончил он Загорскую семинарию. Поставил я свечки... Рождеству, Серафиму, Божьей Матери и за упокой отца и Тони.

24 января 1992

Пятница

Приходил А. Я. Полозов. Боже мой, какая, оказывается, «другая жизнь» у этого человека! Он услышал по радио, что я внес большую сумму на строительство храма. «Это такое благородное дело...

Я вижу, что вы относитесь к тому, что произошло, серьезно, и хочу сделать вам презент!» — И подарил мне книгу «Надежда», изданную там, где есть и его воспоминания об отце и крестном отце — патриархе Тихоне. Господи! Его отец канонизирован зарубежной православной церковью и причислен к лику святых. Похоронен в Донском монастыре. Зарубежная церковь заказала памятник Клыкору и теперь могила приведена в порядок. «А Московская патриархия палец о палец не ударила».

25 января 1992

Суббота

День рождения Высоцкого. Мне обещали вклеить оплеуху — на могиле ли, в театре ли, но меня найдут и вклеят оплеуху. За мою публикацию дневников. Ты меня, Володя, прости, но и оплеуху я за тебя снесу. А теперь... Господи! Дай мне прожить и пережить этот день с Богом.

День этот прошел, слава Богу. Оплеуху я еще не получил. Но странное невидение меня за кулисами Ниной М. и ее сопровождавшей меня насторожило. И опасения мои подтвердились.

Маслов Володя:

— Что такое ты написал, что Н. М. очень-очень огорчена?.. Она, конечно, не читала, ей рассказали...

Я дал ему книгу, просил как можно скорее прочитать дневниковую повесть и, если он поймет ее, как это поняла Абрамова (которая, кстати, вышла в слезах на сцену и расцеловала Кольку, Жукову и меня на виду у всего зала), так вот, пусть он поговорит с Ниной М. и успокоит ее.

— Она говорит, что не ожидала от Золотухина, и собирается тебе написать.

26 января 1992

Воскресенье

И опять меня успокоила Люся:

— Не бери в голову, не обращай внимания на 80-летнюю, слегка свихнувшуюся от славы, добрую старуху... И ребята прочитали оба и правильно все поняли, абсолютно будь спокоен... Ведь они то время не помнят, они его знают только по моим рассказам и собирают вот по таким бумажкам. Ты написал, как никто, точно. Слова — очень трудная штука, кто с ними знаком...

Господи! До чего же благородная баба. А про плакат? Дом выпустил плакат ко дням Володи, и она (ей самой было недосуг) послала его с сотрудницей Н. М.

— Н. М. посмотрела и завопила: «Я давно подозревала, что Люся что-то не то делает в музее! Она мне специально ко дню рождения нож в сердце всадила!»

— А что такое, из-за чего?

— Абсолютно не из-за чего, а из-за фотографии, где была Марина.

— Ну и что?

— «Здесь я должна быть, а не Марина. Я — мать, а не Марина!» Ну, что ты на это скажешь? Так что не бери в голову, у тебя есть более серьезные оппоненты.

— Да я уж получаю угрозы...

— Так вот, как бы они не перешли от слов к действию. Начнут прокалывать шины, а то и похуже.

Быстрый Исток Тищенко В. К. обещал родительский дом нам отдать. Не продать, а отдать, надеясь (думаю я), что лучше, чем мы, для будущего музея никто его не сохранит.

27 января 1992

Понедельник

Поезд № 38 Москва — Выборг. В связи с очередной вылазкой Токарева и подменой листов в Уставе театра, очередным скандалом: «Они хотят разбить художественного руководителя на контрактного режиссера и дать постоянного директора, а при нем худ. коллегия с президентом». Короче, Борис не поехал.

28 января 1992

Вторник. Хельсинки

Дневники есть мгновения, зафиксированные моими окулярами-глазами. Если глаза — зеркало души... Значит, в душе порча от того изображения в искривленном свете, обезображенном... Для вас. Я этого обезображивания, искривления, естественно, не вижу и видеть не могу. Но у меня есть защитительная грамота от таких взглядов — заключение жены и матери детей Высоцкого, Люси Абрамовой.

7 февраля 1992

Пятница

Чудно играл я вчера Гришку. Шацкая, кажется, наколотила мне сотрясение. Она думает что если сильнее бить по башке партнера, она будет выглядеть темпераментнее. Молитвами Сергия держался я.

Шохин А. И. В здании бывшего ЦК Глаголин, Золотухин, Щербаков, Смехов, Полицеймако. Кажется, поход и разговор были весьма в нашу пользу. Мы уйдем из-под Москвы в юрисдикцию российского правительства, и Любимову дадут все полномочия. Господи, помоги нам!

13 февраля 1992

Четверг. Челябинск. «Малахит»

Я уж сутки, полтора суток живу в ознобе от звонка Хейфеца, через два слова которого я понял, о чем будет речь. Олег Ивано-

вич Борисов очень болен, играть Павла I не может, «ищите замену»... Назывались артисты, но когда было названо имя Золотухина, все единодушно сказали: «Это класс!» «Похоже, они правы», — заметил я Хейфецу. Итак, мне предложено заменить... что я пишу «заменить»? — сыграть вводом Павла I, и срочно. Где-то с 20-го марта до 1-го апреля. Что это?! Бог помогает мне. Господь посылает мне шанс. Использую ли я его? Но ведь это будет грех великий, если я не сделаю этого. Господи, помоги мне!! Сергей Преподобный! Дай мне силы!! Пошли мне напутственное благословение в этом плавании. И я совершу...

Что же не идет Авдеева-то? Скоро ехать. Я хочу к Павлу I подойти похудевшим, истощенным, изможденным внешне — тогда я буду чувствовать себя уверенно.

14 февраля 1992

Пятница. «Малахит», № 904

Я так легко согласился репетировать Павла I. А смогу ли? А надо ли мне это?! Необходимо переродиться, как в Альцесте, за короткое время. Вывернуть себя, к Богу, к Богу, к Богу обратиться!!!

15 февраля 1992

Суббота

Что бы означала эта моя потеря текста Павла I, тома Мережковского? Променял на масло подсолнечное и майонез. Вынули из сумки без меня и положили забыть.

Два концерта в Троицке. Полные залы, книги шли по двадцать шесть рублей. Работал легко и звучно. Но Мережковского жаль — такое впечатление и желание, что примета эта хорошая: посеял — значит пожнешь.

19 февраля 1992

Среда, мой день

Любимов воспринял новость спокойно, несмотря на то, что поливал мерзавцем и негодяем Филатова, который не стал играть «Чуму» в своем театре (пока еще в своем) и объявил премьеру во МХАТе. И вот я иду в ЦТСА. «Нет, только скажи, чтобы они подстраивали свои планы под театр, под тебя. Ты должен здесь все играть». И весь разговор. Всю репетицию опять он посвятил разбору взбесившейся стаи и часто вспоминал, что Филатов захал, забежал в театр из МХАТа и был выпивши. «Он был нетрезв, а жена твоя бывшая — дура».

Филатов, конечно, номера отмачивает запредельные, я не ожидал от него такой подлости — не играть «В. Высоцкого», не играть «Чуму». Нет, так нельзя. Тебе Театр на Таганке судьбу подарил, квартиру, славу... да дело даже не в этом. Это профессиональная честь, это как же так — предать собственные подмости. Сцена отомстит,

профессия такого предательства не прощает! Как же так — плюнуть в «Таганку», плюнуть в труп, в коллег, в Любимова. Можно ругаться, но сцена, театр, зритель твой... Нет, Леня, ты не прав.

26 февраля 1992

Среда

Господи! Времена-то какие?! Руцкой арестовывал гэкачепистов, теперь высказывается за прекращение следствия и их освобождение. А мне Павла I надо сыграть! Гениально.

Примчался, греюсь (чихнул по поводу — авось сбудется). Подарить квартиру государству, а чтоб государство дало государственную с приближением к месту работы. В 15.00 должна подойти дама из комитета, Ирина Федоровна.

27 февраля 1992

Четверг

Квартира... Получен смотровой. Документы сданы и приняты. Значит, надо готовиться к переезду. А сейчас начнем опять переписывать текст.

28 февраля 1992

Пятница

Репетиция Павла была удачной, то бишь читка.

29 февраля 1992

Суббота

Опять в ЦТСА.. Поставил свечку Павлу I, моему несчастному герою, отцу моему Сергею Илларионовичу и сестре Антонине. Суетливо помолился о здравии Тамары и Матрены.

Очень что-то мне нравится несчастный Леонид Хейфец, так поздно (в пятьдесят пять лет) получивший театр, в котором крысы, кражи, разбой и саботаж...

1 марта 1992

Воскресенье. Масленица

«Игроки-21» — это вопиющая пошлость. Мне кажется, что актерам (Филатову) стыдно эту дребедень играть. Неужели деньги?

2 марта 1992

Понедельник

Минкин сетовал, сожалел по поводу своей статьи о Губенко. «Нет, так нельзя... живые люди... Но когда пишешь, перед тобой чистый лист бумаги... а человек где-то... резко получилось... Но и

он... организовал кампанию... будучи министром, это сделать легко. Почему не ответил сам?» Я сказал, что моей жене его перо очень нравится... в отличие от меня. Опять же в связи со статьей о министре... хотя, к моему большому сожалению, многие прогнозы оправдались. За что, собственно, Минкин и ухватился и стал говорить: «Так нельзя, но такая профессия — напишешь и сразу наживешь врагов во всех лагерях. Вот и „Игроки-21“ и пр.

13 марта 1992

Пятница

Я Павлом I послужу русскому, отечественному искусству... Об императоре оном много передач, и был он, оказывается, славным царем и много для отечества сделавшим за короткое свое несчастное правление.

14 марта 1992

Суббота

Губенко говорит, что в следующий раз меня из театра будут выгонять с ОМОНОм. Я уже готовлюсь к этому. А спектакли он играет, и слава Богу.

19 марта 1992

Четверг

Вчера на репетиции с Л. Хейфецом я заплакал, как в ГИТИСе на уроке у Анхеля, от собственного бессилия и сознания ничтожества своего (я репетировал тогда Треплева). За мной вослед заплакала О. Егорова и остановиться не могла... слезы ее падали мне в глаза. Хейфец остановил репетицию. Господи! Спаси и помилуй меня грешного и партнеров моих.

23 марта 1992

Понедельник

Я ношу кожаный пиджак, который когда-то продал мне В. Высоцкий за двести или двести пятьдесят рублей. Это значит — я похудел и вошел в комплектацию 1978 года, ремень затягивается на последние дырки.

Челябинск — Троицк. Посеял Мережковского том — пожал Павла I. Как бы там ни шло, я сыграл Павла I и обеспечил театру за кои-то веки аншлаг.

25 марта 1992

Среда, мой день

Хейфец не был вчера комплиментарен, это очень насторожило меня. Быть может, действовало на него отравление котлета-

ми свекольными, но одно признание он сделал важное: «Теперь мы можем говорить откровенно, роль сыграна. До этого мы ведь тебе ввали... Усыпляли тебя... Это хорошо, что ты не видел спектакль, не видел Борисова... и ничего не знаешь, какая была пресса, какой был шум вокруг спектакля... На тебя ничто не давило... Иначе ты мог и не согласиться... Когда была названа твоя фамилия, встречено это было с восторгом. Но когда начал репетировать, многие потускнели... да, сыграет, но... И должен тебе сказать с полной откровенностью — ты победил. Ты выиграл по всем показателям, на все сто процентов. Ты победил партнеров... они стали твоими союзниками. В театре ведь ничего не скроешь, и все разговоры доходят до меня. Первая твоя репетиция-читка, когда ты был... скажем так, „из гостей“, насторожила... а что это он так? Театр Советской армии — особый театр. Здесь еще живы традиции... здесь работают замечательные актеры... И ты хорошо вошел. Тебя приняли, что очень и очень немаловажно».

27 марта 1992

Пятница

Ну да, идет время — не читаю, не пишу... Билетеры в восторге от Павла I — лучшая роль, лучше всех таганских, вместе взятых. «Вы для нас открылись (действительно, нет пророка в своем отечестве). Я спросила у билетерши, женщины моего возраста, она сказала, что с Золотухиным ей больше нравится, чем с Борисовым». Ну и так далее. Павел I открывает вереницу ролей — Версилов и «Доктор Живаго»... Приехал Любимов с бароном Андреем: «Альфред Гаррич хочет, чтобы ты приехал к нему в Гамбург дня на три, чтоб он мог твои возможности понять... в июне. Партитура должна быть к декабрю». Сегодня он пошлет Губенко письменный приказ, что театр в услугах артиста Губенко не нуждается.

Нельзя быть над борьбой, как Алла, как Смехов.

29 марта 1992

Воскресенье

Молитва, бензоколонка, церковь, кофе...

Вчера Любимов собирал «наших». Как потом комментировал Бортник, «чужими руками опять совершить преступление», то есть отстранить Губенко от сцены. Вопрос в лоб:

— Ну вот, Губенко пришел, вышел на сцену... Что мы должны делать?

Л ю б и м о в:

— А это каждый должен решить, что ему делать и как поступить в такой ситуации... Вы люди взрослые, учить мне вас не надо.

В а н ь к а:

— Он сказал, что в таком случае мы все должны уйти со сцены.

З о л о т у х и н:

— Нет, Ваня, он так не сказал.

Иван:

— Как не сказал?.. Но это же понятно из его слов!

Золотухин:

— Нет, Ваня, так нельзя комментировать и расшифровывать его слова... Он завтра откажется от них... Этот вольный перевод ты оставь при себе, иначе он пойдет гулять по театру и дальше. Вот-де Любимов учит, как действовать, а тут — догадайся, мол, сама. Это две большие разницы, кто о чем и какую догадку для себя изберет.

Пошлость и гадость. Любимов производит Губенко в мученики, в герои, то есть сводит личные счеты. До этого он был хам, а теперь, если это случится, — герой.

Фарс с портретами — сняли Губенко, висевшего между Любимовым и Боровским, и повесили меня. Я попросил рабочих эту хреновину исправить. И они повесили меня на свое место, куда определило уже начальство Губенко, а Н. Н. я отнес в кабинет Глаголину. После «Чумы» Кондрат мне сказал, что я снова водружен на место между Любимовым и Боровским... Надо мной смеяться будут и издеваться, хихикать исподтишка.

«Валерка так подделывает твою подпись!» — с хохотом сообщает мне двоюродный брат Краснопольского, Леня Пятигорский. Эту информацию надо запомнить.

Входит в театр Любимов — на меня с обиженным видом: «Валерий! Это мое дело. Я не хочу с ним работать и не желаю висеть рядом. Это мое распоряжение перевесить портреты... Мое! Неужели ты думаешь, что без моего ведома здесь могут что-нибудь сделать... Не могу я рядом повесить Демидову, скажут — любовница... Антипова — смеяться будут... Ты — ведущий артист... А что, тебе не хочется висеть со мной рядом? По-моему, компания неплохая, Боровский, я... и ты».

30 марта 1992

Понедельник

Театр. Губенко нагнал вчера полтеатра журналистов, телевидение. В зале транспарант «Позор родителю, предавшему, а теперь продавшему». После спектакля загорелись мощные осветительные приборы. Н. Н. и Л. А. со сцены давали интервью. О чем — не знаю, вернее, о чем — знаю, но что говорили конкретно — не ведаю. У меня была своя нечаянная радость. Перед спектаклем меня вызвал шеф и приказал петь с Володией «Баньку». «Ты у кого работаешь?! А то ведь скажут — он сказал и ты не поешь». — «Я не в форме, у меня нездоров голос, я опозорюсь». — «Твоя природная музыкальность не даст тебе опозориться... Иди готовься!»

И Бог меня спас!! Я так не пел с Володиной фонограммой никогда, так хорошо, чисто, разнообразно.

Лунева сказала, что это шок, от этого можно сойти с ума.

Клевретка Филатовых Катька: «Как это здорово, почему раньше этого не было?» — «Губенко запрещал, снял, не хотел...»

Штейнрайх: «Это потрясающе!»

Так что у меня были радости свои на сцене, в финале.

Губенко: «Мне сказали, что в интервью „Таймс“ он сказал, что для Губенко и Филатова этот спектакль последний. Если он примет такое решение после спектакля, его секретарша должна передать мне его письменное распоряжение. Ты с ним общаешься — для него будет это тяжелое решение». — «А что ты не поговоришь с ним?» — «Пусть вызовет, он руководитель, вызовет — поговорим».

После спектакля заливалась Шацкая: «Во, мне запретили завтра играть, ребята, я завтра не играю!»

Николаю сказал я, что про Филатова, про его отстранение, слышу я впервые.

Николай: «Так мне сказали, я пользуюсь только слухами». По поводу портрета, усмехаясь: «На моем месте висишь» — и еще что-то.

А перед спектаклем возбужденная, с раздутыми ноздрями воинственно-ликующая Габец, Прозоровский, говорящий мне комплименты о «Мизантропе»: «Как жаль, что ты не играешь эту роль».

Когда Катя-клеветка говорила: «Неужели вы не будете вместе?» — проходящий Филатов: «Кому ты говоришь, он этого никогда не поймет». А говорил я про то, что Любимов месяц ждал, пока они извинятся или найдут возможность объясниться каким-то образом... Неужели, действительно, им хочется отцеубийцами быть?!

В кабинете Любимова перед спектаклем, войдя туда с Н. Высоцким, я застал А. Минкина. «Не надо скандала, ради Бога, театр полон журналистов!»

Накануне я видел Губенко во сне. Что-то он мне недоброе говорил про меня на Алтае, будучи уже без чинов, а я ему в ответ: «А-а... так вот ты как раскрывлся, не смог удержать... Ах ты, ...твою мать!» — с чем и проснулся.

А перед этим мне снился сон, что все то замечательное, про что мне говорил Дьяченко Боря о Павле I, было во сне... Очнулся в ужасе, почти в слезах от жалости... Нет, это Боря говорил мне наяву, по телефону, и, более того, это мной как-то записано... И улыбнулся я счастью своему и успокоился.

Смирнов: «Как они... разбавили тобой начальство».

Губенко вчера заявил, что он придет играть, а Любимов обещал выставить людей, которые его не пустят в театр. И так, мы на грани гражданской потасовки. Интересно, чем кончится... Нет, вроде бы мой портрет еще не изрезан, не испохаблен, на нем еще не написано «Иуда» или «Брут».

1 апреля 1992

Среда, мой день

И все-таки разговор, объяснение с Любимовым у Губенко и Филатова состоялось. И это хорошо. Николай благодарил меня и за вчерашнее. Я так понимаю, что ему рассказали про наше заседание перед спектаклем, где я настоял решительно, что зритель в театре, сейчас он будет в зале, а потому сегодня надо играть, муж-

ской разговор отложить с Губенко на после спектакля и подготовиться ко второму. Так оно и было. Разговор был относительно спокойный. Хотя Феликс начал буравить о политических взглядах Николая, о письме 50-ти, чуть было не вывел Кольку из себя. Самым мужественным оказался Антипов: «Мы не про то договаривались». Шеф вообще хитро начал — извинился перед Филатовым за фразу о его картине. Тот и не помнил ничего. В свою очередь, Ленка отвешивал реверансы в сторону шефа. Ясно было дитю, что шеф раскалывает альянс, и он добился от Ленки слова, что при всех обстоятельствах он второго будет играть. Ленка плакал и сморкался в кашне — всех жалко... Шеф спросил про кого-то: «Тебе жалко, Леня?» — «Всех жалко, Юрий Петрович!» — И заплакал. И все-таки ни о чем не договорились. «Я прошу вас, Николай Николаевич, второго в театр не приходите. А с нового сезона, если вы захотите, мы можем вернуться к этому вопросу». — «Нет, Юрий Петрович, я второго буду играть». — «Нет, вы играть второго не будете». Четыре раза возвращался уже одетый Николай в кабинет. Мне сказал, что подождет меня. Ждал он меня в кафе с коньяком, рассказал про свои действия и состояние семьи во время путча: как он ожидал пули в лоб или в затылок, как он писал Лукьянову об отставке. Все это связывал и со своим нынешним решением: второго быть. Леня пил коньяк, он заявил Любимову, что должен подать заявление — товарищ Губенко, ближе никого нет, а меня называл отцом своего сына. Это название криминального фильма «Отец моего сына». Ничего себе. Но я молчал, и терпел, и наблюдал. Николая мучит вопрос о приватизации Любимовым новой коробки театра. «Я что, на старости лет у Пети милостыню пойду просить?! Он выкинет всю труппу на улицу. Ты будешь иметь 2-3%, а 51% акций будет у Любимова, а потом у Пети». А я думаю: «А почему Ю. П. не заслужил этого?! И он что — увезет коробку с землею в Иерусалим?.. И почему я не могу иметь 2-3%, это и Сереже, и Денису хорошо». Ленка похвалялся, что он хоть сегодня может купить дом в Англии: «Я состоятельный человек». Петров под театр взял 180 000 спонсорских и отправил на них Ульянову и Щерблыкина в Америку. Адвокатесса из нашего дома говорит, что это уголовное дело... печать театра... подписи Давыдова, местком и т. д. Что-то немислимое.

2 апреля 1992

Четверг

День смеха миновал. И слава Богу.

4 апреля 1992

Суббота

Болят спина. Неужели это лимонная водка сломала меня?! После кошмарного дня второго апреля, когда милиция во главе с Глаголиным не пускала Губенко в театр, и я с расстройством свистанул водки бутылку дома под язык и капусту квашеную, а вчера портвейну...

14 апреля 1992

Вторник

Здравствуй, друг мой, мой собеседник... Да, это точно, дневник мой — это мой собеседник. Ни с кем я так не откровенен и ни с кем я так не лукавлю, как с моим собеседником.

И вот что скажу: завтра казнь моя, и я к ней не готов... Душа моя пуста и тело развратно, хотя идет Великий пост... и я буду наказан. Чтение романа Мережковского не приносит мне того заряда, который я ожидал получить, однако зависит и от состояния души моей... Я не смог закопать роман. И тут черт оказался сильнее меня, и сдохну я без покаяния. «Нельзя в одной руке удержать сию и пишу».

Нет ничего страшнее ложного о себе представления — о своем темпераменте, о своей внешности, о своем богатстве души или избранности своей.

Неелова — мастерица великая. Но меня раздражала манерность, и осадок неприятный, неживой какой-то, правда, что холодно-змеиный. Так — стоп! Не суди да не будешь судим.

15 апреля 1992

Среда, мой день

Тоню вспоминаю я. Мою бедную сестру. Как много она дала мне в дорогу мою. «Или ты будешь великим пьяницей, или великим артистом». Сегодня я должен подтвердить, кем я стал. А поскольку я трезвый вот уж пять дней, нельзя меня пьяницей великим назвать, а вот артистом... Ковер покажет. Нет, Господи! Нет гордыни во мне и смирение порой настоящее. Пошли мне просто игру, хорошую игру... и партнеров моих не забудь. Вчера Людмила Алексеевна Чурсина:

— Я в какой-то момент вздрогнула и подумала: «А ведь он может сыграть Арбенина!»

Нет, Арбениным я не рожден... А еще я думаю про мою бедную, бедную жену. И эта моя боль, и эта моя родимая-хорошая-плохая часто помогала мне своим далеким взглядом, взглядом насквозь человека — вот уж у кого скорбный, долгий взгляд... Господи! Побереги ее, сегодня снова начинает она серию мучительных исследований внутренностей своих. На столе ее карты, затертые до неузнаваемости персонажей. Каждый день по часу почти проводит она за пасьянсом, кофе и сигаретой. День без этого не начинается она... и не дай Бог ей мешать... Почему слезы у меня на глазах?! Почему?!

16 апреля 1992

Четверг. Утро

Вчерашнюю премьеру я выиграл, и выиграл, как мне кажется, с большим запасом, перевесом.

Зельдин, пришедший в гримерную, очень тронул. Тихо, задушевно, спокойно; «Молодец, молодец, Другой театр, большая площадка... Герой... после Борисова... Героический акт во всех смыслах».

18 апреля 1992

Четверг

Вчера я практически первый раз приступил к репетиции «Подрустка», Версилова. Это вторая роль в цепи «Павел I» — Версильов — «Доктор Живаго». Я эту цепь начал в феврале 1992-го года, а в мае 1993-го мы должны «Живаго» уже играть, как сказал вчера шеф. Он хочет оставить за главного в свое отсутствие меня и Антипова. «День ты посидишь в театре, день — Феликс. Он человек серьезный».

19 апреля 1992

Вербное воскресенье

На встрече рассказывал, с каким нетерпением и тревогой каждый раз я готовлюсь к среде. Я царствую по средам. По средам я вхожу на престол и царствую почти до четверга. «Фиалки по средам». Я по средам — император Павел I.

21 апреля 1992

Вторник

Год назад у меня сперли автомобиль.

«Быстрый Исток,
главе администрации района
Тищенко В. К.

Срочно сообщите количество, название, размеры колоколов будущего храма или одного главного колокола.

С уважением, В. Золотухин».

Срок исполнения месяц-полтора, номер заказа 142.

1 июня 1992

Понедельник. Ту-154

Я лечу домой. Грандиозный праздник вчера прошел в Быстром Истоке. Как в лучшие 50-е годы. Перед народом вышли мы с о. Евгением. Он молод и косноязычен... перед такой толпой говорит, очевидно, впервые. Волновался. Я же говорил о смутном времени... о том, что нас может спасти. Вера, культура, доброта и терпение... На сцену поднялся я с коробкой для будущих пожертвований и набрал в результате 11 600 рублей. Батюшка принародно благодарил меня как инициатора строительства храма.. Несколько раз он это слово произнес, а народу — тьма. Бийский район

Сростки... Женщины, помнящие Шукшина, покупали «Земляков» и брали автографы. Вот и Сростки с Быстрым поздоровались. Тищенко покаяться: пока не будет заложен фундамент, в отпуск не пойдет.

4 июня 1992

Четверг. Утро
Вознесение Христово

Необходимо взяться за Версилова и к концу июня прогнать 1 акт с выученным текстом. Нельзя подводить Костю.

7 июня 1992

Воскресение — отдай Богу
К кому пойти за деньгами для храма?

13 июня 1992

Суббота

Любимов... А где он сейчас? Должно быть, в Израиле. Осенью будет в Хельсинки ставить «Грозу». Почему он нам не говорит об этом? Боится сглазить контракт? Он не из таких. Опять барон ему делает оформление или Боровский на этот раз?! Встречался ли Ю. П. со Шнитке и как получить от Альфреда хотя бы несколько музыкальных номеров «Живаго»? Публике в газете объявлено, что Золотухин — д-р Живаго. С чего начинать? С вокальных занятий или с того, что выучить текст Версилова, дочитать «Под-ростка» и начать Пастернака? В этом проблема. И как попасть в Вену?

17 июня 1992

Среда, мой день и мое число
Снились Любимов, Губенко, Дупак, но это днем накануне.

1 июля 1992

Среда, мой день
День нашего крещения.

Опять возник вопрос о дележе театра, и в 12 сегодня худсовет.

2 июля 1992

Четверг. Ночь

Этот день, очевидно, войдет в историю Театра на Таганке. Мне кажется, оппозиция вместе с ее прокурорским заключением потерпела сокрушительное публичное поражение. После моего короткого выступления сугубо по предмету повестки вылез Ленька,

перед тем называвший меня в беседе со Светланой Владимировной (старушка из репрессированных) респектабельным собеседником. Он вылез на трибуну президиума Моссовета опровергать или ставить под сомнение мою реплику-замечание, что всякое разделение театра есть гибель театра. А почему-де гибель? А почему-де не дать или не попробовать? Респектабельные артисты добились... Вспомнил Любимова, запутался в своей позиции. А на вопрос, кто сделал подлог в уставе, указал на нашу группу, чем вызвал гром смеха с нашей стороны. Смугился, сбился, вконец запутался и мрачный вернулся в зал и очутился рядом со мной, по левую руку, а по правую сидел Б. Глаголин, который вдруг наклонился через меня и с невероятными искренностью, болью и удивлением сказал Филатову: «Какое же ты ничтожество, какой же ты негодяй и мерзавец мелкий!» И вдруг произошло чудо: Филатов ничего не смог ответить. Он жалко лепетал. «А что, я не могу иметь своего мнения?..» Борис ему вторично врезал. Такого уничтоженного, раздавленного Филатова я видел первый раз, был поражен и до меня дошло: он сам понимает, что Борис прав, что он опять вляпался в какую-то пакость. А я только успокаивал Бориса: «Ладно, брось, Борис, не обращай внимания...»

3 июля 1992

Пятница, очень рано

Не сомкнул я ночью глаз. И вот что хотелось бы мне сказать с трибуны вчерашнего президиума:

— Уважаемое собрание! Давайте поговорим, как в детском саду, просто... Театр на Таганке вместе с другими 93 театрами регистрирует свой устав. И все хорошо, нормально, успели в срок. Но некоторая группа лиц выкрадывает из устава Театра на Таганке несколько листов текста и подменяет их своими листиками со своими текстами. Этот факт становится известным и Театру на Таганке, и учредителю, Управлению культуры. Учредитель требует отдать изъятые незаконным путем листы и вернуть их на место. Лица, проделавшие это, понимая ответственность дальнейшего, краденое не возвращают. Как бы там ни было, учредитель и Театр на Таганке восстанавливают текст оригинала. Тогда лица обивают пороги Моссовета, сигнализируют во все инстанции, вплоть почему-то до прокуратуры. Это ведь, в общем-то, донос на самих себя. А Юрий Петрович Седых-Бондаренко вместо того, чтобы сигнал подать своему тезке в Театр на Таганке, вместе с этими лицами дает сигнал в ту же прокуратуру. И из прокуратуры приходит странный ответ. Вместо того, чтобы защитить оригинал, она защищает укравших. Кто вас послал на это неправоное дело, молодой человек от прокуратуры? Я имею право так говорить и по возрасту, и по званию — народный артист это все равно, что генерал-лейтенант. И вы так бестолково ведете защиту этого неправоного дела... Вы за это взыскание получите от пославшего вас... Теперь вопрос к вам, Ю. П. Представьте себе, что из протокола заседания

под вашим председательством будут изъяты подлинные стенограммы и вставлены другие. И через некоторое время эта фальшивка всплывает на свет и вы привлекаетесь к уголовной ответственности. Это приемы давние, они давно отлажены и отработаны. И начинаются путаница и бесконечные ваши хождения по инстанциям. А те, кто это сделал, спокойно вам доказывают, что вы не Седых-Бондаренко, а Бондаренко-Седых. Вы улавливаете аналогии, аллегория?

4 июля 1992

Суббота. Утро у Сережи, за его столом

Окончен сезон, страшный, пустой, очень долгий и грязный. Наступили тяжелые времена Таганки — раскол, грызня.

24 июля 1992

Пятница, утро. Алтай

Смутное время. Можно сказать, что России не было. Москва в руках поляков. Новгород присягнул шведскому королевичу. Казань и вятские города провозгласили другого царя, в Пскове явился еще самозванец, повсюду грабеж и безначалие. Все погибало, все рушилось, но Россия не погибла, потому что в ней еще остались русские, которые любят свое отечество.

Какие интересные вещи произошли со мной сегодня! Поворачивая к Лавре левым крылом, у меня в руках заколотило руль и я едва справился с рулевым управлением. Я в ужасе понял: что-то произошло с тягами. Поставив машину, я стал заглядывать под нее, а что я там мог увидеть? Однако решил все-таки пойти с отцом Александром, Серегой и Денисом, будущим дьяконом, в Лавру, к пр. Сергию Радонежскому. Что-то случилось со мной — я стал просить Бога помиловать меня (как же я Сережу повезу, ведь разобьемся мы), я пал на колени перед мощами пр. Сергия и я целовал пол перед его ракой, я целовал его мощи святые и просил избавить меня от этой напасти, стал припоминать грехи свои...

Распроставшись с Троицей, я направился к дежурным гаишникам. Они сказали, где ближайший автосервис. Я пошел к машине, надеясь на чудо. Стал давать на площади перед Лаврою круги влево-вправо на глазах у изумленных стражей автомобильного порядка, онемевших от моего нахальства. Но и намек на поломку или дефект управления машина не показала. Я поехал. Машина, руль слушались беспрекословно, и я, быть может, впервые реально почувствовал присутствие, вмешательство божественного провидения. Благодарю тебя, Господи! Кланяюсь тебе, целую одежды твои, преподобный мученик Сергей. Господи, прости и сохрани меня! И заплакал я от счастья, что зрю Бога!

Завтра умрет Володя.

Я на старости лет буду читать только свои дневники и тем самым еще раз проживу свою жизнь.

25 июля 1992

Суббота, рано

В 4 утра кто-то как толкнул меня, и я проснулся: умер Володя. Я вынул из тряпок его маску, спрятанную от жены, которая в сердцах сказала как-то, что разобьет ее, и на свое место ее положил. Когда развернул, Володя улыбнулся мне. Я вспомнил слова худ. Юры Васильева: «Маска живет, живая...» Надо съездить на кладбище, поклониться.

29 июля 1992

Среда, мой день. Белокуриха

Звонил в Москву, в Театр Армии.

Премьера «Маскарада» прошла плохо. После первого акта ушли ползала. Никакой в жизни радости.

10 августа 1992

Понедельник

Это, конечно, замечательная, настоящая книга и полезнодушное чтение — православный календарь. Просто, мудро и вечно прекрасно. Зачем я пишу свои дневники, сам с собою говорю, убеждаю себя, какой я хороший, значительный, глубокий человек, сам над собою плачу, сам над собою смеюсь. Одиночество — это так сладко, так хорошо.

«Несравненная!» Странный уговор, странный разговор — спонсор хочет посмотреть. И что? Утверждать будут по фотографии, что ли? Но мне уже хочется. Я прошелся Николсоном в новых пиджаке и рубашке по коридорам «Мосфильма». Показывая Сереже свой новый наряд, я сказал:

— Подумаешь, Николсон! Он пусть Павла I попробует сыграть.

Подмигнув сыну, я вышел вон. Напялил темные очки и снова отворил дверь.

— Ну, вообще... Пап, мне очень нравится...

— Вам идет этот пиджак, — сказала костюмерша.

А со стены на меня смотрел Николсон. Это что? Знак судьбы?

Но по фотографиям мне понравился Конкин. Да он вообще подходит. И по сути, и по возрасту, и по осанке белый офицер. А из меня, сегодняшнего, трудно сделать что-нибудь в этом роде путного. Но я так горячо убеждал их взять Конкина — от добра добра не ищут! — что, если они его возьмут, будет уже обидно.

15 августа 1992

Суббота

Тот, кто берется за дело Божье без искры Божией, обманывает самого себя и других.

Быть может, нет во мне искры Божьей. Оттого так трудно идет дело с храмом. Нет-нет — мысли смущающие гони!

11 сентября 1992

Что делать с Америкой? Возникает она с 10 октября сроком на 25 дней. Преступление терять ее. Неизвестно ведь, что будет с рублем дальше.

16 сентября 1992 г.

Среда, мой день

Я предложил и уже объявил семье, что пить я не буду до 17 мая 1993 г. День — премьеры в Вене «Доктора Живаго». За это время я бы сыграл Версилова, съездил бы в Америку, сделал бы вчерне роль Живаго, потом — Япония и премьеры в Вене. Не говоря о том, что я бы написал «21-й км», над которым вчера была произведена эксгумация — выкопаны трупы и оживлены. Год назад я закопал под деревом ее и свою фотографию — похоронил роман.

Пишем письма в инстанции против раздела театра, репетируем «Подростка».

11 октября 1992

Воскресенье, г-ца «Волгоград»

В Москве Любимову министр культуры вручил значок «народный артист России» — указ Ельцина. «К сожалению, благодаря поведению некоторых моих учеников я не мог встретить свое 75-летие в своем доме. Я не мог прийти в свой дом. Я изгнан из своего дома...» Выглядел он ужасно. Грустный, опущенный, удрученный. Я представляю, как возмущается таким поворотом Любимова Губенко-Филатов и др. Я понимаю, что он может так чувствовать себя — ему противно входить в дом, где его так оскорбили, где его не чтут, не уважают поголовно и открыто и нагло ведут войну на выживание из собственного театра. Ответ у них простой и ясный — его нет в России, он руководит по телефону, театр сдан в аренду, продан.

19 октября 1992

Понедельник

Я провел Пушкинский день в выяснениях во мне лермонтовской крови. Скажем, артист Валерий Золотухин — двойник Лермонтова. Сибиряк из крестьянской семьи. Но откуда его предки приехали в Сибирь? Ведь та заселялась в основном после 1861 г.

Если отбросить ханжество, то потомки внебрачного сына (или дочери) Лермонтова имеют такое же право гордиться славой своего предка, как это делают официальные потомки других великих русских писателей.

20 октября 1992

Вторник

Гипотетический потомок Лермонтова. Я перепишу «Дребезги» под этим углом. Я переделаю свою биографию.

21 октября 1992

Среда, мой день

Шнитке вошел сгорбленный, поддерживаемый под руки, волоча правую ногу. «Я хотел послушать, кого не запомнил, не вспомнил...» В конце всех поблагодарил и сказал, что будет много думать об этом. Господи, продли дни его в здравии на этой грешной земле!

Ф. зажался, как говорит Иван, в сцене «у вас, барон, есть дети?» Наступил мне на реплику, переврал текст. «У тебя была возможность поиграть с ним, но ты упустил». Нет, я думал и хотел... а потом решил: не надо, пусть, зачем на сцену вытаскивать наши подтексты, так близко лежащие... Вполне с меня достаточно, что он засуетился. «А ты, мне показалось, весьма правдиво ему вlepил: „Барон, вы лжете!“» Нет, почему же показалось? Правильно. «Вы лжец!» Зачем я это все пишу?! Пора бы бросить эту тему. И слава Богу, что я не вывесил ему ответ. Но он готов, и с меня довольно сего сознания.

Если Лермонтов родился в 1814 г., а погиб в 1841 г., то Валерий, родившись в 1941 г., должен умереть в 2014 году в возрасте 73 лет.

«А историю царевича Алексея я вам, сударь, все-таки пришлю». Это я к тому, что Денису я пошлю и письмо Филатова, и версию про родню с Лермонтовым. А Лермонтов родственник Байрону, так что родня у меня хорошая может обнаружиться. Золотухины — я ведь ничего не знаю о них! Вот порода, самая что ни на есть скрытная. Дворяродные братья молчат, Иван молчит. Помнит ли он, видел ли он бабушку Елену Александровну? Что он слышал? Кое-что ведь может и Катя знать?! А вдруг мы найдем лермонтовские корни! Сохранились ли какие воспоминания о деде Илларионе у антоньевской братии? У Новичихиных надо поспросить. Изысканием Илларионового корня надо заняться, пока живы те, кто мог бы что-то помнить.

25 октября 1992

Воскресенье

Меня больше тянет к чтению вокруг романа, чем собственно к самому роману. А роман надобно изучить досконально, так же как стихи Бориса Леонидовича. Это будут мои университеты к 52-му году моей жизни. Кстати, сегодня в Театре эстрады собираются поэты, кто поет под гитару.

Как-то попал я недавно на В. Долину, и получил удовольствие, опыт. Поразился обилием публики, сравнительным обилием, атмосферой — каминной, осенней, покойной, лирической, теплой. Долина подарила мне книжку. Этот вечер я отметил, как работу над Пастернаком, в копилку образа. Будто бы Ивинская вчера была показана по ТВ. Если так, ее надо найти и взять у нее автограф.

27 октября 1992

Вторник. Театр

Я не понимаю Глаголина. В такие напряженные, ответственные дни театра он к вечеру напивается и, естественно, ни хрена не соображает, уходит. Почему так поздно написано обращение совета трудового коллектива и худсовета с просьбой перенести собрание до приезда Любимова? К тому же оно сразу было сорвано Комаровской со словами: «Почему Ю. П. нас так боится, прямо в штаны наложил?» Их объявления все преспокойненько висят — мы благородные, а наши они тут же срывают. Гнусь филатовская висела почти месяц.

Вчера Колька, выходя из дверей театра после читки:

— Как жизнь, Валерий?

— Хреново, Коля.

— Что так? Почему не пришел на читку?

— Не был приглашен.

— Все желающие были приглашены.

Следом шел Филатов, сгорбившись, не поднимая головы. Вывешено обращение к Ельцину Калягина, Хазанова, Соловьева, Лазарева, Невинного. Смысл — поддержать идею разделения театра. Мы опять опоздали. Любимов просил такое письмо организовать в его защиту. Они идут с опережением. У нас нет Габец или Крымовой. Любимова по-человечески становится жаль, он один. Глаголин — дурак, не предпринимает никаких практических шагов, все советуется. И вот сегодня они могут этим собранием сильно нагадить. Поздно составляется список членов профсоюза. Поздно обзваниваются люди, да и этого Шкатова делать не хочет.

Звонил Распутин. Раньше он никогда не звонил и телефона не оставлял. Хвалиться нечем, а жаловаться не хочу — сегодня я дозвонился ему:

— В. Г., я рад безумно вас слышать!

— Я тоже. Я получил твое письмо, у меня есть по этому поводу предложение, но для этого надо встретиться.

Назначили созвониться рано в четверг. Будет он здесь весь месяц (какой?).

28 октября 1992

Среда, день Павла I

Предполагаемый конец света откладывается, хотя, быть может, для нас он давно наступил, да только мы того не замечаем. Открыв я дневник с мыслью о курносых. Оказывается, Живаго был курносый, а я сегодня Павла I изображаю, тоже курносого. Если я вычитаю в описании внешности Версилова, что и он был несколько курнос, это дает мне право для интересной версии.

Мне бы надо писать о собрании вчерашнем в театре, о разговоре Бориса с Любимовым, но так не хочется.

30 октября 1992

Пятница

Вчера был у Распутина в совминовских хоромах. Долго он меня в них не запускал. Разговор натянутый. Пришел Крупин. При встрече мы расцеловались и простились хорошо. Всю ночь не спал: объявление, продолжение собрания, итоги референдума о разделении театра. И крысы, охраняющие, сидящие вокруг судьбоносного ящика голосования. Почему-то меня взбеленил этот референдум. Тоска.

31 октября 1992

Суббота, родительская

Интервью идеолога Филатова, в которых он дает оценку нынешнему художественному коэффициенту нынешнего Любимова. «Не узнаю, не тот, не тот». Господи!

Звонил Денис. У него состоялся разговор с Филатовым. Но, насколько я понял, Ленька не дал ему говорить: «Не надо, я раскаялся, когда полетел в Израиль, но дело сделано». Они быстро смяли разговор, не начав, не объяснившись. Вторая тема Денискиного звонка более серьезная. Он собирается рукополагаться. О. Александр подыскивает ему будущую матушку, девчонку из священнической семьи. «Говорят, браки, которые устраиваются через третьих лиц, бывают иногда очень даже счастливые», — сообщает мне Денис, готовящийся в дьяконы. Ну что ж, так тому и быть — мое родительское благословение он получил. Господи, наставь его на путь истинный! Первоочередное — укротить его непомерную гордыню и готовность ежемгновенную учительствовать, а не учиться. Обет молчания, молчания и еще раз молчания нужно Денису дать.

4 ноября 1992

Среда. День Павла I

Отпечатал я письмо ответное Филатову, но что-то теснит, томит, жжет (быть может, фраза про лживый язык) и не хочется ему отправлять — у него появится шанс на меня обижаться и гневаться, искать ответы на мои уколы, а жить в неведении куда хуже. Пусть томится. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Так вот пусть пока будет ужас без конца.

Перевел я все деньги с книжки на храм — за распутинские доллары.

А вчера свалилась Козьмина Софья и подарила 70 000 р. на храм. Вчера у меня появились еще один крестник — Андрей Спирин и еще одна кума — Катя Медведева.

Ох, тоска, тоска. Вот Софью Бог послал. Выручила она меня крепко с рублями. Надо бы ее как-то умастить, отблагодарить — ездит на машине персональной, рядом охранники-коблы. Сонька Золотая Ручка.

9 ноября 1992

Понедельник

Рога мне подрисовали в театре, испохабили портрет на афише презентации, на листовке «Артист собирает средства на храм» замазано жирно слово «артист», и это, как говорит Татьяна, второй раз. А мне казалось, меня все любят, и нет врагов у меня.

13 ноября 1992

Пятница. Ил-86

Завещание. В письме Денису я написал, что участок на Десне будет в случае моей гибели принадлежать ему.

На той квартире был сильный скандал. Катя, прочитав мой ответ Филатову, пересказала Шацкой, а та — Денису:

— Леня для тебя все, а ты...

Сильные проклятия в мой адрес. Это плохо само по себе.

На второй участок завезли блоки. В субботу, как обещал Сережа, их расставят под будущий хозблок.

Аэропорт Шеннон. Страна Ирландия. Заказал баранину на горячее. Калягин читает черный пакет. Спрашивает, в какой стадии находится дело. В аэропорту встретил украинских журналистов, они летят на фирму «Боинг». Ларисе подарил значок — украинский флаг. Я первый артист на Таганке, который признал самостоятельность Украины. «Вы творите историю ежечасно». Это надо же придумать, чтоб в кармане возить флаг Украины и вручить его киевлянке в Шенноне. Она не знала, что в моем кармане остался еще один значок — израильский флаг.

Летим над Атлантикой. Я обожрался. Говорят, в Америке очень много едят. Как избежать этого? Голодать — и все. И заниматься «Живаго». Я не оставил никакого письма Любимову, это нехорошо.

Меня часто посещает наваждение, ясная картина: сидящая на полу, полужелезкая, не могущая дойти до кровати сестра моя, несчастная Тоня. Как она не хотела, чтобы кто-нибудь видел в таком состоянии, и доверялась она только матери. Я вижу ее глаза, на меня смотрящие, глаза умирающей Богородицы, сестры моей, которая научила меня, как убежать, уйти из дома, как уехать в Москву. Она упирается, нет, она, кажется, лежа, держалась за ножку кухонного стола. Боже, Боже, я за сестру тебя молю!! Потом на Павле I я вспомнил Сашу, отданную в сиротский дом. Людку убили и сожгли. Что будет с Сашей, какие в ней гены, не отразилась ли наследственная беда? Муж Сашки повесился, удавился!! От Тони не осталось на земле следа. Каждый раз, выходя на сцену в Павле I, вспоминаю ее слова: «Или ты будешь великим артистом, или великим пьяницей».

14 ноября 1992

Суббота. Нью-Йорк

Борт не известного мне самолета компании «Дельта»

Утром мне был устроен коллоквиум по моим «антисемитским» заявлениям, настроениям. «Говорят, вы сказали на похоронах Шукшина или Высоцкого, что его задавили, придавили». «Не пойте частушки — им тут на хрен не нужен русский фольклор, публика в основном еврейская».

Смехов: «Дружил бы я с Золотухиным, если бы он был антисемит? Я мог бы работать, встречаться на улице, но не дружить». Это очень повлияло на здешнюю публику. А так они говорили: «Кого к нам везут? Друга Распутина?»

Читаю в самолете над Америкой, летя в Даллас, в «Новом русском слове»: «Волею Божией 4 ноября в г. Клермонте, штат Нью-Гэмпшир, после продолжительной болезни на 78-м году жизни скончалась актриса Вера Вячеславовна Енютина (Трегубова), о чем извещает семья покойной». Это жена Семена Львовича Трегубова, моего первого педагога по вокалу, от которого ушел я на 5-м курсе. Сначала, кажется, уехал его сын, а потом и родители.

Жутко опухли ноги. Жутко болит справа в груди. Скоро правой рукой я не смогу поднимать тяжести. Мы приземлились в Далласе, гуляли по аэропорту. Это черт знает что — я тупо смотрю на все, меня даже не волнует, что произойдет на концерте, меня сейчас занимает только, доживу ли я до премьеры «Живаго». Жизнь прошла от одной премьеры к другой. Из метро в театр, из театра в метро. Что мне до того, что в Далласе выращивают бычков, лошадей и баранов! Все читают, и их совершенно не колышет, что у меня опухли ноги и саднит горло. Не от пилюли же снотворной, хотя все может быть. Мы жили с Калягиным на Хлобистова. На Хлобистова родились наши дети. Ксения старше Дениса на два года. Покойную Татьяну я помню замотанную вокруг попы шерстяным платком. Вскоре она умерла. Саша остался один.

Не помню, работал ли он еще на Таганке? В распределении «Кузькина» он означен Тимошкиным. Потом мы снимались у Швейцера в «Мертвых душах» и «Как живете, караси?» Теперь вот такая поездка — турне. «Вас ожидает большой успех!» Господи, помощи и сохрани! Все это пройдет, и грудь, и ноги. Два месяца, как я не пью.

Борт самолета из Сан-Франциско!! Слава Богу. Изольда-Лена-Яна-Андрей... Первый концерт — все было шикарно от встречи до заключительных роз. Под фонограмму пел только «Северянина» и «Остала». Скандировали. Одна записка — про раскол. «Что с Филатовым? Не инфаркт?» Нет! «Работают ли Хмельницкий, Жуков, Демидова?» Благодарю тебя, Господи! Голос звучал, хотя микрофон был отвратительный, но на мое выступление ребята его настроили. Концерт проходил в лютеранской церкви, но не в зале, где служба идет. В зале, где проходят моления, лики православных святых — им подарили, они и повесили. Причем, как я успел заметить, рублевской иконы. С почином, Валерий Сергеевич! Теперь бы воздержаться от обжорки. Калягин вручил 100 долларов — моя цена. Бог им судья.

17 ноября 1992

Вторник. Даллас

Ходили по Далласу. Место гибели Кеннеди. Мне кажется, я знаю это место наизусть по многочисленным чертежам и картинкам его последнего маршрута. Я вспоминаю «Голос Америки» на Пальчиковом переулке из старого приемника, хриплый, взволнованный, прерывистый... Жизнь моя с Нинкой только начиналась... и так глупо заканчивается грязным скандалом с ее нынешним мужем.

Идет третий концерт. Я снова в первом отделении и недоволен, куражу не было. А синагога — это что же такое? Это какой-то культурный центр. Это актовый зал. Нормальный концертный зал, радиодифференцированный, а то, что собственно синагога, — отдельно, и я там не был. Так что мои мучения относительно и процентно верны. Книжки не идут, как позавчера, и кассеты тоже идут плохо. Если будет так, буду стоять за прилавком сам. Книжки-то уйдут, а кассеты назад не повезу.

18 ноября 1992

Среда, мой день

Народу вчера, в общем, было мало, мы сидим на хвосте у Кобзона, который собирает пенки.

Розенбаум пел в синагоге, в камилавке. Вспотел, снял камилавку и стал вытирать ею потную шею свою и морду. В антракте послали гонца за водкой — пока не выпил, второе отделение не начал. В другой синагоге опоздал на полчаса, народ разошелся, остались 5 старух. «Вы будете петь?» — «Да, я буду петь». Он пел, и администратору пришлось заплатить всю аренду, 350 долларов.

Мне Элла нравится своей открытостью и деловитым умом. Но обуза мы ей, конечно, страшная. Возмущалась она и Евтушенко: «Я, я, я... самый гениальный поэт, самый гениальный режиссер, самый сильный мужчина!» Хвастался молодой женой и маленьким сыном. Эка невидаль — молодая жена знаменитого человека, любая девка выскочит. Люди работают, мы их вгоняем в копеечку. Но мы даем им интеллектуальную пищу и пищу для разговоров. К примеру, Золотухин оправдывался, что он не был партторгом, что не состоит в «Памяти» и не отчисляет им деньги. Но они все равно не верят: «А то бы он поехал!..»

А дальше что? А дальше — тишина. Дети за два-три года забывают русский язык и не хотят разговаривать на нем, потому что кругом все американское и будет такое же в будущем, и всегда. Зачем им воспоминание о русском, о России? Да они и не помнят, и гонят его!

И что я хочу от них?! Они становятся другим народом, они, если хотят тут жить и размножаться, должны наполнять себя другой культурой, другими знаниями, они должны усвоить другую историю, другую родословную. Израильтяне, мне кажется, гораздо будут ближе к России. А здесь нет. Поэтому (отчасти поэтому они

отторгают книгу на русском языке) они когда-нибудь оценят мои «Дребезги». Там много знакомых имен, и ностальгию они будут сильно поддерживать. Если израильтяне не будут выставлять себя великой нацией, избранным народом...

19 ноября 1992

Четверг, раннее утро

Иван Дыховичный получил премию за «Монаха» — 30 000 марок, что ли. Вышел — напротив фирма «Мерседес». Сел в новенький «мерседес» и уехал. И сейчас ездит.

Дал Регине адрес — а вдруг пришлет фотографии. Хотя зачем все это?! Я тоскую по своим яблоням, я тоскую по мощам Сергия Радонежского. И я буду называть свой народ великим и страну Россию — несчастной, но избранной, несмотря на убедительные речи космополита, еврея по матери, выросшего среди евреев Калягина Саши.

Любимов и еврейство. Вчера за столом у Димы Р. рядом оказался молодой человек.

— У меня на Таганке работает дядя.

— Кто? Кем?

— Юрий Любимов. Его мать и моя бабушка родные (двоюродные) сестры. Передайте ему, что Петя и Таня живут хорошо. Он пугал нас Западом, говорил, как трудно здесь. Так вот, просто передайте, что Петя и Таня живут хорошо. И материально, и морально нам здесь хорошо.

Конечно, есть у Любимова еврейская кровь, только сколько и по какой линии? Дима Рашкин через этого племянника может дать полную картину, полную или частичную родословную. Этот молодой человек должен быть в середине декабря в Москве почти месяц. Я пригласил его к дяде в гости на Таганку.

Солт-Лейк — это дыра, в общем-то. Выступали мы в русской церкви под иконой Богородицы с маленьким Спасителем во чреве. Толстовский фонд. Антиохийская церковь. А город — столица мормонов, новая религия. В их храм зайти труднее, чем в Кремль. В этот город попадают те, кто не доказал хорошо, что он достаточно страдал в России. Описывать свои страдания и притеснения, издевательства, доставать справки из психушек, доказывать кагебистские слезки, надругательства — это особая школа, особый дар. Некоторые умельцы так владеют этим жанром, что пишут за других и неплохо зарабатывают.

Второй дискомфорт, что я чувствую себя в тени Калягина. К нему интерес — «Тётка Чарлей», «Механическое пианино». Он называет это лучшей киноинсценировкой по Чехову. Версия идет от Брука. К тому же у меня все время не звучит голос, я не могу попеть так, как когда-то, и боюсь «Живаго», боюсь Шнитке. А к кассетам моим нет никакого интереса. За книги я не боюсь, они уйдут. Вчера — две книги и одна кассета — 37 долларов.

НАДПИСИ НА КНИГАХ ИМ НУЖНО ДЕЛАТЬ ПЕЧАТНЫМИ

БУКВАМИ, чтоб хотя бы дети их прочитали и узнали, кто и когда это сделал. Дима Рашкин пишет на русском языке, а его малый уже не понимает, почти не говорит. Как же отцу должно быть обидно. Не все же Набоковы... Поэтому надо, чтобы Дима купил мою книжку, ценность которой я объясняю — в ней повесть о В. Высоцком. А кто такой Высоцкий без языка русского, что это за предмет изучения? Русская культура! Слои, пласты! Да, Господи! Что это за чушь! «Тетушка Чарлей» — это на всех языках хорошо! И что для них Распутин, Астафьев и т. д., тем более Золотухин, тщеславившийся «Бумбарашем».

Рашкин о нашей переписке с Филатовым: «Капустник в чужой организации — понимают только свои. Непонятен уровень ваших отношений».

Шацкая. Почему-то утром я вспоминал нашу жизнь, наши дни. Был ли я счастлив? Наверное. Не может же так быть, чтобы нет. Помню тещины щи-борщи с сухарями в Пальчиковом переулке. Было какое-то лукавое совпадение, перст судьбы: в «Моссовете» я играл Володю Пальчикова и жил в переулке его имени. Помню Нинку в Быстром Истоке, помню в бане ее, помню на сенокосе, помню под шубой на веранде, помню игру в городки... А что помнит она? Хотелось бы сесть с ней и предаться воспоминаниям.

22 ноября 1992

Воскресенье

Второй концерт вчера прошел в сильном старании, нажмие. Но микрофоны резко подвели в конце концов. Спортивный зал, большой, неудобный, и контакт теплоты установлен не был. Мне казалось, что напортил все Краснополский, который взял слово перед началом и объявил, что мою прозу высоко оценили Распутин и Можаяев, прекрасные русские писатели. Здесь каждое слово сидящим — ножом по яйцам. Имени Распутина вообще нельзя произносить — главный враг советского еврейства. Глейзер мне сказал:

— Только из-за одного того, что на последней странице твоей книги имя Распутина, из-за одного этого я твою книгу не возьму.

«Да я тебе ее и не дам», — подумал я, но не сказал. Однако это освободило меня от понуждения дарить ее тотчас же.

Дима возил вчера меня в Сан-Франциско. Осматривали город со смотровой площадки. И видел, конечно, мост Золотые Ворота — он в самом деле золотой, проезд по нему — 3 доллара, по другим — 1.

Секвойи, которые растут в трех местах на земле. Одно из них — Калифорния.

В Санта-Барбаре «секьюрити» проверили, отобрали лишние бумажки — мы все время в поле зрения ЦРУ.

«Ваш импресарио грабит вас со страшной силой. Похоже, он вас за людей не считает, знает заранее, что вы на все согласитесь». Если бы не такая ситуация с рублем в стране, поехал бы я удовлетворять ностальгические капризы этой публики!.. Конечно, посмотреть — великое дело, но я все это видел в кино. Мое воображение

сильнее, чем это предстает на самом деле. Только детям хочется все это показать как можно раньше. Ну.. разбегайся и взлетай в страну Голливуда! Ирэн сказала Диме, что Никитины получают по полторы тысячи. Ну и «пусть повезет другому».

24 ноября 1992

Вторник. Дель Маро, утро, у Гали

Просыпается во мне классовая ненависть, нет — чепуха! — изумление: откуда, за что, почему такая роскошь, такой вкус, изящество и богатство — кому! Ведь не написали же хозяева «Дребезги», не лауреаты «Оскара» или Нобеля? Почему я так не живу?! Дом огромный, дом спит. У каждого из артистов огромная комната с отдельными удобствами. Библиотека у каждого, и телевизор, и письменный стол. «Живаго» у меня нет. У меня все есть: и «Белая гвардия», и «Мастер», а «Живаго» нет — это не Булгаков. Стихи Пастернака на глаза мне попадают, во втором доме. Да, быт Рашикина — разброс, грязь, подгоревшая пища, рванье мебели и невытая вековая посуда. Миша спит на полу, не переодеваясь, по-моему. И вот — Гриша с яхтой и Галя, торгует домами, строит и продает. Здесь можно работать, здесь можно написать «Бритву» или «21-й км». В окно светит солнце, зелень газонов, тишина улицы и ни одной души. Зоя Никитенко, преподаватель иностранцам русского языка, в домработницах, на полгода. Здесь у нее дочь, но почему-то не показывается. Стирка рубашек поручена Зое. Сашка опять тихим сапом один договорился, но я уже расчислил, кто здесь занимается этим. У Макарона собака — пудель Артамон Макарон. Макарон спрашивает:

— Ты каждый день записываешь, что-нибудь из этого получается об Америке? И куда ты эти заметки...

— Отдаю секретарше.

— Жене?

— Нет, секретарше. У нее компьютер, картотека. Она закладывает мою информацию, мои строчки и по фамилиям, по городам, по именам это расходится, раскладывается. Мне, допустим, надо написать о Калягине — она мне выдает полную информацию, то есть мой текст, страницы и номер тетрадки, где о нем написано. Компьютерный принтер печатает по ее расшифровке. Она знает, секретарша, код моих обозначений, она разбирает мой шрифт, даже когда не могу понять этого сам. Пьяный, например, начирикаешь чего-нибудь, чтоб не забыть, но назавтра сам понять ничего не можешь. Более того... слово, условный какой-то значок свой ты разобрал, а что это обозначает, какую мысль, какую деталь, ход, что ты заложил в эти иероглифы — ты вспомнить не можешь, а она часто догадывается, куда я плыл в тот миг, когда записывал.

— Ты опасный человек.

— Я — нет, секретарь — да.

Все утро считаю деньги. Мое любимое занятие и дома, и здесь. Среди такого количества евреев я еще не вращался. Вчера они по-

зорно делили, «к кому Калягина». Меня, мистера Золотухина, кажется, брать никто не хотел. Рита сразу на вокзале сказала: «Я бы хотела прослушать кассету. Я должна знать, что я продаю». Цензура? Или чтоб не было агитации антисемитской. Дал ей программку и кассету. Я читаю белые стихи Пастернака и начинаю догадываться и понимать, что он гениален. И надо больше читать стихи его, а роман знать и играть так, как это делал Любимов, не читая.

Зачем же так печально опозданье
Безумных знаний этих? —

поразился я своим строчкам. У Пастернака перечитал и разочаровался — у него «опозданье», а не мое слепое «опозданье», гораздо более мне нравящееся.

Жванецкий стал нищим, как говорит Глейзер, но в Сан-Диего Вене, жене и себе (для работы) купил он за 98 000 долларов квартиру с помощью Гали... Внес 30 000 долларов. Великолепной красоты храм, главный дом мормонов в Сан-Диего. Заснеженная готика, обледенелая готика — хорошее, точное определение. У доктора Марголина увидел я православные иконы в доме, и в большом количестве.

Неисповедимы пути твои, Господи! От уважаемых евреев, миллионеров, попали мы к бакинским армянам, беженцам, а я к украинской семье на постой. Андрей Бубон, дочь Кристина, жену не видел пока. Саша попал как раз туда, где по спящему ползают детишки. Но его там любят, он там желанный гость.

А у меня тихо.

Наконец-то пошли записки в лоб.

«Мы знаем, что Вы поддерживали антисемитские выступления таких организаций, как „Память“. Как Вы совмещаете эту антисемитскую деятельность в России с выступлениями перед эмигрантами из России здесь?»

«Почему Вы согласились играть роль вместо Высоцкого в Театре на Таганке, в то время как все другие актеры отказались, тем самым его поддерживая?»

«Господин Золотухин, Вы остались бы в США, если бы Вам выпала такая возможность?»

26 ноября 1992

Четверг. «Боинг»

Наш большой «Боинг» — 9 мест в ряду — вернулся со старта. Что-то случилось, но все на местах. Надо срочно учить язык — если мне жить до 2014 г., я еще успею побывать кое-где, это великая страна, сюда я пришлю учиться сыновей и дочерей.

— Ну, много привел клакеров? — спросил Любимов у Калягина после первого «Галилея».

«Это было одной из многих причин, по которым я понял, что по-человечески я с ним не смогу работать. Это было в июне. Осенью был второй „Галилей“».

Мы садимся, нас болтает, вижу лысый кругляк Калягина. У нас хорошая компания, мы хорошо работаем — мы в разном весе и в разном жанре. Например, мое отделение вчера куда интереснее и сильнее было. И вышел я из-под тени Калягина. Все зависит от собственного сознания и собственной энергии, творческой и жизненной.

28 ноября 1992

Суббота. Утро, г. Лина

«Затрахают вопросами!» — предупреждал Имма Глейзер. Так оно и вышло. Но почему я, однако, с такой охотой отвечаю, вспоминаю, горячусь и получаю кайф от своих ответов? Я хочу оставить свой след на этом континенте, я хочу вернуться сюда. Хотя как мне не нравится опять эта возня вокруг Высоцкого, «Памяти», еврейства! В России возня вокруг В. С. приутихла.

В обрезанном интервью Любимова израильской газете есть строчки: «А чем иначе объяснить, например, желание Михалкова разобрать творчество Андрея Тарковского, когда тот уже был смертельно болен? Знаешь же ситуацию — хотя бы из милосердия помолчи. Нет, невтерпех. Мне его искусство неинтересно, оно холодное, оно никому не нужно».

Зоя Г. резко осудила в Любимове бесчеловечность. «И милость к падшим...» — этого у него нет. Заграница излечила его от сентиментальности. Любимов и Америка не поняли друг друга. Где его поняли? «Первые чувства ваши, когда вы узнали, что Любимов остался?» — «Предательство».

29 ноября 1992

Суббота

Из Ф. в Б. перелетели за 813 долларов — платил Симонов. Представлял меня Иосиф, а потом Иммануил обелял: «Мы звонили в „Память“, в „Наш современник“, в газету „День“ и везде получили самый отрицательный ответ». Слухи... Песня Высоцкого (читает эпиграмму на меня, за что я целую его на выходе).

12-й концерт. В зале Бурлацкий, а Имма гнет свое: «Заявление для прессы. Мы не поленились и позвонили в редакцию относительно Золотухина. С радостью сообщаем, что Золотухин получил самую отрицательную оценку. Да, он из памяти, но не из той „Памяти“, а из нашей памяти. Ему рукоплескал русский Израиль, ему рукоплещет русская Америка...»

30 ноября 1992

Понедельник. У Марка Купера

Это, пожалуй, самая приятная встреча за рубежом. Это энциклопедия молодой, причем закулисной внутренней, Таганки. Я часто видел его около Зины Славиной. Вошел он в историю с похо-

рон В. В. С мальчиком на плечах пробивался он к гробу Володину, был снят крупным планом и показан.

«Валерий, спасибо! Вы честно отработали этот вечер. Я сама из г. Канска, сибирячка. Признаю в Вас своего и полностью меняю мнение о Вас в лучшую сторону. Спасибо за Высоцкого! Приезжайте еще! Пригласите Л. Филатова с его сказками. Удачи Вам! Людмила».

Научиться у Калягина завязывать галстук. Для этого взять галстук как реквизит в сумку с рукописями. А теперь — «Живаго».

2 декабря 1992

Среда. «Боинг» — «Дельта»

Конечно, все это я буду вспоминать, как счастливый сон, такого не бывает. А «21-й» помогут мне осилить Лара и Юра («Живаго»).

4 декабря 1992

Пятница

Мы рады, что не подтвердились слухи,
Что с чистым сердцем выйдет в этот зал
Актер, певец, писатель Золотухин,
Кого не зря Высоцкий другом звал.

10 декабря 1992

Четверг. «Дельта» — «Боинг»

Мне снился Филатов в Цинциннати. Мы бок о бок спали с ним на креслах, дружно и спокойно. Нинка наблюдала за нами, а мы как будто и не ругались с ним. Цинциннати, спанье в аэропорту и Филатов во сне — надолго запомнятся эти лирические картинки! Снился мне как-то Любимов. «Валерий, что ты мне Лермонтова показываешь!»

Брехт. Сенсационное открытие биографа и исследователя творчества Брехта — любвеобильный был господин, соавторство делил со своими любимыми. Он использовал и письма, они поставляли ему в постели диалоги и ситуации — литература в обмен на секс. Секретный архив «Берлинер ансамбля».

11 декабря 1992

Пятница. «Боинг» — «Дельта»

20 концертов.

Володя Высоцкий не требовал особых благ себе в жизни, особой зарплатой, одежды особой, еды, питья или признания открытого, не в меру комплиментарного. Здесь можно многое перечислять из того, чего он не требовал особого, но... если в компании была женщина или женщины, за ним было негласное, но безоговороч-

ное право на любую из них. Первый выбор был за ним, остальные разбирали дам после него. Вот это — как бы само собой разумеющееся раз и навсегда и не подлежащее сомнению, что такая-то может предпочесть кого другого, — это меня умиляло, но других, я думаю, задевало не на шутку.

Я Высоцкому не завидовал вообще ничуть, нисколько, и об этом Влади в своем «Прерванном полете» как бы даже специально сказала, отметила... Но наше дело театральное, наша иерархическая закулисная жизнь предполагает и не оставляет сомнения у публики, что Высоцкому обязательно должны были завидовать, и в первую очередь актеры первого эшелона.

В Москве произошло разделение театра, о котором как о факте свершившемся говорит Елена Гуревич из Миннеаполиса. Информацию эту взяла она в «Панораме», но газету не нашла.

«Exit (выход)...» — наклонившись надо мной, стюардесса долго шептала на весь салон. Оказалось, что, к ее великому сожалению, по причине незнания английского я должен поменяться местами с американцем, потому что в случае аварии я не смогу прочитать, как спастись, и помочь мне никто не сможет. В Америке никто другого не спасает.

16 декабря 1992

Среда, мой день, «Павел I», утро

Благодарю тебя, Господи! Я дома, я долетел, снотворным перебил все климатические перепады, все поясные расстояния.

— Ну, теперь ты погиб, — сказал мне Любимов, — приходи, разберемся.

Итак, репетиции «Живаго» еще не начались.

— Всех загоняют в ГУЛАГ, — еще мне сообщил Любимов.

17 декабря 1992

Четверг, утро, молитвы, зарядка

«Павел I» вчера был хороший, несмотря на бестолково-нервное проведение времени у шефа. Оказывается, есть решение Моссовета (Гончара) о разделе театра. Сегодня Любимов собирает труппу, а завтра хочет провести общее собрание с голосованием поднятой рукой. Кроме скандала, по-моему, ни хрена не выйдет. Был Ноткин Борис, телеведущий. Спрашивал меня об «антисемитском» инциденте на шукшинских чтениях.

— Вы по-другому выглядите рядом с Ю. П. Когда вы разговариваете с Любимовым, вы другой человек.

— А какой? — встревает Любимов.

— Когда он один, он такой маститый, этакий Станиславский, сам по себе...

Ладно. Писали записку Ельцину, которую Ноткин должен лично отнести в Кремль.

21 декабря 1992

Понедельник, утро, «Живой»

У меня была странная уверенность (очевидно, самоуверенность), что люди в театре — билетеры, реквизиторы, не говоря об актерах — в своем поведении и отношении к событиям в театре ориентировались по мне, а я в свою очередь по Демидовой равнялся. И вдруг они поверили Токареву — Губенко — Филатову. Для меня это было странно и обидно.

Ельцину вчера ночью послана телеграмма.

Кажется, я прошел акклиматизацию после Америки. Спал спокойно до шести. Быть может, от сознания выполненного «гвоздя» дал телеграмму. Славина сняла свою подпись: «У меня свое мнение».

Перед «Годуновым» Ю. П. сидел с евреями в кабинете, горела ханукальная свеча, они пили вино. Потом он уехал в посольство Израиля и не вернулся.

Собрание я провел элегантно. «Молоко за вредность вам надо выдать», — сказал мне Бугаев. Никита Любимов погладил меня: «Вырывался из купола и входил в него, молился правильно, поэтому и получилось». Вечером того дня я отвозил Л. домой. Неужели мы не страхнем эту позорную осаду Губенко? Неужели он добьется раздела театра? Любимов изводит своих людей капризами, придирками и требованиями — все у него виноваты и никто угодить ничем не может, а нервничает он по понятным «живаговским» причинам. «Подростком» он весьма неудовлетворен, меня он, кажется, полностью забирает в «Живаго», и правильно делает. Сегодня первая репетиция, сбор.

Шеф белый, зеленый, жалко его. Интеллигенция молчит, после интервью никаких откликов, никакой поддержки. Отсутствует Глаголин — гипертония, но шеф видит в том уловку. Выделенцы торжествуют.

23 декабря 1992

Среда, мой день. «Павел I»

Начались музыкальные репетиции «Живаго». Пока я плаваю в океане неведения и непонимания, разбираемся с хорами. А что, собственно, надо будет петь мне и где применение моему оставшемуся голосу — отыскать и предположить не могу. Дни идут в борьбе за «нераздел» театра. Надежды были, что Любимов в интервью с Ноткиным скажет что-то убедительное, призывное, а то уши вянут, что называется, — все про прошлые закрытия спектаклей, про нынешних политиков... Тошно слушать.

«Кто будет играть Живаго? Золотухин. Золотухин — прекрасный актер, выдающийся актер, но...»

24 декабря 1992

Четверг, «Высоцкий»

«Выдающимся» Ноткин меня назвал вторым. Первый — Зельдин. Актеры очень чутки к словам, которыми их обзывают. Замечательный, прекрасный актер — это одно, а выдающийся — это степень иная и ступенька высшая.

25 декабря 1992

Пятница

10 утра — почему они все веселы и уверены в себе? Сегодня уверен в себе Шопен. Завтра будет уверен Бортник, а вчера был уверен Феликс. Когда же буду уверен в себе я?

Славина звонит глубокой ночью, в час волка и собаки, работникам театра, всем без разбора, пожилым и молодым, и требует не подписываться «под президентом Золотухина». Никто ничего не понимает: «Какой президент, что такое?» — «Не подписывайте, они продадут нас за доллары».

Любимов все ищет предлога, причины, исходящей от выделенцев, чтобы закрыть театр. «Все видно на сцене, они выключены, они нагло ведут себя, нет, в такой обстановке нельзя работать, надо закрывать театр», Под каким предлогом? Под каким соусом? Этого ведь могут и не понять. «К 1-му января 1993 г., — гласит решение президиума Моссовета, — раздел произвести». На наши телеграммы и факсы реакции пока никакой.

26 декабря 1992

Суббота, уютная гр. № 204

Ю. П.:

— Ты задай мне один вопрос: зачем мне на старости лет все это нужно? Я разговариваю с тобой как равный с равным, задай мне вопрос, спроси меня: зачем мне это нужно? Играет бездарная дрянь, а я должен мучиться, смотреть.

28 декабря 1992

Понедельник «Живой»

— Ох, какой Борис у меня был вчера, ох, какой! Я хочу в ноги к тебе упасть! Русский, какой же ты русский, один... гений... глаза... Мне хотелось к ногам Высоцкого упасть, когда видела его глаза под наркотой, и сейчас мне хочется упасть к твоим здесь, но скажут — пьяная.

Л. Селютина действительно была подшофе крепко, но сосредоточенная и целеустремленная.

Тысячу раз повторила «какой же ты русский!». И удивление, и угроза, и восхищение, и опасность — если столько русского, как же играть еврея Живаго...

И решил я на волне «гениальности» своей, своей силы и уверенности собрать сегодня, как председатель совета труда коллектива, зав. грим цеха, уборщиц, коменданга, директора и всем дать взбучку за то, что в гримерных нет ни мыла, ни полотенца, лицо выгирать гримеры положили мне две салфетки, а если я три часа по полу катаюсь, за лицо свое хватаюсь, мало свое — партнерши, да что лицо, я Демидовой под юбку далеко залезаю, а если она подцепит что-нибудь от меня, если я заражу ее чем-нибудь? Ведь вот куда может завести отсутствие мыла, средств моющих, отсутствие гигиенических условий.

31 декабря 1992

Предновогодний четверг

Ю. П. на старой сцене:

— Нация погибнет, если нет традиций. У нас есть традиции — 30 лет я прихожу первый, дверь моя закрыта, секретарей нет. У доски расписания долго стоит вперившаяся Славина. Через полчаса я вижу ее там же — что-то она с доски списывает. Что может она там списывать — в театре для нее выходные дни. Она все еще играет в хозяйку театра, а сама ждет не дождется, когда наступит раздел театра и она похозяйничает в худ. совете у Губенко, который первый же ее и отстранит. Сон видел. Вызывной лист: «Записывайтесь в Государственный театр на Таганке под руководством Губенко!»

С шефом надо идти до конца. Год Сергея Радонежского, и я заложил фундамент храма Покрова Пресвятой Богородицы. Это было главное дело минувшего года. И я благодарю тебя, Господи!

1993

1 января 1993

Пятница

Денис:

— Пап! А ты не хочешь рукоположиться? Представляешь, какая реклама: протодиякон Валерий Золотухин! Представляешь?

7 января 1993

Четверг. С Рождеством Христовым!

Зачем меня так обманули? Зачем Вера плачется мне — «говорят, всех пенсионеров на пенсию!» Что ж ты, Вера, ликовала, когда Губенко тебя в свой стан завлек? Что же вы наделали? Он вас — на пенсию! Ты же предала, Вера, а теперь у Золотухина просишь заступничества?! Да к Ю. П. и подходить-то страшно с этим вопросом. Он о нужных-то людях слышать не хочет, которые ему с Губенко изменили.

15 января 1993

Пятница, «Дом» вечером

Дневник 1987 г., тех дней, — смерть Эфроса и мрачные предсказания Крымовой о кандидатуре Губенко, его антикультурные, просто аморальные высказывания в адрес правления Эфроса и гастролей театра. И все как бы и подтвердилось — получилась из всего глупость, но могла бы она и не быть, будь поумней Николай и не ввяжись в борьбу против Любимова и за раздел театра.

Иваненко просится назад, неблагодарная... Ради Володи чего-то давал, чтоб как-то жила, а она пошла в театр Губенко. Теперь ее заменяют в «Преступлении» и не берут в Японию.

16 января 1993

Суббота. Утро после душа, зарядки и молитвы

Снились мне опять Ельцин с Любимовым, я фотографировал Ельцина. Он смотрел наши письма, бумаги, но внятного решения или слов хороших, чтоб я проснулся в радости, не было.

А в театре война. Габец объявлен строгий выговор, но, кажется, она не уволена. Долго вчера кричали в кабинете Шацкая, Габец, Иваненко.

А «Павел I» был замечательный.

— Минкин в зале! — сообщил Хейфец после спектакля. — Кто пригласил?

Может быть, он ошибся? Да черт с ним, я его приглашал, но в прошлом сезоне он не пришел. Я Минкина не боюсь, пусть пишет, хоть узнаю правду о своем таланте. Но я лукавил, конечно. Минкина я боюсь. Каждый раз, готовясь к «Павлу I», перебирая листки роли, я натываюсь на оборотной стороне на его статью о Губенко и становится страшно. Самое больное, самое точное и пророческое, вот и поди ж ты... Минкина, следуя логике, Гитлер-Чаплин-Колька должен был бы повесить.

23 января 1993

Суббота

Вчера мы вышли на сцену — шеф в прострации, не знает, что делать. Нужно понять следующее: если Альфред не написал музыку, положим, к «Гамлету» или другому какому стихотворению, — он не забыл или пропустил, значит ее нет в нем или он считает, что у него не получилось. И нечего сочинять за него и что-то самостоятельно придумывать. Это надо понять и из сего исходить. Но если замысел через поэзию — стало быть, стихи звучать должны (на немецком языке — во, ход!), а есть ли перевод романа на немецкий, особенно перевод стихов? Был бы номер! Это для меня была бы находка. Не выход из положения, но находка.

А вот что касается прозы... Тем более глупо импровизировать вокальные партии. Фон — да.

Ольбрыхский о Высоцком, вышла книжка у нас. Мысль хороша: Володю хорошо слушать, выпивая. Действительно, так и было часто, его настрой эмоциональный — дым сигареты, угар — тянул к этому, потому что жизнь казалась вечностью непреходящей.

24 января 1993

Воскресенье

В «Независимой» в рубрике «Слухи» иронические намеки на счет «Живаго» от Любимова. Если доктора будет играть Валерий Золотухин, то кто же тогда Лара? Здесь все — и то, что мне 100 лет от роду, и то, что я крестьянский сын и Бумбараш. Будет страшно, если их хихиканья подтвердятся и злобствования оправдаются, — надо спасаться и что-то придумывать. А пока — одеваться и заводить машину.

26 января 1993

Вторник, молитва и зарядка

Какой был вчера подарок Володе ко дню рождения! Пел гениальный Градский, а я читал письмо Т. Н. Журавлевой и говорил о курточке от Высоцкого. Был, как мне сказали, маленький спектакль.

30 января 1993

Суббота

Рано встал, но не завелся — мороз на дворе. На душе дрянь. И все, думаю, из-за грудной правосторонней боли. Хотя на сцене, на репетиции одно и то же желание не покидает — скорее бы закончилось. Кажется, я возненавижу Шнитке, Пастернака, Любимова и себя. Глаголин такое утешение выдвинул: «Делается это все для Запада, для доллара. Поэтому тебе надо найти несколько опорных точек, которые бы оправдывали тебя в твоих глазах, твое существование в этом».

Вот и все. И не заниматься самоедством, а относиться к этому именно с долларовой кочки...

Губенко вновь собрал рассеянное войско и нам со страниц «Коммерсанта» угрожает. Какой-то чиновник документ, мной подписанный, положил под сукно, он попал в тот лагерь и вызвал очередной переполох.

31 января 1993

Воскресение — отдай Богу. Кухня

Любимов каждый день по несколько раз напоминает, что мы репетируем христианский роман.

4 февраля 1993

Четверг

Вчера Тамара развивала чью-то мысль о Высоцком. Кто-то говорил о его характере — двойной стандарт, что можно одному, нельзя другому. Даже зная, что он не прав, он продолжал спорить и добиваться, чтоб было по его сделано. И я в связи с собой и разговором с Любимовым (который, кстати, назвал артистам оду Бортнику вчера пропел — «одаренный, крупный талант». — «Есть другое мнение», — сказал Беляев. «Надо с жалостью относиться, — возразил Любимов, — одаренный никого не жалеет, и вас в первую очередь») подумал о разгадке некоторой. Ведь это же надо — выпросить у Любимова Гамлета! А с какой (ведь ни одно слово не подходит — «самоуверенность», «настырность», «нахальство») силой, безапелляционностью (Тамара называет это ограниченностью, отсутствием тонкости, душевной интеллигентности — «а как будет партнеру?») в конце концов он буквально выколачивал роль Воланда в уже подмалеванном рисунке из-под Смехова. Это было на моих глазах — он выходил на сцену, примерялся, разгуливал с тросточкой без тени сомнения, что Любимов скажет: «Начинай, Володя!» Я был потрясен до восхищения. И оправдывал его!! Что это?!

Я читаю Ремарка — мне неинтересно, но приятно.

5 февраля 1993

Пятница. Утро

— Благодарю тебя, что ты настоял на повторе «Двенадцати», — сказал мне вчера Любимов.

Вообще многие мои идеи проходят. Соблазнил он меня и на премьеру «Саломеи». Через 40 минут я ушел и прибыл в Дом ученых. 120 лет М. М. Пришвину. Говорил, какую благодать на день-неделю разливают его страницы в душе моей — умиротворение, покой, добро. Под настольной лампой читал рассказ «Радий». И было славно. Народ все больше старей, с палками, с бородами, но, главное, много его, почти полный зал. Это здорово.

В «Живаго» мы доползли до II акта, где, собственно, и решится судьба спектакля и роли моей.

7 февраля 1993

Воскресенье — отдай Богу

Я отдам его «Живаго» и рекомендации Шифферса в кинематографический союз.

Часто открытие не принадлежит автору, и, естественно, им начинают пользоваться как задачник, учебником. Когда в 1967 г. в Театре на Таганке стали поговаривать о «Преступлении и наказании», меня прочили на роль Раскольникова. В театр на заседание худсовета пришел Ю. Ф. Карякин. Я отчетливо запомнил его фразу, адресованную мне (речь шла о Наполеоне):

— В своей жизни я встретил и знаю одного гениального человека — Шифферса!! Вам необходимо с ним познакомиться, чтобы понять, что поражает Раскольникова в идее сверхчеловека. Прочитайте его роман «Смертию смерть поправ».

Я прочитал. От кумира того времени А. И. Солженицына (пусть простит меня этот замечательный художник!) не осталось и следа. Работа актерская Е. Л. Шифферса в «Интервенции» и по сей день остается для меня наиболее точной и не разрушающей жанр, по мнению некоторых коллег, а подтягивающей этот жанр на другую высоту, на новую точку отсчета. Жаль, что по условиям нашего уродливого времени роль была переозвучена посредственным актером, а фамилия исполнителя просто выброшена из титров по причине его диссидентства. Ну и время! Ну и страна! Ну и жизнь! Золотухин дает рекомендации, пропуск в ряды кинематографистов Шифферсу! Но... надо, Федя. И наконец после долгих лет кинематографического молчания и как бы отсутствия на наших собраниях и неучастия в нашей творильне Шифферс показывает нам «Путь царей». Убийство царя!! Кинематограф будущего, настоящего и прошлого. Присутствие искусства (перефразируя Пастернака) в кадрах этой ленты, скромно означенной опытом, учебным пособием, поражает, потрясает больше, чем само преступление большевиков!!

Уважаемые господа, коллеги, которые будут рассматривать этот вопрос! Извините меня, если вместо рекомендации или характеристики я написал нечто в духе любовной записки. Рекомендую. И думаю, что срочно или скоро нужно организовать, попросить Шифферса прочитать для студентов института кинематографии несколько лекций по искусству, философии, религии, живописи, которые лягут в основу хорошего пособия — капитального, универсального учебника по воспитанию, образованию всякого мало-мальски художественного организма.

13 февраля 1993

Суббота

Что меня поддерживает и дает силы — дневник. Единственное живое существо, с которым мне не тесно, не грустно, не тяжело.

14 февраля 1993

Воскресенье — отдай Богу

День нашей с Шацкой регистрации 30 лет назад.

Любимов хочет сделать спектакль или, как он говорит, схему. Кажется, он начинает склоняться, что все пять невозможно, нельзя и преступно по отношению к Шнитке — скажут: «Что же он такое написал?! Что за неорганизованную чушь?»

Так мы не договаривались, Ю. П., дорогой!

Л ю б и м о в:

— Кто разваливает спектакли? Артисты. Не я же их разваливаю! Ничего у них (отделенцев) не получится!

— Нина! Докладную на всех! Вовремя приходят только я и Золотухин!

До меня сегодня дошло, и я легко засмеялся. Он уезжает — моя машина еще стоит, приезжает — уже стоит. Вот и родилось.

15 февраля 1993

Понедельник, Гр. № 307

Нельзя изменять своим привычкам — дневник должен писаться во что бы то ни стало.

Вчера Любимов как бы невзначай и само собой разумеющееся промовил:

— Я ведь не случайно делал эти перекрестья (перекрещения): Настя — Аня, ты — Родион, чтобы была полная взаимозаменяемость. Мало ли что может случиться...

— Все правильно, замечательно, — сказал я. — Это прекрасно.

Корона ни у кого с головы не упадет, если она есть. Как ни странно, мне стало легче дышать. Во-первых, меньше ответственности, и спектакль в Москве может выйти с Овчинниковым — он молодой, музыкальный, хваткий и спортивный. Но в Вене и Германии нельзя отдать ему марки, поэтому надо что-то загвоздить неповторимое, уникальное. Все, что пока делает артист Золотухин, к сожалению, вполне доступно любому, а уж Родиону и подавно. И вот тут опять, что называется, дуракам везет, — может, и хорошо, что Шнитке не написал вокал Юрию? Так, глядишь, я проскочу и наберу музыку для себя удобную. В эти 10 дней партитура должна быть окончательно скомпилирована.

17 февраля 1993

Среда, мой день

В прессе сообщение, что Моссовет решит или уже решил — быть ли ему учредителем театра «Содружество актеров Таганки» под руководством Губенко. Заседание 22-го. Вызывается или приглашается Бугаев. А он заявляет, что без Любимова он не пойдет. А Любимову туда ходить не надо, по-моему. Короче, дело идет к суду.

17 февраля 1993

Среда, мой день, но бойся его, Близнец!

После репетиции душа и сердце раскрыты, ранимы, усталость и счастье после стихов, где все прочитано тебе и про тебя. Вдруг — ушат холодной воды. Лара, Лариса. Из всех женщин, которые прошли по моему сердцу, кажется, одна ты не презиралась, не скандалила в быт, в пошлость. Какое счастье, что мы не поженились с тобой! Брак портит воспоминания. Ведь любил же я Шацкую, ведь помню, как от ревности плакал, — и что теперь осталось от этого всего?!

19 февраля 1993

Пятница. Театр, гр. № 307

Любимов. На него было вчера страшно смотреть. Сначала он ругался, как в лучшие годы, потом повторил несколько раз фразу: «Я сегодня же дам телеграмму президенту, что я отдаю назад ваше гражданство! Со мной обращаются хуже, чем при коммунистах, вызывают к прокурору!» У него мозга за разум заходит, да еще так подвел Шнитке. Кажется, он мало-помалу отказывается от попыток, от требований петь ненаписанные ноты, петь прозу как ни попадя.

Я буду вспоминать эти счастливые дни, когда я жил только ожиданием репетиции, приходил в эту комнату, переодевался, ждал Сашку, которая принесет какую-нибудь новую еду, читал роман, писал дневник, слушал фонограммы. Я буду все это вспоминать и плакать. К тому же я дивно вдохновлялся на этом диване.

20 февраля 1993

Суббота

Занимался утром аккордеоном, подбирал сопровождение к сцене с Гордоном — Любимову не понравилось. Будет, очевидно, «Не одна во поле...» На ней почему-то и голос звучал.

Шифферса вчера я посетил. Взял роман, оставил пленку. Жалко, что говорил только я и опять о делах театра, о нашей с Филатовым переписке.

22 февраля 1993

Понедельник

— Молодец! — сказал Любимов после исполнения мной в финале с Ларой — «В лесу казенной...»

Какие-то победы были и в сцене с Ливерием. В общем, день был с плюсом, полезный. Еще три-четыре бы таких ключевых дня, и я был бы спокоен перед отъездом в Японию. Молился за Любимова, просил у Бога удачи ему.

Ш и ф ф е р с:

— Если он спрашивает, кто может сказать, что Золотухин человек чести, я могу сказать. Передай Филатову, а если я его увижу, то сам скажу о том, что Золотухин — человек чести.

А может, за свой счет издать «Дневник»? Не хочется терять Тверькомбинат. А если Можайск..

26 февраля 1993

Пятница

Нет, прогон получился. Шеф был веселым после первого акта, после второго сиял, усталый и счастливый. В прогоне он всех успокаивал, подбадривал, посылал своих лошадей вперед лаской — стратег педагогики!

Завтра мы улетаем в Японию.

27 февраля 1993

Суббота. Япония, Токио

Художник Юрий Васильев снял посмертную маску поэта. Господи! Господи! Сколько совпадений! У меня маска Володи, снятая Ю. Васильевым.

Любимов стал показывать мне сон Живаго, записку Лары. Взял мою бумажку — и замер! Что это? «Павел I, Павел I, Павел I, Казань, Ашхабад, Норильск, Мурманск» — попался ему сентябрьский репертуар.

— Когда же ты на Таганке работаешь?

Такой ужин замечательный — весь мясной, сакэвочный. Немного холодной рыбы в уксусе и картошки обжаренной. Кормила меня Демидова. Сидели на полу, на подушечках, обувь сняли. Что же они, черти, не предупредили! Хорошо, я душ принял и носки чистые. Пытались петь «Дубинушку». Демидова считает, что будет прокол с Ларой. В ней нет энергии никакой...

1 марта 1993

Понедельник «Эдмонт», № 886

Все замечают, что я очень увлечен «Живаго». «Он так загорелся, что не чувствует усталости, он потерял счет времени, он превратил ночи в дни». — Так говорит Шкатова.

Мудрость японская: «когда ты видишь чистый лист бумаги, подумай сначала, как он прекрасен».

5 марта 1993

Пятница. Молитва, зарядка, душ

Все чем-то занимаются, смотрят Токио, наблюдают японцев. А я хлопаю себе по ляжкам ритм «Вифлеемских царей», а я ишу лазейки к душе Агаповой — есть ли она у нее?! Есть, есть, отыщем, а нет — сделаем ей «железную», Вакху подобную.

Тамара слишком много значит в моей жизни, она — мой Моцарт, мой Альцест, мой Павел I, она — моя жизнь, она — мой Сережа, мальчик мой, тростинка моя грустная, дождик мой тоненький, одинокий.

6 марта 1993

Суббота. Молитва, зарядка, душ

«Москва. Канцелярия президента Ельцина. Камчатovu Владимиру Федоровичу.

Уважаемый Владимир Федорович!

К сожалению, мы с Вами до сих пор не нашли возможности обменяться мнением и информацией по печальному для всех нас

вопросу о разделе театра. Пожелание президента выполнено: голосовали, голосовали — разделились. Остальное, казалось, — дело техники. Если администрация города поддерживает создание нового театра с новым репертуаром — чего проще подыскать им помещение? Для экономии слов приведу пример достаточно, извините, бульварный, но из собственного опыта и многое объясняющий. Когда я уходил от первой жены, жизнь предлагала мне разные варианты, например, врезать замок в одну из комнат трехкомнатной квартиры и привести туда свою новую беременную жену. Так же вольно была поступить и бывшая супруга — в свою комнату врезать свой замок и жить там с другим мужем. А с дитем по очереди бы встречались у четырехконфорочной плиты. Люди все взрослые, цивилизованные, как нынче принято говорить, места хватило бы всем. Нетрудно представить, чем могло кончиться подобное соседство. Если бы энергию, которую они потратили почти за полтора года на этот скандал, они израсходовали бы на создание хотя бы одного спектакля, у них получился бы шедевр. Я очень надеюсь по возвращении из Японии на личную встречу. Убежден, что мы найдем взаимопонимание.

С уважением, Валерий Золотухин.

Гастроли Театра на Таганке в Токио».

Это тоже страница утраченная из моего романа.

7 марта 1993

Воскресенье. Молитва, зарядка, душ, кофе

Вчера во время чтения сюжета «Бритвы» Боровскому и Глаголину позвонил шеф, пригласил поговорить. Время ушло на следующее:

— Я соберу корреспондентов, я им такое расскажу, с фамилиями, что президент вынужден будет выбирать: я или ваш засратый Камшалов-Камчатов, и, конечно, он выберет меня. Вы все запуганные советские совки, а мне плевать... Если они посмеют разделить театр, я тут же сяду в самолет и уеду.

Шеф сказал, что я должен перепеть еврейскую молитву.

— Ну, пой русскую, только не дергай себя за кадык!

Кажется, делая зарядку, я набрел на решение — чем клянчить у Масловой (сама принесет!), спою на свой лад: «Господи! Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия, празднословия...» Пушкинская молитва из «Странника», которую А. С. в стихи превратил.

8 марта 1993

Понедельник. Молитва, зарядка

Шеф ест замоченный миндаль — решил похудеть.

10 марта 1993

Среда, мой день. Молитва, зарядка, душ

Вчера Глаголин говорил с Москвой. Я слышал, как он диктовал Гурьянову мое письмо Камчатову. Господи, помоги нам!

Но Марья права: отберут они огород или не отберут — зависит от способностей Губенко и нашего родственника. А там все очень просто — перегородить лестничные пролеты, чтоб не нарушать архитектурной целостности. Даже отгородиться ширмами. Факт в том, что Коля поставил для себя это целью жизни — разделить, а потом наследовать.

Вот когда будет нам п...

Шеф. Затронули вопрос о разделе, о сборище в Моссовете.

— Мне советовали не ходить, и я правильно делал, что не ходил. Они ведь станут выводить меня из себя, чтоб я наговорил, хлопнул дверью. Опять газеты, шумиха... Вот он, такой-сякой, мучит, морит голодом детей наших. Я пошлю своего адвоката. Так что мне сказать? «Он не хочет своих товарищей пустить на 1/4 театральной территории. Репертуар легко переносится на любую новую сцену, но почему они должны ютиться где-то в кинотеатре?» Он подает в суд за нанесение ему морального ущерба, и мы подаем в суд за нанесение морального ущерба и закрываем театр. Спектакли мои, Губенко подписал авторское право режиссера. Вот я и снимаю репертуар. Вы меня поддерживаете и останавливаете театр. Вот это я и хотел услышать.

11 марта 1993

Четверг. Молитва, без зарядки.

Морской рынок

Да почему же и тысячной доли того богатства и разнообразия не видел я до сих пор?! Да и смотреть не хотелось — осьминоги, моллюски, тунец, мясо кита...

С огромным удовольствием слушал Демидову — умница, глубокая какая-то, образованная и не сухая, не скучная. Замечательно. Слушать ее одно удовольствие.

Любопытную версию «Вишневого сада» вывела Демидова из Японии (ради этого ей сюда нужно было приехать) — начало века в России, увлечение японским туалетом, духи, сакура, кимоно. Демидова второй акт хочет сыграть — выйти в кимоно. Удивительно поэтическая версия, ради этого стоит восстановить «Вишневый сад».

12 марта 1993

Пятница. Молитва, зарядка, кофе

Смирнов:

— Я хотел написать... Леонид! Ну, кто виноват, что Золотухин женился на Шацкой раньше, чем ты? Ну в каждом же слове зависть и месть, прав твой юрист-криминалист...

Демидова:

— Иван Дыховичный сказал мне, что Володя ему сказал, что «Нейтральную полосу» он посвятил мне. Он тогда за мной ухлестывал.

Записал я и не понял, кто за ней ухлестывал. То, что за ней ухлестывал Иван Д., было всем видно и понятно.

В России Хасбулатов собрал чрезвычайный съезд, режут Ельцина. Вернемся в страну коммунистов опять, в страну Бабуриных.

14 марта 1993

Воскресенье. Молитва, 90-й псалом

Они публично скандально судили Любимова — пункт за пунктом предъявлял ему Губенко. Они вынесли ему приговор, а так как это стало историческим свидетельством, все это снято на пленку, кочует из дома в дом и копируется (см. «Скандал»), они вынуждены теперь приводить приговор в исполнение и оправдать и доказать его справедливость. И это стало целью всей оставшейся жизни Николая Губенко — вот в чем дело.

17 марта 1993

Среда, мое число, мой день

Чем моя профессия меня потрясает, привлекает и дорожит — в ней можно бесконечно врать, бесконечно выдавать себя за кого-то другого, можно выдумывать себе прошлое, если не целиком, то отчасти, и порой это может быть забавнее целого. Можно бесконечно восхищаться тонкостью строя своей души — «я чувствую Пастернака так же хорошо, как он сам себя, и даже лучше». Но тут же можно с солнечной ясностью понять, какое ты дерьмо, если у тебя в запасе было столько времени и ты в «21-й км» написал три страницы чужими словами.

— Что вам мешает в работе над «Живаго»?

— Есенин, а конкретнее — «Анна Снегина». Я не могу освободиться от совершенства и музыки, а главное, от какой-то немыслимой человеческой теплоты этой поэмы и образа Анны, сидящей в ложе Юсуповского дворца.

22 марта 1993

Понедельник Молитва, зарядка, душ

Ты печалился вчера и сидел понуро в отчаянии тихом, что Ельцин засел в Кремле и ввел президентское правление. Паника в рядах — «куда мы возвращаемся, в какие хаос и бойню?» Но потом ты уговорил себя, что, в общем-то, тебе на все наплевать, кроме «Живаго»! И долларов в «Олби». Главное — ты хорошо играл последнего «Годунова», голос у тебя звучал на 100%, и закончил ты гастроли достойно, без особого успеха и шума, но... тебе одному два букета подарили две красивые женщины, японка и русская. И ты как бы герой.

23 марта 1993

Вторник. Молитва, зарядка, кофе
 Письма прощальные.
 Самолет над проливом.

Бортник свистит в ухо Глаголину. Панышин бродит по самолету, справляется у всех о самочувствии. Как грустно, как хорошо не пить. Похожее состояние — дрожь желаний напряженных — было у меня в Греции, когда в каком-то номере, на конуру раскольни-ковскую похожем, писал я дневник и письмо Любимову. Как же я так обманулся в Губенко! Жалко. Но ведь он то же самое может сказать и обо мне. Нет, не может.

У самого Владимира Фомина была с детства обида на родителей, на отца — он его далеко как не почитал. Я не хочу разбираться, достоин он, его родитель, почитания или нет, но не Фомина его судить, не сыну отца — вот что я хочу сказать. Да ведомы ли Фомину В. С. мотивы, которые в основу поступков его отца легли? Думаю, что нет. Несправедливости жизни? Да! Обиды? Да, но судить за то и приговаривать... Вот тут вспомнешь который раз Матрену Федосеевну: «Не судите отца за то, что касается только нас с ним!» А в глаза-то она ему плевала, но то — она, у нее на то резоны были, очевидно. «Я любила его (а уж за что она его любила?), а он от Катькиной матери к Ивановой ушел. Бог ему судья!» Кто его знает, чего он искал. Любил женщин, что ж поделаешь. Не водку жрать — баб любить, это занятие покрасивше будет на земле. Хотя опять же — каждому свое. Родительская опека, наставления в обычном понимании — все это было не со мной, и рано ушел я из-под крыла родительского, и ушел далеко в мир, в жизнь им не ведомую и непонятную... Я рос и учился сам и отвечал за все сам, сам выбрал жену, сам пришел к Богу и дорогу свою прохожу единственную без всякой на то помощи родителей, тетюшек или братьев. Все они были далеко, а иных уж нет. Но это не значит, что я у них не учился. Я приспособил свой характер к жизни и профессии. Мне с моим характером лучше выигрывать терпением, трудом, фланговой стратегией, компромиссами. Смирение — вот, быть может, качество, унаследованное и объясненное во мне моими тетюшками и матерью. А потом, конечно. Тоней. «Беги, Валерка, отсюда, беги, брат!» И с Нинкой надо было развестись, и встретить Тамару, которая по-своему чрезвычайно повлияла на меня, воспитала меня. Ее мнением, быть может, я дорожу больше всего на свете, потому что ей дано знание. Прошла страсть, прошла любовь в кровати, ужасно больно, но как это все вернуть? Надо было родить Сережу. Неужели Денис будет долго обижаться на меня? Да, остался он без отца. Но, во-первых, отец был где-то рядом и все время проявлялся так или иначе. Можно было больше затрачивать отцовской любви и больше времени, но не скажу, что Сережа этого увидел больше. Я не умею воспитывать, я плохой отец, но неужели дети будут судить меня за это, а не принимать единственное — родитель! Не надо меня любить, надо знать, что я родитель, и все отсюда следует. Почитай отца и мать, не обсуждая.

2 апреля 1993

Пятница. Гр. № 307 перед «Годуновым»

Отдайте костюм, сволочи, возьмите порнографию, не повезло мне с ней, верните костюм! Я сшил его для сцены. Зачем он вам? Я в нем проехал почти всю Америку, я ни разу не гладил его, он мне почти подарен замечательным, чудесным человеком, единственной женщиной, позаботившейся о моем внешнем виде на официальных сборищах, — Эскиной Маргаритой. И вот вы его сперли! Неужели вы не читали гоголевской «Шинели», из которой и вы, быть может, вышли. Кто из вас в него влезет? Понесете вы его в скупку? Господи! Ну за 30 000 съездил я на бывшую дачу Рыжкова. И вот наказание — второй раз из машины уносят у меня портплед с концертным одеянием. Жалко.

Странно, почему не взяли гитару? Нет, это хорошо, что не взяли, хорошо бы, чтоб ничего не взяли.

В театре плохо. Тихая забастовка противоположного лагеря. Чего-то они замышляют, возьатся, мы ничего не знаем, будто бы на 5-е какая-то комиссия в Моссовете назначена.

5 апреля 1993

Понедельник. Утро без зарядки, без молитвы

Зоя. Крестить ее надо. А когда?

Я всем говорю, что остался за Любимова, а остался я всего лишь за себя, и ни за кого другого.

Сегодня Моссовет. Надо ехать к Бугаеву.

Вчерашний Моссовет — это и не Моссовет, а обмен юристами, информацией и обоюдной аргументацией. Был я всего лишь час, записывал на магнитофон. Наша сторона выглядела значительно убедительнее с правовой точки и оценки. Губенко говорил: «Я тут ни при чем», что дало мне основание спросить у него: «Если вы ни при чем, тогда зачем вы здесь?» Предложил перенести решение вопроса до окончания срока действия договора-контракта и Устава театра. Удивило меня открытое заявление товарища из Моссовета, что их решение о разделе театра (то, что висело у нас в театре) — незаконное. Вот так — незаконное и все... Подпись — «Гончар». Он подпisał незаконный документ. В общем, они сами запутались, впутались и сели в лужу. Представитель Камчатова ухватился за пресловутую бойлерную, которая делится путем компенсации.

9 апреля 1993

Пятница. Утро

Вчера — СГД — поддержка президенту. Познакомился с Гайдаром. Он вспомнил, как я приезжал к ним в школу. Жена Войновича пригласила... Разговаривал с С. Филатовым (помощник Ельцина). Он сказал, что Б. Н. отозвал свою подпись и что он уговорил,

убедил его не вмешиваться в дела Таганки. Снять надо вообще этот вопрос. Да-да...

15 апреля 1993

Четверг. Молитва, зарядка

«Павел I» — хороший спектакль, кричали «браво!».

Хейфец: «Мне сказали, что Борисов был в шоке некоторое время, когда узнал, что ты сыграл Павла I. Он не мог представить себе...» Вечером меня ждал звонок Глаголина — опять заседание малого Моссовета по разделу театра. Губенко и К° напуганы решением президентской команды передать театр из-под Моссовета в Россию, в Министерство культуры Федерации. Это предполагает, по их представлению, реорганизацию театра и, стало быть, его полный или частичный разгон.

Не дождусь Любимова, никогда не думал, что так когда-нибудь буду страдать, так скучать без него. Довели артисты. Не умею, не хочу руководить.

Жуткое настроение — мы пришли присутствовать при аплодисментах Н. Н. Губенко.

— А Николай Николаевич согласен быть руководителем? Н. Н., вы согласны? — Голос с места.

— Согласен. — Губенко поднимается и принимает поздравления, аплодисменты.

Господи! Юридический адрес нового образования — Земляной вал, 76. Да ведь это же наш театр, Театр на Таганке! Я видел Филатова, Шацкую, Лебедева, Жукову, Красильникову, Гулынскую, Погорельцева, Матюхина, Корнилову. Почему-то мне стало жаль Демидову — зачем она метала бисер в прошлый раз, зачем она так убедительно, так умно говорила. Для кого это говорилось, если у них заранее решено: Театр на Таганке — имущество Москвы. «Чтобы не мы судились с президентом, а президент с нами».

Глаголин дозвонился Любимову. «Можно не приезжать». Говорил и я. У Любимова бодрый голос, пытался эту бодрость от репетиций передать и я в своем «уехавшем» голосе. Получилось ли?

«Известия» напечатали, что Любимов незаконно репетирует «Доктора Живаго», не договорившись об авторских правах с Фитринелли. Снова возникли Фитринелли, издательство. Пец* может разориться — эта игра опасная. На вопрос, где вы взяли авторское право на «Живаго», Любимов ответил: «Я был знаком с Пастернаком» — и сослался на... сына. Но авторское право на «ДЖ» принадлежит издательству до 2000 года.

16 апреля 1993

Пятница. Молитва, зарядка

Великий мастер скрипок Страдивари находил материал для создания нового инструмента среди заборных досок. В Б. Исток

* Пец — продюсер проекта «Живаго».

отправлены 10 000 рублей. Господи! Спаси и сохрани! Это моя жизнь, храм мой поднимется, люди! Поднимется! И люди помянут меня добрым словом.

В театре кто-то сеет панику — придет Губенко и всех, кто за Любимова, выгонит.

17 апреля 1993

Суббота, великая суббота

Кончилось мое администрирование — завтра Любимов прилетит.

21 апреля 1993

Среда, мой день, без молитвы, без зарядки

А с «Чонкиным» вроде бы всерьез начинается дело. Сегодня отвезу на «Мосфильм» фотографии. Тамара сказала, что директор согласен платить по 300 долларов за съемочный день в пересчете на рубли. А если они 50% выплатят в мае — совсем будет хорошо. Тамаре доверенность... и путевку в Крым.

К молодым:

— Вы пропускаете уроки Любимова, режиссерские, актерские, человеческие. Ведь этого вы никогда не увидите, ведь это вам подарок на всю жизнь. Сейчас вы этого не поймете, может быть, но это всплывет, нахлынет, затопит вас когда-нибудь. Репетиции идут напряженные, нервные, многослойные — он занимается и светом, и балетом, и музыкой, но ведь и мы не самое последнее выразительное средство в спектакле...

24 апреля 1993

Суббота. № 307

«23 апреля 1993 г. исполняется 29 лет Театру на Таганке. Благодарю тех, кто сумел в меру своих сил сохранить театр. Надеюсь, что наша компания отпразднует в своем кругу 30-летие театра». Ю. Любимов.

Большая мера и, может быть, главная в сохранении театра как организации духовной и как производственного монолита принадлежит А. Эфросу. Даже вынужденная и, тогда казалась, дикая мера — никого не отпускать ни на какую сторону, эта его сговоренность со всеми административными точками — принесла, как теперь понятно, наиположительнейший результат. Вечная память вам, дорогой Анатолий Васильевич!

30 апреля 1993

Пятница

Любимов вчера на результат решения Моссовета о разделении театра и передаче Губенко новой сцены:

— Не расстраивайся, Валерий. Здесь, я думаю, мы отвоюем. Главное — смотрели люди прогон «Живаго» и говорят: «Хорошо, так хорошо, что страшно!»

Я готов был разреветься и застучал по дереву, он — по кирпичам. И пошел он, уставший и обремененный ожиданием ответа на телеграмму президенту, к студентам.

1 мая 1993

Суббота. Самолет

Разобраться — отчего, к примеру, тухлое настроение после прогона. И плохо ли это или наоборот. Смотрел я как в воду: раз Любимов после I акта похвалил: «Ты начал мыслить, все видеть, слышать», то после II акта должен был ругать и быть недовольным. Я даже это высказал в антракте и получил:

— Зря я тебя похвалил. Ты пережал... ну, это понятно.

Но настроение и квас не от того. Были у меня победы и во втором над собой. Я взял высоко в псалме, и спел, и выиграл, и был доволен, как ответила глотка.

Шацкая радуется — наконец-то разделили наш театр, Ой ли, ой ли?.. Как не хочется доставить им радости.

2 мая 1993

Воскресенье. Вена, отель «Табор», № 504

Приехал шеф. Страшные вести с первомайской демонстрации коммуняк — кровь, жертвы... И все это где-то в моем районе, были бы живы дети мои.

3 мая 1993

Понедельник. Молитва, зарядка

— Неру, — сказал Любимов, — 20 минут на голове стоял... И вы стойте, может, поумнеете.

Услышав и восприняв это, я к своей двухминутной норме прибавил еще 100 единиц. И у меня получается: Иисусова молитва + 300 единиц счета, 3 или 5 молитв пушкинских, — это минуты 4. Итого — 7 минут.

После репетиции пили с шефом чай — я принес кипятильник, чай и сахар. Быт у шефа не налажен. Надо бы кого-то за ним приставить, какую-то девчонку или мальчишку. Но он ведь так... никого не подпустит. Галина старая и ее нет с нами. Марья Полицеймако... Надо ее селить где-то поблизости от шефа. Я увлекся «Красным драконом».

7 мая 1993

Пятница. Молитва, зарядка, обжорка

Какая-то странная летучка перед репетицией.

— Я вам гарантирую по 90 марок суточных. С каждым у меня будет отдельный расчет. В конверте. И все претензии ко мне. Это не японская фирма, для которой наши гастроли так, пустяк, мелочевка. Здесь фестиваль и деньги здесь личные.

8 мая 1993

Суббота. Молитва, зарядка, кофе

Легенда уехала в эмиграцию, умерла, чтоб ожить в потомках. Легенду трудно родить, а обгадить ее невозможно. Я проехал 20 городов в Америке и на каждом концерте были записки или устные слова: «Самое дорогое, что мы оставили в Советском Союзе, — Театр на Таганке».

9 мая 1993

Воскресенье. Молитва, зарядка, завтрак

Но... ребята, знаете ли — сон-то в руку. С утра шеф сообщил:

— Звонили из Москвы. Есть решение, распоряжение мэра Москвы Лужкова сохранить Театр на Таганке как единый и неделимый.

— Там Моссовет решил... а тут какой-то мэр, тоже мне генерал-губернатор. Театр принадлежит Моссовету. Кто сказал, что он принадлежит Лужкову?

— А что, если Любимов плюнет и не станет подписывать контракт на 94 г.?

— Ну... театр приносит ему доход, опричь его контрактов, и пока он приносит доход, так просто взять у него... Ведь каждые гастроли театра... ты посчитай, Таня Сидоренко.

— А если с ним не подпишут?

— Такого быть не может — раз. Во-вторых, если будут заделаны гастроли, ему будут платить авторские за его спектакли. Сейчас его задача — продать, прокатать «Живаго» во всем ему доступном мире. Более того, авторство спектаклей наследуют жена и сын.

Каждая роль актера (хорошего) — это повесть, рассказ, новелла. Спектакль (удачный) — это уже и на роман тянет. И хорошо, что с нашей смертью никто не читает наши романы-роли, они чаще становятся легендами и не мозолят глаза в библиотеках иному поколению зрителей-читателей. Так что наша работа, если с другой стороны глянуть, даже и привлекательнее, чем писательская, которая оставляет после себя документ, подтверждающий, что автор — бездарность, зря изводил бумагу и домашних и утруждал современников чтивом своим.

А главное, Валерик, это не относиться к себе слишком серьезно и уметь смеяться над собой и тобой сделанным, сыгранным, сочиненным. Не можешь не писать — пиши, но относись к этому соответственно и не обижайся на сыновей, что они тебя не читают. Еще прочитают — слава Богу, написал ты так мало, что за вечер все твое можно пролистать.

10 мая 1993

Понедельник 9 час., молитва, зарядка, завтрак

Шеф, увидев «мерседес»:

— У меня такой же, только цвет другой. Первый раз, я помню, получил кайф, когда сел за руль, посадил Катюку — поехали! После удачной премьеры в Штутгарте — 180-200 км в час. Через 4 часа мы были в Болонье. Дурак! Вспомнить страшно — зачем так гнал? Но кайф!

И я его понимаю — самая дорогая машина, удачная премьеры, молодая жена.

Господи! Сегодня приезжает гениальный композитор! Пошли мне спокойствия, достоинства и музыкальности на показ ему. Это очень важно — не разочаровать Альфреда. Он хорошо ко мне относился до сегодняшнего дня и, думаю, в какой-то степени надеется на меня тоже. И голоса свежего пошли. Конечно, я уставший, но вдруг снисходит какая-то сила на тебя, и прет звук чистый и сильный. Впрочем, на все твоя воля, Господи! Так ли, сяк ли — Любимов пошли удачи и не забудь про меня!

В 18 часов Альфред обещал посмотреть наше произведение. Я нарочно не лез «гению» на глаза, как-то даже и не поздоровался. Композитор с самолета еле двигается. Озаботить его еще какими-то словами или выразить почтение и ждать комплиментов... Все я узнаю потом. Но шеф опять меня похвалил после 1-го акта — значит, жди втыка после 2-го.

11 мая 1993

Вторник. Утро раннее, молитва, зарядка

А вот этот вечер мне теперь уж запомнится до конца дней — как мы с Любимовым пили чай у него в номере, разложив куски бородинского хлеба с сыром на гигиенических дамских пакетах. Видно было по всему, что Любимов отвык от пользования кипятильником. Пока я ходил за чайными ложками в свой номер, один стакан вскипел, и шеф не без некоторой гордости сообщил, что вот он догадался сначала кипятильник вытащить из розетки, а уж потом вынуть его и перенести в другой стакан. В белом халате с желанием похудеть (и похудел) — одинокий лось. Пойти добрести до Дуная, что ли?

Передохну, выпью кофе и пойду на урок к Любимову. Господи! Что я жду от этого собеседования — любопытство. А так... Шопен концертмейстеру Воскресенской сказал: «Уйду из театра». Я ей раскрыл секрет — у них у всех появилась лазейка в связи с созданием другого театра. Любимов, может быть, и догадывается о таком возможном перебегании. Для меня-то исключено, а для других...

Гений был краток: «В целом у меня сильнейшее впечатление от вчерашнего спектакля. Я его никогда не забуду. Спасибо большое!»

Любимов остановился на моем виде, костюме, ему хотелось бы обинтелигентить меня:

— Пастернак и в ватнике, в кирзачах — видно, что Пастернак, а на нас с тобой ватник надень — мы слесаря, подозрительные типы. Тут я захохотал. Всю эту короткую беседу я записал на свой диктофон.

12 мая 1993

Среда, мой день. Молитва, зарядка, обжорка

Если в три дня Пец не уладит дела с фирмой Фитринелли, местный суд запретит играть спектакли в рамках фестиваля.

Любимов: «Любой суд будет на моей стороне, мы ставим по мотивам... Считайте, что слово „жалнушка“ — мое слово, я выдумал».

«Облагороженное внутренним содержанием лицо» — вот пока чего не хватает, вот что надо доприобрести до возможной премьеры. И если даже Любимову не дадут ее играть, это обернется пользой для него в виде очередного мирового скандала.

Псевдо — какое хорошее слово, любимое у Шнитке. Псевдятина... Вот от этой псевдятины и надо избавляться. Хуже всего быть псевдоинтеллигентом в жизни. Но на сцене создать иллюзию необходимо намеком, осторожно, корректно, просто, чтобы зритель каким-то чутьем ощутил, что мной изображаемый поэт другие корни сословные имеет, чем, скажем, Есенин, Клюев.

13 мая 1993

Четверг. Молитва, зарядка

Интересно, чем нас встретит шеф, каким порадует сообщением. В театре сорван декрет Лужкова, запрещающий раздел, и отменяют решение Моссовета-Гончара. Почему-то произносилась фамилия Руцкого, в какой связи — не понял.

Хочется скандала с «Живаго» громкого, афишного: русским не дают играть нобелиат-отказника, он все при жизни продал, и права, и Россию. Хочется и премьеру сыграть успешно.

18 мая 1993

Вторник. Молитва, зарядка

Публика немногочисленная вызывала нас, а мы соответственно аплодировали шефу, который, кажется, всех убедит, потому что роман мало кто дочитал до конца и еще меньше тех, кто его вообще открывал. Роман знают по кино, а из кино помнят только мелодию, поэтому вранье его — «3/4 вообще моего текста» — падает на благодатную почву. Кстати, за граница его в этом смысле растлила, он врет напрапалую. Мне кажется, даже сам запутался кое-где и кое в чем. Например, посещение Пастернака и беседа с ним один на один — все это выглядит подозрительно, белыми нитками шито. Станет Б. Л. перед каким-то смазливой актеришкой душу выкладывать и к тому же такие тексты выдавать: «Я не люблю ни вождей, ни оппозицию». Бред! Кто в это поверит?

19 мая 1993

Среда, мой день. Зарядка, молитва. Вена

Чего я ждал от этой работы и что получил. Я получил главное в биографии, в послужном списке, в перечне ролей — исполнитель роли Живаго? Нет! Филатов? Нет! А кто же? Я. Это состоялось. Факт, вчера происшедший, — вот главное событие последнего года жизни.

СКАНДАЛ! Ведь после вчерашнего представления в газетах может разразиться (и Губенко через свою мафию мог об этом позаботиться) такой скандал — что привез Любимов! Старых актеров без голоса!! Приму-балерину поставил за задник изображать сексуальную палитру! Тенью в ученическом платье. Хоры фальшивят и портят мелодии Шнитке. Халтура на Венском фестивале!! Не стыдно за марки продавать имя Пастернака и наживаться на давно забытом скандале советского нобелиста!! Труппа послушных баранов, подчиняющаяся импотенту режиссеру, болгающему о прошлом, приписывающему себе несуществующие подвиги, слова и поступки, изображающему себя чуть ли не другом Пастернака, его духовным наследником. Скандал может быть чудовищным и точным по узнаваемости. Вот чего я боюсь. И возвращаться домой с такой славой и такой прессой — лучше не возвращаться.

Сегодня артист Золотухин был блестящ! Сегодня можно спрашивать у него, счастлив ли он, потому что он счастлив. Благодарю тебя, Господи! И отчасти папу с мамой, сестру, Тамару и Ирбис.

20 мая 1993

Четверг, раннее-раннее утро. Молитва

Любимов был весьма груб вчера с Анькой. Она, бедная, плакала в уборной. «Пусть он свои отношения с женами выясняет, не со мной... Неделя унижений и хамства. Со мной так в жизни никто не разговаривал!» А ее финальный монолог он убрал вместе с Родионом, и, думаю, очень правильно сделал. «Ваши страдания и слезы дальше 3-го ряда не доходят», а несколько дней назад он говорил ей очень хорошие слова об этой сцене, и мне один на один. И вот перед вторым спектаклем за час до начала он убирает у актрисы весь текст и всю самовыявленческую сцену, да еще кричит и грубит ей в присутствии других — есть от чего сойти с ума. Но Анька, отплакав, собралась, и такое тепло от нее на сцене... Думаю, наши отношения партнерские и человеческие развивались не так уж и неправильно, вернее, не так, как мне хотелось — разговоры, беседы при луне. Нет, она человек свободный, независимый, очень деликатный. Таганского хамства нет в ней близко и шипом змеиным, как две подружки, не заражена она. Храни ее Господь!

На Таганке, как рассказывает прилетевшая на премьеру девочка Беляева, с депутатами приезжал в театр Губенко. Выходил на сцену, пел «Россию», читал стихи и говорил, что это наша сцена (Содружества), что скоро здесь будет поставлена С. Соловьевым чеховская «Чайка». Что это? Что за разбой?

Важно. Все театральные веды — критики, историки — из Америки, Франции, Германии, с которыми я встречался, определенно и автономно высказывают радостную мысль, что не зря приехали и увидели «Живаго», что Любимов не кончился, а «Живаго» — начало новой Таганки, новой эстетики, музыкальности и театральности. Что у книг, которые они пишут о Любимове, теперь будет замечательный конец, предполагающий рождение и развитие. Это очень важно. Гораздо важнее того, что в какой-то газете меня назвали «бриллиантом». Пока не увижу — не поверю, во-первых, а во-вторых, я и сам это знаю про себя. Интересно, во сколько оценивает этот «бриллиант» Любимов?

23 мая 1993

Воскресенье. Молитва, зарядка, душ

И вот сегодня — прощай, Венский фестиваль, прощай, венская публика. Прости меня, публика, если я тебе мало угодил и совсем не напомнил Омара Шерифа — каждому свое. Будь милосердна, публика, и поаплодируй на прощание погорячее. Я сегодня буду прощаться с моей Ларой. И ты, публика, пожалей меня, как жалеет меня иногда «рябинов куст», если его хорошо попросить. Вчера и сегодня тебе повезло, публика, с погодой — прохладно, и нет такой парилки в партере, и не стоит облако испарений над креслами. Ты можешь помочь мне, публика, или можешь изблечить, повалить меня. Не надо. Голос я все-таки посадил, а надо доиграть и псалом допеть. К тому же, уважаемая публика, сегодня прощание с театром, какую-то самодеятельность надо придумать.

24 мая 1993

Понедельник. Молитва, зарядка, душ, кофе

Шеф. Интересно его возвращение в «ливановские дебри». Вчера, позавчера, когда он был очень доволен и радости его не было конца, он мне сказал:

— Вот теперь в конце можешь чуть-чуть усилить отчаяние.

Много говорить мне не надо, я понял, куда надо брести, и он рад, что марионетка Золотухин послушен его рукам. И рад, конечно, я, что могу быть послушным, что есть возможности и талант волю его выполнить. Это взаимопонимание дает плоды. Но мне другое поразительно в шефе — как он возвращает иногда вещи, резко им отвергнутые, но возвращает он их, конечно, в ином свете и в своей коррекции. Это потрясающе!! И опять и опять — нет, он не хочет, чтоб было хуже.

26 мая 1993

Среда, мой день был, оказывается

Молитва, зарядка, душ

По дороге в Германию у какой-то речушки, из Альп текущей, встал в последний раз головой на венскую, австрийскую землю,

подстелив куртку им. Любимова, в Мюнхене приобретенную. Как мне хотелось, чтоб мое на головостояние увидел шеф, и он увидел:

— Молодец, Валерий.

Такая детская, холуйская доверительность, чтоб хозяин поощрил, заметил, погладил по головке. Так и проходит моя жизнь в рабочих у Любимова. И чем она отличается от жизни в рабочих моего родителя у хозяина Новикова?! Редко кого отец вспоминал с таким добром и уважением, но зачем-то убежал от него в революцию, а чтоб с подвигом явиться к бедняцкому вождизму и смутьянам, взял да поджег сукновалку. Ну зачем он уничтожал добро? Грабеж, дележ, разбой — «до основанья, а затем...» За какую новую жизнь надо бороться уничтожением труда рук человеческих, в том числе и его. Ведь он был работником хорошим, на хорошем счету у хозяина. Приносил матери, Елене Александровне, бабушке моей, какие-то заработки свои. В батраках... ну а что в этом? Осталась мать без кормильца, отдала мужичков в работники — постепенно, глядишь, снова встали бы на ноги. Бесы.

27 мая 1993

Четверг. Молитва, зарядка, душ

Меня это забавляет и, не совру, поднимает в собственных глазах. Ведь состязание с Филатовым, ревность и прочее все равно происходит, так ли сяд ли? Ведь многие думают, что Шацкая бросила Золотухина и предпочла его Филатову. Кто талантливее, кто знаменитее, тот и богаче. Соревнование происходит на фоне и по отношению к Денису, к сыну. Эту фразу Нинкину я никогда не забуду. «Не звони Денису, дескать, не проявляйся особо, его воспитывает другой человек, другого уровня». Вот этот уровень, который, по мнению Шацкой, гораздо куда как выше, заоблачно выше золотухинского, мне и хочется всем показать. Но главный закоперщик этого состязания — сам Ленья. Безумно тщеславный, жестокий, злой человек, но не лишенный ума — что приводит его к таким проявлениям? Кроме состязания профессионального, где он, как ему кажется, особенно после «Сукиных детей», достиг большого перевеса, происходит состязание нравственно-человеческое, и тут у него происходят страшные проколы. Эфрос — это чудовищное нравственное пятно, и тут они с Губенко кровно повязаны, хотя от публичных проявлений, оскорбительных проявлений Бог Кольку миловал. Филатов же вялпался всей своей жизнью, а значит, там многое напугано в голове. И вот теперь с Любимовым, И тут он пошел против Золотухина, истерично закрыв глаза и очертя голову, не посмотрев толком, в какой стороне противник и не гнушаясь никакими средствами. Мне жаль его. Но соревнование будет продолжаться, хотим мы того или не хотим. Ведь почему-то я так не хотел, я молил Бога (хотя я вру — нет, не молил, это я написал в «Зеленой»). Я не хотел, чтоб Нинка родила от него, это да, но не молил — это глупость. Дети — это мой козырь непобиваемый, это его, быть может, в конечном счете бесит больше всего. Всякое пораже-

ние Любимова есть поражение Золотухина в первую очередь. Это только надо на секунду, Господи прости, представить, как он ждет провала «Живаго». И даже не столько художественного провала, сколько ждет он критику, убийственную, минкинскую, чтоб все от начала до конца в спектакле было осмеяно и обругано. Вот чего он ждет и за что он заплатил бы дорогую цену. Любопытно — состоялась ли вчера объявленная репетиция «Чайки»? 8 ролей, Нина, Треплев — должны быть приглашенные. Все остальные будут изображать народ, русалок и перейдут в рабочие сцены. Почему не назвать театр «Сукины дети»?! Кассовое название, под стать Герострату. Храм театра превратили в храм Герострата.

6 июня 1993

Воскресенье. Троица — великий праздник

Главные события — в театре. Губенко со товарищи приходит, занимает 310 комнату, при помощи депутатов проходит в театр. Депутаты требуют от бухгалтера документы на аренду, угрожают. Что касается репетиций, тут, я думаю, нельзя это квалифицировать как безобразие и хулиганство — надо приветствовать и ждать решения суда.

Любимов из Греции вернулся неожиданно быстро.

15 июня 1993

Вторник. Молитва, зарядка, кофе

Главным событием вчерашнего дня стала пресс-конференция Любимова перед премьерой. Ужасающая как по вопросам, так и по ответам. Журналистов было огромное количество, испуганных, подозрительных, недоброжелательных. Такое впечатление, что у каждого из них уже все написано в презрительно-уничтожающей форме, что они пришли зачитать приговор убийцам. Ко мне единственный вопрос: «Не удивило ли вас назначение на роль Живаго?»

Думаю, что у Любимова не было выхода. А удивления мои начались давно. Когда я пришел из театра Моссовета, где играл Недоросля, ребят с баяном, аккордеоном, то у Любимова я получил Грушницкого. Высоцкий — Гамлет, тоже многие удивлялись. Любимов: «Даже закрыли спектакль, что это за Гамлет?» Ю. П. назначил меня на Дон-Жуана. Я, говорю, не Дон-Жуан. «У меня другого нет!» Так и с Живаго. Я, конечно, прячусь за юмор, а на самом деле у меня страх... Но я знал, что спектакль будет музыкальным, поэтому какой-то шанс у меня был.

4 июля 1993

Воскресенье. Молитва, зарядка, кофе

О жизни своей последнего времени не хочется вспоминать, особенно о собрании 30 июня, когда я требовал от людей подчиняться моему призыву, моей формулировке — «ни дня больше с

ними под одной крышей!». Формулировки я провел, в газете напечатано, но на душе — свинец и осадок. Форма, в которой я истерически требовал, кричал, тыкал пальцем, убеждал, неволил... Оппонировал мне Граббе А., и резонно. Но они не понимали, что в этой ситуации скорейшее принятие решения общего собрания не привело бы к этой разрозненности мнений. Меня поддержали Полицеймако, Демидова, Антипов. Все выжидали и молчали. И стало мне обидно от сознания, что деньги у нас в разных банках и, защищая интересы Таганки — Любимова, я защищаю свои вклады, то есть это опять личная заинтересованность.

Марк Купер прислал стихи.

Как беспросветно длилась сага
Учения передового,
В литературе — без Живаго,
А на Таганке — без Живого.
Почти сто лет нас душит Яго.
Не додушил. Мы дышим снова,
Мы смотрим притчу про Живаго,
Мы смотрим повесть про Живого.
Ура, таганская шарага!
Не разменяла золотого!
Глядит Европа на Живаго,
Россия видела Живого.
Ах, Золотухин, бедолага,
Из сельского — да в городского,
Чтоб за полгода стать Живаго,
Он двадцать лет тащил Живого.
И четверть века штормового
С собой мы носим фляги с брагой.
Нам есть что выпить за Живого,
Нам есть чем чествовать Живаго.

Спасибо, Марк! Ты прослезил меня.

Денис будет поступать в семинарию и надеется, что поступит. Если все будет угодно Богу, я со временем стану отцом священника.

Любимов уехал куда-то, помахал крылом до Бонна. Что-то мне тревожно за 6-8 дней. Как бы чего не случилось, как бы содружество не устроило реванш какой-нибудь.

Любимов говорил с Б. Окуджавой, которому понравился спектакль. «Я верю Золотухину, что он может эти мысли произносить...» — какое-то подобие комплимента в мой адрес. Что вот, дескать, казалось бы, это не свойственно Золотухину, а у него получается. Ничего не понимаю.

5 июля 1993

Понедельник. Помывка ранним утром

29-го суд мы проиграли, но я сказал, что это победа. Обосновать свое интуитивное ощущение я не смог. Более омерзительного поведения «победителей» после оглашения решения суда я представить не могу — крики «ура!» и т. п.

Прочитал нобелевскую лекцию И. Бродского. «Не стремитесь в лидеры, это не принесет вам счастья. Берегитесь тех, кто слабее вас, а не тех, кто сильнее».

7 июля 1993

Среда, и это мой день

Когда я с Киевского вокзала тащил эту неподъемную сумку, я спрашивал себя: «Ну что за люди? Как они могут так надо мной издеваться? За что я это от них терплю?» И тут же отвечал себе: «Терпи-терпи, от тебя люди больше терпят!» — и примером тому почему-то пришло на ум наше собрание, где я истеричничал, срывался, требовал категорических, ультимативных формулировок — «смертной казни» отступникам. А вчера Глаголин мне и говорит:

— Послушай меня внимательно. Я уже... мне нечего больше ждать и искать. А вы еще можете. Я имею в виду тебя, Демидову, Трофимова, тех, кто защищал Петровича. Вам надо продумать вариант, когда после Парижа он может всех послать в очередной раз подальше. Он бросит вас... И тут вы должны быть готовы создать свой театр. Демидову сделать художественным руководителем, всем сговориться и сказать об этом Любимову заранее.

— Нет, категорически нет — заранее. Каждому дню своя забота... Подготовиться на случай, сговориться — это одно, но ему... Он не бросит нас после Парижа... У него с Пецем контракт до 95 г.

15 июля 1993

Четверг

На съемках «Чонкина» в Чехословакии, г. Либуше, утро

И все-таки я ничего не сказал про раздел театра, быть может, зря, а быть может, и не зря, а наоборот — правильно. Только что были выступления Губенко, Филатова, Сайко. Особенно, говорят, гнусен был Филатов. Такое впечатление, что он все время с похмелья. «Почему мы должны зарабатывать деньги семье Любимова?» — такая фраза им была обронена.

Сергей Илларионович до конца жизни моей будет помогать мне. В «Хозяине тайги» я его образ пользовал, его повадки, говор и прищур. В «Кузькине» — тоже. И вот теперь в «Чонкине» зеркальце и часы. Будет ли так вспоминать отца Денис и Сережа? Какие черточки-черты возьмут они от меня, что вспоминать будут? И отец мой спас меня в «Хозяине», да и потом. Неудобный он был человек, грубый и властный... Но для меня, для нас, для семьи, если глядеть сверху и забыть про озверелость к матери иногда, — хороший.

18 июля 1993

Воскресенье. Молитва, зарядка, вода

Чехословакия

Весь вечер, всю ночь и по сей час я думаю о театре: как спра-

виться с Губенко. Я представлял себе, как не пускают в театр теперь уже меня, как посылают меня входить с другого входа, со стороны старой сцены, которая еще принадлежит как бы Любимову, как меня задерживает какой-нибудь Бохон и я ударяю его навахой, которую теперь буду носить с собой, или применяю газовый баллончик. Это война. Да, они вынуждают Любимова покинуть Россию навсегда. Боже мой!

До чего дошел Губенко — до полного бандитизма. Теперь ему все нипочем.

Сашка-то с Луневой ведь знают, что захватили театр, ведь там в 307-й комнате может быть жуткий разгром, книги мои могут выкинуть, или просто не пустить Луневу, или потребовать у нее открыть шкаф и выбросить книжки к чертям. И поселится там Губенко опять.

А я боюсь его. Вот в чем дело. Надо поразмыслить, чтоб он, Губенко, меня боялся. Он и так боится, боится моих книг. Но он переступил все нравственные границы, он погряз авторитеты, он встал на путь иной морали, он утверждает свою правоту оскорбленного, униженного, опозоренного — и ему терять нечего. Ему надо идти до конца, и это страшно. Он не остановится ни перед чем. И у него есть мои поддерживающие его телеграммы, которые он может пустить в ход при любом удобном случае, именно удобным. Как он использовал подлейшим образом Алкин, в общем безобидный, товарищеский жест, когда она дала ему почитать плохую рецензию на любимовский спектакль! «Добрый человек из Сезуана» — у евреев. Ну и что?!

Демидова никогда и не была ослеплена любимовской режиссурой, она всегда имела свой критический взгляд на вещи, спектакли, слова, общежитие наше. Что удивительного в том, что перенос постановки 25-летней давности на другую почву, культуру, язык и возрастную шкалу не дал желаемого результата?

Мне надо заранее обезопасить себя. В этой угрожающей ситуации Глаголин в своем алкогольном предвидении и предложении, очевидно, будет прав. Любимов не справится с Губенко один, и даже вместе с нами. Резкий шаг должны сделать власти. Иначе действительно после Парижа Любимов уйдет, отойдет, бросит все, и нам опять же, — спасая честь его и дело, играть репертуар здесь ли, за границей ли — надо что-то будет изобретать, какую-то промежуточную структуру во главе с Демидовой. У меня хотя бы есть театр Армии. Есть еще «Ревизор» с комментариями Турбина.

Прочитал я рассказы Таньки Шведовой — хороши, даже чуть слеза не прошибла от воспоминаний. Я даже помню, где я их записывал — на Пальчиковом переулке, в комнате коммунальной квартиры Шацкой, на диване, когда болел. И первым слушателем была Нинка. Первые мои опыты, первые шаги, там же была приобретена машинка «Москва». Я мечтал стать писателем. Я играл в писателя. «Пиши, Зайчик, пиши!» И второй муж у нее тоже актер-писатель-режиссер-подлец. Разнообразия в Нинкиной жизни не было, волочились за ней одни актеры — Шурупов, Васильев, Лива-

нов, Золотухин, Бортник, Филатов, да еще критик и литератор Дмитрий Урнов. Этот серьезно добивался, розы у дверей оставлял, на белых лошадях подъезжал к коммунальному подъезду. Она входила в десятку самых красивых молодых актрис мира. А вышла замуж за нищего студента без московской прописки и прописала у себя на площади в 10 кв. метров. «Это мой муж», — сказала она матери, указав на человека ниже ее ростом и в коротких штанах. Мать заплакала, а муж пошел в магазин за «старкой». Ночевать ушли в общежитие театрального института.

Я влезаю в климат, в заросли слов, идей и сюжетов «зеленой тетради». Я бы мог написать быстро, очевидно. Потому что мне более или менее ясен ход и конец. Поспросить у коллег. А у кого, собственно? Я хожу со стаканчиком к источнику и ни разу не попал под дождь, это странно. В последний мой сегодняшний выход я придумал эпилог: 18 июля каждого года, когда звенят колокола к вечерней службе, к могиле за церковной оградой подходит женщина. Ее помнят молодой. Она кладет горсть земли с 21 подмосковного километра. Она останавливается на постоялом дворе в Доме колхозника и живет три дня. 21 июня она заказывает службу поминальную. Романа еще нет, а эпилог уже написан. Эпилог моей жизни. Вот почему мне начинает нравиться отель «Либуше» города Подебрады.

Телевизор объявил, что Евтушенко 60 лет исполнилось. «В годы оттепели... — что-то брякнул диктор, — поэзия Евтушенко...»

Поэтический климат в Америке определяет Бродский, люто нелюбящий Евтушенко. Да вряд ли люто.

19 июля 1993

Понедельник. Молитва, зарядка, вода

Сегодня в 18.00 на к/с «Баррандов» просмотр дневного материала. Вот уж сегодня-то меня увидят точно.

Бродского наградили Нобелевской премией, а Евтушенко — орденом «Дружба народов». Он рано стал деятелем. Бродский ушел в себя и стал работать, говоря советским языком, над собой. Ев. Ал. стал работать на других. Он погряз в деятельности, в соревновании с Вознесенским, в битве за популярность, скандальность — быть на виду — и в бабах тоже, в ресторанах, в застолях. Вообще, черт знает как хитроумен, дьявол. И меня он сбил с толку в свое время, и меня не приучил никто работать глубоко над собой, сидеть, писать, читать и не рыпаться за водкой-юбкой часто. Да брось ты, Валерий, городить! Жил, как умел, написал, сколько отпущено. Интересно, конечно, посмотреть на ту жизнь, которую ты хотел бы прожить, что бы ты написал, каких женщин упустил бы. Но сколько дано — столько дано. Не можешь же ты всерьез сказать, что забодал свой талант, что не реализовался, — не можешь. Возможности тебе были даны редкие, случай представился, и не один, чего уж Бога гневить. «21-й км», «Покаяние», ты еще напишешь.

Почему-то сразу всплывает Губенко. Когда-то мы его просили

возглавить театр, теперь он захватывает оставленный им участок силой. Сегодня на Таганке какие-то события развернуться должны.

Так вот, к нам здесь плохо относятся — сужу по тому, как они завтрак суют. Но все-таки русский язык начинает нравиться, и братское славянское чувство нарождается чуть-чуть, где-то проявляется, не навязываемое танками.

20 июля 1993

Вторник. Утро, зарядка, молитва, вода

Ужасные вести из Москвы. Звонила Сашка. Губенко произвел территориальный захват всерьез. Все входы и выходы на новую сцену перекрыты. На служебном стоит ОМОН, и Жукова показывает, кого пускать, кого не пускать. Для наших открыт боковой вход. Глаголин ждет прокурора. Ключ от 168 комнаты Иван Егорыч выкинул Луневой в окно. В 307 не попасть. Обстановка неприятная.

Трудно представить, что будет 27 августа, когда соберутся на репетицию «Живаго». Злорадствовать будет Алешка Граббе. «Вот, я говорил... дождались...» Провести репетиции на новой сцене нам не дадут. К этому надо подготовиться. Но это тоже еще не конец. Гастроли в Бонне нельзя срывать — от этого зависит все дальнейшее у Пеца. Любимова в конце августа в Москве не будет. А что же Лужков? Что скажет прокурор? И что скажет Любимов? Но нам надо подготовить спектакль к гастролям — восстановить хоры, танцы и т. п. И быть в форме. Чья же все-таки власть — Моссовета или мэрии? Что же они, Гончар и пр., наделали? «Пусть президент судится с нами». Докатились. Жуть. Театр действительно прекратит свое существование. Выполнятся гастрольные контракты, и после Парижа — конец. Если, конечно, власти не примут крутые, принципиальные меры. Но опять же... какие и что за власти? На нашем примере — никакой власти нет. Знает ли о происшедшем Любимов? Он во всем обвинит Глаголина, а что тот может сделать, если никого нет и пожарная охрана на стороне Губенко? А Любимов на мой вопрошающий вопль, где нач. пожарной охраны: «Успокойся, он уже не работает». Наивный дед, этот Любимов. Таня Жукова выполняет свой лозунг: «Мы пойдем до конца». Они вынуждают нас уйти. Но уйдут они, а не мы. А если уйти? Может быть, этот шаг заставит одуматься власть предержавших?

Они захватывают театр, чтобы сдавать в аренду и этим корчиться, а не чтоб Любимов сдавал, грубо говоря.

Если хочешь жить легко
И к начальству ближе,
Держи попку высоко,
А головку ниже!

23 июля 1993

Пятница. Молитва, зарядка, душ, завтрак
Звонки из Москвы — осада продолжается. Перепуганные касирши печатают свои отчеты у Глаголина.

Районный прокурор: «Это не в моей компетенции». Шацкая комиссарит в театре — проводила Сашу до 307-й, но пачки вынести не дала, «Золотухин скажет, что его обокрали». Смехов в «МК» заявляет, что творчества на Таганке нет, есть кастрюли, в которые другу плюют. Веня! Есть спектакли и история театра!! Ладно-ладно...

Все мысли, эмоции, желудочные переживания связаны со словом «Губенко». Что же будет дальше?

25 июля 1993

Воскресенье. Молитва, зарядка, душ

Всю ночь опять дрелюю выпиливал замки, в новое здание пробиваясь, там и сям случалась драка, чудилась мне живая цепь — «возьмемся за руки, друзья!» — перед входом в театр из зрителей и артистов, не пускающих Губенко. Черт те что! И опять и опять я склоняюсь к решению, что 27-го августа надо не затевать свару, а порепетировать «Живаго» на старой сцене, распеться, восстановить танцы. Весь штурм по вышибанию начать, когда театр официально вернется из отпуска. И рад бы не думать об этом, но не получается — держусь еще за счет своих старых, но спасительных призывов: молитва, терпение, форма. Форма, чтобы хорошо играть «Живаго» и «Павла I». Для того, чтобы заработать в достаточном количестве немецкие марки, издать книжку, поменять машину и отвезти достаточное количество тысяч на храм. Форма для того, чтобы продвигался «21-й км», он же «Покаяние».

Устал я еще вчера оттого, что долго длился день, что не оправдались моя ожидания и мои надежды на тронную речь Килина, что снято это для меня невыгодно и преступно для русской картины о войне. Это событие превращено черт знает во что! Актер придумывает краску, что он засыпает за столом, перед народом, и режиссер радуется этой находке. Что же нам скажут русские люди? «Над чем смеетесь?» Нет, над собой можно и нужно смеяться, но не до такого же маразма.

Прогулка на два половины часа в Нунбург на велосипеде за 18 крон. А если честно — Бог послал мне «Чонкина». Какое резкое переключение скорости в крови, в моче, во всем! И такая работа — легкая и хорошо оплачиваемая. 2 миллиона рублей!! За что?!

Эпизод из спектакля «Холостяки» с Менцелем — просто гениально по технике! Откуда такая пластика, такая трюковая спортивно-салютная подготовка, вот это школа! Мне с опереточной подготовкой делать там нечего, это цирковая силовая школа. Блеск! И кино хорошее! Простое, хорошее кино, которое снял он, когда ему было 27 лет. Да, это их звезда.

Володю я вспоминаю в связи с оценивающим мой внешний вид действующим лицом № 1 из повести «21-й км»-«Покаяние». Володя говорил, что мне хватит прикидываться колхозником, пора следить за собой и своей одеждой:

— Ты уже давно не тот, что был, каким приехал и на чем выехал. Ты известный артист, тебя узнают, на тебя смотрят. «Что,

пропивает все и у него не на что купить себе приличный костюм? Или до такой степени жадный?» Не смешно это уж все... не потешно.

17 августа 1993

Вторник

Всю ночь плакал о Денисе, оставив его за решеткой ворот Лавры, одинокого — Господи, прости! — одинокого в своей кровати на сетке, в келье на 20 человек. Он снова «в армии».

Пишу — плачу...

И вторая тема плача — Герострат Николаевич Губенко. То, что я увидел вчера в театре, врагу не пожелаешь. Это же надо так расправиться с Любимовым, с историей театра.

Я долго боялся идти. Не хотелось видеть, встречаться с бывшими коллегами. А потом думаю — да чего я боюсь, чего я испугался? Подъехал к бывшему подъезду, с волнением неумемным подхожу к стеклянным дверям. В дверях мальчик, за ним Шацкая, машет руками:

— Не пускать!

Я также жестом подзываю ее к себе.

— Мне в 307-ю, там мои вещи...

— Все опечатано, и твой шкаф тоже. Надо спросить Токарева.

Уходит. Долго никого нет. Идет дождь. Бежит Габец, с видом «как можно не пускать Золотухина?».

— Спасибо, Лена.

— Посиди здесь, Валера.

Сажусь.

С а й к о:

— Привет!

— Привет.

Втроем они, Шацкая, Лена Габец и Лена-уборщица, сопровождают меня к моей примерной. Габец дает мне ключ.

Шацкая:

— Открой сама!

— Зачем? Это его примерная.

Открываю. Они садятся, две Лены, к столу писать акт — что я возьму. Достают афишки с просьбой помочь храму. Шацкая внимательно прочитывает всю листовку.

— Сколько здесь штук? Посчитай...

— Нина, что за глупости — весь тираж.

Все пишут «понятые», и я расписываюсь в получении. Делаю все молча, наблюдаю. Жду, когда Шацкая спросит, как Денис. Ничего подобного. Какие-то глупые реплики, но очень деловые. Паноптикум. Закрываю сам дверь. Отдаю ключ. Благодарю. Ухожу. Внизу опять Сайко, Шацкая — охраняют от меня театр. У них сегодня праздник — у Губенко день рождения. В журнале «Столица» статья Горелова — гнуснее не придумаешь. В той же «Столице» год назад подобная, только очень талантливая статья Минкина о Гу-

бенко. Такая вот история. И ни слова о Денисе. Во что может превратиться мама! Бабка — лучший, единственно близкий и нужный Денису человек. Вот о чем еще я плакал.

Я оставил его за огромной решеткой ворот. Уходя, я два-три раза оглянулся — Денис махал мне рукой.

30 августа 1993

Понедельник. Ил-86

Вчера у Демидовой в квартире-вернисаже — заседание редакционной комиссии по поводу предстоящего заявления о закрытии театра в день открытия сезона или сбора труппы 8-го августа. Домой вернулся во втором часу ночи. Сели в 21.00. Помог Валущкий*. Какой-то проект заявления для средств массовой информации мы набросали. Но труппа боится слов «закрытие театра». «А дальше? А что мы? Куда?» Постепенно обрабатываю, готовлю каждого к тому, какое заявление в этой ситуации может сделать Любимов. Он — хозяин репертуара, автор, он может просто запретить играть свой репертуар.

Прибыли в Бонн. Отель «Консул», № 110.

Готовлю аппаратуру к встрече с шефом, варю кофе, думаю, когда мне звонить в Москву и кому сначала. Я приготовил стол, стул — мизансцену для Любимова. Он пришел, сел и сразу:

— Ну, чем кончилось ваше заседание? — Намекал на наше собрание у Демидовой — Видишь, я в курсе, я все знаю.

Я зачитал заявление. Как ни готовил коллег, оно прозвучало громом с ясного неба.

Любимов, прочитав интервью:

— Я хотел бы выяснить поподробнее, в чем моя жестокость.

2 сентября 1993

Четверг. 8.30 — молитва, зарядка, душ

Звонила Москва, ничего утешительного. Единственный вариант: по просьбе СТД сыграть несколько спектаклей в театре Вахтангова. Поговорить с Ульяновым, найти спонсора. Путь один — бесконечное напоминание, бесконечное совершенство звука и пластики, музыкальности. И не заикливаться на высоких материях — это приносит заработок. Вот что главное, но зарабатывать надо честно, высокий профессионализм и эмоциональность вернутся сторицей. Ужас заключается в том, что болят ноги. И я боюсь за свое будущее, за свою профессию. У меня в банке — нуль. Как я буду жить, на что буду существовать, когда не смогу подняться на сцену?.. В один прекрасный момент я сяду в «Живаго» на планшет и не смогу подняться с него. Что это? Ревматизм, артрит, что у меня с ногой правой. Перетрудил! Чем, где, когда? А расходы, даже ближайшие, предполагают свободный миллион. Не гово-

* Валущкий Владимир — сценарист, муж А. Демидовой.

ря о том, что необходимо избавляться от моей машины и купить новое средство передвижения, заплатить за Денискино обучение.

И вот свалилась болезнь и вся эта дребедень с закрытием театра. При больных ногах я и ЦТСА не нужен. И «На бойком месте» пройдет без меня. И ничего не хочется читать. И не хочется, что хуже всего, доставать «Зеленую тетрадь». Надо скорее дописать «21-й км».

Комитет прекращает финансирование Таганки. Что тогда? Мы самораспускаемся. Губенко занимает остальную часть театра, и его «Содружество» начинает финансироваться по приказу Моссовета тем же комитетом. У нас ни здания, ни счета, на балансе ничего. Те, кто не на гастролях, не с нами, лишаются даже рублей. Красивый подарок мы им готовим, за границей сидючи и валюту получая. Как бы тут не вляпаться! Да закрывайтесь, хрен с вами! Нам-то что! Мы у вас не играем, вы нас не пускали. Вы нас заставили в другой кассе деньги получать, вы нас выгнали. Теперь паситесь по Европе.

3 сентября 1993

Пятница. Молитва, зарядка

Купить зонт, что ли, и револьвер? От кого защищаться-то? От Губенко, что ли? После интервью Беляев мне сказал, что она (статья) вызовет ответные слова. Да хрен с ними, пусть вызывает. Когда материал был у меня на подписи, я еще несколько колебался, прочитывал о Губенко и думал, не убрать ли... нет, все правильно. Пусть будет так.

4 сентября 1993

Суббота. Молитва, зарядка

Тамара Сидорова — скрипачка-виртуозка в восторге от нашего с Пеховичем дуэта. «Здорово, потрясающе... он на еврейском, ты на русском — так чисто сливаются голоса! Кто это придумал? Любимов... Все он...» Кстати, после первого спектакля Любимов сам похвалил, как мы пели. Даже я понял его заявление — не возвращаться на Родину, и труппа солидарна с ним — в России не работать. Что теперь скажет Родина?

Во, блин, решил купить пистолет, а разобраться в них не смог. С удивлением взирала на меня немка — что же это за мужик, в оружии ни хрена не соображает, а собирается покупать и пользоваться. Надо с кем-то, кто знает и умеет. Грустно идет у меня последний день в Бонне, одно утешение — кажется, звучит голос. Звучит в той мере, которой хватит на спектакль.

8 сентября 1993

Среда, мой день

Все прошло чисто. Венька зачитал письмо шефа, я зачитал заявление труппы. «Содружество» явилось в полном составе, боясь увольнения. С Жуковой даже намек на взаимопонимание не про-

изошло — кругом «виноват» Любимов. «А зачем мне уходить в другое здание? Я 27 лет проработала. Из Щукинского берем дипломные спектакли...»

Не похоже, что их заявления наши напугали...

Любимов — никаких компромиссов. Очень хорошие дела в Бонне, дают «крышу» в Финляндии, зовут в Грецию. «Медея» с А. Демидовой, «Живаго», «Борис Годунов», «Живой». Некоторое ощущение победы. Замечательно все напечатали «Московские новости». Прекрасный комментарий редакционный — Нина Агишева.

10 сентября 1993

Пятница. Молитва, зарядка

«Верните театр Любимову!» Вот что должны сделать заводы — Часовой и АЗЛК, — демонстрация у театра: «Губенко! Вон из театра Любимова!! Руки прочь от Таганки!!»

Нет, такого не будет.

Странно время мое мчится. Живу в ожидании чего-то. Дал телеграмму в «Коммерсант»:

«Ни в письме Любимова, ни в заявлении труппы ни слова нет о решении суда. К чему такая дезинформация ваших читателей и наших зрителей?! Театр закрыт по причине захвата сцены Губенко. Нас не пускают даже в театр, не то что играть какие-то там спектакли. Не лучше ли напечатать обращение Любимова, чем сочинять за него текст. С уважением, В. Золотухин».

14 сентября 1993

Вторник. Молитва, зарядка

Вчера хоронил репертуар, роли, пьесы. Грустно. Я прятал в сундук мою жизнь. Театр ушел в легенду. Мы, кажется (не я, я знаю, что сделал Любимов, т. е. сделали-то, безусловно, мы, то, что ему не удалось в 83-м), не совсем улавливаем до конца, что произошло.

«Литературная газета». Многие друзья отказываются комментировать.

— Что вы говорите? Это неожиданность для меня!

— Для меня тоже. То есть я-то комментирую, и позиция газеты однозначная. Но вот...

— Нет ли у вас фотографий, ранних, когда вы все еще были вместе, едины?

— Да едиными мы, в общем-то, никогда не были. Все это миф...

18 сентября 1993

Суббота. Молитва, зарядка, душ

Привычка — душа державы. Голова, и душа, и сердце — все работает в направлении переживаний по поводу захвата и гибели театра. Вчера какой-то неприятный разговор в регистратуре зубной поликлиники. Бабки с такой рьяностью защищают Губенко — «та-

лантливый актер», «организатор», «патриот»... «А ваш Любимов...» И все это с такой злорадной улыбкой и крысиным прищуром глаз. Вот тебе и общественное мнение! Фурману надо написать письмо, чтобы организовал подписи в защиту Любимова. «Губенко — руки прочь от Таганки!» Не может ли Собчак приютить Театр на Таганке в марте-апреле? Не может ли Гусев* интеллигенцию поднять?

23 сентября 1993

Четверг. Молитвы, кофе

Победа Ельцина — наша победа над Губенко, над Моссоветом. Только была бы победа!.. Господи, помоги ему и нам! Это еще и победа Лужкова над Гончаром, и это еще, быть может, важнее в нашем деле, в деле Театра на Таганке. Но как-то так зыбко все... В который раз я слышу за один час слова «опухший президент», я и сам это отметил про себя... но мало ли, даже если выпил и проспался... Ну и что?

7 октября 1993

Не помню день недели

Но чувствую себя уверенно, с внутренней гордостью за вчерашнего «Павла I». Господь Бог не оставил меня, хотя весь день трясло от страха и за текст, и вообще за то, что произошло в стране. Но откуда что взялось? Когда артист жалеет о том, что его сейчас не видит, не смотрит режиссер, это признак хороший. Очевидно, в виду надо иметь все-таки совестливого актера. Я думаю, что я такой...

8 октября 1993

Пятница. Утро, церковь

Сергий Радонежский. День рождения Ксении. И целый день театр — кем и от кого охраняется наше здание? Моя версия: оно необходимо было путчистам как стратегическая высота и прибежище боевиков. Без саперов туда нельзя входить.

10 октября 1993

Воскресенье. Молитва, зарядка

Всю эту панихидную канитель по утраченному времени надо бросить и начать снова новую жизнь в новой России. А письма Филатова я все-таки опубликую. Хотя в свете танкового удара президента хотел я ему это простить, но Шацкая вовремя меня остановила. Не будем злорадствовать — артистов подставили, но они вели и ведут себя все-таки омерзительно. Какое-то собрание было у них. «Это дело кончилось», — слова А. Богоиной, ставшей почему-

* Гусев Владимир — директор Русского музея в Петербурге.

то под знамена Седых-Бондаренко — Губенко. А был ли Губенко на этом собрании?

Ночь у меня одна была странная — я всю ночь сочинял письмо к ним с тезисами о примирении, сесть опять рядком да поговорить ладком, забыть обиды и не выяснять отношений, не считать грехов друг друга и не отгадывать, кто начал и зачем. Но мне наутро объяснила Л. М.: «С высоты победителей для них это унижительно». Но почему мир, даже с высоты победителей, хуже войны? Впрочем, еще поглядим.

11 октября 1993

Понедельник. Ту-154

Пец считает, что срыв двух спектаклей в Рейсельгаузе — вина Любимова, который в интервью в Бонне иностранным журналистам много говорил, что театр умер, театра нет, театр он закрыл. Политика, политика, и ни слова о «Живаго». «Какая Таганка? Ее же нет!»

12 октября 1993

Вторник. Молитва, зарядка

Что касается освобождения театра — оно затягивается. Так просто их оттуда не выкуришь. Бумага за бумагой, суд да пересуд. «Зачем вам помещение, если вы объявили о закрытии театра?» И правильно говорят. Поэтому пусть власти, если они хотят, чтоб была Таганка, вернут нам помещение и выкурят охрану «Эдила».

14 октября 1993

Четверг. Молитва, зарядка

Со мною Бог, а с ними Колька...

«Петровка, 38.
Начальнику ГУВД г. Москвы
Панкратову В. И.

Уважаемый Владимир Иосифович!

Решением арбитражного суда Театру на Таганке возвращено его помещение. Однако частная охрана «Эдил», нанятая Губенко с бывшим депутатом Седых-Бондаренко, не подчиняется решению суда и не пускает нас в театр. Убедительно просим Вас вмешаться в нашу проблему и снять частную охрану с государственного театра.

С уважением, народный артист В. Золотухин».

15 октября 1993

Пятница. Молитва, зарядка

Мозг, душа, сердце — все органы и все время подчинены одной проблеме, одной цели: что бы еще изобрести, кому дозвониться, написать, послать факс или телеграмму с просьбой помочь выбить губенковскую охрану из театра.

16 октября 1993

Суббота. Молитва, зарядка

И вот нет Турбина, и вот я уже не поговорю с ним о Хлестакове, а он звал, предлагал... Боже! Как мы не любим себя!

К вопросу «возлюби ближнего, как самого себя», к вопросу об эгоизме.

17 октября 1993

Воскресенье — отдай Богу

Я вывесил в театре решение совета коллектива следующего содержания:

«В связи с решением арбитражного суда о возвращении Театру на Таганке всего комплекса зданий, а также с резко изменившейся политической ситуацией в стране просить художественного руководителя и директора Театра на Таганке Ю. П. Любимова разрешить подготовить театр к открытию 30-го сезона 12 декабря в день новых демократических выборов премьерой спектакля „Доктор Живаго“».

Приклеено это было 14-го, а 15-го утром я увидел только следы от листка. Противоборствующая сторона хозяйничает уже и на нашей стороне. Чудовищно! Сплошное насилие. Грязь и запустение на той половине. Мусор лезет из урн. Бродят голодные кошки, ОМОН сутками смотрит телевизор. Нашли теплое место.

18 октября 1993

Понедельник. Молитва, зарядка

Коротаяю вечер, чтоб скорее лечь спать, ничего не лезет в ум после девяти часов вечера. Утомляемость жуткая. Безделье это называется, я тоскую по 307-й гримерной, по закоулкам той сцены и ее закулисья. Неужели мы не вернем себе эту сцену? Провал их замыслов очевиден, их жалко, и все-таки они не сдаются, не уходят, не поднимают руки вверх! Хочется предложить им написать каждому индивидуальное письмо Любимову, дескать, прости, отец родной, бес попутал. Да разве они пойдут на это?! Гордые.

19 октября 1993

Вторник. Молитва. Зарядка

Да! Надо ведь все-таки составить репертуар. Или не торопиться, пока не решится вопрос и не уйдет охрана? Вчера распространился слух, будто сами охранники сказали, что они только до конца месяца, а дальше у спонсора нет денег, нечем платить. Очень

возможно, что это провокация, чтоб усыпить нашу бдительность, чтоб мы прекратили активные юридические действия, а 31 октября — это 40 дней со дня указа. Большевики попробуют, быть может, взять реванш.

20 октября 1993

Среда, мой день. Молитва, зарядка

Надо пошуметь. Таково ночное мое решение. Мы мало помогаем закону, решению суда. Мы пишем бумаги, даем телеграммы, а надо заявить о себе как о монолите, о коллективе, о театре в конце концов. Мне кажется, необходимо погорланить, помахать удостоверениями, решениями суда, распечатать и дать каждому в руки. А числа 22-го надо явиться к служебному входу, вызвать милицию, администрацию округа, назначить репетицию на новой сцене приказом или явиться неожиданно, чтоб не дать собраться тем, с той стороны, по ту сторону стекла, уже разбитого.

Поэтому, наверное, поход наш к стеклянным дверям нужно сохранить в тайне. Иначе информация будет донесена Токареву, он всех свистнет и не избежать провокаций и беспорядков. Но пошуметь необходимо. Надо это, надо перед длительным отъездом труппы — сначала в Германию, затем в Испанию.

«Матросская тишина» — это, извините меня, чепуха. Сентиментальная, не талантливая драматургия на еврейскую душещипательную тему, вторичная. Хороший человек Галич, но этого мало. И театр Табакова зря тратит время и силы на ностальгические опыты молодого «Современника». Ну зачем? Не понимаю...

21 октября 1993

Четверг. Молитва, зарядка

Вчера в театре были чины из Управления, с Петровки, 38. Настроены благожелательно, пригласили они и от 70-го отделения представителя. «Помогите людям!» — была сказана такая фраза ими. Какой-то был составлен протокол, чего-то подписывали. Сегодня в мое отсутствие движений никаких. Борис против того, чтобы «пошуметь», против похода труппы к стеклянным дверям. Ну, ладно, однако завтра посоветуемся еще.

Подколзин: «Хочу поручить ему организовать мои концерты 11–12 ноября, которые положили бы камень создания фонда помощи неимущим работникам Театра на Таганке — фонда Любимова».

А почему я не написал, что ко мне вчера приходил Рыжий Валя — не знаю. Наверное, потому, что я, как и много лет назад, не воспринимаю его всерьез — почему вдруг Войнович, «2042», зачем, что за чушь? Ну, отчасти смешно, забавно, как Солженицын — Сим Симицын — царем становится на Руси, но бред, конечно. А я тут при чем?

28 октября 1993

Четверг. Молитва, зарядка, душ

Я видел вчера счастливого Шнитке, я видел его таким, каким хотел видеть в Вене и не увидел.

— Альфред Галич, мы не стали хуже после Вены?

— Гораздо, гораздо лучше, гораздо лучше... Я счастлив, что я это увидел, спасибо. Я вам очень благодарен, спасибо, спасибо! Мне этого так не хватает здесь...

Жена его тоже была озарена и повторяла за ним, улыбаясь тепло: «Намного лучше, намного, очень хорошо!» Я видел людей искренних и был счастлив, я обнимал их, целовал, я не мог удерживать себя от этого телячьего восторга и его проявления. У Шнитке, казалось, на глазах были слезы и выглядел он мощно, а не немощно.

30 октября 1993

Суббота. 8.30. Молитва, зарядка, душ

Вчерашний спектакль был лучший из всех трех сыгранных. Жалко, что именно этот спектакль не увидел Любимов. Ну да, Бог даст, мы не слишком разочаруем шефа. Кого он и будет ругать и кому делать замечание — так это меня и мне, и дай-то Бог. Надо сказать, что я соскучился по старику. Надо же, никогда такого не было, просто по-человечески хочется увидеть его бодрым и здоровым, да нет, даже просто увидеть.

31 октября 1993

Воскресенье. Автобус, мы едем

Не идет из головы до сих пор. Я нашел утерянный на сцене образок. Я выронил его на первом спектакле, спрашивал у всех — никто не находил. И вдруг, когда вчера упал в конце забора за камертоном, нагнулся и обмер — глядит на меня Спас, спокойно лежащий на решетке. Если он там лежал с первого спектакля, почему не открылся он мне на втором, третьем? И ведь реквизиторша Оля заряжала камертон на каждый спектакль, она что, не видела его?! Ведь я у нее спрашивал! Что это? Определенно Господь услышал меня, он меня одарил своим возвращением. Не окончательный я, видимо, лжец и грешник.

Если делом, целью своей жизни Губенко поставил испакостить дело Любимова, отомстить и лишить его театра, убить его при жизни, и если вдруг он окончательно провалится и проиграет и таким образом в совершеннейшем дерьме утопит столько людей, пошедших за ним, — то или он должен убить себя, или они убьют его. Что он сейчас думает, что он может предпринять, в какие тяжкие еще пуститься? Агония может вывести его на непредсказуемые поступки, заставит искать путей и вовсе отчаянных и преступных.

1 ноября 1993

Понедельник Мюнхен

Отель «Регент», № 218. Молитва, зарядка, душ, кофе

Как хочется писать «21-й км»-«Покаяние»! И что же мешает? Дух трескучей фразы. Как научиться фразе-слову Саши Соколова? Озарение — что-то несусветно потрясающее, виртуозное и по словам, и по ассоциациям, метафорам — инструментальная проза в высшей степени. Господи! До чего ж богат и бездонен русский язык. Сколь его не «изнуряют», а какие перлы еще скрываются в нем, какие букво-словозвукосочетания еще поразят нас, читателей, под пером будущих Набокова, Соколова, Бродского и, не побоюсь сказать, Вознесенского.

Что такое атеист по Цветкову? Это так просто, но так замечательно верно. Атеист — человек, считающий, что жизнь начинается с рождения и заканчивается смертью.

Завтра никакого суда нет, а есть собеседование — бред какой-то. Приглашаются обе стороны, и что будут предлагать — решать вопрос мирно, соединяться в объятиях? Что за чушь! Арбитражный суд упрямлен. Значит, весь процесс аннулируется — все остается на своих местах до всех постановлений Моссовета (дескать, начинайте все сначала, а лучше не начинайте). Завтра в 14.00 они придут всем кагалом. И это будет внушительно. «Вы не хотите прислушаться к голосу народа!..» Куда-то нас опять втягивают. Пусть суд рассматривает — только откройте театр!! Снимите охрану, б...!! И самое ужасное, что завтра опять ничего не решится, завтра опять не будет никакой определенности. Какое-то есть указание свыше — навести порядок в Театре на Таганке. Что это значит?!

«А луна — канула» — не за эту ли фразу пострадали «Лица». А Андрей будет нобелевским лауреатом, вот увидите. Распутин не будет, а Андрей будет.

4 ноября 1993

Четверг. Молитва, зарядка, душ

Звонил в Москву. Глаголин сообщил, что сказал конкретно каждый из наших.

Черниченко Юр.: «Вы мародерствуете! Бог вам не простит этого!» (Что-то в этом духе, но очень здорово, резко и по существу.)

Демидова напомнила Губенко историю с Мейерхольдом и Царевым: «Вы никогда не отмоетесь!..»

Смирнов Ю.: «Нет, Н. Н., это вы все организовали и не говорите, пожалуйста, что народ вас попросил. Мы знаем, как народ просит...»

Борис говорит — наши были подготовлены прекрасно, держались спокойно и уверенно. Странное впечатление, Борис говорит, произвел судья. «Я хочу выслушать творческие планы обеих сторон, я буду думать...» О чем он будет думать?! Вот ведь еще Сократ.

Ну, может быть, он соблюдает юридическую этику, норму — не выносит в присутствии решение сразу, хотя оно и очевидно, а будет советоваться, созваниваться. Кстати, там же был и представитель Министерства культуры, который опять же повторил точку министра о неделимости Театра на Таганке. Что еще?! И почему не снимается охрана? Объясните мне, пожалуйста. Нет объяснения, кроме надежды не реванш в путче.

Тоня опять стала являться ко мне на «Живаго». Сестра моя, сестра моя, скоро, скоро мы встретимся с тобой.

Встал на сцене на колени перед Беляевым, и он согласился сыграть в «Живаго» Федора Ивановича. И слава Богу! Надо сказать, замечательной души он мужик. И девочка его обожает его, ездит за ним, гуляют, ходят на выставки, обсуждают современных поэтов. Девчушка-интеллектуалка — мне нравятся такие экземплярчики.

Любопытно и грустно — видя, что сам стираю, горничная кладет мне два куска мыла. Видя, что я питаюсь из своих кастрюлек, предложила мне ставить молоко в бар-холодильник, предварительно убрав «пепси», соки и водку. Что толку хранить в моем баре напитки, если я не пользуюсь услугами бара, если мы бедные?! Да, мы бедные, но гордые...

В моих дневниках много зашифровано сведений разного рода, и какой-нибудь Шерлок Холмс методом дедукции, интуиции и пр. многое может раскопать, чего я и сам не подозреваю. Убежден, например, что моя версия «зачем Моссовету новое здание Таганки?» абсолютно точно имеет отношение к перераспределению, к перезахвату власти — один из опорных пунктов обороны. Что Коля метил таким образом в партийные лидеры около Рудцкого, в вице-президенты, допустим, совершенно не исключено. Человек, вкусивший оргазм власти, мечтает о его повторении, на каком бы витке разращения это ни состоялось. И что по сравнению с этим какой-то там Театр на Таганке, какой-то там Любимов, которого стоит объявить живым трупом, творческим импотентом, евреем или продавшим Россию западным холуем — и тогда все запреты сняты, совесть раскрепощена. «Совесть, как обрезание, калечит человека». Эту фразу Гитлера из своей роли Коля усвоил буквально.

Любопытная деталь — вчера меня один очкастый, колючий, холеный, холодный молодой человек спросил: «Почему Любимов не пошел на примирение с такими звездами, как Филатов и Губенко?» Я начал отвечать, вспомнил опять Прагу и литовские события 7 января 1991 г. Любимов с Губенко не разговаривали уже в Мюнхене, а Мюнхен был ровно три года назад, то бишь в октябре 90-го. Вот как?

Когда была гуманитарная помощь? «Подачка!» — обозвал ее Николай и не стал брать свой паек. «Зачем? У него паек министра!» — комментарии Любимова по этому поводу были безжалостны. Но и Коля бы помолчал. А то плохо было получить продукты задарма в тот голодный и опасный год?! Собрали люди, организовали доставку, барон хлопотал. Что же тут дурного? Сами ведь мы виноваты, что оказались в такой беде, чего же немцев-то срамить!

6 ноября 1993

Суббота. Молитва, зарядка, душ, кофе

А вся история с письмами в Бонне?! Заседания вечерние с шефом, выработка тактики — я вижу, как шеф благодарен труппе, что она согласилась закрыть театр. Это хорошо, что мы выиграли 27 сентября; убежден, что закрытие театра повлияло на решение суда. Это хорошо, что 3-4 октября в трагические дни одержала верх пока все-таки ельцинская рука, распущен Моссовет и у Кольки выбита поддержка из-под ног. Но все это пока на словах, а на деле — ожидание, затаенность, подполье коммунистов и присутствии охраны, которую держат, очевидно, испытывая наши нервы, чтоб мы нарушали закон и поднялись на них силой. Нет, не дождусь! Пойдем малым ходом, хотя «улита едет — когда-то будет».

Вижу, что поправился, хотя и целый день себя сдерживаю, быть может, сегодня попытаюсь вообще больше не жрать. А молодых артистов надо всех взвесить и записать в журнал учета формы. Через каждые 5 лет взвешивать, записывать, обмерять объемы и сравнивать: поправился — зарплату придержать, и приходите только со справкой от весов.

7 ноября 1993

Воскресенье. Молитва, зарядка, кофе, душ

Нас ждет дома неизвестность. Сегодня день Великой Революции. Что будет в Москве, какие выступления? Не может быть, чтоб коммунисты не попытались продемонстрировать, что они живы и будут жить. Господи, пронеси угрозу очередную! Не дай России опять обогреться кровью! С выборами парламента или Думы торопится Ельцин, но боюсь, не успеет подготовиться, все будет смято, а то и сорвано. Уж к этому-то точно шайка будет призывать.

2 декабря 1993

Четверг. Зарядка, молитва

Однако целый день в бегах по театру, по Алексеевской, по Бугаеву. Губенко срочно готовит «Чайку». Вышли, открыли реквизиторскую, просят Кизеева выдать одежду сцены — черный бархат. Любимов ужасно расстроен, взбешен, что в его «постели» тренируется Соловьев. «Передайте ему от меня, что он дерьмо!» Но все куплено мультимиллиардером-продюсером. За все заплачено судьям, клеркам, охране, рэкету и пр. Ужас!

3 декабря 1993

Пятница. Молитва, зарядка, кофе

Которую ночь я коротаю с открытыми глазами. Одна забота — театр, Губенко, Соловьев, «Чайка» и преданная им часть бывшей труппы, Любимов, «Живаго» и я сам по себе, Губенко баллотирует-

ся в Думу, Гончар — куда-то выше. Горняки объявляют политические требования.

8 декабря 1993

Среда, мой ли день? Молитва, зарядка, кофе

Привезено 36 000 книг. Наломались с разгрузкой. Это вообще большая головная боль — хранение, складирование. Мы оказались к этому не готовы. Забиты две примерные, а дальше что? Книжечка замечательная. Бумага, иллюстрации — комбинат постарался. Как-то надо отблагодарить.

Жду какого-то скандала, взрыва от акции «обесточивание». Это напоминает Белый дом. Что предпримут они? Они, конечно, очень сильны и свет выбьют или купят. Кроме того, они могут использовать киношный свет, это даст дополнительный эффект, это подскажет им художественное решение — «юпитеры» будут дымить, греть, изображать собой, и получится слияние театра и кино. Пара гнедых. Мы им подсказываем хороший ход.

9 декабря 1993

Четверг. Молитва, зарядка

Черные, неприятные дни. Губенко ходил вчера к министру культуры. От него звонил Щербаков, выяснял, почему мы не даем свет Губенко. Глаголин объяснял.

Вечером к Глаголину нагрянули майор-пожарник, участковый, еще кто-то и Губенко. Торговались.

Глаголин: «Откройте двери — дадим свет».

Губенко: «Откроем для всех, кроме вас».

Это неверный торг. Надо было требовать договор об аренде. Судья Воронин и арбитражный суд выдали им документы, предписывающие не подчиняться постановлению правительства «О передаче театрам в полное хозяйственное ведение...» и т.д. Это сколько надо заплатить за эти липовые, но дающие им возможность тянуть и не выполнять, не уступать бумаги?! Вот чернота-то. Господи, услышь наши молитвы!

12 декабря 1993

Воскресенье — отдай Богу

Вчера целый день с Любимовым — разговоры, поздравления Солженицына.

«Я — пас, у меня пост».

Вся душа, башка, сердце, все клетки заняты ожиданием приговора — принятие Конституции. Господи, дай победу победителю, дай победу нашему президенту! Это необходимо театру и мне лично. Я думаю и о России. Интуиция не подводила меня. Гайдар-дед принес мне удачу, вздыбил рейтинг мой актерский. Помогли, Господи, внуку его Егору Тимуровичу и мне.

Обсуждали долго и серьезно — объявлять или не объявлять голодовку. В ответ на голодовку они объявят свою: кто кого переголодает. Голодовку предлагал шеф. Обсуждали, как опечатать оба здания до решения вопроса. Это, может быть, сделать стоит.

Как подъехать к Любимову с книжкой? Дали с Глаголиным книжку на комиссию Боровскому — что скажет этот мудрый и добрый еврей? И, конечно, гениальный. А Борис в смысле художественных идей совсем поглупел, говоря его языком — «не сечет» и «гребет не туда».

Любимов увез с собой к дамам две книжки.

13 декабря 1993

Понедельник. Молитва, зарядка

«Дорогая Лили!

Я рекомендую книгу нашего артиста Валерия Золотухина.

Юрий Любимов».

Вот такой факс уйдет завтра в Париж. Кому, к чему, для чего рекомендует и зачем — не объясняет шеф, он просто рекомендует. Но Борис говорил с переводчицей и объяснил ей смысл нашей просьбы и нашего предложения — продажа на спектаклях. Мне стыдно за мой народ, до какой же степени он темен! Господи! В самом деле, что ли, Богородица сняла со страны нашей благодать?!

Я напрасно, конечно, даю волю безудержному мату и прочим выражениям в дневниках. Зачем я пишу открытым текстом в дневниках, не стесняясь будущих читателей? Сыновьям стыдно будет за отца... Я якобы раскрепощаю себя — нет, это узость ума и мрачность, мелочность души. Ведь я хочу оставить после себя дневники, так элементарные приличия в речи написанной соблюдать надо.

Театр. Келья. Вчера здесь были съемки для японского телевидения. Снимали мои слова о Высоцком, но случайно проходящий Любимов после некоторых иронических реплик, проверочных вопросов согласился сесть и сказать. И великолепно сказал о Володе и о том, как проходимцы могут подтасовывать его песни под свои дела. Например, «Охоту на волков» кто-то связал с сюжетом событий 3-4 октября, и получилось: те, кто в Лесфортове — волки, а кто их туда привез — охотники. Обратный смысл.

Я боюсь что-нибудь писать. Странно закончился день. Разговор Любимова с Бугаевым, который приехал от Лужкова. Через Коробченко Лужков отдал распоряжение Панкратову, и завтра охрана должна быть снята, а я с утра отвезу очередную бумагу в прокуратуру.

Я боюсь писать, потому что заплачу. Я полгода не был в своем театре, не видел сцену, не видел свою гримерную. Губенко потерпел поражение на выборах. Перед тем как говорить с Бугаевым, Любимов долго беседовал с каким-то человеком, присутствовавшим на съемках, долго рассказывал о нашем позорном общении в судах с Губенко и пр. Этот человек оказался продюсером «Чайки».

Оказывается, Соловьев не хотел идти в «Таганку», он хотел сделать это в павильоне «Мосфильма». Но Губенко тряс все время бумажками из прокуратуры и судов. Что же произошло, почему продюсер пришел извиняться перед Любимовым и почему так поздно? Он вынул из почтового ящика листовку — «Не голосуйте за Явлинского и Гайдара, голосуйте за Жириновского и Зюганова!» Губенко в этом ряду. Этот парень говорил, что он ничего не знал. Это вранье. Все газеты писали о нашем скандале, и не мог Соловьев ему об этом не говорить. Он пришел от Соловьева к Любимову с извинениями на разведку. Упредить. Отмазать Соловьева. Они пронюхали и поняли, что надо убираться, затратив 157 миллионов...

Еще пять партий преодолели пятипроцентный барьер. Это какая-то, по-моему, надежда.

Бумагу я Платонову отдал. Сначала он меня спросил:

— Подключили вам свет?

— Зачем? У нас свет есть.

— Вы со стороны Любимова... А Губенко ходит с фонариком. Лужков приказал Панкратову снять охрану. Меня просили передать вам эту бумагу. Будет решение арбитражного суда.

— Да-да, до свидания. Извините за ранний визит.

Расписку с него я брать не стал. Мы же солидные люди, думаю я. Кроме того, у него сидела женщина, которая вышла из двери с табличкой заместителя прокурора.

Сейчас идет коллегия... Да, Люся права, она ничего не решит, это опять какая-то промежуточная инстанция, но вчерашний разговор Любимова с Витруком, разговор Бугаева с Лужковым и Панкратовым должны дело с места сдвинуть. Я сейчас молю Бога помочь нам и судей вразумить, а также красноречия и убедительности сообщить Татьяне Николаевне. Остается ждать.

Елена Мих., вчерашняя журналистка из Японии, начала нашу встречу с оплеушного комплимента:

— Люся Абрамова мне сказала, что лучшее, что написано о Высоцком, это у Золотухина. Все без прикрас, оттого и трясет Нину Максимовну.

Первая часть всплеска нравится ой как, а вторая ой как не устраивает.

АЛКОГОЛИЗАЦИЯ всей страны.

Коллегия суда нанесла нам поражение, признав законным первое решение. «В иске отказать». Ужасно. Руки опускаются, но надо жить.

Боровский интересно говорил про мои дневники. Он изучает меня, я интересен ему как психологический тип. «Актерская профессия — вне нормы. Нормальный человек не держит в голове чужие тексты».

16 декабря 1993

Четверг. Молитва, зарядка

Вчерашняя среда не оказалась моим днем. Мы проиграли процесс, и это уже серьезно. Осталась последняя инстанция.

18 декабря 1993

Суббота. Молитва, зарядка

Шеф в 15.00 уезжает в Шереметьево — и в Бонн. Он в опере стал директором актерской труппы. Очень много русских работают, поют, а уж про балет Панова и говорить нечего. От Панова и узнал шеф, что я книжки продавал на Урале.

Господи! Спаси и помилуй нас, грешных. Сегодня Любимов на митинг против Жириновского идет — «Фашизм не пройдет!» Черниченко его позвал. Митинг закрытый. В «Московских новостях» Любимову необходимо широко высказаться, доругаться по оси Губенко — Жириновский — Говорухин. Разговаривал он вчера с председателем арбитражного суда Яковлевым безобразно — «сковывый суд», «звонковый суд», «вы, советские...» Вот и дождались, вот и хлебайте! Он сразу настраивает на решение не в свою пользу. А Глаголина с Поповым вызывают в суд за самоуправство, выразившееся в отключении света. Любимов отдал распоряжение свет включить, но на «Мосэнерго» не торопятся. В конце будущей недели, говорят... Париж — Москва, впустую съездил вчера на вокзал. Парижские вагоны отправляются три раза в неделю. Вчера поезд шел только до Кельна. На что Любимов надеется? Какая вчера беседа была у него со Свиридовым, Швыдким? Что он скрывает? Хотя настроение у него боевое. «Я человек не сентиментальный, не даю волю эмоциям. Я дерусь, поэтому мне слюни распускать некогда, не дама я, в отличие от некоторых». Задиристый тон у него — органическое начало всякого разговора, с кем бы то ни было и какого вопроса не касалось бы. Всегда перед ним изначально потенциальный враг, а уж потом он смягчается, если на том конце провода или перед ним сидящий вытерпливает первую, вторую и третью атаки. Выдерживает субъект, не возражает, не обижается, не оскорбляется — Любимов довольно быстро это замечает и меняет тон, меняет фразы, слова, тексты, и даже нередко извиняется, да почти всегда: «Извините, что я так резко, но такой характер, довели...»

21 декабря 1993

Вторник. Молитва, зарядка

Нина Максимова. Надо найти возможность с ней объяснить через Люсю или через Никиту. Необходимо, чтобы они ее подготовили к моему визиту или звонку. Быть может, надо начать с поздравления новогоднего. Там, боюсь, еще ведут работу люди Губенко — Филатова, настраивая ее и окружение против меня.

Смоктуновский — в кожаной шапке-ушанке меховой, с опущенными ушами, чуть ли не завязанными под подбородком; переваченные ремешком где-то посередине штаны.

Ульянов — подшепелявливающий почему-то вдруг, я так понижаю — неудачно вставленные зубы. Все это меня поразило в пер-

вый огляд в поезде... да еще состарившаяся красавица Быстрицкая, а что же я?! Зато удивительно хорош Боярский в черном свитерке, черных брючках, черной шляпе — этаким санкт-петербургский ковбой-Воланд.

23 декабря 1993

Четверг. Молитва, зарядка

С возвратом театра не получается. Губенко по телевизору все врет, вернее — полуправда о приватизации Любимовым театра, о каком-то перемирии в будущем и т.д.

Надо отвлечься от этого конфликта.

Л ю б и м о в: «Мой сын одобрил твою книгу, а он человек злой. Это нехорошо, но он одобрил, а он — злой».

Д е м и д о в а: «Я прочитала твои дневники. Это очень интересно. Правильно сделал, что опубликовал. Я вообще люблю читать дневники».

24 декабря 1993

Пятница. Молитва, зарядка

Сегодня Лужков примет Любимова, что-нибудь скажет вразумительное. Вы можете решить, Ю. М., потому что вы единственный мужчина среди демократов.

27 декабря 1993

Понедельник

Сегодня было собрание, и был кворум впервые за два года. Решение: обратиться в городскую Думу, чтобы отменить решение Моссовета и прекратить судебное разбирательство. Билетерши проголосовали, но не подписали.

28 декабря 1993

Вторник. Молитва, зарядка

Видел в суде Шацкую — пополнила, а Филатов в хорошей форме, по-моему. Такое ощущение, что ему стыдно. А мы правы... и мы победим.

29 декабря 1993

Среда, мой день

Кричал в подушку беззвучно. Ну, ошибся Моссовет, за большую сумму. Ну так ведь у суда была возможность ошибку исправить, а он ее узаконил. На одно место продано два билета, но приоритет всегда у того, кто пришел в купе первый, Любимов пришел в это купе 30 лет назад. Создали театр, замечательно, так пусть учредитель и позаботится о помещении. Ошибка Моссовета в том, что

они дали новому театру тот же юридический адрес. Моссовет считает себя хозяином и, как они говорили, может принять любое решение — это я слышал своими ушами.

Они с таким же успехом могли дать юридический адрес на помещение Большого театра или Мавзолея — абсурдно, но факт. Полгода мы не играем, мы не услышаны. И никому, получается, мы не нужны. Мы не вернемся из Парижа, мы обратимся в ЮНЕСКО, пока нам не вернут театр.

К Чубайсу сегодня Любимов идет, больной, но не сдающийся. Господи! Помоги ему, вразуми хоть этого начальника. Хочется обратиться к коллегам, что по ту сторону: «Зачем вы ходите, светитесь с этим бандитом по судам? Он же вас повязывает, он же вашими душами торгует, как же вы этого не понимаете? Чтоб одному, самому не отвечать, дескать, народ меня попросил, народ меня в лидеры произвел, позвал...»

Дозвонился до Б. Истока, передал, чтоб Тищенко срочно фотографии макета храма и бревен клуба прислал.

С а б и н и н:

— О нравственности рассуждаете... А как вам — человек проработал 28 лет и получает 31 тысячу. Это ваша вина, — такой укор мы с Боровским и Бортником получили от старого актера.

«Не дай мне Бог сойти с ума!»

Б о р т н и к

— И я получил 39 тысяч, а Антипов почему-то 150 тысяч.

— Ваня! От количества спектаклей... ты когда играл последний спектакль?

— А я виноват, что ли?!

Б о р о в с к и й:

— Так сложилось... Или уходить в другой театр?..

А я думаю: Боже, как хорошо, что меня еще зовут на концерты. Какие-то деньги я получаю, кроме театра. Предвыборная компания меня поддержала — 150 тысяч. Фурман — 120 тысяч. Что будет дальше? И как люди живут другие, у которых нет этого? И книжки меня кормят. Из «Академкниги» вчера — 52 тыс. рублей.

31 декабря 1993

Пятница. Молитва, зарядка

Л ю б и м о в:

— Многие спрашивают: «Вы не обижаетесь, Ю. П., на Золотухина за его книгу?»

— Неужели, Ю. П., вы думаете, я бы выпустил книгу, если бы в ней содержались оскорбительные для вас вещи? Обидные слова, безусловно, есть. Взаимоотношения актера и режиссера — невидимые миру слезы. Все же замешано на диком тщеславии и самолюбии...

ДИАЛОГ

Вышла девушка лет тридцати пяти, с необычайными объемами груди и бедер, внушающими ей, очевидно, какую-то упругую

уверенность в себе, а ее собеседнику — мысль о том, что любые его доводы будут отскакивать от этой ее уверенности, не оставляя никакого следа.

— А что это тут у вас за билетики?

— На Таганку, на творческий вечер...

— На Губенко или Любимова?

— ??

— Если что-то на Губенко, я бы взяла.

— ??

— Видите ли, я не люблю Любимова. Мне он не нравится как личность. Человек, который в трудное время покидает свою Родину, мне неинтересен.

— Простите, но ведь его вынудили уехать, запретив «Бориса Годунова», где, кстати, играл тогда Губенко, кажется, главную роль.

— А вы знаете, в каких условиях работал великий русский поэт Игорь Тальков! Он писал свои стихи, сидя на унитазах, больше нигде было, но никуда не уезжал, потому что бросить Родину — все равно что бросить мать. Любимов — предатель!

— Так, по-вашему, и Ростропович — предатель, и Солженицын, и Рахманинов, и Шаляпин и...

— Ростропович и Солженицын — это политики!

— Ростропович?!

— Конечно, он же выступал перед Белым домом. А Любимов — артист...

— Но ведь, когда Ростропович уезжал... кстати, он не уезжал, а его, как и Любимова, лишили гражданства... И потом, вы ведь ничего не знаете о сути конфликта на Таганке. Все очень просто: Моссовет прописал, дал юридический адрес Губенко с его бумажным театром на площади Любимова — вот и все.

— А это ваш конек — отсутствие информации. Ведь Губенко не дают слова сказать. Все средства массовой информации показывают только Любимова. Ведь за него все правительство: Лужков, Нойман, Ельцин... А бедный Губенко...

— Но ведь он объективно не прав. Ю. П. тридцать лет назад из группы никому не известной молодежи создал известнейший театр, вырастил таких артистов — и теперь его выгоняют из им же построенного дома, и кто? Его собственные питомцы!

— Конечно! Потому что Любимов хочет ездить за границу и зарабатывать валюту, а Губенко будет работать в России...

— ...Потому что за границей он никому не нужен, у него нет спектаклей, ему и здесь играть нечего.

— Но он нужен нам здесь!

— Господи! Но вы же знаете его только по кино! А в театре он — порождение гения Любимова! Ведь вы не видели спектаклей Губенко, потому что он сам ничего не сделал! За что же вы так яростно боретесь?

На том и расстались.

1994

11 января 1994

Вторник. Мы летим в Париж

9-го в университете была встреча с Любимовым. Он в форме и хорошем настроении. Его бескомпромиссность вызывает уважение. Один вопрос-предложение чуть было не поставил точку в начале встречи. Человек благожелательный кавказской национальности:

— А что, если взять большой круглый стол, поставить хорошие напитки, хорошую еду, закуски и начать мирные переговоры?

— Вы, значит, не понимаете существа вопроса, и я зря долго вам что-то говорил и пытался объяснять... С грабителями мне разговаривать не о чем, тем более за одним столом.

Казалось, еще минута, миг, и он так себя разозлит, что хлопнет дверью.

— Дайте слово Золотухину, пусть он споет, а то замерзнет и заболит.

И спел я только «Это было у моря».

«Это смокинг ваш или как?»

6 января 1994

«Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину

В течение полугода Театр на Таганке не имеет возможности играть для москвичей. Театр разорен, закрыт. Мне 76 лет, из коих 71 я живу в Москве. Я глубоко оскорблен, и мой разум отказывается это принять и понять. Пока я не получу возможность работать в созданном мною театре, которому 23 апреля 1994 г. будет 30 лет, ни о каком продолжении работы в моем родном городе не может быть и речи. Прошу мне ответить.

Ю. Любимов».

13 января 1994

Четверг. Париж

Неелова:

— Второй акт лучше. Я вся издергалась из-за посоха — он, как заколдованный, не втыкался, французы стали обращать внимание. Ты здорово, хорошо играл, по-моему.

— А ты как здесь, в театре?

— Я иногда здесь живу...

— Да?! А-а-а...

Я очень рад был ее видеть, и она, по-моему, была искренна.

14 января 1994

Пятница. Париж. Молитва, зарядка

Струве — основное событие дня. Говорили о театре — он видел «Гамлета»: «Диссидентский вариант... здесь не приняли, а мне...

и „Высоцкий“... „Вишневый сад“ — суетный, мне показалось...» Сошлись мы в отношении к Ельцину — политик плохой, но человек лучше, чем Горбачев... непосредственность, детскость и пр. «В России плохо, кошмар, но с точки макрокосмоса все идет в правильную, хорошую сторону». Удивился моей огромной многословной надписи дарственной на титуле «Дребезгов». Мне же написал кратко — в качестве антипода... Православие и культура. Купил 10 книжек «Дневников» — 300 франков. Одну взял рекламку-плакатик. На Б. Истокскую церковь!

16 января 1994

Воскресенье, молитва, зарядка

Играла вчера Сидоренко. Перед спектаклем с ней репетировал шеф. «Ты думаешь, я ушел хоть на минуту? Нет...» — это он после репетиции «Матине» с Никитой-переводчиком сидел. Репетировал он с Таней в полную силу. Вот в чем гений его. Ведь он мог плюнуть — да ладно, премьеру Демидова сыграла, а эта лучше все равно не сыграет. «Нет, сыграет, я ей помогу!» — и он приходит и репетирует с артисткой, советует, какой грим сделать, какую прическу, он во все вникает, он заинтересован, он помогает.

Таня Краснопольская плачет:

— Я могу ему простить только из-за его возраста, никакая гениальность не дает право так разговаривать. Если он достиг таких высот, он должен быть снисходителен к людям, стоящим ниже его. Можно по-человечески объяснить: мол, работа, извините, так получилось, а не вроде того, что «сваливайте отсюда»...

— Кто это сказал?

— Любимов...

Я боялся, что тирада относится к Глаголину.

17 января 1994

Понедельник. Молитва, зарядка

После спектакля с Любимовым на сцене для демократической публики ответы на вопросы. Мой Самозванец найден схожим с Жириновским.

Вопрос ко мне:

— Как давно вы пребываете в тирании Любимова?

— 30 лет.

Потом я объяснял в противовес тирании режиссера — тиранию авторитета.

— Даже если зал будет носить на руках и критики трубадурить «гениально!», а Любимов скажет: «Валерий, это плохо», я поверю Любимову (аплодисменты), хотя я понимаю, что объективно не может быть Любимов всегда прав.

Надо начинать бизнес, зарабатывать деньги.

Л ю б и м о в:

— Самостоятельность и основу для жизни актерам давала эта

уникальная компания под странным названием худсовет... Там были Дм. Дм. Шостакович и Н. Р. Эрдман, А. Г. Шнитке и ученый с мировым именем П. Л. Капица — ученик Резерфорда, А. Вознесенский и Е. Евтушенко, писатели — цвет «Нового мира», когда во главе журнала стоял А. Т. Твардовский — Абрамов, Трифонов, Можжев, Андрей Дмитриевич Сахаров и Солженицын...

24 января 1994

Понедельник

И в Париже бывают перебои с горячей водой. И что же? В посольство идти с грязной головой или накопять?

25 января 1994

Вторник И рука не дрожит

Прекрасно прошел вечер в посольстве. Советник по культуре Валерий Иванович говорил, что имел прямое отношение к записям пластинок во Франции, что Высоцкий называл меня своим самым близким другом и «часто звонил вам». Все для меня теперь уже удивление. И как давно это было, и было ли это.

31 января 1994

Понедельник Ту-154, 15.00 по Москве

Умер Е. П. Леонов.

1 февраля 1994

Вторник Молитва, зарядка, кофе

Надо пойти на панихиду к Евгению Павловичу. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Хождение в народ не получилось, как заметила женщина из очереди. Милиционер меня спас, выгудил из народа и проводил к служебному входу. Но стоял я около часа или даже больше. Продорог изрядно, зуб на зуб не попадал. За кулисами увидел Ульянова. «Замечательная книга... дочитал... Я впервые Володю так...» Дальше я не стал слушать — как-то было неловко у гроба комплименты в адрес гробовой книжки выслушивать. Положил я две розы белые, по 8 тысяч каждая, Евгению Павловичу, поцеловал его, сердечно-го, в лоб и ушел восвояси в келью свою. И вот теперь я выпил кофе и частично — человек.

20 февраля 1994

Воскресенье — отдай Богу!

Третий день так и хочется сказать — созрел для предательства. Пока я пьянствовал в Арзамасе с Гайдаром и без, артисты дали факс Любимову, что они решили частично возобновить работу на

малой сцене. Тут же я отзвонил в Иерусалим и открестился от этого факса. Названивал Демидовой, Полицеймако...

Но ясно одно — здание от нас ушло и дело мы проиграли. «Чайка» идет, хвалят Губенко и Шацкую, упоминают Петрова и Джабраилова. А со вторника Вилькин начинает восстанавливать «Мастера» — вот и разгадка. Вилькин — «Мастер» — «Тартюф». Оказывается, уволен Иван. Мне бы надо уйти в отставку, снять с себя полномочия председателя трудового коллектива, члена художественного совета.

И получилось так, что Губенко в дамках. Тимур Аркадьевич советует не бросать дело, не выходить из игры — репертуара года на два-три хватит, а там, глядишь, султан умрет или верблюд сдохнет.

Ужас, ужас... И все это придет к объединению и под Губенко. Уходить в ЦАТРА?! И играть на Таганке по договору? Разбежаться в самый тяжелый момент поражения? Годится ли?

1 марта 1994

Вторник. Молитва, зарядка

Календарная весна! И мы выходим с «Живаго» на старую сцену. Вчера давал интервью Российскому ТВ — невнятица меня губит. А дело вот в чем: закрыв театр, потеряв здание, нам необходимо сохранить труппу, уникальную по своим музыкальным возможностям. Сохранить труппу, сохранить молодежь — вот главная идея открытия.

8 марта 1994

Вторник. Молитва, зарядка

«Ты должен быть в полном боевом, на коне», — сказал Лавлинский.

Подписать контракт, играть и продолжать бороться за новую сцену. Мы не можем дать уйти театру в песок, не можем похоронить заживо труппу и репертуар, который не видели не только сотни тысяч по стране, но и больше половины москвичей, — репертуар, который стал классикой. Мы должны опять работать, приглашать классных режиссеров и жить, как и прежде, при аншлагах. Зритель пойдет на нас, а не на новую сцену. Мы в тысячу раз больше подведем Ю. П. Любимова, если дадим умереть его спектаклям в России. Объективно он выиграет, если его работы будут жить, а жить они будут только пока живы мы, потому что никто, кроме нас, этого не сделает. У Губенко — одна несчастная «Чайка» с весьма бледными рецензиями. Наш репертуар — сплошные аншлаги.

Надо работать. Да, правительство не заступилось. Что теперь — уходить и отдавать Губенко весь театр, чтобы он царил и это называлось Таганкой? Не заступился никто! Обижаться? Нет, будем бороться за себя сами. И сохраним репертуар в пике единствен-

ной «Чайке» Губенко. Зритель истосковался. Наш изысканный, эксклюзивный репертуар — и «Чайка», поставленная кинорежиссером!

Теперь шеф в Иерусалиме и не хочет, чтоб мы открывались до решения Думы, суда и пр. Но мы рискуем потерять и старую сцену, и я принимаю решение 23-го апреля играть «Живого»! Если «Маяк» пройдет 10-го марта, а с Дибровым 27 марта по ТВ — это хороший разброс. В середине будут газеты «Московский комсомолец», «Собеседник». «Удачу надо готовить ежесекундно».

10 марта 1994

Четверг

Пусть москвичи, и как можно больше, увидят «Чайку», пусть бывший Малый Моссовет придет на «Чайку» в полном составе и убедится, ради чего он принимал свои преступные решения! Ради чего Губенко в своем болоте утопил «Годунова», «Электру», «Живого» и «Трех сестер»! Любимовские спектакли...

11 марта 1994

Пятница

За мои идеи, особенно если бы они были реализованы, мне должны были бы заплатить. Правда — кто?! Вот сегодня идея: нырнуть под сень области. Кто мэр Московской области?! Бить челом ему: «Спасай, мэр, „Таганку“, отдай нас какому-нибудь банку, а то и двум. А мы тебе поездим по области — Чехов, Можайск, Волоколамск (опять же Питирим!), Дмитров...»

12 марта 1994

Суббота

Олег Вальков:

— Вы не обижаетесь, когда зрители при упоминании фамилии Золотухин говорят: «А-а, это который Бумбараш...» Не обидно вам слышать это?

— Смотря в каком контексте, когда зритель вспоминает... «А-а, это который Бумбараш»? Нет, не обижаюсь, вспоминают удачу. А вот когда, к примеру, Кулиджанову на Раскольниковова предлагают Золотухина и он говорит: «А-а, Бумбараш...» — он клеит ярлык. Это обидно.

Когда слушал вчера Морозова, я думал о священниках, убитых в Быстром Истоке. Об иконах, что, рискуя жизнью, уберегли, упрятали мои односельчане, быть может, от моего отца. И вот уже я в Быстром Истоке с Маховиковой разговариваю... Кто помнит этих несчастных?! Кто может поведать трагедию храма Покрова? Трагедию Быстрого Истока и всяя Руси? Ведь в «21-м км»-«Покаянии» нельзя без этого обойтись.

13 марта 1994

Воскресенье

Выпустил попугаев. Пусть и ко мне привыкают. Пусть летают на воле, на пространстве кухни. Вон они дверь клюют, точат — стягивают клювики. Они сами найдут предметы, которые можно подолбить, чтоб избавиться от лишних наростов.

Сегодня Прощеное воскресенье. Умение прощать нужно воспитывать в себе... Чин прощения. Что же слезы-то на глаза?! И не могу справиться с собой, Тоска и скорбь. Зло — начало скорби и болезни. Искоренить зло, а как?! Господи! Спаси и сохрани, помилуй меня, грешного! Удаление от зрелищ. А у меня на пост как раз и падает возрождение зрелищ. 23 апреля — рождение «Таганки». Может быть, пойти на ту сторону с белым флагом перемирия, попросить у всех прощения да соединиться?!

Почему-то вдруг в голову пришло: а не может ли нас помирить Денис?! Выступить по очереди перед обеими группами, а потом собрать всех вместе и, как будущий священник, прочитать проповедь и соединить нас. А?! Почему бы нет и почему такая идея в голову мне пришла? От тоски и скорби.

30 марта 1994

Среда, мой день

Мне снился Филатов. Мы лежали... Потом он бросил мне в лицо каким-то пшеном. Я спросил: «Ты ударил меня?» — «Нет». Тогда я сказал: «Леня, извини... Давайте помиримся...» Этот сон на фоне вчерашнего сообщения. «Ты знаешь, у Филатова инсульт!» — это Инна, комендант. Потом инсульт не подтвердился, слава Богу. Но Ленке плохо. Господи, помоги ему! Не наказывая нас так жестоко! Такая наша профессия, такая наша жизнь — червяшка поползла, потом умерла и т. д. А он еще влюбился в Нинку, да тут еще Дениска в семинарию из ВГИКа... да с Эфросом напутал Леонид много. Неужели у меня чувствуется злорадство, о котором на противоположной, соседней странице написано?! Прости, Господи, нет, нет...

31 марта 1994

Четверг

Молился за Ленку. И сочинял обращение к труппе.

«Уважаемые коллеги! Дорогие друзья и работники театра! Мне кажется, всем нам было бы чрезвычайно полезно для восстановления нашей профессиональной формы, для большей проходимости и эластичности наших актерских капилляров внимательно и подробно присутствовать на репетициях А. М. Вилькина по возрождению спектакля «Мастер и Маргарита».

Ей-богу, каждый для себя, независимо от возраста и звания, получит профессиональную выгоду, столь необходимую для достойного открытия 30-го сезона Театра на Таганке и встречи Ю. П. Любимова. Валерий Золотухин».

Вывешу сегодня это воззвание. А вчера — бойкая торговля в «Меридиане» на вечере Е. Клячкина. Не надо было ему уезжать в Израиль, а тем более возвращаться, прости меня, Господи! Он говорит про гонения-запреты, 60-70-ые... а мне кажется, он говорит про кого-то другого — про Галича, про Высоцкого.

С. Соловьев репетирует с актрисой. Она ни хрена не понимает, он бьется, бьется, потом в сердцах говорит:

— Да ладно... неизвестно, будет ли вообще театр...

И вдруг истерический крик Губенко:

— Театр будет, будет, будет! — и еще чего-то.

Аплодисменты, хлопки трех поклонников.

Да, пусть будет, если будет... Так и хочется написать: «Филатова ты уже утробил», но не напишу, ибо — грех. Не суди.

Вчера я записывал на пленку для выставки сны о Высоцком, из дневников.

7 апреля 1994

Четверг. Благовещенье

День 85-летия Матрены Федосеевны!!

10 апреля 1994

Воскресенье. 16.15

Вчера открыл выставку «Высоцкий на Таганке», к 30-летию театра, по мотивам моих дневников. Самой дорогой и неожиданной реликвией для меня явился приказ от 14 декабря 1975 года, где предписано к 20 марта 1976 года осуществить мой ввод на роль Гамлета. Три подписи — Дупак, Власова, Любимов. Вот, наконец-то, миру ясно, что не Самозванец я с принцем Датским, а назначенный приказом. Кажется, и с Ниной Максимовной помирила нас Люсенька, объявив мою книгу «лучшей книгой о Высоцком». Нина М. улыбалась, когда я пел про «Нинку» и рассказывал об истории написания песни «Поездка в город». Визит мой на М. Грузинскую был весьма кстати. Опять же засветился на ТВ. И в «Благовесте» меня показывали. Много, много замелькали мои фамилия, голос и рожа.

Взорвали Мигулю... Вот почему спросил меня Зорин, какие взаимоотношения у артиста В. Золотухина с бизнесом. И тут я пустился в рассказы о несостоявшейся пельменной. А вопрос-то был с подвохом. «Как только я узнал, что мне предстоит иметь дело с рэкетом, я от этой затеи отказался сразу».

«Трус не играет в хоккей».

23 апреля 1994

Суббота

Не подарили нам праздника правительство и юридическая братия. Решение об отмене указа отклонено. Принято или пришли

к мнению, что решение Моссовета не отменять, а забыть и искать компромисс, курс на договор о сотрудничестве всех противостоящих групп. В понедельник Бугаев собирается разговаривать с Губенко, и «если тот не согласится на сотрудничество, я наделен полномочиями... приняты формулировки, не отменяющие решение Моссовета, но существенные...» Короче, нам предлагается в открытую с ними договариваться, более того — получается, мы должны свое здание у Губенко выпрашивать, или арендовать, или что?

И Лужков вовсе не оказался другом Любимова, коль побоялся судов и прокуратуры... Но я-то, я-то хорош! Трепач несчастный. Вчера, говорят, показывали нашу конференцию. Меня аттестовали как руководителя. Несколько раз повторили: «Группа Валерия Золотухина». Еще не хватало. Сделать из меня главного предателя Любимова, главного зачинателя открытия сезона.

А те опять празднуют победу. Опять взяла их.

5 мая 1994

Четверг. Петербург

Не удивляйтесь, что мой сегодняшний концерт похож будет или уже похож на лекцию. Я и готовился к нему, сам удивился — читал умные статьи (экономические), адвокатские диалоги, выписывал цитаты, повторял без конца «Черного человека» и заболел... Ну, пусть будет так. Однажды В. Высоцкий весь концерт проговорил, и те, кто слышал это его выступление, говорили, что им повезло, — такое бывает раз в жизни, а на концертах его песенной гениальности они бывали не раз.

3 июня 1994

Пятница

Кошмарный день — на «Таганке» отменили спектакль из-за отсутствия зрителя! Какая-то организация взяла билеты и якобы не сумела их продать. Провокация, вредительство, убежден, что это дело рук мафии Губенко. Из этого можно сделать большой скандал — вот-де, никому не нужна эта ваша «Таганка» с вашим старьем. Ну, попляшут они на наших гробах! Но Бог видит все и накажет неправых.

5 июня 1994

Воскресенье, 22.40

Главное событие дня — вручение дипломов нашей студии. В том числе и Шопену, после 26-летней службы в театре народному артисту России. С Этушем вели мы эту радостную, счастливую церемонию — он вручал диплом, подписанный мной и им, а я каждому дарил молитву опгинских старцев, текст которой я огласил перед началом своей речи.

Говорил о том, что это беспрецедентный случай за 32 года работы в театре, чтобы курс целиком был взят в театр. Выдал я это как решение Любимова, хотя он об этом и не подозревает.

Маша с Семеном каждому дипломнику всовывали в рот по клубничке. Вообще было нечто трогательное, до слез счастливое и грустное.

Теперь идет бал в театре — пьют, поют, резвятся.

9 июня 1994

Четверг. Утро

«Сказать же, что я заболел в результате действий господина мэра и усилий моего коллеги Валерия Золотухина, который пытается выжить своих товарищей из театра, — это много им чести». «Правда» от 8 июня 1994 г. Интервью с Л. А. Филатовым.

Что это?! Ну, хоть в компании с господином мэром, и то хорошо. И за то спасибо. Есть над чем подумать. Я опубликую переписку нашу, Ленья!! Что ты делаешь?! Кого я пытаюсь выжить из театра?! Да Бог с тобой, ты что?!

12 июня 1994

Воскресенье

Что было вчера на «Белом попугае»?! Рассказал я историю про fallos exsteaorceinaris — веселку обыкновенную... Имело успех. Рассказал и про «сметану». «Это было у моря» — если по звуку это прилично, на этот номер я уповаю. Спел «Шута» Ю. Никулину, и было ему это трогательно. А потом на него упал фонарь. Слава Богу, штативом, но ведь по голове... Приложили лед, дали коньяку. И вроде опять ожил наш капитан. «Книжка мне твоя понравилась... про Володю... я ведь его хорошо знал... Очень хорошая книжка». А вот сведения о том, что Шукшин был на премьере «Бумбараша» и сказал про меня «вот наш алтайский дурачок», Лида Федосеева-Шукшина не подтвердила: «Во-первых, он никогда не ходил на такие мероприятия без меня... об этом фильме ничего не говорил... Это выдумка Заболоцкого». Вот это я уж выясню.

19 июня 1994

Воскресенье

Много и умно говорила сегодня Абрамова про спектакль «Время Высоцкого». Ах, как хорошо, что это увидела Москва — «Высоцкого». Метафора с «Гамлетом» устарела. Мало кто помнит, что Володя играл «Гамлета». А этим ребятам по двадцать лет, то есть, когда он умер, им лет по пять было, они еще мало чего соображали в бардах — и вот на тебе, так рассказать, так понять...

Господи! И вот слова Славиной, больной, несчастной бабы.

22 июня 1994

Среда, мой день
Вчера корреспондентша:

— Филатов совсем плохой, что-то с ним... О вас они говорят, что вы не русский.

— Как! Золотухин — не русский?!

— Псевдорусский.

Я смеюсь над ними. Это действительно симптомы, никуда не годящиеся... Вот такие пироги.

Я в своем рвении, конечно, перегнул палку, употребляя и вспоминая отца. Редактор «Нашего наследия» более правильную формулировку этого пункта высказал. Государство разрушало в том числе и храмы. Действительно, была гласно и негласно передана директива: крушить попов, преследовать, изгонять. А дураку дай волю, он лоб расшибет. И прости ты меня, Сергей Илларионович, я молю Бога за тебя. Ведь и в армии ты политруком был. А что это значит, все мы теперь знаем. Даже сильно внедряться, углубляться не хочется — какая власть над людьми была дана политрукам... палаческая. По известному указу Сталина или его банды. Это мне Костя Желдин говорил. Ох, ох, ох...

3 июля 1994

Воскресенье

Почему я выпариваю Пастернака у Набокова или вдруг заплачу над Есениным, и оба они потускнеют, и уйдут их рассуждения гениальные, когда вдруг зазвучат в голосе строфы «Снегиной».

«Ты сыграл своего Гамлета в «Живаго»», — сказала мне Люся Высоцкая. Абрамова, а я написал «Высоцкая». И не ошибся. Она самая Высоцкая из всех его женщин, любимых им.

19 июля 1994

Вторник

Что был бы я без Бога?! Не поднялся бы и с постели по своей воле, охоте.

31 июля 1994

Воскресенье

Гурченко обо мне:

— Мой любимый артист... Мы с вами не снимались, но мы были приглашены как литераторы...

Это мне запало — «любимый артист». Что она в виду имела?..

«Послушай, Феллини». Сумасшедшая, грандиозная работа актрисы Гурченко. Завидовал, как двигается, танцует, поет... и играет. Но зачем она каждой клеточкой, каждым квадратным сантиметром пространства экрана доказывает, какая она талантливая и зря

ее так долго не снимали?... Этот бесконечный реванш... Зачем?! Это какая-то тогда опять ущербность, какой-то комплекс. Нельзя показывать своих страданий, нельзя их демонстрировать, у меня тоже это есть. Хотя нет. От этого нет полного захвата моего сердца, души. Я тоже вместе с ней начинаю считать... и все. А вообще-то, конечно, феномен, но какой-то агрессивный. Энтузиаст, как сказал бы да и говорил Грушницкий мой.

Никита Михалков. Не удалось мне с ним ни познакомиться, ни поздороваться. А хотелось.

1 августа 1994

Понедельник

— «Голубая чашка». Я очень люблю этот рассказ. По уровню влияния его можно сравнить с бунинским «Солнечным ударом», чеховским «Студентом». Ну настолько ничего не происходит, что неловко. Это мы знаем, что такое «Голубая чашка», с высоты нашего времени, которое мы оцениваем, как нам заблагорассудится... — говорит Н. Михалков.

Сюрприз, полное очарование — это маленькая девочка, дочка Надя, разносящая беспрестанно чай, кофе, орешки, печенье, услужливо спрашивая: «Что вы хотите?» Она же, оказывается, главная героиня фильма.

В конце всего Никита посмотрел на меня, поднял брови, голову, давая знак, что аудиенция со мной окончена. Почему, блин, со мной? Он засмеялся, я вручил ему свою книжку, и мы дважды расцеловались.

Поскольку я сам этой привычки не имею, то, естественно, целование предложил он, и мной оно было принято.

3 августа 1994

Среда, мой день. Самолет

Критика за спиной ведет оживленные разговоры о картине Михалкова. Никита, получая приз, на плече вынес дочку. Четыре бугая к изящной пантере присовокупили белую шкатулку-сейф.

4 августа 1994

Четверг. «Брно», г. Воронеж

Нынче я в Воронеже, № 704. Тихонов интересовался разделом, в каком лагере я и Филатов. Узнав, что Филатов в больнице, в Кунцево, сказал: «Я не знал, что он в больнице, надо бы навестить».

Вчера на перроне сказали мне, что умер Е. Р. Симонов и тут же добавили: «...и Смоктуновский». До утра не верил в это. Воронежские ребята подтвердили — по ЦТВ прошла информация.

И. Смоктуновский умер. Ушла эпоха. Ушел родитель главного направления актерского ремесла 60-70-х годов. Ой-ей-ей... Кеша, Иннокентий Михайлович, Иннокентий Смоктуновский! Боже, Боже... Великий артист ушел.

Какие артисты ушли — Борисов, Леонов, Евстигнеев и вот... Смоктуновский. Неужели ты, В.С., и вправду родился, чтоб написать дневники о Высоцком, засвидетельствовать мгновения чужой жизни, да и то не главные, мимо проходящие?

Тихонов: «Больше государственности у вас, в Нижнем Новгороде, а не в Москве. И возрождение России начнется отсюда».

А откуда завал России произошел, из Москвы? А возрождение будет отсюда? Любопытно.

5 августа 1994

Пятница

«Служу Советскому Союзу!» Нет, Тихонов не идиот, конечно, но как же хорошо ему жилось со Звездой Героя, с ленинским лауреатством. За что?! И Евстигнеев, и Леонов... Боже мой, Боже. Так хоть не трясина ты этими побрякушками... И какое он у всех руководителей находит сочувствие этой ностальгической пропагандой. Вчера женщина в Хохоле благодарила его за статью в «Правде». «Я не давал... это они из интервью «Водному транспорту»...» Опять «Правда»! Кого она объединяет?! Это же не просто так Е. И. — ну, монстр! И главное ни одной мало-мальски четкой мыслишки, идеи, все одни намеки. «Тебя не купят, нет?» Русская идея — беспроектный конек, единственная тема в зубах, губах, на языке. Убожество. Господи! Как хорошо, что я не пью.

Нет, конечно, Тихонова можно уважать за это, если это называть «позиция»... но как-то все это без юмора, на такой злобно-затанной, мрачной ноте преподносится.

6 августа 1994

Суббота

За два дня пять выступлений.

Много узнаешь о своих коллегах трогательного, нежного. К примеру, очень хорошо, глубоко по мысли, умно и с потрясающей задушевностью, красиво, завораживающе, с прекрасной дикцией говорит Тихонов. Его можно слушать часами, затаив дыхание, — тембр, интонации... Почему, думаю, мало мы его слышим по радио? Юморной и добрый рассказчик Рыжов. Соколова говорит о жизни своей за кулисами, о жизни коллег. Савельевой Люсе предложили быть костюмершей. Корольков стоит в гардеробе.

8 августа 1994

Понедельник. Вагон

Говорил я Тихонову много хороших слов.

— Что восхищает как профессионала — вы с одинаковой актерской тщательностью и порядочностью произносите тексты брежневской «Целины» и толстовские тексты... Без насмешки, без дешевого цинизма. Потому вы себя сохранили — серьезность и

трепетность, Поводов для разгильдяйства жизнь вам подсовывала много. Такие роли, такие награды... Очень легко потерять себя и ориентиры. Вот в параллель с вашей судьбой актерской — судьба О. Стриженова. Финал печален, а как еще мог бы и работать и со зрителем встречаться, и тем держать форму и уважение к себе, к своему таланту. Водка, гульба — забвение зрительское.

Тихонов:

— Надо иметь своего адвоката. 10% со сделки он берет себе, но зато тебе не о чем беспокоиться. Все переговоры-разговоры он берет на себя, все устраивает и говорит: «Это вам невыгодно».

«Мороз-мороз...» с ансамблем, с солисткой. Верхние ноты звучали прекрасно. Особенно последний, второй концерт вчера. Я в хорошей форме, я жив, я не соблазнился на «зверобой» с Тихоновым, а хотелось. Слава Богу, что он такой деликатный и понимающий оказался человек — не просил с ним выпить, не настаивал, мало ли, лечится человек. Ведь он сына потерял, Володю, который погиб от этого увлечения.

20 августа 1994

Суббота. Вечер

— Не пишется.

— И мне. Откладываю — завтра, завтра, и так уже лет пять.

— Напрасно. Вам не пишется — это напрасно. Вам — дано. Не всем дано, кто пишет, а вам дано, пишете. Мое время на излете, а вы еще... — сказал мне Жженов и подарил в самолете книжку «От глухаря до Жар-птицы».

Замечательно мы с ним летели. Так замечательно он рассказы-вал о наших коллегах, об Иннокентии С.:

— Он откровенничал со мной. «Больше всего, — говорил он мне — боюсь я бани». Я-то знал, что он еврей, а он себя за поляка выдавал. Олег Даль... Божьей милостью, настоящий... Если с кем несправедливо поступила жизнь — с ним и Вампиловым. Зачем последнему надо было утонуть! Такие пьесы писал!

Чудесную миниатюру рассказал о Высоцком. Для меня — неизвестный Высоцкий.

— Приехал польский театр, играли они у нас. И наметились у меня отношения с одной актрисой. Назначила она мне свидание в гостинице «Россия». Я прихожу и встречаю в вестибюле Володю. Спускается эта актриса. Мы сидим, разговариваем, и я понимаю, что мы на одну роль метим. Сидим 10-15 минут, час сидим. Володя встает и уходит: «Извините, я сейчас». Через пять минут приносит две чашки кофе и две рюмки коньяку. После этого галантно попрощался и оставил нас.

Эта история меня восхитила. Зная Володю — быть первым в женском вопросе, — и чтобы он уступил!

— Он уважал меня, наверное и любил, но больше уважал, — заключил свой рассказ бывший зек.

А для меня — неизвестный Высоцкий. Засверкали слова в мозгу. И я попросил:

- Подарите мне эту историю, Г. С.!
- Пожалуйста, конечно.

21 августа 1994

Воскресенье. Красный Селькуп

Я не верил глазам своим, глядя вчера на Г. Жженова. Неужели ему 80 без малого?! Неужели теоретически возможно мне дожить до его лет, то есть еще 27 лет, и стоять вот так перед микрофоном, сохранив юмор, жизнь и ум! Господи! Кажется, я начинаю чему-то и кому-то завидовать. Не потому, что ему 80, а потому, что он такой. В самолете не задремал, не закемарил, а живо и непринужденно рассказывал историю за историей без старческой экзальтации, без капризов, жалоб, фырканий. Я сидел, слушал — глазам и ушам своим не верил. А я со своей спиной не знал, куда себя девать в кресле самолета, в какую позу уложиться, чтоб не больно было и поспать...

26 августа 1994

Пятница. Вечер

И пришла мне простая мысль в голову. В сущности, этот роман с Ирбис, эта любовь, эта сумасшедшая страсть спасли семью... Как ни странно, это так. Это сильное, мощное отвлечение от семьи, от ее проблем. Разводиться мне не надо — жалко и... вообще. Но и жить в этом аду было бы невозможно без какого-то плота спасительного на стороне. Да и стороной этот плот назвать преступно. Это то, что спасает и дает силы, дает жизнь. Пусть иллюзия, мираж... Но этот мираж рождает что-то конкретное — тексты, репризы, анекдоты, байки.

29 августа 1994

Понедельник

Две встречи вчерашние, в праздник Успения Пресвятой Богородицы.

1. Утром проехал за виноградом на красный свет. Откуда ни возьмись гаишник на машине. Молодой парень, пацан. Подаю права, лезу в машину за техпаспортом. Рассматривает, указывает сесть к нему в машину. Сажусь. Не отрывая глаз от фотографии:

- Как вы постарели!
- А вы помолодели.
- Почему?
- Не знаю, очевидно, с годами вы... Как вас звать?
- Виктор.
- ...С годами вы, Виктор, молодеете, скоро в детсад опять пойдете. Что же это за бестактность с вашей стороны?
- А вы знаете, за что я вас остановил?

— Я вам расскажу про драматурга Эрдмана. Ему одна дама сказала однажды при встрече: «Ой, как вы плохо выглядите сегодня!» Великий драматург ответил: «Мадам, я каждый день бреюсь и вижу себя в зеркале».

— Это очень опасный перекресток, так же как и тот, перед ним. — Короче, ни х... он не понял.

2. Вторая встреча — в храме Донского монастыря. Мужчина, рыжеволосый, с густой рыжей бородой, здоровается, улыбается, жмет руку.

— Вот видите, все так и случилось, как вы сказали. Живу в монастыре... Я вас вез во Внуково на такси. Вы дали мне телефон. Вы там же живете, на Академической? Лет двадцать прошло... Вы насколько не изменились. Как сложилась ваша жизнь, играете, репетируете? Удивительно — вы не изменились.

— Да что вы, мне сегодня милиционер сказал совершенно противоположное с утра: как вы, говорит, постарели.

— Уверяю вас, он не прав... Нет-нет...

Я, растроганный, расцеловал его в рыжую бороду.

3 сентября 1994

Суббота

Все просто — помещение обещано банкам и там мафия, охрана, уголовники, бандиты. К театру нельзя подъехать: на всех углах стоят бритоголовые, квадратные морды.

4 сентября 1994

Воскресенье

Из политических новостей меня интересует почему-то только Чечня и ее лидеры, Дудаев и Хасбулатов.

21 сентября 1994

Среда, мой день. Соловьевка

Вчера Глаголин сказал, что кому-то звонил Ярмольник и сказал, что у Филатова неоперируемая опухоль мозга. Что это значит? При чем тут Ярмольник?

Господи! Я за Леонида тебя прошу. Избавь его от этого недуга ошибочным диагнозом. Я видел снова его во сне. С его стороны была заметная тяга примириться. Я не подавал вида, но хотелось броситься к нему и сказать: «Пусть все будем порастет!»

Если это так (опухоль), то его ситуация посложней моей.

23 сентября 1994

Пятница

Денис рукоположен. Теперь он православный священник в чине дьякона. Если я правильно терминологизирую. Я поздравил

его. Говорит, через неделю Алла должна родить. Господи! Пошли ей здоровья и тому(той), которого она произведет на свет. Звучит Шнитке и мой голос, читающий Пастернака. И мне это нравится. Иногда музыка заглушает текст. Это ошибки звукорежиссера.

Репетиция прошла обнадеживающе.

Звонили из «Кинотавра», с 1 по 9 октября какая-то тусовка — «Чонкин» приехал. Первая обзорная рецензия — ни то ни се. Страсти разгорятся потом — будет вопить «Память».

Вчера в «Вечерней Москве» вручили мы очередное послание президенту.

— Я, — говорит Борис, — прочитал его здорово, они сидели, открыв рты. В лоб спросил главного: «Опубликуете, напечатаете?» Ответ: «Обязательно».

Еще одна акция. На этом вручении был Славка Слесивцев, в том же блузоне «Вечерняя Москва». Он в свою очередь замолвил аргументированный довесок: «У меня были прекрасные отношения с Петровичем, но я ушел и создал свой театр, а потом и второй».

25 сентября 1994

Воскресенье

Филатов. Вчера поставил свечку о здравии его. Я помолился, чтоб Господь послал исцеление ему. Мне его ужасно жалко, хотя я не люблю его с того письма, которое много открыло из того, что от посторонних глаз закрыто. Полицеймако говорила с ним в тот день, когда мы с Борисом видели его у театра. У него действительно была частичная потеря речи. Он неслыханно изменился и произнес такие слова: «Я сказал Нинке, чтоб она прекратила агрессию». Почему бы ему не сказать это Губенко? И почему он не идет на мировую со мной? Ведь он же облил меня дерьмом с ног до головы своим письмом. И чем дольше затягивается борьба между Губенко и Любимовым, тем очевиднее его, мягко говоря, заблуждения, высказанные в этом письме с дьявольской четкостью. Статья Бурякова не могла пройти мимо его ушей и глаз. Зачем он полез со своими рассуждениями в «Правду»? Нет, и впрямь — болен.

27 сентября 1994

Вторник

Воздвижение сегодня.

Вчера, кажется, началось восстановление храма Христа Спасителя. Но «Эхо Москвы» ничего об этом не сообщило. А если это вчера произошло, то ведь это национальный праздник.

28 сентября 1994

Среда, мой день

Вчера был день большого — как сказать от «суета»? — суетения. Если две враждующие из-за тебя женщины говорят, что ты мерза-

вещ, сволочь, негодяй и лицемер, каких свет не видывал, одни и те же слова, эпитеты, метафоры и приговоры, очевидно, кто-то из них прав. Впрочем, я и сам о себе того же мнения — мелкий, любимовский актеришка с непомерными тщеславием, себялюбием и эгоцентризмом. И надо же — он строит храм?! Богухульник да и только. «Сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст!»

Вчера по пути на Десну встретили в белой «девятке» Гердта. Он выразил жестом желание остановиться. Мы остановились на Обручева. Вышли из машин и весело поговорили о негодяе Губенко. Гердт вспомнил, как министр СССР в телекамеру, отвечая на звонок, говорил: «Да, малыш... хорошо, малыш...» Гердт возмущался:

— Постельное имя жены... что это за вкус... Играете «Живого»? Ну, хорошо. А у нас беда — прислали два билета на Патрисию, а мы оба с Маринкой в gripпе, а билеты по 250 долларов (кажется, он сказал два пригласительных, а не два билета).

Комментируя «малыша», он, смеясь, сказал, что так Рудик мог сказать, но он бы сыграл министра культуры лучше.

— Ваша? — показав на машину.

— Нет, но все равно красивая.

И мы весело и долго ехали за Зиновием Гердтом, а где-то на Профсоюзной раскатились в разные стороны. Замечательная какая-то, теплая встреча, мы любим друг друга давно, еще со времен «Дворянина Чертопханова».

30 сентября 1994

Пятница

Сегодня 30 сентября 1994 года в день Веры, Надежды, Любви я прочитал «Медю» и плакал вместе с Ясоном. Хочется, как Подсекальников, позвонить в Иерусалим Любимову и сказать: «Прочитал „Медю“. Понравилось. И играть в ней я буду только Ясона, и никого другого».

3 октября 1994

Понедельник. Раннее утро

«21-й км» начинает пухнуть от истории «Таганки». Надо сократить, но сначала надо все-таки попытаться все — и Эфроса, и Высоцкого, и Любимова — в один узел втянуть... да еще смирновско-еврейскую бодягу...

Ну, с этим посмотрим.

Очень холодно ответила Крымова на мое «здравствуйте, Наташа». Срезала. Говорил я на презентации журнала «Московский наблюдатель» о трех приездах «Таганки» в Париж. О триумфальных гастролях эфросовских спектаклей — «Таганка» под флагом Эфроса, но без Эфроса. Эти гастроли охарактеризовал, как грустные, — старые, изношенные спектакли с ослабленным составом: в «Годунове» без Губенко, первого исполнителя, в «Преступлении» без Славинной и Джабраилова. Говорил о «Матине», прочитал письмо

Мейерхольда Молотову и спел «Реквием». Несколько человек, в том числе Свободин, пожали руку и поблагодарили за «Реквием» (Шнитке — Вознесенский). А вообще скучища дикая, хотя народу было мало и я был введен в заблуждение, что артисты Фоменко и Додина придут в костюмах играть отрывки из обрывков. Ничего этого не было, да в добавок еще почти плевков Крымовой — в чем я провинился перед ней или памятью Эфроса, ума не приложу...

4 октября 1994

Вторник

Вот, говорят, осчастливил нас своим появлением из дальних стран Веня Смехов. Недоволен художественным состоянием театра, но собирается играть и «Дом», и «Мастера». И я думаю: слава Богу! Уже то хорошо, что он появится на подмостках старой «Таганки». Его знают, его помнят, его многие любят, а значит, нашего полку прибыло. К тому же «Мастера» он играет хорошо. Да еще человек он пронырливый, до начальства охотчивый, глядишь, в какой суд пойдет, какую-нибудь «гумагу!» сочинит. Я помню его подвиг, его активность с «Московскими новостями». До сих пор эта акция остается достойнейшей. Так что... не все потеряно.

9 октября 1994

Воскресенье

И всего-то два дня не писал, а случилось-то что! Дедом стал я наконец-то! Внушенька у меня родилась... весом 3 кг 900 г, ростом 52 см. Вот еще перевернулась очередная страница. Слава Богу! И как будто все в порядке и с матерью, и с малышом. А узнал я об этом в театре от Бориса Глаголина:

— Вас можно поздравить, В.С.?

Первая мысль (тщеславие — самое большое уродство психики) — премию дали, наградили... Стал перебирать в уме — за что?! Что я сделал выдающегося?

— Говорят, у вас внучка родилась?

И я перекрестился — слава Богу... Новорожденный дед. Не так обидно стать дедушкой, как спать с бабушкой.

10 октября 1994

Понедельник

Нет, Господи, не желаю я Филатову зла или физической... по типу Эфроса. Господи! Пошли ему исцеление!

Все у Дениса напоминает о нем, хотя и моя фотография с ним маленьким все же висит. Сейчас там погром. На полу книги, кассеты, все в кучах. «Он плохой (в смысле здоровья), — говорит Кузьминична, — не поднимался сюда». Нет, я не хочу ему зла и помирился бы... но он первый запустил в меня этим гнусным письмом, и кланяться ему я не намерен. Если бы он был здоров, было бы лучше для всех.

13 октября 1994

Четверг

На «Павла I» Краснополский принес мне газету «Эстония» со статьей Елены Скульской. Ее поразили «Дневники», и она воздала мне сторицей. Спасибо вам, Елена Скульская.

15 октября 1994

Суббота

Фурман:

— Что с Филатовым? Говорят, у него рак. По радио объявили — сбор средств на лекарство...

— Если по радио бы сказали, кто-нибудь в театре услышал бы... Не слышал, не общаемся.

Господи! Спаси и сохрани его. Что там наши распри... прости, Господи!

23 октября 1994

Воскресенье — отдай Богу

«Теперь Николай Губенко может не ездить в Калининград (Кенигсберг) вместе с Анпиловым, Руцким, Стерлиговым, Бабуриным... Теперь они прекрасно могут проводить свои соборы в Москве. Художественных спектаклей нет. Сцена свободна для политических...» Александр Минкин.

30 октября 1994

Воскресенье

Любимов прислал распределение: я — Креонт, а не Ясон. Ясон — Беляев. Обидно, но, кажется, справедливо. Роль Креонта плохая, никакая, но ведь и ответственности никакой, а месяц с лишним жизни в Греции, кроме того, что это заработок, это еще и рукопись. Поэтому надо торопиться сейчас. Писать, писать и писать, организовывать материал.

В театре получил предложение от Радова Александра Георгиевича (Российское ТВ) — вести передачи об интересных русских мужиках. Надо найти хоть одного для початку.

3 ноября 1994

Четверг

Вчера со Светой Майоровой на Шаболовке встречался. Оказывается, ларчик открывался просто — бывший премьер Щербаков не захотел сниматься в моей компании. Ну, ясно, он в связке с Губенко и Павловым. Они все — дружки, банкиры и бандиты. Ему не «комфортabelно» в компании со мной, с моей демократической мордой на народ, на мир выходить. Что дружки скажут?! Вольский

вроде бы дал согласие. Оказывается, они эту передачу оплачивают, финансируют — 8 тысяч долларов стоит им это удовольствие. А что взять с артиста?

На письменном столе — портрет Шнитке. Я материально чувствую, какая от него исходит добрая, божественная сила, энергия духа. Чудесно... Действительно, фотография может быть заряжена. Она производит на меня действие.

23 ноября 1994

Среда, мой день

Вторая половина дня. После прямого эфира в дибровском канале «Свежий ветер» вспоминал эпоху Моцарта, фильм, встречу со Швейцером, Смоктуновским. Нет, определенно я устроил себя, даже прослезился. 20 минут — это очень мало для какого бы то ни было связного рассказа, да еще ответы на вопросы.

Вчера — запись ток-шоу. Выбил меня Вольский своей веселостью, знанием моей биографии, творчества. Говорил, какой гениальный я буду король Лир, пел мои песни «А я в ответ на твой обман...» и пр. Я растерялся — отвечать, петь мне почти не дали. В общем, смущенным я уехал с передачи. Теперь надо надеяться, чтоб все это они монтажом поправили. Но больно серые люди конструируют эту передачу, и настроение у меня было вялое, хотя хорошее. Посмотрим. Но ни умом, ни остроумием не блистал я и находился под обаянием Вольского, который царил... Потом он сказал, что это я виноват в том, что он разговорился, расшугился, что ему было очень приятно быть в моей компании, ни с кем другим он не согласился бы... Но в политическую партию он записал меня в свою — против Гайдара, Чубайса, Бурбулиса, которых я на Куликово поле с собой отправил.

25 ноября 1994

Пятница

Несколько дней под впечатлением собственных дневников 79-го года, когда уходил от Шацкой, когда в холостяцкую квартиру приходил Денис... и вообще — все слова Шацкой, все отношения, свидания с Дениской маленьким... Плачу до сих пор... тоска, тоска. Как будто и не было этих пятнадцати лет новой жизни, почему-то так больно. Как он бежал за автобусом, наперегонки, в котором я уезжал. Господи!

Решил я сегодня поголодать, и не удалось. Съел сейчас в буфете маринованный помидор, картошку... домой не поехал, хочу посмотреть Лену Кореневу в спектакле «Лу». Начались репетиции «Живаго», спевки, многие артисты не пришли. А на спектакль зовем дивизию им. Дзержинского... Дожили — не можем билеты распространить.

В театре разлад, разброд. Если я не хочу ничего делать, если я

себя не могу заставить репетировать с другим режиссером, попробовать новые моря, новые суши, — что говорить о других?! Что-то решается сегодня в арбитражном у Яковлева.

26 ноября 1994

Суббота

И хватить так подолгу спать!!! Ведь надо же писать на Нобелевскую премию, ведь слово сказано уже! 2011 год заявлен.

30 ноября 1994

Среда, мой день по гороскопу

Артист должен репетировать. А кто сказал, что он должен репетировать? Любимов. Не репетируют только бездельники и бездари. Умерла Р. Нифонтова. «Помни о смерти».

3 декабря 1994

Суббота. Адлер

Да. Довольно все просто. Худо-бедно, но тридцать лет с небольшим перерывом (но и в этот перерыв появился тут же тоже мощный поводырь — Эфрос) нас вел поводырь, и жизнь твоя личная была в фарватере главного дела — жизни театра. Так ли сяк ли — все твои дела, семья, бабы, дети, съемки, концерты, писания — все было подчинено замыслам, действиям поводыря. Мы были за его спиной, мы привыкли, что кто-то думает, решает и в конечном счете отвечает за нас. Теперь мы остались одни, надо думать, действовать самим, а мы не привыкли и, главное, за нас никто не отвечает, и нам не с кого спросить. И есть группа артистов, с которыми Любимов отказался работать, а каждый из них чувствовал, что он останется один на обочине, в стороне от главной жизни (а жизнь — это театр, другой-то жизни ни у кого не было). Это и толкнуло их от страха и отчаяния искать выход, и они нашли его в бунте и в мнимом лидере Губенко. Их понять можно. Надо было только создавать дело — театр, а не кромсать помещение. Сейчас мы остались без поводыря. «Медея» даст какие-то доллары, если все пройдет благополучно, но дальше... И, наверное, думать надо сейчас. Не дожидаясь марта. Но, может быть, Зингерман прав — «не суетитесь, играйте, берегите то, что есть — все случится само собой». Что он имеет в виду и, может быть, не высказывает — физическое исчезновение Мастера?! Но это чепуха. А что тогда?!

8 декабря 1994

Четверг

По тому, какие человек задает вопросы, можно судить о его уме.

10 декабря 1994

Суббота

Какого огромного внутреннего благородства был исполнен-наполнен спектакль «Товарищ, верь!», как он много воспитал в нас, много действовал на нас — только теперь это понятно. Почему же в таком случае он не подействовал на Шацкую и др.? Или подействовал, и понятия «честь», «свобода», «долг», «достоинство» приобрели уродливый, гипертрофированный вид?! Или как?!

16 декабря 1994

Пятница

Надо бы записать мой вчерашний долгий разговор с Любимовым. Хотя разговором назвать это нельзя — гневный, матерный монолог.

— У вас сознание — «все равно мы ему нужны». Не нужны!!

— Взять и выручить, а не ахать, не охать, не «ой, какой ужас!» (про «Тень»).

— Дама приехала... Три дамы в одной — Марлен Дитрих, Грета Гарбо и Комиссаржевская.

— С апреля не играет, пусть уходит... Она и не хотела на «Таганку», хотела в Вахтанговский — Рубен не принял... А она потихоньку создает свой театр... «Ю. П., вы у нас что-нибудь поставите?.. Мы найдем 20 тысяч, сейчас можно найти спонсоров». Нет, Алла, не поставлю... Они со своим недоделанным Гурьяновым 30 миллионов неустойки с «Таганки» хотят взять. Как не стыдно?

— А Сережа поедет (осветитель). Вы его не знаете?.. Да я с ним «Живаго» выпускал... я знаю больше, чем вы думаете...

— Ты работаешь, я знаю... Но есть театральный устав какой-никакой... Что это такое! Беляев не хочет с Шаповаловым играть... Найдется артист, который будет прилично играть Шуйского, Желдин плохо играет... будешь играть «Годунова», Шаповалов только раз будет... Вы не можете поговорить с Бугаевым, чтоб у него челюсть отвисла, сказать Коробченко: «Вы поставили театр на грань уничтожения...» Только не со Смеховым, который занимается самоутверждением и саморекламой... Вы можете прийти и сестра в приемной у Лужкова... Он не может вас не принять — пусть вызывает полицию... и чтоб выполнились его собственные решения. Иначе мы объявляем голодовку.

— Кстати, что там с Чечней? Не знаешь?

— Этот Граббе — ходячая пунктуальность... меньше говорить надо, пусть играет лучше. И эта дама. Выше вас, выше театра себя поставила... А кто ее сделал? Как я выбивал в «Электре» из нее этот манеризм, и играла она более-менее, пока следил за ней. Ездит, вещает по миру — дива, бл... Ну и пусть катится на х... после этого, она думает — я с ней репетировать буду... Соберитесь и заявите: «Для нас он — глава, как он скажет, так и будет, так мы и сделаем». На старости лет от вас мордобой получать...

Реплики написаны вразброс. Но текстологически — точные тезисы его матерщинного и потому для меня радостного все равно монолога.

Я перечитываю свой «роман» в дневниках и внутренне рыдаю, переживаю в который раз пережитое.

24 декабря 1994

Суббота. Вечер

Я нянчил внучку. Красота. Маленький человечек, но уже женщина. Или уж мне мерещится?

1995

9 января 1995

Понедельник

Целый день провел в театре. Говорил с Любимовым.

— Вы все на меня сваливаете.

— А на кого нам сваливать, Ю. П., конечно, на вас.

10 января 1995

Вторник. Театр

Хейфец, видно, польщен разговором, предложением работать с «Таганкой». Но, естественно, он полон сомнений. И в вопросе дележа театра... не дележа, собственно, а скандала, у него своя позиция. Она касается отношения Любимова к своему театру: «Это не в русской традиции руководить театром из-за океана по телефону...»

И если Хейфец оговорил вопрос возможного привода с собой своих двух-трех учеников, которым надо помочь, значит, он внутри себя рассматривает наше шестое предложение (МХАТ, Малый и пр.) всерьез.

12 января 1995

Четверг. Театр

Говорил с Матреной. Что-то тяжело. Плохо слышит, разговора никакого. Видела меня по ТВ: «Хорошо». Ну, и то хорошо.

14 января 1995

Суббота. За рабочим столом

А Солженицын между тем живет в России, Любимов — в Израиле, Максимов — в Париже, а Солженицын — в России, и все тут.

16 января 1995

Понедельник. Петербург

Любимов. Мой фильм о нем. Какие вопросы ему задать, что выудить из него, какие новые признания? Радов предлагает, опять же с моей подачи, сделать непременно портрет Любимова, но не в форме традиционного интервью и всех знакомых рассуждений и идей. А мой взгляд, актерский, человеческий, бытовой. Как это организовать? Что написать к моменту съемок? Какие вопросы заготовить? Каких людей спросить? «Этот разный Любимов». Ну, это уже было. Подобный подход. Разный — это понятно. А вот мой — это дороже («Мой Пушкин»). Отсюда и танцуй — мой Любимов. За что ты любишь Любимова?

1. «Ты, русский артист, пляшешь под еврейский оркестр на православных могилах». От себя ли это он говорил или цитировал кого-то из друзей театра?

2. «Не приходи на спектакль один раз — тебя выгонят, а я тебя возьму».

3. Понять, осмыслить Любимова — зачем мне это надо, пусть это делают другие. Они это сделают лучше. У них будет на то время. Одиночество Любимова. Любовь Любимова. Страсть Любимова. Дети Любимова. Жены Любимова.

Но не мне ведь этим заниматься?! А почему? Без клюковки нельзя.

4. Без Боровского не обойтись. Триумф Боровского — это триумф Любимова. Кажется, жюри в лице Вознесенского пришло к выводу, что оно оплошало, и в этой ситуации как нельзя кстати надо было Любимову дать триумф. Ведь за все время существования «Таганки» Любимов не получил ни одной престижной отечественной премии. Это что же такое делается, господа хорошие?

19 января 1995

Четверг

Он (Любимов) делал мне вчера замечания, а я думал про себя: «Господи! Какое это счастье, что он в таком уме, в такой форме и что он опять с нами. Да пусть ругается! Ни одно замечание, ни одна ругань не впустую — все по делу, все с огромной для артиста, для спектакля пользой». Присутствие Любимова на гастролях сделало гастроль событием, а не просто прокатом спектаклей. И то, что Собчак представлял нас и выжал из Любимова скупую мужскую слезу, а после спектакля сам вынес корзину цветов, — все это будет иметь для биографии и жизни театра колоссальную роль, значение и последствия. И вот уже выяснилось вчера, что в Москву он придет не 15 марта, а 15 февраля. И требует к этому времени подготовить для показа все заготовки, все работы начатые. Вот она — перспектива.

— Я с теми властями не ладил, а с этими вообще не хочу иметь дело.

Ш а п о в а л о в:

— Значит, в интересах артели — уговорить вас?

Л ю б и м о в:

— Это вы и делаете косвенно. Но для этого надо хотя бы приходить вовремя. А вы «Подростка» на всем готовом не можете сыграть. А вы «Пир во время чумы» умудрились сыграть хуже, чем шведы... Вы думаете, что у меня это проходит бесследно?! Потому что вы забегали в театр... Вы высосали все из фирмы. Вы думаете, вы — «Таганка»? Вы давно не «Таганка». Артист должен сердцем понимать. Трагедия глубже. Вы довольны уровнем.

«Деньги его не интересуют, потому что у него их много».

24 января 1995

Вторник

«Борис» явно и везде принимается намного лучше, чем «Живого». Михайловский замок. С каким-то странным чувством страха объезжаю его я всякий раз после спектакля ночью. Где-то там, в глубине его, в темноте его, меня убили, когда я был Павлом I.

11 февраля 1995

Суббота

Бедная Нинка. Ей не позавидуешь. Муж в больнице — и он ей дороже, прости Господи! Мать при смерти, но тут уж помочь никак нельзя... Что-то тут неправильно, но не нам судить.

13 февраля 1995

Понедельник. Театр, вечер

Сегодня премьера «Чонкина» в Доме Кино. Мы собирались, но...

Любимов не подписывает контракт.

— Только на «Медю». Делайте, что хотите. Надоели. Ваш вопрос рассматривается в правительстве Москвы. Пусть они решают, что с вами делать.

14 февраля 1995

Вторник

Почему-то радуюсь, что много снимают Смехова. Вот, говорят, была замечательная его беседа с Листьевым. В театре за ним хвост телевизионных камер, людей. Снимают его везде: и на сцене, и в кабинете Любимова, и среди зрителей.

В Донском монастыре замаливал я свое сонное наваждение. Ставил свечку во здравие Филатова. И плакал.

15 февраля 1995

Среда, мой день
Сегодня ночью прилетает шеф.

16 февраля 1995

Четверг
Приехал, и поднимается. Хочу, чтоб он меня застал на этом месте, месте домового.
Сейчас он довольно миролюбиво делает замечание по первому акту «Тартюфа».

17 февраля 1995

Пятница
Сегодня на «Таганке» первая репетиция «Медеи» с Мастером.
— Я думаю, мне дан последний шанс работать с русскими... со своим театром бывшим. Приехал в бывший Театр на Таганке. Властей нет, они занимаются подводной охотой друг на друга. Они все время врут. Я с ними разговаривать не буду, не о чем. Они могут второй раз меня выслать.
— Я и делаю это, чтоб вас подкормить. Но я стараюсь сделать приличный спектакль. А следствие, чтоб вас пригласили снова в поездку.
— Я хочу все, что я имею в профессии, вам отдать. А не то, что я хочу вас обидеть.
— И цензура есть интрига.
— Господа разных национальностей знают и слышат одно слово — «водка».

20 февраля 1995

Понедельник. Театр
Надо найти выход и подход к калмыкам. Быть может, Илюмжинов станет спонсором, нашему театру благодетелем. Может быть, он подарит коня не только Паваротти, но и Любимову.

21 февраля 1995

Вторник
После «Поисков жанра» получил я письмо в стихах от эмигранта в Америку, вот два четверостишия:

Золотухину хорошее спасибо,
Кров не бросил, духом не ослаб
И свое актерское либидо
Не растратил на вино и баб.

«Годунов» с «Живаго» показали.
Жив театр, и в «Меридиан»,
Как на свет, мы, нищие, бежали,
Презирая ельцинский туман

24 февраля 1995

Пятница

Антипов:

— Имеет значение, в кого мы играем, где, когда?

Л ю б и м о в:

— Имеет. Потому что в Америке мать сдает ребенка учительнице за руку, крадут детей... и так же учительница сдает матери... Смотрите эти хроники страшные, раненые, их глаза, беженцы из Дубровника... Пир во время Чечни — вы помните, кто там был?.. Заповедник, историческое место, превращенное в развалины... А у нас Руцкой кричал: «Ребята, взлетайте, бомбите Кремль!» Я ответил тебе на твой вопрос?

— Ну, в общем, да.

Вот какое обстоятельство. Любимов вчера призывал высказаться откровенно — как каждый думает и чувствует. Так вот, я не очень верю в «Медея» и поэтому тихо рад, что я не Ясон. В связи с этим у меня нет ответственности за происходящее и будущее спектакля, да простит меня Бог. Для меня это возможность скоротать время, что-то успеть написать, и, главное, заработать, обеспечить себе валютный запас.

«Президенту Центра народной помощи „Благовест“
Трогункиной З. Ф.

Уважаемая Зинаида Федоровна!

Театр на Таганке обращается к Вам за помощью. Мы просим Ваш Центр выступить спонсором постановки спектакля „Медея“ или помочь найти такового(ых) среди известных Вам коммерческих структур. Участие спонсора будет обозначено в афише спектакля „Медея“.

Постановщик спектакля „Медея“ — Любимов Ю. П.

С уважением, худ. рук. Любимов Ю.П.»

— Театр гибнет от эгоизма артистов. И тут вы не сможете меня переубедить. Это дело артельное, и я открыт к вам, как вы должны быть открыты ко мне. Мы уже находимся в цейтноте.

— Россия, как раскоряка, — между Западом и Востоком... и все пыгается всеми руководить. Россия должна сужаться, а не захватывать.

— Греки жалуются, что у них ничего нет, кроме моря, фруктов и женщин.

— Мы живем две жизни — до обеда и после.

— Явлинский — кто мама, папа, какова вера? Отец русский, мама еврейка.

— Начали все евреи и евреям исправлять.

— «В России еврей-президент — нонсенс». А цари-немцы — не нонсенс?

— Эстетика должна быть смелая.

— У советских людей всегда найдется оправдание всякой мерзости.

— Мне позволили надеть перстень Пушкина. Он мне на фалангу мизинца только подошел. Я сразу представил, какая рука была маленькая у Александра Сергеевича... тонкая и женская, поэтому он и тренировал ее с палкой.

Если Лермонтов родился в 1814-м, а я в 1941-м, то умру я в 2014-м, то есть 73 лет. Значит, 20, даже 19 лет жить мне осталось. Хватит.

2 марта 1995

Четверг

Убит Листьев. Все акционирование Останкино, рекламные структуры... Так и не пришлось мне с ним встретиться в кадре. Его все любили. Это была наша «звезда № 1». Господи!

«Послание одного сердца к другому» — так можно охарактеризовать нашу с Ленькой переписку. «Ужасный век, ужасные сердца...»

Почему-то нет звонка, а я жду, жду...

Антипов:

— Отменяется?

Любимов:

— Чтобы отменилось у меня?! Для этого надо меня убить.

Здесь многое, если не все. Отменить ему что-нибудь почти невозможно — премьеру, спектакль, жизнь...

3 марта 1995

Пятница

Теперь — театр. Я приезжаю раньше на полчаса, чтобы переодеться, расположиться, сделать какие-то звонки и дела до репетиции... а главное — почему-то я жду, что мне кто-то важный позвонит и предложит выгодный контракт или сценарий. Вот опять с 15 марта убрали из эфира мою передачу «Русские», то есть «Россия в лицах». Убрали до трагического события с В. Листьевым.

Беда в том, что в гримерной, где я пытаюсь думать и писать, не отключается и не регулируется трансляция. Идет все время отвлечение, ухо ловит репетицию, ухо приковано к сцене, к происходящему на репетиции.

8 марта 1995

Среда, мой день

«Церковь должна быть началом разума, культуры, образования, цивилизации». В. Шаламов.

9 марта 1995

Четверг

Интересный вопрос, говорящий о многом: «Валера, а тебя знает Алла Пугачева?» Эталон популярности: если «да», значит — все,

есть она. «Его знает сама Алла Пугачева!» Дальше ехать некуда. Достиг. Снимите шляпу: его знает Пугачева.

Почему Любимов молодой? Потому что он не живет прошлым. Он его не очень помнит. Он живет настоящим и будущим. В этом он — женщина. Мы же отстаем от него в энергетике, мы все немножко староваты, а он — нет.

12 марта 1995

Воскресенье

Осенью 94-го года надо было отметить наше с Тamarой 20-летие. Лучшей не надо мне жены. Может быть, и есть лучшие жены, но применительно к моей индивидуальности, характеру и уродству — не надо. Она верная, терпеливая и, как всякая истинно русская баба, прощающая. А что мне надо? Всегда свежее, выстиранное белье, ухоженный дом — Зоя все восторгалась: «Какая же у вас чистая ванная, какая у вас чистота!» — накормленный и ухоженный Сережа.

13 марта 1995

Понедельник

Мой план проплыть по Волге, по городам-героям, находит отклик. А главный город — Ярославль, где родился Ю. П. Любимов — родина героя.

18 марта 1995

Суббота

Когда я жил так, чтобы не бояться, что прочитают мои дневники, письма, не залезут ко мне в карман или в душу? Да никогда я, в общем, так не жил.

Что ужасно и даже непонятно... оторопь как-то берет. Вот Любимов больше месяца в Москве, а мы никуда не продвинулись в вопросе возврата театра или какого-то общественного интереса к нам. Ни одного человека — друга театра не появилось за это время в наших коридорах. Исчезли и поклонники. Нет Карякина. Почему-то я подумал: встречался ли он здесь и захочет ли с ним встречаться Солженицын? Вообще — где писатели, поэты, где друзья театра?!

19 марта 1995

Воскресенье — отдай Богу

Надписал книжку Е. С. Матвееву, а он мне за то комплимент отнесил: «Я тебя в «Юности» читал... Я тебя после Шукшина первым считаю».

21 марта 1995

Вторник

«Уважаемый Аркадий Иванович!

Православная община села Быстрый Исток Алтайского края просит оказать посильную помощь благотворительным взносом на строительство храма Покрова Пресвятой Богородицы.

Три года назад с Божьей помощью и с помощью АО „Алтай-продуктхлеб“, который строил в селе элеватор, удалось заложить фундамент, нулевой цикл пройден. Затем строительство элеваторов по всей Сибири и Алтайскому краю было заморожено. Остановилось и строительство храма. Народ начинает разуверяться в возможности увидеть когда-нибудь возрожденный храм.

Мы просим изыскать возможность и благотворительным взносом содействовать продолжению строительства храма.

По поручению православной общины народный артист России В. Золотухин».

Я переписал на всякий случай этот документ, чтобы потомки, разбирая посмертно мои бумаги, знали, что с таким письмом я обращался в Союз промышленников и предпринимателей. И что из этого получилось.

Я сетовал, что Любимов не встречается ни с кем, и вот в четверг его принимают Солженицын и Г. Попов.

23 марта 1995

Четверг

Л ю б и м о в :

— А в театре стало лучше (чихнул), ты заметил? Потому что медитируем.

— Потому что вы в театре, — сказала Шкатова.

24 марта 1995

Пятница

Поездка с Любимовым в С. Посад. Открытый, прямой эфир. Очень, по-моему, хорошо он его провел.

Смешно про меня шеф говорил:

— У него своя теория, что он — второй... Подфартит приличная роль — он сыграет... А назначат на другую, он так обставит, что уклонится, уйдет, отказываться не станет, а играть не будет... Кузькин, одним словом. Он не просит главную роль, опасается: дадут, а он не справится.

Он изложил мою теорию довольно верно, но в его словесном и интонационном оформлении это выглядело очень забавно, смешно. О себе слышать со стороны, в третьем лице?..

Например, такую он вещь сказал:

— Зря я ввязался в политику, когда вернулся, с Горбачевым... Надо было просто заниматься своим делом в 89-ом.

25 марта 1995

Суббота

Бердяев о русском человеке: качание вечное между свинством и святостью.

«Мне так часто хамят, что я называю это деловыми отношениями», — Чечельницкий на «Единственной».

26 марта 1995

Воскресенье

Шандор как-то сказал Шкатовой:

— Любимов так грубо разговаривает с женщинами, что всякий уважающий себя мужчина должен сделать ему замечание.

А он замечание делать старику не может и поэтому не приходит. Ему неловко присутствовать при этом.

Панину разбили машину. Баба с ребенком въехала в него и всю левую часть, крыло, две двери... Зачем-то я по доброте свою машину предложил, дескать, бери и катайся. И он приехал в театр и взял. Но у меня ощущение, что он виноват — никогда не уступит, не пропустит. И тут не пропустил женщину с ребенком. Это ему и гаишник заметил. А Панин поехал в троллейбусный парк свидетелей собирать. Зачем я ему с утра такой подарок сделал? Бойся первого порыва — он благодороден.

27 марта 1995

Понедельник

Сегодня тень театра и день рождения моей тещи, Марии Александровны. Дала Тамара телеграмму.

Надо же, какая описка — «тень театра»! В самом деле от нашего театра осталась тень, и ничего другого.

28 марта 1995

Вторник

У Шкатовой сведения, что в стане Губенко полное разложение. Жукова пьет, Лукьянова стоит за буфетной стойкой, Нинка при больном Леньке, а Колька не пользуется авторитетом. Разложил и не созидает.

А мне говорили, что они вынашивают план объединения под началом Губенко. Потому что на сегодня Любимова нет, он никто, Немо. А они ждут только его отъезда. Для тех, кто варит кашу, и Губенко — уже отыгранная карта, они под объединение... Завтра мы проснемся, а здесь — казино, кафешантан.

2 апреля 1995

Воскресенье

В режиссуре Любимова, в его личности, в его воздействии на актеров есть мистическое начало, которое заложено в его колоссальной энергии, и он, растрачивая ее, тем заряжает актеров, заряжает действие, наполняет ею текст и мизансцены... Это тайна чрезвычайная. И тот, кто берет эту энергию, впитывает, черпает, кто ей открывается, подчиняется, впускает в себя — тот выигрывает. Но это тоже надо уметь, на это тоже надо решиться...

3 апреля 1995

Понедельник

Свидетельство. На актеров упала конструкция. Версия Любимова:

— Я дико закричал, помню... крик был слышен на площади. Прибежал из кабинета перепуганный Дупак: «Что случилось?» — «Кого убило?» — спросил я. На мой дикий крик сбежались люди.

Шопен:

— Что он врёт?! Никакого крика не было. Все произошло в тишине. Было слышно, как рвались веревки... Когда всех накрыло, шеф тихо спросил: «Кого убило?»

Золотухин:

— Я помню, я сидел на галерке, на балконе нашем, и видел, как падала конструкция, один конец, другой... В тишине Любимов спросил: «Убило кого?»

Почему Любимов «помнит» дикий крик? Что он хочет этим сказать? Быть может, он и хотел закричать, и крик мог быть, но его не было, потому что был ужас, оцепенение — и это правда, это по правде психологической и физиологической... Закричать могла слаонервная девица, случайно при этом оказавшаяся. Да и то вряд ли. Кто мог сообразить в этот миг, что падает и чем оно опасно.

18 апреля 1995

Вторник. Ил-86, летим в Афины

Я выучил три стихотворения Бродского. Я думаю: «Неужели я увижу «живьем» этого человека, моего ровесника, поэта грандиозного и личность не семейную, частного человека?»

Мужики мне виски склянку подарили. А я не пью, но это для них неважно. Пока не пристают. Что же мне делать с фондом, с храмом? Но это все полбеды. Что мне делать с романом, который я пишу на Нобелевскую премию? Не пишется. Но Греция должна способствовать. В Италии я написал об Эфросе.

А хорошо, что я не пью? Хорошо. Страстной вторник, но молочную пишу ем всюю. Дать мужикам по книжке? Джентльмены, скажите ваши имена. У меня в сумке четыре экземпляра, мужиков трое. А вдруг это бизнесмены, и они построят мне храм?..

19 апреля 1995

Среда, мой день

Рукопись достал и вписал вычитанное у Розанова: «пошатнутые биографии» — это наши с Филатовым биографии — и «не помню я, чем кончилась война, и кто победил не помню» — это про нашу с ним дурацкую войну, где биографии пошатнутые. Если б не его болезнь, он мог бы сделать еще много интересного, индивидуального.

20 апреля 1995

Четверг

«Вишневый сад» стал причиной разрыва двух великих режиссеров. Причина примитивна — ревность. Повод смешной, глупейший: «Он не выполнил моих замечаний, тогда зачем соглашался с ними?» В чем эти замечания состояли, толком не знал никто... Одно ясно, Эфрос пренебрег ими, сказав, что Любимов ничего не понимает в Чехове, а сам Любимов громко и неоднократно заявлял везде и всюду, что пьес Чехова он не любит, вот рассказы — да, дело другое. Ну так зачем же вмешиваться? На правах главного режиссера? Но соперничество и здесь было налицо. Разные режиссеры, разные методы, разные индивидуальности, да, безусловно, разные. Но так ведь и характеры разные, и воспитания не одинакового. Тогда правы те, кто говорят: одному нравится арбуз, а другому — попадьева дочка. И пошло-поехало. Ссору было не унять. Ссора вышла за двери театра и вошла было в двери Управления культуры. Но и у Эфроса там были свои дружки, не только у Любимова. На премьере «Вишневого сада» толпа снесла на «Таганке» двери. Успех превзошел ожидания. Ссора бывших друзей тому немало способствовала.

— Как чувствует себя А. Г. Шнитке?

— Плохо. Четвертый инсульт. Я понял только одно: он не хочет жить, он хочет туда... Я понял, что он жить не хочет. Он показывает туда и закрывает глаза. Воли к жизни нет.

Никто не помнит, что сказал Эфрос на 60-летию Любимова. Боровский: «У него (Любимова) фантастическая память... Но память на отрицательное».

21 апреля 1995

Пятница

Статья «Любимов как преподаватель русской советской и мировой литературы». Где-то это может соперничать со Сталиным — языкознание или что-то в этом роде.

После смерти Эфроса в газетах появилось сообщение, что Любимов отказался комментировать смерть своего преемника. Позже он скажет, что Эфрос совершил большую ошибку, придя на «Таганку», в это место, замешанное на крови. Какую, чью кровь он считал? Какую-то кровь кому-то отдал и Филатов в борьбе за Любимова, за

Мастера, за дело его. Они поссорились из-за «Вишневого сада». Вольно же было Любимову пригнать такого Мастера к своему горну, к своей домне. Вот он и отлил пирог. Не понравился?! А зачем звал? На что рассчитывал? И зачем затеял публичную ссору? А снять спектакль не мог — скандал. Да и успех у публики, у критики и внутри труппы. И вот результат: когда одна машина стояла у подъезда, другая разворачивалась и уезжала прочь. Если у театра стоял «ситроен», мы знали, что в театре Любимов. Если стояли «жигули», мы знали, что в театре Эфрос. Они избегали друг друга долгое время. Хотя Высоцкий три раза сводил их в своей гримерной, чтобы они помирились. Нет, далеко зашло, далеко. И вот «Таганка» празднует 60-летие своего создателя. Предстоят гастроли в Париж. Гастроли организуют и поддерживают коммунистические структуры. Любимов награждается Орденом Трудового Красного Знамени. В театре шумно. Труппа сидит на полу, на афишах знаменитых любимовских спектаклей. Праздник, победа, удача, впереди — Париж, огромное, месячное турне. Бренчат гитары, работает дешевый ресторан. Это актрисы под капусту и соленые огурчики наливают именитым гостям по шкалику водки. Пьянство коллективное еще не запрещено. Любимов разгорячен. Только что знаменитый поэт Вознесенский преподнес юбиляру огромного глиняного раскрашенного Петуха Петровича. Держит его в руках, говорит разные слова и заканчивает: «Чтобы в ваших спектаклях никогда не было пошлости и безвкусицы!» — и расшибает вдребезги Петьку об пол... Лихо! Лихо! Мало кто понял метафору, но — лихо. Может быть, Андрей Андреич намекал Мастеру на живого петуха, появляющегося в «Гамлете»... раздражал его живой петух в трагедии Шекспира или просто ради хохмы? Подвернулся ему где-то на базаре петух огромный, глиняный, и решил поэт пошутить — ради красного словца Андрей Андреич и поэму мог загнуть, Но вдруг среди грома, шума и веселья образовалась та самая звенящая тишина. Она образовалась не сразу, а с первым шепотом-известием, что по маршу лестницы поднимается Эфрос и с ним два-три его артиста. Эфрос поднимается в логово к своему врагу, сопернику, жуткому скандалисту. Он поднимается... он приближается. Театр замер, обмер... что-то будет, что, думали все, может выкинуть в первую очередь Любимов — вот чего боялись знающие о конфликте. Эфрос подошел близко и тихо-тихо, но точно ставя слова в ряд образной формулы произнес: «Юра, я хочу в этот день подарить тебе то, что ты так не любишь и что так хочешь и стремишься иметь» — и подает ему старую книгу. Юра разворачивает и читает: А. Чехов, «Вишневый сад». И Юра поплыл. Он заплакал. Хотя он ненавидит у мужчин, у артистов слезы. Слезы — это сантимент, который надо задавить сразу, как гаденыша, в зародыше.

«Не помню я, чем кончилась война... Кто победил — не помню». Должно быть, Эфрос. Через десять лет после того, как «Таганка» «Гамлетом» взяла в Югославии Гран-при, Эфрос сделал дубль и взял Гран-при «Вишневый садом» на Таганке. К сожалению, уже без Высоцкого. «Милый Телемак, Троянская война окончена. Кто победил — не помню. Должно быть, греки — столько мертвецов вне дома оставляют только греки».

Почему Любимов изменил свое отношение к Вознесенскому? Не потому ли, что ему объяснили и прочитали Бродского, а Бродский — против всех поэтов Совдепии? «А я с ним. И с Максимовым». Почему не рассказывает Любимов о своем визите к Солженицыну в Москве? Надо завтра попытаться на этот счет Боровского. И ходит, кстати, рядом Боровский по земле, просто гений, простой театральный гений, связавший жизнь свою с Любимовым.

Как-то в машине моей, в «москвиче», при Панине Любимов сказал: «Ты со своими записями умней становишься». То есть, он хотел сказать, что, записывая за умными людьми (за ним, к примеру), я сам становлюсь умнее. Ну что же, пусть будет так. Я становлюсь умнее? Не знаю, но что так писать не умею, как раньше, когда был глупее, — факт. Я был смелее и... все. Смелее. Сейчас удовлетворяюсь быстрее, смиряюсь. Но, слава Богу, миновало меня то состояние, про которое точно Беляев подметил: «Несостоявшееся, отсюда жалкое, все критикующее, самосъедающее...» Уж лучше паясничать, водку пить, баб любить, веселиться и не корпеть над бумагой или ролью. Вышло, не вышло. Не вышло — бросил и не переживай! Иди дальше, вернее, живи сегодня, потому что завтра может не наступить. Поэтому, В. С., жди спокойно 16-го числа, а 17-ое вообще твое.

Но неужели она, эта поэтесса из Таллина, права — надо было жить скучнее, но сделать, то есть написать больше. Это она про премию Е. Рейна и, кажется, это вообще рейновы слова. «Надо было жить скучнее». Неужели они веселее жили, чем мы? Но мы жили и прожили довольно скучно. Вот только не прозевать бы возраст Магомета. Возраст Христа прозевали.

Завтра суббота. И Пасха потом. Сегодня прошли мою сцену, и завтра на репетицию можно не ходить или сесть в углу с бутылкой воды и читать.

22 апреля 1995

Суббота

Завтра день рождения театра — 31 год. 30-летие мы встретили в Париже. Через год — мы в Афинах. Привез ли я деньги какие из Парижа? Конечно, привез. И книг много продал. Теперь мне надо освоиться здесь. Найти магазин с русскими книгами и сдать на комиссию.

25 апреля 1995

Вторник

Идет репетиция.

М а ш а:

— Хорошо пели 23-го. Но тебе не показалось, что Юрий Петрович был какой-то грустный?

— Да, Маша, показалось. Но он много выпил вина. Возраст. Как не крути — с ярмарки.

Уже три месяца он один... Какой-то бульон в Москве готовила

ему с собой сестра. Квартиру он сдает. Надо полагать, какие-то важные расходы он оплачивает и Никите, и сестре. И вот сейчас... а что дальше?! Была борьба с властью, с партией, за будущее России. Сейчас и этого нет. Политическая возня вне эмиграционных ячеек. Не у дел многие, в том числе и он. Бродский может написать еще книгу стихов. Хотя он может уже ничего не писать. Ему можно попробовать вернуться в С.-Петербург. Хотя он уже был в России, видел и возвращаться не хочет. Нобелевскую он получил... А у шефа нет того признания. Два месяца он отсидел в Москве без всякого шума, без всякого навара. А выйдет ли «Медея»? Она выйдет, но шума не произведет. К сожалению.

И эта глава, да и вся повесть неуклюжая и громоздкая будет оправдательным документом моей жизни — неуклюжей, серой и не очень веселой. Жизнь скучнее нельзя, а сделать больше — что это вообще значит? Получение Нобелевской премии за «21-й км» я назначил на свое 70-летие, а проживу я по цифрам 73 года, по лермонтовскому цифрию.

Я очень жалею, что не оставил Денису письмо для Филатова. Но что бы я в нем написал? Что, дескать, давай, Леня, мириться? Или — ты прости меня, а я тебя? Какая-то нелепость. В чем я перед ним виноват? Или перед ними? Да что, собственно, возвращаться к этим протоколам. Мы виноваты все, что так случилось. Но это же проще всего — сказать, что виноваты все, а значит, никто. Осудим друг друга и помиримся. Ну, попросим мы друг у друга прощения, ничего не требуя взамен, не ожидая никакой выгоды, ни материальной, ни нравственной. Чтобы жить спокойно. А очень тебе беспокойно, да?!

29 апреля 1995

Суббота. Афины

А когда я стал самим собой? Когда я стал становиться? Что-то очень важное произошло с кровью, когда я взял гранки первой повести в «Юности» с рисунками мамы, очень похожей на Ию Саввину. Я еще боялся, что Шацкая по этому поводу скандал мне учинит. Тогда что-то произошло. Мне было 32 года, то есть 22 года назад. И что произошло за эти 22 года? Да ничего, если, конечно, не считать Сережи и теперь Оленьки-внученьки, а хотелось доченьку. Не получилось. Но я отвлекся. Вот я стал самостоятельным, самим собой. А до этого разве не был я самим собой?! Разве в Тарусе, когда снимался «Пакет», когда приезжала ко мне Нинка и мы спали в сарае, катались на лодке в дождь... разве я не был счастлив, и жизнь разве не казалась мне подарком и блаженством? Еще не было Дениса... Его так хотелось, о нем так мечталось... и вот уж он — отец. Я помню эту Тарусу очень хорошо... А разве июнь 88 года не принес мне силы жить, выжить и удариться вновь в мечтания? Опять захотелось жить и что-то делать... А разве не был счастлив я, когда ловили на озере у цыгана рыбу с Тамарой, в Кижках, и я ругался страшно, но весело? Нет, хулиганил я, конечно, много. Надо было жить скучнее.

Но сделать больше... Нет, жил, как умел... да не жалею я и сейчас, просто разбираюсь с самим собою. И как-то отчетливо захотелось мне скорее к жене перейти. Я был с Тamarой счастлив. Зачем Бога гневить? И переезд на Академическую, и доставание мебели и паласов — все это составляло круг забот счастливых. Так что же произошло? Отчего сейчас так грустно, так безнадежно?

Что мне самому себе заказать, какой рубеж назначить, чем наградить себя, за что уважение и самость вернуть? За «21-й километр, или Покаяние»? Надо бы хорошо написать. А сегодня надо перейти. Как это случилось? А случилось это так. Историйка подловатая. «Отчего же ты плачешь, ива? Одинокая и ничья...» Одинокая моя, бедная Тамара. Ее одиночество жуткое. Но я о ней хорошую главу напишу, о моей несчастной жене. Господи, спаси и сохрани ее!

Какое роскошное занятие — читать Терца. И что же это Солженицын так вляпался?! Не разобрался или приревновал все-таки... или почувствовал, что теснят его?.

А теперь я в номере, под подушками каша варится. Это называется обед. Оксана Раздобудько не звонила вчера, к телефону-то я подходил, трубку-то между глотками виски я поднимал. Прочитала ли она книжку мою? Любопытно, как она к ней отнесется... Она гордится тем, что делала о Высоцком первую книжку в кинопропаганде. Ее «святые» чувства к нему может моя книжечка оскорбить, обидеть ее память о нем. «Я его очень любила, для меня... в моей жизни это была такая поддержка. Я его любила, но не таким», — слышится мне. А может быть, я преувеличиваю.

Скрипи, скрипи мое перо. Десять дней, как мы в Афинах. Ну и что?! А ничего.

30 апреля 1995

Воскресенье

Еще она говорила о том, что или все надо шифровать, чтобы читателю доставляло удовольствие разгадывать, дешифровать и радоваться: «А, дескать, понял, вот это кто... вот это где...» Или уж, поскольку Любимов, Эфрос — все открытым текстом... Ну, тут вопрос серьезный, хотя для меня мало значащий. Так ли сяк ли — это роман моей жизни, печатать я его долго не соберусь, он еще только летит к развязке.

За стеной Шопен гитару теребит, Высоцкого поет.

1 мая 1995

Понедельник

И день вчера не прожит зря, если осознать, что для России что-то сделано — концерт для вымирающих в Русском доме русских. Это — богадельня в прямом смысле. Церковь Серафима Саровского. Много стариков, многие не помнят русскую речь, многие не освоили греческий, прожив здесь всю жизнь. А внуки тем паче с русским языком не дружат. И из всего это самое разруши-

тельное. И, конечно, как сложится жизнь у многих из нас — о том лишь боги знают, как говорили древние. Фантастическая мысль: не придется ли жизнь свою доживать в этом доме кому-нибудь из нас? Вот какая штука. Еще какая-нибудь очередная Чечня, и побегит русский люд уже с родины своей, физического ища спасения в каком-нибудь таком Русском доме. И надо его содержать и поддерживать. Раз есть русский уголок, раз когда-то приобретена эта земля, раз стоит православная, русская церковь, надо развивать связи. И помогать им.

А веселье за стеной продолжается. Может быть, и зря, что я не там. Это редко теперь бывает, когда мы видим выпивающего вместе с нами шефа.

8 мая 1995

Понедельник

Беляев о Любимове:

— Я спросил у него в лоб: «Хотите вы работать в Москве или нет?» — «Нет, не хочу». Я испугался честности, прямоты и краткости ответа — «Не хочу, и отстаньте от меня». Это была искренность без объяснений, дополнений и пр.

Да, а мы копыя ломаем. А он не хочет работать в Москве, а мы просим (давно), умоляем, заманиваем, говорим: «но мы же ваши, ваше дело, ваша честь...» А он просто не хочет — и все.

Как бы в самом деле уберечься от пошлости в этом странном повествовании — о себе, узнаваемом, и в таких выражениях? Что-то подпахивает Лимоновым! Как бы тут не сделать ошибки. Но ведь были же «На Исток-речушку», «Дребезги»... В конечном счете он подскажет ориентир.

А за стеной, за стеночкой Шаповалов с Трофимовым гудят, кричат, вино пьют, ржут, хохочут — талантливые, очень хорошие артисты. А я мучаю тетрадь, руку и себя.

Я погряз в своем «21-м км». Но сейчас, просматривая накопившийся материал, думаю, что снова уже кое-что есть для какого-то, может быть, странного, но произведения, а «Бритва» все должна связать. Боязно, что не хватит времени с моими темпами. «Настоящий писатель должен работать по 10 часов в сутки». Разве я работаю столько?! Нет, я что-то из Греции увезу. Развязку романа ты увезешь, подлец!

10 мая 1995

Среда, мой день

О Любимове. Да, он не хочет работать в Москве по многим причинам — обиды, невнимание, отсутствие семьи и должного заработка... Много, много... Но он поставлен судьбой в обстоятельства, которые буквально заставляют его работать в своем театре, и эти обязательства находятся в глубине его совести, долга, чести, подсознания и памяти потомков. А то, что он не хочет... А почему он должен хотеть работать в этом разнузданном бардаке — назо-

вем это плохо — «государственной стране», от которой только что название сохранилось Россия? И все-таки она — мать. И он не может это не понимать, говоря пренебрежительно «в вашей России», на что Агапова тонко, лихо реплику подала: «А в вашем Израиле...» Он сделал вид, что не услышал, потому что Израиль он ненавидит (опять же — во сне не признается) гораздо больше, чем Россию. В России он ненавидит государство в его теперешнем виде и правителей в их теперешнем состоянии. Но на вручение медали он не поехал. Хотя наверняка был извещен. Ему принесли на дом — в «Мегаро». Думаю, очень может быть, что День Победы отмечал он в посольстве Израйля. Или сидели с Боровчиком и Глаголиным в апартаменте, пили водку и смеялись над артистами. А вручение медалей было в 18 часов вчера, 9 мая, в посольстве России. И он не оказал чести даже послу. Чтоб, не дай Бог, Катя не узнала. Господи! Прости его, грешного. «И не забудь про меня».

Да, конечно, мой рацион и режим питания может показаться кому-то жлобским. Продиктован он экономией средств и времени на его приготовление. К тому же я всегда ем, впрочем, как и сплю, в одиночку. Но крестьянская мудрость, хотя это, как выяснилось, мудрость и Лужкова, подсказывает, что правитель и ответственный спортсмен, выезжая на гастроли в другую страну, берет с собой то, что он ест дома, к чему его желудок и кишки привыкли. Без риска быть отравленным или самому бросить свой желудочный тракт на растерзание чужеземным яствам и питью. Так вот, берутся 5 столовых ложек «Геркулеса», кипятится 250 г крутого кипятку, в котором молниеносно растворяется половинка бульонного куриного кубика, где и соль, и перец и пр., — и быстро этот раствор в кастрюльку с хлопьями. Накрывается крышечкой, обувается в целлофановый пакет, лучше двойной, пеленается кастрюлька в большое полотенце и прячется в твою постель под две подушки и одеяло. Максимум через 10 минут каша готова и горяча. Вынимается из холодильника один помидор, моется под краном и дольками мелкими нарезается в пепельницу, потому что сервиза нет под рукой, солится по вкусу и улетается с кашей. В это время стакан, освобожденный из-под бульона, уже вскипячен вторично и в нем уже плавает пакетик чая или кофе. Вот вам завтрак туриста или обед артиста. К чему этот вышеозначенный совет я облек в форму трактата? Потому что в группе нашей случилось второе отравление едой. На сей раз у Любоньки. С температурой. А второй Медеи у нас нет. Слава Богу — два Ясона. И никого сия чаша... никто от нее не застрахован. Пронеси, Господи! Это что касается здоровья. Ну, а об драмах я и не говорю. Заказать, чтоб из Москвы привезли «Геркулеса» коробку. Сегодня начал вторую, а прожиты всего лишь 23 дня. Осталось 20. На вторую половину пошло.

Лена:

— Мне как-то неудобно... Ну как я буду предлагать тебя? Я боюсь за твой имидж.

— А ты не бойся. Я работаю на унижение. Я стою и продаю свои книжки. И Есенин продавал, и другие...

Я продаю свой товар, мною произведенный. Мой имидж — вечность. У меня корона с головы не упадет. Я с ней родился, а не купил и не отобрал. Поняла, дура!! И вы все, говнюшки. Я пишу роман. Боюсь, кто-нибудь спи... и выдаст за свой с моих слов. И потянут меня на всякие разборки. Тоже, впрочем, неплохой сюжетец.

15 мая 1995

Пятница

Бродский не приезжает, и мое пребывание в Афинах обесмыслилось с точки зрения автографа.

27 мая 1995

Суббота

Слава Богу — я один. Я привык жить один. «Взрослые олени проводят свою жизнь в одиночестве».

И вот на фоне того, что я долго рассказывал... Смоктуновский мне доказывал: «В театре у вас есть гениальный артист — Трофимов Саша!» И. М. провожал его до дому после «Мастера». На этом фоне коллеги — действующие лица ему не дают играть Ясона, он практически отстранен от роли, он как бы не достоин представлять «Таганку» в этой роли, которая, как ему казалось, да и всем, — у него в кармане, сделана... Он своим темпераментом, своими показами, своей актерской смелостью проторил дорогу в роли и шефу, и Беляеву. В этом мое глубокое убеждение.

«И понимание того, что...» Мне всегда недоставало чего-то чуть-чуть до достижения в актерстве высочайшей планки, другого счета. В одной роли мне недоставало речевой техники, как у Филатова, для другой я, оказывается, был низкий, не такого роста, как, скажем, Филатов, для третьей — я был сутул, ну, в этом пункте мы не уступим друг другу, для четвертой — не доставало ума и блеска остроумия, как у Филатова, для пятой — достоинства и мужества, как у Филатова. Что же у меня тогда было и что осталось?! Что есть! Души вагон, шириною в разлившуюся весеннюю Обь-матушку.

Душа... а что это такое? Это ведь понятие мистическое, метафизическое. А дело актерское — оно конкретное. Данных у меня не хватало явно. И везде не хватало по чуть-чуть. Тут бы сантиметра три росточку, там бы чуть-чуть скорректировать челюсти, чтобы язык шевелился при другой скорости. Конечно — ноги. Не хватало силы и здоровья в ногах, а отсюда и во всем теле. Оно хорошо мне служит. Но на коня я не могу вскочить... Я многого из-за того боялся. Я много занимался танцем, но я был ограничен в возможностях и, слава Богу, не старался поднять себя за волосы, а то бы потерял, что имел. И все-таки у меня был дар, у меня было обаяние, у меня был голос, в котором прозвучивался и рост (я вырос-тал), и блеск, и темперамент (это член разговаривал), да и ум, свой, не заемный. Нет, не завидовал я Филатову и никому на свете. Я просто сожалел иногда, что природа мне не додала по чуть-чуть

для каждой роли, для высшей планки... И вот тут уместно вспомнить из молитвы Ассизского: «Господи! Дай мне силы не домогаться столь многого!»

14 июня 1995

Среда, мой день

Звонил Игорь Шевцов. По его просьбе звонил я Любимову. Очень хороший разговор — речь идет о его авторском разрешении показать репетицию «Высоцкого», снятую давно, где мы все молодые и гениальные. И Любимов дал разрешение. Теперь Шевцов звонит ему. А Любимов просто звонку из России рад — он за звонок разрешение дает.

25 июня 1995

Воскресенье

Завтра пойду к начальству — надо хлопотать о театре. Надо, чтоб Губенко, это воплощение жлобства и мстительного хамства, все-таки был поставлен на место (а где оно, это его место?), чтоб он все-таки вернул то, что своровал.

27 июня 1995

Вторник

Даже страшно писать, какой вчера я прожил день, что было... А был я в Кремле и говорил с помощником президента. Все, начиная с секретарши, встретили меня... может быть, и бывает лучше, но редко. Стороны остались довольны собой. Наше письмо Илюшину понравилось. То, что у Губенко «коммуняки» (его слово), что здание используется не по назначению, — это мощный факт, аргумент противу Губенко и в нашу пользу.

«Я не могу ничего обещать, не могу решать за шефа, но думаю... В этой ситуации, сейчас, он может решить по-другому. Большой поддержкой мне было бы, если бы Лужков... он в начале этой недели должен быть у президента. Пусть Бугасв напишет письмо, а Лужков подпишет».

Я подарил Вик. Вас. «Дребезги». Президенту тоже, с надписью: «Уважаемый Борис Николаевич. Здоровья Вам, счастья. Храни Вас Бог. С надеждой на положительное решение Таганского конфликта В. Золотухин».

Взамен В. В. подарил мне — и чтоб (непременное условие) стоял на столе! — цветной фотографический портрет первого президента России. «Я поставлю на стол, обещаю. Но если нам не вернут театр, я его...» — и показал, что порву. Помощник смеялся.

После репетиции «Живаго» и «Высоцкого» прорвались с Борисом к Ульянову, помощнику Лужкова, и передали для Ю. М. записку — напомнить президенту о Театре на Таганке. Под запиской — письмо к Ельцину. Большое дело, казалось, сделали вчера — каков-

то будет результат? Но, главное, перед походом в Кремль я много молился и просил Господа о содействии в разговоре, помочь вернуть театр его законному хозяину. Илюшин, похоже, тоже на нашей стороне. Что же это такое?! Кто же помогает Губенко? Неужели Шумейко и Рыбкин так сильны?!

29 июня 1995

Четверг

Из аппарата президента сообщили — зачитали резолюцию, которую Ельцин на нашем (моем, моя подпись единственная) письме написал: «Если помещение театра используется не по назначению, то надо восстанавливать справедливость. Прошу заняться этой проблемой вместе с Ю. М. Лужковым». Это поручение С. Филатову. «Лучшей резолюции не может быть», — так прокомментировал референт Илюшина Андреев В. Ш. Но наша умная Людмила Георг. не очень обольстилась этой резолюцией: «А мне не нравится. Это еще надо доказать, что не по назначению!»

Как бы то ни было, я свое дело сделал — до президента письмо дошло, нам сочувствуют. Надо ждать решительных действий от Лужкова. Надежда, мне кажется, теперь на него.

Звонила, пока говорил я с И., Алла Д.: «Хорошо, что я попала на тебя». Я рассказал ей о делах театра, о своих походах в Кремль и приемную Лужкова, о молодых артистах театра. Душевный, теплый разговор. Милая Алла Сергеевна! Милая. Вот и все. Хоть бы у нее все обошлось хорошо, и набралась бы у И. группа в Грецию.

Шабдурасулов подтвердил, что резолюция «отличная». «Теперь ищите документы, которые подтвердят, что площади используются не по назначению — аренда, малое количество спектаклей, рестораны...»

8 июля 1995

Суббота. Ил-86. Молитва

Спасибо Рафу Клейнеру за рекомендацию найти и прочитать Ю. Нагибина «Тьма в конце туннеля». Страшно, но справедливо. И очень хорошо написано. Почему не мной?

10 июля 1995

Понедельник. Молитва

Я читаю Ю. Нагибина. Он мне, как оказалось, очень родной и близкий художник, писатель и человек. У нас много общего из того, что складывается на бумаге.

15 июля 1995

Суббота. Молитва, зарядка

Демидова снилась мне. А все из-за того, что мудак Глаголин заставил ее написать заявление об отпуске на три месяца без со-

хранения содержания. Два горлопана, С. и А., его-де вынудили!.. За год не сыграла ни одного спектакля. Быдло, оно и есть быдло, и плебс их толкает на такие тексты и возбуждает их кровь. Они не могут ей простить ее голубую кровь, белую кость и высокомерие, каким она удостаивает их вместе с Глаголиным. Демидова — знак Таганки, актриса № 1, женщина в конце концов. Когда мы говорим «Таганка», мы слышим «Демидова, Славина, Высоцкий», мы не слышим «С. А.». Она перенесла такую операцию... И если вся губенковская братия кормится у Любимова, то Демидовой-то это уж можно было позволить.

23 августа 1995

Среда, мой день. Молитва, зарядка

Каждую ночь мне снится Любимов. В деле — в театре, на репетиции... Я даже встревожился: не случилось ли чего. Потом, сейчас понял. На столе лежит дневник — тетрадь № 9, я вычитываю перепечатанную рукопись, а там сплошняком театр, репетиции «Живого», те самые, когда он родился — 68 год, и, естественно, Любимов, Любимов во всех вариантах. Оттого и сны. Со страниц дневника шеф переселяется в мое полусонное подсознание и действует в нем.

24 августа 1995

Четверг. Молитва, зарядка

Я закончил вычитывать тетрадь № 9 и остался ею весьма доволен. Любимов не зря посещал меня во сне. Опубликовать эту тетрадь срочно, в разгар-итог нашего раскола, как пример нашего единства когда-то. Губенко был в первых рядах и прекрасно вел себя, умно и талантливо. Господи! Как все жаль.

27 августа 1995

Воскресенье. Кемерово

Ни молитвы, ни зарядки

Убедился еще раз, что Абдулов со Збруевым очень хорошие артисты.

Абдулов в казино до половины восьмого торчал, а в 12 спектакль... Да разве можно было этого лося удержать в е... профилактории?! Еще удивляются, почему ему здесь не понравилось... Номера без телефона, скучища, нет лиц и поклонников.

Банкет вчера губернаторский в Доме Актера был прекрасен. Господа артисты были на высоте — рассказывали театральные историйки-байки. И я не отставал, рассказал о Михалкове и шубе. «Ну, теперь вы понимаете, что „Гамлет“ — это трагедия...» И тост мой был в продолжение историйки: «В эти дни, здесь, я понял, что День шахтера — это праздник!»

Когда Лановой сказал: «А теперь, Маша, «невечернюю», я рас-

сказал опять же о «Гамлете». Когда Высоцкий в темноте произнес «Быть или не быть», с галереи раздался голос: «Володя, спой!» И запел я «Во субботу...» Главный дирижер крикнул: «Браво!»

А самолет все еще стоит, и похоже... не будем гадать. Вернулся я с банкета, ушел тихо, в 23 был в койке.

5 сентября 1995

Вторник. Красноярск, г-ца «Октябрьская», № 501

Делал зарядку, и молитва перед тем была. Нас встретили вчера, конечно, с помпой. Теперь осталось немного — сыграть хорошо, оправдать доверие, легендарность «Таганки», а не то, чтоб: «Да, это не та Таганка... Вот если бы они приехали 15-20 лет назад, это была бы та „Таганка“, а теперь — отцвели хризантемы в саду».

Эта женщина (стесняюсь назвать бабой) — Кузнецова Евгения Георгиевна — «пивная королева» — Ангел похмелья — читала лекции о Цветаевой, Ахматовой, любит театр. Акционировала пивной завод, имеет колоссальную прибыль. В отделе кадров — очередь на работу, средняя зарплата — 1 млн. 300 тыс. руб. Написал ей просьбу, оставил счет фонда.

Кузнецова Е. Г.:

— Мы воспитывались на Театре на Таганке. Мы ждали всю жизнь, всю молодость этот театр.

Сказано впроброс, без патетики, но здорово.

Зубков В. А. обещал дать завтра «мерседес» для поездки в Овсянку к Астафьеву. Ходит Зубков с двумя молодцами, с охраной. Во, блин! Купил башню-долгострой за 2 миллиарда...

8 сентября 1995

Пятница. Молитва. Зарядка

У меня счастливейший день — я был у Астафьева в кардиологии.

— Валера, ничего не прибывает потом, — говорил он, рисуя стародубадони-траву от сердца («у меня бабушка травница была»), — ничего не прибывает потом... Что в детстве задержалось, тем и питаемся всю жизнь.

Хотелось все записать, каждое слово запомнить. Вот он цитирует Гоголя, восхищается гоголевским пером, рассказывает, как они с Курбатовым читают наперебой, попеременно друг другу «Мертвые души». Сетует, огорчается, жалеет о сгоревшей в войну в Полтаве рукописи «Тараса Бульбы». Тут же перекидывает мостик к певице Булановой, Маше Распутиной, к Павлу Кадочникову.

— Образованнейший артист (человек) был. Снимали фильм, я как-то опоздал на съемку, зачитавшись «Борисом». Он спросил меня, почему опоздал. «Зачитался». — «Что читал?» — «Бориса Годунова». — «А я ведь когда-то молодого инока играл и всего „Годунова“ наизусть знал».

Я слушаю, раскрыв рот, хохочу до упаду... А он продолжает уже

мою мысль, что надо смотреть, видеть, двигаться. Не лениться. Можно и выпивать, и девок любить, но не забывать и трудиться. О литературных курсах вспоминает:

— За два года 58 спектаклей посмотрел... — И уже сравнивает «Мертвые души» с Белокуровым и постановку нынешнюю: — Белокуров сидел один на какой-то приступочке, скамеечке и думал, ничего не произносил, а я валялся от смеха — столько у него на лице было всяких переживаний. Очень смешил, и глубоко... — Вспоминает: — Да, Бортник приходил один раз к Заболоцкому, но пьяный, разговора-то не получилось. Он чего-то дергается. Я к этому отношусь снисходительно, но... разговора нет.. А в «Родне» он моего отца сыграл один к одному... актер прекрасный. Приходите с ним как-нибудь вот так же.

Астафьев целый монолог произнес о «провинциальной штука-турке». Он кровно связан с нашей братией. У него есть рассказ, посвященной М. Ульянову. Я читал его письма к Папанову, а потом к вдове, его разговоры с Петренко, прекрасные отзывы о Бортнике. Он смотрит, он интересуется, он спорит, ругается, без меры лается и так же хвалит. «Годунова» он не видел и назвал «Оптимистической трагедией» — промелькнуло по телеку, или где-то прочитал, или кто-то сказал, что я — Самозванец в тельняшке. И сразу у него негативный образ матросика-большевика. «Прежде чем лаяться, посмотреть надо» — это его вчерашние слова.

Когда я вошел, он читал газету лежа. Обнялись крепко, я чуть было слезу не пустил, так меня отечески как-то, горячо прижал он к себе, и мне показалось, что действительно рад он видеть меня. Народу всякого у него бывает, и много. И вот Грин был у него в Овсянке.

— Ваш папа был большой шпион.

— Да, был, не знаю, какой он был писатель. Вы лучше знаете, а шпион он был большой.

А довела его до больницы баня.

— Я ведь 40 лет не парюсь, нельзя — ранение левого легкого. А тут распустился маленько. Пошел за дровами. На огороде поломался и лег в сыром белье. На сухое не переменял... И уж все знаю, как себя с баней вести, а вот тут ослабил внимание и чувствую — дышать нечем. У мужика ведь дыхание до брюха должно доходить, а еще лучше до яиц. У бабы — до желудка. А тут... хватаю воздух, а он не идет никуда. И глаза потухли, как у охотничьего кобеля перед смертью. А ночью совсем плохо... Да ведь «скорую» не вызоветшь из Дивногорска... мы, говорит, только до этого километра доехать можем. Ладно, говорю, езжайте, а до Слизновки я пешком дойду. А из Красноярска — не их территория. Как в войну, раненых — этот не из нашей части, не бери, брось...

Астафьев. У него люксовая палата № 1, в самом конце коридора налево, из двух комнат и третьей темной — холодильник и туалет. Перед высокой, с рычагами кроватью письменный стол с выдвигаемыми ящиками и телевизором. Много газет и какие-то журналы. Я оставил ему свою книжку. С пионерской надписью: «Лучшему писателю...» Нет, я не лукавя, так оно есть. Хотя сама

классификация пошла и льстива. Он-то как раз этого и не любит. Но не любит, когда и задевают или не тем вниманием дарят.

Сибиряк не тот, кто не боится холода, а тот, кто тепло одевается.

Кузнецова Е. Г. сказала, что перевела на счет фонда 10 миллионов рублей.

Астафьев:

— Жалко, что мы не можем поговорить. Я хотел подробно сказать о твоей книжке. Хорошая книжка. Профессионально написанная... Очень хорошая книжка. И хорошо, что с комментариями в конце. Хорошо, что письмо этой бабы вставил. Баба умная... Бабы нас часто спасают. И е... дают, и рубль на опохмелку дадут, и лечат, и из тюрем вытаскивают. Книжка на подготовленного читателя... А так как у нас большинство неподготовленное — для такого читателя книжка вредная. Вы такой удар по кино и театру... сокрушительный удар. Ни с чем не сравнимый. Мы ведь верим: Чапай плывет, по нему стреляют... Мы играем... А вы это все с другой стороны. И Любимова показал. И правильно.. я подозревал и знал, что вы ему на хрен не нужны. Ему себя, свое показать.. А «Живой» шел... А почему тебя не взяли в кино?.. Ростоцкий... Кино-то такое говно, никудышное совсем кино...

— Так он и в «Зорях»... Спектакль-то был потрясающий, а он подсмотрел... Шопен наш играл превосходно, а он взял...

— Повесть-то ложная... вся фальшивая... Десант такой действительно был. Но такого километра на Карельском перешейке не существует, нет и близко. А это очень большая неточность, для писателя недопустимая. И когда такой десант засылается, они так подготовлены — она головы не повернет, уже нож летит. А ее очередь прошли — она песню поет... Ну, куда там... Значит, Ванька надрался?.. А я ждал его... Вот засранец!.. Скажи, чтоб не пил... Он еще отца моего сыграть должен.. «Забубенная головушка», последний рассказ во втором томе — пусть прочитает хоть этот рассказ... Размышлял, наблюдал... Ваш театр давно... что-то вашему главному и всем вам не хватило, чтобы это дело ваше стало большим, настоящим русским театром, какой-то важной малости...

Я молчу, я не спорю, я не хочу ему доказывать, что мы — «Таганка» — давно явление русского театра, советского. Это прошло мимо великого писателя. Он смотрел «Под кожей статуи».

— И тогда меня ваш мэтр принимал. В хорошем расположении. В форме, чистый... Таким меня принимал Твардовский... Чистый, отутюженный, добрый, видно, из запоя вышедший... Не дай Бог ему попасться, когда он в депрессии — желчный, язвительный, с говном смешает человека. А мне повезло...

15 сентября 1995

Пятница. Новосибирск. Молитва, зарядка

Костя Райкин — шикарный человек, как это соответствует ему о нем представлению — коллекционными духами ауру вокруг себя развеивает.

«Завтра» — страшная газета. И я ей дал интервью. Это все-таки инфантилизм. Там этот Бондаренко пытается разделать Астафьева и ничего у него не получается — нет-нет да спотыкнется: «золотой голос», «золотое перо». Что-то тут я вспомнил, как Астафьев славно Гоголя вспоминал, что до сих пор никто не дал ответа этому разночинцу Белинскому. Может быть, он ждет, что кто-то даст ответ за него этому Бондаренко... Ни одному слову такой критики верить или даже сочувствовать невозможно. Надерганы цитаты и мусолятся. И в конце концов сам же и вынужден признать: «...но роман берет свое и вправляет автора в нужное русло», подсказывает ему те слова и идеи, которые, слава Богу, господина Бондаренко устраивают. Ну не чушь ли?! Эти ссылки на письма фронтовиков... «Порча...» Это может говорить про себя писатель, но него же говорить так про него другим... Короче, про мою жену я могу сказать и не такое, но попробуй такое сказать про нее другой!..

20 сентября — день рождения моей жены и императора Павла I.

19 сентября 1995

Вторник. Новосибирск
Молитва была и зарядка была.

На «мерседесе», на «опеле» через лужи, канавы и грязь. Вывеску хорошую повесили, прибили они на доме № 11. «Названа в честь гражданина СССР Владимира Высоцкого» — и внизу: «поэта, актера, певца». Хорошо.

Вчера Додина сообщила, что своими ушами слышала по новосибирскому 6-му каналу ранним утром следующее сообщение: «Леонид Филатов уже полторы недели лежит в реанимации. Его жена... сестра... Нина Шацкая дежурит около него, не отходит день и ночь... Театр на Таганке привез «Бориса Годунова». В спектакле заняты известные артисты Алла Демидова, Юрий Беляев, Константин Желдин...» Во, блин! Поскольку эта косноязычная информация насквозь (вторая часть) лживая, будем надеяться, что и первая часть такая же непроверенная. Храни, Господь, Леонида!

25 сентября 1995

Понедельник. Зарядка слабая. Молитва
«Искусство — одежда нации». Бальзак.

28 сентября 1995

Четверг. Молитва, зарядка

Автограф Высоцкого — продавать или дарить? А выход такой: поскольку это посвящение Шацкой, а у нее трудное материальное положение с большим Леонидом, автограф надо продать и деньги отдать Нинке. По-моему, это правильно. А как иначе?! Играть в благородного, дарю, дескать... Но у них, у музея-центра, есть деньги, и почему им эту реликвию не приобрести?

4 октября 1995

Среда, мой день. Хельсинки
Русский Дом, «Анна Снегина»

2-го, вышедши с «Высоцкого», обнаружил я свою машину с четырьмя спущенными колесами. Кто-то шилом проколол. Я, конечно, знаю и отсылаю подозрения на ту свою «соседнюю Криушу»... но лучше бы, если бы это оказался «КамАЗ», на стороне которого стояла машина. Но вряд ли они будут этим заниматься. Мне кажется, повод — мое интервью о причинах раскола: в 50 лет ни семьи, ни любовника, ни карьеры, ни любовницы, ни детей... Люди стали сводить счеты с судьбой, а кто виноват — тот, кто 30 лет вел, от кого ждали, от кого зависели... Сам он все успевал, и в 62 — сын и молодая жена. Потом всех бросил. Многие из этих же стали бороться против Эфроса. Поняли, что они попали в лажу-жопу. Что при Эфросе им было куда спокойнее, он никого не трогал, не говорил ни о каких экономических реформах в театре, не призывал к переустройству, к реорганизации театра, к контрактной системе — при нем, наоборот, запрещалось подавать какие-либо заявления об уходе и пр. И вот все это в них накопилось, и они объединились вокруг того, кто призван был их спасти, дать роли, обеспечить счастливой судьбой на старости лет. Мне кажется, вот этот мой расклад чисто биологического свойства — он их взрастил, выпестовал и т. д. — и разжег в ком-то жажду мщения, желание отомстить и нагадить мне тем же способом, тем же методом, что когда-то Эфросу — проколоть колеса, что-нибудь сделать этакое. Почерк знакомый...

5 октября 1995

Хельсинки. № 7. Утро. Молитва
Спектакль «Анна Снегина»

Зарядку делать не могу — болит спина. Живу Есениным, утешает Есенин. Я помню, как я переписывал его стихи в читальном зале библиотеки, домой его книжки не давали. Да и там, в читалке, не всем давали на руки. Помню, поразило знакомым чувством, знакомым до боли желанием-мечтанием, чтоб и мое степное пенье сумело бронзой прозвенеть.

Вот он прозвенел, прозвенел и Высоцкий, а я... А я все думаю не о том, что бы новое написать или продолжить хоть вот то, что не так уж худо начато, «21-й км», а про то я думаю, как старье мне переиздать, как отметить этим самым свое 55-летие, запасть еще лет на пять книжками для продажи. Но я читаю Есенина, и ничего мне не надо, и ничего не жаль... Мы репетировали на Академической, полетели на пол швырком цветы, отсортированные из общего есенинского куста, захлопали двери и мне были отданы деньги, предназначавшиеся в уплату за стоянку. Непотребность поведения. Как мне грустно от того, что не видела этого всего — меня в славе и в смокинге — Тамара. Она сидела дома у телефона и ждала от меня — как все пройдет... Солнышко мое, прости меня. Господи!

Спаси, сохрани, прости, Господи! Душа моя трудилась на этот праздник. И портреты на белых, выставочных стенках смотрелись трогательно, забавно, не сиротливо, и куст клена с желтыми, большими, как вырезанными из жести, листьями в большой керамической посудине смотрелся прекрасно и как бы руками-ветвями удерживал оба портрета-лица. И дырки в полу-планшете сцены сгодились мне, чтобы в них утапливать трость. Трость мы купили с Тамарой в Португалии для Есенина и Павла I.

6 октября 1995

Пятница. Молитва

Восторги Вити, референта Юниса: «Какой концерт... какой спектакль... я потрясен... жест... кисть... владение гитарой... С каким достоинством!! Как прочитал Есенина... Гений!! Барин на сцене!!»

«Барин на сцене» — это дороже всего, ибо тут — Бумбараш и Моцарт рядом.

10 октября 1995

Вторник. Молитва

Вчерашнее посещение позвоночного врача меня успокоило и мне помогло.

— Сексуальный стресс у вас был недавно...

— Объясните, что это такое?

— Что такое стресс?

— Нет, что такое сексуальный стресс.

— Грубо говоря, хотелось, но не получилось.

— Да нет, и хотелось, и очень получилось...

— Ну, может быть, месяц, чуть меньше назад. Может быть, это бессознательно сидело, и вы думали об этом.

Факс. Валерий! Хельсинки 10.10.95.

«Хорошо, что Вам хватило мужества издать дневники. Этим Вы даете неизбранным современникам и потомкам редкую возможность прикоснуться к таинству актерского творчества. А что же касается Вашего друга Володи — помогаете взглянуть на его образ, как Вы, серьезно, с любовью и болью».

13 октября 1995

Пятница. Молитва, зарядка

Вчера — встреча театральных деятелей с мэрией. После 5 бокалов вина Глаголин потащил меня к «телу» Лужкова. Пробились на последних мгновениях.

— Таганский вопрос когда будет решен?

Мэр не понял, о чем речь, потом вдруг резко, громко:

— Все будет так, как хочет Любимов! Негодяйство, которое произошло... это просто негодяйство, когда ученики используют, претендуют на имущество того, кто это создал... И мы все сделаем.

- Когда вы можете принять Любимова?
- В первый же день (когда придет).
- Нам грозят объединенной дирекцией.
- Никакой объединенной дирекции. Это принадлежит Любимову и за ним останется.

Вот такие простые, ясные, громкие тексты. Мы тут же к Бугаеву.

— Вы сразу написали на меня телегу... Объединенную дирекцию я предложил как компромисс. Не хотите — не надо.

— Но нам присылают ультиматум: к 1-му ноября вопрос с вами будет решен, объединенная дирекция...

— Да кто вам это сказал?!

18 октября 1995

Среда. Мой день. Вечер

Соединил он мастерство
И удал бесшабашную.
Недаром в Моцарте его
Есть что-то бумбарашное!

Сивицкий, Тимьянский

11 октября 1995

Суббота. Молитва. Зарядка

Что мешает играть актеру Золотухину?

Золотухин — человек. Он прежде всего мешает, он, который, как человек своей нации, находит удовольствие в самоуничтожении, саморазрушении, каясь, бия себя в грудь... Молясь... Становясь на колени перед иконой Спасителя — «я не буду пить!..» «Вот тогда вы поверите, что я верую, я завяжу и докажу свою веру в Христа!» С одной стороны изголовья у него изображение Спасителя, с другой — преподобного Сергия, а он неделю валяется пьяный, грязный, мастурбирующий...

Любимов, из интервью:

— Ради денег, ради реальностей материальных я ничего не делал, только то, что казалось важным для меня, для искусства.

??!! Можно и так врать, но зачем? Зачем, когда его жизнь всегда на виду, на юру? Да, правда, что он всегда пытается из любого оперного контракта сделать искусство. Но ведь сначала подписывается контракт на сумму прописью. И монолог о черном «мерседесе» после удачной премьеры в Штутгарте... да что говорить! Да ничего в том преступного, чтобы работать за деньги, нет — он же не задницей старой своей торгует, а своим ремеслом. Чего врать-то?! Имея молодую зубастую жену и маленького сына, его первая задача как мужа и отца — накормить свою семью и обеспечить их на уровне Штреллера, потому что «в мире Брук, Штреллер, Штайн, Мнушек и я».

Нет, эти гастроли в С.-Петербурге были нужны хотя бы для

того, чтобы здесь родились фраза и монолог-рассуждение о том, что мешает играть актеру Золотухину — человек Золотухин. И пусть я только сегодня, сейчас начну новый дневник, а не десять дней назад, — что из того? Работаю, работаю один. Всех денег не заработаешь, а пропить можно все. Я ведь тоже как бы не из-за денег работаю, а чтобы работать, не пить и иметь самое необходимое. Что, в общем, тоже х... Когда молоденькая горничная или дочка вызывает прилив страсти и сожаление по утраченному — это уже не твое и не может быть твоим даже теоретически, а если даже и стало твоим, то что ты станешь делать с ним через 5 минут забавы? Дальше-то что?! И опять за молитву, покаяние и строительство храмов. Или в старосты уйти, или в монахи постричься?!

15 ноября 1995

Среда, мой день

Я разговаривал с Демидовой, с этой любимой моей женщиной, умницей и нежным, как ни странно, одухотворенным существом. У нее 1 ноября закончился отпуск за свой счет. Театру она нужна и театр ей — без театра нельзя. «Найдите любую форму сотрудничества. Вы понимаете, что шефу неудобно такие вещи говорить вам, но мы все хотим. Наверное, если бы я был сейчас на вашем месте, а вы на моем, вы нашли бы для такого разговора более умные слова, но я говорю грубо: мы, театр, хотим платить вам зарплату, и все».

17 ноября 1995

Пятница. Кухня. Молитва

Девки беременели, их выдавали замуж, а строптивых высылали в Сибирь. По версии московского журналиста какая-то из этих строптивых и была прапрабабкой Золотухина.

«Утренние газеты» называется моя сегодняшняя графомания. Вот цитата из «Вечернего Новосибирска»:

«С этим числом (21) в моей жизни действительно много связано. На 21-м километре я впервые объяснился в любви. Потом у 21-го столба похоронил фотографии, ее и мои, затем откопал. В повести любовная тема обросла эротикой, порнографией, театральной интригой, наконец запутанной криминальной историей, поскольку все, что связано с женщинами, всегда чревато криминалом. Хорошо бы этот замысел еще и выполнить. Наобещано-то много, да только писать когда? В больнице?!»

23 ноября 1995

Четверг. Кухня, молитва

Я устал. Мне никто не звонит. Мне не хочется жить, писать, репетировать.

25 ноября 1995

Суббота. Кухня. Молитва, зарядка
Опять мешают Губенко — его радисты работают на тех же частотах и создают помехи нашим микрофонам.

26 ноября 1995

Воскресенье. Молитва, зарядка
В фойе запретили торговлю книгами. Запрет этот отразился только на Лунево́й, одна она приказ исполняет, ее вытеснили в предбанник, а Курникова, пригрозив мне заявлением о выходе из профкома, царствует одна за книжным столом. И что же получается: та, которая дает доход театру, — на задворках. Экзекуция коснулась только Лунево́й, а значит, меня. Надо предоставить Глаголину справки, какой за полгода Лунева дала доход театру, на сколько она наторговала, начиная с Алтая. И этот документ мы будем как флаг нести впереди. Заявление в профком, в бухгалтерию — дубль. Она практически является одна распространителем «Дневников» — и кормит меня, и поит. Это будет ход нормальный, для всех понятный.

5 декабря 1995

Вторник. Молитва, зарядка
Умер 3-го Кайдановский — мощный артист, хотя к таким натурам, каким был Саша, это прилагательное не прилагается.
Кто-то заметил — какой-то рок над теми, кто снимался у Тарковского. Никакого рока нет, по-моему. Солоницын, Кайдановский... Кто еще?..

Третий инфаркт убил Кайдановского.

8 декабря 1995

Пятница. Молитва, зарядка
Безумие вокруг театра давно кончилось, но только теперь оно откликнулось на зрительском зале — нету интереса у зрителей к нам, даже по инерции. Фирма лопнула. И, как ни странно, беспокойство мое прошло, я встретил это спокойно. Все наши легендарные спектакли — история, и не более того.

11 декабря 1995

Понедельник. Театр
Вчера весь день провел в машине. С утра поехал в «Московский» к Денису, отстоял всю службу, подивился, восхитился Денькиным пением, мужеством и культурой, хорошим голосом, хорошим словом. На прощание получил оплеуху:
— Не позорь монархию! Как ты можешь называть себя монар-

хистом и голосовать за масона Гайдара?! Я тебе говорю как священник: ты лукавишь.

— Если бы не Гайдар и демократы, ты бы сейчас вообще не говорил о таких вещах со мной и не стоял бы предо мной священником.

15 декабря 1995

Пятница. Молитва, зарядка

Кривошей Сергей Георгиевич. Я убегаю в Кемерово не только за 15 миллионами, обещанными им на храм, — я убегаю от Любимова, с которым не очень хочется мне общаться. У него Бонн, «Пиковая дама» — у меня Америка и роман.

20 декабря 1995

Среда, мой день

Любимов довольно спокойно выслушал мои объяснения, почему я вышел из «Подростка», и сделал два-три замечания по вчерашнему «Живаго», которым, в общем, он остался доволен. Мы разбежались. Он какую-то отметку в российском паспорте вписал — временно проживает в Израиле, — а что это за самодеятельность, хрен его знает. Довольно легко я улизнул из театра. Теперь надо долететь и доехать до Междуреченска.

27 декабря 1995

Среда, мой день. Зарядка, молитва

Звонил Шкатовой. Шеф от Лужкова вернулся в хорошем настроении, обласканный, довольный — подробностей она не знает, да и неважно. Главное — хорошее настроение.

30 декабря 1995

Суббота. Десятка. Молитва, зарядка

Я снова и снова вчитываюсь в строки Силиной: «Таганский рыцарь есенинского образа...» — и снова и снова мысленно благодарю ее. Она увидела и оценила то, что, мне казалось, никто не замечает: «Именно Валерий Золотухин взял на себя обузу тянуть повозку с остатками таганкинского театрального скарба. Вновь обезглавленный, обезноженный, изможденный дурной войной театр он, артист, и только артист, взвалил на свои не слишком мощные плечи, собой, своим актерским талантом прикрывая и удерживая от опустошения таганкинский репертуар, собой, своей человеческой устойчивостью помогая усталой труппе не потерять ощущение коллектива».

У прилавка с золотом встретил Л. Зыкину — она расплачивалась напрямую с продавцом. Мы расцеловались и поздравили друг друга с Рождеством и Новым годом. Купил я цепь за 991 тысячу и футляр, короче — за миллион, Тамаре.

1996

4 января 1996

Четверг. «Соловьевка», палата № 10

Если писать «Топор и кортик», надо сесть и записать. Историю эту я много раз рассказывал и помню достаточно подробно. Но почему-то в дневниках нигде нет упоминания о ней, мало-мальского следа.

В «зеленую тетрадь»

ТОПОР И КОРТИК

В Ленинграде бывшем мы часто бывали и по делам киносьемок, и по делам «Таганки», и концертировали много в те времена по линии общества «Знание». Кому, конечно, можно было — Высоцкий не имел официального разрешения на общение с публикой. Я же каждую среду выезжал в город на Неве, и тамошний продюсер (администратором он называться не любил) устраивал мне или А. Миронову так называемый чес по домам отдыха на Карельском перешейке. Минимум 5 концертов, да еще мог быть большой творческий вечер в престижном зале филармонии. На этих концертах я заработал тогда за три года (по средам) сумму, которая позволила мне уйти от жены, не деля трехкомнатную квартиру, а купить кооперативную. Но я отклонился. Так вот, в Ленинграде жили Георгий и Маша — большие, бескорыстные поклонники В. Высоцкого. Это были очаровательные, добрые люди, с которыми нас всех Владимир перезнакомил, бывали мы у них дома и вместе, и порознь и гуляли весело. В один из таких моих вояжей в Ленинград Георгий передал мне для Володи офицерский морской кортик. Георгий был потрясающий мастер подобного рода изделий. Он мог сделать пистолет любой системы — не отличишь от настоящего — или выточить какую-нибудь сногшибательную, хитроумную зажигалку. Надо сказать, что Володя такие мужские штучки обожал — ручки, брелоки, зажигалки, ножи, портсигары, ремни, кортики, кастеты и прочую подобную реквизитику, к которой, к примеру, я был совершенно равнодушен и считал за мусор. Володя, повторяю, за эти безделушки мог снять с себя все — дорогую куртку, рубашку, свитер, кофту.. в общем все, что можно было носить и было модно. Он этими предметами мужского карманного быта дорожил до дрожи.

И вот кортик.. Надо сказать, потрясающей работы — не отличишь от настоящего. Я его привез, но Володи не было, он отсутствовал, был где-то за границей по делам семейным. И надо же случиться в это время дню рождения Леонида Филатова. Дело было молодое и веселое, и под очередной бокал шампанского я кортик этот подарил: «Леонид! Бери, дескать, и помни!» Подробностей ре-

акции Леонида я не помню. Очень возможно, что я даже и не открыл, чей это, собственно, кортик — мой, и все. Мне казалось, что хозяин, то бишь Володя, понял бы меня и поступил бы точно так же. Ну отдал и отдал. Проходит какое-то время, приезжает Володя. Мы работаем, играем, и про кортик я давно забыл. Но, очевидно, поступил какой-то из Ленинграда сигнал, и Володя меня спросил: «Валерий, тебе из Ленинграда ничего для меня не передавали?» — «Передавали», — говорю я с небесным взглядом. «Что?» — «Передавали, — говорю, — морской офицерский кортик, очень красивый». — «И где он?» — продолжает Володя, а я начинаю волноваться, этакая унутренняя дрожь пошла, какое-то нехорошее предчувствие от его спокойного, делового выяснения местонахождения кортика. Я говорю: «Володя! Я подарил его от твоего и своего имени Леньке Филатову на день рождения, тебя не было, и я подумал...» Володя не дал мне долепетать что-то в свое оправдание, он тихо сказал: «Кортик мне верни...» У меня, слава Богу, немного было с Владимиром такого рода объяснений. Но глаз и интонация, с которой это произносилось, были такими, что возражать далее было бесполезно — мурашки пробегали по телу. Почему-то вспоминается русское присловье: «хоть яловой телись, а сделай как велено». Конечно, я пережил позорные, стыдные мгновения и не находил себе места, но делать было нечего — кортик надо возвращать.

Поздно ночью я позвонил Леониду в дверь: «Леня, прости ради Бога, отдай кортик». — «Ну, конечно, какой может быть разговор!» Счастью моему не было конца. Без всяких объяснений, просто и легко смеясь над всеми нами, Леонид вернул мне кортик. Ведь я к тому же боялся, что он сам мог его кому-нибудь куда-нибудь отдать. Я вернул, краснея от стыда, кортик Володе, на что он сказал: «И больше так никогда не делай». Что-то во мне кипело, разное. Ну подумаешь, отдал безделушку, за что уж так меня макать мордой в собственное дерьмо! Ну, подарил бы он мой пистолет кому-нибудь, вот так, с плеча, по пьяни... Стал бы я его так унижать — верни, дескать, и никаких гвоздей... Да нет, вряд ли. Но на то он и Высоцкий — у него были свои понятия о чести, долге, взаимоотношениях дружбы и свои уроки этих понятий. Это был мне урок. И я благодарен ему, хотя какую-то лазейку для своего оправдания все равно оставляю и, не скрою, какой-то неприятный осадок остался.

Другая история, но такого же рода и совсем чудная произошла с топором.

Был у нас такой дивертисмент — спектакль «В поисках жанра». Работали мы несколько таких представлений в Ижевске, во Дворце спорта. Конечно, главной фигурой и строкой был Высоцкий. К нему пристегивались Филатов, Золотухин, Межевич, Ю. Медведев. Делали мы огромные сборы, разумеется, под имя В. Высоцкого, которому под маркой театра-спектакля разрешалось песни свои исполнять. Концерт-спектакль вечером. А днем нас толкали по разным присутственным местам — комсомол, воинские части и пр.

И вот пригласили нас в обком комсомола — встреча-прием, несколько песен от каждого, шутки, потом обед, шампанское. И подарили нам по сувенирному топору какой-то редкой, маркированной стали. Высоцкого на этой встрече не было, у него была своя личная программа, и топор, ему предназначавшийся, отдали радисту Коле. Собираемся на спектакль. Володя узнает, да ему и сказали все те же работники комсомола, что вот-де, лишились вы топора. Как это лишился, если мне предназначался? И почему-то обращается опять ко мне. Я говорю: «Твой топор взял Коля, радист». — «Пусть отдает». Я иду к Коле в оркестровую яму, к пульту. Он мне резонно возражает: «А почему я должен отдать топор? Его же не было». Я к Володе — так, дескать, и так Володя в ответ мне: «Я не выйду на сцену, пока не вернете мне топор». Я бегом опять в яму к Коле. «Коля, он не выйдет на сцену!» Коля: «Да хоть все не выходите, что это за условия!» Я к Володе наверх: «Володя, я тебе свой отдам в гостинице». — «Мне твой не нужен, мне нужен мой». — «Да они же не подписаны!» — «Не имеет значения». Я к Коле опять — а он на этом топоре сидит. «Коля, отдай топор. Я тебе свой в гостинице отдам, честное комсомольское». С проклятиями, матерками: «Да подавитесь вы своими топорами!» — а топорики были действительно очень симпатичные — Коля выдернул из-под задницы свой топор и отдал мне. Я мигом к Володе наверх. «Держи при себе, сейчас я отпою и возьму у тебя топор». Начинал он свои выступления с «Братских могил».

Где сейчас эти топор и кортик?

13 января 1996

Суббота. Молитва, зарядка. Храм

Снился мне сон кошмарный, что текст я на сцене забыл и со зрителем, подсаживающим мне текст, стал выяснять отношения. А текст в «Маяковском». Там Венька, Любимов.. Кошмарный сон, и почему-то я осознавал — все из-за того, что в больнице лежу и таблетки глотаю. Проснулся от громкого разговора сестры около восьми.

14 января 1996

Воскресенье, молитва, храм

Линка Сотникова. Внук в Чечне погиб — 21 год, метр девяносто восемь, парень такой, зять военный, в отца пошел, сложил голову.

А мне — лишь бы напечататься, там хоть трава не расти. «Для красного словца...» — это про меня.

Теперь у меня в палате две иконы — Христа Спасителя и Юрия Любимова. «Валерию! Дорогому домовому театра. 9.01.94 г.» — с его любимым, наихарактернейшим жестом — рука на лбу, дескать, что же это такое, братцы?

30 января 1996

Вторник

Боже! Боже! Сегодня в нью-йоркской Академии похоронен Иосиф Бродский, который умер 28-го января, и тоже шла «Медя». И тоже звучали его стихи. Сегодня в фойе висит афишка, что спектакль посвящен светлой памяти Иосифа Бродского. На 56-м году ушел во сне в мир грез великий поэт. На тумбочке в больнице, как только я поселился туда, стоит его книжечка-портрет. Его стихотворение «Одиссей Телемаку» помогало мне выводить в Греции эту главу, обретшую название «Божий дар» и много, много другого.

Но одна из первых мыслей просверкнувших — дошла ли до него моя записка, переданная с Аллой, где я просил на другой книжечке его стихов поставить свой автограф. Дошла ли?! Все это время он плохо себя чувствовал и вряд ли принимал кого! Ну, вот... Филатов получил звание народного артиста России, слава Богу. «Не знаю, зачем это ему», — прокомментировал сообщивший мне это Плаголин.

2 февраля 1996

Пятница. Раннее утро. Молитва

Снимался в рекламном ролике о театре и читал в журнале «Дипломат» рецензию на «Медю», где говорится о том, что это самое значительное событие в театральном сезоне прошлого года и радостное свидетельство того, что всемирно известный Театр на Таганке полностью восстановил форму после обрушившихся на него ударов судьбы.

3 февраля 1996

Суббота. Молитва, зарядка, кофе

В ответ на байку о шубе, Михалкове и «Гамлете» как о трагедии, Андрей Вознесенский подарил мне чудесную миниатюру о трех поэтах: Евтушенко, С. Михалкове и себе самом.

«Мы были в Болгарии на каком-то форуме и жили в одной гостинице на разных этажах — Евтушенко на 9-м, Михалков на 12, а я на 14-м. Как раз проходил конкурс на текст гимна Советского Союза!.. „Правда“ объявила результат — победил Михалков. И так случилось, мы ехали в одном лифте, поднимались. Евтушенко говорит Михалкову (по-видимому, он был очень расстроен, что не его текст прошел в гимн): „Ну, скажите честно, С. В., ведь текст ваш говно...“ Михалков и бровью не повел на это хамство. Тут дверь на 9-м этаже открылась, и Евтушенко надо выходить. Он выходит, а Михалков тут же, ни секунды не задумываясь, спокойно отвечает ему выходящему: „Иди. У-у-чи текст“. Я обхохотался».

20 февраля 1996

Вторник. Академическая

Сейчас надо будет ехать на съемку и что-то сказать о Мише Евдокимове. Мне хочется о нем сказать. За 15 лет мы с ним ни разу не встретились лично. Где-то за кулисами он был, я его чувствовал, но на глаза он не показался, я наблюдал его и слушал из-за кулис. Он сам пробил себе дорогу, сделал имя и репертуар и вышел в лидеры мастеров жанра, которым он занимается.

— Вы еще обо мне услышите, — сказал он мне как-то обиженно. И я услышал, стороной, говорили, что он ловко подражает, пародирует меня в «Бумбараше» и т. д.

3 марта 1996

Воскресенье. Театр, «Медея»

Сюрпризят мне мои сынки. Денис поменял юрисдикцию — теперь он под зарубежниками. Монархическая логика привела его к этому решению. На что и как они с о. Константином жить собираются? Для всей нашей церкви они — враги, еретики. Все зарубежники работают на мирских работах, хлеб зарабатывают, но ходят с гордо поднятой головой.

Сережа продал свою установку за 300 долларов, 100 долларов отдал матери. Вот и отбарабанил мой мальчик.

Умер Б. А. Можаяев. Завтра прилетает Любимов.

В 6.00 похороны Можаяева. Отпевание, встреча в храме с Соляницким, Любимовым. ЦДЛ.

16 марта 1996

Суббота. Кухня, кофе

Я только что прочитал более-менее внимательно этот «Собеседник» и не отказываюсь от своих слов в интервью. С какой стороны ни глянуть, оно давалось под тем же девизом — «растегнуться на все пуговицы». И я растегнулся, это психологическая подготовка к апрелю. Я растегнулся, попробуйте вы. Но текст, помоему, глазами дамы прочитан не был.

Надо начинать новую жизнь. Надо восстановить цель событий, цель жизни. Гастроли в Израиле полетели из-за Хельсинки, куда мы, кажется, поедем с «Живаго», а там Турция, Болгария, Югославия... Лично для меня это неинтересно. Из-за этого срывается кино, откуда я не так много получаю приглашений.

19 марта 1996

Вторник. Утро. Молитва

В «Известиях» интервью с Губенко. Любимов подначивает, дает подавать в суд. Его Губенко замазывает в сотрудничестве с органами НКВД, где он подвизался в качестве конферансье. Запредельное излишние. Оказывается, деятели культуры, 40-50 чело-

век, ангажированы властью (Быков, Михалков, Захаров и др.), куплены и боятся расстрелов.

О. Дионисий попросил землю у Десны отдать ему под часовню. Отдал. Пусть на земле этой поднимется маленький храм во имя Господа нашего Иисуса Христа. Во что переплавятся все эти безумные дни моих страстей? Я никогда не писал в дневник такую беззастенчивую правду, такие опасные сведения, никогда я не предстал даже перед собой в такой наготе, в таком интимном, сексуальном безумии, когда мне совершенно наплевать, что это будет прочитано невзначай или нарочно кем-то.

Мне надо написать о Можаяеве. Это мой долг, это моя обязанность. Но я не умею так быстро и легко что-то накатать в духе Белинского — Кузнецова Феликса. «Умер Можаяев», — сообщил мне Б. Глаголин, замолчал и повесил трубку. Говорить не мог. Что, когда, почему, отчего — какая разница и к чему эти все вопросы теперь. Умер Можаяев — и с этим надо жить. С ним прошла вся моя жизнь, лучшие годы творчества, молодости, дерзаний, мечтаний, надежд. Мне было легче жить, я знал — где-то есть Можаяев, можно позвонить, разыскать... Он помогал мне жить, играть, сниматься в кино, писать рассказы, повести, помогал петь... не в прямом смысле, а как ориентир русской силы, творческого могущества, душевной крепости и духовной обороны. Он был добрым и красивым человеком, лукавым и обаятельнейшим кавалером, наши актрисы были поголовно влюблены в него. Я вспомню, запишу... Один день с Борисом Андреевичем. При подготовке спектакля мы решили совершить поездку в колхозы, в колхоз... пообщаться с народом, с колхозниками разного уровня, от председателя до нищей старухи. И собрать звуки — ржание лошадей, скрип колес, чирикание воробьев, карканье ворон, стук молота в кузнице, мычание телят-коров — звуки, симфонию звуковых сигналов, ориентиры. А также реквизит — колеса, ухваты, чугуны, хомуты непригодные, оглобли, коромысла, дуги, подковы — словом, утварь крестьянскую, натуральную... косы, солому, мешки, посуду, чашки, плошки, ложки, поварешки. Запастись впечатлениями, дополнить опыт народной жизни. «Кузькин» — шедевр русской литературы. Что бы потом ни писал Б. А., он оставался и останется как автор «Живого». Редкая удача даже и для великого писателя. И мне выпало счастье быть первым Кузькиным на русской сцене. Как же мне не плакать по этой утрате, по этому человеку, как будто специально для меня создавшему это гениальное произведение и подсунувшему его Любимову, который скроил из этого материала равновеликий спектакль?! 18 февраля 1968 г. мы поехали обретаать опыт крестьянской жизни и хомуты и косы для спектакля «Живой».

20 апреля 1996

Суббота. Молитва

Театральные дела идут стороной. Прогон 18-го мне не понравился. Я старался в себе это давно подавить, не признаваться себе

ни вслух, ни в полном бреду, что у него, Любимова, появилось что-то такое ненавистное к России внутри, в душе, в мыслях, а главное в сердце, что ничего нельзя с собой поделаться, скрыть — и это вылезает в каждой возможной на эту тему реплике, мизансцене, интерпретации. Ужас. А сколько безвкусицы, пошлости и небрежности! И уже он меня возненавидел за некоторые мои замечания.

Теперь я думаю: зря отменил «Снегину». Я бы справился. А теперь мне придется вечером хлебать еще и эти унижения.

Излияния. Все мои отношения, чувства, слова, мысли, оказывается, — все это «излияния для литературы, не более того». Ну и подразумевается, для какой-де литературы. Я из этого извлеку, конечно, литературу. Мы и главу одну так назовем — ИЗЛИЯНИЯ.

21 апреля 1996

Воскресенье — отдай Богу

Кажется, все-таки набирается компания в Израиль — Н. Высоцкий, Золотухин, Смехов.

24 апреля 1996

Среда, мой день. Молитва.

Сувенир из Израиля — земля.

25 апреля 1966

Четверг. Тель-Авив

С прилетом на Святую землю, Валерка! Ты приехал, чтобы отключиться от проблем Москвы, а загружаешь ими сразу и бесповоротно. Живи проблемами Израиля.

А между тем в Чечне убит Дудаев. Чем это обернется?! Господи! Во всем мне видится перст судьбы. Звоню Л. А. Самойловой от Скопобогатова, предлагает «Кармен» Блока. Есенин — Золотухин, понятно, было банально. Блок — Золотухин не было. Соглашаюсь. Открываю Блока, «Кармен», посвящение в эпиграфе Л. А. Д. Ну что это? Читаю — и опять все про нас. В соседнем номере зашумела вода. Там живет Никита Высоцкий. Любопытная у нас компания получилась. Предатель Фарада, как говорят... а кого он, собственно, предал? Даню? Так плати больше. Впрочем, евреи сами разберутся.

26 апреля 1996

Пятница, молитва, зарядка

Ну что? Мой первый блин — не комом. Хотя по первой части есть претензии к не очень внятной болтовне Веньки, неточное, не очень вразумительное вступление и объяснение, почему именно такая компания, почему без Фарады.

Много о прошлом «Таганки» — и ничего о сегодняшней. Потом я догадался, что он о нынешней не знает ни хрена, ведь он из театра давно ушел. Но для здешних евреев он человек конгениаль-

ный, он — сосуд, связующий времена, народы, личности, детей, материки... У него феноменальная память и феноменальная коммуникабельность.

Конечно, Никита, его похожесть на отца и лицом, и голосом вызывает у людей определенный круг ассоциаций, положительный по-моему, и это окрашивает наше все пребывание на сцене мощным излучением присутствия Высоцкого Владимира. Что-то в этом есть мистическое, это не очень объяснишь словами, но о чем речь — понятно. Кто-то скажет: спекуляция, и опять у гроба, но это не так. Он сам по себе, Никита, личность не мелкая, и по росту, и по воззрениям.

За вчерашний день выучил я первый стих из цикла «Кармен». И дал себе слово: каждый день по стиху, а их 10. Будем стараться и надеяться — «не пропадет ваш скорбный труд...» Большую часть текста я выучу, хотя бы вчерне.

28 апреля 1996

Понедельник. Молитва, зарядка

Смехов подробно рассказывал о встрече с Барышниковым. Он видел его в танце, он с ним говорил. Барышников ему звонил и прислал стихи Бродского чеховского цикла. Как я Веньке завидую, глухо, сдержанно, но до слез. У Веньки всегда все складывается в новеллу, в формулу встреч, миниатюр. Вот когда-то Барышников обратился к нему с просьбой провести его на «Гамлета»: «Я буду танцевать Клавдия, мне надо посмотреть». Теперь, много лет спустя, Венька просит Барышникова пропустить на его концерт... При этом Барышников постоянно, всемоментно говорит:

— Иосиф сказал, что Рильке нужно читать в подлиннике.

— И ты выучил немецкий?..

— Но Иосиф же сказал...

Потрясающе.

«Я черпаю мудрость из его бестолковой жизни», — сказал Венька про меня. То, что жизнь моя бестолковая, — нет сомнения. И какую мудрость из нее почерпнуть можно — одному Веньке ведомо, но он для словца, для словоблудия трясет... Где правда, где ложь?.. Я жду рецензию на свою прозу, а он или не понимает моей просьбы, или боится написать нечто, что может быть потом использовано мной в чью-нибудь пользу. Осторожней Венька стал, понимает, с кем дело имеет.

1 мая 1996

Среда, мой день. Молитва, зарядка

Вчера был Иерусалим. У Стены плача, у Гроба Господня побывали мы с Никитой, оставив Вениамина у друга Яши. Я вспомнил Старый город, арабские ряды... Мы встретили туристов из С.-Петербурга, учителей, бывших пионервожатых и комсомолок. Они удивлялись себе и хихикали — дескать, покупают крестики, освещают их, в «те времена» выгнали бы давно из партии и отовсюду...

Хотел им сказать: благодарите Ельцина и демократов и голосуйте за них... Да чего агитировать этих старых комсомольских бл...?!

Концерт прошел хорошо, хотя, мне кажется, уровня второго концерта по энергетике и слаженности мы уже не достигаем. Много болтовни — Венька, а теперь уже и Никита много говорят, это тормозит. Хотя, учитывая интерес и любопытство публики к облику, образу Никиты, за счет него нам, думаю, многое прощается, не замечается. Страшно много зрительского внимания тратится на рассмотрение (рассматривание), расшифровку этого генетического явления. К тому же в зале вчера сидела бабушка его Нина Максимовна. Ей 84 год, и она каждый год (а быть может, второй всего) летает сюда. «Это мой курорт», — сказала она вчера. Ну что можно сказать об этой породе? Остается позавидовать — она была в хорошем настроении. Я не выходил к ней, чего-то боялся, но Никита меня позвал: «Там бабушка вас ждет!»

Ночью к Никите пришел Маленький Бабай — Мишка Ефремов. Стучался сначала ко мне, но я голосу не подал. Хохотали, шумели, потом куда-то ушли. Я слышал только поминутное обращение к Никите — Бабай. У них Большой Бабай и Бабай Маленький — детки знаменитых родителей. Теперь Никита, кажется, отсыпается.

Прекрасное (удивление и восхищение Никитой) интервью с ним — просто умница и достойнейшее своего отца произведение человеческое.

3 мая 1996

Пятница. Молитва, зарядка

Никита в 6 утра ворвался ко мне с Маленьким Бабаем М. Ефремовым и его женой Евгенией, которая тут же сказала:

— В. С., как вы можете спать в такой духоте? У вас же есть кондиционер...

Я стал спешно открывать жалюзи, окно... Мишка размахивал бутылкой, спрашивал штопор. Но вскоре Никита, представив меня как народного из народных, извинился, и они ретировались.

Таня Шрайман, журналистка, брала интервью. Дал я ей журнал «Юность». Она много спрашивала об Эфросе и Губенко, Филатове и Любимове. Подарил «дневники» о Высоцком.

6 мая 1996

Понедельник. Молитва, зарядка

Родители Смехова — 84-летний отец и 78-летняя мама — с 1990 г. живут в Аахене, в Германии, с дочерью Галкой. С 1990 года! Я ведь не знал. Конечно, вся ориентация Смехова была на эмиграцию, и была давно. Но теперь он об этом не думает, кажется. У Галки-Глаши лекции в Америке, у него там же какая-то постановка. Потом опера в Германии и т. д.

Наши концерты имеют успех. Говорят, такого давно не видали — ни Жванецкий, ни Хазанов, не говоря о других гастролерах, так не радовали, таким разнообразием, глубиной, красотой!! Алексин: «Ничего подобного я в Израиле не видел!»

Я выполняю наказ жены — пишу роман о любви. Но поскольку бедна моя фантазия, перипетии романа я претворяю прежде в жизни. Паразитирую на любимых, но заказ во что бы то ни стало выполнить хочу, пусть ценою жизни. Что я горожу?

15 мая 1996

Молитва, зарядка

Исторический день — я выезжаю на первый съемочный день «Не валяй дурака, Америка!»

На репетиции «Годунова» с Колпаковой шеф, глядя на мои куврыки и фортели пластические, спросил:

— Сколько тебе лет, Валерий?

— Пятьдесят пять.

— Молодец...

— На кого равняемся! У меня в запасе еще семь лет.

— В каком смысле?.. Почему?

— А в смысле родить наследника. Вы в 62 года...

— Да-да...

И шеф воспрянул, раздухарился. Стал Насте под Светкину видеокамеру пластику отягивающую, танцующую с носка показывать.

— Здорово! Такое впечатление, Ю. П., что вы заряжаетесь еще на одного наследника.

8 июня 1996

Суббота. 21 час

Я в Переславле, в номере 415, после, по-моему, достаточно удачной съемки. Я начал новый дневник — это значит, я начал новую страницу своей жизни. Предыдущие два я закопаю на 21 км по возвращении отсюда. Но, к моему удивлению и несчастью, может быть, 21-й км больше не существует, т. е. он существует, конечно, но нет столба, а на том месте под деревом все разровняли и что-то построили, так что, если закапывать, надо отходить перпендикулярно метров на десять. А потом, глядишь, то место зальют бетоном и похоронят мою страшную хронику навеки. Нет, так дело не пойдет. Я не могу с ними расстаться просто так, они должны быть где-то рядом со мной. Что-нибудь придумаем.

Главное — в Турции я прошел по лезвию ножа, и шеф в присутствии дорогого свидетеля сказал в антракте:

— Молодец, Валерий!.. Скромно, деликатно и, я бы даже сказал, благородно. А от меня этого дожидаться... ты знаешь.

Я был счастлив.

12 июня 1996

Среда, мой день. День независимости

Малышева:

— Любимова я таким никогда не видела. Он был пьяный все время, он не просыхал. Как на границе встретил нас Иванов-Таганский с водкой «Таганка» — с этой бутылки все и началось, по-моему...

16 июня 1996

Воскресенье. Молитва, зарядка, душ
Вечер. Что-то тревожно по вопросу голосования — не идут россияне голосовать. Значит, Ельцин теряет голоса.

17 июня 1996

Понедельник. Переславль, № 415, 21.00
Сняли сегодня мало, негра прождали, которого Райкин К. не отпустил. Потом пошел дождь. Кравченко мне долго объясняла, как нехорошо старикам брать в жены молодых. Этот разговор случился, когда я нечаянно узнал, что Гафт-то не случайно приезжал — он муж Оли Остроумовой, они, оказывается, расписались, но вышеупомянутая тема к Табакову относилась. «Ну, выйти с ним в свет... Но вот представь: он был бы не Табаков, а простой мужик — пошла бы она за него?» А вот этого представлять не надо. В том-то и дело, что он Табаков, и «что можно Юпитеру, нельзя быку».

Как могли из машины вытащить мою педерастку? Книги и 500 долларов взяли, а права и техпаспорт подбросили. Владимир Гаврилыч — охранник банка позвонил: «Нечисто что-то... нашел во дворе, в грязи.» Но, слава Богу, документы целы.

4 июля 1996

Четверг. Молитва, зарядка, душ
Ельцин победил, вместе с ним — все мы. Теперь был бы здоров — и вперед.

Затишье закончилось, ожидание катастрофы, прихода Губенко с коммунистами к власти исчезло. Теперь надо сесть и думать, что делать, как помочь Б. Истоку построить церковь, где дополнительно за эти два месяца деньги заработать, как разругать роман.

6 июля 1996

Суббота. Молитва, зарядка
Маски. Я достал сегодня свою и Иннокентия М. Моя — скукоженное, искривленное пьянью лицо, с перекошенной от недостатка зубов челюстью, — ужас, гримаса от прикосновения холодного гипса. У Смоктуновского — ровное, чистое, благородство линий и выражения. Тоска. Посмотрел я на маски и спрятал взад.

22 июля 1996

Понедельник. Молитва

В «зеленую тетрадь»

«Правительственная. Народному артисту России В. Золотухину. Уважаемый Валерий Сергеевич!
Сердечно поздравляю Вас с пятидесятипятилетием. Это возраст вполне зрелого человека, способного сыграть и, я в этом

твердо уверен, еще сыгравшего немало новых прекрасных ролей. Ваш талант многогранен и выразителен, он близок и понятен простому человеку, а в этом и заключается гениальность актера. Желаю Вам, Вашим родным и близким здоровья, новых запоминающихся ролей и всяческих успехов во всех ваших начинаниях.

Геннадий Зюганов».

27 июля 1996

Суббота. Молитва, зарядка

Петренко — великий артист, а его Фарлаф на дне рождения В. Высоцкого унес меня на грань зависти.

29 июля 1996

Понедельник. Молитва, зарядка

Вот вчера неожиданно всплыл Розов. Он приехал с отдыха из Венгрии специально для того, чтобы в С.-Петербурге подписать договор, в том числе и о моей программе, и готов сразу дать мне режиссера, чтоб начал я кого-нибудь — «Россия в лицах», авторский канал — снимать. И я опять испугался — а если это, к примеру, Харченко, великий хирург?

«Мой Можаяев» напечатан в журнале «Россия». Материал всем очень нравится, в том числе, как сказали, и жене Солженицына.

А секретарша Чубайса холодно со мной говорила, и только месяца через полтора сможет меня Толька принять.

13 августа 1996

Вторник. Молитва, зарядка. Клиника Харченко, № 936

Дозвонился мне «Мосфильм», Костя Шмелев. Завтра должна состояться у меня запись песни к «Куклам» на мотив «Счастье вдруг в тишине...».

Лунева на хвосте принесла, что Филатов в «Собеседнике» дал интервью, где весьма неприлично опять прошелся по золотухинской персоне. Опять — «мой сын-священник», «моя внучка»... Что же ты делаешь, Лена?! Правда, это дерьмо мне на руку и тем более оправдывает мое решение напечатать то, что напечатал в «Юности».

27 августа 1996

Вторник. Молитва, зарядка

Звонила из Кельна Альвина. У Смехова умерла мать в Аахене.

5 сентября 1996

Четверг. Молитва, зарядка. № 936

Значит, так Худшее, что можно было предположить и мною предугадывалось, отчего я не давал покоя Никите, звонил Демидо-

вой — случилось. Америка накрылась! Это ужасно... Кроме того, что рухнули мои финансовые расчеты — мыслил я себя уже на другой машине, а также начать строительство дома на Десне, сменить прикид — одежду, обувь, — рухнули какие-то морально-нравственные точки независимости. И пописать я хотел... Что касается Америки — сильные подозрения, что мне ее поломал Любимов. Шульман опрометчиво начал переговоры с шефом, а тот заявил ему: «Да никуда Золотухин не поедет, хватит, только что был в Израиле...» Я же не могу предположить, что Любимов (?) договорился вдруг о гастролях Любимов — Золотухин вдвоем, когда расчет Шульмана был на Никиту Высоцкого. Но Любимов приезжает на месяц! Дальше куда? И теперь этот месяц октябрь надо срочно загрузить какими-то поездками, надо заработать на зиму — вот ведь беда. Халатность моя летняя в некотором роде объяснялась перспективой Америки!

И НЕТ КОМПЕНСАЦИИ ЗА СТОЛОМ!

6 сентября 1996

Пятница. Молитва, зарядка. № 936

С каждым днем все больнее, все стыднее, все невыносимее открывать дневник и делать какие-то записи, потому что жизнь у меня ужасная, позорная, крысиная, тараканья, испуганная и безнравственная до предела. Что меня удерживает не шагнуть с подоконника от позора, в который ввергла меня Ирбис, от которой у меня нет сил избавиться?! Я сутки в ссоре прожить не могу.

10 сентября 1996

Вторник. Молитва, зарядка. № 936

Я думаю о том, как неприятно встречаться мне будет с Любимовым после вчерашнего долгого разговора с Шульманом о причине провала американских гастролей. Я был прав в своих заключениях. Конечно, Шульман — м..., но откуда ему было знать коварство Любимова, его абсолютное наплевательство к интересам своих актеров? «С Демидовой я никуда не поеду и не выйду вместе с ней ни на какую встречу...»

13 сентября 1996

Пятница. Без молитвы, без зарядки

Вспоминал я, перебирая катаклизмы, путч, расстрел Белого дома, штурм Останкина... Она сказала:

— Благодарю Бога, что у тебя все это время была любовь.

— Да, у меня были любовь и Павел I.

А вчера был гениальный «Дом». Я часто ловил себя на том, что благодарю Бога, что даровал мне эту профессию, которой с помощью моего гениального шефа я изрядно владею. А он весь спектакль просидел со своим фонариком. Когда я покидал зал, он

крепко сжал мне локоть. Кстати, перед началом он пожал мне руку. Я засмеялся: «Первой скрипке?» Короче, я владел собой, несмотря на его присутствие, и игру вел, и игра шла. Прием был потрясающий, а Таня Жмакова кричала «браво!» и целовала мне принародно руки. А администратор Сорокина Н. К. после спектакля долго не могла в себя прийти, а потом выразилась: «Я теперь понимаю, кому пришла удачная мысль взять вас на Моцарта. Я долго не понимала, в чем дело... И только сегодня поняла: вы — гармоничный человек. Вы — выше пьесы, выше вашего театра».

30 сентября 1996

Понедельник. Молитва, бегом

Гуляли по лесу, и в конце концов Надежда предложила: «А почему вам не вступить в Союз российских писателей?.. Во-первых, получите билет и право работать и отдыхать в Доме творчества. Во-вторых, заявление на сторожку и пр.». И написал я опять заявление в Союз.

11 октября 1996

Молитва, зарядка. Турботрон. № 936

Прилетел вчера из Польши шеф и сегодня всех собирает опять на «Карамазовых», но мне задержаться-удержаться необходимо три дня, до понедельника. А там — Покров Пресвятой Богородицы и новая жизнь с театром.

18 октября 1996

Пятница. Молитва

Ну, вот. Отправляюсь на казнь. Господи, спаси и сохрани! Хочется сказать Любимову: «Вы, очевидно, плохо знаете мою партию в „Живаго“, коль заставляете меня играть. Однажды Эфрос сказал: „Мне плевать на твой голос!“ — и я сделал выводы. Вам плевать тоже. Впрочем, плевать всем, кроме Всевышнего. Он спасет меня молитвою моею».

21 октября 1996

Понедельник. Молитва, зарядка. На съезде СТД

Отчитывается Ульянов. Почему он не назвал Любимова, а Гончарова назвал? Эфрос был помянут, а Любимов не назван, хотя бы из дружбы по театру Вахтангова.

10 ноября 1996

Воскресенье. Молитва, зарядка. Киев, пансионат «Джерело» («Источник»), № 51

«Ю. П. — гений, но он гений-шестидесятник. Он шел тогда

впереди времени, а сейчас он идет в ногу с ним, а это никому не нужно».

Любимов не шибко ласков со мной. Конечно, ему не нравится, что я не на глазах, что меня нельзя по поводу и без повода зацепить репликой, разговорами, увлечь болтовней. Не нравится ему мои самостоятельность и отдельность. Но я давно не лезу и не ищу общения.

15 ноября 1996

Пятница. Поезд № 42. Молитва, кофе

«Невские ведомости». Гнусная рецензия о «Высоцком». «15 лет „Таганка“ зарабатывает деньги на Высоцком... да еще на полчаса задержали спектакль» — общий смысл. С одной стороны, конечно, вранье по заказу (что там можно заработать?), удобное клише для негатива. Расхожая формула — все зарабатывают, кому не лень, и «Таганка» не исключение, а пример тому. К тому же недавно Табаков проехался в Киеве по Любимову: «Настало время свободы, говори что хочешь, делай что умеешь, а сказать-то, оказалось, нечего...» Дескать, в любимовском театре и было-то — политика и кукиш в кармане, а на поверку — искусства-то и не оказалось. Это тоже удобная кочка, с которой можно палить в старого льва, который при нынешней власти, демократии и свободе не может своим искусством заинтересовать публику.

Однако высказывания К. Медведевой: «Зачем эти пожилые люди вышли на сцену?» и статейка по результату и сути смыкаются. Только слишком коротка память — а давно ли вообще разрешили публично слушать и тем более исполнять Высоцкого? Но тут опять же как бы политика. И вспоминал, думал об этом не раз: а ведь на спектакль не было ни одной рецензии в Москве, никакой, ни положительной, ни другой. Про Губенко по моей просьбе написала и напечатала в «Литературной России» Н. Кондакова. Все!! Почему? Многие считают это действо радиопанихидой, радиоспектаклем.

24 ноября 1996

Воскресенье — отдай Богу. Молитва, зарядка

Егор Тимурович Гайдар, сын Тимура Аркадьевича Гайдара, считает «Бумбараша» лучшим фильмом по произведениям своего деда, Аркадия Петровича Гайдара. Так он мне сказал, и я с ним согласился. В этом году исполнилось 25 лет, как «Бумбараш» предстал глазам зрителей. За это время сменились поколения, сменялись политики, главы, наконец сменилась фактически и сама власть, но народ остался. Многие произведения литературы в кино пожухли, потускнели и даже исчезли. А «Бумбараш» остался любимым всеми поколениями и властями. Чудо. А в чем секрет чуда — пусть разбираются другие.

17 декабря 1996

Вторник. Мое число, охо-хо...

«Секс мне необходим каждый день, иначе у меня очень голова болит». Джон Кеннеди.

Фильму «Бумбараш» четверть века стукнуло. Пережил он многие хваленые и награжденные ленты. И по этому поводу вспомнился мне замечательный мастер своего дела пиротехник Микола, фамилию, прости Господи, не помню. И ты прости меня, Микола, тебя уж, поди, давно и в живых нет, так что царство тебе небесное. Профессию свою сапера-взрывателя-миноискателя Микола не только знал, но самозабвенно любил ее и дня прожить не мог, чтобы что-нибудь не «подвзрывать», как он выражался. Режиссера фильма удивительного Колю Рашеева Микола замучивал просьбами и предложениями в каждом кадре пальнуть, взорвать, поджечь, грохнуть, а в «Бумбараше», как известно, взрывов на кинометр изображения полно. И, если не давал ему режиссер, не соглашался на буйные предложения рвануть ни с того ни с сего, Микола не унимался — грохот был ему необходим ежедневный, как Казанове дама. Он уходил в поле, в лес, на окраину, и мы слышали, как страсть свою он удовлетворял-таки несусветным фейерверком-салютом.

18 декабря 1996

Среда, мой день. Молитва, зарядка

Вчера показал Антипову кусочек опубликованного текста — тот, где он с ходу заменил Высоцкого в «Живом». Он прочитал, по-доброму усмехнулся:

— А я ведь не видел, как репетировал Володя. Как раз в тот день, когда он упал, я был в зале, и шеф сказал: «Возьмите текст и идите на сцену».

«Когда разведенный женится на разведенной, в кровати оказываются четверо».

Не было вчера Любимова на спектакле, а я хотел с ним о «Чонкине» завести разговор. Подарю ему «ЛО», придумаю какую-нибудь историческую надпись. И Петьке «Дневники» подарю, чтоб прочитал.

1997

2 января 1997

Четверг

Т а м а р а:

— А ты, наверно, ничего не можешь сыграть у Венечки Ерофеева... Как сыграть нежность?! Вы не умеете... Ваша комсомольская гремучая «Таганка»... Ванечка Бортник, такой артист пропал в вашей вонючей «Таганке»... Была одна актриса — Ала Демидова...

3 января 1997

Пятница

Поэт Митяев про «Таганку»-вдову. И ясно, что «Таганка» — вдова Высоцкого. А эти строчки пишет домовой «Таганки», пытающийся что-то удержать, что-то сохранить...

5 января 1997

Воскресенье. Кухня, 14.15

Я стал читать Дарью Асламову, которая в 17.00 придет брать у меня интервью...

8 января 1997

Среда, мой день

Ты не нужен этому миру. Сейчас я нужен, быть может чуть-чуть, только Дарье Асламовой, чтобы закончить «горячее» интервью. Один из вопросов — где я в своей жизни трахался, места совокупления. Почему-то ее заинтересовал тамбур, где я выбил плафон. Историю с Ирбис она назвала поэмой, до того ей это понравилось.

— Подруги завидуют, что бы там ни говорили, поверьте моему опыту... А она счастлива, горда, и это льстит ей, а говорить она может что угодно, и возмущаться, и ножками топать...

Вчера Филатову вручили «Триумф» за цикл передач «Чтобы помнили». Это деньги, и дай Бог здоровья всем тем, кто помогает ему эти деньги получить, собрать. Что же касается того, за что присуждается, кому до этого дело?.. Достойный человек достоин жизни, если это может хоть как-то помочь выжить...

9 января 1997

Четверг. Кабинет

Снились Любимов, Высоцкий... Было и отчаяние оттого, что нет ничего написанного, чтобы можно было той же «Юности» предложить. Дарья в своей газете 4-миллионным тиражом предлагает запузырить «21-й км», но это...

День сегодня исторический — шеф не вышел на работу по причине болезни. Это что же такое с ним, если он пропустил репетицию?! Это, значит, старику так худо... Господи! Спаси и помилуй его, грешного. Сохрани его для нас как можно подальше.

Не вешай носа, В. С., и подбивай итоги этого восьмилетнего романа. Не грусти. Ничего нового ждать не надо. Не будет. Новое выдумаешь сам.

11 января 1997

Суббота

А сейчас на свидание к двум писателям — Войновичу и Асламовой. Был у Войновича, выпили кофе, обменялись книжками, автографами, посмотрел его живопись, поговорили о машинах. Он посетовал, что вот так не может вести дневник, записывать встречи... «Незначительный факт потом становится интереснейшим событием, а ты не записал... Встречи с Твардовским... Что-то я помню, конечно...»

Бывший диссидент в огромной, роскошной квартире за железной дверью, с билетом на Мюнхен. Чудная у нас жизнь пошла...

- Писать не хочется, надоело... А тут мазнул, и уже что-то...
- Или плеснул... на холст...
- Или плеснул... в стакан...

19 января 1997

Воскресенье

Интервью с Дарьей приведет к скандалу, катастрофе. Ну, туда нам всем и дорога!

«Не лжет только фантазия».

27 января 1997

Понедельник

Помогла мне Асламова освободиться от Ирбис, вернее, не от Ирбис, Ирбис — это мой сконструированный, сфантазированный образ, придуманное существо...

9 февраля 1997

Суббота. Академическая

В среду Филатову сделали операцию. Удалили почку. Господи! Спаси и сохрани его. Бедный Ленья! Что делать? Как жить, чем поддерживать интерес к жизни?

14 февраля 1997

Пятница

Встретил Е. Стишову. Она тут на кинофоруме.

— Какая Нинке судьба выпала! Ведь он давно уже болеет... Две почки удалили? Это что же, он привязан к машине? С его сосудами мозга... и вообще сосудами...

— Нинка надеется, он закончит «Три апельсина».

16 февраля 1997

Воскресенье

«Спиной к спине — лица не увидеть».

Повертывайся, кукла!

Я — выпукл, ты — впукла.

18 февраля 1997

Вторник

Мне отчетливо вспомнилась нынче под утро Вена. Как мы шли всем театром по ее музейным улицам и переулкам в какой-то дворец-музей. Мы с шефом шли впереди, и он громко, часто останавливаясь и впиваясь, жестикулируя и пр., рассказывал мне про Живаго — он репетировал со мной роль... Он вспоминал, как то же самое на улицах Парижа и Будапешта он проделывал с Володей над «Гамлетом»... Какое было у него потрясающее вдохновение, какая энергия... Сзади шла с молодежью Катерина... И что творилось со мной... Меня распирала, пьянила радость... и страх... Но, кажется, это было уже после премьеры...

19 февраля 1997

Среда, мой день. Дрезден

Вчера мы ездили на Бренера с Никитой в Эберсвальд, где с 1945 по 1948 год жил маленький Володя с отцом майором и т. Женей. Шел дождь, но мы с энтузиазмом исследователей — Никита чем-то напоминал Паганеля — фотографировали дома и перекрестки. В одном из этих домов...

И кинотеатр, и улицу Марианвельдерштрассе, по которой бежал 7-8-9-летний Высоцкий.

Много рассказов Никиты о деде, о бабе Нине, об Аркадии, который стал собственником, бюргером — строит дом в Тарусе, за который уже сейчас дают 60-70 тыс. долларов, иностранная машина... «А мы с Анькой бедные родственники — ни кола ни двора, кроме многочисленной родни Аньки...»

21 февраля 1997

Пятница. Нюрнберг, отель «Атриум», № 225

«Прожить скорее день, чтоб его записать». Это Венька про меня.

22 февраля 1997

Суббота

Нынче выступление в синагоге. Театр — римский Колизей на 8 тысяч зрителей, открыт 22 июня 1935 г. — ошеломил до дрожи. На какое господство замахивался Адольф! А открыл театр Геббельс. В

университете этого городка учился Мандельштам. Здесь гулял Гете. Аксенова настаивает, чтоб я начал «Фауста» писать.

26 февраля 1997

Среда. Гамбург

Венька — вот принцип и манера жить! — разговаривает при мне с послем: «Юрочка, ну ты же умница... Послушай меня, Юрочка, скажи своему секретарю, чтоб перезвонил по этому телефону, на х... мне тратить свои деньги... За счет Советского Союза поговорим... Выступление вечером... Собери своих, кого ты хочешь... Машина?.. у нас «джип» серебристый... Юрочка! Две квартиры для гостей и дай кого-нибудь, кто гениально знает Париж... Никите... мы двое дядек с Золотухиным... как бы опекаем его... Город его отца надо ему показать в лучшем виде... Юра! Ты меня понял? До встречи...»

Он ни разу посла не назвал по имени-отчеству... Присутствовали при разговоре Ян и я. Зачем? Показать: вот, мол, и мы не лыком... С послем, посланником на «ты»... Телефон ведь и прослушаться может... Я понимаю, что посол — живой человек, и выпить может... И все-таки... Нет, это стиль... И тут прежде всего к себе — «позорно, ничего не знача...» А что, собственно, он или я должны значить?! Ну ведь артисты — люди сомнительные, писатели так себе, для разговора. «Тендряков читающий был человек... а Распутин — темный...» Откуда такое убеждение?.. Воистину права Глаша: «Если взять себя за точку отсчета, можно легко со всеми расправиться, всех к себе приравнять и... мысль понятна, можно не продолжать...»

Мы с Никитой у Аллы с Сашей. Никита спит богатырским сном. Вчера он целый день за рулем, и выпили они с Сашей достаточно... Алла — немка из переселенцев. Сестра ее старшая Жена (не самая старшая, с 1945 г.) родилась на Алтае, недалеко от Змеиногорска. А в Бремене подошла ко мне женщина — сестра Лизы Ремхе, с которой я учился в одном классе. Лиза на концерте не была, живет 100 км от Бремена. Так сужается мир. Эта поездка вообще сказочная: очнешься от сна на заднем сиденье «джипа» — за рулем Высоцкий, рядом Смехов. Так было на перевале... Только потом соображаешь, что это Никита... и ты — дед.

28 февраля 1997

Пятница. Париж

В церкви на улице Рю Кримэ отпевают Синявского, автора одной из моих любимых книг «Прогулки с Пушкиным». Но надо было ехать на метро, без знания языка к 9 утра... Господи! Царство ему небесное и пухом земля.

1 марта 1997

Суббота

Розанова Мария на похоронах — ни слезинки в глазу. Вознесенский прилетел с авоськой переделкинской земли. Прилетел специально... А я?!

Т а м а р а:

- Ты был на похоронах?!
- Очень рано была панихида...
- А-а... Ну, понятно... — В интонации глубокий упрек.

2 марта 1997

Воскресенье

«Ведь если можно с кем-то жизнь делить, то кто же с нами нашу смерть разделит?»

Вместе с моими книгами, которые мы взяли у Наташи Собри, а потом две пачки и 10 штук у Алика в «Русском магазине» Струве, Никита дал мне 15 штук сборников Бродского... со стихами «Письма римскому другу». И как полемику мою внутреннюю с Кушнером, который как-то безапелляционно и специально заявил; дескать, Иосиф не был христианинующим человеком, верящим в божественность Христа (за точность цитаты не ручаюсь, но он это как-то неприятно подчеркнул), в этом сборнике, в предисловии Владимира Уфлянда, я читаю: «Каждый год Иосиф Бродский обязательно пишет стихотворение только на Рождество. Возможно, будет и сборник рождественских стихов». Тогда зачем? Зачем он пишет? Вера — дело личное и Кушнера не касающееся. Не дано ему знать, что в душе и сердце — как Бог вел Иосифа. Не надо приписывать, навязывать, но и безоговорочно заявлять «он не был христианинующим человеком» не надо, я бы не стал... На мне Никитин крест серебряный. Хотел напомнить ему да забыл.

21 марта 1997

Пятница. Академическая

Сегодня день премьеры моего «Павла I». 21 марта 1992 года с перепугу я сыграл моего императора, спасителя моего в этом театральном содоме-дерьме-разделе-расколе. Пять лет, уже пять лет прошло, пронеслось, и ничего не изменилось, кроме того, что... родилась у меня внучка Ольга, прибавились болезни... Да нет, был «Живаго», были Греция, Турция... Господи! Была любовь и муки. Благодарю Тебя за все это, Господи!

Вся эта интрига со «Спид-инфо» — это мой расчет за язву желудка, это месть моя и насмешка над собой и всеми. Надо поражение свое выдать за победу, и, как это ни парадоксально, публикация в этой газетенке и все разговоры вокруг неожиданно принесли мне уверенность и силу. Я могу, а вы — нет.

Видел сон — умер Распутин. Я горько плакал и каялся, что не повидался, не позвонил... Честнее человека и писателя не встречал

я в жизни. И вот отсюда позвонил ему, и он, судя по голосу, рад был. «Хоть так теперь, во сне, видимся, и то хорошо... Я уезжаю через два дня, а после 10 мая, пользуясь случаем этого звонка, теперь уж сам разыщу...» Нет, это было 15 марта... не апреля.

Гедонизм целью жизни и высшим благом признает наслаждение; добро определяется как то, что принесит наслаждение, а зло — как то, что влечет за собой страдание.

Я так рад, что позвонил Распутину, и рад больше всего, что он мне рад.

7 апреля 1997

Понедельник

Замечательно сказала Демидова: «У меня в театре были два партнера — Высоцкий и Золотухин». Нет, не за эту фразу... хотя то, что она как бы между нами поставила знак равенства... Вы понимаете, господа пр. заседатели, о чем речь идет и кто ее ведет?

14 апреля 1997

Понедельник

Слава Богу, я поздравил Матрену Ф. Я люблю свои дневники, они спасают меня... Целый день я все-таки занят делом.

О чем мы говорили с Иваном всю эту неделю — не помню. Да, ему очень понравилась программа Плахова про меня. Сказал, что я предал Кольку (Губенко). Просил его объяснить, в чем это выражается — не стал или не смог. «Ну, предал...» Считает, что я зря опубликовал письмо Филатова. Опять попросил я Ивана сказать почему. И опять ответа не было. «У каждого своя жизнь...» Да, мне нужен скандал «Спид-инфо». Вам это противно, омерзительно? А мне в самый раз.

24 апреля 1997

Четверг

А сегодня на «Петушках» решил попробовать книжками поторгать, один. Это еще одно преступление, и я его переступлю.

26 апреля 1997

Суббота

Иногда мне хочется позвонить Дарье Асламовой и поблагодарить ее. «Спид-интервью» сообщило мне третью космическую скорость — я никогда не чувствовал себя так уверенно и сильно в жизни и на сцене, особенно в общении с партнерами, как после этого интервью. Я могу, а вы — нет, вы — «тварь дрожащая» — где-то оттуда, из подсознания, из этого раскольнического блуждания, теоретического, статейного. Конечно, эта уверенность в сильной мере поддержана фильмом Плахова, который все время вертится-крутится в моей башке то одним кадром, то другим. Памятник он мне, конечно, воздвиг..

«Ему от Бога, от папы с мамой дано было, наверное, очень много». Демидова.

Спокойствие, только спокойствие. Нельзя дневник на секунду без присмотра оставить, все заглядывают, читают, делают выводы и скандалят, потому что программа на скандал заложена заранее и теперь уже навсегда. Да хрен с вами со всеми.

Вчера я, зайдя в буфет пообедать, решил, что я его не заработал. А «заработать» для меня означало — решиться на поход в театр Губенко за книгами, в примерную 307. И я пошел. Я встретился с Губенко. Я не мог смотреть на него, отводил глаза, не знаю почему — мне было стыдно, а его, тоже не знаю почему, безумно жаль... Ирка принесла ему из буфета какое-то хлебало... Странный, неухоженный быт... Постаревший Николай с потухшим, что называется, взором...

«Они хотят правительственным путем... к 80-летию Любимова сделать ему подарок... Ну что ж, было 27 судов, на этот раз их, может быть, будет меньше, 10... До конца жизни хватит...» (До конца чьей жизни, хотел я уточнить, но не стал.)

Почему нет голоса? От нервов. От скандалов, от выяснений. Не забрала же голос жалость к Коле, которого хотелось обнять и прижать к сердцу со словами «что мы наделали!» У нас одна примерная с ним в новом здании — 307, ключ от примерной у него, а ключ от шкафа у меня. Любопытное совпадение-наблюдение.

Нинка не дала досмотреть передачу Леньке. Сказала, что сломался телевизор, что-то случилось... Но сама смотрела все от начала и до конца...

Губенко:

— Четыре года мы не получаем ни копейки бюджетных денег... Ты понимаешь, что такое 4 миллиарда... каждый год по миллиарду... это каждый день по друзьям с протянутой рукой...

— У вас нет учредителя... Найдите...

— Не берет никто. И наши деньги уходят к вам...

— А у нас говорят, что наши деньги уходят к вам.

20 мая 1997

Вторник. Вечер. Академическая

Отвратительное было настроение вчера от встречи у Говорухина с его заместителем Губенко. Но, скорее, оно было еще оттого, что Чиков* так представлял пышно Леву Дурова — «рюмку не пронесет и всегда трезвый, требовательный», — а про меня двух слов не мог сказать. Я, помня свою вялую, пьяную рожу в кафе, очень хорошо его понимал, но все равно оскорбился... Он до такой степени мял свою аннотацию про меня, что Лева не выдержал: «Да не мучайся ты, отдай микрофон Валерию...» А я разозлился и от того еще больше разозлился на себя и мир... и выглядел бледно...

Гнездо «коммуняка»!..

* Чиков Валерий — режиссер фильма «Не валяй дурака, Америка!»

Колька опять затеял. На вопрос начальника: «Ты когда будешь ходить на работу?» — Коля, показывая на меня:

— Пока эти подлецы будут пытаться отнять у нас театр... Хотят слить... Одних в канаву, а другим — все...

— Коля, ну не надо было начинать...

11 августа 1997

Понедельник. Быстрый Исток

Вчера в Быстром Истоке объехали всю родню и решили вопрос с родительским домом — отдать его под Дом охотника им. В. Золотухина. Алексей Леденев берется этот дом, который, по словам Веры Григорьевны, превратился в дом терпимости (двери открыты, и девки с ребятами по ночам трахаются там день и ночь), отремонтировать, поставить на фундамент — деньги центр на это выделяет. Дом, по нашему с братьями представлению, таким образом, сохранится, а что касается музея, так это дело потомков... Вывеска-табличка сама за себя скажет, а если выполнить и придумать хороший барельеф или портрет, то люди будут интересоваться, кто такой Валерий Золотухин и память как-то продолжится. Бессмертия мы не заслужили... Грехи наши слишком тяжкие, и увели они нас в сторону.

При первом же застолье-обеде у И. С. выложил я братьям по 500 000 рублей. Володе как бы на день рождения, Ивану — на 65-летие. Отцу Борису в храме 1 миллион отдал. Теперь жду машину, чтоб поехать с отцом Борисом в Белокуруху, к гл. энергетику — просить простить задолженность церкви нашей за электроэнергию (а долг составляет 12 миллионов рублей). И это надо сделать... хоть чем-то помочь храму и приходу.

А фундамент стоит, и строительство заморожено, и надолго, видать по всему... «Храм мы этот не построим никогда», — говорят мне в глаза люди. И этот укол-укор еще не проник в мою позорную голову до такой степени, чтоб готов я бросить всю свою жизнь московскую, взять в руки посох и сумку и пойти по кабинетам, заводам и купцам... Год-два надо потратить жизни, чтоб всем, целиком и полностью, здесь, на месте, заняться только храмом... как Лужков — воздвигнуть памятник себе на своей земле своими руками, доходами и временем, и баб всех бросить, и детей забыть. Тогда это сделать возможно. А так — нет. И звон колокольный, может быть, услышишь ты при жизни своей еще земной.

До того дело упадка Быстрого Истока дошло, что вопрос встал о расформировании района. Господи! Сохрани нам район, сохрани село... А как? Если даже река отступилась от нас, покинула берега наши, изменила естественное русло, ушла от нас... И суда по реке не ходят, грузы не перевозятся по ней. Железной дороги здесь нет и не будет, производство не развивается, промышленности никакой: сахарный — не поднять, стекольный — не знаю, мельничная фабрика на боку лежит... И совхозы ничего не выращивают, и чем беднее хозяйство, тем богаче директор.

12 августа 1997

Вторник. Междуреченск

Магушка Федосеевна, голубушка наша, двигается еще, пельмени варит, угостить норовит, у нее одна забота — чтоб ели люди, гости и все, кто в поле зрения. Плохо слышит — беда.

Охотничий домик им. В. Золотухина! Все было — улицы, переулки, пароходы, библиотеки, но чтобы Дом охотника имени артиста — это хохма!! И построить баню по-черному, чтоб вместо крыши дерн, чтоб дым из щелей и сажа на стенах — экзотика.

19 сентября 1997

Пятница

В театре и в общественной жизни — чего стоит один юбилей Ленкома — Захарова, где я, увидев президента в кулисной темноте, сказал: «Здравствуйте, Борис...» — и забыл отчество от восторга встречи и душевного ликования под названием «холуйство в крови, в генах». И сам засмеялся я горько над собой.

20 сентября 1997

Суббота

50 лет Тамаре Владимировне Золотухиной!! Господи! Спаси и сохрани ее и детей ее. Помилуй ее и дай ей до 60-летия дожить, а там и дальше. Храни семью нашу, Господи! Прости меня, Господи! Сейчас я пойду за цветами жене моей единственной и неповторимой по своей глубине совести и ума, и к тому же женственности. А то, что болезни искорежили ее... так что теперь сделать? Другого бы ей мужа. Нет, не надо... другой многое бы, однако, и не вытерпел, не снес... не знаю.

25 сентября 1997

Четверг

Ходят слухи, что Ельцин собирается на юбилей к нам... Мне кажется, он обязан мне «вольво» подарить. Встретил вчера Караченцова, и тут же, не успели мы с ним расцеловаться, как запищал у него в сумке соговый аппарат... Вот это уровень... А что там нищие таганские артисты?!

25 октября 1997

Суббота

У царя Соломона было 1000 жен... А у нас что?! У меня всего четыре: а) главная, б) городская, в) деревенская и г) молодая. Вот ее-то я и не дождусь никак. А приедут они уж скоро...

30 октября 1997

Четверг

Володя! Владимир! Владимир Семенович! Спасибо тебе, что случился ты в судьбе моей, в жизни нашей... Вся моя жизнь после твоего ухода освящена твоим именем, тем, что рядом был много лет я с тобой, что выпала мне честь ругаться, соперничать и любить тебя... Господи! Благодарю Тебя за то, что судьба взяла меня за руку и перевела из «Моссовета» на «Таганку». Ведь только Ты, Господи, сделал это для меня... И за одно это я день и ночь должен славить Тебя. А я-то, грешный, все это себе в заслугу вменял. Прости, Господи! Прости меня, грешного. Сделай что-нибудь, чтоб изменить мне себя и вернуть в сердце смирение и любовь к имени Твоему. Господи, Иисусе Христе, прости меня грешного. Аминь.

2 ноября 1997

Воскресенье. Израиль

Хайфа. Не теряй времени, В. С., пиши. Пиши о том, что в Хайфе тепло, что ты выпил бокал пива и закусил солеными оливками, и что весь парк жужжит, скворчит по-русски, и играют пенсионеры в карты и вспоминают минувшие дни... Кажется, что бродячие собачки, бездомные животные — и те твякают по-русски с еврейским акцентом.

9 ноября 1997

Воскресенье

Она не может быть верной никому, ни одному мужу... Вы же читали «Юность». Да, это художественное произведение, но с нее писалось-то. Как же она зацепила меня на 10 лет, что все мысли, слова и чувства вертятся вокруг и около ее имени и нашего романа. Чем же все-таки кончится наша любовь?!

10 ноября 1997

Понедельник

По дороге к Мертвому морю, пока чета спала, читал я, наконец-то, книгу Марины. Без зависти и без особого интереса. Никакая это не художественная проза, чистой воды мемуаристика, причем, естественно, женская, лирическая и пр. Но как свидетельство, пусть субъективное, но близкого и любимого, любимой — безусловно замечательно. Читал и думал: а что Ирбис могла бы написать обо мне... Ну, почему эта мысль не отпускала меня на протяжении всего чтения: а что бы вот она могла написать-сказать обо мне?!

12 ноября 1997

Среда, мой день

Я ша на концерте вчера: «В сердце у меня укоренилось, что ты антисемит. А я в это не верю. Я знаю, что ты потрясающе любишь русских, но у тебя нет причин не любить евреев, народ, который не причинил тебе никакого вреда. Я люблю, как ты поешь баллады русские».

И потом: «Я скажу без свидетелей. Есть Шукшин, Высоцкий, ты. Я не знаю, кто из вас больше великий... больше талантливый... я не знаю, кто был бы лидером. Ты — лидер, который уступает свое лидерство. Есть лидеры, которые отдают свое лидерство другому».

В машине рассказываю, «даже неудобно говорить...»

Черняев: «Причем отдающий весело, легко, намеренно, получая от этого удовольствие, щедрость... Лидер, отдающий лидерство — больше, чем лидер».

Нет, моя писанина стоит того, чтобы жертвовать и морем, и солнцем, и прочим. Если бы я принес еще в жертву моих красавиц, сколько бы я освободил времени. И кровь бы в голову пошла, а не в поддержание эрекции. Американцы доказали, что чрезмерный секс высушивает мозги. Со мной, однако, это произошло. Почему же с Толстым этого не случилось?

И запел я для Яши «Мороз», предварив песню его словами о моем «антисемитизме». И стали люди в зале мне подпевать. Вспоминаю Яшу чудесно. Еще не успев двумя словами перемолвиться, как он сказал: «О, у меня с собой случайно бутылка „Ркацители“». Побежал к машине, и вот уже на гримерном столе вино, мандарины, хурма... «Что ты пьешь? Не пьешь? Совсем? Что случилось? Давно? Что ты ешь? Что тебе принести?..» Короче, через пять минут — шоколад, 5 штук огромных манго, хумус, лепешки... Мой новый друг. С каждым приездом в Израиль у меня появляется здесь все больше и больше друзей. Вот и сейчас познакомился я с Яшей, который без всякого перехода тут же сразу, с ходу: «У меня в сердце укоренилось, что ты антисемит, а я в это не верю. Смотрю на тебя и не верю...»

Как жаль, что не взял я у Яши телефон. Позвонил бы сейчас этому замечательному, грустному, но кипучему человеку.

«Что делают эти верующие — сожгли магазин, в котором продавали свинину. Всякую веру потерял. Бог, конечно, ни при чем, но люди — фанатики».

И все-таки, несмотря на то, что не написал я «День жасмина», месяц я прожил счастливо. И грустно покидать эту благодатную землю, где окончательно растерял весь свой антисемитизм, растерял, правда, то, чего не имел. Но развеял даже тот, что приписали. А Господь видит все и устроит мои «женские» дела.

1998

8 января 1998

Четверг

Бортник: «Я не заметил, как быстро ты из провинциала превратился в мерзавца».

Мне это очень понравилось. Я даже не успел обидеться, до того я от души хохотал точности постановки вопроса и остроумию.

«Валера! „Мой Эфрос“ — это прекрасно! Так говорить может только независимый художник! Такого откровения никогда не читал. Это подвиг! Оставайся с нами! Твой М. Пуговкин».

Вот такое послание получил я в Киеве от почетного гражданина г. Ялты Михаила Пуговкина. И что мне было делать, как не возгордиться и не напиться?!

10 января 1998

Суббота

Рыжи й:

— Золотухин сказал, что он де Сада не отдаст.

Лю б и м о в:

— Золотухин спился и погиб... «не отдаст»!

— Нет, не погиб. Он будет играть. Для него в этой пьесе есть «стимулинды».

Это заявление шефа надо мужественно воспринять, вникнуть, пережить, и вывод сделать один — шеф всегда прав, и не обижаться за эти слова на шефа, а попытаться исправить его мнение по этому пункту обо мне. Не озлиться.

12 января 1998

Понедельник. Кабинет, вечер

99-ый год. Это что! Пушкин родился в 1799. Вот так. Если рождать, то Пушкина или Ахматову... Всю дорогу я счастливо смеялся.

15 января 1998

Четверг

Любимов сказал: «Золотухин — сложный человек».

Несколькими часами спустя позвал меня к себе шеф, обласкал взором (а я все жду, затаюсь, когда он мне скажет про «Мой Эфрос»; когда донесут ему — тогда и скажет) и сказал:

— Хорошо они сделали передачу о тебе, и я там ничего сказал... с юмором. Интересно Плахов придумал... Нет, хорошо. Но эта... Демидова... Я бы на твоём месте сказал: «Вырежьте ее на хрен!» Ну, что это такое... Ну да, я понимаю, ты не вмешиваешься... но что это... Я ведь ей дал крышу с этим ее драным квартетом и спросил: «Алла, неужели вам интересно этим заниматься?»

Я понял: его больше всего возмутил тезис Демидовой «Золотухин — самостоятельный человек». Пора заводить свое дело и уходить из-под Любимова, «досостояться», дескать, Любимов уже дать как бы ничего не может.

16 января 1998

Пятница. Мариуполь

Вчера за вечерей вспоминали Иван с шефом Целиковскую.

— Сколько ты прожил с Шацкой?

— 15 лет.

— Да, тоже срок. А я 20... Терпеливые мы с тобой люди, — сказал шеф, усмехаясь.

В «зеленую тетрадь»:

— Ты мне скажи: женишься ты на мне или нет.

— Думаю, что не женюсь... — И «ту-ту-ту»...

Но слово сказано. И теперь будь что будет. Но знать она должна. Сейчас там разыграется опять трагедия, слезы, истерика.

В последнюю встречу она прижала меня к себе крепко и выдохнула: «Единственный мой, любимый, неповторимый» — что-то из этой терминологии.

Перезвонила:

— Помнишь, ты говорил в каком-то споре, что этого никогда не случится — мой брак с П.? Так вот, давай заключим пари... Что ты ставишь?

— Руку.

— Рука мне твоя не нужна.

— А что тебе нужно?

— Ну, какая-нибудь сумма, пусть это будет приданое... 500 или 1000 долларов.

— Пятьсот.

— Хорошо... Тебе нужно свидетельство о браке? Только в таком случае ты выплачиваешь?

— Да!

— Принимается. Но у меня сейчас люди... позвони ночью. Я думаю, никаких перезвонов уже не нужно. Определенность. Это лучше всего. Только не мешай. А с кем ты останешься? — А у меня вариантов нет. Только Тамара. Это всегда была причина № 1. И если я пойду с кем под венец, то только с ней.

18 января 1998

Воскресенье

Таисия Владимировна Додина в морге. Кончила жизнь самоубийством. Бросилась под поезд, говорят.

Дальше все страшно писать, невозможно. Уже спал, как постучала Нина Як и все это мне сообщила.

Выверяю в ресторане «Дневник», тетрадь 44. Оказывается, отец и Эфрос умерли в один год, 1987. Почему-то это раньше не соединялось, не приходило в голову.

«Кто же теперь меня материть станет?.. — вопрошала Матрена Ф. — За 50 лет я так к этому привыкла».

19 января 1998

Понедельник. Вагон-ресторан

Много интересного узнал я из своего дневника № 44. Бунт 91-го года был заложен Филатовым и Губенко еще тогда. Шацкая была очередной хозяйкой театра и предлагала Бортнику самому — «пока сам» — уйти из театра. Иван возмутился: «Это наша Нинка говорит!»

Молодец я, что взял № 44 на обратную дорогу и повезло мне с Надеждой Сергеевной — директором вагона-ресторана, который Штейнрайх кабинетом моим назвал. Она кормила и поила меня бесплатно. А я сидел и спокойно работал. И сделал намеченное.

Иван потерял 150 долларов — думаю, провожатые выгащили. Привели его из 17 вагона невменяемого. Спал в купе на полу — голова в коридоре. Берлиоз.

Трофимов: «Не раздеваясь, в обуви, без постели... Но странно — Иван не орал, не буянил... по крайней мере в своем вагоне... сломался окончательно. Сил не было с пола подняться на лежанку».

Штейнрайх:

— Как-то незаметно ушла Тая...

— Да нет, она, скорее, жила незаметно, негромко... А ушла весьма заметно, если это только так, как говорят.

— Мне в этой ситуации Витьку жалко...

— Да, с таким грузом горя... ему еще жить да жить... Во всем злые языки могут обвинить театр, и в первую очередь опять шефа.

25 января 1998

Воскресенье

Вчера была в театре презентация компьютерного диска, я слышал по радиотрансляции в своей примерной выступление Полоки. Любимов, окруженный сворой фото-кинорепортеров в фойе, под вспышки блиццев сказал мне:

— Ты-то как влип в эту кашу?.. Я — старый осел, но и ты немолодой... Что за вертеп они тут устроили... Высасывают Высоцкого...

В это время репортер подталкивает его к портрету В. С. В., тот как будто не замечает — «а вы выстраиваете мизансцену» — все-таки повинуется, становится рядом, снимается, но продолжает возмущаться. Потом идет на сцену и открывает вечер благотворительный. «Выбирайтесь своей колесей...»

На этом вечере вчера пел я «Полчаса до атаки», «Нинку» и читал «Погасло дневное светило». И торговал. В антракте пошел было с книжками снова, но увидел на своем торговом месте Нину Максимовну и регировался в свою примерную. Ей о книжке моей наговорили, и не хотел я ей на глаза показываться.

26 января 1998

Понедельник

Вот и прошли этот день 60-летия и этот ответственный спектакль.

Были начальники на фуршете — Немцов, Ресин и мой Чернэ* с женой. Кажется, все остались довольны друг другом.

Сегодня, сейчас состоится, наконец, моя встреча с Э. Г. Верником и запись на радио повести «Дребезги» в авторском исполнении.

Ресину, Немцову, Караулову подарил «Дневники». Караулов обещал прислать свою книжку. Морда, блин, у него — «с похмелья не упишешь». Что эта фраза можаевская обозначает — не знаю, но лучше не скажешь. И вот Караулов с правительством в упряжке, и шеф его принимает и обласкивает. Ни хрена не понимаю.

27 января 1998

Вторник

Запутался я вчера на радио в собственных словах, ни одного абзаца с ходу прочитать не мог. Вспомнил Распутина, как он читал у нас на Рогожском «Уроки французского». Я тогда пытался записать авторское чтение. После второго-третьего предложения я понял, что это пустое занятие, что никакой пользы я не извлеку от его исполнения и, чтоб не мучить ни автора, ни свои уши, ни магнитофон, я прекратил этот эксперимент. То же самое произошло со мной вчера, когда я попытался читать «Дребезги».

29 января 1998

Четверг. Купе

Семен с упоением и удовольствием рассказывает, как Ресин устроил ему прием у хирурга, что делал президенту операцию на сердце, какое внимание оказал ему Акчураин, сказал, что кладет его к себе на 10 дней и «...почему через Ресина? Если бы вы сами обратились, я что, думаете, вас не принял бы?..»

Бедные, бедные артисты... честолюбие и тщеславие... Вот уж и то, что врач Ельцина к нашему телу прикоснулся, возвышает нас над другими смертными — и мы на особом кремлевском счету.

А солдат солдата застрелил и сбежал с автоматом и двумя магазинами патронов в части, где мы пели с Черняевыми. Кстати, 26-го утренним концертом в ЦДРИ Черняевы сделали себе потрясающую рекламу-отзыв. Нина Максимовна была и сказала, что это лучшая программа, которую она видела. Ребят можно поздравить, а так как они при этом говорят, что это сделал им я... то и пусть говорят — всем хорошо.

* Чернэ Михаил Александрович — президент строительного холдинга.

1 февраля 1998

Воскресенье. Йошкар-Ола

«Жизнь — это практически то, что мы сами себе придумываем», — услышал я по телефону от актрисы Мирошниченко и подивился мудрости и точности изречения.

18 февраля 1998

Среда, мой день

«Гришенька» Александров вскоре после смерти Л. Орловой женился на вдове своего сына от первого брака, с которой сделал монтажный фильм «Любовь».

Когда Ю. Завадский хотел ввести на роль миссис Сэвидж большую Марецкую, «звезда» показала зубки: «Если следующий спектакль не мой, я звоню министру культуры».

Отчего подобного нет в моем характере даже близко?! А у Володи было, и в избытке.

Орлова — пунктик — боялась потерять молодость и красоту. «Всю жизнь я режимила».

Почему-то просверкнула мысль: надо подготовиться жить без Ирбис, а подготовиться — это значит освоить или начать надежное самостоятельное дело. Может, к тому подспудно призывала меня Алла Демидова по ТВ.

Мы снижаемся. Всю дорогу от В-ка до Москвы душа трудилась. «Спид-инфо» до корки. О всех женах Высоцкого — и о Тане Иваненко, и о Насте... И о Ксюхе. «Он умер у меня на руках».

20 февраля 1998

Пятница. Внуково

Ну и опять — полет. На сей раз — Симферополь.

Я полюбил этот шум турбин, я полюбил это верещанье стюардесс, я полюбил работать как бы в самолетном кресле. Несмотря на 9-часовые перемахи по стране, чувствую я себя превосходно.

7-го марта в Орле будет два месяца моему обету воздержания от алкоголя. Алкоголь из крови я выведу, но не выброшу ли вместе с градусами и ум, и талант, и вдохновение? Отчего я опять пополнел?! И когда наступит — или уже наступил? — Великий Пост. И посещают меня мысли уйти в церковь и стать священником. Если бы у Дениса был приход, если бы он был простой поп, — не ударялся бы он лбом в эти православные ортодоксальности, я стал бы при нем зажигать свечи.

25 февраля 1998

Среда, мой день

Иль я:

— Я был начальником Калининградского порта. Приехал театр миниатюр Полякова. Я пригласил весь театр, устроили прием.

Там были две потрясающие девки: Томка Витченко и Рысина. У меня разбежались глаза. Они даже смеялись надо мной: «Смотри, он не знает, на ком остановиться!» Ладно. Томка жила в Москве... набережная... там полукругом спускается дом. Лето 1964 года. Я приезжаю в Москву. Прихожу к ней, мы сидим, выпиваем. Где-то поздно ночью звонок, приходит парень... Мы сидим, выпиваем втроем. Три часа ночи. Кто-то должен уйти. Мы ждем, кто это делает. Она не провожает, не выгоняет никого... нам весело... но мы ждем друг от друга, кто уйдет. В конце концов мы уходим вместе... Прощаемся, берем такси. Он уезжает в одну сторону, я — в противоположную. Через пять минут к ее подъезду подъезжают одновременно два такси. Выходит этот парень, выхожу я... Мы рассмеялись и опять поднимаемся вместе. И до 12 дня выпиваем... Этот парень был Володя Высоцкий. Тогда я, разумеется, не знал... Хотя он и тогда был с гитарой и пел.

Я помню Тамару Витченко — в нее был влюблен весь факультет музыкальной ГИТИСа, а может быть, и весь институт. Она была недосыгаема, старше... и только сладко улыбалась и разрешала себя любить и восхищаться ею.

«Почему здесь не говорится об Эдит Пиаф, которая кончилась от наркотиков, почему здесь не говорится о нашем гении Владимире Высоцком, который кончил так же...» — услышал я телемост Москва-Бишкек..

26 февраля 1998

Четверг

— Знаем вашу страсть, В. С. Но что-то мы вас не видим на пляже, вы не загораете на этот раз. И мы не видим на вас «адидас».

— Тот, кто имеет «адидас», тому любая баба даст! — Антипов изрек. И не горит под ногами, под пятками вашими не струится огненный песок. Что с вами, В. С.?

22 марта 1998

Воскресенье

Ту-154. Через 20 минут посадка в Симферополе. Дочитал «Шарашку». Последние 200 страниц по косою. В самолет не пускали, ждали, оказывается, Зюганова. Подогнули первый трап. А он вошел, поднялся в самолет по трапу № 2. Проходя мимо, поздоровался, ему никто не ответил.

2 апреля 1998

Четверг. 13 часов

— Ты напрасно рассчитываешь на какую-то другую жизнь. На время, что у тебя будет на растяжки, на занятия голосом... Твоя жизнь — это гастролы, гостиничные номера, условия полевые, и

надо к ним приспособиться и в них приучаться жить и держать форму... на одном квадратном метре уметь делать упражнения, не стесняться обстоятельств — брать гитару и заниматься, распеваться, не обращая внимания на перебранку горничных... не ждать, что будет какое-то другое время... его не будет... Вместо Орла будет Брянск... А вместо Брянска — Екатеринбург. Надо возить с собой скалки-скакалки, мячики, пруттики... Это я говорю партнерше. Пойду, проверю — занимается ли?! В Ельце. На грязной, разухабистой дороге. На перекрестке. Две разухабистые проститутки. В два часа ночи. Одна жгучая блондинка, бестия рыжая и толстая. Другая такая же, но черная. Негатив-позитив. Надо же, куда продвинулась Русь-матушка.

7 апреля 1998

Вторник

Все дни я думаю о маме — 89 лет сегодня ей. Надо заскочить на телеграф — поздравить и попытаться до Москвы дозвониться.

23 апреля 1998

Четверг

Я переживаю успех ночного эфира с Максимовым. Первым позвонил Караченцов:

— Восхищен... как говорил... Я все в восторге толкал жену и кричал: «Ты послушай, как он говорит!.. Умница!.. Талантливый!..» Я снимаю шляпу.

Но на вахте в подъезде меня ждала завернутая в рулон гадость от Бочарова — художника союза. У него картина «Неравный брак». Невеста — Россия. По одну сторону красные — Шолохов, Распутин... По другую — лизоблюды и жидаы... «Жалко, что я вас не нарисовал в эту компанию». Потом когда-нибудь я эту его листовочку, записанную тут же, рукой дрожащей онаниста и брызжущего слюной злобного завистника, перепишу в свой дневник как еще один, очередной плевок, вроде присланного когда-то мне гондона со спермой. Бог ему судья, раз он на Бога уповаает...

И вот образовался у меня такой своеобразный день. С утра решил я во что бы то ни стало в Донской монастырь попасть, помолиться, Бога попросить, чтоб дал мне сил и вдохновенья начать «Жасмин».

Сегодня день рождения Театра на Таганке, ну ведь праздник!! 34 года назад свершилось великое чудо, был открыт премьерой «Доброго» — спектаклем великим, в котором я имел честь потом долгие годы играть Водоноса, — Театр на Таганке, ставший моим домом, моей судьбой, моими открытиями и поражениями, жизнью моей. И как не отмечать этот день, несмотря на наши раздоры, временные ссоры, неурядицы, — день объединения.

26 апреля 1998

Воскресенье

Последняя пасхальная седмица — как один день. Мне в Донском яичко подарили и поздравили. Я это яичко любимой моей передам... а любимая моя — Тамара моя милая, перед которой я виноват, которую оскорбил, обидел и унизил... «на спине» которой я выскочил в «Мизантропе». Господи! Спаси и сохрани жену мою.

Когда в моей гримерной Женя Миронов, я ему оставляю какие-то добрые знаки, чтоб ему игралось и хорошо чувствовалось в гримерке и на сцене. Просто, допустим, «Женя! Привет!» Он понял, что мне тоже приятно от него ответ получить, и отвечает: «Привет, Валерий Сергеевич! Сегодня легко игралось, видимо, поэтому долбанулся головой. А в остальном... С уважением, Бумбараш-2 Е. Миронов».

Ну что, переписать мне эту гадость с бочаровского «Неравного брака»?

«От автора с уважением к Золотухину, как к земляку и Бумбарашу, и с сожалением, что Вы находитесь в этой помойке предателей (как Вы это сейчас продемонстрировали в программе „Времечко“) русского, именно русского народа. Меня чуть не вырвало от Вашего мерзкого интервью. Жаль, что я через помойку не написал Вас в этой толпе за столом. Таких, как Вы, великий Шумский называл... (не разобрал, как называл таких, как я, великий Шумский). Как человеку, торчащему у „кормушки“, разрешаю поврать эту репродукцию, иначе будет колоть Вашу подленькую совесть. Интервью „Времечко“ у Максимова. 21.03.1998. Извините, но Вы меня достали к этому шагу».

Вот такой хороший человек живет где-то рядом, в соседях у меня. Говорят, у него есть мой портрет его кисти, и хороший. Говорят, «Русь» у него спасают все «коммуняки» — «красно-коричневые». Сумасброд какой-то. Даже, в общем, и не очень обидно, потому что весьма неумно, грубо, зло и бесталанно.

Крымова:

— Это Наташа...

— Ой, добрый день. — Голос поперхнулся, сам как-то снизился и как-то глухо зазвучал.

— Что такой голос?.. Ну, я прочитала...

— Боюсь... оттого и голос...

— Не бойся. (Усмехнулась.) Книга честная, очень честная. Но почему ты делаешь его политиком, таким хитрым? Кроме работы, этот человек ничего не знал. Я даже хотела написать такую главу — репетиции «Мизантропа». Он приходил и валился с ног... Он говорил: «Я из этого человека выволакиваю... Я выворачиваю его наизнанку».

— Об этом в книге есть.

— Да, есть.

Короче, на вторник мы о встрече условились. И получается (см. выше) — положительная реакция Крымовой обеспечит мне

гарантию «Жасмина»... Я практически всю половину сегодняшнего дня ждал ее звонка. Еще бы, быть может, час она протянула, и я бы не вытерпел и сам бы позвонил.

27 апреля 1998

Понедельник

Второй день переживаю — самый ответственный, страшный экзамен я сдал, рубеж, бастион Крымовой взят, перейден. Теперь мне сам черт-Любимов даже не страшен. Кстати, я его так уж никогда особенно не боялся, я всегда чувствовал за собой высокую правоту.

Шацкая узнала о том, что невестка рожает только в четверг, 23-го. Первая реакция:

— Помогать не будем.

— А и не надо, — ответил Денис, — нам папуля помог.

— Врешь...

Говорят, что это защитная реакция, так ей легче жить, когда она уверена, что отец злодей, плохой, и только на ней одной дом держится. У Филатова одно слово появилось: «До кучи».

Но все ж пришла Нинка на внучек посмотреть, не увидит почти лето все. Уезжают они с Леонидом в Барвиху, Ярмольник устраивает — и слава Богу. Это хорошее предзнаменование — в Барвиху, значит, почечные дела удовлетворительны.

28 апреля 1998

Вторник

Любимов подписал контракт с Бугаевым. Шесть лет не подписывал он этот документ, думая и надеясь, что ему вернут театр хотя бы к 80-летию. Этого не случилось. Он выгнал Бориса и теперь сам директор и художественный руководитель. Все документы теперь за его подписью. Через два часа репетиция «Мастера» со мной и Любой. Меня будут уличать в незнании текста, в плохом примере для молодежи.

29 апреля 1998

Среда

Крымова:

— Хорошо, хорошо...

Подписал ей книгу, у нее спрашивают, где купить.

— Не стыдно предлагать покупателю?

— Не стыдно, не стыдно, — твердо и решительно сказала Наташа. Ушел я от нее победителем. Кстати, прочитала она и статью Юдит Аграчевой.

— Ну, понятно... Статья мне пригодится, — сказала она.

30 апреля 1998

Четверг

А что в театре? Долго вчера говорил я с Америкой, потом Америка говорила со мной.

1 мая 1998

Пятница

Гонорар за вчерашний концерт в воинской части я проговорил с Америкой, с Мариком из Балтимора. Разговор, насколько я понял к утру, бестолковый, у каждого из нас своя правота — правота бизнеса.

Но две вещи для меня полезно было вывести и заключить. Во-первых, он сразу исключил разговор о спектакле «В. Высоцкий» — «этому проекту я не помеха, 4 спектакля на Манхэттене...» Стало быть, выезду «Таганки» в Америку я никоим образом своими гастролями с группой Черняевых не могу помешать. А вот второе, более и самое главное: Марк решил прокатить по крупным городам Любимова с группой поддержки. Его идея проста — сделать деньги на 60-летию Высоцкого, заплатить Любимову по максимуму, а он-де со своими дрессированными зверями разберется.

Он как бизнесмен считает на пальцах одной руки. Идея — 60-летие Высоцкого с одной стороны с Золотухиным, и 60-летие Высоцкого с другой стороны тоже с Золотухиным + Любимов. Зритель, отметивший 60-летие на одном зрелище, на другое не пойдет. И в этом случае, в этом пункте Марк прав, ну так на то он и рынок. Он спрашивал осторожно об условиях, и, может быть, мне будет выгоднее поработать с Любимовым.

2 мая 1998

Суббота

По сообщениям Леша Граббе на столе у Бугаева давний проект юристов и Любимова о создании международного театрального центра под единым руководством Любимова. Смысл действий — вернуть новое помещение, для этого надо реорганизовать (читай — закрыть и оставить нужных) оба театра (слить в канаву «Содружество» — выражение Губенко). Кстати, видел я во сне почему-то Никиту Любимова, делал ему со сцены какие-то приветственные знаки, потому что много думаю о нем последнее время и рад был видеть... Никита смотрел на меня более приветливо, чем зло, но не ответил на мои посылы.

3 мая 1998

Воскресенье

Л ю б и м о в:

— Разрешение А. И. получено. Он не возражает. 80 лет, я надеюсь, вы знаете когда — 11 декабря 1998 г.

Бортник

— Мы день рождения Толстого не знаем...

— Солженицын встретил меня с чертежом «Шарашки», видно, он думал... Эта буквалистика нам не нужна.

Катерина увидела в руках у уборщицы заявление на мое имя — материальная помощь.

— Что это у тебя? — Прочитала. — Пусть поставит визу Золотухин, и отдай секретаршам.

Хор изобретен в «Шарашке». Работы много будет этому хору.

К 80-летию Солженицына поставил бы я «Прогулки с Пушкиным» А. Терца. Или Владимова. Кстати, надо прочитать роман «Генерал и его армия».

Любимов цитирует письма В. Шаламова Солженицыну: «В сегодняшней прозе и прозе ближайшего будущего важен выход за пределы и формы литературы. Не описывать новые явления жизни, а создавать новые способы описания. Проза, где нет описаний, нет характеров, нет портретов, нет развития характеров... — возможна. (Вайс в „Дознании“ — только попытка, проба. Но зерно истины там есть.) Любимов и Таганка. Все это должно быть не литературой, а читаться неотрывно».

Новую тетрадку, что купил в лабазике «Новоселам», начну на «Медее» или утром завтра.

Торгую книгами. Чтобы спрятать стыд, чтобы не чувствовать его — спасаюсь за Блока, учу цикл «Кармен». Особенно стыдно, когда за этим занятием тебя застигают коллеги, например Иван Бортник. Или Виталий Шаповалов.

Ну и закончу я этот дневник в мучительных размышлениях стратегических, этических и пр. — говорить с Агаповой об Америке или нет? Дарить ей «Эфроса» или нет?! Прости меня, Господи.

12 мая 1998

Вторник. Молитва

Письмо Юлика валяется у меня в сумке-рюкзаке и скоро затрется совсем, и решил я его переписать. Годится в «Дребезги» — это все-таки Ким, это все-таки Моцарт...

«Дорогой Сергеич, эти дни проходят под знаком Золотухина. Сам посуди: одарил ты меня книжками; включаю телик: „Единственная“; сегодня — трр — телефон: некий Саша из Израиля зовет меня песни петь и предлагает навести о нем справки — у кого? У Валер Сергеича. Вот сегодня же буду тебе звонить — наводить оные справки. А в „Единственной“ ты сработал классно — в отличие от Хейфица: дурь эту самую он не довел до кульминации, нету ее, так и получилось: дурь дурью, сел в машину и поехал работать, страхнул. А ведь там 2 человека сломались. И главная сцена — на суде, когда одни, и после суда, когда расстались — на хорошем, но недостаточном градусе. Сейчас бы ты это ого-го как сыграл, я думаю. А В.С. какой-то старый, лицо бабье, песня не по делу, должна была заворожить — пустота.

Ну и „эфросовские“ дневники теперь читаю, до „Дребезгов“ не дошло пока. Буде интересно тебе, отзыв сообщу. Отдариваюсь, чем могу. Диска № 1 из этой серии у меня уже нет, но почти все главное — тут. В „еврейской“ книжечке многих шокирует цитата сзади на обложке — однако на том стою. Счастлив, да, и когда думаю о В.С., больше всего горюю, что он не дожил до наших дней. Он-то бы понял мое счастье. Да и ты, конечно, поймешь. Хотя можешь и не разделять. Само собой, в это переживание не входят радость по поводу беспредела и бардака. Словом, ежели тебя заинтересует мое счастье, я тебе его распишу. В „Еврею Апелле“ главное — сыграть идею: Бог есть любовь. Когда он утрачивает любовь — утрачивает Бога. В конце обретает. Мне кажется, притча эта может быть очень хороша. А уж ты бы спел Апеллу на раз. Володя 2/3 музыки написал. 3 номера высокого класса.

А что касается Чонкина, то он здесь такой, что и 57-летний Золотухин его запросто может играть: в отличие от книги, здешний Ваня — вечный русский мужичок, почти символический: где ни появляется, пускает корни. А ему все не дают. Это все я не для соблазну, а ради мечты — идеи, как говорит твой Колька. Засим — кончаю, страшно перечесть. Обнимаю тебя крепчайше.

Авось, увидимся еще, а то и поработаем.

Юлик
7.1.98»

15 мая 1998

Пятница. Молитва. Театр, № 168

Я думал, будет большой скандал — Бортник не играет «Высоцкого»! Никакого скандала — он* сделал вид, что не заметил. Это восхитительно!! И все в дамках! Он не взял его в Израиль. Иван сказал, что этот спектакль он играть больше не будет.

Когда-то Эфрос мне сказал — тебе не стыдно было участвовать в этом спектакле («В. Высоцкий»). Я, помнится, даже оторопел от такой наглости. Только теперь до меня дошел смысл его слов.

Когда человек умеет многое, у критики есть выбор, соблазн похвалить одно умение в ущерб другому — «Володя, спой!» — на «Гамлете».

Из местной газеты: «Несколько романсов спела И. Линдт. Мне показалось, ее талант певицы несколько превосходит артистический. Может быть, это на фоне Мастера?»

И вот на эту-то (?)! фразу обиделась и фыркнула ДТ**? Во-первых, корреспондент оговорилась — мне показалось... Во-вторых — несколько превосходит. И уж в-третьих — может быть, это на фоне Мастера? Ну, конечно, на фоне Мастера. Неужели Вы думаете, что на моем фоне меня может кто-то превосходить?!

Я пишу это утром, в субботу, 16 мая 1998 года, в кабинете, в 9 утра.

* Юрий Любимов.

** Ирина Линдт.

20 мая 1998

Вторник. Молитва. Кофе

Краснопольский книги продал хорошо, со мной, конечно... Вообще, он в жизни моей заметное, оказывается, место занимает. «Дребезги» в твердой обложке, «Дневники» — лучшее, что издано и по качеству и тиражу... Тверь — комбинат — все эти поездки... к директору, выступления и пр. Работа от книголюбов, «Знания» и пр.

Я скажу, можно... одно... Ваша актриса читала не Северянина. Она читала, себя показывала. Только Вы, с Вашим изяществом... только Вам мы разрешаем читать нашего Северянина.

16 июня 1998

Вторник. Молитва

Мой путь... Я ехал в театр и думал... что уже многие дошлые, дотошные «миноискатели-трупоеды» обнаружили некоторое охлаждение, изменение наших с Высоцким отношений... последнего периода. И все — идиоты — приписывают это «Гамлету»: зависти или еще чему-то в этом роде...

23 июня 1998

Вторник. Молитва. Зарядка. Кабинет

Маркиз де Сад! Дай силу мне!! Дай мне понять, как сделать роль, как изобразить тебя, чтоб Москва всколыхнулась — вот и СТЭП помочь мне может, и Мартынов с Летовым. Чего же медлю я?! Надо увлечься и хотя бы почитать, что писал этот негодяй гениального зла.

25 июня 1998

Четверг. Молитва — а зарядкой пренебрег

Слушал Шаламова — Лиственицу — и завидовал, и своей судьбы — сытой, счастливой-ленивой — стыдился как бы... виноватился... — почему я не сидел, не вмерзал скелетом... битый, изувеченный — в колымскую мерзлоту... сейчас бы меня вот так слушал кто-нибудь. А я — как этот Соловей:

Придворный соловей
 Раскроет клюв пошире,
 Бросая трель с ветвей
 Крикливейшую в мире.
 Не помнит божья тварь
 Себя от изумленья,
 Долбит как пономарь
 Хваленья и моленья.
 Свистит, что было сил,
 По всей гремя державе,
 О ней и говорил
 Язвительный Державин.

Что раб и похвалить
Кого-либо не может.
Он может только льстить,
Что не одно и то же.

30 июня 1998

Вторник. Молитва

«Мой Эфрос» — это пространство жизни, зарождения и рождения одной роли — Альцеста... — не было бы «Мизантропа» — моего Эфроса не было бы, — был бы — хороший режиссер в моей жизни — но не мой... Не тот, что стал роднее всех.

22 июля 1998

Среда — мой день. Молитва. Зарядка!! Манхэттен

Первые сутки пребывания в Америке меня радуют. После двух гостевых посиделок с коньяком, вином и пением в офисе проснулся я совершенно здоровым и приступил к зарядке. Номер замечательный — все добротное, крепкое, деревянное, чистое...

Комплекс актерской неудовлетворенности страшен, обиден... Солженицын хотел, мечтал об актерской карьере, Фатьянов... Но и Шекспир, Мольер, Булгаков... Высоцкий был недоволен своей актерской судьбой. Кстати, видел во сне сегодня Швейцера. Спросил у него о Дон Гуане—Высоцком... Он вспомнил Соню*. Это она... — в том смысле, что это ее желание было видеть Владимира в Дон-Гуане, а меня в Моцарте. Каким-то ласкательным прозвищем он Софью назвал, и мы оба, склонив головы, зарыдали. А я — говно. Так ему и не позвонил... а какой замечательный повод был повидать старика... который мне подарил Моцарта. А снился он мне оттого, что вчера в доме у Нонны была некая Бетта, что говнила моего Моцарта, вспоминала и «Амадеуса»... и я рассказывал историю моего приглашения в это замечательное кино. И вот Швейцер явился ко мне во сне.

«Спектакль театра на Таганке» — телевизионная реклама. То, против чего так истово мы боролись, говорили, чтоб этого ни в коем случае не было — свершилось в самом гнусном виде. И теперь — говори, не говори — не отмоешься... И опять будет прав Любимов, а уж Катерина покажется на моих косточках... А уж причину срыва гастролей Таганки в Америку однозначно свалят на меня. Стратегию защиты, конечно, надо продумать, но можно и на хуй всех послать. Главное — хорошо отработать здесь... Привезти хорошие рецензии...

В самолете я отказался от ужина... Фуршет в офисе — клубника, виноград, печенье... Пока никто не собирается нас кормить, и это пока хорошо... Мне кажется, Марина** должна быть довольна вче-

* Соня — жена Швейцера.

** Марина — администратор в США.

рашними тусовками... Мы хорошо выглядели, я подарил остроумно-язвительному Мише «Дневники» за то, что он мне компьютерную распечатку показал, где Володя рассказывает об «Охоте на волков» и обо мне, как я ему залепил спросонья «выпимши»... Не сиди под светом, тебя застреляют, как в Лермонтове пьяный прапорщик. Паустовский мне сказал: «Смешно». А Миша прокомментировал: «Пьяный бред становится фактом истории (потому что сопряжен с именем и пр.)».

Виктор Шкловский. Когда люди слушали его, они вспоминали, что они люди.

С. Е. Лец: «Должно ли искусство быть понятным? Да — но только адресатам».

25 июля 1998

Суббота. Молитва

Это что? Бостон? Наверное, он.

18 лет назад, 25 июля. Не стало Владимира. В Москве уже другие сутки. И оттремели его песни и стихи у памятника и в музее, на кладбище и по домам. А мы зарабатываем деньги... На твоём имени и памяти твоей. Но стараемся делать это достойно.

26 августа 1998

Среда. Мой день. Молитва

На пороге театра встретил красивого шефа, бормоча ему в спину роль де Сада под Бродского.

— Ты можешь шутя сыграть всю роль под Бродского.

— Я и пытаюсь. Вы слышите... Шутя, конечно, не выйдет.

— Шутя — не выйдет.

— Это очень серьезно... все.

— Да. Это серьезно... Что твой подопечный дурака валяет... Не ходит...

— Устает...

— Пить надо было меньше...

— Да ведь это как сказать... проспиртованность...

— Да, это точно... Крепись, крепись... Валерий...

Походя восхищался полом мраморным. Новым партером. — Почему я один это замечаю?

— Раньше пили и побеждали... Что он мне, этот партер? Были бы спектакли...

— Ну, я считаю, что «Живаго» у нас хороший спектакль...

— Очень.

— Ты в нем играешь... Но — Зингерман...

— Да, он видел на ... пространстве театра Советской Армии...

— Крепись, крепись, Валерий.

24 сентября 1998

Четверг. Молитва. Зарядка!!

Надо играть Маркиза. Однозначно — в режиме «Живаго» надо прожить эти два месяца. За оставшуюся неделю сентября надо выучить хотя бы весь текст и прикинуть муз. темы. Никакого расслабления. И написать «Жасмин». К новому году. Тогда 1998 будет прожит не зря.

30 сентября 1998

Среда — мой день. Молитва. Зарядка

81 год шефу. Включайся, Валерий, в де Сада. Тогда я смогу репетировать. Твой напарник.. не годится.. он не сыграет, не надейся. Он не понимает.. И он из каких-то конфедерастов. И они подтянутся. И я вчера «включился» снова. Второй раз, и, кажется, он доволен... да и я, в общем, добился того, чего хотел и куда хотел.

7 октября 1998

Среда — мой день. Молитва. Зарядка!!!

А Господь услышал мою молитву о хорошем дне — и я сам того не ожидая, вышел на репетицию «Марата», подловил момент и пошел в монолог и заслужил от шефа комплименты. Наш старейший артист начал репетировать... показал молодым пример... знает текст... ну, иногда... и подтянулись все... — ну и так далее. И я без малого три монолога «прошил» и это важно для меня. Присутствовал Мартынов, музыку которого пока я не могу освоить, да и не осваивал всерьез, но там что-то есть и надо раздраконить, но прежде — нотки.

«Кормилец» — Володя Высоцкий — так обозначил я рисунок Елина — 68 года, теперь у меня, в рамке, под оргстеклом. Да, так сложилась моя жизнь, что во многом — Владимир помогает мне деньги добыть. В любой программе моей он весомое место занимает — и в смысле метража и в смысле качества. Уж я про книжку молчу... Дневники... и пр. Так что — Кормилец — теперь не в рулоне скрученный с 82 года — а — в рамку багетовую обрамлен и 자랑ает меня на де Сада.

23 октября 1998

Пятница

В книге Севы Ханчина, подробной и доброй, обнаружил и свой след в Музее.

«15.09.86 Дорогой Сева!

Здесь живет душа Владимира Высоцкого, здесь ей уютно и тепло, здесь ценят, помнят и любят ее. Спасибо за час общения с тем, кого обожаем, и гордимся, что жили с ним в одной время, дышали одним воздухом и даже имели честь быть знакомы с ним.

З.а. РСФСР, артист т-ра на Таганке В. Золотухин
 P.S. Для того, главного, кто напишет о нем КНИГУ! А главный —
 Время!»

29 октября 1998

Четверг. Молитва, зарядка, душ

Чего я испугался? Де Сада? Работы? Уныние — безделие порождает. А главное — в любом случае через месяц все это кончится, все эти мучения, суета и бестолковщина со знаками препинания пройдет. Надо сконцентрироваться и уж коли нельзя более ничем заниматься, так хоть музыку, пластику и текст подогнать.

Я нынче Филатова видел во сне — вылеченного, здорового и веселого, со мной обнимающегося и целующегося и в какой-то со мной кадрили — мы под руки кружимся и он счастлив, и я с ним — смеемся.

Вот такой сон.

7 ноября 1998 г

Суббота. Молитва, зарядка, душ, кофе.

Ш т е й н р а й х: «Я позавидовал вам вчера хорошей завистью. В этом молодежном клубке. Мне тоже захотелось к вам, туда наверх... Только не готовьтесь так долго... улететь на канате... А монолог очень хороший... И национальность очень угадывается, будут очень рады... те, кто придут... иностранцы... Видно... не видно, какая разница... Выходят же все на середину... Так что... нет, все в порядке».

Он успокоил меня. Он говорит, что ему было интересно. Ирка — молодец и пр.

Л ю б и м о в: «Вы не учитываете конкуренцию... Другие ритмы, другие темпы... другие нравы... Молодежь... знаковое искусство... Без разжевывания... А мы в „обозе“... давно».

Когда, с какого времени он отсчитывает, что в «обозе» мы... Демидова давно об этом говорила — но мы... Я, по утверждению Щербакова... — говорил, что «Живаго» это спектакль 21 века.

12 ноября 1998

Четверг. Молитва, зарядка, кофе, душ

Брожу я по кругу, среди старых газет в сцене Авенира-дяди... Поднимаю с полу газету и читаю в «Московском К» от 29 октября следующее:

«Лежу на коечке в коридоре, потому что больница переполнена, довольный, потому что утром кашу дают, и вдруг идет Володя Высоцкий. А мы уже знали друг друга. Он лежал у своего приятеля ниже этажом, в процедурной, и предложил перебраться к нему. Чего у него только в процедурной не было — шашлыки приноси-

ли, рыбу, конфеты, стояла пара ящиков коньяка от поклонников. Я банковал по-черному, кормил всех ребят. Высоцкий тогда еще мало снимался, популярность была больше кассетная, и его не очень узнавали на улицах. На Валеру Золотухина была потрясающая реакция, Валера был очень популярен, его узнавали за квартал, и я, когда шел с ними, видел краем глаза, как Володя ревнует. Это на него действовало.

Я слышал много телефонных разговоров, лежа с ним в одной палате, — с кем и как он говорил. И с кем он говорил уважительно, и даже чуть-чуть побаивался, так это с Валерой Золотухиным. Поэтому что Валера выдавал ему по телефону очень серьезные вещи. Он говорил, что Петрович сейчас вообще выгоняет, ты приходи в себя; он с ним говорил очень жестко, и Высоцкий его слушался: „Валерка абсолютно прав, он умница и артист замечательный“. Это я слышал и Валерию никогда об этом не говорил. После больницы Володя пригласил меня на один концерт — я заработал 10 рублей. Я его объявил, и он дал мне за это червонец.

Вот такая нечаянная радость с пола, после слова Авенира: — А почему вы именно эту газету храните, гражданин? — А я ее не храню, какая попалась. И рассказал это Олег Марусев, и ему надо позвонить.

20 ноября 1998

Пятница. Молитва, зарядка, душ, кофе

Вчера — первый прогон — шеф доволен как бы первым. Публика в недоумении, как мне кажется.

Подруга — Ленка: — Я ничего не поняла — что? Зачем? При чем тут де Сад? Поняла, что Шарлота хочет убить Марата и пр. — Вот такая хуетель-поветель.

А у меня сегодня (на сцене пишу) радость нечаянная. На распевке газетку коллеги читают, рецензия на «Марат-Сад» «И изумительный де Сад...» и пр. И шеф сразу — Создатель бессмертного образа де Сада. Как дела? — Мои дела, Ю.П., неотрывны от Ваших, неотделимы... как в «Мастере»... Помянут тебя, помянут и меня и т.д.

21 ноября 1998

Молитва, суббота, у генерала, холодно

И совершенно изумителен Сад, которого играет Золотухин. Этот мрачный, страдающий сумасшедший мудрец, дирижируя спектаклем в спектакле, держа в руках его ниточки, находится где-то в другом мире, который не доступен ни тирану-директору, ни его пациентам, ни зрителям, ни, возможно, режиссеру Любимову. Последнее мне особенно нравится, импонирует.

И вчера Каталина* посылала мне воздушные поцелуи, показыва-

* Каталина — жена Ю. Любимова, директор театра на Таганке.

ла жестами свой восторг от Линдт и мне — на большой палец, дескать, выбор твой Валера охуителен... А Каталина, как всегда, — главный оценщик, рецензент и инструмент воздействия на мнение и действия Любимова. А шеф преподнесенные ему вчера цветы мамой Бэби отдал любимой своей и моей Шарлотте Корде. Так что я не понимаю — не зря я связался, что ли? Забросить свои рукописи, романы... С августа месяца три с половиной месяца многостаночник, с утра до вечера в театре... Неужели не зря? Но я получаю удовольствие от игры, от текста, от себя и главное, от правды — своего мира, который я себе придумал и организовал в спектакле.

23 ноября 1998

Понедельник. Молитва, зарядка, душ

«Юрий Любимов подтвердил свой класс».

«Поставив свой лучший спектакль за последние 10 лет, Любимов вернул Таганку во времена ее расцвета».

«Ему вновь после нескольких полуудач удалось уловить идеальный верный тон разговора с залом...» и т.д.

Так вот — благослови, Господи, на эти два спектакля: сегодня и завтра. И не забудь про коллег моих.

24 ноября 1998

Вторник. Молитва, зарядка, душ, кофе

Шеф: «Ты работал сегодня здорово... просто молодец, учел все замечания... и мощно взял... с ней последний монолог... где-то чуть затянул... сейчас не вспомню».

Так вот — роль села на меня, как хороший, подогнанный костюм. И я вчера поставил себе проходной балл... и спектакль становится любимым... Это мое отдельное существование. На лестнице, в спектакле, на своей решетчатой, узкой мансарде — где я держу в руках ниточки спектакля, находясь в другом мире, недоступном ни... ни... ни, возможно, режиссеру Любимову. Благодарю тебя, Господи, благодарю и добрыми, вечными словами вспоминаю Бродского — от которого оттолкнулся в поэтической характерности Вергинского.

Передо мной очень хорошая фотография — Любимов и я на репетиции «Марата»... Мрачный Любимов — нацеливающий меня на де Сада. И я — как хищник, как снайпер, киллер, следящий за дублером. И выследил, и выстрелил... вчера!!

К статье в «Сегодня» Любимов не может отнестись хорошо, при всем при том... — она как бы зачеркивает все спектакли в прошедшем 10-летию — полуудачи... и опять его вывозит политическая ситуация, а он руками и ногами открещивается от политического театра... Глупо! «10 дней», «Что делать?», «Мать» — кого интересует теперь, какими соображениями он руководствовался, беря эти названия для сценического воплощения?!

7 декабря 1998

Понедельник. Молитва

Проклинал всю ночь жизнь свою, дела свои, завидовал Солженицыну, это конечно — чудо какое-то в наши времена — работает затворником в России... выдает одно за другим журналам... то, что написано в 70-80 годах, готовит новое... — 80 лет... Мы — внуки наши спросят — а как он выглядел, каким он был — что мы им можем... — что мы даже и не разговаривали с ним... И живьем-то, я его видел два раза с Можаяевым — один раз на «Пугачеве» давным-давно и второй раз на похоронах Можаяева. А как шли репетиции «Шарашки»... так я ни разу и в роман не заглянул да и читал его с трудом... Любопытно взять сейчас Толстого — нет, это не то... Я сокрушался по поводу жизни своей, что прошла в суеде и с болью вспоминал «рецензию» по телефону Л. Дроздовой на «Эфроса»... — «Я начала и бросаю... Я не люблю, когда ты выворачивашь свою жизнь... Это — дневники... и тд., противно, Валерка». Я пытался что-то ей сказать, что де книга построена по определенному плану — закону и заканчивается она — прозой... Но это ее нисколько не убедило, я сказал — Тогда не читай... — И не буду. — Ну... и пока. — Так вот, иногда меня греет, что... что-то от меня останется, что что-то мной сделано, чего не сделано моими коллегами. Так с кем себя сравниваем? — С партнерами ближайшими? Так некоторые делают свое прямое дело лучше, чем ты — кто-то играет лучше, чем ты, кто-то пишет лучше, чем ты, — и тд. Это уже из сочинения Сергея Золотухина. Но это гордыня, однако.

13 декабря 1998

Воскресенье. Молитва

Солженицын был поражен плотностью — один к 10, к 15... спектакль ему понравился, и это такая победа Шефа... да еще — Триумф... А.И. отказался от награды Президента. Но был Лужков и самое для меня поразительное... Распутин... Весь вечер вел Любимов. И банкетнице закатили... и автограф я выпросил на фотографии из журнала. Но он меня в упор не видит и не признает... Шеф меня представляет: «Живой... Кузькин...» Нет, не признает.

19 декабря 1998

Суббота. Молитва, зарядка

Кажется, я подготовился к съемке «Старой квартиры». Ночь не спал. Нашел «Новый мир» с «Живым» № 7 за 1966 г. И вспомнил эпизод с купанием-заплывом в реке Куре Высоцкого и Епифанцева 6 июля 1966 г. Странно, почему этот эпизод пропущен Олей Ширяевой... когда она делала «Выбранные места»... Надо посмотреть в машинописном варианте.

24 декабря 1998

Четверг. Молитва

Великое счастье, что у меня есть театр. Злорадная мысль клюкотала во мне, когда я смотрел и слушал братьев Бурляевых.

Коля Бурляев: «Я критиковал эту картину*... выбор актеров... Я мечтаю, хочу и сделаю фильм о Пушкине... какой он был и есть... православном, которому единственному царь разрешал доступ к секретнейшим архивам... Пушкин ведал, знал секрет России... Гоголь — Пушкин — русский, каким он будет через 200 лет. — А я сидел и думал — Коля. Не приведи Господь, если ты сделаешь Пушкина такого же, как «Лермонтова». Зачем тебе этим заниматься? Ведь ты — артист, Богом отменный: на кой хрен тебе режиссура?!»

День сегодня опять в машине — Любимов собирает всех на «Доброго».

29 декабря 1998

Вторник. Молитва — время 14:10

Горит свеча. Сейчас я начну играть свой последний спектакль в этом году. Господи. Спаси и сохрани. Я в форме и выгляжу хорошо. Спектакль — «Марат», для меня дорогой и счастливый. В нем зажглась звезда Линдт. Да и моя работа мне доставляет радость. Дай, Господи, нам всем сегодня легкости и скорости, и пусть год уходит с хорошим...

* «Маленькие трагедии» Швейцера.

Таганский дневник Валерия Золотухина

Кто-то из великих бросил: «У слабых духом есть порочность — вести дневник», и «слабый» духом Валерий Золотухин смело впечатал эту мысль в самое первое (1992 года) карманного формата издание своих потаенных тетрадей. Не согласен, что дневник ведут слабые духом. Совсем наоборот — сильные, рискованные, решительные, страждущие. Тем, которым мало «реальной» жизни, им подавай еще жизнь, прописанную на бумаге. Выходит, в отличие от нас, и впрямь слабых духом, не ведущих дневника, ведущие его — переЖИВают дважды.

А потом когда (или если) таинство полуночных записей издается и весь грамотный мир может прочесть то, что ты писал только для себя одного, а «чернокнижник» переживает свою же жизнь уже в третий раз, то самое страшное именно в этом третьем разе. Вот где нужна сила духа и мужество глядеть в глаза людям. Ведь ты такого в тетрасточке понаписал, что волосы дыбом встают и кровь стынет в жилах. Ведь снять одежду и остаться не только в исподнем, но и без оного, и не только перед одним человеком, мужчиной или женщиной, а перед всеми знающими тебя людьми, перед родными твоими, перед всем человечеством — на это способны лишь единицы. Ну, десятки, ну пусть сотни во всем белом свете. Не более того. Так кто же все же эти записыватели в дневнике, слабые или сильные? Сильные, конечно же, сильные. А тот, кто еще и решается при жизни своей напечатать тайные записи — плод горьких размышлений о суете жизни и любви, бессмертии и ненависти, тот дважды герой. Прямо-таки Геракл мифический. Титан духа.
26.08.1967.

Ночевал Высоцкий, жаловался на судьбу: — Куда деньги идут? Почему я должен вкалывать на дядю? Детей не вижу. Они меня не любят. Полчаса в неделю я на них смотрю, одного в угол поставлю, другого по затылку двину... орут...

26.03.1968

Высоцкий в Одессе: — Шеф: — Это верх наглости... ему все позволено, он же Галилея стал играть через губу. С ним невозможно стало разговаривать... То он в Куйбышеве, то в Магадане, Шаляпин, тенор...

25.11.1968.

Шеф говорит: — Зажрался. Денег у него — куры не клюют... Самые знаменитые люди за честь почитают его в дом к себе позвать, пленку его иметь, популярность себе заработал самую попу-

лярную, и все ему плохо... С коллективом не считается, коллектив от его шуточек лихорадит...

31.03.1969.

Высоцкий уволен по ст.47 «г» и никто не говорит о нем больше. Никому его не жаль. Ни одного слова в его пользу. Где он, что, как — никого не интересует.

И это все о самом популярном человеке в стране, о народном витии, о полубоге. Мы-то, рвавшие жилы, чтобы послушать Высоцкого, разве знали обо всем этом. А Золотухин знал, ибо был возле него.

Актер театра на Таганке Валерий Золотухин вроде бы не Геракл: нога — калека, местами шупловатый, хотя почитать (и вспомнить о нем легенды и сплетни) — может и впрямь он из разряда неординарных особей, ибо секс ему, как и когда-то Джону Кеннеди, нужен каждый день. Это при жене-то, при шестидесяти своих годах. Ибо часть дневника посвящена эпизодам и мыслям о плотской любви. О любви к красивым женщинам, возможностях мужской потенции, о юных своих возлюбленных... Нет, не врет Валерий Сергеевич на бумаге, не врет. Не врет он в любовной части, а именно по ней-то мужик и проверяется. Это как по рыбалке рыболов — щуку во! выгасил, но никто ведь не видел, а где она, щука-то эта? А щука Золотухина дельфиночка, касатка голубоглазая, она рядом с ним и на сцене и в жизни, и на праздниках его, и в тяжелые часы актерской-таганской-высоцкой судьбинushки.

Так что же все же случилось? О чем сыр-бор? Да ничего вроде бы, но все же. Помните остроумную присказку брежневской поры, когда все мы старались быть оптимистами, потому что много в стране было и нефти и колбасы по 2.20: «да здравствует Все, благодаря чему мы, несмотря ни на что...» Вот и по Золотухину — да здравствует все! Почему же? Да потому что несмотря ни на что — на годы, потери, ураганы, болезни, разлуки, «смертя» он как завелся раз, как запустил машину памяти и освидетельствования, как сделал первую запись, так и ведет ее уже почти сорок лет. А поскольку он пишет не только о любви и женщинах, но и о матери своей Матрене Федосеевне, и о Родине своей большой Московской и малой Быстроистокской под общим названием Советский Союз — Россия и о великом актерском братстве таганцев, то, на мой взгляд, в дневниках Золотухина почти вся история одного из самых ярчайших наших театров. Вся его слава и победы и вся его драматическая история под названием раскол, а может предательство, как хочешь назови, все отражено в откровенных конкретных и страшных прописях.

Скажу, что выпущенная недавно книга воспоминаний Юрия Петровича Любимова под игривым названием «Записки старого сплетника», толстенный фолиант, не произвела на меня впечатления. Многие, конечно, многое сфор-му-ли-ро-вано, многому не верю. Книгу эту Любимову надо было писать ровно 30 лет назад, когда все горело под ногами у бодавшихся с властями главрежей и актеров. Когда играл еще живой Высоцкий и вся Москва брала штурмом еще тогда «одновходовыходовое» здание на Таганке у кольцевого метро. Тогда надо было писать, Юрий Петрович, тогда. А нынче что же! Столько всякого понаписано про Таганку вашу,

что на свежее, неожиданное и не надеешься. А вот записи Золотухина — это и свежее, и кровное, и кровавое, потому что писалось, фиксировалось тогда же, в огне и пожаре, сразу, мгновенно. Да и некогда было придумывать. Не было времени на ложь, на то, чтобы себя показать беленьким и чистеньким.

Составитель Валерий Краснопольский мне рассказал: «Я считаю, что эти дневники сформировали Золотухина как личность. Потому что каждый день он так или иначе задумывался о себе. Он беспощаден по отношению к себе, беспощаден ко всем. Сегодня он кого-то ненавидит, скажем, Веню Смехова, а завтра в другом настроении, пишет о своей любви к нему. Да, записи как бы субъективные, но в них — объективность оценки, ибо когда читаешь дневник, складываешь плюсы и минусы, и они дают результат, впечатление. Нынешний Золотухин — это плод его же собственных дневников. Таков мой, кажущийся парадоксальным, вывод».

Когда я спросил Валерия Сергеевича о том, что больно, наверное, и обидно всякий раз проходить мимо этого настила, где стоял гроб с Высоцким, и что одна только память о том гробе должна объединять, то он ответил:

— Да вы говорите, как романтик, идеалист. О вещах вечных. А в театре за стенкой до сих пор считают, что Высоцкий был бы на их стороне. Человек ведь такая сволочь, что всегда найдет оправдание. Вот и наш театр гибнет, гибнет. Мы его все подкрашиваем, подмалевываем, реанимируем, а время его ушло, зал полупустой. «В телеге прошлого далеко не уедешь».

— А что бы сказал Высоцкий о своем друге Золотухине, прочитай он напечатанное вами о нем?

— Давайте не гадать. Дело не в том, кто и что сказал о Высоцком, а в том, что он сказал сам своим творчеством и что предсказал в «Памятнике». Я уверен, что никакая правда о нем или ложь не испортит его стихов, не погубит память о нем. Все же остальное не имеет к нему никакого отношения. Оно имеет лишь отношение к нашим душам, к нашей ответственности.

— Вот и Марина Влади решила больше не приезжать в Россию. Опостылело ей, видно, здесь.

— Что же, это ее право. Она обижена, оскорблена. Она хочет оставить ту память, которая в ней осталась. Ей многое не нравится из того, что случилось с памятью Высоцкого после его смерти. В своей книге «о прерванном полете» она сказала все, что хотела. Главное, что они любили друг друга и были счастливы.

А что такое вообще дневник, как форма повествования? Он считается внелитературным жанром, близким к автобиографии и отчасти к мемуарам, и его отличает предельная искренность, откровенность высказывания. А это, в свою очередь, означает фиксацию только что случившегося и перечувствованного. Дневник неретроспективен, он пишется для себя и не рассчитан на публичное восприятие, что сообщает ему особую подлинность и достоверность. Порой дневники, словно вспышки молнии среди темной ночи, освещают духовные метания целых поколений и становятся едва ли не классикой на века. Убийственная «Исповедь» Руссо и сегодня

читается взаимно особо интеллектуальными молодыми людьми, «Сентиментальные путешествия» Стерна и «Письма русского путешественника» Карамзина из этого же ряда — в них картина мира и отдельного человека глазами цепкого и талантливой очевидца. «Дневник писателя» Достоевского, автобиографические записи Блока или, скажем, Василия Розанова — до сих пор являют собой незаменимые документы своего времени, а многие записи Достоевского и сегодня воспринимаются как беспощадные и несправедливые по отношению к целой нации. Я имею в виду антисемитские пассажи, рассыпанные по страницам дневника великого писателя.

Иногда кажется, что Валерий Золотухин, это, правда, касается записи последних десяти лет, как бы отстраненно, но с умыслом любуется самим действием изложения на бумагу každодневных мыслей. Он как бы или вроде бы предполагает, что это высказанное сокровенное непременно будет обнародовано-напечатано. Золотухин — человек крестьянской закваски, с хитрецой и прищуром глаз, которые даются с самым начальным деревенским замесом. Его простакон не назовешь. Он и правду-матку врежет в глаза, и прочтут, когда надо, и стенку прошибет, двигаясь к своей цели.

Вообще, если честно, неудобно при случае стать героем чьих-то мемуаров. Что называется, при жизни и читать про себя, хорошего или плохого, при жизни самого мемуариста. Это жуткое состояние знаю по себе, ибо и сам несколько раз оказывался в таком двойственном положении. Чтобы не быть голословным, назову лишь мемуарную книгу Мариэтты Шагинян «Человек и время», книгу Андрея Вознесенского в вагриусовской серии «Мой двадцатый век» и особенно толстенный фолиант под названием «Долгое будущее» несколько лет назад скончавшейся знаменитой переводчицы и певицы Татьяны Ивановны Лещенко-Сухомлиной, в котором моему скромному имени посвящено чуть ли не полтома. Причем самое жуткое (но разве мог я знать, что моя спутница по парижскому жилью-бытью, с которой я жил в одной гостинице, вела дневник) то, что Татьяна Ивановна записывала каждый мой шаг и далеко не всегда награждала меня лестными характеристиками. Несмотря на возраст летописицы, не дотянув до векового юбилея несколько лет, она дождалась издательского подарка, а я до сих пор испытываю всю гамму противоречивых чувств по отношению к человеку, перед которым преклонялся.

Приношу извинения за личное лирическое отступление, но полагаю, что в данном контексте оно кстати. Но мои переживания по части разоблачительных пассажей в мемуарах моей современницы меркнут по сравнению с теми убийственными характеристиками, которые дает Валерий Золотухин близким своим людям, друзьям, коллегам, женам, любовницам. Особенно это касается Владимира Высоцкого, Леонида Филатова, Юрия Любимова, Вениамина Смехова, бывшей любимой жены Нины Шацкой...

Одним словом, по-моему, Золотухин попал в десятку, его дневники не только не скучны и не мелки, в них и впрямь целая эпоха нашего лицедейства, конкретности взаимоотношения культуры и государства, талантливых режиссеров и убогих чи-

новников, бездарных ремесленников от искусства и гениев. Конечно же, ему повезло, когда прямо из своего алтайского захолустья, из колхозного житья-бытья он влился в коллектив самого яркого театра страны и сблизился с актерами, которые в ту пору являли собой центр духовного притяжения для миллионов людей. Вот почему отныне жизнь и судьба Высоцкого, творческие метания Любимова, да и вся история театральной жизни Москвы будут неполными без знакомства с уникальными дневниками прославленного актера.

Выпытывая Валерия Сергеевича о том, как же все-таки он решился на рискованный словесный прорыв, как хватило духу в течение почти сорока лет быть распахнутым перед будущим читателем, он разразился горячим монологом, который при следующем переиздании можно включить в обозреваемую мной книгу:

— Я это все читать не могу, не могу я читать это. Если бы я целиком рукопись увидел, то не решился бы ее печатать, по крайней мере сидел бы дома и выправлял бы, редактировал, убирал бы «похабные» места, а на х... мне эта работа нужна. «Вам нравится?! Вот и печатайте». Конечно я понимал, «на что поднимаю руку», но в этом и есть... храбрость что ли, когда не знаешь, что тебя ждет впереди... Но вот любопытно, через двадцать лет будет ли эта книга кому-нибудь интересной?

...А ведь я ничего не могу изменить, ну хотя бы в моих отношениях с Ириной. Знали бы вы, как еще раз перевернулась моя жизнь, когда 16 января 2000 года моя Ирина упала с трехметровой конструкции прямо на деревянный помост. Как полгода нянчил я ее по всем операциям, по всем больницам. Как отвез я ее в Склифосовского со слезами на глазах и молил Бога, чтобы цел остался позвоночник. Я так боялся, что редкий ее организм и индивидуальность телесной конструкции, а она гибкая, как кошка, не сможет более играть на трубе вниз головой, делать шпагаты, выписывать кульбиты, играть на скрипке, и даже петь, а ведь у нее абсолютный слух. Когда профессор сказал мне приговорно «операция», я чуть не сошел с ума, а он добавил: «Операция! Если она хочет нянчить детей, если она хочет на турнике кружить солнце». Она в гипсе пролежала полтора месяца. Потом долгая реабилитация. А во Франции с Авиньоном Любимов подписал важный контракт и ждал восстановления Ирины. Торопил, сам не зная, кого. Ибо театральная машина не останавливается и ни на что не обращает внимание. И Ирина победила, она ночи не спала в Авиньоне, так болело плечо и спина. Оказалось, что врачи не доглядели компрессионный перелом позвонка, почти не показываемый рентгеном. И в спектакле она была на высоте, никто ничего не заметил.

...Мне видится, что Ирину просто сглазили. В ее падении было что-то мистическое. Я все время молился, я просил Бога спасти ее, а получается, я просил Его простить мне мой грех.

...Алла Демидова, о которой Золотухин пишет с пиететом, не в восторге от дневников: «Он пропил свой талант, — считает она, — у него это идет рефреном через всю книгу. Когда-то он был очень талантливым и очень тонким человеком. Да, при нем осталось

имя, способности, опыт, которые все закрывают, но рожден он был на большее. Ведь как актер он тоньше и интереснее Высоцкого. Высоцкий все бросил в костер. И наркотики, о которых мы никогда не говорили, и о которых все сейчас пишут. И я одна из немногих понимала, что они ему нужны, чтобы удержаться на высоте. На пределе связок. В золотухинских записях, конечно же, об этом сказано, но далеко не все.

15.06.1966.

Выпустили «Галилея». Высоцкий играл превосходно, просто блеск, но сегодня играл Калягин. В первый раз, как будто в сотый. — Успех такой же. Неужели каждый может быть так легко заменен? Страшно. Кому тогда это все нужно?

26.01.1968.

Вчера Высоцкому исполнилось тридцать лет. Удивительный мужик, влюблен в него, как баба. С полным комплексом самых противоречивых качеств. На каждом перекрестке говорю о нем...

14.12.1968.

Вчера на репетиции шеф: — Есть принципиальная разница между Губенко и Высоцким. Губенко — гангстер. Высоцкий — несчастный человек... любящий театр.

4.10.1969

...Полковник Кравцов встречался с высоким лицом из КГБ Бобковым, тот обещал оторвать башку Баскакову и Романову, если те утвердят Высоцкого... и «дело не в его песнях, а в его поведении»... Кумир нарушил правила игры? Любовь и роман с Мариной Влади обернулись ему ненавистью толпы. Толпа не может простить ему измену с западной звездой.

19.01.1997 (воскресенье)

Интервью в «Спид-инфо» с Дарьей Асламовой приведет к скандалу, катастрофе. Ну, туда нам всем и дорога! «Не лжет только фантазия» (Франсуа Мориак).

20.09.1997 (суббота)

50 лет Тамаре Владимировне Золотухиной! Господи, спаси и сохрани ее и детей ее. Помилуй ее, и дай ей до шестидесятилетия дожить, а там и дальше. Храни семью нашу, Господи. Сейчас я пойду за цветами жене моей единственной и неповторимой по своей глубине совести и ума, и к тому же женственности. А то, что болезни искорежили ее, так что же теперь делать? Другого бы ей мужа...

16.01.1998 (пятница, Мариуполь)

Вчера за вечерей вспоминали с шефом Целиковскую:

— Сколько ты прожил с Шацкой?

— 15 лет.

— Да, тоже срок. А я двадцать. Терпеливые мы с тобой люди, — сказал шеф, усмехаясь.

* * *

— Ты мне скажи, женишься ты на мне или нет?

— Думаю, что не женюсь.

Слово сказано, и теперь будь, что будет, но знать она должна.

Сейчас опять разыграется трагедия, слезы, истерика. В последнюю встречу она прижала меня к себе и выдохнула: «Единственный мой, любимый, неповторимый»...

...Если я пойду с кем-то под венец, то только с ней, с Тамарой.

Хочется читать и читать, и узнавать у автора воспоминаний все, что творилось вокруг него в огромном пространстве времени. Да, подробности убивают, и для тех, кто не понимает слова, скажу, именно они держат литературу. Не красоты стиля, вычурное воплощение замысла, а именно дотошность, микроскопичность всего, что творит Человек и Время. Чем в свое время поразила и Мопассана, и Франса, и Золя, и целое поколение интеллигентных людей гениальная художница Мария Башкирцева в своих, вышедших уже после ее смерти дневниках: подробностями ощущения трагедии бытия, мятежностью души и сердца, деталями быта, ярким словесным всполохом, в котором горела и Россия ее родная и приютившая ее Франция...

Литература ли дневники Валерия Золотухина? Когда я их читал, то я не думал об этом. Меня не коробил ни стиль письма, ни глубина или (мелкота) мысли, ни отражение душевных переходов из одного состояния в другое. Я просто не мог остановиться, ибо текст захватывал. Золотухинская жизнь и судьба, запечатленное на бумаге время, легкость и сочность рассказа, особенные краски и звучность словесных конструкций, как писал в своем отзыве на одну из книг актера Валентин Распутин, — это и литература. Недаром актер стал членом Союза писателей России и выпустил около десятка книг прозы. И мне безразлично, на какую полку поставит читатель это издание — на полку художественных книг, беллетристики, или она будет лежать у него на столе на самом видном месте, как необходимость постоянного притяжения для каждого дня. По-моему, важнее второе.

В судьбе Валерия Золотухина и его дневников был страшный роковой момент: в квартиру актера залезли случайные воры. А может, и не случайные. Чего-то успели вынести, да их спугнули. Тетрадки, лежавшие в шкафу, не тронули — макулатуру нынче вроде бы не принимают. И этим спасли Золотухина, и жизнь его, и слезы, и любовь. Ибо каким и кем был бы он без дневников-то своих, актером всего лишь, лицедеем из любимовского гнезда. А тут — эпохописатель, очевидец и участник таганской драмы, смелый фиксатор былого и дум. Еще не известно, в какие скрижали занесут потомки имя народного артиста Валерия Золотухина, наверняка ведь появятся и новые гениальные театры, и новые удивительные пьесы, и новые неповторимые режиссеры, солюющиеся со спешащим в бездну 21-м веком. А вот эксклюзивных дневников Валерия Золотухина уже не будет никогда, ни при какой погоде. Откроет эту книгу любой зрячий и любопытный — и целая четверть, а может, и половина самого страшного века на земле предстанет перед ним. Читай, переживай, сочувствуй и плачь.

Содержание

В границах нежности	3
Божий дар и яичница	7
1987	39
1988	53
Часть 4. Возвращение «Живого»	
1989	119
Часть 5. Мой Любимов	
1991—1998	161
Таганский дневник Валерия Золотухина. <i>Ф. Медведев</i>	440

Жизнь и судьба Высоцкого,
творческие метания Любимова,
да и вся история театральной жизни Москвы
будут неполными без знакомства с уникальными
дневниками прославленного актера.

Золотухинская жизнь и судьба,
запечатленное на бумаге время,
легкость и сочность рассказа,
особенные краски и звучность словесных конструкций,
как писал в своем отзыве на одну из книг актера
Валентин Распутин, — это и литература.
Недаром актер стал членом Союза писателей России
и выпустил около десятка книг прозы.

Феликс Медведев

ISBN 5-224-03283-0

9 785224 032839 >

АВАНТИТУЛ

ОЛМА-ПРЕСС